ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

ПЯТЬ
ВЕЛИКИХ
РОМАНОВ

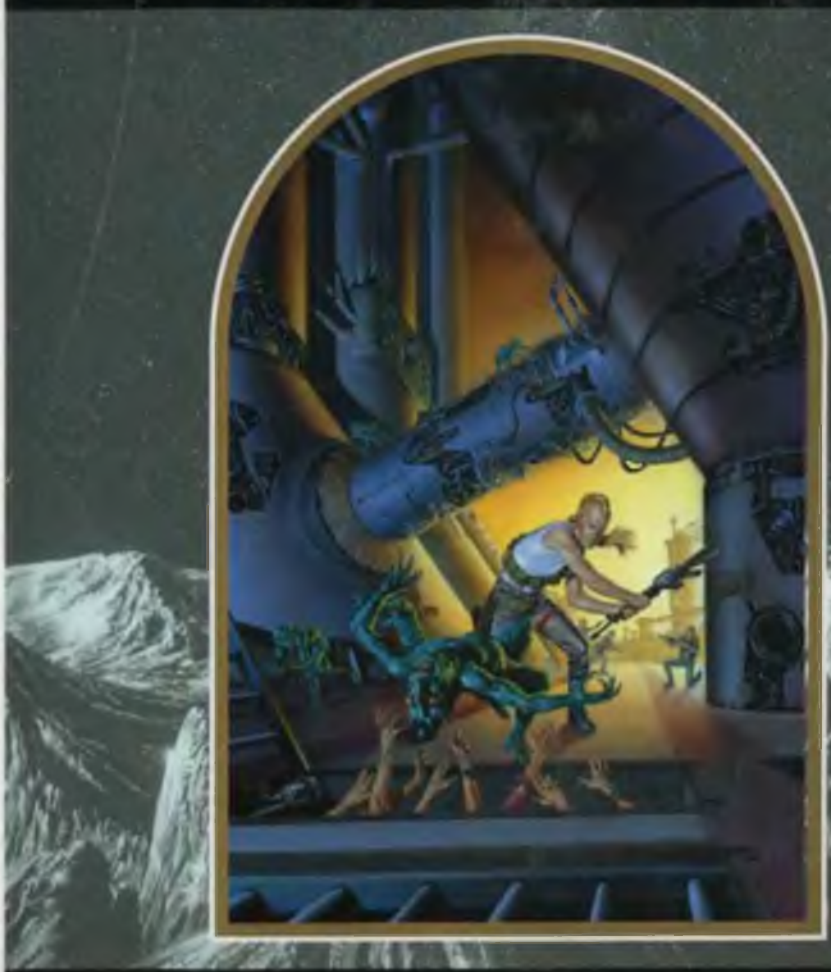
Альфред
ВАН ВОГТ

Оружейные лавки империи Ишер

ВСЕЛЕННАЯ
ЖДЕТ
ТЕБЯ

ЭКСМО

Альфред
ВАН ВОГТ



Оружейные лавки империи Ишер

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Альфред

ВАН ВОГТ

Оружейные лавки империи Ишер

Альфред
ВАН
ВОГТ

Оружейные лавки империи Ишер

Оружейники империи Ишер

Война против руллов

Звездные деяния

Слан

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

Альфред

ВАН ВОГТ

Оружейные лавки империи Ишер

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
В 17

A.E. van VOGT

THE WEAPON SHOPS OF ISHER

© 1951 by A.E. van Vogt

THE WEAPON MAKERS

© 1943 by Street & Smith Publications, Inc.;
© 1947 by A.E. van Vogt;
© 1952 by Street & Smith Publications, Inc.

THE WAR AGAINST THE RULL

© 1959 by A.E. van Vogt

MISSION TO THE STARS

© 1955 by A.E. van Vogt

SLAN

© 1940, 1945, 1951 by A.E. van Vogt

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Ван Вогт А.

В 17 Оружейные лавки империи Ишер: Фантастические романы / Альфред Ван Вогт; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2006. — 800 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-17972-0

Сборник лучших романов классика Золотого века американской фантастики Альфреда Ван Вогта удовлетворит вкус любого взыскательного читателя. Писатель, отменяющий в своих книгах принципы привычной нам логики, добивается поразительного эффекта: вроде бы традиционный сюжет с привычными для фантастики зловредными инопланетными тварями и земными героями-победителями словно по волшебству превращается в безумную феерию, где, как в многоцветном калейдоскопе, мелькают странные непредсказуемые фигуры и ведут странную непредсказуемую игру, результат которой порою прямо противоположен ожидаемому.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. А. Григорьев, Д. Громов, А. Дмитриев, Б. Жужунава, Е. Константинова, К. Кузнецов, О. Ладыженский, С. Ладыженский, К. Плешков, 2006

ISBN 5-699-17972-0

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Оружейные лавки империи Ишер

Пролог

1

МАГ ГИПНОТИЗИРОВАЛ ТОЛПУ?

11 июня 1951 года. Полиция и журналисты Миддл-Сити полагают, что вскоре их город будет объявлен очередным пунктом турне выдающегося мага. Они готовы оказать гостю теплый прием, если он снизойдет до того, чтобы объяснить, каким именно образом ему удалось одурачить сотни людей, заставив их поверить, что они видят перед собой странное здание — судя по всему, нечто вроде оружейного магазина.

Здание якобы появилось на том месте, где всегда располагались и располагаются сейчас бар «Обед у тетушки Салли» и портновское ателье Паттерсона. Внутри упомянутых заведений находились лишь их служащие, и никто из них не заметил ничего подозрительного или необычного. Фасад оружейного магазина, столь чудесным образом возникшего из ниоткуда, украшала большая, ярко светящаяся вывеска, которая сама по себе являлась первым доказательством того, что произошедшее — не более чем мастерская иллюзия. Под каким бы углом вы на нее ни смотрели, вы все время видели прямо перед собой слова:

ОРУЖИЕ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА.
ПРАВО ПРИОБРЕТАТЬ ОРУЖИЕ —
ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

Витрина в окне здания была уставлена разнообразным оружием довольно странной формы, как длинноствольным, так и коротконствольным, а вверху светилась надпись:

САМОЕ СОВЕРШЕННОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ
ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

© Перевод К. Плешкова.

Инспектор Клейтон из следственного отдела попытался войти в магазин, но дверь не поддалась. Несколько мгновений спустя К. Дж. (Крис) Макалистер, репортер «Бюллетень-газеты», без особого труда открыл дверь и вошел внутрь.

Инспектор Клейтон последовал за ним, но вновь наткнулся на непреодолимую преграду. Судя по показаниям нескольких свидетелей, Макалистер прошел через все здание и вышел позади него, после чего странное сооружение исчезло столь же внезапно, как и появилось.

По утверждению полицейских, они потрясены способностью мага создать столь совершенную иллюзию, продержавшуюся столь долгое время на глазах у столь большой толпы. Они готовы рекомендовать зрителям его будущее шоу без каких-либо оговорок.

(*Примечание автора.* В заметке не упоминается о том, что раздосадованные полицейские пытались связаться с Макалистером, чтобы допросить, и нигде не смогли его найти. Прошло несколько недель, но репортера и след простыл.

Что же произошло с Макалистером после того, как он обнаружил, что дверь оружейного магазина не заперта?)

Что-то странное было в этой двери. Она не то чтобы поддалась от первого же его прикосновения — она просто отошла в сторону, словно ничего не весила. Макалистеру показалось, будто дверная ручка сама скользнула в его ладонь.

Он изумленно замер на месте, вспомнив, что еще минуту назад инспектор Клейтон обнаружил дверь запертой. В то же мгновение за спиной послышался голос инспектора, словно прочитавшего его мысли:

— Отлично, Макалистер. Дальше я как-нибудь сам.

За дверью царила кромешная темнота, к которой никак не могли привыкнуть глаза. Повинуясь репортерскому инстинкту, Макалистер шагнул навстречу тьме, начинавшейся сразу за прямоугольником дверного проема, и краем глаза заметил, что рука инспектора Клейтона тянется к ручке двери, которую он сам отпустил лишь мгновение назад. Внезапно он понял, что ни одному репортеру не удастся проникнуть в здание, если инспектор сумеет этому помешать. Не отводя взгляда от полицейского, Макалистер собрался было сделать еще шаг в сторону темноты за дверью, и вдруг произошло нечто неожиданное.

Дверная ручка не позволяла инспектору Клейтону до нее дотронуться, странным образом ускользая от него и приобретая нечеткие, словно размытые, очертания. Что же касается самой двери, то Макалистер вдруг почувствовал, как она легко, почти невесомо коснулась его пяток — хотя никакого движения не было заметно,— и, прежде чем он успел сообразить, что происходит, его по инерции втолкнуло внутрь, в темноту. По его нервам словно пробежал электрический разряд, а затем дверь захлопнулась за спиной, и все неприятные ощущения исчезли столь же быстро, как и появились. Впереди был ярко освещенный магазин, позади — нечто невероятное.

Макалистер ошеломленно стоял в неудобной позе, с трудом воспринимая окружающее и ощущая странную пустоту в голове, пока наконец не осознал, что именно находится за прозрачной панелью двери, через которую он только что прошел.

От темноты не осталось и следа. От инспектора Клейтона тоже. Исчезла толпа зевак и ряд неопрятных забегаловок вдоль улицы. Даже улица изменилась. Улицы вообще не было — вместо нее вокруг простирался уютный парк. Дальше, на фоне полуденного солнца, вдоль горизонта тянулись очертания большого города.

— Желаете пистолет? — нарушил тишину за его спиной мелодичный женский голос.

Макалистер машинально повернулся на голос, и образ города почти сразу же исчез, словно происходящее — всего лишь сон. Взгляд репортера сосредоточился на молодой женщине, которая медленно приближалась к нему со стороны задней части магазина. Он понимал, что нужно что-то сказать, но едва не лишился дара речи при виде стройной, изящной девушки, мило ему улыбавшейся. Карие глаза гармонировали с волнистыми каштановыми волосами. Простое платье и сандалии казались на первый взгляд настолько обычными, что он не стал придавать им особого значения и с трудом выговорил:

— Одного не могу понять — почему тому полицейскому не удалось сюда войти. И куда он делся?

К его удивлению, девушка посмотрела на него с легким сожалением.

— Мы знаем, что многим наша древняя вражда кажется глупой и бессмысленной.— В голосе ее зазвучали решительные нотки.— Мы даже знаем, что пропаганда постоянно подчеркивает бессмысленность нашей позиции. И тем не менее мы никогда не пустим сюда никого из *ее* людей — ибо крайне серьезно относимся к собственным принципам.

Она замолчала, ожидая от него какой-то реакции. По ее все более озадаченному виду Макалистер понял, что на лице у него сейчас та же тупость, что и в мыслях.

«Ее людей!»

Девушка говорила так, словно имела в виду некую конкретную личность, причем непосредственно отвечала на его упоминание о полицейском. А это означало, что *ее* люди, кем бы *она* ни была,— полицейские и их в эту оружейную лавку не пускают. Потому дверь и вела себя враждебно по отношению к ним, не давая войти внутрь. Макалистер вдруг ощутил, что у него в желудке начала образовываться такая же пустота, как и в голове,— ощущение падения в неизмеримую бездну, первые признаки осознания того, что все идет совсем не так, как следовало бы. Девушка продолжала уже резче:

— Вижу, вы понятия не имеете о том, что в наш век разрушительной энергии уже много поколений существует гильдия оружейников — единственная защита рядового человека от порабощения. Право приобретать оружие...— Она сделала паузу, сузив глаза и изучая его взглядом, затем продолжила: — Если подумать, в вас есть нечто весьма странное. Ваша чужеземная одежда... вы ведь не с северных равнин, верно?

Макалистер молча покачал головой, с каждой секундой испытывая все большее беспокойство из-за того, как реагировал на происходящее его организм. Но он ничего не мог поделать. Напряжение внутри нарастало и становилось невыносимым, словно кто-то накручивал до предела некую жизненно важную пружину.

Девушка снова заговорила, на этот раз быстрее:

— И если подумать, меня еще более удивляет, что полицейский попытался открыть дверь — и не сработала сигнализация.

Рука девушки шевельнулась, и в ней блеснул металл — ярко, словно сталь на ослепительном свете солнца. В голосе ее не слышалось ни малейшей снисходительности:

— Стойте где стоите, сэр, пока я не позову отца. В нашем деле, учитывая его ответственность, никогда нельзя рисковать. Что-то тут не так.

Как ни странно, именно в это мгновение в голове у Макалистера прояснилось, и одновременно с девушкой у него возникла та же мысль. Каким образом этот оружейный магазин появился на улице в 1951 году? Как он сам оказался в этом фантастическом мире? Что-то и в самом деле было не так.

Внимание его привлекло оружие в руке девушки — маленькое, в форме револьвера, но из его слегка утолщенной казенной части выступали полукругом вверх три кубика. При взгляде на это Макалистеру стало не по себе — смертоносное устройство, блестевшее в смуглых пальцах, было столь же реальным, как и сама его хозяйка.

— Господи,— прошептал он.— Что это за дьявольская штуковина? Уберите ее, и давайте попробуем выяснить, в чем, собственно, дело.

Казалось, девушка его не слышала. Заметив, что она то и дело бросает взгляды куда-то влево, он посмотрел туда же и увидел вспыхнувшие на стене семь миниатюрных белых лампочек. Странные огоньки! Его захватила игра света и тени, которые переходили с одного крошечного шарика на другой, и шарики становились на невообразимо малую долю то ярче, то темнее, словно реагировали на показания некоего сверхчувствительного барометра. Внезапно огоньки замерли. Репортер снова перевел взгляд на девушку — она, к его удивлению, убрала пистолет. Похоже, она заметила выражение его лица.

— Все в порядке,— холодно произнесла девушка.— Вы под контролем автоматики. Если мы ошибаемся насчет вас — будем рады извиниться. А пока, если вас все еще интересует наше оружие — с удовольствием вам его продемонстрирую.

Значит, теперь он под контролем автоматики, подумал Макалистер, и от этого ему отнюдь не стало легче. Что бы из себя ни представляла эта автоматика, радоваться было нечему. Уже то, что девушка убрала пистолет, несмотря на все свои подозрения, немало говорило об эффективности новых «сторожевых псов». В любом случае нужно как-то отсюда выбираться. Тем временем девушка явно полагала, что человек, пришедший в оружейную лавку, в обычных обстоятельствах пожелает

купить оружие. Макалистер вдруг понял, что больше всего ему сейчас хочется увидеть один из этих странных пистолетов, сама форма которых подразумевала весьма много интересного.

— Да, конечно, покажите,— сказал он вслух. Неожиданно у него промелькнула некая мысль, и он добавил: — Не сомневаюсь, что ваш отец где-то рядом и внимательно за мной наблюдает.

Девушка не двинулась с места. Вместо того чтобы принести оружие, она лишь озадаченно уставилась на него.

— Может быть, вы этого и не понимаете,— медленно проговорила она,— но вы уже поставили с ног на голову всю нашу фирму. Огоньки автоматики должны были загореться ровным светом, как только отец нажал на кнопки, когда я сообщила ему о вас. Но этого не произошло! Такого не должно быть, и тем не менее...— Она нахмурилась сильнее.— Если вы один из *них* — как вы проникли сквозь дверь? Неужели *ее* ученым удалось найти разновидность людей, которые не воздействуют на чувствительные датчики, и вы — один из них, посланный в рамках эксперимента, чтобы проверить, можно ли преодолеть вход? Но ведь в этом нет никакой логики. Если бы у них имелась малейшая надежда на успех, они не стали бы рисковать потерять шанс застигнуть нас врасплох. В таком случае вы могли бы стать движущей силой широкомасштабной атаки. *Она* безжалостна, *она* умна, и *она* жаждет полной власти над несчастными дураками вроде вас, которые не мыслят ни о чем, кроме как поклоняться *ей* и великолепию императорского двора.

Девушка замолчала, слабо улыбнувшись.

— Ну вот, опять я с политическими речами. Но вы же сами понимаете — есть немало причин, почему с вами стоит держать ухо востро.

Макалистер направился к стоявшему в одном из углов стулу, постепенно приводя мысли в порядок.

— Послушай,— начал он,— я понятия не имею, о чем ты. Я даже не знаю, как вообще оказался в этом магазине. Согласен, все это требует какого-то объяснения, но совсем в другом смысле.

Голос его оборвался. Он хотел было присесть, но вместо того, чтобы опуститься на стул, снова выпрямился — медлен-

но, словно глубокий старик. Взгляд его был прикован к ярко светившимся цифрам над стеклянной витриной с оружием за спиной девушки.

— Это... календарь? — хрипло спросил он.

Она озадаченно проследила за его взглядом.

— Да, сегодня третье июня. Что-то не так?

— Я не о том. Я о...— Он с трудом взял себя в руки.— Я о тех цифрах, наверху. Я имел в виду... какой сейчас год?

Девушка удивленно посмотрела на него и уже собиралась что-то сказать, но замолчала и слегка попятилась.

— Что с вами? — наконец выговорила она.— Все в порядке. Сейчас четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертый год со дня основания императорского дома Ишеров. Все верно.

2

Макалистер медленно сел на стул, пытаясь осознать, что же, собственно, произошло и что он должен сейчас чувствовать. Ему никак не удавалось связать воедино обрушившиеся на него события — фасад здания, неожиданно возникший на месте двух магазинов 1951 года; необычное поведение двери; большая вывеска, странным образом связавшая свободу с правом приобретать оружие; само выставленное на витрине оружие — лучшее энергетическое оружие во всей вселенной!..

Постепенно до него начало доходить, что девушка оживленно беседует с высоким седоволосым мужчиной, стоявшим на пороге двери, из-за которой не так давно появилась она сама. В голосах обоих чувствовалась напряженность, а от негромких реплик Макалистеру становилось не по себе, хотя смысла их он не понимал, пока девушка не повернулась и не спросила:

— Как вас зовут?

Репортер представился.

Девушка слегка поколебалась, затем сказала:

— Мистер Макалистер, мой отец хотел бы знать, из какого вы года?

Седой шагнул вперед.

— Боюсь,— серьезным тоном начал он,— что на объяснения нет времени. Случилось то, чего мы, оружейники, опаса-

лись в течение многих поколений — что однажды явится некто жаждущий неограниченной власти и, чтобы добиться ее, он неминуемо будет стремиться нас уничтожить. Ваше появление здесь — олицетворение новой могущественной силы, которую обратили против нас. Столь новой, что мы даже не знали о ее существовании. Но у нас нет времени. Постарайся узнать все, что можешь, Листра, и предупреди его об опасности, которая нам грозит.

Старик повернулся, и дверь бесшумно закрылась за ним.

— О какой опасности он говорил? — спросил Макалистер.

Девушка посмотрела на него, и он заметил тревожное выражение ее карих глаз.

— Это трудно объяснить,— неуверенно начала она.— Давайте пока подойдем к окну, и я попробую все вам растолковать. Чувствую, у вас сейчас голова идет кругом.

Макалистер глубоко вздохнул.

— Ну, наконец-то хоть какая-то определенность.

Тревога прошла. Седой, судя по всему, знал, что и как. Значит, и домой вернуться будет не так уж сложно. Что же касается опасности, угрожавшей гильдии оружейников,— это их забота, а не его. Он шагнул к девушке, которая, к его удивлению, попятилась, будто испугавшись. Увидев его недоуменный взгляд, она неестественно рассмеялась и сказала:

— Не думайте, будто я дурочка, и не обижайтесь — но ради вашего же блага, не прикасайтесь ни к кому, с кем окажетесь рядом.

По спине Макалистера пробежал холодок. А затем он вдруг почувствовал, что страх, отразившийся на лице девушки, его раздражает.

— Послушай,— сдавленно начал он.— Давай объяснимся. Мы можем спокойно разговаривать при условии, что я не стану к тебе прикасаться или подходить чересчур близко. Правильно?

Она кивнула.

— На самом деле пол, стены, мебель — собственно, весь магазин — сделаны из непроводящего материала.

Макалистеру показалось, будто он балансирует на туго натянутом канате над бездонной пропастью. Ему с трудом удавалось сохранять спокойствие.

— Начнем с самого начала,— помолчав, сказал он.— Каким образом ты и твой отец узнали, что я не...— он сделал паузу, пытаясь подобрать подходящие слова,— из этого времени?

— Отец вас просветил,— ответила девушка.— И содержимое ваших карманов тоже. Именно так он впервые понял, в чем, собственно, дело. Видите ли, из-за энергии, которой вы заряжены, автоматика не может на вас сфокусироваться, и...

— Энергия... заряжен?..— пробормотал Макалистер.

Девушка уставилась на него.

— Вы что, не понимаете? — прошипела она.— Нас разделяют семь тысяч лет. А из всех существующих во вселенной видов энергии самая могущественная — время. Вы заряжены триллионами частиц временной энергии. Если вы выйдете из этого магазина, на воздух взлетит не только Империал-Сити, но и все вокруг него на полсотни миль. Вы,— срывающимся голосом закончила она,— вполне могли бы уничтожить Землю!

3

Странно, что он до сих пор не заметил зеркала. Большое, по крайней мере восемь футов высотой, оно висело на стене прямо перед ним — там, где еще минуту назад (в чем он мог бы поклясться) не было ничего, кроме сплошного металла.

— Взгляните на себя,— словно пытаясь его утешить, сказала девушка.— Ничто так не успокаивает, как собственное изображение. На самом деле ваше тело достаточно хорошо перенесло эмоциональный шок.

Макалистер уставился на свое отражение в зеркале. Смотревшее на него худощавое лицо отражения было бледным, но тело вовсе не тряслось от ужаса, как вполне можно было бы предположить по той сумятице, что царила в его мыслях. Он снова посмотрел на девушку, которая стояла, положив палец на одну из кнопок на стене, и неожиданно почувствовал себя лучше.

— Спасибо,— тихо сказал он.— Как раз именно это и было мне нужно.

Она ободряюще улыбнулась, и только теперь он удивился тому, насколько противоречивы черты ее личности. С одной стороны, несколько минут назад она не в состоянии была толком объяснить суть угрожающей ему опасности, словно не в силах подобрать подходящие слова. Однако ее поступок с зеркалом явно свидетельствовал о хорошем знании человеческой психологии.

— Насколько я понимаю,— сказал он,— проблема, с твоей точки зрения, заключается в том, чтобы перехитрить эту женщину — Ишер и вернуть меня обратно в тысяча девятьсот пятьдесят первый год, прежде чем я взорву Землю в году... какой там у вас сейчас год?

Девушка кивнула.

— Отец говорит, что вас можно отправить обратно, но что касается всего остального... смотрите!

Он не успел облегченно вздохнуть, узнав, что его могут вернуть в его собственное время, потому что девушка нажала другую кнопку, и зеркало тут же исчезло, уйдя в металлическую стену. Раздался щелчок еще одной кнопки, и исчезла сама стена. Перед Макалистером простирался парк, подобный тому, который он уже видел сквозь входную дверь. Явное продолжение все той же панорамы — деревья, цветы и залитая лучами солнца зеленая трава.

На фоне неба возвышался темный силуэт массивного здания. Расстояние до него составляло примерно четверть мили — и сколь бы невероятным это ни казалось, длина и высота его были никак не меньше. Нигде, ни поблизости от этого чудовищного сооружения, ни в самом парке, Макалистер не заметил ни единой живой души. Всюду наличествовали следы человеческой деятельности, но не было ни людей, ни какого-либо заметного движения. Деревья стояли неподвижно посреди безветренного солнечного дня.

— Смотрите! — снова сказала девушка чуть тише.

На этот раз щелчка не последовало. Она покрутила одну из ручек, и изображение стало менее четким — не из-за того, что свет солнца чуть померк, и даже не из-за того, что там, где только что ничего не было, стало видимым стекло. Попрежнему никакая преграда не отделяла их от чудесного парка. Но теперь он уже не был безлюдным.

Парк кишел множеством людей и машин. Макалистер ошеломленно уставился на них, и по мере того, как проходило ощущение иллюзии и все более явным становилось ощущение мрачной угрозы, им начало овладевать беспокойство.

— Эти люди — они что, солдаты? — наконец спросил он.— А машины...

— Энергетические пушки! — ответила девушка.— Для них всегда было главной проблемой, каким образом подобраться как можно ближе к нашему магазину, чтобы нас уничтожить. Дело не в том, что пушкам не хватает мощности на большой дистанции,— даже ружья, которые мы продаем, могут убивать на расстоянии в несколько миль. Но наши оружейные лавки слишком хорошо защищены, и для того, чтобы с нами расправиться, им пришлось бы стрелять почти в упор из самого мощного орудия. До сих пор им не удавалось этого сделать — парк принадлежит нам, а система сигнализации действовала безупречно. Но лишь до сегодняшнего дня. Наши охранные системы не могут обнаружить новый вид энергии, который они используют сейчас, и, что во много раз хуже, эта энергия обеспечивает им прекрасную защиту от нашего собственного оружия. Естественно, невидимость известна уже давно, но, если бы вы не появились, нас бы уничтожили до того, как мы успели понять, что происходит.

— Но,— воскликнул Макалистер,— что ты собираешься делать? Они ведь все еще там и...

В ее карих глазах вспыхнул яростный желтый огонь.

— Отец предупредил гильдию, и некоторые из ее членов уже обнаружили, что такие же невидимые люди установили такие же невидимые пушки вокруг других магазинов. Вскоре должен собраться Совет, чтобы обсудить план обороны.

Макалистер молча наблюдал за солдатами, которые, судя по всему, соединяли между собой невидимые кабели, шедшие от громадного здания на горизонте; сама их толщина — около фута — свидетельствовала о титанической энергии, готовой обрушиться на неприметный оружейный магазин. Говорить было нечего и незачем — сама реальность оказывалась нагляднее любых слов и фраз. Из всех присутствовавших он был самым бесполезным, и мнение его было наименее цен-

ным. Он не отдавал себе отчета в том, что рассуждает вслух, пока не послышался уже знакомый голос отца девушки:

— Вы ошибаетесь, мистер Макалистер. Из всех здесь присутствующих именно вы представляете наибольшую ценность. Благодаря вам мы обнаружили, что Ишер пытается нас атаковать. Более того, наши враги не знают о вашем существовании и, следовательно, еще не в полной мере осознали, какое действие оказывает их новая энергия. Вы же в некотором роде неизвестный фактор, чем мы и должны незамедлительно воспользоваться. Воспользоваться вами.

Макалистеру вдруг показалось, будто его собеседник постарел еще больше — когда тот повернулся к дочери, на его худощавом землистом лице проступили глубокие морщины, и голос прозвучал хрипло и отрывисто:

— Листра, номер семь!

Девушка коснулась седьмой кнопки, в то время как ее отец быстро объяснял Макалистеру:

— Сейчас идет экстренное заседание Высшего совета гильдии. Нам необходимо выбрать наиболее подходящий способ решения проблемы и сосредоточиться на нем — как всем вместе, так и каждому по отдельности. Обсуждение на местах уже идет, но пока что была высказана лишь одна удачная идея, и... Приветствую вас!

Последние слова он произнес, глядя куда-то за спину Макалистера. Тот обернулся и замер от удивления. Из стены выходили люди — легко и непринужденно, словно перешагивая порог невидимой двери. Один, другой, третий... тридцатый.

У всех были мрачные лица — за исключением одного, который, взглянув на Макалистера, собрался было пройти мимо, но тут же остановился и улыбнулся.

— Ну, что ты так смотришь? Как еще, по-твоему, мы могли просуществовать столько лет, если бы не умели телепортировать материальные объекты? Полиция Ишер во все времена в первую очередь стремилась лишить нас наших ресурсов. Кстати, меня зовут Кадрон... Питер Кадрон!

Макалистер безразлично кивнул в ответ. Даже фантастические автоматы, конечные продукты эпохи машин, перестали производить на него впечатление; наука и изобретения ушли так далеко вперед, что на долю людей мало что остава-

лось — почти все делали за них машины. Мужчина с бульдожьей физиономией повернулся к нему:

— Мы собрались здесь, поскольку очевидно, что источник новой энергии — то здание за магазином...

Он показал на стену, которая только что была зеркалом, а теперь стала окном, откуда открывался вид на чудовищное сооружение, и продолжил:

— С того времени, как около пяти лет назад было построено это здание, мы знали, что там создается нацеленная против нас мощь. Теперь же оттуда хлынула новая энергия, чтобы подчинить себе весь мир. Энергия столь могущественная, что она преодолела само время — к счастью, лишь в окрестностях этого магазина. Видимо, она ослабевает с увеличением расстояния...

— Погоди, Дресли,— прервал его низенький худой человечек.— К чему это долгое вступление? Вы же проверяли разные планы, представленные региональными группами. В них нет ничего конкретного?

Дресли поколебался и, к удивлению Макалистера, с сомнением взглянул на него, задумчиво двигая челюстью; затем лицо его приобрело суровое выражение.

— В сущности, есть один вариант, но он связан с тем, что придется вынудить нашего приятеля из прошлого пойти на огромный риск. Вы все знаете, что я имею в виду. Благодаря этому нам удастся выиграть время.

— Что за...— Макалистер ошеломленно замер, когда взгляды всех собравшихся обратились к нему.

4

К своему удивлению, Макалистер вдруг почувствовал, что ему снова не хватает зеркала, чтобы восстановить душевное равновесие. Он обвел взглядом лица собравшихся, и ему показалось, будто в том, как они сидят, стоят или склоняются над стеклянными витринами, есть нечто странное. У него возникло ощущение, что их меньше, чем было до этого. Один, два... двадцать восемь вместе с девушкой — но он мог бы поклясться, что прежде их было тридцать два. Он посмотрел назад и еще успел увидеть закрывающуюся заднюю дверь, за которой только что скрылись четверо.

Макалистер озадаченно тряхнул головой и уставился на окружавшие его лица.

— Не понимаю, как вы даже подумать могли о том, чтобы к чему-то меня принуждать. По-вашему, я заряжен некоей энергией. Возможно, я ошибаюсь, но если бы кто-то попытался снова бросить меня в колодец времени или хотя бы до меня дотронуться, эта самая энергия привела бы к страшным разрушениям...

— Ты прав, чтоб мне провалиться! — крикнул один из молодых людей, а затем раздраженно рявкнул на Дресли: — И как только, черт побери, ты мог совершить такую психологическую ошибку? Ты прекрасно знаешь, что Макалистер должен сделать то, что нужно нам, чтобы спасти самого себя. И притом очень быстро!

Дресли откашлялся.

— Черт, правда такова, что времени на объяснения у нас нет, а я только что понял, что это может легко его напугать. С другой стороны, вижу, что мы имеем дело со здравомыслящим человеком.

Макалистер наблюдал, прищурившись, и чувствовал ложь в его словах.

— Не надо мне тут проповедовать о здравомыслии,— резко парировал он.— Вы все прямо-таки потеете кровью. Да вы бы собственных бабушек застрелили и хитростью затянули меня в свое болото, поскольку миру, который вы считаете хорошим, угрожает опасность. И каков же ваш план, в чем вы собирались заставить меня участвовать?

Ему ответил молодой человек:

— Мы дадим тебе изолирующий комбинезон и отправим обратно в твое время...

Он неожиданно замолчал.

— Ну что, звучит недурно,— кивнул Макалистер.— И где же ловушка?

— Да нет никакой ловушки!

Макалистер пронзил его взглядом.

— Слушай, ты,— медленно начал он.— Только не надо, ладно? Если все настолько просто, то как, черт побери, я должен помочь вам одолеть энергию Ишер?

Молодой человек сердито посмотрел на Дресли.

— Вот видишь, ты своей болтовней лишь вызвал у него ненужные подозрения.— Он перевел взгляд на Макалистера.— Мы намереваемся использовать своего рода энергетический рычаг, применяя принцип точки опоры. Ты должен стать грузом на длинном плече энергетического маятника, и он, в свою очередь, поднимет груз, находящийся на коротком. Ты вернешься назад во времени на пять тысяч лет. Машина в том большом здании, на которую настроено твое тело и которая является источником всех проблем, вернется в прошлое на несколько месяцев.

— Таким образом,— вмешался кто-то еще, прежде чем Макалистер успел открыть рот,— мы получим время, чтобы найти другой способ противостоять ей. Должно существовать какое-то решение, иначе наши враги не действовали бы в такой тайне. Что на этот счет думаешь?

Макалистер медленно подошел к стулу, на котором перед этим сидел. Мысли его работали с бешеной скоростью, но его мучило мрачное предчувствие, что он не обладает техническими знаниями, необходимыми для того, чтобы спасти самого себя.

— Как я понимаю,— медленно процедил он,— все это должно работать по принципу рычага. По древнему принципу, который гласит, что, имея достаточно длинный рычаг и подходящую точку опоры, можно столкнуть Землю с орбиты.

— Именно так! — крикнул Дресли.— Только не в пространстве, а во времени. Ты преодолеешь пять тысяч лет, а здание...

Голос его стих, а пыл угас, когда он заметил выражение лица Макалистера.

— Послушайте,— сказал репортер.— Нет более жалкого зрелища, чем компания честных людей, пытающихся поступить нечестно. Вы сильные и умные люди, и вы всю жизнь пытались реализовать свои идеалистические концепции. Вы всегда повторяли, что, если необходимо, вы не остановитесь ни перед какими жертвами. Однако меня вам не одурачить. Говорите, где ловушка?

5

Макалистер несколько опешил, когда ему бросили одежду,— он видел появившихся из задней двери мужчин, и его крайне удивило, что они принесли изолирующий комбине-

зон, даже не зная, решится ли он его надеть. Он мрачно посмотрел на Питера Кадрона, который подал ему мешковатый серый костюм и сказал напряженным голосом:

— Натягивай и отправляйся. Сейчас каждая минута на счету! Когда те пушки начнут бомбардировать нас чистой энергией, тебя уже не будет в живых, не говоря уж о рассуждениях насчет нашей честности.

Макалистер все еще колебался. Ему казалось, будто в помещении стоит невероятная жара. По щекам стекали струйки пота, и становилось все больше не по себе. Откуда-то сбоку слышался голос:

— Прежде всего мы должны выиграть время, а затем мы разместим новые магазины там, где им не будет угрожать непосредственная опасность. Одновременно мы свяжемся со всеми силами империи, которые в состоянии помочь нам прямо или косвенно, и наконец, нам нужно...

Голос продолжал что-то говорить, но Макалистер перестал различать слова. Взгляд его остановился на девушке, молча стоявшей возле двери. Он подошел к ней, и, вероятно, вид его чем-то ее напугал — она вся сжалась и побледнела.

— Послушай,— громко сказал он.— Я в этом вашем дерьме по самые уши. Где кроется опасность? Я должен знать, что у меня есть хоть какой-то шанс. Скажи, в чем подвох.

Лицо девушки посерело, став почти такого же мертвенного цвета, как и комбинезон, переброшенный через руку Питера Кадрона.

— Все дело в трении,— наконец пробормотала она.— Может случиться так, что тебе не удастся преодолеть весь обратный путь до тысяча девятьсот пятьдесят первого года. Понимаешь, ты будешь своего рода грузом, и...

Макалистер отвернулся и влез в мягкий, почти невесомый комбинезон, не заботясь о своем тщательно отглаженном костюме.

— Он что, целиком голову закрывает?

— Да! — послышался ответ с той стороны, где стоял отец Листры.— Как только ты застегнешь молнию, комбинезон станет полностью невидимым. Посторонним будет казаться, что на тебе самая обычная одежда. Твой новый костюм снабжен всем необходимым — в нем ты смог бы жить даже на Луне.

— Одного не пойму,— заметил Макалистер,— зачем мне его надевать? Сюда я превосходным образом попал и так.— Неожиданно он помрачнел, и внезапная мысль прервала поток его слов.— Погодите,— пробормотал он,— а что происходит с той энергией, которая меня наполняет, когда я внутри этой непроницаемой одежки?

Неподвижные взгляды собравшихся сказали ему, что он попал в самую точку.

— Так вот в чем дело! — рявкнул он.— Эта изоляция должна защищать меня от потерь энергии. Таким образом и получается чертов «груз». Теперь я окончательно уверен, что комбинезон как-то связан с той машиной. Ну что ж, еще не поздно.

Резко развернувшись, он отскочил в сторону, пытаясь избежать протянутых рук четверых мужчин, которые одновременно прыгнули к нему. Противостоять им он не смог — пальцы Питера Кадрона рывком застегнули молнию, а сам Питер сказал:

— Мне очень жаль, но, выходя из магазина, мы тоже надели изолирующие комбинезоны. Именно поэтому ты не мог ничего с нами сделать. Запомни: нет никаких доказательств того, что сейчас тебя приносят в жертву. На Земле не образовалось кратера, из чего следует, что ты не взорвался в прошлом, а решил проблему каким-то иным способом. А теперь, кто-нибудь — быстро откройте дверь!

Они подтащили его к входу. И вдруг...

— Подождите! — раздался голос девушки.

Глаза ее сверкали, словно черные драгоценные камни; в руках она сжимала маленький блестящий пистолет — тот самый, который направила на Макалистера в самом начале. Державшие репортера люди застыли как вкопанные, но он почти не обратил на это внимания. Сейчас для него существовала только девушка и движения ее губ, выкрикивавших:

— Это полнейшее безумие! Неужели мы настолько трусливы? Возможно ли, чтобы дух свободы мог выжить лишь благодаря низкопробному убийству и попранию прав личности? Я заявляю: нет! Мистеру Макалистеру нужна гипноти-

ческая защита. Небольшая задержка в любом случае не будет смертельной.

— Листра,— послышался голос ее отца.

По его поведению Макалистер сразу же понял, что старик молниеносно реагирует на ситуацию. Он подошел к девушке и вынул пистолет из ее руки. Он единственный, подумал Макалистер, кто мог сейчас к ней приблизиться, в уверенности, что девушка не выстрелит. Видно было, что она на грани истерики, по ее щекам ручьями текли слезы, и в таком состоянии она могла оказаться весьма опасной.

К его удивлению, он не испытал облегчения даже на секунду. У него возникло ощущение, будто все происходит где-то в другой реальности, а он сам — лишь посторонний наблюдатель. Казалось, он стоит так целую вечность. Когда в конце концов он вновь обрел способность соображать, обнаружилось, что его еще не толкнули навстречу судьбе, и более того — Питер Кадрон отпустил его руку и отошел в сторону, гордо подняв голову и спокойно глядя на отца девушки.

— Ваша дочь права. Отбросим же наши опасения и страхи и обратимся к этому несчастному молодому человеку. Будь отважен! Мы о тебе не забудем. Мы не можем ничего тебе гарантировать, но повторяем еще раз — если только это в наших силах, мы поможем тебе. А сейчас мы должны защитить тебя от разрушительного психологического давления, которое уничтожило бы тебя — просто, но крайне эффективно.

Макалистер слишком поздно заметил, что все остальные отвернулись от необычной стены. Он даже не успел понять, кто сделал то, что неизбежно должно было случиться.

Его ослепила вспышка света. Несколько мгновений ему казалось, будто в его мозгу воцарилась пустота, на фоне которой слышался лишь чеканный голос Питера Кадрона:

— Сохранить самоконтроль и трезвый рассудок — вот твоя надежда. И ты это сделаешь вопреки всему! Но ради твоего же блага — рассказывай о том, что с тобой случилось, только ученым или представителям властей, которые, по твоему мнению, проявят понимание. Удачи!

В ослепительном свете он уже почти не ощущал прикосновения подталкивавших его рук. Макалистер почувствовал, что падает.

Глава 1

Погруженный во мрак поселок, казалось, пребывал вне времени. Довольный Фара шел по улице рядом с женой. Он вдыхал пьянящий ночной воздух и думал о художнике, прибывшем из Империал-Сити,— создателе того, что в передачах телестата называли (он хорошо запомнил эту фразу) «символическим полотном, напоминающим сцену из эпохи электричества семь тысяч лет назад».

Фара нисколько в этом не сомневался. Улица, на ней сады, за которыми ухаживали автоматы, утопавшие в цветах магазины, поросшие травой дорожки, уличные фонари, испускавшие свет из каждого изгиба своих форм,— это настоящий рай, где время застыло на месте.

Картина великого художника — та самая безмятежная сцена, все еще стоявшая перед глазами Фары,— сейчас находилась в частной коллекции императрицы. Она превозносила это произведение искусства, и вполне естественно, что трижды благословенный художник сразу же добился ее благосклонности. Наверняка для него стала огромной радостью возможность лично оказать почести великолепной, божественной, милосердной и любимой Иннельде Ишер, сто восьмидесятой в роду.

Не замедляя шага, Фара посмотрел на жену. В неярком свете ближайшего фонаря ее нежное, все еще выглядевшее девичьим лицо почти исчезало в полумраке. Он обратился к ней, инстинктивно понизив голос, чтобы тот гармонировал с пастельными тонами ночи:

— Она сказала... Императрица сказала, что наш маленький поселок Глей отличается здравомыслием и добротой, составляющими самые прекрасные черты его жителей. Разве это не чудесно, Крил? Она, должно быть, очень понимающая женщина.

Они дошли до боковой улочки, и вид, открывшийся в полутора сотнях футов перед ними, заставил его замолчать.

— Смотри! — хрипло проговорил Фара, показывая негнущимся пальцем на светившуюся во тьме ночи надпись:

ОРУЖИЕ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА.
ПРАВО ПРИОБРЕТАТЬ ОРУЖИЕ —
ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

При виде пылающих букв у Фары возникло странное чувство пустоты. Вокруг уже собирались другие жители поселка. Наконец он заговорил, громко и жестко:

— Я слышал про эти магазины. Они пользуются дурной славой, и я надеюсь, что наше правительство и императрица рано или поздно с ними разберутся. Их строят на тайных заводах, а потом целиком перевозят в поселки вроде нашего. Якобы их цель — каким-то образом помогать в защите нашей собственности. Еще час назад здесь ничего не было.— Лицо его помрачнело, а в голосе появились неприятные нотки.— Крил, возвращайся домой.

К его удивлению, она не подчинилась сразу же. Все годы их супружества она была послушной женой, благодаря чему жизнь его ничто не омрачало. Он заметил, что она смотрит на него широко раскрытыми глазами, не в силах двинуться с места.

— Фара, что ты собираешься делать? — дрожащим голосом спросила она.— Ты же не...

— Иди домой! — Страх Крил лишь добавил ему решимости.— Мы не допустим, чтобы эти чудовища осквернили наш поселок. Только представь себе...— В голосе его прозвучало неподдельное отвращение.— Наше мирное, консервативное общество, которое мы решили сохранить именно таким, как показано в картинной галерее императрицы, пытается столкнуть с пути истинного эта дрянь. Но здесь ее не будет. Все.

В ответ послышался тихий голос Крил, в котором уже не звучало страха.

— Не стоит спешить, Фара. Помни, это не первое новое здание в Глее с тех пор, как была написана картина.

Фара молчал. Ему не слишком нравилась эта черта жены — желание то и дело напоминать о неприятных событиях. Он прекрасно знал, что она имеет в виду. Гигантская, разросшаяся корпорация «Автоматические атомные ремонтные мастерские» вторглась сюда вопреки всем законам и желанию поселкового совета, построила свое сверкающее здание и отобрала у него уже половину клиентов.

— Это совсем другое дело,— наконец буркнул он.— Во-первых, в конце концов станет ясно, что эти ремонтные автоматы не так уж хороши, как их рекламируют. Во-вторых — это

здоровая конкуренция. Но тот оружейный магазин — вызов всем правилам приличия, благодаря которым жизнь под крылом дома Ишеров столь радостна. Взгляни хотя бы на этот абсурдный лозунг. Ведь это же чистой воды лицемерие. «Право приобретать оружие»... А, ладно! Иди домой, Крил. Мы проследим, чтобы в нашем поселке не продали ни единого экземпляра.

Какое-то время он смотрел вслед изящной фигурке жены, уходившей в темноту. Крил дошла уже до середины улицы, когда он крикнул ей:

— А если увидишь, что наш сын болтается где-нибудь на улице,— забери его с собой. Ему следовало бы понимать, что в такое время давно уже пора быть дома.

Женщина не обернулась. Фара смотрел, как она движется в свете уличных фонарей, после чего развернулся и быстрым шагом направился к магазину. Толпа росла с каждой минутой; ночной воздух дрожал от возбужденных голосов. Несомненно, это было самое выдающееся событие за всю историю поселка Глей.

Вывеска оружейного магазина была лишь иллюзией, о чем Фара знал. Под каким бы углом он на нее ни смотрел, казалось, будто она находится прямо перед ним. Когда он остановился перед огромной витриной, слова рекламы застыли на фоне фасада. Еще раз бросив на них презрительный взгляд, он повернулся к надписи в витрине:

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ
ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Искорка неожиданного интереса вспыхнула в мозгу Фары. С невольным восхищением он разглядывал лежавшее перед ним оружие — от маленьких пистолетов до скорострельных винтовок. Все они были сделаны из легкого твердого материала — блестящей стеклоподобной массы, разноцветного непрозрачного пластика или зеленого мерцающего берилла. При виде столь широкого ассортимента предметов, предназначенных для уничтожения, по спине Фары пробежал холодок. Такое количество оружия на один маленький поселок Глей, где, насколько он знал, оружие было лишь у двоих, и те пользо-

вались им только для охоты. То, что он видел, казалось абсурдным, зловещим и ужасающим.

За его спиной послышался чей-то голос:

— Прямо на участке Лэна Харриса. Хорошо же подшутили над этим старым негодяем. Интересно, он устроит им скандал?

Несколько человек засмеялись, и их голоса отдались эхом в горячем, но свежем воздухе. Фара и сам видел, что говорящий прав — оружейный магазин имел сорок футов в ширину и занимал середину зеленого сада старого Харриса.

Фара нахмурился. Оружейники поступили весьма умно — воспользовались участком того, кого почти никто в поселке не любил, и рассчитывали в итоге на поддержку остальных. Но подобное коварство как раз и вынуждало принять решительные меры, не позволив чужакам осуществить задуманное. Фара все еще бросал по сторонам грозные взгляды, когда увидел упитанную фигуру мэра Мела Дейла. Быстро подойдя к мэру, он уважительно коснулся шляпы и с ходу спросил:

— Где Джор?

— Здесь.— Поселковый констебль пробивал себе локтями дорогу сквозь толпу.— Есть какие-то планы?

— Есть только один план,— смело ответил Фара.— Войти туда и арестовать их.

Мужчины переглянулись, после чего уставились в землю. Рослый полицейский нарушил неловкую тишину, коротко сказав:

— Дверь заперта, и никто не отвечает на стук. Я как раз хотел предложить подождать до утра.

— Чушь! — раздраженно бросил Фара.— Нужно взять топор и высадить дверь. Любое промедление лишь добавит им смелости и желания сопротивляться. Мы не хотим, чтобы они пробыли в нашем поселке даже одну ночь. Разве не так?

Со стороны стоявших рядом зевак послышались поспешные одобрительные возгласы. Слишком поспешные.

Фара огляделся по сторонам, удивленный тем, что никто не хочет смотреть ему прямо в глаза. Все испуганы и не хотят ничего делать, подумал он. Однако, прежде чем он успел хоть что-то сказать, заговорил констебль Джор:

— Ты, видимо, ничего не слышал про эти двери. Люди говорят, будто их невозможно преодолеть.

Фара похолодел при мысли о том, что именно ему придется предпринимать какие-то шаги.

— Я возьму из своей мастерской атомный резак,— наконец сказал он.— Думаю, с его помощью удастся с ними справиться. Разрешаешь, мэр?

Капли пота на лице толстяка ярко блестели в свете витрины. Достав платок, он вытер лоб и пробормотал:

— Может, лучше будет связаться с начальником имперского гарнизона в Ферде и попросить о помощи?

— Нет.— Фара сразу же понял, что это лишь уловка. Внезапно его охватило предчувствие, что в действительности лишь он один представляет собой реальную силу всего поселка.— Мы должны действовать сами. Другие общины позволили им угнездиться у себя, поскольку не предприняли решительных действий. Нам придется оказать сопротивление, и незамедлительно. Итак?

— Ладно...

Ответ мэра прозвучал как вздох. Однако больше Фаре ничего и не требовалось. Он поделился своими намерениями с собравшимися, а чуть позже, когда уже выбрался из толпы, заметил сына, который вместе с другими молодыми людьми разглядывал витрину.

— Кейл, пойдем, поможешь мне с аппаратом,— позвал он.

Парень даже не пошевелился. Фара уже готов был устроить ему взбучку за непослушание, но лишь раздраженно отошел в сторону. Вот несносный мальчишка!

«Когда-нибудь я приму решительные меры,— мрачно подумал он.— Иначе от него не будет никакой пользы».

Энергия изливалась беззвучным ровным потоком, без каких-либо трескoв и вспышек, лаская чистым белым светом металлическую панель двери. Минуту спустя Фара все еще не видел никаких результатов. Ему не хотелось верить в неудачу, и он продолжал манипулировать энергией невероятной силы, пока наконец не выключил аппарат, чувствуя, как по лицу струится пот.

— Не понимаю,— тяжело дыша, сказал он.— Ведь ни один металл не в состоянии выдержать непрерывный поток атом-

ной энергии. Даже твердое металлическое покрытие, которое используется внутри двигателей и теоретически имеет неограниченный ресурс, на самом деле кристаллизуется уже через несколько месяцев.

— Все именно так, как говорил Джор,— сказал мэр.— Эта организация, Торговый дом оружейников, она... очень обширная. Она распространяется по всей империи и не признает власти императрицы.

Фара обеспокоенно переступил с ноги на ногу, приминая жесткую траву. Услышанное совсем ему не понравилось. Более того, это была явная чушь. Прежде чем он успел что-то сказать, послышался голос из толпы:

— Я слышал, будто эти двери открываются только перед теми, кто не может причинить вреда находящимся внутри.

Слова эти вырвали Фару из оцепенения. Похоже, предчувствие неудачи дурно влияло на его психику.

— Абсурд! — резко возразил он.— Если бы существовали такие двери, у нас у всех давно уже были бы такие же. Мы...

Он замолчал, внезапно осознав, что сам он не видел, чтобы кто-либо пытался открыть эту дверь. Судя по настроению окружавших его людей, вполне вероятно было, что никто и не пробовал. Он шагнул вперед и потянул за ручку. Дверь открылась неестественно легко, отчего ему на мгновение показалось, будто ручка осталась в его ладони. Глубоко вздохнув, Фара распахнул дверь настежь.

— Джор! — крикнул он.— Заходи!

Констебль поколебался, но молниеносно понял, что не может пойти на попятный на глазах стольких свидетелей, и неуклюже прыгнул навстречу открытой двери. Однако та захлопнулась перед самым его носом.

Фара тупо смотрел на собственную, все еще сжатую в кулак руку, чувствуя, как его бьет дрожь. Ему было не по себе от одного воспоминания о том, как дверная ручка повернулась и выскользнула из напряженных пальцев. Внезапно он понял, что толпа наблюдает за ним в напряженном молчании, и снова со злостью схватился за ручку, но на этот раз она даже не дрогнула. Неудача лишь добавила ему решимости, и он кивнул констеблю.

— Отойди, Джор. Попробую еще раз.

Тот отступил назад, но все было тщетно. Дверь не желала поддаваться. Откуда-то из толпы раздался угрюмый голос:

— Сперва она решила тебя впустить, а потом передумала.

— Что за бред ты несешь! — сердито бросил Фара.— «Передумала»... Да ты с ума сошел. У дверей нет разума.

Фара почувствовал, как дрогнул от страха его голос, и стыд за собственную реакцию заставил его забыть об обычной осторожности. Он мрачно посмотрел на магазин, возвышавшийся на фоне ночного неба,— ярко освещенный, чужой, зловещий и уже не столь доступный. Фара подумал о том, что сделали бы солдаты императрицы, если бы им приказали действовать, и вдруг до него дошло, что даже им не удалось бы ничего сделать. Испугавшись собственных мыслей, он попытался тут же выбросить их из головы.

— Эта дверь один раз передо мной открывалась,— быстро сказал он.— Откроется и во второй.

Так оно и случилось. Мягко и без какого-либо сопротивления, с тем же ощущением легкости, странная дверь поддалась нажатию его руки. За порогом в просторной нише царил полумрак. Мэр Дейл крикнул ему вслед:

— Фара, не будь глупцом. Что ты собираешься там делать?

Фара только что, к собственному удивлению, сообразил, что перешагнул порог. В замешательстве обернувшись, он посмотрел на туманные очертания множества лиц.

— Ну...— неуверенно начал он, но в следующее мгновение широко улыбнулся.— Ну конечно же, куплю оружие.

Еще долю секунды он был в восторге от своего остроумного ответа. Однако настроение его сразу же переменилось, когда он понял, что стоит в тускло освещенном помещении оружейного магазина.

Глава 2

Внутри помещения было неестественно тихо — снаружи не доносилось ни единого звука. Фара осторожно ступал по заглушающему шаги ковру. Глаза его постепенно привыкли к мягкому свету, отражавшемуся от стен и потолка. Он ожидал чего-то необычного, но стандартное атомное освещение действовало на его напряженные нервы подобно бальзаму.

Он огляделся, чувствуя, что к нему возвращается уверенность в себе. Окружающая обстановка выглядела вполне нормально — обычный, ничем особо не выделяющийся магазин. На стенах и полу располагались двенадцать застекленных витрин, тоже ничем не выдающихся. Двустворчатая дверь в противоположной стене вела в заднее помещение.

Фара внимательно наблюдал за ней, одновременно пытаясь разглядеть несколько витрин, в каждой из которых размещались три-четыре разновидности оружия. Прищурившись, он оценивал свои шансы — удастся ли ему достать из-за стекла хотя бы один экземпляр, чтобы потом, когда кто-нибудь войдет, силой выпроводить его наружу, прямо в руки Джора. За спиной послышался тихий мужской голос:

— Желаете оружие?

Фара резко обернулся. Когда он осознал, что его план рухнул, в первый момент его охватила ярость, но весь гнев улетучился при виде продавца — приятной внешности седовласого человека, старше его. Фара кивнул, пытаясь скрыть беспокойство:

— Да-да, оружие.

— Для какой цели? — спросил продавец.

Фара лишь тупо смотрел на старика — сейчас ему очень хотелось разозлиться и сказать этим людям все, что он о них думает, но возраст собеседника сковал ему язык. Он с трудом заставил себя открыть рот.

— Для охоты.— Ему стало не по себе от собственных слов, но он все же повторил: — Да, конечно же для охоты. К северу отсюда есть озеро,— уже увереннее продолжал он,— и...

Он замолчал, не в силах вынести собственной лжи, в которой не был готов увязнуть столь глубоко.

— Для охоты,— снова повторил он несколько секунд спустя.

Фара почувствовал, что снова стал собой. Он ненавидел этого человека за то, что тот поставил его в дурацкое положение. Внимательным взглядом он наблюдал за тем, как седой открывает витрину и достает оттуда зеленое блестящее ружье. Когда продавец, держа оружие в руках, повернулся к нему, Фара подумал: «А они умно придумали — поставить на передний край старика. Впрочем, столь же умно они поступили, выбрав участок Харриса».

Он потянулся к ружью, но продавец держал его вне досягаемости.

— Прежде чем я разрешу вам испробовать это,— сказал он,— правила магазина требуют, чтобы я информировал вас о том, в каких обстоятельствах вы имеете право приобрести оружие.

Значит, у них были собственные законы. И система всяких психологических трюков, чтобы произвести впечатление на легковерных.

— Мы, оружейники,— спокойно продолжал продавец,— разработали оружие, которое может уничтожить всякую машину или объект, созданный из того, что именуется материей. Таким образом, обладатель хотя бы одного нашего экземпляра превосходит по своей боевой силе любого солдата императрицы. Я говорю «превосходит», поскольку каждая единица оружия является средоточием силового поля, действующего как идеальный щит против нематериальных разрушительных сил. Этот щит не защищает от дубины, копья, пули или других материальных предметов, однако, чтобы пробить невидимый барьер, который он создает вокруг своего владельца, потребовалась бы небольшая атомная пушка. Конечно, вы понимаете,— продолжал он,— что столь могущественное оружие не должно попасть в нежелательные руки. В соответствии с вышесказанным, приобретенное у нас оружие не может быть использовано для нападения или убийства. Что касается охотничьего ружья, то из него можно стрелять лишь по вполне определенным видам дичи, список которых мы время от времени вывешиваем на витрине. Наконец, это оружие запрещено перепродавать кому-либо без нашего согласия. Вам ясно?

Фара молча кивнул, размышляя, рассмеяться ему во весь голос или обругать продавца, осмелившегося усомниться в его интеллектуальных способностях. Значит, это оружие нельзя использовать для убийства или грабежа. Из него можно стрелять лишь по вполне определенным живым существам. А что касается перепродажи — предположим... предположим, он купил бы это ружье, уехал куда-нибудь за тысячу миль и предложил его богатому незнакомцу за пару креди. Кто бы о том узнал? Предположим, что он напал бы на кого-то или даже застрелил. Каким образом об этом стало бы известно в магазине?

Внезапно до него дошло, что ему подают ружье дулом вперед. Он взял его, с трудом подавляя желание прицелиться в старика.

— Как им пользоваться? — спросил он.

— Просто прицельтесь и нажмите на спуск. Может, хотите попробовать на нашей мишени?

Фара поднял ружье на уровень глаз.

— Да,— торжествующе ответил он,— и эта мишень — ты. А теперь подойди к двери, открой ее и выйди наружу.— Он повысил голос.— А если кто-либо помышляет о том, чтобы войти сюда через заднюю дверь, то я наблюдаю и за ней.— Он повел ружьем в сторону продавца.— Давай быстрее двигайся, иначе выстрелю! Клянусь!

Продавец тем не менее не терял самообладания.

— Не сомневаюсь, что вы бы это сделали. Когда мы решили настроить дверь так, чтобы вы могли сюда войти, несмотря на свои враждебные намерения, мы предполагали возможность убийства. Однако сила на нашей стороне. Советую вам хорошенько это осознать и оглянуться назад.

Вокруг царила тишина. Фара стоял неподвижно, держа палец на спусковом крючке. В голове у него сменяли друг друга всевозможные слухи, которые он слышал насчет Торгового дома оружейников,— будто у них есть свои люди в каждом квартале, а также собственное независимое правительство, и для любого, кто попадал к ним в лапы, единственным выходом оставалась лишь смерть. В конце концов перед его мысленным взором предстал он сам, Фара Кларк, семьянин, верноподданный императрицы, который стоял сейчас посреди тускло освещенного магазина, пытаясь противостоять гигантской зловещей организации.

Усилием воли он все же сумел взять себя в руки.

— Ты меня не обманешь, делая вид, будто кто-то стоит за моей спиной. А теперь — подойди к двери.

Старик смотрел куда-то в сторону.

— Ну что, Рэд, у тебя все данные?

— Для начала вполне хватит,— услышал Фара голос молодого человека, доносившийся сзади.— Консерватор типа А-7. Уровень интеллекта выше среднего, но степень развития типична для маленьких городков и поселков. Чрезмерно одно-

сторонние взгляды, сформировавшиеся в период обучения в имперских школах. Абсолютно честен. Здравомыслие не имеет никакого значения. Эмоциональное отношение к окружающей действительности. Любые изменения в личности потребовали бы длительного лечения. Не вижу никаких причин для беспокойства. Пусть живет так, как ему нравится.

— Если ты полагаешь,— выдавил Фара,— что этот трюк с голосом заставит меня обернуться, ты сошел с ума. Это левая сторона здания. Я знаю, что там никого нет.

— Я за то, Рэд,— ответил старик, не обращая внимания на нацеленное на него оружие,— чтобы позволить ему жить своей жизнью. Но ведь это он подстрекал толпу. Думаю, нужно отбить у него охоту так поступать.

— Мы объявим повсюду, что он был здесь,— сказал Рэд.— И всю оставшуюся жизнь он потратит на то, чтобы опровергать обвинения в свой адрес.

Вера в оружие, которое Фара держал в руках, ослабла настолько, что он совершенно о нем забыл, с нарастающей тревогой вслушиваясь в непонятный разговор.

В голосе старика звучало упрямство:

— Думаю, немного впечатлений ему не помешает. Покажи ему дворец.

Дворец! Это слово вырвало Фару из кратковременного оцепенения.

— Теперь я вижу, что ты мне соврал,— крикнул он.— Это ружье вообще не заряжено. Это...

Язык отказался ему повиноваться, тело словно окаменело. Оружия в руке уже не было.

— Ты...— начал было он, но снова замолчал, пытаясь унять царившую в голове суматоху и собраться с мыслями.

Кто-то, видимо, незаметно отобрал у него ружье, а это означало, что кто-то стоял за его спиной. Голос не был механическим. Фара хотел обернуться, но тело его не слушалось. Он напрягся изо всех сил, но не смог пошевелиться, даже дрогнуть. С удивлением он заметил, что помещение начало погружаться в темноту, так что старика едва было видно. Если бы Фара мог, он бы закричал. Магазин исчез.

Фара парил над огромным городом. Его окружали лишь голубое летнее небо и город, простиравшийся в миле или двух

внизу. У него перехватило дыхание, но иллюзия рассеялась, как только он осознал, что на самом деле стоит на твердом полу, а город — лишь необычайно реалистичная картина, появившаяся у него перед глазами.

Фара вздрогнул, узнав простиравшийся внизу мегаполис — город мечты, столицу империи, Империал-Сити. Город прекрасной императрицы Ишер. Он видел серебряный дворец — императорскую резиденцию. Страх постепенно отступал, сменяясь удивлением и восторгом, и рассеялся окончательно, когда Фара ощутил радостную дрожь, с огромной скоростью приближаясь к чудесному зданию. «Покажите ему дворец!» — так они сказали. Сверкающая крыша ударила ему прямо в лицо, металл проник сквозь тело.

Впервые он испытал ощущение жуткого и шокирующего надругательства над святыней, когда воображаемая картина представила ему громадный зал, где вокруг стола сидели мужчины, а во главе его — женщина. Невозмутимые камеры, фиксирующие изображение, повернулись, показывая ее лицо.

Красивое лицо было сейчас искажено от ярости. Женщина наклонилась и заговорила знакомым голосом, который Фара столь часто слышал по телестату; обычно голос звучал спокойно и размеренно, но на этот раз в нем слышались гнев и непреклонная решимость. Голос был столь отчетливым, что Фаре показалось, будто он сам стоит посреди огромного помещения.

— Я требую смерти для этого изменника, понятно? Меня не волнует, как именно вы это сделаете, но к завтрашнему вечеру я хочу знать, что он мертв.

Изображение внезапно исчезло, и Фара снова оказался в магазине. Некоторое время он просто стоял, ожидая, пока глаза привыкнут к слабому свету. Первой его реакцией было презрение к столь простому трюку — движущейся картинке. За кого они его принимали, полагая, будто он сочтет за чистую монету нечто столь явственно нереальное? От осознания того, насколько извращенным был их план и насколько отвратительно то, чего они пытались добиться, его захлестнула жаркая волна гнева.

— Ах ты, ублюдок! — рявкнул Фара.— Ты велел кому-то сыграть роль императрицы, притворившись, будто... Ах ты...

— Хватит,— прервал его голос Рэда.

Фара вздрогнул, увидев перед собой плечистого молодого человека. У него промелькнула тревожная мысль: те, кто способен столь подло очернить особу ее императорского величества, не остановятся перед тем, чтобы причинить вред Фаре Кларку. Молодой человек продолжал холодным и твердым как сталь голосом:

— Мы не собираемся тебя убеждать, что то, что ты видел в императорском дворце, происходило именно сейчас. Это было бы чересчур невероятным стечением обстоятельств. Запись сделана два дня назад. Эта женщина — императрица. Человек, которого она приказала убить — ее бывший советник, который, с ее точки зрения, оказался слабаком. Прошлой ночью его нашли мертвым у себя дома. Если тебе вдруг захочется проверить — его имя Бантон Виккерс. Но это не важно. С тобой мы уже закончили.

— Зато я еще не закончил,— хрипло сказал Фара.— Я никогда в жизни не слышал и не видел подобной низости. Если вы думаете, что в этом поселке вам ничего не грозит, то у вас не все в порядке с головой. Мы будем охранять это место днем и ночью. Никто сюда не войдет, и никто отсюда не выйдет.

— Достаточно,— проворчал седой.— Проверка дала крайне интересные результаты. Как честный человек, ты можешь приходить к нам в любое время, если у тебя возникнут проблемы. Все. Выход сзади.

Фара почувствовал, как какая-то сила швыряет его в дверь, странным образом появившуюся в стене там, где он еще несколько секунд назад видел дворец. Он стоял в саду, полном цветов. Слева шумела толпа. Он узнал жителей поселка и понял, что находится снаружи.

Кошмар закончился. Когда полчаса спустя Фара вошел в дом, Крил встретила его вопросом:

— А где оружие?

— Оружие? — Он удивленно уставился на жену.

— Несколько минут назад по телестату говорили, что ты стал первым клиентом нового оружейного магазина.

Фара застыл как вкопанный, вспомнив слова молодого человека: «Мы объявим повсюду, что он был здесь», и в отчаянии подумал:

«Что теперь будет с моей репутацией?»

Не то чтобы его имя было широко известно, но он давно уже с тихой гордостью верил, что ремонтную мастерскую Фары Кларка в поселке хорошо знают. А теперь — сначала его самого унизили в магазине, а потом ввели в заблуждение людей, которые понятия не имели, зачем Фара туда пошел.

Он поспешил к телестату и позвонил мэру Дейлу. Однако надежды его рассыпались в прах, когда толстяк сказал:

— Извини, Фара, но я не слишком понимаю, каким образом ты получил бесплатное время на телестате. Тебе придется за это заплатить. Они — заплатили.

— Заплатили? — Фара вдруг подумал, отозвалось ли в его голосе то ощущение пустоты, которое он только что испытал.

— И Лэну Харрису за его участок они тоже заплатили. Старик потребовал самую высокую цену — и получил ее. Он позвонил мне, чтобы переоформить права на собственность.

— О господи! — Фара почувствовал, что его мир распадается на куски.— Хочешь сказать, что никто ничего не может с этим поделать? А имперский гарнизон в Ферде?

До него едва доходило бормотание мэра насчет того, что солдаты императрицы наверняка не захотят вмешиваться в гражданские дела.

— Гражданские дела! — взорвался Фара.— Хочешь сказать, что этим людям можно являться сюда независимо от того, хотим мы их видеть или нет, и незаконно захватывать участки, вынуждая потом их продавать? — Вдруг ему в голову пришла некая мысль.— Послушай,— быстро сказал он.— Ты не передумал насчет того, чтобы Джор стоял на посту перед магазином?

Полное лицо на экране телестата стало проявлять первые признаки раздражения.

— Слушай, Фара, пусть этим занимаются соответствующие власти.

— Но Джора ты там оставишь,— упрямо повторил Фара.

Мэр с досадой посмотрел на него.

— Я же обещал? Значит, он там будет. А теперь — хочешь купить время на телестате? Пятнадцать креди за минуту. Со своей стороны, скажу как другу — ты зря тратишь деньги. Никому никогда еще не удавалось опровергнуть ложные заявления.

— Размести два опровержения,— мрачно сказал Фара.— Одно утром, другое вечером.

— Ладно. Будем все полностью отрицать. Спокойной ночи.

Экран потемнел, и Фара сел. Новая мысль заставила его помрачнеть еще больше.

— Наш сын... Будем говорить начистоту. Либо он работает у меня в мастерской, либо он больше ломаного гроша не получит.

— Ты плохо к нему относишься,— возразила Крил.— Ему двадцать три года, а ты до сих пор считаешь его ребенком. Вспомни, в двадцать три года ты сам был уже женатым мужчиной.

— Это другое дело,— буркнул в ответ Фара.— У меня было чувство ответственности. Знаешь, что он сделал сегодня вечером?

Он не вполне расслышал, но ему показалось, что она сказала:

— Нет. Ты его случайно перед этим не обидел?

Фара был чересчур раздражен для того, чтобы выяснять причины столь неоправданного упрека, и потому лишь поспешно проговорил:

— На глазах у всего поселка он отказался мне помочь. Он плохо воспитан. Очень плохо.

— Да,— горько сказала Крил.— Он очень плохо воспитан. Я уверена, ты понятия не имеешь, насколько плохо. Он холоден как сталь, но ему не хватает прочности и цельности стали. Со временем он возненавидел и меня, поскольку я так долго тебя защищала, даже зная, что ты не прав.

— О чем ты говоришь? — удивленно спросил он, а затем добавил чуть тише: — Ну ладно. Пойдем, дорогая. Нам обоим сейчас тяжело. Пойдем спать.

В эту ночь ему с трудом удалось заснуть.

Глава 3

Порой Фара не мог отделаться от мысли, что он ведет личную войну с оружейным магазином. На работу и обратно он ходил мимо здания, хотя ему было не по пути, и всегда останавливался, чтобы обменяться парой фраз с констеблем

Джором. Однако на четвертый день полицейского там не оказалось.

Сперва Фара терпеливо ждал, затем начал волноваться. Наконец он пошел к себе в мастерскую, откуда позвонил Джору, но не застал его — по словам жены, тот охранял оружейный магазин. Фара колебался. В мастерской было полно работы, и впервые в жизни он испытал чувство вины перед своими клиентами, что не уделяет им достаточно времени. Можно было бы без проблем связаться с мэром и сообщить ему, что Джор пренебрегает своими обязанностями, однако доставлять тому лишние неприятности тоже не хотелось.

Заметив, что на улице перед оружейным магазином собирается толпа, Фара поспешил туда. Один из знакомых встретил его возбужденными словами:

— Фара, Джора убили!

— Убили? — Фара остолбенел, не сразу осознав, что первой его реакцией была мысль о расплате. Теперь солдатам просто придется вмешаться. Ему самому стало жутко от этого, но он попытался выбросить из головы совершенно ненужное сейчас чувство стыда.

— Где тело? — медленно спросил он.

— Внутри.

— Хочешь сказать, что эти... сволочи...— последнее слово далось ему с некоторым трудом — старика все же трудно было так назвать. Но он взял себя в руки.— Хочешь сказать, что эти сволочи его убили, а потом затащили труп внутрь?

— Свидетелей убийства нет,— сказал кто-то другой,— но он исчез, и уже три часа как никто его не видел. Мэр связался с оружейным магазином по телестату, но они утверждают, что ничего о нем не знают. Его убили, без сомнений, а теперь прикидываются невинными. Ну что ж, им это с рук не сойдет. Мэр пошел звонить солдатам из Ферда, чтобы те привезли сюда несколько тяжелых орудий.

Возбуждение толпы отчасти передалось Фаре. Ощущение того, что надвигается нечто важное — самое восхитительное чувство из всех, какие когда-либо щекотали его нервы,— смешивалось со странной гордостью, граничившей с самодовольством. По крайней мере, он никогда не сомневался, где таится зло. Однако особой радости он почему-то не испытывал, и голос его дрогнул, когда он сказал:

— Орудия? Да, самый подходящий ответ. Ну и конечно, с ними должны будут прибыть и солдаты.

Он кивнул скорее самому себе, чем собеседнику, чувствуя безграничную уверенность в том, что теперь у командира имперского гарнизона не найдется причин отказаться. Фара начал было рассуждать, что сделала бы императрица, если бы узнала о гибели человека из-за того, что армия пренебрегла своими обязанностями, но слова его потонули в крике:

— А вот и мэр! Эй, мэр, когда привезут атомные пушки?

Автоплан мэра мягко опустился на землю. Видимо, часть вопросов уже достигла его ушей, поскольку он встал во весь рост в открытой двухместной машине и поднял руки, требуя тишины. К удивлению Фары, толстяк уставился на него обвиняющим взглядом. Фара огляделся по сторонам, но вокруг никого не было — все прошли вперед. Он тряхнул головой, не понимая, что имеет в виду мэр, а затем отступил на шаг, когда Дейл показал на него пальцем и проговорил слегка дрожащим голосом:

— Вот на ком лежит ответственность за проблемы, обрушившиеся на нашу общину. Подойди ближе, Фара Кларк, и покажись всем. Ты обошелся поселку в семьдесят креди, которые мы могли бы потратить на иные цели.

Фара стоял, словно парализованный, лишившись дара речи и даже не пытаясь защитить свою честь. Мэр печально продолжал:

— Мы все знали, что вмешиваться в дела этих оружейных магазинов — полное безрассудство. Пока имперское правительство их не трогает, какое мы имеем право выставлять возле них охрану или выступать против них? Таково было мое мнение с самого начала, но этот человек... этот... этот Фара Кларк посчитал, что может решать за всех, и вынудил нас поступать против собственной воли. В результате мы должны оплатить счет в семьдесят креди и...

Он замолчал, переводя дыхание, затем добавил:

— Короче говоря, когда я позвонил в гарнизон, начальник лишь рассмеялся и сказал, что Джор наверняка найдется. Я едва успел разъединиться, как позвонил сам Джор, за счет поселка. Он на Марсе.— Мэр подождал, пока стихнут удивленные возгласы.— Возвращение на корабле займет у него

четыре недели, а нам придется заплатить за билет. И во всем этом виноват Фара Кларк.

Первый шок прошел. Фара стоял с невозмутимым видом, напряженно размышляя. Наконец он язвительно сказал:

— Значит, вы просто сдаетесь и пытаетесь свалить всю вину на меня. Я же говорю — вы все придурки.

Повернувшись, чтобы уйти, он услышал, как Дейл успокаивает собравшихся, говоря, что не все еще потеряно — мэру удалось выяснить, что оружейный магазин расположился в Глее, так как поселок находился на равном удалении от четырех больших городов, и подобное расположение лишь на руку его жителям, поскольку означало приток туристов и развитие торговли.

Больше Фара ничего не слышал. Гордо подняв голову, он направился к себе в мастерскую. Со стороны толпы до него донеслись ругательства, но он не обратил на это внимания. По мере того как шло время, хуже всего было осознавать, что люди из Торгового дома оружейников не проявляют к нему никакого интереса. Они были где-то далеко, намного выше его, и не собирались с кем-либо считаться. С затаенным страхом он представил себе, как они забросили Джора на Марс за неполных три часа, в то время как всему миру известно, что путешествие на самом быстром космическом корабле занимало не менее двадцати четырех дней.

Фара не пошел на станцию экспресса, чтобы встретить Джора. Еще раньше он услышал, что поселковый совет решил взыскать с констебля половину расходов за полет под угрозой потери работы, если он попытается возражать. На вторую ночь после его возвращения Фара пробрался в дом Джора и вручил тому сто восемьдесят пять креди, после чего с чистой совестью вернулся домой.

Три дня спустя дверь мастерской с грохотом распахнулась, и вошел Кастлер — известный местный бездельник. Фара мрачно посмотрел на вошедшего, который оскалился в улыбке.

— Я подумал, может, это будет тебе интересно, Фара. Сегодня кто-то вышел из оружейного магазина.

Фара сделал вид, будто возится с болтом, крепившим панель атомного двигателя, который он ремонтировал, все с большим раздражением ожидая, когда Кастлер скажет что-

нибудь еще. Задавать вопросы было бы признаком слабости. В конце концов он не выдержал и неохотно бросил:

— Полагаю, констебль быстро его поймал?

На самом деле ничего подобного он не ожидал, но это хотя бы могло положить начало разговору.

— Это был не мужчина. Девушка.

Фара нахмурился. Ему не понравилась мысль о том, что придется иметь дело с женщинами. Вот ведь хитрые дьяволы! Использовали девушку — так же как тогда использовали старика продавца. Грязный трюк, который заслуживал того, чтобы закончиться неудачей. К дерзкой же девчонке надлежало отнестись всерьез.

— Гм... и что дальше? — резко спросил Фара.

— Она все еще снаружи. И вполне симпатичная.

Справившись с болтом, Фара перенес панель к шлифовальному станку и занялся утомительной, требовавшей особой точности обработкой кристаллов, образовавшихся из-за высокой температуры на блестящем когда-то металле. Слова его сопровождались тихим гудением.

— Что-нибудь предприняли?

— Нет. Констеблю уже сообщили, но ему вовсе не улыбается провести вдали от семьи еще месяц или около того, плюс соответствующие расходы.

Фара с минуту переваривал услышанное под непрерывное стрекотание шлифовального станка. Когда он заговорил, голос его дрожал от едва скрываемой ярости:

— Значит, думают, это им так просто сойдет? Чертовски умно, ничего не скажешь. Неужели мэр не понимает, что нельзя отступать даже на шаг перед этими... преступниками? Это то же самое, что дать индульгенцию и заранее отпустить грехи.

Краем глаза он заметил улыбку на лице Кастлера. Внезапно он понял, что его гнев того лишь забавляет. Улыбка таила в себе кое-что еще — знание. Фара отодвинул панель от станка и удовлетворенно посмотрел на дело своих рук.

— Естественно, упоминание о грехах тебя особо не обеспокоило.

— А, да что там,— пренебрежительно ответил Кастлер.— Тяжелые раны, которые порой наносит жизнь, делают лю-

дей терпимыми. К примеру, познакомишься получше с этой девицей — и сам поймешь, что в нас во всех еще осталось немало хорошего.

Не столько слова, сколько их тон заставил Фару рявкнуть:

— Что ты имеешь в виду — «познакомишься получше с этой девицей»? Да я с этой наглой тварью даже разговаривать не стану!

— Не всегда есть выбор,— легкомысленно бросил Кастлер.— Допустим, он приведет ее домой...

— Кто кого приведет домой? — раздраженно переспросил Фара.— Кастлер, ты...— Он замолчал, ощутив, как от ужаса внутри у него что-то сжалось.— Ты хочешь сказать...

— Хочу сказать,— продолжил за него с торжествующей усмешкой Кастлер,— что парни не допустят, чтобы такая красотка чувствовала себя одинокой. И естественно, первым к ней подвалил твой сын. Сейчас они гуляют по Второй авеню и идут сюда,— поспешно закончил он.

— Убирайся отсюда! — прорычал Фара.— И держись от меня подальше. Вон!

Кастлер явно не ожидал подобного завершения беседы. Побагровев, он вышел, громко хлопнув дверью. Фара секунду стоял неподвижно, затем выключил питание станка и вышел на улицу. Пришло время положить всему этому конец!

Четкого плана у него пока не имелось, но он был полон решимости завершить эту невероятную историю. Злость смешивалась с гневом на Кастлера. Как так получилось, что у него столь никудышный сын,— у него, всегда отдававшего долги и тяжко трудившегося с утра до вечера? У него, достойного гражданина, старавшегося оправдать все ожидания императрицы? Он подумал о том, не дурная ли это кровь со стороны Крил. Но конечно, никак не от ее матери, мысленно добавил он. Теща была скромной трудолюбивой женщиной, которая рассчитывала оставить дочери в наследство приличную сумму. Однако отец Крил исчез, когда та была еще ребенком.

А теперь вот Кейл гулял с девицей из оружейного магазина. Фара заметил их, свернув на Вторую авеню. Когда он подошел ближе, то услышал слова девушки:

— Ты ничего о нас толком не знаешь. Такому, как ты, работу в нашей организации не получить. Тебе бы на импер-

скую службу — там нужны молодые мужчины с хорошей внешностью и большими амбициями.

Фара был слишком занят своими мыслями, чтобы понять смысл ее слов.

— Кейл! — резко крикнул он.

Оба обернулись. Кейл — не спеша, как и подобает молодому человеку, который благодаря богатому опыту обзавелся стальными нервами, девушка — чуть быстрее, но с чувством собственного достоинства.

Фаре вдруг показалось, что его гнев разрушителен для него самого, но мысль эта исчезла так же быстро, как и появилась.

— Кейл, немедленно возвращайся домой! — решительно потребовал он.

Девушка с любопытством смотрела на него странными серо-зелеными глазами. Какое бесстыдство, подумал он, а его гнев лишь усилился и прогнал прочь тревогу, вызванную тем, что сын покраснел.

Румянец исчез — парень побледнел от злости, плотно сжав губы.

— Это тот самый выживший из ума старый дурак, с которым мне постоянно приходится бороться. К счастью, мы редко видимся, даже за одним столом не едим. Что ты о нем думаешь?

Девушка с безразличным видом улыбнулась.

— О, мы знаем Фару Кларка. Здесь, в Глее, он главная опора императрицы.

— О да,— продолжал издеваться парень.— Тебе стоило бы его послушать. Он думает, будто мы живем в раю, а императрица — богиня. Но хуже всего то, что нет никаких шансов стереть это надменное выражение с его физиономии.

Они ушли, оставив Фару на том же месте. От осознания только что произошедшего весь его гнев улетучился, осталось лишь ощущение совершенной ошибки, но в чем она заключается, он так и не мог понять. С тех пор как Кейл отказался работать в мастерской, Фара чувствовал приближение критической точки конфликта. Внезапная неконтролируемая жестокость сына проявилась как побочный эффект куда более глубокой проблемы. Но сейчас, когда дошло до прямого столкновения, не хотелось противостоять лицом к лицу.

Весь день, проведенный в мастерской, он гнал прочь эту мысль. Останется ли и теперь все так же, как раньше, когда они с Кейлом жили в одном доме, избегая смотреть друг на друга, ложились спать в разное время и вставали — Фара в половине седьмого утра, а Кейл в полдень? Будет ли это продолжаться и дальше?

Крил ждала его дома.

— Фара, он хочет, чтобы ты ему одолжил пятьсот креди на поездку в Империал-Сити,— с ходу сказала она.

Фара молча кивнул. На следующее утро он принес деньги и передал их Крил, которая отнесла их в спальню сына. Она вернулась меньше чем через минуту.

— Он просил передать, что прощается с тобой.

Когда вечером Фара пришел домой, Кейла уже не было. Он подумал, стоит ли ему радоваться по этому поводу, но единственным ощущением, которое у него появилось, стало предчувствие беды.

Глава 4

Он угодил в ловушку — и теперь пытался из нее выбраться.

Кейл не считал свой отъезд из поселка Глей следствием некоего внезапного решения. Он так давно хотел уехать, что цель эта казалась жизненно необходимой, как потребность в еде и питье. Однако постепенно желание стало приглушенным и не вполне определенным. Кейл враждебно относился ко всему, что связано с поселком, но его непослушанию и упрямству постоянно противостояли воображаемые тюремные стены, которыми ограничивал его отец — до сегодняшнего дня.

Причина, по которой клетка открылась настежь, оставалась неясной. Наверняка немалую роль в этом сыграла девушка из оружейного магазина — стройная, с умными серо-зелеными глазами и симпатичным личиком, она производила впечатление человека, не раз принимавшего правильные решения. Ему глубоко врезались в память ее слова: «Да, я из Империал-Сити. И возвращаюсь туда в четверг после полудня».

В этот четверг после полудня она возвращалась в большой город, в то время как он оставался в Глее. Он не мог этого

вынести, чувствовал себя словно дикий зверь, пытающийся вырваться из клетки. И именно из-за этого, а не из-за ссоры с отцом он потребовал у матери денег. Теперь он сидел в местном автоплане до Ферда, обескураженный тем, что девушки там не оказалось.

В аэропорту Ферда, ожидая самолета до Империал-Сити, он пытался отыскать Люси Рэлл, но ему не удалось обнаружить ее в толпе, направляющейся на дальние рейсы. Вскоре — ему показалось, даже чересчур рано — большая машина снизилась над летным полем, готовясь к посадке, а затем остановилась на выделенной ей полосе, мерцающая, словно драгоценный камень.

Охваченный возбуждением, Кейл почти забыл о девушке. Он быстро поднялся на борт, и лишь когда самолет уже мчался над зеленым полем, вспомнил о Люси. Откинувшись на спинку удобного кресла, он погрузился в размышления. Какой она была, эта девушка из оружейного магазина? Где она жила? Какую вела жизнь, будучи членом, можно сказать, повстанческой организации?.. В трех метрах от него сидел какой-то мужчина, и Кейл с трудом подавил в себе желание засыпать его градом вопросов. Пассажиры могли не знать, что, хотя он прожил в Глее всю жизнь, он вовсе не простой сельский парень, так что он решил не рисковать.

Кто-то рассмеялся, а неподалеку раздался женский голос:

— Но, дорогой, ты уверен, что мы можем себе позволить турпоездку по планетам?

Пара прошла рядом, и Кейл удивился той свободе, с которой они говорили о путешествиях.

Сперва он чувствовал себя крайне скованно, но постепенно начал расслабляться. Он занялся чтением сообщений на встроенном в кресло телестате, время от времени бросая ленивые взгляды на простирающийся внизу ландшафт. Пока напротив него не уселись трое и не начали играть в карты, он чувствовал себя почти как дома.

Игра шла на небольшие ставки, и во время нее он услышал имя лишь одного из троих игроков. Его звали Тюлень, что показалось Кейлу весьма необычным. Впрочем, странным был и он сам — лет тридцати, с желтыми кошачьими глазами и волнистыми, по-мальчишески растрепанными во-

лосами. Лицо было самым обычным, хотя и несколько нездорового вида. На лацканах плаща поблескивали украшения из драгоценных камней. Пальцы были унизаны многочисленными перстнями. В его неторопливой речи чувствовалась уверенность в себе. И именно он обратился к Кейлу:

— Я заметил, что ты за нами наблюдаешь. Хочешь присоединиться?

Кейл охотно принял предложение, инстинктивно признав в Тюлене профессионального игрока, однако насчет остальных он не был столь уверен. Оставался вопрос — кто из них был мошенником?

— Будет интереснее играть,— добавил Тюлень.

Кейл побледнел, внезапно сообразив, что эти трое — сообщники и только что выбрали себе жертву. Он невольно огляделся вокруг, желая увидеть, сколько людей стали свидетелями его позора, и с облегчением отметил, что никто на них не смотрел. Ближайший пассажир сидел в десяти футах, скрытый высокой спинкой кресла. Какая-то дородная, элегантно одетая дама прошла мимо, но отвела взгляд. Постепенно лицо Кейла приобрело свой естественный цвет. Значит, они думают, будто нашли простофилю. Он встал и улыбнулся.

— Почему бы и нет? — ответил он.

Кейл сел на свободное кресло напротив желтоглазого. Раздавать выпало ему. Он быстро, но честно раздал карты. На руках у него оказались три короля — один закрытый и два открытых. Он быстро разыграл партию и даже при низких ставках получил около четырех креди мелочью.

Из последующих восьми партий он выиграл три, что было явно ниже его возможностей. Он был каллидетиком* — хотя никогда и не слышал такого слова — с периодически проявляющимися способностями к карточной игре. Пять лет назад, когда ему было семнадцать, во время игры с другими четырьмя мальчишками он выиграл девятнадцать из двадцати партий. С тех пор его везение в азартных играх, которое могло бы спасти от скучной жизни в поселке, почти вошло в поговорку, и никто в Глее не хотел с ним играть.

---

* Каллидетик — человек, обладающий ярко выраженными способностями влиять на ход событий.

Несмотря на то что карта шла хорошо, он ничем не показывал собственного превосходства. В игре вел Тюлень. Его окружала аура лидера, в нем чувствовалась некая паранормальная сила, так что Кейл даже начал им восхищаться.

— Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу,— наконец заметил он,— что ты довольно интересный тип.

Тюлень задумчиво взглянул на него желтыми глазами, но ничего не ответил.

— Полагаю, тебе приходилось много летать? — не отставал Кейл.

Вопрос не понравился ему самому — он прозвучал чересчур по-детски. Тюлень, несмотря на то что был всего лишь обычным игроком, явно считал себя выше столь наивных попыток завязать разговор. Но он все же уклончиво ответил:

— Бывало.

Его приятелей эта реплика определенно позабавила — оба грубо загоготали. Кейл покраснел, но ему очень хотелось узнать больше.

— На планеты? — спросил он.

Ответа не последовало. Тюлень внимательно пригляделся к закрытым картам, затем повысил ставку на четыре креди. Стараясь подавить ощущение, что он ведет себя как дурак, Кейл извиняющимся тоном сказал:

— Нам всем приходится слышать разное, и порой трудно понять, что правда, а что нет. Есть смысл слетать на какую-нибудь из этих планет?

Желтые глаза теперь разглядывали его с явным весельем.

— Слушай, дружок, лучше вообще к ним не приближайся. Земля — рай этой системы, и если кто-нибудь тебе скажет, мол, прекрасная Венера манит к себе, можешь ответить им, чтобы катились в ад. Ибо Венера — как раз ад и есть. Бесконечные песчаные бури. Однажды, когда я был в Венусбурге, температура поднялась до восьмидесяти четырех градусов.— Он сделал паузу.— Такого в рекламе не говорят, верно?

Кейл поспешно согласился, несколько сбитый с толку разговорчивостью собеседника и его слегка заносчивым ответом. Неожиданно тот показался ему уже не столь интересным, как прежде. Однако он все же задал еще один вопрос.

— Ты женат?

Тюлень рассмеялся.

— Женат?! Послушай, приятель, я женюсь в каждом месте, куда мне удается попасть. Естественно, нелегально.— Он снова рассмеялся.— Похоже, я даю тебе советы, как жить.

— Подобных советов брать не стоит,— коротко ответил Кейл.

Фразу эту он произнес уже почти машинально — он никак не ожидал, что Тюлень окажется таким. Несомненно, тот был смелым человеком, но все его очарование улетучилось. Кейл понимал, что, оценивая своего собеседника, он руководствовался моральными принципами жителей поселка — но ничего не мог с этим поделать. Много лет ему приходилось делать выбор между взглядами матери и инстинктивным осознанием того, что внешний мир никак не втиснуть в обычаи поселковой жизни.

Тюлень снова заговорил — казалось, совершенно искренне:

— Из этого парня может кое-кто получиться в достославной империи Ишер, а, ребята? Я не преувеличиваю.— Внезапно он замолчал.— И откуда ты берешь такие хорошие карты?

Кейл снова выиграл. Забрав банк, он поколебался. У него было сорок пять креди, и он знал, что лучше будет выйти из игры, прежде чем они разозлятся по-настоящему.

— Боюсь, мне пора заканчивать,— сказал он.— У меня еще есть кое-какие дела. Мне было очень при...

Он не договорил — из-под края стола на него смотрел маленький блестящий пистолет.

— Значит, думаешь, самое время остановиться? — спросил Тюлень, не поворачивая головы, но явно обращаясь к своим компаньонам.— Он думает, что самое время остановиться, парни. Разрешим ему?

Вопрос был, видимо, риторическим, поскольку на лицах двоих его приспешников появились лишь невыразительные гримасы.

— Лично я,— продолжал их предводитель,— целиком за то, чтобы остановиться. А теперь посмотрим,— промурлыкал он.— Как показывает просвечивание, его бумажник находится в верхнем правом кармане, там же — конверт, приколотый к карману рубашки, в котором лежит несколько банкнот по

пятьдесят креди. Ну и конечно, есть еще деньги, которые он выиграл у нас. В кармане брюк.

Он наклонился вперед, глядя на него широко раскрытыми глазами, в которых поблескивала ироническая усмешка.

— Значит, ты думал, будто мы мошенники, которые собирались тебя обмануть? Нет, дружок, мы действуем совсем по-другому — куда проще. Если ты не захочешь добровольно отдать деньги или попытаешься привлечь чье-то внимание, я выстрелю тебе прямо в сердце. Луч настолько тонкий, что никто даже не заметит маленькой дырочки в твоей одежде. Ты будешь просто сидеть, будто спящий, но кого это удивит в большом самолете, полном занятых собой людей? — Голос его стал тверже.— Давай! Быстро! Я не шучу. У тебя десять секунд.

Чтобы отдать деньги, времени потребовалось несколько больше. Ему позволили положить в карман пустой бумажник, проигнорировав несколько монет.

— Наверняка тебе захочется перекусить, прежде чем мы сядем,— великодушно сказал Тюлень.

Оружие исчезло под столом, и желтоглазый лениво откинулся на спинку кресла.

— Если решишь пожаловаться капитану — мы тебя сразу же убьем, не беспокоясь о последствиях. Наша история будет весьма проста: ты крайне глупо себя повел, проиграв в карты все свои деньги.

Он засмеялся и встал, вновь став непроницаемым и таинственным.

— Пока, приятель. Пусть в следующий раз тебе больше повезет.

Остальные тоже встали со своих мест, и все трое не спеша удалились в сторону коктейль-бара. Кейл остался сидеть, подавленный и разбитый.

Взгляд его наткнулся на висевшие в отдалении часы — пятнадцатое июля четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертого года Ишер, два часа пятнадцать минут полета от Ферда, час полета до Империал-Сити.

Закрыв глаза, Кейл представил себе, как он прибывает в столицу после наступления темноты. Первую ночь, которая должна была стать упоительной, ему предстояло провести на улице.

Глава 5

Кейл не мог усидеть на месте. Три раза он прошел через весь самолет от начала и до конца, останавливаясь перед зеркалами, тянувшимися от пола до потолка.

В зеркале он видел свои покрасневшие глаза, и кроме отчаянного вопроса, что же теперь делать, его мучил еще один: почему они поймали в свои силки именно его? Что именно позволило этим троим разбойником безошибочно выбрать себе жертву?

Отходя от третьего зеркала, он заметил знакомое лицо. Взгляд серо-зеленых глаз скользнул где-то над ним, без малейших признаков того, что его узнали. Девушка была одета в голубое, явно сшитое на заказ платье, загорелую шею украшала нитка жемчужных бус. Она выглядела столь изящно и вместе с тем столь непринужденно, что у него не хватило смелости пойти за ней следом. Без тени надежды он опустился в ближайшее кресло.

Краем глаза Кейл заметил какое-то движение. В кресле за столиком с другой стороны прохода сидел мужчина в мундире полковника армии ее императорского величества. Он был настолько пьян, что даже сидячее положение сохранял с некоторым трудом, а уж каким образом он добрался до этого места, оставалось тайной, разгадка которой скрывалась где-то в глубине законов равновесия. Повернув голову, он невидящим взглядом уставился на Кейла.

— Что, шпионишь? — спросил он срывающимся голосом.— Официант!

Стюард поспешил к нему.

— Слушаю вас.

— Лучшее вино для моего шпиона и... м-меня.— Когда официант отошел, офицер кивнул Кейлу.— Падай рядом. Можем ведь лететь и вместе, а? — Голос его приобрел доверительный тон.— Знаешь, люблю вино. Давно уж стараюсь, чтобы императрица ничего про это не узнала. Ей это не нравится.— Он грустно покачал головой.— Совсем не нравится. Ну, чего ждешь? Иди сюда.

Кейл быстро подошел, проклиная пьяного придурка, но вместе с тем и с некоторой надеждой. Он почти забыл, что

девушка из магазина предлагала ему поступить на службу к императрице. Если бы ему удалось получить от этого пьяницы необходимую информацию и быстро завербоваться в армию, потеря денег уже не имела бы значения.

«Нужно принять решение»,— сказал он сам себе, отчетливо представив, как именно он это будет делать.

Он потягивал вино, но все еще чувствовал себя несколько не в своей тарелке и то и дело бросал взгляд на полковника, бессвязное повествование которого постепенно начало складываться в более-менее определенную картину. Его звали Лорел Медлон, полковник Лорел Медлон, как он усиленно пытался вдолбить Кейлу в голову. Наперсник императрицы, доверенное лицо во дворце, начальник налогового округа.

— И черрртовски... ик!.. хороший человек,— заявил он с удовлетворением, которое придало его признанию куда больше веса, чем сами слова, и с сардонической усмешкой посмотрел на Кейла.

— Хочешь попробовать, а? — Он икнул.— Ладно, приходи ко мне в контору завтра.

Голос его оборвался, и он начал что-то бормотать себе под нос. Когда Кейл задал вопрос, он пробурчал, что прибыл в Империал-Сити, «когда был в твоем возрасте. Парень, ну и зеленым же я тогда был!». Затем он весь затрясся от возмущения.

— Знаешь, в чем дело, а? Эти чертовы монополии по пошиву одежды рассылают по стране разные сорта ткани. По ней можно узнать про любого, откуда он. Меня уж точно узнали быстро...

Он разразился проклятиями. Злость его была Кейлу вполне понятна. Вот, значит, в чем дело — одежда! Ему стало не по себе от осознания того, насколько это нечестно. Отец постоянно запрещал ему покупать костюмы даже в окрестностях Ферда, каждый раз заявляя: «Как ты полагаешь, станут ли местные торговцы приносить мне вещи на ремонт, если моя семья не покупает товары в их магазинах?» После этого вопроса, на который никогда не было ответа, отец просто переставал его слушать.

«Ну вот, я и здесь,— подумал Кейл,— гол как сокол, из-за этого старого дурака...»

Бессмысленная злость прошла. В больших городах вроде Ферда наверняка тоже существовали местные сорта ткани, которые так же легко опознать, как и в Глее. Он уже прекрасно осознал, что глупое упрямство одного человека здесь совершенно ни при чем.

Хорошо, что Кейл все-таки это понял. Лучше поздно, чем никогда.

Полковник беспокойно пошевелился. Кейл подступился к нему с очередным вопросом.

— Но как вы попали в армию? И прежде всего — как вы стали офицером?

Пьяный забормотал, что императрица постоянно жалуется на низкие доходы от налогов, потом о борьбе с Торговым домом, который чертовски всем досаждает. Но что он имел в виду, так и осталось неясным. А замечание про двух дам, которым стоило бы поостеречься, вызвало в воображении Кейла образ офицера, содержащего нескольких любовниц. После всего этого последовал долгожданный ответ:

— Я выложил пять штук креди за офицерский чин... черт побери...— С минуту он снова что-то бессвязно бормотал и наконец закончил: — Императрица настаивает, чтобы их раздавали бесплатно. Не выходит. Всем хочется иметь дополнительные доходы! — возмущенно заявил он.— Я, конечно, немало заплатил.

— Вы хотите сказать,— поспешно спросил Кейл,— что звание офицера сейчас можно получить бесплатно? Вы именно это имели в виду?

Он возбужденно схватил полковника за рукав.

Взгляд из-под полуприкрытых век вдруг стал удивительно трезвым, и офицер подозрительно уставился на Кейла.

— Ты кто такой? — рявкнул он.— Отвали от меня.— Голос звучал резко и совершенно не казался пьяным.— Черт побери, невозможно спокойно летать. Каждый раз какая-нибудь пиявка прицепится. У меня достаточно причин для того, чтобы приказать тебя арестовать.

Кейл встал, залился краской и пошатываясь отошел — потрясенный, почти на грани паники. Он получал слишком сильные удары, к тому же слишком часто.

Туман перед глазами постепенно рассеивался. Он сообразил, что стоит на пороге коктейль-бара, где все еще сидел

Тюлень в обществе двух своих дружков. Увидев их, Кейл оцепенел — он понял, почему вернулся сюда и почему ему хотелось на них взглянуть. В нем нарастало желание действовать, решимость сделать так, чтобы им не удалось выйти сухими из воды. Однако прежде всего нужно было кое-что выяснить.

Повернувшись, он направился прямо к девушке из оружейного магазина, которая сидела в углу с книгой — стройная, симпатичная, лет двадцати. Серо-зеленые глаза испытующе вглядывались в его лицо, пока он рассказывал, как у него украли деньги.

— Как думаешь,— закончил он,— мне стоило бы пойти к капитану?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Нет, я бы этого делать не стала. Капитан вместе с экипажем получают с этого сорок процентов. Они лишь помогли бы им избавиться от твоего трупа.

Кейл откинулся на спинку кресла. Он чувствовал себя так, словно его покинула вся жизненная энергия. То, что произошло с ним за время его первого путешествия далее Ферда, лишь подчеркивало его собственное бессилие.

— Как так получилось,— наконец спросил он, выпрямившись,— что они не выбрали тебя? Да, знаю, ты, скорее всего, не носишь деревенскую одежду, но каким образом они выбирают свои жертвы?

Девушка снова покачала головой.

— Эти люди,— коротко пояснила она,— просвечивают тех, кого они себе присмотрели. Больше всего их интересует, есть ли у потенциальной жертвы при себе оружие из Торгового дома. В этом случае они ее не трогают.

Кейл помрачнел.

— Можно одолжить твое? — угрюмо спросил он.— Покажу этим вонючкам, где раки зимуют.

Девушка пожала плечами.

— Пистолеты Торгового дома оружейников настроены на своих владельцев,— объяснила она.— Моим ты не смог бы воспользоваться. Кроме того, их можно применять исключительно для самообороны. А обороняться уже слишком поздно.

Кейл понуро уставился в пол. Девушка явно над ним издевалась. Красота городов, появлявшихся на экране каждые

несколько минут, лишь углубляла его депрессию. К нему возвращалось прежнее отчаяние. И вдруг ему показалось, что Люси Рэлл — его единственная надежда и он должен убедить ее помочь ему.

— Торговый дом занимается чем-нибудь еще кроме торговли оружием?

Девушка поколебалась.

— У нас есть Центр информации,— наконец ответила она.

— Что ты имеешь в виду? Какого рода информации?

— Любого. Где человек родился? Сколько у него денег? Какое он совершил или совершает преступление? Естественно, ни в чью частную жизнь мы не вмешиваемся.

Кейл посмотрел на нее исподлобья со смешанными чувствами разочарования и восхищения. Ему не хотелось отвлекаться, но уже много лет ему не давали покоя вопросы, касающиеся Торгового дома оружейников.

А сейчас он встретил того, кто знал ответы.

— Но чем они занимаются? — упрямо переспросил он.— Если у них есть настолько совершенное оружие, почему бы им просто не захватить власть?

Люси Рэлл улыбнулась и покачала головой.

— Две с лишним тысячи лет тому назад один человек основал Торговый дом оружейников, придя к выводу, что непрекращающаяся борьба за власть — явление ненормальное, а войны должны закончиться раз и навсегда. В то время мир как раз приходил в себя после одной из них, погубившей более миллиарда человеческих жизней. Именно поэтому у него нашлись тысячи единомышленников. Следовало организовать группу, которая имела бы одну главную цель — обеспечить средства для того, чтобы ни одно правительство никогда больше не получило полной власти над людьми. Человек, которого ввели в заблуждение или обманули, должен иметь возможность обзавестись оружием для самообороны. Ты даже не представляешь, какой большой был сделан шаг вперед. При старых деспотичных правительствах часто людей наказывали за одно лишь владение пистолетом.

Голос ее звучал все более убежденно — ясно было, что она верит в то, что говорит. Девушка с энтузиазмом продолжала:

— Саму идею основателю подсказало изобретение электронно-атомной системы контроля, которая давала возможность строить неуничтожимые оружейные магазины и производить оружие, предназначенное исключительно для оборонительных целей. Это положило конец всем дискуссиям о том, можно ли использовать оружие из наших магазинов против гангстеров и преступников всех мастей, и морально оправдывало все предприятие. При самообороне наше оружие превосходит любое другое, обычное или правительственное. Оно управляется силой мысли и в случае необходимости само прыгает в руку — например, в случае прямой угрозы для жизни. Оно создает защитное поле против излучателей. Правда, поле не защищает от обычных пуль, но это не имеет особого значения, учитывая быстродействие оружия.

Она посмотрела на Кейла.

— Ты это хотел знать? — спросила она.

— Предположим, кто-то стреляет в тебя из засады? — бросил он.

Девушка пожала плечами.

— Нет ситуации самообороны.— Она слабо улыбнулась.— Похоже, ты и впрямь не понимаешь. Нас не волнуют отдельные личности. Значение имеет совсем другое. Люди осознают, что в любой момент могут пойти в оружейный магазин и обеспечить защиту себе и своим семьям. Но важнее всего то, что силы, которые в обычных условиях пытались бы подчинить их себе, воздерживаются от агрессии ввиду того, что чересчур давить на людей может быть опасно. Именно поэтому возникло равновесие между теми, кто правит, и теми, кем правят.

Кейл разочарованно уставился на нее.

— Хочешь сказать, что людям приходится спасать себя самим? Даже получив оружие, нужно вооружиться стальными нервами? И никто не может помочь?

Ему вдруг стало больно от мысли, что девушка пыталась оправдаться и объяснить, почему она не может помочь ему. Немного помолчав, она ответила:

— Вижу, мои слова не слишком пришлись тебе по душе, но так оно на самом деле и есть. И я думаю, вскоре ты поймешь, что так и должно быть. Когда людям не хватает смело-

сти протестовать против бесправия, их не может спасти никакая сила извне. Мы считаем, что люди всегда имеют такое правительство, какого заслуживают, и лишь сами конкретные личности должны нести на своих плечах бремя свободы, даже если ее цена — их собственная жизнь.

Видимо, она заметила выражение его лица, поскольку неожиданно замолчала.

— Послушай,— попросила Люси,— оставь меня ненадолго одну, чтобы я могла обдумать все то, о чем ты мне говорил. Я ничего не обещаю, но я скажу тебе, каково мое мнение, еще до посадки. Хорошо?

Кейл воспринял ее слова как удобную отговорку, чтоб избавиться от назойливого собеседника. Кисло улыбнувшись, он встал и занял свободное кресло в соседнем отсеке. Когда минуту спустя он посмотрел туда, где сидела девушка, там было пусто.

И тогда он принял решение. Он понял, что девушка просто избегает ненужных проблем. Снова взяв себя в руки, он встал и направился в бар.

Подойдя к Тюленю сзади, он со всей силы ударил его в скулу. Тот свалился с табурета на пол. Двое его дружков вскочили на ноги. Кейл безжалостно пнул ближайшего в пах. Тот застонал и согнулся, прижимая руки к низу живота.

Не обращая на него внимания, Кейл бросился на третьего, который пытался вытащить пистолет из кобуры под мышкой, и навалился на него всем телом, обеспечив себе преимущество. Выдернув у него оружие и поставив его на предохранитель, он с размаху ударил им по вытянутой руке, разодрав ее до крови. Крик боли заглушил шум драки.

Кейл обернулся как раз в тот момент, когда Тюлень поднимался с пола. Желтоглазый потер щеку. Оба стояли неподвижно, пристально глядя друг на друга.

— Отдай мои деньги,— потребовал Кейл.— Ты выбрал неподходящую жертву.

Тюлень повысил голос.

— На меня только что напали! Подобной наглости...

Внезапно он замолчал, явно сообразив, что врожденная хитрость или здравомыслие ему не помогут. Он поднял руки и поспешно сказал:

— Не стреляй, дурак! В конце концов, мы же в тебя не стреляли.

Кейл усилием воли удержал палец на спусковом крючке.

— Мои деньги,— рявкнул он.

Неожиданно появилось препятствие — за его спиной послышался чей-то громкий голос:

— Что здесь происходит? Руки вверх! Ты, с пистолетом!

Кейл обернулся и отступил к ближайшей стене. У входа стояли трое офицеров из экипажа с портативными бластерами. Они держали его на мушке. Несмотря на резкий обмен репликами, Кейл ни разу не опустил оружия.

Он подробно изложил всю историю и отказался сдаться.

— У меня есть основания полагать,— заявил он в заключение,— что экипаж самолета, на котором дело доходит до подобных инцидентов, сам в том замешан. А теперь, Тюлень, быстро давай мои деньги.

Ответа не последовало. Он бросил взгляд туда, где только что стоял желтоглазый, и... никого не увидел.

Игрок исчез. Его сообщников тоже след простыл.

— Послушай,— сказал офицер, производивший впечатление главного,— отдай оружие, и забудем обо всем.

— Я выйду через ту дверь.— Кейл показал подбородком направо.— Когда дойду до нее, положу оружие.

Они не возражали, и Кейл не стал терять времени. Он тщательно обыскал весь самолет, но Тюленя и его дружков нигде не нашел. Охваченный яростью, он разыскал капитана.

— Ах ты, сволочь,— презрительно бросил он.— Ты позволил им улететь в спасательной капсуле.

Офицер холодно взглянул на него.

— Парень,— язвительно проговорил он,— ты прямо-таки живое доказательство того, что в рекламе все правда. Путешествия воспитывают. Побывав на борту нашего самолета, ты стал более осторожен. Ты обнаружил в себе смелость, которая никак до сих пор не проявлялась. Короче говоря, за несколько часов ты повзрослел. Не стоит мерить собственной жизнью, сколько тебе это стоило. Деньгами ты заплатил не так уж и много. Если тебе когда-нибудь захочется потратить еще — с удовольствием дам тебе свой адрес.

— Я сообщу об этом в вашу компанию,— пригрозил Кейл.

Офицер пожал плечами.

— Бланки жалоб можно взять в коридоре. Тебе придется отправиться для личной беседы в нашу контору в Ферде за свой счет.

— Понятно,— мрачно буркнул Кейл.— Вы очень хорошо устроились, нечего сказать.

— Не я устанавливаю правила,— последовал короткий ответ.— Я лишь им подчиняюсь.

Дрожа от злости, Кейл вернулся в салон, где в последний раз видел девушку, но она тоже куда-то исчезла. Он начал готовиться к посадке, которая должна была произойти меньше чем через полчаса.

Внизу над миром Ишер тянулись тени наступающих сумерек. Небо на востоке потемнело и покрылось тучами, словно там, за горизонтом, уже наступила ночь.

Через несколько минут после расставания с Кейлом Люси отложила книгу и непринужденной походкой проследовала к кабине телестата. Заперев за собой дверь, она повернула переключатель, отсоединявший устройство от главной консоли в рубке капитана. Сняв с пальца один из перстней, она какое-то время повозилась с ним и установила связь с правительственным телестатом. На экране появилось женское лицо.

— Центр информации.

— Соедините меня с Робертом Хедроком.

— Минуту.

Почти сразу же на экране появился мужчина, внешность которого можно было бы назвать грубой, но в каждой черте его лица чувствовались гордость и жизненная сила. Сама его личность, казалось, изливалась с экрана непрерывным магнетическим потоком. Голос его был спокойным, но звучным.

— Отдел координации.

— Говорит Люси Рэлл, опекун потенциального имперского служащего Кейла Кларка,— представилась она, а затем вкратце описала, что произошло с ее подопечным.— По нашим данным, он обладает невероятными каллидетическими способностями. Мы наблюдаем за ним в надежде, что его карьера будет стремительной и он поможет нам помешать императрице уничтожить Торговый дом оружейников с помощью ее нового временного оружия. Это полностью соответствует

директиве об использовании любых возможностей. Думаю, мы должны дать ему немного денег.

— Понимаю.— Мужчина на экране задумался.— Какой у него уровень сельского жителя?

— Средний. Какое-то время ему будет тяжело в городе. Но вскоре он преодолеет свои привычки. Проблемы лишь придадут ему сил, однако сейчас он нуждается в помощи.

Судя по выражению лица Хедрока, он принял решение.

— В подобных случаях чем меньше сумма денег, тем выше в конечном счете благодарность...— Он улыбнулся.— Так мы по крайней мере думаем. Дай ему пятнадцать креди, и пусть считает, что это ты лично ему одолжила. Не опекай его, пусть он будет полностью предоставлен сам себе. Что-нибудь еще?

— Все.

— Тогда до свидания.

Меньше чем за минуту, как и полагалось, Люси Рэлл вернула телестат к его исходному состоянию.

Глава 6

Кейл смотрел на хозяйку, которая, в свою очередь, разглядывала его самого. На ее решение он никак не мог повлиять. Вопрос был в том, распознает ли она в нем сельского жителя? Он вовсе не был уверен, что этого не случится. Наконец она кивнула с загадочным выражением на лице и сдала ему маленькую комнатку, обладавшую огромным преимуществом, а именно — она стоила всего четверть креди в день.

Кейл улегся на кровать и расслабился под ритмичную музыку. Он чувствовал себя удивительно хорошо — правда, он до сих пор переживал из-за кражи денег, но уже не воспринимал ее как катастрофу. Пятнадцать креди, которые дала ему девушка, позволяли прожить несколько недель. В Империал-Сити ему ничего не угрожало. Да и сам факт, что девушка одолжила ему денег и назвала свое имя и адрес, кое о чем говорил. Удовлетворенно вздохнув, он вышел на улицу в поисках ужина.

На углу он заметил кафе-автомат. Внутри было пусто, если не считать мужчины средних лет. Кейл купил в автомате стейк и сел рядом с незнакомцем.

— Я здесь впервые,— сказал он, пытаясь завязать разговор.— Не могли бы вы мне рассказать про город? Был бы очень вам благодарен.

На этот раз он избрал новую тактику: он демонстрировал собственную наивность. Однако он чувствовал себя вполне уверенно и был убежден, что сейчас ему куда больше нужна информация, чем сохранение собственного достоинства. Его вовсе не удивило, что незнакомец с серьезным видом откашлялся и сказал:

— Первый раз в большом городе? Был уже где-нибудь?

— Нет, я только что приехал.

В серых глазах незнакомца промелькнул легкий интерес. Он кивнул скорее сам себе, чем Кейлу.

«Похоже, он решает, как бы меня использовать»,— цинично подумал Кейл.

Мужчина снова заговорил, на этот раз вполне дружелюбно:

— Меня зовут Грегор. Живу здесь за углом, в неботеле. Что бы ты хотел узнать?

— Ну, например,— быстро ответил Кейл,— где тут самый лучший район? О ком больше всех говорят?

Грегор рассмеялся.

— Что касается последнего — то, естественно, об императрице. Ты ее хоть раз видел?

— Только по телестату.

— Ну что ж, значит, знаешь, что она просто ребенок, пытающийся казаться крутым.

Ни о чем подобном Кейл не знал. Несмотря на весь свой цинизм, он никогда не думал о членах правящего дома Ишеров иначе, чем полагалось официально, и сейчас инстинктивно отверг попытку собеседника представить императрицу Иннельду обычным человеком.

— Императрица? — переспросил он.

— Ее держит взаперти во дворце группа старцев, которые никак не хотят отдавать власть.

Кейл нахмурился — подобная картина ему совсем не понравилась. Он вспомнил, как в последний раз видел императрицу по телестату: волевое лицо, голос, в котором звучала не только великая гордость, но и решимость. Если какие-то люди пытались использовать ее в качестве своего орудия, то им сто-

ило быть поосторожнее. Молодая императрица была вполне себе на уме.

— Хочешь попытать счастья в игре? — продолжал Грегор.— В таком случае тебе следует отправиться на авеню Удачи. Кроме того, здесь есть и театры, и рестораны, и...

Кейл внезапно утратил к нему интерес. Не стоило ожидать, что случайный знакомый в дешевом районе сумеет удовлетворить его любопытство. Мысли и желания этого человека простирались не слишком далеко, так что ничего существенного он сказать не мог.

Однако Грегор не сдавался.

— С удовольствием покажу тебе город. Денег у меня сейчас не слишком много, но...

Кейл кисло улыбнулся. Вот, значит, каковы были его намерения. Его новый знакомый принадлежал к низшим слоям общества Ишер, но в данном случае он был настолько достоин сожаления, что никакого значения это уже не имело. Кейл покачал головой и вежливо сказал:

— Спасибо, как-нибудь в другой раз. Сегодня я немного устал — ну, знаете, все-таки долгий перелет и все такое.

Он принялся за еду, не особо переживая по поводу неудачного знакомства. В конце концов, никакого вреда этот разговор ему не принес — даже, честно говоря, немного поправил настроение. Несмотря на то что он никогда не был в Империал-Сити, он намного лучше Грегора разбирался в том, что благоразумно, а что нет.

Ужин обошелся ему несколько дороже, чем он ожидал, но об этом он не жалел. После всех неприятностей, пережитых во время полета, ему требовалась разрядка. Довольный, он вышел на улицу. Вокруг полно было детей, и хотя быстро опускались сумерки, игра шла вовсю.

Он ненадолго задержался, глядя на детей,— насколько он мог понять, им было от шести до двенадцати лет. Групповым играм учили во всех школах, но в этой явно преобладали сексуальные мотивы, с чем ему никогда прежде сталкиваться не приходилось.

«Господи,— подумал он,— а меня еще считали чуть ли не бесом. Этим ребятишкам я бы показался всего лишь наивным простаком».

Кейл направился назад к себе в комнату в убеждении, что парнишка, глядя на которого родители в Глее неодобрительно качали головой, на самом деле был простодушным и честным. Если он и мог плохо кончить, то именно из-за собственной наивности, и ничего больше.

Сознавать это было не слишком приятно. В Глее ему доставляло удовольствие нарушать заведенные обычаи. Там он считал себя «городским». Лежа в кровати, он подумал, что это было правдой лишь отчасти. Ему не хватало опыта и знаний, а также молниеносной реакции и чувства опасности. В ближайших его планах стоял поиск лекарства от этих слабостей. Его беспокоило то, что он не может однозначно определить свою цель и находит лишь временные решения, которые не следуют из ясных и до конца определенных собственных намерений.

С этими мыслями он заснул, и они продолжали мучить его даже во сне. Первая его ночь в городе мечты оказалась тяжкой. Он проснулся уставшим и несчастным, однако тревога постепенно проходила.

Дорогим кафе-автоматом он пользоваться не стал и позавтракал за одну восьмую креди в ресторанчике с персональным обслуживанием и домашней кухней. Но он тут же пожалел о собственной скупости. Тяжесть никак не желавшего перевариваться завтрака ослабла лишь тогда, когда Кейл оказался в «Пенни-Паласе» — ярко разукрашенном игорном заведении, находившемся на всемирно известной авеню Удачи.

По словам путеводителя, в котором описывались исключительно авеню Удачи и игорные заведения, владельцы «Пенни-Паласа» «разместили повсюду светящиеся вывески, которые скромно заявляют, что каждый может войти туда с монеткой достоинством в один пенни и выйти с миллионом — естественно, миллионом креди». Удалось ли подобное когда-либо хотя бы одному, на вывесках не говорилось.

Фраза заканчивалась словами: «"Пенни-Палас" отличается тем, что в нем больше автоматов для игры в чет-нечет, чем в любом другом заведении на авеню Удачи».

Именно это, вместе с низкими ставками, и заинтересовало Кейла. Пока что он не планировал уйти с миллионом и для начала решил ограничиться пятьюстами креди. Потом — что ж, потом у него будут возможности для большего.

Сперва он выбрал автомат, который выбрасывал слова «чет» и «нечет» в светящийся водоворот. Когда туда падало по десять слов каждого вида, в жидкости происходили химические изменения, после чего на поверхности оставалось лишь одно слово. Все остальные исчезали.

Слово-победитель всплывало вверх и каким-то образом приводило в действие механизм, который либо выплачивал выигрыш, либо забирал проигрыш. Игроки видели, как слова, на которые они поставили, со щелчком исчезают или, наоборот, появляются в квадрате, перед которым они стояли. Кейл услышал щелчок, извещавший о проигрыше.

Он удвоил ставку и на этот раз выиграл. Забрав первоначальную ставку, он сыграл выигранной монетой. Замигали огоньки, водоворот зашипел, и на поверхности осталось слово «чет». До его ушей донесся приятный звон мягко скользящих в его сторону монет — звук, который он слышал еще не раз в течение последующих полутора часов. Несмотря на осторожность, он выиграл пять с лишним креди.

В конце концов он устал и отправился отдохнуть в соседний ресторан. Вернувшись в Комнату сокровищ, как назывался этот зал, он заметил игру, заинтриговавшую его.

Нужно было бросить в щель деньги, после чего освобождался рычаг, за который следовало потянуть, и начинали одна за другой появляться картинки, быстро сменявшие друг друга на красном или черном фоне. Таким образом, это была очередная разновидность игры в «чет-нечет», поскольку у игрока были те же шансы выиграть — пятьдесят на пятьдесят.

Кейл бросил в щель монету в полкреди, потянул за рычаг... и проиграл. Вторая попытка завершилась с тем же результатом, третья тоже. На четвертый раз замигал именно тот цвет, на который он поставил. Он выиграл очередные десять раундов, проиграв четыре, затем выиграл семь из последующих десяти. За два часа, соблюдая осторожность и скорее ограничивая собственное везение, чем поощряя его, он выиграл семьдесят восемь креди.

Он направился в бар, чтобы чего-нибудь выпить и подумать над ближайшим будущим. Столько всего нужно было сделать — купить новый костюм, поместить свой выигрыш в безопасное место, подготовиться к следующей ночи и вернуть долг, взятый у Люси Рэлл.

Кейл рассуждал хладнокровно, несмотря на охватившее его приятное возбуждение, он ощущал спокойствие и уверенность в себе. Несколько секунд спустя он позвонил по телестату девушке из Торгового дома.

С прибавлением собственного состояния можно было и подождать.

Люси появилась на экране почти сразу же.

— Я сейчас на улице,— коротко пояснила она.

Кейл понял. Ее лицо почти полностью заполняло экран, и можно было увидеть вставленный в ухо миниатюрный телестат. Люди пользовались ими на улице для связи с домашними телестатами. У одного из жителей Глея был такой.

Прежде чем Кейл успел открыть рот, она сказала:

— Я как раз иду домой. Может, там и встретимся?

Еще бы!

Квартира из четырех комнат была оборудована множеством автоматических устройств. Бросив короткий взгляд по сторонам, Кейл пришел к выводу, что Люси Рэлл не особо любит работу по дому. Однако его удивило, что квартира выглядела совершенно не охраняемой. Девушка вышла из спальни и в ответ на его замечание лишь пожала плечами.

— Мы, люди из Торгового дома оружейников,— сказала она,— живем, так же как и другие люди, обычно в достаточно приличных жилых районах. Только наши магазины и...— она поколебалась,— несколько заводов, ну и, естественно, Центр информации находятся под надлежащей защитой.— Она оборвала фразу.— Ты что-то говорил насчет покупки костюма. Если хочешь, помогу тебе выбрать, но у меня всего два часа времени.

Воодушевленный, Кейл открыл перед ней дверь. В том, что она пригласила его в квартиру, явно чувствовался некий подтекст личного характера. Вряд ли в ее обязанности по отношению к Торговому дому входило приглашение никому не известного Кейла Кларка к себе домой даже на несколько минут. Похоже, он ей понравился.

Они поймали автоплан — на стоянке Люси нажатием кнопки послала ближайшую машину вниз.

— Куда летим? — спросил Кейл.

Девушка улыбнулась и покачала головой.

— Увидишь.— Она показала вверх.— Смотри.

На небе появилось искусственное облако, которое несколько раз изменило цвет, после чего на нем засияли буквы: «РАЙ ХАБЕРДАШЕРИ».

— Я видел эту рекламу вчера вечером,— сказал Кейл.

Он уже успел об этом забыть, но сейчас воспоминание вернулось к нему с удвоенной силой. Светящиеся полосы вспыхнули в ночи, когда Кейл шел к себе домой. Рекламный «Рай» информировал мужчин всех возрастов, что совершать покупки им следует именно здесь — в торговой фирме, которая могла доставить любую часть мужского гардероба в любое время дня и ночи в любое место на Земле, Марсе или Венере, а за небольшую дополнительную плату — по всей населенной Солнечной системе.

Реклама ничем не отличалась от сотен других, и потому название фирмы не отложилось у него в памяти.

— Думаю, стоит туда заглянуть,— предложила Люси.

Кейлу показалось, будто она наслаждается его радостью, из-за чего он почувствовал себя несколько наивным. Но это было не важно. Куда важнее, что она пошла вместе с ним.

— Спасибо за помощь,— ответил он.

«Рай Хабердашери» в реальности производил куда большее впечатление, чем в рекламе. Здание занимало три квартала и имело восемьдесят этажей в высоту — по крайней мере так сказала ему Люси, после чего добавила:

— Пройдемся быстро по основным отделам, потом купим тебе костюм.

Вход в «Рай» занимал примерно сто ярдов в ширину и тридцать этажей в высоту. Энергетический экран, не пропускавший внутрь наружный воздух, являлся единственным ощутимым барьером, сквозь который без труда можно было пройти в увенчанный куполом вестибюль. «Рай» не только предлагал пляжную одежду — он предлагал и пляж шириной в четверть мили, на который накатывались волны тянувшегося вплоть до туманного горизонта моря. Иллюзия была полной, вплоть до выброшенных на песок раковин и острого запаха морской воды. Точно так же вместе с лыжными костюмами предлагались и горы, неотличимые от настоящих, с крутым заснеженным склоном высотой в полмили.

«Рай — УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН,— гласила светящаяся вывеска, на которую Люси обратила внимание Кейла.— Если ты не найдешь здесь чего-то, что соответствует нашему девизу "Все для мужчин", тебе нужно только спросить. В продаже есть все».

— Включая женщин.— сухо заметила Люси.— Женщины здесь стоят столько же, сколько костюмы, от пяти креди до пятидесяти тысяч. Ты бы удивился, если б узнал, сколько женщин из добропорядочных семей появляется здесь, когда им нужны деньги. Естественно, все сохраняется в тайне.

Кейл заметил, что девушка задумчиво разглядывает его, явно ожидая какого-то комментария. Несколько сбитый с толку, он поспешно сказал:

— Я никогда не стал бы платить деньги за женщину.

Похоже, этот ответ ее удовлетворил, и они молча прошли в отдел мужских костюмов. Они продавались на тридцати этажах, но на каждом были свои цены. Люси провела его туда, где цены колебались между двадцатью и тридцатью креди. Кейл сразу же заметил, насколько отличается качество «городской» ткани от его собственной одежды. За тридцать два креди он купил костюм, галстук, носки и ботинки.

— Думаю, подниматься выше тебе пока не стоит,— практично заметила Люси.

От предложения вернуть ей деньги, она отказалась.

— Можешь отдать и потом. Сейчас я бы предпочла, чтобы ты положил их в банк и держал про запас.

Это означало, что они с Люси еще встретятся. Кейл даже предположил, что именно этого ей, вероятно, и хотелось.

— Иди лучше переоденься,— посоветовала она.— Я подожду здесь.

У него вдруг возникло непреодолимое желание поцеловать ее, прежде чем они расстанутся. Однако, выйдя из примерочной кабины, он изменил свои намерения, когда услышал:

— Я даже понятия не имела, что уже так поздно. Сейчас три часа.— Она улыбнулась и посмотрела на него.— Ты большой, сильный и симпатичный. Не знал? Но сейчас не время для комплиментов. Лучше поторопимся.

У гигантского входа они попрощались. Люси поспешила на стоянку автопланов, оставив его одного. Чувства, охватив-

шие его в магазине, постепенно отступили. Кейл шел, постепенно ускоряя шаг.

К тому времени, как он добрался до здания Пятого межпланетного банка, над которым вздымались шестидесятичетырехэтажные башни, его снова начало распирать от тщеславия. Это был крупный банк, но скромный депозит в пятнадцать креди приняли у него без каких-либо комментариев, хотя и потребовали оставить отпечатки пальцев.

Кейл вышел из банка в прекрасном расположении духа — впервые с того момента, как его обокрали. У него имелся собственный счет. Он был одет по моде. Прежде чем приступить к третьему этапу карьеры игрока, оставалось сделать лишь одно.

Из общественного автоплана он высмотрел оружейный магазин, расположившийся в частном парке неподалеку от банка. По украшенной цветами дорожке он подошел к двери, но остановился, увидев небольшую табличку, какую никогда прежде в оружейных магазинах не встречал. Надпись гласила:

ВСЕ ГОРОДСКИЕ ОРУЖЕЙНЫЕ МАГАЗИНЫ
ВРЕМЕННО ЗАКРЫТЫ.
НОВЫЕ И СТАРЫЕ МАГАЗИНЫ
В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
ОТКРЫТЫ КАК ОБЫЧНО.

Кейл неохотно повернул назад. Подобной возможности — что сказочные оружейные магазины окажутся закрыты — он просто не предполагал. Внезапная мысль заставила его вновь вернуться к двери, но он не нашел никаких сведений о том, когда магазины откроются снова. Никакой даты, вообще ничего, кроме одного-единственного объявления. Кейл мрачно стоял перед дверью, испытывая нечто вроде чувства утраты. Внезапно он осознал, что царившая вокруг тишина начинает его беспокоить — хотя в Глее вокруг оружейного магазина всегда было тихо.

Ощущение растерянности нарастало. Что теперь делать? Повинуясь некоему импульсу, он попытался открыть дверь, но та даже не шелохнулась. Он снова повернулся и направился в сторону улицы.

Кейл стоял на островке безопасности не в силах решить, какую кнопку нажать. Он мысленно вернулся к двум с половиной часам, проведенным вместе с Люси, которые теперь казались ему просто интересным событием. Его охватило разочарование при воспоминании о том, насколько скучным оказался их разговор. Если не считать некоторой непосредственности и решительности, ее слова почти не оставили следов в памяти.

«Вот так оно и бывает,— подумал он.— Если девушка готова терпеть занудного парня — значит, она что-то чувствует».

Становившееся все сильнее желание действовать помогло составить план и побудило к принятию быстрых решений. Оружейный магазин, игра, а затем штаб военного округа под командованием полковника Медлона. Одна неделя, подумал он. Первым должен стать оружейный магазин, поскольку эти заведения не открывали своих дверей перед служащими империи, независимо от того, были те солдатами или государственными чиновниками.

Дольше тянуть было нельзя. Он нажал кнопку, вызывая автоплан, направлявшийся в Девятнадцатый округ.

Минуту спустя он был уже в пути.

Глава 7

Штаб Девятнадцатого округа находился в старом здании, спроектированном в виде водопада. Мраморные струи били из потайных закоулков, постепенно соединяясь в единое целое.

Здание было не слишком большим, но достаточно солидным для того, чтобы заставить Кейла остановиться. Пятнадцать этажей, заполненных чиновниками и беспрерывно трещащими автоматическими пишущими машинками, производили серьезное впечатление. После встречи с пьяным офицером он не представлял себе подобного.

На информационном табло были перечислены гражданские должности и воинские звания. Кейл предположил, что найдет полковника Медлона где-то под вывеской «Отдел персонала». Последний этаж.

Внизу он заметил надпись: «Переход к эскалатору на последний этаж находится в приемной на пятнадцатом этаже».

В приемной записали его фамилию, и сидевший там мужчина передал его данные для проверки, но лишь после долгих приглушенных переговоров по интеркому открылась дверь и появился офицер средних лет в мундире капитана, который сердито посмотрел на Кейла.

— Полковник не любит юнцов,— презрительно бросил он.— Ты кто такой?

Слова капитана звучали не слишком многообещающе, однако Кейл почувствовал, как в нем нарастает упрямство. Благодаря долгому опыту ссор с отцом он сумел безразличным тоном ответить:

— Я познакомился с полковником Медлоном вчера во время полета в Империал-Сити. Он настаивал, чтобы я с ним встретился. Если бы вы были так любезны и сообщили ему, что я здесь...

Капитан с полминуты оценивающе его разглядывал, затем молча вернулся в кабинет. Вскоре он снова появился, качая головой, но сказал уже более дружелюбно:

— Полковник говорит, что тебя не помнит, но уделит тебе пару минут.— Он понизил голос до шепота.— Он что, был... гм... под мухой?

Кейл кивнул — ему не хватило смелости ответить вслух.

— Заходи,— тихо сказал капитан,— и дави на него что есть силы. Сегодня ему уже дважды звонила весьма важная персона, а он отсутствовал. Сейчас он места себе не находит, узнав о тебе. Он страшно боится всего того, что болтает по пьяни. Здесь, в городе, он и капли выпить не осмелится, сам понимаешь.

Кейл последовал за капитаном, мысленно создавая очередной образ мира Ишер. Похоже, нижестоящий офицер всерьез метил на пост своего начальника.

Впрочем, об этом он забыл, сойдя с эскалатора,— его вдруг охватило мрачное предчувствие, что у него ничего не получится. Однако когда он бросил взгляд на человека, сидевшего за большим столом в углу просторного помещения, все опасения, что его вышвырнут из штаба Девятнадцатого округа, исчезли так же быстро, как и появились.

Перед ним был тот самый офицер из самолета, но на этот раз он словно уменьшился в размере. Лицо, прежде опухшее

от алкоголя, теперь будто сжалось. Полковник задумчиво постукивал пальцами по крышке стола.

— Оставьте нас, капитан,— спокойно и повелительно произнес он.

Капитан с сосредоточенным видом вышел за дверь. Кейл сел.

— Я тебя, кажется, помню,— сказал Медлон.— Извини, похоже, я тогда немного выпил.— Он фальшиво рассмеялся.

Кейл подумал, что тогдашние слова полковника об императрице могут быть весьма опасны для человека, занимающего подобный пост.

— Мне не показалось, будто что-то не так.— Он поколебался.— Хотя, если подумать, возможно, вы вели себя чересчур откровенно.— Он снова помолчал.— Но я считал, что ваш пост позволяет вам открыто высказывать столь решительные взгляды.

В кабинете наступила тишина. Кейл осторожно поздравил себя с удачей, одновременно не строя особых иллюзий. Этот человек не зашел бы столь далеко, будь он пугливым и глупым.

— Гм...— наконец пробормотал полковник Медлон,— так о чем мы... гм... договаривались?

— В числе прочего,— спокойно ответил Кейл,— вы сказали, что правительству нужны офицеры, и предложили мне поступить на службу.

— Не помню,— покачал головой Медлон,— чтобы я делал подобные предложения.— Казалось, он весь внутренне напрягся.— Так или иначе, даже если это и правда, вынужден с сожалением сообщить, что в мою компетенцию не входит присвоение офицерских званий. Их получают в соответствии со стандартными процедурами, которые никоим образом не входят в мои полномочия. А поскольку к офицерским чинам относятся с должным уважением, правительство уже давно рассматривает это как источник дополнительных доходов. Для примера — звание лейтенанта стоило бы тебе пять тысяч креди даже с моей протекцией. Звание капитана потребовало бы пятнадцати тысяч креди, чего в столь молодом возрасте достаточно тяжело добиться, и...

Кейл слушал его со все большим унынием. Анализируя собственные слова, он постепенно приходил к выводу, что

в данной ситуации сделал все возможное. Неосторожностью Медлона попросту не удавалось воспользоваться.

— Сколько стоит звание полковника? — спросил он с кривой усмешкой.

Офицер грубо рассмеялся.

— Молодой человек,— усмехнулся он,— за такое не платят деньгами. Каждый раз приходится расплачиваться очередным пятном на собственной совести...

Он помолчал, затем продолжил:

— А теперь послушай. Мне очень жаль, если вчера я чересчур свободно распоряжался чинами ее императорского величества, но ты сам понимаешь, как обстоят дела на самом деле. А чтобы доказать, что я не нарушаю своих обещаний, даже если веду себя... гм... не вполне адекватно, сделаем так. Принесешь мне пять тысяч креди, когда тебе будет удобно, скажем... в течение двух недель, и я гарантирую тебе звание офицера. Как тебе такое?

Для человека, чье состояние не превышало сорока креди, подобное предложение казалось как минимум нереальным. Если даже императрица фактически и запретила продажу офицерских званий, приказ этот полностью игнорировался ее продажными подданными.

Значит, ни она, ни ее советники были далеко не всевластны. Кейл всегда считал, что лишь Торговый дом оружейников в определенной степени ограничивал ее власть, но сеть, которой ее опутали, оказалась куда более прочной. Множество людей, исполнявших ее волю, на самом деле без зазрений совести вели собственную игру и удовлетворяли собственные желания, предпочитая это занятие служению женщине, которой они поклялись в верности.

Полковник начал перекладывать бумаги на столе. Аудиенция подходила к концу. Кейл уже собирался сказать что-нибудь на прощание, когда на стене позади Медлона замигал экран телестата и там появилось женское лицо.

— Полковник,— резко сказала она,— где вас носит, черт побери?

Офицер замер на месте и медленно, с трудом повернулся. Кейлу не нужно было видеть выражение лица собеседника, чтобы понять, кто эта женщина.

Он смотрел на императрицу Ишер.

Глава 8

Кейл машинально поднялся со стула, понимая, что сейчас он здесь лишний. Он уже был на полпути к двери, когда заметил, что женщина внимательно за ним наблюдает.

— Большое вам спасибо, полковник,— пробормотал он.

Голос дрогнул, и Кейл стыдливо замолчал. Внезапно его охватило сомнение в том, что все это происходит действительно с ним. Он посмотрел на женщину, пытаясь удостовериться, что это в самом деле она, и тут до него донесся голос Медлона.

— Всего доброго, мистер Кларк,— чересчур громко сказал полковник, вырвав Кейла из задумчивости.

Он все еще стыдился своего поведения — на этот раз из-за того, что случилось раньше, а не сейчас. Неожиданно он мысленно представил самого себя — высокого, хорошо одетого парня, стоящего перед императрицей Ишер, а рядом — наполовину разрушенную алкоголем карикатуру на человека. Кейл посмотрел в лицо на экране телестата и инстинктивным движением слегка поклонился, отчего почувствовал себя несколько лучше.

Теперь он уже не сомневался в том, кто перед ним. Двадцатипятилетняя императрица Иннельда не была самой прекрасной женщиной в мире. Однако ошибиться было невозможно — ее слегка удлиненное своеобразное лицо обладало всеми чертами, свойственными императорской фамилии Ишеров, и ни о каких сомнениях не могло быть и речи. Голос ее, когда она снова заговорила, был хорошо знаком каждому по телестату. Однако обращенные непосредственно к нему слова звучали совершенно иначе.

— Как тебя зовут, юноша?

Медлон ответил за него напряженным, но спокойным голосом:

— Это мой знакомый, ваше величество.— Он повернулся к Кейлу.— До свидания, мистер Кларк. Приятно было пообщаться.

— Я спрашивала, как зовут *тебя,*— повторила женщина, не обращая внимания на полковника.

Кейл внутренне сжался от адресованного прямо ему вопроса, но тут же представился.

— С какой целью ты пришел к Медлону?

Кейл поймал напряженный взгляд полковника, старавшегося привлечь его внимание. До этого он в глубине души восхищался умением офицера лавировать и подбирать слова, но сейчас от восхищения не осталось и следа. Медлон явно был в панике, и у Кейла вновь появилась надежда.

— Я хотел узнать, можно ли получить звание офицера в вооруженных силах вашего величества,— сказал он.

— Так я и думала,— ответила императрица и замолчала.

Она задумчиво перевела взгляд с Кейла на Медлона. Кожа ее была гладкой и слегка загорелой, голова высоко поднята, и сама она выглядела полной молодости, энергии и жизни. Мгновение спустя она доказала, насколько хорошо умеет управляться с мужчинами — вместо того чтобы задать Кейлу очередной вопрос, она обратилась к Медлону:

— Могу я спросить вас, полковник, каким был ваш ответ?

На лбу офицера выступил пот, но он ответил спокойным, даже слегка веселым голосом:

— Я сообщил ему, ваше величество, что оформление документов на офицерское звание займет около двух недель.— Он неодобрительно усмехнулся.— Как вам наверняка известно, следует принимать во внимание бюрократические проволочки.

Кейл ощущал себя на гребне волны, поднимавшейся все выше и выше. Неожиданно он почувствовал, что у него снова есть шанс. Он восхищенно смотрел на императрицу, столь отличавшуюся от образа, который был знаком ему в течение многих лет, и удивлялся тому, что она старалась не повергать в замешательство одного из своих офицеров, по сути застигнутого на месте преступления. Однако следующая ее фраза была полна сарказма:

— Да, полковник, я это прекрасно знаю. И вообще, вся эта пустая болтовня прекрасно мне известна.— Сарказм сменился раздражением.— Так или иначе, молодые люди, которые обычно покупают себе место в армии, слышали о том, что происходит сейчас, и особо не высовываются. Начинаю подозревать, что существует некий заговор в пользу Торгового дома оружейников, цель которого — отбить охоту у тех немногих, кто все же приходит.

Глаза на экране телестата вспыхнули зеленым пламенем. Худое лицо пылало гневом, от сдержанности не осталось и следа. Императрица обратилась к Кейлу.

— Кейл Кларк,— звонко произнесла она.— Сколько ты должен был заплатить за звание?

Кейл поколебался. В темных глазах Медлона застыл страх, шея казалась неестественно вывернутой. Взгляд его говорил лучше всяких слов — полковник сожалел обо всем, что только что рассказал будущему лейтенанту имперской армии.

Мысли полковника были настолько очевидны, что Кейл почувствовал неприкрытое отвращение. Никогда прежде ему не приходилось ощущать, что некто полностью отдан на его милость, и от подобной мысли он весь внутренне сжался от страха. Неожиданно ему расхотелось продолжать дискуссию.

— Ваше величество,— напряженно начал он,— я познакомился с полковником Медлоном вчера в самолете, и он предложил мне офицерское звание без каких-либо дополнительных обязательств.

Кейл почувствовал себя намного лучше. Он заметил, что офицер несколько расслабился, а женщина довольно улыбается.

— Ну что ж, полковник,— сказала она,— рада слышать. А поскольку это снимает вопросы, которые я хотела с вами обсудить,— примите мои поздравления. Все.

Экран погас с тихим щелчком. Полковник Медлон медленно осел в кресле. Кейл, улыбаясь, подошел к столу. Полковник проговорил ровным голосом:

— Приятно было с тобой познакомиться, молодой человек, но я очень занят. Естественно, надеюсь увидеть тебя через две недели с пятью тысячами. Всего доброго.

Кейл не сразу двинулся с места, но уже успел ощутить всю горечь поражения. Откуда-то из глубин разума пришло осознание, что из-за собственной слабости он только что упустил невероятную возможность — поскольку верил, что это аморальное ничтожество выразит ему свою благодарность. Он заметил, что полковник, который выглядел теперь вполне беззаботно, весело его разглядывает.

— Императрица не понимает проблем, связанных с ликвидацией платы за звания.— Медлон пожал плечами.— Я с этим

не связан и ничего не могу изменить, так же как не могу сам себе перерезать горло. Если кто-то попытается этому противиться — он уничтожит сам себя.— Он поколебался, затем на его лице появилось презрительное выражение.— Друг мой, надеюсь, для тебя это была лекция по экономике. Ну что ж, желаю всего хорошего,— сухо закончил он.

Кейл решил, что не станет причинять полковнику вреда — они находились в военном здании и его могли бы арестовать за нападение на офицера. У него не было возможности обороняться. Однако он отметил для себя, что обязательно сведет с Медлоном счеты позже.

Когда он вышел из штаба округа, на Империал-Сити уже опустилась темнота. Он посмотрел на холодные неподвижные звезды, пробивавшиеся сквозь туманный отсвет реклам, и почувствовал себя почти как дома. В лабиринте жизни он начал замечать дорогу, по которой следовало идти, и ему казалось, что он справляется неплохо, учитывая собственное невежество. Тротуары вокруг начали отдавать солнечный свет, накопленный в течение дня, и по мере того, как темнело небо, в городе становилось все светлее. С каждым шагом Кейл чувствовал себя увереннее. Он поступил вполне справедливо, когда напал на Тюленя, не обращая внимания на риск, и точно так же он сделал правильный выбор, не выдав намерений Медлона. Тюлень был одиночкой, как и он сам, и, честно говоря, никого не волновало, что с ним случится. Но полковник мог призвать на помощь законы Ишер.

Кейл не собирался возвращаться на авеню Удачи до утра, однако теперь, когда ему казалось, что все его сомнения разрешились, он изменил свое намерение. Если бы ему удалось выиграть пять тысяч креди и купить звание, сокровища Ишер полились бы на него рекой. К тому же не стоило забывать о Люси Рэлл.

Ему не хотелось ждать даже одного дня.

Глава 9

Кейлу пришлось пробивать локтями дорогу сквозь толпу, чтобы войти в «Пенни-Палас». Количество желающих принять участие в игре его лишь вдохновило — среди массы жаж-

дущих денег человеческих особей он будет выглядеть словно кусок дерева, дрейфующий посреди бескрайнего океана.

Он уже успел в прошлый раз приглядеться к различным играм и теперь не колеблясь направился прямо к той, которую выбрал для своего последнего боя за счастье. Сейчас для него крайне важно было добиться успеха, а затем суметь его удержать.

В этой игре наивысшая ставка составляла сто к одному, а самая низшая — пять к одному. Принцип был относительно прост, хотя Кейл, который кое-что знал об энергии, с пятнадцати лет набираясь опыта в мастерской отца, прекрасно понимал, что за внешней безыскусностью кроется замысловатая электроника. Ядром игры являлся силовой шарик диаметром примерно в дюйм, случайным образом перекатывающийся внутри большого пластикового шара. Он перемещался все быстрее, пока его скóрость не преодолевала сопротивление материи, и тогда, превратившись в чистую силу, шарик покидал пределы своей тюрьмы. Он беспрепятственно пролетал сквозь пластик, не встречая видимой преграды, словно луч света, плененный в почти незримой клетке с помощью сверхъестественных физических законов.

Но, освободившись, шарик тут же терял весь свой задор. Неуловимым образом быстро изменив цвет, он замедлял свой бег — хоть он и вылетал со скоростью в несколько миль в секунду, но в иной среде останавливался, не преодолев и трех футов.

Затем он начинал падать, до самого момента соприкосновения с поверхностью стола создавая иллюзию своего присутствия во многих местах одновременно, хотя на самом деле иллюзия эта существовала лишь в мыслях игроков как следствие невероятной скорости перемещения шарика. Каждый игрок был убежден, что шарик летит прямо к нему и упадет именно в тот канал, на который он поставил. И каждый раз большинство игроков постигало разочарование, когда шарик, выполнив свою миссию, проваливался в чужой канал, приводя в действие механизм расчета выигрыша.

Первая же игра принесла Кейлу тридцать семь креди. Он забрал выигрыш, пытаясь сохранять безразличный вид, но все же не сумел скрыть радости победы. Кейл поставил по одно-

му креди на четыре канала и проиграл, затем снова поставил на те же номера — и выиграл девяносто креди. В течение следующего часа он выигрывал в среднем один раз из пяти. Поняв, что подобное везение можно считать феноменальным даже для него, он начал рисковать, ставя по десять креди на выбранные каналы.

У него ни разу не было возможности пересчитать деньги. В перерывах он бросал полную горсть монет в разменный автомат и получал крупные банкноты, которые затем засовывал во внутренний карман. К этим резервам он не прибегал ни разу. Какое-то время спустя у него возникла паническая мысль: «Кажется, у меня уже три, может быть, даже четыре тысячи креди. Самое время остановиться. Не обязательно ведь выигрывать все пять тысяч за одну ночь. Можно вернуться и завтра, и послезавтра, и на следующий день».

Однако темп игры постоянно сбивал с толку, и каждый раз, когда приходила очередная мысль о том, что пора остановиться, шарик начинал вращаться, и Кейл снова поспешно бросал деньги в каналы. Проигрыш раздражал, пробуждая жадность и нежелание потерять даже один из уже добытых креди.

Когда он выигрывал, казалось абсурдным прерывать самую удивительную полосу везения, о какой он только мог когда-либо мечтать.

«Подожди,— сказал он себе,— пока не проиграешь десять раз подряд... десять раз... десять».

Время от времени он бросал взгляд на пачку из сорока или пятидесяти тысячных банкнот, которые засунул в боковой карман. В других карманах тоже полно было денег, а он без устали бросал крупные суммы в разные каналы. Сколько? Он не помнил. Впрочем, это не имело значения. Машина всегда считала точно и выплачивала причитающийся выигрыш.

Его шатало, словно пьяного. Казалось, будто он парит над полом. Он продолжал играть как в тумане, практически не осознавая присутствия других игроков. До него постепенно доходило, что они все чаще пытаются следовать в фарватере его удачи, ставя на те же номера, что и он. Однако его это не волновало. Он не в силах был избавиться от наваждения, пока шарик не застывал неподвижно в своей клетке. Кейл сто-

ял в ожидании продолжения игры и не догадывался, что имеет какое-то отношение к внезапному перерыву, пока не увидел, как из толпы вынырнул смуглый толстячок.

— Поздравляю, молодой человек, мы рады приветствовать вас в нашем заведении. Мы радуемся вместе с вами. А для всех остальных, господа, у нас плохие новости. Наши правила, которые можно прочитать на информационных табло, не позволяют использовать в своих целях чужую удачу. Этому молодому человеку определенно везет, и потому все прочие ставки следует делать до того, как сделает свой выбор победитель. Именно таким образом настроен сейчас игровой автомат. Так что не разочаровывайте себя, делая ставку в последний момент. А теперь — желаю вам всем удачи, а в особенности тебе, парень.

Толстяк ушел, тяжело ступая, все с той же улыбкой на круглом лице. Мгновение спустя шарик вновь завертелся.

Во время третьей игры Кейл вдруг подумал: «Ну вот я и оказался в центре внимания».

Забвение, в которое он погрузился и которое давало ему мнимое чувство безопасности, внезапно исчезло.

«Лучше отсюда сматываться, и побыстрее»,— подумал он.

Он шагнул в сторону от стола, и тут какая-то симпатичная девушка забросила руки ему на шею, прижавшись к нему всем телом. Кейл ощутил прикосновение ее горячего рта к своим губам.

— О, прошу тебя, подари мне немножко своей удачи. Пожалуйста.

Он вывернулся из ее объятий и позабыл о своих намерениях.

«Что я собирался предпринять?» — напряженно размышлял он, делая несколько очередных ставок. Краем глаза он заметил, что вокруг стола собирается все больше новых игроков, иногда силой оттесняя менее напористых и решительных. В какой-то момент Кейл увидел, как от стола особенно грубо оттаскивают протестующего мужчину, и у него мелькнула мысль, что за ним внимательно наблюдают десятки глаз.

Кейл никак не мог вспомнить, что же он собирался сделать. Ему казалось, что его окружает множество женщин, которые липли к нему и пытались поцеловать, стоило ему повернуть голову. В воздухе стоял запах духов.

Он не мог шевельнуться без того, чтобы не дотронуться до голой кожи, обнаженных плеч и спин. Женщины в платьях с глубокими декольте манили его мягкими, изысканно пахнущими телами.

Ночь и удача, казалось, длились без конца. Кейл подсознательно ощущал, что происходящее вокруг чересчур его пьянит, что каждый оборот шарика и каждый выигрыш сопровождаются слишком громкими аплодисментами. Независимо от того, выигрывал он или нет, женщины бросались в его объятия, поцелуями выражая сочувствие или радость. Играла бурная, возбуждающая музыка. Ему было всего двадцать три года, и подобное воздействие на органы чувств притупило осторожность. Когда он выиграл уже немыслимые тысячи креди, двери «Пенни-Паласа» закрылись и к нему подошел уже знакомый толстяк.

— Ну ладно, хватит,— резко бросил он.— От посторонних мы избавились, так что можно заканчивать этот бред.

Кейл уставился на него непонимающим взглядом, а датчик опасности в его мозгу затикал столь громко, что у него загудело в голове.

— Наверное,— пробормотал он,— пойду я лучше домой.

Кто-то сильно ударил его в лицо.

— Добавь-ка ему,— сказал толстяк.— Он все витает в облаках.

Второй удар оказался еще сильнее. Окружающий туман рассеялся, и он вдруг понял, что оказался в смертельной опасности.

— Что тут происходит? — простонал он, поворачиваясь к тем, кто несколько минут назад приветствовал его радостными возгласами. Именно их присутствие усыпило его бдительность — в их обществе Кейл даже не думал, что ему может что-то угрожать.

Кейл перевел взгляд на толстяка и почувствовал, как его хватают крепкие руки. Другие руки еще более грубо начали шарить по его карманам, освобождая его от выигранных денег. Он услышал слова толстяка, доносившиеся откуда-то издалека:

— Не будь наивным. В том, что произошло, нет ничего необычного. Всех нормальных игроков отсюда прогнали —

не только от игры, но и вообще из здания. А эта тысяча человек нанята специально для таких случаев и стоит нам по десять креди за каждого. В сумме получается всего десять тысяч, а ты выиграл раз в пятьдесят, а то и в сто больше.— Толстяк пожал плечами.— Люди совершенно не разбираются в экономике. В следующий раз попридержи свою жадность,— он вкрадчиво усмехнулся,— если вообще будет следующий раз.

К Кейлу наконец вернулся дар речи.

— Что вы собираетесь делать?

— Увидишь.— Толстяк заговорил громче: — Ну ладно, ребята, забирайте его, и открываемся снова.

Кейла толкнули через весь зал и швырнули в темный коридор. В отчаянии он подумал, что снова его судьбу решили другие.

Интерлюдия

Макалистер, репортер из 1951 года, понял, что лежит на тротуаре. Он поднялся. За ним наблюдала группа любопытных. Парк исчез, так же как и фантастический город будущего. Вместо них по обеим сторонам улицы тянулись унылые ряды одноэтажных лавочек. Сквозь неразборчивый ропот до него донесся мужской голос:

— Я уверен, это тот самый репортер, который вошел в оружейный магазин.

Значит, он вернулся в свое собственное время — возможно, даже в тот же самый день. Когда он медленно шагал прочь, тот же голос громко произнес:

— Он как будто больной. Интересно, что...

Больше он ничего не слышал. Больной! Этим людям никогда не понять, насколько он был болен. Но где-то на Земле наверняка живет ученый, который ему поможет. Окружавшая действительность свидетельствовала, что Макалистер не взорвался.

Он зашагал быстрее, оставив толпу далеко позади. Лишь однажды он обернулся и увидел, что люди беспорядочно расходятся, как это обычно бывает с зеваками, утратившими объект своего интереса. Свернув за угол, он окончательно о них забыл.

— Нужно принять решение.

Слова эти прозвучали громко и совсем рядом. Лишь несколько мгновений спустя он сообразил, что сам же их и произнес.

Принять решение? Он не считал, что ситуация, в которой он оказался, требует принятия какого-либо решения. Он был здесь. Если решение заключалось в том, чтобы найти ученого, то он уже его принял. Оставался лишь вопрос — кого? Ему вспомнился старый профессор-физик из местного колледжа. Машинально свернув к телефонной будке, Макалистер начал искать монету, и тут с надвигающимся тошнотворным ощущением катастрофы сообразил, что на нем прозрачный непроницаемый комбинезон. Деньги лежали в кармане пиджака. Он шагнул назад, затем потрясенно остановился. Что происходит? Ночь, прекрасный сверкающий город. Он стоял на бульваре, словно усыпанном драгоценными камнями. Улицу заливал мягкий свет, он как река струился в лучах восходящего солнца.

Макалистер шагал вперед, утратив ощущение времени и пытаясь подавить навязчивые мысли, завладевшие его разумом. Была ли это снова эпоха Ишер и оружейников? Вполне вероятно. Похоже, что его вернули обратно. В конце концов, они не такие уж и злые, они спасли бы его, если бы могли. Насколько он мог понять, в их времени прошло много недель. Он ускорил шаг. Нужно найти оружейный магазин. Макалистер окликнул проходившего мимо мужчину. Тот с любопытством остановился, оглянулся, а затем пошел дальше своей дорогой. У репортера остались в памяти лишь его темные выразительные глаза, и отчего-то сложилось впечатление, что человек направляется в один из чудесных домов будущего. Именно это и удержало Макалистера от того, чтобы пойти за ним следом.

Чуть позже, впрочем, он понял, что совершил ошибку, поскольку больше на тихих опустевших улицах ему не встретилось ни единой живой души. Видимо, время было предрассветное, и люди сидели по домам. Но как ни странно, куда больше беспокоило его не отсутствие людей, а отсутствие оружейного магазина.

И все же надежда, что он опять в будущем, вновь ожила. Скоро наступит утро, люди выйдут из своих странных светя-

щихся домов. Его обследуют великие ученые века научной магии — и не в спешке, в страхе перед нависшей над головой угрозой всеобщей гибели, а спокойно, в нормальных сверхлабораториях.

На этом мысль его внезапно оборвалась. Он ощутил перемену.

Он находился посреди ослепляющей снежной бури. Неожиданный мощный порыв ветра едва не сбил его с ног. Усилием воли Макалистер попытался любой ценой вернуть себе физическое и душевное спокойствие.

Чудесный сверкающий город исчез. Исчезла и светящаяся дорога. Все исчезло, превратившись в мертвую пустыню дикого мира. Он посмотрел сквозь кружащийся перед глазами снег. Наступил день, и меньше чем в пятидесяти футах можно было различить туманные тени деревьев, сгибавшихся под натиском метели. Он инстинктивно двинулся в сторону этого естественного убежища, где и укрылся от непрекращающегося ветра.

«Секунду назад я был в далеком будущем,— подумал он.— А где я сейчас?»

Здесь наверняка не было никакого города. Он видел лишь деревья необитаемого леса и суровую первобытную зиму. Как долго он стоял посреди бушующей метели, под яростными порывами ветра? Он не знал. Однако у него было достаточно времени для раздумий, и он понял, что комбинезон защищает его от холода.

Едва он это осознал, как снежная буря исчезла, деревья тоже. Макалистер стоял на песчаном пляже. Перед ним простиралось голубое, сияющее в лучах солнца море, волны которого накатывались на обломки белых зданий. Вдали на поросших травой холмах возвышались руины когда-то огромного города. Здесь была аура невероятной древности, и тишину нарушал лишь тихий, вечный плеск волн.

Произошла очередная перемена. Несмотря на то что на этот раз он был к ней готов, он дважды погрузился в широкую ревущую реку, которая уносила его все дальше. Он плыл с трудом, но комбинезон с каждой секундой наполнялся воздухом. Вскоре Макалистер уже вполне осознанно греб к поросшему деревьями берегу примерно в ста футах справа. Вне-

запно его осенила мысль, заставившая его остановиться. Какой смысл куда-то плыть? Правда была столь же простой, сколь пугающей — его постоянно перебрасывало из прошлого в будущее. Он был грузом на длинном конце энергетического рычага и перемещался во времени. Только этим можно было объяснить шокирующие картины, свидетелем которых он был. Через час должна была произойти очередная перемена.

Так оно и случилось. Он лежал ничком на зеленой траве. Подняв взгляд, он заметил на горизонте шесть низких зданий, выглядевших чуждо, не по-человечески. Однако их конструкция его не интересовала. Ему было интересно другое: как долго длится его пребывание в каждом из времен?

Он смотрел на часы. Два часа сорок минут. Это было последнее, что он успел заметить. Потом времена начали сменяться одно за другим по мере движения рычага; он оказывался то на суше, то в воде, но для него это уже не имело значения. Он не пытался бороться, не совершал никаких движений. Прошлое... будущее... прошлое... будущее...

Макалистер перестал ощущать и осознавать окружавшую его действительность, его не оставляло лишь странное чувство, что он должен что-то сделать сам с собой. В глубине разума маячила мысль о том, что следует принять какое-то решение, но, как ни странно, он никак не мог вспомнить, в чем оно должно заключаться.

Оружейникам наверняка удалось получить необходимую передышку. На другом конце безумного рычага стояла машина, которую солдаты Ишер использовали в качестве ударной силы. Она тоже перемещалась в прошлое, чтобы потом оказаться в будущем, и так раз за разом.

Но что же это за решение? Ему действительно следовало об этом подумать...

Глава 10

За десять минут до полуночи шестнадцатого июля четыре тысячи семьсот сорок восьмого года Ишер открылись двери Отдела координации Торгового дома оружейников в отеле «Ройял Ганил». Оттуда вышел Роберт Хедрок и зашагал по широкому, светлому и очень длинному коридору. Он двигался с

почти кошачьей чуткостью, но на деле не слишком обращал внимание на окружающую обстановку.

Около года назад он подал заявку на членство в Торговом доме оружейников, приведя в качестве основания то, что он предвидел кризис в отношениях между правительством и Торговым домом, и свое желание быть на стороне оружейников. Все бумаги у него были в порядке; Рр-машина дала столь высокую оценку его умственных, физических и моральных показателей, что его заявление сразу же было передано на рассмотрение Исполнительному совету. Хедрок с самого начала исполнял особые обязанности, а работа в Отделе координации была для него лишь очередной ступенью на пути к власти.

Он прекрасно понимал, что несколько членов Совета и чиновников, занимавших высокие посты, считали его карьеру чересчур молниеносной и не отвечавшей интересам Торгового дома. В глазах некоторых Хедрок воспринимался как некая таинственная личность, хотя никто и не высказывался о нем неодобрительно. Честно говоря, никто не оспаривал вердикта, вынесенного Рр-машиной, что порой его несколько удивляло. Он решил внимательнее изучить работу машины, чтобы понять, почему обычно скептически настроенные люди без возражений соглашались с ее заключением.

Ему удалось без труда ее одурачить, изложив тщательно сфабрикованную историю.

Следует, впрочем, учесть, что он умел контролировать собственные мысли и обладал незаурядными техническими познаниями о том, как машины реагируют на биологические процессы. Однако немалое значение имело и его дружелюбное отношение к Торговому дому оружейников. Как ему говорили, Рр-машина обладала тем же свойством, что и дверь оружейного магазина,— способностью распознавать враждебные намерения. В ее состав, как и в состав любого оружия, входило устройство, позволявшее быстро опознавать угрозу и правильно на нее реагировать. Как и оружие, которое могло убивать лишь в случае самообороны, ее обостренные электронные чувства обнаруживали мельчайшие различия в реакции отдельных частей обследуемого тела. Машина была изобретена сто с лишним лет назад, в те времена, когда Хедрок

только стал оружейником, и тогда она была для него в новинку. Полная зависимость от нее вызвала у Роберта Хедрока, единственного бессмертного человека на Земле, друга оружейников, желание проверить ее истинные возможности. Однако он отложил это на потом — сейчас у него хватало проблем и поважнее. Именно ему предстояло принять решение. Он еще не знал когда, но чувствовал, что это должно произойти в ближайшее время. Первая могучая атака войск молодой императрицы привела к тому, что пришлось закрыть оружейные магазины во всех крупных городах Земли, но даже это было не столь существенно по сравнению с проблемой постоянно раскачивающегося во времени рычага. Хедрок не в силах был избавиться от убеждения, что только он, единственный на всей Земле, обладал достаточным опытом для принятия решения. И тем не менее он до сих пор не знал, что делать.

Продолжая напряженно размышлять, он подошел к двери с табличкой «Только для персонала». Постучав, он немного подождал, затем вошел в странно обставленный кабинет, не слишком большой по меркам империи Ишер, но все же просторный. Помещение напоминало куб размером в двести футов по каждой из сторон. Наиболее удивительной была дверь, находившаяся в ста футах от пола. Такое же расстояние отделяло ее от потолка. За дверью располагалась платформа, с которой начиналась энергетическая плоскость. Хедрок встал на одну из пар находившихся на платформе изоляторов. Почувствовав, как изоляторы обхватили его ботинки, он шагнул на слабо светящуюся силовую сетку.

В самом центре помещения вокруг машины, парившей в прозрачном пластиковом кожухе, стояли семеро членов Совета. Они коротко приветствовали Хедрока, затем снова повернулись к машине Он молча наблюдал за ними, прекрасно осознавая, насколько все подавлены. Рядом послышался шепот Питера Кадрона:

— Сейчас рычаг снова должен качнуться.

Хедрок кивнул. По мере того как он смотрел на волшебный механизм, висящий в вакуумном резервуаре, сосредоточенность окружающих передавалась и ему. Перед ним была карта времени — карта из пересекающихся линий, столь тон-

ких, что казалось, будто они подрагивают, словно в нагретом воздухе.

Теоретически линии уходили от центральной точки в бесконечное будущее и бесконечное прошлое (с учетом накладываемых математикой ограничений бесконечность можно было считать почти равной нулю). Однако на расстоянии в несколько триллионов лет любые очертания размывались, и человеческий глаз с трудом различал общую картину. Посреди бескрайнего океана времени виднелись неподвижные, напоминающие тени силуэты — один большой, недалеко от центра, другой совсем крошечный, у самого горизонта карты, почти точка. Хедрок знал, что эта точка — увеличенная версия реальности, слишком маленькой для того, чтобы ее можно было различить невооруженным взглядом. Вся картина была организована таким образом, что любое перемещение точек сопровождалось работой усиливающих устройств, автоматически подстраивавшихся под присутствие дополнительных наблюдателей.

Пока Хедрок наблюдал за тенями, обе они сдвинулись с места. Движение, не имевшее аналога в макрокосмическом пространстве, было столь чуждым, что человеческое зрение не в состоянии было его адекватно воспринять. Процесс не был слишком быстрым, но обе тени явно куда-то уходили. Куда? Даже ученые из оружейных магазинов так и не сумели понять этого до конца. Тени уходили, а затем возникали снова — каждый раз в новом месте.

Сейчас они появились подальше. Большая тень, колебавшаяся на расстоянии месяца и трех дней в прошлом, неожиданно появилась на расстоянии месяца, трех дней и нескольких часов в будущем. Маленькая точка, находившаяся в девяноста семи миллиардах лет в будущем, теперь оказалась в ста шести миллиардах лет в прошлом.

Расстояние во времени было столь колоссальным, что Хедрок невольно содрогнулся и повернулся к стоявшему рядом Кадрону.

— Его энергетический потенциал уже определили?

Кадрон устало кивнул.

— Хватит, чтобы уничтожить всю планету.— Он глухо застонал.— Где, во имя космоса, мы сможем освободить всю его энергию?

Хедрок попытался это представить. Он не участвовал во встрече с Макалистером, репортером из двадцатого века, однако прекрасно понял значимость этого события, сопоставив те фрагменты, что были ему известны. И одной из причин, по которой он сюда пришел, было желание узнать подробности.

Он отвел Кадрона в сторону и без лишних слов попросил рассказать обо всем, что было ему известно. Тот посмотрел на него с мрачной усмешкой.

— Ладно, расскажу. На самом деле нам всем стыдно за то, что мы сделали.

— То есть ты считаешь, что жертвовать Макалистером не следовало? — спросил Хедрок.

Кадрон покачал головой.

— Нет, я не совсем это имел в виду.— Морщины на его лице будто стали глубже.— Наверное, лучше будет, если я расскажу тебе всю историю — естественно, вкратце.

— Девушка-служащая магазина в Гринуэе услышала, как кто-то вошел в магазин,— начал он.— Клиент выглядел странно, в чужеземной одежде. Оказалось, что он репортер одной из газет двадцатого века от Рождества Христова. Он явно был сбит с толку, а энергетическое оружие привело его в настоящий восторг. Незадолго до этого он написал статью об оружейном магазине, появившемся на улице маленького городка. Могу себе представить, какую это вызвало сенсацию, но, честно говоря, все считали, что это лишь иллюзия. Здание было вполне материальным, но когда полицейские попытались войти внутрь, дверь, естественно, не поддалась. Макалистер, ведомый свойственным людям его профессии любопытством, попробовал сам открыть дверь. Поскольку он не был ни полицейским, ни правительственным чиновником, она беспрепятственно отворилась. Он признался служащей, что, перешагивая порог, испытал странное чувство — и, хотя он о том и не знал, именно в этот момент он получил первую дозу временной энергии, эквивалентную примерно семи тысячам лет. Когда девушка рассказала о случившемся своему отцу, владельцу магазина, тот сразу же понял: что-то не так. Несколько минут спустя он обнаружил, что магазин подвергается сверхмощному энергетическому давлению, источником которого является огромное правительственное здание на соседней улице. Немедленно был созван Совет. Когда мы

прибыли на место, нужно было принимать молниеносное решение. Макалистер обладал достаточным запасом временной энергии, чтобы уничтожить весь город — естественно, в том случае, если бы покинул пределы магазина без соответствующей защиты. Тем временем давление со стороны правительственного здания не уменьшалось. В любой момент оно могло швырнуть Макалистера в поток времени. Мы имели основания полагать, что одновременно происходят атаки подобного рода и на другие наши точки. Никто не мог предвидеть результата. Короче говоря, мы нашли способ выиграть время, когда сосредоточили всю чуждую энергию на Макалистере и отправили его в двадцатый век. Мы сумели это сделать, поместив пришельца в изолирующий комбинезон, который не позволил ему взорваться до того момента, пока не будет найдено соответствующее решение. Мы знали, что Макалистер станет перемещаться во времени, словно на качелях, назад и вперед, в прошлое и будущее, одновременно выводя правительственное здание со всей его энергией за пределы этого участка пространства-времени.

Кадрон мрачно покачал головой.

— Однако я до сих пор не знаю, что еще мы могли бы сделать. Мы вынуждены были действовать быстро, на недостаточно исследованном поле, и то, что мы, по сути, угодили из огня да в полымя — самое обычное невезение. Но должен сказать, что лично мне все это очень не нравится.

— Думаешь, Макалистер до сих пор жив? — спросил Хедрок.

— О да. Мы поместили его в один из наших лучших комбинезонов, оборудованный всем необходимым, с автоматическим устройством для производства пищи и резервуаром, который всегда полон воды.

Он криво усмехнулся.

— Нам тогда пришла в голову мысль, как оказалось, полностью ошибочная,— что мы сможем спасти его позже.

— Понятно,— подавленно сказал Хедрок.

В том, что он только что услышал, приятного было мало, но все решения были приняты еще до того, как он узнал о грозящей опасности.

Репортер стал, можно сказать, колесницей Джаггернаута. Во всей вселенной еще никогда не зарождалась столь могу-

щественная сила, накапливавшаяся в его теле во время очередных колебаний рычага. Ее освобождение могло привести к взрыву, от которого содрогнулся бы весь космос. Само время вздохнуло бы от ужаса, слыша его эхо, подобное треску рвущейся материи мироздания.

— Какие последние новости о том здании? — спросил Хедрок.

Кадрон несколько повеселел.

— Оно все еще внутри границ критической зоны. Мы должны принять решение, прежде чем оно их пересечет.

Хедрок молчал. Его мучил вопрос о том, каково должно быть решение — хотя он знал, что его об этом никто никогда не спросит.

— А что насчет тех, кто работает над проблемой замедления колебаний? — наконец спросил он.

Ему ответил кто-то другой.

— От этих исследований отказались. Наука четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертого года не знает ответа. Нам и без того повезло, что мы смогли сделать один из наших магазинов точкой опоры. Мы можем предотвратить опасность взрыва либо в прошлом, либо в будущем. Но где именно? И прежде всего — когда?

Тени на карте даже не пошевелились. Их время еще не пришло.

Глава 11

Напряжение, охватившее наблюдателей, постепенно спадало. Люди отворачивались от карты, и помещение заполнил негромкий гул голосов. Кто-то сказал, что сейчас появился шанс получить все данные, необходимые для путешествий во времени. Советник Кендлон заметил, что накопление энергии в человеческом теле — вполне убедительное доказательство того, что путешествия во времени никогда не будут пользоваться популярностью.

Наконец заговорил Дресли, как всегда точно и по существу:

— Господа, мы собрались здесь в качестве делегатов Совета, чтобы выслушать доклад мистера Хедрока о противо-

действии войскам императрицы. В докладе, сделанном несколько недель назад, он изложил все детали, и, как вы наверняка помните, мы полагали, что его план окажется весьма действенным. Мистер Хедрок, не могли бы вы сообщить нам о нынешнем положении дел?

Хедрок задумчиво разглядывал собравшихся. Они внимательно наблюдали за ним, и это лишь усиливало его желание воплотить свои намерения в жизнь. Необходимо было принять решение относительно временно-энергетического маятника, а затем реализовать его, не обращая внимания на то, как к этому отнесется руководство. И это будет непросто.

— С того времени, как я получил первые распоряжения,— коротко начал он,— мы основали тысячу двести сорок два новых магазина, главным образом в небольших поселках, а также установили три тысячи восемьсот девять контактов с правительственными служащими, как военными, так и гражданскими.

Он вкратце объяснил систему классификации отдельных лиц на основе их профессии, занимаемого поста и, что было намного важнее, степени энтузиазма по отношению к предприятию, в которое императрица ввергала своих подданных.

— С помощью трех ученых,— продолжал он,— которые считают Торговый дом оружейников неотделимой частью цивилизации Ишер, мы в первые же десять дней узнали секрет действия временно-энергетической машины — в той мере, в какой этот секрет известен правительству. Мы обнаружили, что из четверых ответственных за этот проект генералов двое с самого начала были против него, третьего нам удалось привлечь на свою сторону, когда здание исчезло. Но четвертый — главнокомандующий генерал Дукар,— к сожалению, не откажется от атаки без явного приказа императрицы. Он настолько ей предан, что его собственные чувства и мнения не имеют для него никакого значения.

Он замолчал, ожидая комментариев, но услышал лишь тишину — которая на самом деле была для него самым лучшим ответом.

— Несколько тысяч офицеров имперской армии дезертировали,— продолжал Хедрок,— и только один член Совета империи, принц дель Куртин, открыто воспротивился атаке.

Это произошло после казни Бантона Виккерса, который, как вы знаете, подверг критике весь план. В знак протеста принц покинул дворец. А теперь перейдем к личности императрицы.

Он подробно охарактеризовал ее. Прекрасная Иннельда, осиротевшая в возрасте одиннадцати лет, была коронована в восемнадцать, а сейчас ей было двадцать пять.

— Возраст,— мрачно заметил Хедрок,— который является промежуточным на стадии превращения из животного в человека.

Он заметил удивление на лицах присутствующих — ведь все то, о чем он говорил, считалось общеизвестным. Однако он не собирался ничего пропускать. У него имелась своя собственная формула победы над императрицей, и он хотел представить ее во всех подробностях.

— В возрасте двадцати пяти лет,— говорил он,— наша Иннельда весьма эмоциональна, непостоянна, сообразительна, непреклонна и не терпит каких-либо ограничений. После знакомства с тысячами докладов мне в конце концов показалось, что лучшим способом будет оставить ей некоторые пути к достойному отступлению в критических ситуациях.

Он вопросительно окинул взглядом собравшихся и, прекрасно понимая, что от этих людей нет смысла что-либо скрывать, честно сказал:

— Надеюсь, что члены Совета не станут возражать, если я предложу на их рассмотрение следующую тактику. Я рассчитываю на то, что мы сможем воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств и остановим машину. Естественно, я исхожу из предположения, что, когда машина остановится, императрица займется другими делами и забудет о войне, которую начала.— Он сделал паузу, чтобы придать больший вес последующим словам: — Мы вместе с моей командой с нетерпением будем ждать подобного случая, обращая ваше внимание на все, что покажется нам существенным. Вопросы есть?

Несколько первых вопросов не имели особого значения. Затем кто-то спросил:

— У вас есть хоть какое-то представление о том, в чем может заключаться этот самый благоприятный случай?

— Углубляться в закоулки лабиринта, который мы исследуем, не так-то просто,— осторожно ответил Хедрок.— Эта

молодая женщина легко поддается многим формам убеждения и давления. Сейчас она переживает нелегкие времена и до сих пор является целью заговоров и интриг со стороны группы придворных, которые не желают считать ее взрослой и многое от нее утаивают. Несмотря на все свои усилия, она оказалась в старой как мир ловушке, и ее общение с реальным миром, скажем так, весьма ограничено. В любом случае, мы пытаемся использовать ее слабые стороны,— спокойно закончил он.

— Это только теория,— сказал тот, кто задал ему вопрос.

— Теория,— сухо ответил Хедрок,— основанная на тщательном анализе личности императрицы.

— Вы не считаете, что лучше было бы оставить подобные исследования специалистам по Рр-машинам?

— Я проанализировал все имеющиеся у Торгового дома данные, связанные с этой женщиной.

— И тем не менее,— настаивал его собеседник,— решение по подобным вопросам принимает Совет.

Хедрок не уступал.

— Я лишь предложил, а не принял решение.

Ответа не последовало. Однако у Хедрока уже сложилось впечатление, что членам Совета не чуждо ничто человеческое и они весьма ревностно относятся к собственным привилегиям. Вряд ли они с легкостью согласятся с ним, когда он наконец примет решение по поводу разыгрывавшейся в бесконечных складках времени драмы, финала которой никто не мог предугадать.

Он заметил, что собравшиеся начинают беспокоиться. Все то и дело бросали взгляды на карту времени, а некоторые нетерпеливо посматривали на часы. Хедрок поспешно покинул помещение с невидимым энергетическим полом. Наблюдение за чудовищным маятником притягивало, словно наркотик. Мозг мог не выдержать напряжения при виде устройства, фиксировавшего судороги материальных тел, перемещающихся во времени.

Не по себе становилось уже от самого сознания, что здание и человек постоянно раскачивались то в одну, то в другую сторону.

Хедрок вернулся в свой кабинет как раз в то мгновение, когда на экране телестата появилось лицо Люси.

— ...Несмотря на все мои усилия,— говорила она,— меня вышвырнули из «Пенни-Паласа». А когда за мной закрылись двери, я поняла, что произошло. Боюсь, что его забрали в один из Домов иллюзий, а вы знаете, что это означает.

Хедрок задумчиво кивнул, отметив, что девушка явно пребывает в расстроенных чувствах.

— В числе прочего,— медленно ответил он,— энергетические иллюзии оказывают влияние на каллидетические способности. Природу этих изменений не определить без соответствующих исследований, но можно со всей уверенностью сказать, что его везение в игре исчезнет навсегда.

Он помедлил, внимательно глядя на ее лицо, затем решительно сказал:

— Жаль, что Кларк столь легко угодил в одну из ловушек города. Поскольку, однако, для нас он всегда был лишь одним из возможных вариантов, мы без всякого сожаления можем с ним расстаться. Особенно если учесть, что даже минимальное вмешательство в естественный ход его жизни вызовет подозрения, способные свести на нет любую пользу, которую он мог бы нам принести. Так что можешь считать, что обязанность опекать его с тебя снята. В ближайшее время получишь новые инструкции.— Он замолчал.— В чем дело, Люси? Ты что, в него влюбилась?

Выражение ее лица не оставляло никаких сомнений.

— Когда ты это поняла? — спокойно, но настойчиво спросил Хедрок.

Если она сначала и боялась признаться в своих чувствах, то теперь страх полностью исчез.

— Когда его целовали те, другие. Не надо думать,— поспешно добавила она,— что это меня расстроило. Ему еще предстоит пережить немало подобного, прежде чем его жизнь придет в норму.

— Не обязательно,— честно сказал Хедрок.— Тебе придется смириться с тем, что произошло, но, судя по моим наблюдениям, немало мужчин после такого становятся закаленными как сталь, хотя у них и появляется отвращение к окружающему миру.

Он понял по виду девушки, что сказал достаточно. Почва для ее последующих действий была подготовлена, а резуль-

таты появятся в силу естественного развития событий. Хедрок дружелюбно улыбнулся.

— На этом все, Люси. И не расстраивайся.

Он отключил телестат.

В течение последующего часа Роберт Хедрок несколько раз выглядывал за дверь кабинета. В здании полно было народа, но постепенно оживление спадало. Наконец коридор опустел.

Он действовал решительно и без спешки. Из сейфа на стене он достал микрофильмы со схемами машины, управлявшей временем из того самого помещения, где он два часа назад разговаривал с членами Совета. Ранее он попросил, чтобы ему прислали их из Центра информации, что и было сделано без каких-либо комментариев. В этом не было ничего странного — как начальник Отдела координации, он имел доступ ко всем научным данным, касавшимся Торгового дома оружейников. Он нашел даже неплохое объяснение на случай, если бы его спросили, что он делает: якобы он хотел ознакомиться с данными в надежде, что решение придет само. Но в действительности он руководствовался исключительно личными соображениями.

С микрофильмами в кармане он двинулся по коридору к ближайшей лестнице. Спустившись на пять этажей, он прошел в ту часть отеля «Ройял Ганил», которую не занимал Торговый дом. Войдя в номер, он запер за собой дверь на ключ.

Апартаменты были впечатляющими — пять комнат и огромная библиотека, куда Хедрок и направился. Там он тоже запер за собой дверь, а затем тщательно удостоверился, что его не подслушивают. Как он и ожидал, ничего не обнаружилось — насколько ему было известно, он не фигурировал в списке подозрительных личностей. Однако он предпочитал никогда не рисковать зря.

Он быстро приложил один из перстней на пальце к электрической розетке, и в сторону отошло металлическое кольцо. Хедрок вставил в него палец и потянул. То, что произошло в следующее мгновение, было для Торгового дома обычным делом. Трансмиттер материи перенес его на расстояние около тысячи ста миль, в одну из его многочисленных лабораторий. Необычным же было то, что о существовании этого

трансмиттера члены Совета не имели никакого понятия. Лаборатория в течение столетий являлась одним из многих тщательно охраняемых тайных убежищ.

Он решил, что может безопасно оставаться здесь около часа, но все, на что он мог сейчас рассчитывать,— сделать очередной отпечаток с микрофильма. Для того чтобы создать дубликат машины, требовалось множество подобных визитов. Как оказалось, времени на изготовление дополнительной копии схем ему вполне хватило. Очень осторожно Хедрок положил ее в потайной шкафчик для документов, где уже находились десятки тысяч других диаграмм и схем, которым он присвоил высшую степень важности.

Час спустя единственный бессмертный человек на Земле, основатель Торгового дома оружейников, обладатель секретов, не известных никому на свете, вернулся в библиотеку в своих апартаментах в отеле «Ройял Ганил».

Вскоре он уже сидел в кабинете пятью этажами выше.

Глава 12

Люси Рэлл вышла из кабины телестата. Проходя через нишу в стене, она остановилась, когда увидела свое отражение в энергетическом зеркале. Уличное освещение манило, тротуары ярко светились в ночи, но Люси не обращала на это внимания. Она неподвижно стояла, вглядываясь в свое бледное лицо и лихорадочно горящие глаза. Люси всегда считала себя привлекательной женщиной, но сейчас она выглядела чересчур уставшей для того, чтобы казаться красивой. Неужели именно это заметил Хедрок?

В конце концов, уже оказавшись на улице, она неуверенно двинулась вперед по авеню Удачи — именно там она воспользовалась телестатом в одном из игорных заведений. Волшебную сверкающую улицу оживляло множество человеческих теней, перемещавшихся от одного источника света к другому. Фонари горели и днем и ночью, но толпа редела по мере того, как ночная тьма уступала место восходящему солнцу. Пора было возвращаться домой, однако Люси никак не могла решиться. Она размышляла о том, что она может сделать, и ей казалось, что сделать она не может ничего. Этот внутрен-

ний конфликт лишил ее остатков сил, и в течение часа она дважды останавливалась, чтобы выпить банку энергетического напитка.

К тому же ее мучило чувство собственного поражения. Она всегда считала само собой разумеющимся, что в конце концов она выйдет замуж за мужчину из Торгового дома оружейников. Все годы в школе, а потом в колледже, когда ее приняли в члены гильдии, она считала всех остальных людей аутсайдерами.

«Это случилось тогда, в самолете, когда он угодил в переплет,— подумала она.— Мне просто стало его жаль».

Теперь он попал в куда худший переплет. Если бы ей удалось найти Дом иллюзий, куда его забрали, тогда... собственно, что тогда? Неожиданно ей в голову пришла мысль, которая ее ошеломила,— абсурдная и безумная. Нет, это просто смешно. Если она пойдет в одно из этих мест, ей придется самой пережить психические и физические иллюзии.

Ей казалось, что Торговый дом исключает людей из своей организации за такие идеи. Однако, восстановив в памяти документы, которые когда-то подписывала, она не смогла вспомнить ни одного подобного запрета. Честно говоря, некоторые фразы вызывали у нее положительные эмоции, по крайней мере в нынешней ситуации.

«Члены Торгового дома оружейников могут вступать в брак по собственному желанию... участвовать в любых развлечениях, предлагаемых в империи Ишер... Не существует ограничений на использование членами организации своего свободного времени... Естественным образом предполагается, что ни один член организации не может совершить ничего, что могло бы повредить мнению, которое формирует о нем Рр-машина... о чем до всех доведена четкая информация... периодические проверки с помощью Рр-машин определяют статус члена по отношению к организации... В экстренных случаях Торговый дом оружейников может удалить из памяти члена организации все воспоминания и сведения, которые могут представлять для него опасность... Нижеследующие пороки и удовольствия, в случаях, когда им предавались чересчур усердно, стали в прошлом причиной для разрыва отношений...»

В числе прочего, вспомнила она, опасными для женщин считались Дома иллюзий. Точно она не помнила, но ей

казалось, что она видела какое-то дополнение к тому списку. Причем речь шла не об опасности как таковой, но о том, что люди в подобных местах почти всегда становились невольными рабами. Повторение опыта приводило к тому, что начинавшееся как поиски обычных чувственных приключений заканчивалось куда более интимным участием в них.

Стряхнув с себя задумчивость, Люси осознала, что быстро шагает в сторону мигающего сигнала на кабине телестата. Минуту спустя она соединилась с Центром информации Торгового дома оружейников, а еще через несколько секунд сунула в сумочку распечатку с двумя тысячами ста восемью адресами Домов иллюзий и направилась к «Пенни-Паласу».

Она приняла решение и с этого мгновение ни разу не подумала о том, чтобы отступить.

В игорном заведении она заметила то, что вряд ли мог бы заметить Кейл, не знавший того, что знала она. Ситуация почти нормализовалась. Несколько нанятых людей все еще демонстративно участвовали в играх, которые иначе вообще остались бы без игроков. Когда искатели развлечений обступали автомат, рискуя своими деньгами, наемники незаметно ускользали. Люси направилась в заднюю часть огромного зала, по пути останавливаясь и изображая интерес к различным играм. С помощью лежавшей у нее в сумочке электронной отмычки ей удалось открыть и закрыть за собой дверь в кабинет директора, не приводя в действие тревожную сигнализацию.

Внутри ей приходилось полагаться лишь на датчик, предупреждавший о приближении посторонних. Спокойно, но ловко и быстро она обыскала кабинет. Включив электронную картотеку, она набрала ключевое слово «иллюзия». Экран остался пустым. Она набрала слово «дом». Безрезультатно.

У директора наверняка должен был быть адрес Дома или Домов, с которыми он имел дело. Могло ли быть так, что этот человек, имя которого — Мартин — она нашла на нескольких документах, имел постоянную связь только с несколькими Домами и все номера хранились только у него в голове? Вполне вероятно, мрачно отметила она.

Она не собиралась сдаваться, не исчерпав всех возможностей, которые у нее имелись. Она быстро обследовала со-

держимое стола, ничего не нашла там, уселась в удобное кресло и стала ждать — впрочем, недолго. Она вздрогнула, услышав сигнал датчика, и направила его сначала на одну дверь, потом на другую. Положительный ответ пришел со стороны той двери, в которую Люси вошла четверть часа назад. Кто бы там ни был, сейчас он стоял в коридоре, взявшись за дверную ручку.

Дверь открылась, и на пороге появился толстяк, что-то напевавший себе под нос. Большой стол и кресло стояли так, что он не сразу заметил непрошеного гостя. Толстячок заморгал голубыми глазами, не проявляя ни малейшего страха. Свиные глазки взглянули на оружие в руке девушки, а затем жадный взгляд остановился на ее лице.

— Симпатичная куколка,— пробормотал он.

Его реакция явно этим не исчерпывалась, так что Люси пришлось еще немного подождать. Наконец он не то промурлыкал, не то проворчал:

— Чего тебе надо?

— Мне нужен мой муж.

Учитывая обстоятельства, подобный ответ показался ей самым подходящим. Почему бы не появиться какой-нибудь миссис Кларк?

— Муж? — эхом отозвался толстяк, явно озадаченный ее словами.

— У него хорошо шла игра, он выигрывал,— монотонно произнесла Люси.— Я ждала позади, наблюдая за ним. А потом напирающая толпа вытолкнула меня наружу. Когда я попыталась вернуться, двери были уже заперты, а когда их снова открыли, его там не было. Я сопоставила все это, и вот я здесь.

Речь ее была недолгой, но вполне излагала суть дела, создавая образ обеспокоенной и готовой на все жены. Было бы весьма некстати, если бы толстяк начал подозревать, что Торговый дом оружейников интересуется Кейлом Кларком. Она заметила, как смысл ее слов постепенно доходит до поросячьего мозга.

— А, так это вы про него.— Он коротко рассмеялся.— Мне очень жаль, юная леди, но я только вызвал перевозчиков. У них свои связи, и как они поступают с такими, я не знаю.

— Хотите сказать, что вы не знаете адреса, по которому его отвезли, но вам известно, что это за место? Я права? — настойчиво спросила Люси.

Он задумчиво посмотрел на нее, словно о чем-то размышляя, наконец пожал плечами.

— Дом иллюзий.

Тот факт, что она уже догадывалась об этом раньше, не уменьшал ценности только что полученных сведений, точно так же как внешняя искренность собеседника не означала, что он говорит правду.

— Вижу,— сухо сказала Люси,— вон там в углу стоит детектор лжи системы Ламберта. Принесите его.

Толстяк беспрекословно выполнил ее просьбу.

— Обратите внимание,— заметил он, подняв толстый палец,— что я не сопротивляюсь.

Не обращая на него внимания, она подняла конусообразный прибор и направила его на толстяка.

— Как тебя зовут?

— Хардж Мартин.

Стрелки на детекторе лжи остались неподвижны. Это действительно был Мартин. Прежде чем она успела открыть рот, он поспешно сказал:

— Я готов предоставить тебе любую информацию, какую только пожелаешь.— Он пожал плечами.— Для меня это не имеет никакого значения. Мы под защитой. Если тебе удастся найти Дом, куда забрали твоего мужа,— пожалуйста. Однако тебе следует знать, что в этих Домах есть свои способы избавляться от людей, когда появляется полиция.

Он явно нервничал, и это заинтересовало Люси. Она пристально посмотрела на него.

— Похоже, ты что-то замышляешь,— холодно заметила она.— Хочешь, чтобы мы поменялись местами, а? — Она неодобрительно покачала головой.— Даже не пытайся. Буду стрелять.

— Это оружие Торгового дома оружейников,— показал толстым подбородком Мартин.

— Да,— согласилась Люси.— Оно не выстрелит, пока ты на меня не нападешь.

Она не сказала всей правды. Члены организации обладали специальным оружием, имевшим гораздо меньше ограничений, чем предназначенное для клиентов.

Мартин вздохнул.

— Прекрасно. Фирма называется «Транспортные перевозки Лоуэри».

Стрелки детектора подтвердили, что он не лжет. Люси отступила к двери.

— Ты легко отделался,— сказала она.— Надеюсь, ты это понимаешь.

Толстяк кивнул, облизывая пересохшие губы. Голубые глаза внимательно наблюдали за ней, словно он все еще надеялся, что непрошеный гость совершит какую-нибудь ошибку.

Не говоря больше ни слова, она приоткрыла дверь, проскользнула сквозь щель и полминуты спустя уже шагала по улице.

Антон Лоуэри, рослый блондин, сонно приподнял голову с подушки и тупо уставился на Люси, не делая даже малейшей попытки встать. Наконец он сказал:

— Не знаю, куда его забрали. Мы занимаемся только перевозками. Водитель звонит в разные Дома наугад, пока не найдет, кому нужны его услуги. Записей мы не ведем.

Голос его звучал слегка рассерженно, словно он действительно был честным перевозчиком, в чьей профессиональной этике впервые усомнились. Люси не стала тратить время на дальнейшую дискуссию.

— Где мне найти того водителя? — спросила она.

Он ответил, что, вероятно, тот закончил смену в два часа ночи и вернется только через шестьдесят шесть часов.

— Это все профсоюзы,— поморщился Лоуэри.— Короткий рабочий день, высокая зарплата и множество свободного времени.

Казалось, эти слова придают ему ощущение превосходства над незваным гостем, отчего раздражение в его голосе начало постепенно проходить.

— Где он живет? — спросила Люси.

Лоуэри не имел об этом ни малейшего понятия.

— Можете попробовать узнать в профсоюзе,— предложил он.— Нам адресов не дают.

Оказалось, что названия профсоюза он тоже не помнит. Детектор лжи, который она забрала с собой из «Пенни-Паласа», подтвердил его слова. Люси вздохнула. Через три дня Кейл будет втянут в омерзительную жизнь Домов иллюзий. Эта мрачная мысль вызвала у нее приступ внезапного гнева.

— Пошел ты к черту! — яростно бросила она.— Когда водитель снова явится на работу, возьмешь у него адрес того Дома. Я позвоню тебе через десять минут после начала его смены — и очень советую к тому моменту уже получить эти сведения.

Тон ее голоса и поведение подействовали весьма убедительно. Антон Лоуэри поспешно заверил ее, что не имеет ничего против и лично за всем проследит. Он все еще продолжал уверять ее в этом, когда она выходила из его спальни.

На улице Люси выпила очередную порцию энергетического напитка из автомата на углу, но этого ей не хватало. На часах было почти пять утра, а одеревеневшие мышцы подсказывали, что пора в постель.

Без каких-либо проблем добравшись до своей квартиры, она устало сбросила одежду и тяжело упала на кровать. В голове промелькнула последняя осознанная мысль: «Три дня... Будет ли это время тянуться медленно для человека, испытывающего непрерывное удовольствие? Или для нее самой, знающей, что на самом деле это удовольствие — самая страшная боль, какую только можно себе представить?»

С этим вопросом она провалилась в сон, словно смертельно уставший ребенок.

Глава 13

Получив адрес Дома, Люси сразу же связалась с Хедроком. Он задумчиво выслушал ее, затем несколько раз кивнул.

— Хорошая работа,— отметил он.— Мы тебя поддержим. Я пошлю военный корабль, один из лучших, и если от тебя спустя разумное время не будет никаких вестей, мы атакуем.— Он поколебался.— Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что единственная возможность оправдать подобные действия — это не оставить у Кларка никаких сомнений, что ты руководствуешься исключительно личными причинами. Ты готова на это пойти?

Он мог бы и не спрашивать. Ответом было ее осунувшееся лицо, смотревшее на него с экрана телестата. Нервы девушки были на пределе. Ему стало ее жаль, но он знал, что не отвечает за ее чувства — он лишь распознавал их и использовал свое знание психологии, чтобы ускорить поиски. Каллидетические способности Кейла Кларка были настолько сильны, что о нем рано или поздно услышат в империи Ишер. Однако на ход войны это повлиять никак не могло. Стоит Кейлу двинуться по верному пути, и события начнут развиваться подобно снежной лавине — столь быстро, что человеческий разум не в состоянии будет осознать масштабов происходящего.

Если бы только существовал способ узнать, какую форму все это примет... Хедрок внутренне содрогнулся. Не стоило принимать желаемое за действительное. Нужно просто наблюдать за каждым шагом Кларка в надежде, что удастся определить момент, когда случится неизбежное. Он понял, что девушка ждет, когда он продолжит, и мысли его сразу заработали четче.

— На какое время тебе назначили? Сегодня вечером или завтра?

— Сегодня, в десять тридцать вечера.— Она с трудом заставила себя мрачно улыбнуться.— Служащий в приемной настаивал, чтобы я пришла вовремя. Похоже, они едва успевают справляться со всеми.

— Предположим, как раз в это время он не будет свободен,— что ты станешь делать?

— Думаю, в это время у них перерыв, когда мужчины и женщины могут сами выбирать себе партнеров. Но если он окажется занят — то и я тоже. Буду весьма разборчивой.

— Думаешь, Кларк тебя узнает? — Она не поняла, и Хедрок поспешил объяснить: — Эти иллюзии вызывают остаточные галлюцинации, которые влияют на зрительное восприятие.

— Я постараюсь, чтобы он меня узнал.

Она описала несколько методов. Хедрок немного подумал, затем покачал головой.

— Очевидно,— сказал он,— что ты никогда не была в подобном Доме. Эти люди невероятно подозрительны, и, пока

ты не окажешься под воздействием иллюзии, у тебя практически нет шансов сказать что-либо, чего бы они не могли подслушать. Лишь когда автоматы начнут посылать соответствующие импульсы, ты перестанешь их интересовать. Помни об этом и старайся приспособиться к любой ситуации, которая может возникнуть.

Люси постепенно приходила в себя. Проведя полдня вместе с Кейлом, она полностью ему доверяла.

— Он меня узнает,— решительно заявила она.

Хедрок не ответил — он хотел лишь обозначить возможную проблему. Трое суток иллюзий — немалый срок. Даже если не будет остаточных явлений, его разум отупеет, жизненные силы временно ослабнут, иссякнет энергия, питающая память.

— Лучше пойду подготовлюсь,— закончила Люси.— До свидания, мистер Хедрок.

— От всего сердца желаю тебе удачи, Люси,— ответил он.— Но не проси о помощи без крайней необходимости.

Хедрок не стал выключать телестат. Во время критических ситуаций он жил в апартаментах, примыкавших к Отделу координации. Работа была для него смыслом жизни — все те часы, когда он не спал, он работал. Соединившись с базой военного флота Торгового дома оружейников, он приказал направить корабль для охраны. Однако это его не удовлетворило. Нахмурившись, он задумался над теми возможностями, которые предоставляла нынешняя ситуация Люси, и в конце концов затребовал секретное досье девушки. Две минуты спустя Центр информации с помощью межпространственной связи доставил диск прямо ему на стол. Сперва он проверил фактические данные: понятливость — 110, кругозор — 118, внешность — 105, влияние — 151, эгоизм — 120, эмоциональный индекс — 150...

На этом Хедрок несколько задержался. В сравнении с нормой 100 и учитывая средний показатель 85, Люси была привлекательной смышленой девушкой с несколько завышенным эмоциональным потенциалом. Именно благодаря этой своей черте она и была привлечена к теперешнему заданию. После того как в процессе рутинной проверки толпы, собравшейся перед новым оружейным магазином, в Кейле Кларке был распознан выдающийся каллидетик, было решено уста-

новить с ним контакт с помощью посредника, которым должна была стать незамужняя женщина с высоким эмоциональным индексом.

Члены Совета предвидели, что подобный каллидетик вызовет у Люси интерес. На выбор влияли и другие факторы — главным образом необходимость защитить психику молодой женщины, которой предстояло подвергнуться сильнейшему стрессу. Ради блага девушки было желательно, чтобы привязанность в течение какого-то времени являлась взаимной. Того, что она станет постоянной, никто в быстро меняющемся мире гарантировать не мог.

Хедрок один за другим анализировал аспекты нынешней ситуации. Он глубоко вздохнул — ему стало жаль Люси. Торговый дом оружейников обычно не вмешивался в личную жизнь членов организации. Лишь в самых крайних случаях приходилось использовать людей в качестве пешек — ради всеобщего блага.

Мысль о том, что сейчас именно такой крайний случай, заставила его действовать. Он отправил диск назад в Центр информации, а затем снова включил телестат и начал сосредоточенно манипулировать им. Он отбросил несколько картин, образовавшихся в результате утечки энергии из помещения, на которое он нацелился, и наконец получил то, что хотел,— карту времени. Он без труда нашел большую тень, находившуюся на расстоянии в шесть недель и один день в будущем. Ту, что поменьше, найти было сложнее. Он заметил ее лишь некоторое время спустя — маленькую черную точку на изгибе карты, отстоявшую примерно на миллион лет в прошлое. Закрыв глаза, Хедрок попытался представить себе подобное расстояние во времени, но не сумел. Энергия, заключенная в Макалистере, была сейчас чересчур велика даже в планетарных масштабах. Проблема возможного взрыва превращалась в кошмар.

Когда Хедрок выключил телестат, его охватила невероятная усталость — и столь же невероятное удивление. Хотя прошло много времени, он так и не нашел подходящего решения и до сих пор не имел понятия, как избежать самой страшной опасности, угрожавшей Солнечной системе.

В течение следующего часа он внимательно читал конспекты докладов, представленных в этот день агентами. Люси

не знала, что находилась в числе нескольких десятков человек, которые могли связываться непосредственно с ним в любое время дня и ночи. Остальные общались с автоматами или с одним из десятка служащих, работавших в три смены.

Сокращенные доклады требовали тщательного анализа. Ему ни разу не показалось, что он зря теряет время. Ни разу он не позволил себе чрезмерной спешки и изучил каждый доклад в той степени, в какой считал нужным.

Настала половина одиннадцатого вечера. Он понимал, что сейчас Люси наверняка добралась до места, но после некоторого колебания все же связался с кораблем, зависшим на большой высоте над Домом иллюзий. Некоторое время Хедрок разглядывал находившееся в пригороде здание, похожее на утопавшую в зелени игрушку. Затем, уже хорошо представляя этот образ, он вернулся к работе.

Глава 14

Люси открыла ворота и едва не остановилась на полушаге, почувствовав, как все ее тело охватывает приятное тепло.

Она знала, что ощущение тепла вызвано искусственно, и это первая ступень на пути к изысканным чувственным утехам, которые предлагал Дом иллюзий. Теперь до тех самых пор, пока она не покинет здание, ей каждую секунду предстояло испытывать все новые, весьма коварные и неожиданные манипуляции над ее нервной системой.

Постояв в нерешительности, она медленно двинулась вперед, разглядывая здание, которое стояло вдали от улицы, среди ослепительно прекрасного сада. Посреди внутреннего двора росли цветы и кустарники, искусно высаженные прямо в щелях между каменными плитами. Примерно в ста футах от главного входа начиналась скрывавшая его полоса гигантских растений с зелеными листьями.

Пройдя под ними, она оказалась в коридоре, конец которого был отчетливо виден в полутора сотнях футов впереди.

Люси дважды невольно замедляла шаг. В первый раз ей показалось, будто что-то мягкое гладит ее по лицу, словно нежные пальцы любимого человека. Во второй раз ощущения были куда более впечатляющими. Внезапно у нее пе-

рехватило дыхание, горячая волна обожгла лицо и разлилась по всему телу вплоть до низа живота. В ней боролись чувства замешательства и счастья, стыда и возбуждения, и она не смогла удержаться от мысли, что, возможно, то же самое испытывает невеста в брачную ночь.

Именно на этом специализировался Дом иллюзий. Здесь старые уставшие распутники, мужчины и женщины, могли вновь и вновь предаваться — естественно, за соответствующую плату — телесным наслаждениям и пережить связанные с этим эмоции.

Дойдя до поворота, она неожиданно оказалась в украшенной зеркалами нише. Поколебавшись, она подошла к одному из них, размышляя, не потайные ли это двери, и опасаясь, что может ошибиться с выбором. Люси остановилась в ожидании, что дверь откроется сама, но прошла минута, другая, и ничего не происходило. Она начала толкать зеркала, одно за другим.

Первые шесть даже не дрогнули, словно были прикреплены к стене. Седьмое открылось с неожиданной легкостью, и Люси вошла в узкий коридор. Она все время задевала плечами о стены и оттого не могла избавиться от неприятного ощущения, что она заперта в тесноте, оказывавшей гнетущее воздействие на психику. Дело было не только в физических ощущениях, но и в страхе перед замкнутым пространством, а также перед тем, что произойдет с человеком, который может двигаться только вперед или назад.

Она пыталась понять, связана ли подобная реакция с осознанием того, что она находится здесь по причинам, не имеющим ничего общего с предназначением Дома иллюзий. Казалось, вся ее сущность протестует против самой природы этого места. К тому же ее мотивы вполне могли обнаружиться, прежде чем она успеет реализовать свой план. Постоянные клиенты наверняка не пугались узкого коридора — они знали, что ждет их дальше.

Опасения рассеялись столь же быстро, как и появились. Внезапно ее охватило предчувствие безграничной радости. На едином дыхании преодолев коридор, она коснулась узкой стены. Та поддалась без малейшего сопротивления, и на этот раз, к своему облегчению, Люси увидела маленькую уютную комнатку и сидевшую за столом слева от двери женщину.

— Прошу садиться,— сказала женщина.— Когда кто-то впервые посещает наш Дом, мы должны провести с ним беседу.

Ей было лет сорок, у нее были классические черты лица, но слишком узкие глаза и тонкие губы. Она молча показала на стул, и Люси села, не говоря ни слова.

— Как ты понимаешь, моя дорогая, все, что ты мне скажешь, будет сохранено в тайне,— приятным голосом начала женщина.— Честно говоря...— ее губы изогнулись в легкой улыбке, а наманикюренный палец коснулся лба,— ни единое слово никогда не покидает пределов этой комнаты. Но должна тебе сказать, что у меня прекрасная память. Мне достаточно услышать или увидеть кого угодно хотя бы раз, чтобы никогда потом не забыть.

Люси молчала. Ей уже приходилось встречать немало людей с эйдетической памятью. Судя по тому, что было ей известно о Домах иллюзий, в них никогда не удавалось обнаружить каких-либо данных о клиентах. Вероятно, они хранились в памяти таких людей, как эта женщина.

— Естественно, это означает, что мы принимаем исключительно наличные. Сколько составляет твой годовой доход?

— Пять тысяч креди,— не колеблясь ответила Люси.

— Где работаешь?

Люси назвала хорошо известную фирму. Все было давно продумано. Каждый член организации числился сотрудником фирмы, которая неофициально принадлежала Торговому дому оружейников или его сторонникам. И если в силу законов империи Ишер задавались подобные вопросы, члены организации давали вполне законные ответы, которые можно было проверить.

— Сколько ты платишь за квартиру? — спросила женщина.

— Сто креди в месяц.

— А сколько составляют твои расходы на питание?

— Ну, пятьдесят—шестьдесят или около того.

Женщина задумчиво проговорила, будто размышляя вслух:

— Транспорт — десять, одежда — двадцать пять, прочее — десять... у тебя остается две с половиной тысячи в год, вполне достаточно на дополнительные расходы. Если захочешь приходить сюда раз в неделю, это будет тебе стоить пятьдесят

креди за визит. Однако на первый раз мы дадим тебе скидку. Тридцать пять креди, пожалуйста.

Люси отсчитала деньги, несколько удивленная столь холодными расчетами. В действительности расходы ее были совсем иными — например, тысяча креди подоходного налога. Расходы на одежду значительно превышали двадцать пять креди. Несмотря на это, она могла бы в случае необходимости или если бы желание развлечься оказалось сильнее чувства осторожности обойтись и меньшим количеством свободных денег, чем назвала женщина. Следовало также учитывать, что тот, кому не слишком везет в жизни, вполне может приходить сюда чаще, чем раз в неделю. В этом случае можно перебраться в район похуже, покупать дешевую одежду, меньше есть. Подобных вариантов было множество, и все они столь же стары, как и коррупция.

Женщина убрала деньги в ящик стола и поднялась.

— Спасибо, моя дорогая. Надеюсь, у нас с тобой будут долгие и взаимовыгодные отношения. Сюда, пожалуйста.

Очередной потайной проход вел в широкий коридор, заканчивавшийся открытой дверью. Люси оказалась в просторной роскошной спальне, размеры которой поразили ее еще до того, как она туда вошла. Кое-что показалось подозрительным, она остановилась на пороге и осторожно заглянула внутрь. Не стоило забывать — это Дом иллюзий. Здесь то, что в обычных условиях было реальным, могло обернуться лишь фантазией. Она вспомнила полученные от Хедрока указания, как обнаруживать искусственно вызываемые галлюцинации. Люси заметила, что, если смотреть на комнату уголком глаза, картина становилась нечеткой, особенно на самом краю поля зрения. Ей показалось, что она видит женскую фигуру, а помещение намного больше, чем представлялось ранее.

Улыбнувшись, она подошла к дальней стене, прошла сквозь нее и оказалась в огромном зале с мерцающими зеркалами. К ней поспешила женщина-служащая, кланяясь на ходу.

— Прошу прощения. Поскольку это ваш первый визит в Дом, мы думали, что вы ничего не знаете о наших сюрпризах. Вы слышали об этой иллюзии от знакомых или уже бывали в подобных местах?

Люси прекрасно понимала, что вопрос задан неспроста и пренебречь им нельзя.

— Приятель рассказывал,— честно сказала она.

Похоже, этот ответ удовлетворил невысокую энергичную блондинку, которая подвела Люси к зеркалу, оказавшемуся дверью.

— Переодевайтесь,— велела она,— а затем проходите на ту сторону.

Люси оказалась в маленькой раздевалке. На одной из стен на вешалке висело красивое белое платье, на полу стояла пара сандалий — и больше ничего. Она медленно разделась, неожиданно почувствовав себя обреченной. Похоже, из ситуации, в которой она оказалась, действительно не так-то легко выкрутиться. Если она не успеет вовремя связаться с Кейлом, он испытает все удовольствия, предлагаемые этим Домом, независимо от собственного желания.

Белое платье было удивительно мягким на ощупь. Когда она надела его через голову и ткань коснулась кожи, у Люси вырвался сладострастный вздох. Платье было сделано из специальной дорогой материи, воздействовавшей на рецепторы чувственности. Ярд этой ткани стоил дороже ста креди.

Некоторое время Люси стояла, позволяя наслаждению разлиться по всему телу. Неожиданно ее охватило возбуждение, она пошатнулась, словно у нее закружилась голова, и подумала: «Все совершенно не важно. Что бы сегодня ни случилось, я хочу развлечься».

Она сунула ноги в сандалии, снова пошатнулась, опираясь о дверь, затем выпрямилась, открыла ее и замерла, увидев перед собой уходящий вдаль зал. За столами вдоль одной стены сидели мужчины, вдоль другой — женщины. На стенах сверкали разноцветные орнаменты. Вдоль зала тянулся бар, где подавали спиртное. Люси нерешительно попыталась проверить, не иллюзия ли это, взглянув краем глаза, но на самом деле это мало ее беспокоило. Она была здесь, в главном зале, на месте встреч. Через несколько минут она доберется до Кейла. Если не удастся установить с ним контакт — ничего не поделаешь. Будут и другие такие вечера, сказала она сама себе, чувствуя, как у нее слегка кружится голова.

Чуть пошатываясь, она вошла в зал, бросив презрительный взгляд на других клиенток, которые сидели за небольшими столиками и потягивали напитки из маленьких бокалов.

Все женщины были намного старше ее. Она перестала чувствовать в них соперниц и перевела взгляд на мужчин, с интересом отметив, что вдоль всего зала тянется прозрачный барьер, от пола до самого потолка, отделявший мужчин от женщин. Естественно, существовала вероятность, что это тоже иллюзия и в соответствующий момент барьер исчезал перед отдельными людьми или перед целой группой. Люси, знавшая кое-что об энергии, использовавшейся для подобных спецэффектов, предположила, что в конце концов обе части помещения объединятся.

Мысль об этом тут же исчезла, когда девушка быстро пробежала взглядом вдоль ряда мужчин. Все без исключения были относительно молоды. Взгляд ее скользнул и по лицу Кейла, но лишь через несколько мгновений она поняла, что это он. Она снова начала рассматривать мужчин, но осторожность взяла верх. Постепенно приходя в себя после короткого эмоционального всплеска, она направилась к одному из столиков, сохраняя в памяти только что увиденное лицо.

Она села и почувствовала, как проходит возбуждение. При воспоминании о том, насколько несчастным выглядел Кейл, ее охватило отчаяние. Образ осунувшегося, измученного, несчастного парня стоял у нее перед глазами. С некоторым сомнением она подумала, есть ли вообще шанс, что его остекленевший взгляд встретится с ее глазами. Она решила, что посмотрит на него еще раз через минуту и на этот раз постарается привлечь его внимание.

Люси взглянула на часы, усилием воли подавляя желание поторопиться. До конца минуты оставалось еще пять секунд, когда из ниши вышел худой низенький мужчина и поднял руку. Люси поспешно посмотрела в ту сторону, где сидел Кейл, и встретилась с ним взглядом. Вскоре она услышала, что коротышка радостно объявил:

— Друзья мои, барьер опускается. Пришло время знакомиться.

Реакция на сигнал была самой разнообразной. Большинство женщин остались сидеть, однако несколько быстро встали и двинулись через зал. Увидев, что Кейл направляется прямо к ней, Люси замерла без движения. Он уселся в кресло напротив нее и невыразительным голосом сказал:

— Вы очень привлекательны, мисс.

Она молча кивнула, принимая комплимент и боясь выдать собственные мысли. Над ними склонилась служащая Дома иллюзий.

— Вы довольны, мисс? — послышался тихий вопрос.

Люси утвердительно кивнула, и женщина показала рукой:

— Вам туда.

Она встала, думая: «Как только мы останемся одни, можно будет составить план, что делать дальше».

Неожиданно у дверей возникло какое-то замешательство, и в зал ворвалась женщина, которая проводила с Люси предварительную беседу. Она что-то тихо сказала коротышке, и мгновение спустя раздался звонок. Люси повернулась... и потеряла равновесие. А потом она почувствовала, что падает в темноту...

В пять минут двенадцатого, когда загудел телестат и на экране появилось лицо Люси, Хедрок все еще был у себя в кабинете. Девушка растерянно оглядывалась по сторонам.

— Я сама не знаю, что случилось. Мне казалось, будто все складывается удачно — он узнал меня и ничем этого не выдал. Вероятно, нас должны были проводить в какую-то отдельную комнату, когда вдруг все погрузилось во тьму. Я пришла в себя уже дома.

— Подожди немного,— бросил Хедрок.

Он соединился с военным кораблем. Командир отрицательно покачал головой.

— Я как раз собирался связаться с вами. Была полицейская облава. Видимо, их успели предупредить, так как они загрузили всех женщин в автопланы, по шесть в каждый, и отправили по домам.

— А что с мужчинами? — напряженно спросил Хедрок.

В критических ситуациях от этих Домов можно было ожидать всего, что угодно.

— Именно поэтому я и не связался с вами сразу. Я видел, как мужчин заталкивают в грузовики. Мы попытались последовать за ними, но они воспользовались своим обычным методом.

— Понимаю,— ответил Хедрок и тихо застонал, прикрыв глаза рукой.

Дело Кейла Кларка снова начинало осложняться, и ничего не оставалось, кроме как предоставить его собственной судьбе.

— Все в порядке, капитан,— мрачно сказал Хедрок.— Вы хорошо поработали.

Снова соединившись с Люси, он сообщил ей плохие новости.

— Мне очень жаль, но больше мы ничем ему помочь не можем. Мы не посмеем вмешаться.

— И что мне теперь делать? — спросила она.

— Просто ждать,— посоветовал он.— Жди.

Вряд ли он мог сейчас сказать что-то еще.

Глава 15

Фара трудился не покладая рук. Больше ему все равно нечем было заняться, и у него часто возникала мысль о том, что он так и будет работать до самой смерти. Да, он был глупцом — он тысячи раз мысленно повторял, насколько большим глупцом он был,— но все же еще питал надежду, что однажды Кейл войдет в мастерскую и скажет: «Отец, жизнь преподала мне суровый урок. Если ты можешь меня простить, научи меня своему ремеслу, а потом уходи на давно заслуженный отдых».

Двадцать шестого августа, сразу после обеда, включился телестат.

— Говорят из банка,— произнес тихий голос.

Фара и Крил переглянулись.

— Эх,— наконец вздохнул Фара,— кажется, с нас требуют денег.

Посмотрев на мрачно молчащую Крил, он понял, какие мысли сейчас рождаются у нее в голове.

— Черт бы побрал этого мальчишку! — прошептал он.

Однако вместе с тем он испытал и странное облегчение — Кейл начинал понимать роль, которую в его жизни играли родители. Фара включил изображение.

— Пусть сам придет и попросит,— проворчал он себе под нос.

На экране появилось странное лицо с тяжелой челюстью и кустистыми бровями.

— Говорит Кларк Пиртон из Пятого банка в Ферде. Мы получили вексель на предъявителя на перевод десяти тысяч креди с вашего счета. С учетом комиссии за перевод и налогов требуемая сумма составляет двенадцать тысяч сто креди. Заплатите сейчас или придете сегодня сами?

— Но... но...— пробормотал Фара.— Кто...

Он замолчал, когда обладатель тяжелой челюсти заговорил что-то о деньгах, выплаченных сегодня утром Кейлу Кларку на непредвиденные расходы. Потом он пришел в себя настолько, что смог выдавить:

— Но банк не имел права выплачивать эти деньги без моего согласия.

— Мне сообщить в наше управление,— холодно прервал его собеседник,— что деньги были получены путем мошенничества? Естественно, в этом случае будет немедленно выдан ордер на арест вашего сына.

— Подождите... подождите...— тупо бормотал Фара.

Внезапно он осознал, что Крил дает ему какие-то знаки. Лицо ее побледнело, а голос звучал неестественно:

— Фара, пусть. Он порвал с нами. Мы должны быть столь же твердыми. Пусть поступает как хочет.

Слова отдавались в ушах Фары бессмысленным звоном. Казалось, они не вписываются в устоявшийся порядок вещей. Он продолжал бормотать:

— Я... у меня нет... А как мне оплачивать... ежемесячные взносы?

— Если вы желаете получить ссуду,— поспешил с помощью Кларк Пиртон,— мы, естественно, с радостью подпишем с вами соответствующий договор. Получив вексель, мы проверили ваше материальное положение и готовы предоставить вам ссуду на одиннадцать тысяч креди на неопределенный срок, приняв в качестве залога вашу мастерскую. У меня имеется стандартный бланк, и, если вы согласны, мы переключимся на защищенный канал и вы сможете сразу же его подписать.

— Фара, нет!

Чиновник продолжал монотонным голосом:

— Остальные тысячу сто креди нужно будет оплатить наличными. Вы согласны?

— Да-да, конечно. У меня есть две тысячи пятьсот...— Он судорожно сглотнул, попридержав язык, и добавил: — Да, я согласен.

Выполнив все формальности, он с болью и возмущением набросился на жену:

— Что значила твоя болтовня насчет того, чтобы не платить? Ты всегда говорила, что я несу ответственность за то, что он стал таким. Кроме того, мы не знаем, зачем ему понадобились деньги. Тот тип говорил что-то про непредвиденные расходы.

— В течение часа он лишил нас всех наших сбережений,— мертвенным голосом ответила Крил.— И он явно сделал это преднамеренно, рассчитывая, что двое старых дураков все оплатят.

— Пока что я вижу лишь,— прервал ее Фара,— что я спас наше имя от бесчестья.

Чувство исполненного долга, однако, дожило лишь до вечера, когда появился судебный пристав из Ферда с предписанием на передачу мастерской другому владельцу.

— Но почему...— начал было Фара.

— Автоматические атомные ремонтные мастерские выкупили ваш долг банку и лишают вас права собственности.

— Это несправедливо,— крикнул Фара.— Я подам в суд!

У него мелькнула лихорадочная мысль: «Если бы об этом когда-нибудь узнала императрица, то... то...»

Суд располагался в большом сером здании. Шагая по коридору, Фара с каждой секундой ощущал все большую пустоту и холод. В Глее решение отказаться от адвоката выглядело вполне разумным. Здесь же, среди громадных залов, оно показалось ему откровенной глупостью.

Несмотря на это, ему удалось изложить все обстоятельства преступления, совершенного банком, который сперва выдал Кейлу деньги, а затем продал долг главному конкуренту Фары — судя по всему, через несколько минут после подписания договора.

— Уверен, сэр, что императрица не одобрила бы подобного поступка в отношении честных граждан,— закончил он.

— Да как ты смеешь,— прошипел со скамьи чей-то холодный голос,— использовать имя ее величества в своих личных интересах?

Фара вздрогнул. Ощущение, что он является членом одной большой семьи с императрицей во главе, сменилось ледяным ознобом. Фара с ужасом представил себе десять миллионов таких же судов и миллиарды враждебных, бессердечных людей, таких как этот, которые стояли между императрицей и ее лояльным подданным. Он с отчаянием подумал: «Если бы императрица только знала, что здесь происходит и насколько несправедливо ко мне относятся, она бы наверняка...»

А может быть, вовсе нет?

Выбросив из головы страшные сомнения, он стряхнул с себя оцепенение и услышал голос судьи:

— Апелляцию истца отклонить, судебные издержки оценить в размере семисот креди, которые распределить между судом и защитой в отношении пять к двум. Прошу проследить, чтобы истец не покинул здания суда, не оплатив требуемой суммы. Слушается следующее дело.

На следующее утро Фара отправился в гости к матери Крил. Сперва он зашел в ресторанчик для фермеров на краю поселка. Он удовлетворенно отметил, думая о постоянном потоке поступающих денег, что заведение наполовину заполнено посетителями, хотя до полудня еще оставалась пара часов. Однако хозяйку он не застал и решил попытать счастья в магазинчике при ресторане.

Он нашел ее в служебном помещении, где она наблюдала, как развешивают по мешочкам крупу. Старая женщина выслушала его с суровым выражением лица, не говоря ни слова, и лишь в конце сухо сказала:

— Ничего не поделаешь, Фара. Мне тоже часто приходится брать ссуды в банке, чтобы как-то выкручиваться. Если бы я попыталась помочь тебе основать свое дело, у меня рано или поздно возникли бы проблемы с людьми из Автоматических атомных ремонтных мастерских. Кроме того, глупо было бы давать деньги человеку, который позволяет дурно воспитанному сыну залезать к себе в карман. У таких людей нет чувства реальности. И работы я тебе тоже не дам, так как не нанимаю родственников,— закончила она.— Скажи Крил, чтобы перебиралась ко мне. Однако мужчину я содержать не намерена. Все.

Он смотрел на нее полным печали взглядом, в то время как она снова начала отдавать распоряжения работникам,

возившимся со старыми и неточными мерными автоматами. Ее резкий голос эхом отражался от покрытых пылью стен:

— Здесь перевес по крайней мере на грамм. Смотри на весы.

Хотя она стояла к нему спиной, по ее позе было хорошо заметно, что она прекрасно помнит о его присутствии. Наконец она развернулась к нему и бросила:

— Почему бы тебе не пойти в оружейный магазин? Терять тебе нечего, а бесконечно так продолжаться не может.

Он вышел, словно слепой. Сперва мысль о том, чтобы купить оружие и покончить с собой, показалась ему абсурдной. Ему стало больно оттого, что его собственная теща предложила ему подобное. Убить себя? Это бессмысленно. Он был еще не стар, ему едва исполнилось пятьдесят. При благоприятных обстоятельствах со своей профессией он мог неплохо жить даже в мире, заполненном автоматами. Для профессионала всегда нашлось бы место. Вся его жизнь основывалась на этом кредо.

Дома Крил собирала вещи.

— Вполне разумно так поступить,— пояснила она.— Мы сдадим этот дом, а сами переедем в квартиру.

Он рассказал ей о предложении ее матери, внимательно наблюдая за ее реакцией. Крил пожала плечами.

— Я вчера уже сказала ей «нет»,— задумчиво ответила она.— Интересно, почему она и тебе про это говорила?

Фара подошел к большому окну, выходившему в сад с цветами, прудом и клумбами. Он попытался представить себе Крил вдали от этого сада и дома, где она провела две трети жизни, Крил, живущую в обычной квартире. И тут он понял, что имела в виду ее мать. Оставалась еще одна надежда. Подождав, пока Крил поднимется наверх, он позвонил по телестату мэру. На полном лице Дэйла появилось обеспокоенное выражение, когда он увидел, кто хочет с ним говорить, однако он внимательно его выслушал и сказал:

— Мне очень жаль, но поселок не дает денег в долг. И кстати, хотел тебе сказать, Фара,— учти, я к этому не имею никакого отношения,— что больше ты никогда не получишь лицензию на собственную мастерскую.

— Что-о?

— Мне очень жаль! — Мэр понизил голос.— Послушай, Фара, мой тебе совет — иди в оружейный магазин. От них есть своя польза.

Фара услышал щелчок и еще несколько мгновений смотрел на пустой экран. Значит — смерть!

Глава 16

Прожив два месяца в одной комнате, Фара наконец принял решение. Он подождал, пока улица опустеет, проскользнул по бульвару, миновал цветущий сад и подошел к оружейному магазину. Его охватил мимолетный страх, что дверь не откроется, но она поддалась без каких-либо усилий. Выйдя из темной ниши, он увидел седовласого старика, который сидел на стуле в углу и читал при неярком свете. Старик поднял взгляд, отложил книгу и встал.

— Омистер Кларк,— тихо произнес он.— Чем могу служить?

На щеках Фары проступил легкий румянец. Он надеялся, что ему не придется испытывать унижение от того, что его узнают. Но сейчас, не сумев скрыть свой страх, он решил упрямо стоять на своем. Для него было важно, чтобы Крил не пришлось тратиться на похороны. Ни нож, ни яд не могли удовлетворить его в полной мере.

— Мне нужно оружие,— сказал Фара.— Такое, которое могло бы одним выстрелом полностью уничтожить тело диаметром в шесть футов. Есть у вас что-нибудь подобное?

Старик повернулся к витрине и достал из нее солидно выглядевший револьвер, мягко поблескивавший натуральным пластиком.

— Прошу обратить внимание,— проговорил он, подчеркивая каждое слово,— что эти выступы на стволе — не просто утолщения. Благодаря им модель идеальна для ношения в кобуре под пиджаком. Револьвер можно достать очень быстро, поскольку при соответствующей настройке он сам прыгнет в руку владельца. Сейчас он настроен на меня. Посмотрите, я вложу его в кобуру, и...

Быстрота движения изумила Фару. Пальцы старика чуть шевельнулись, и оружие, находившееся от них в четырех фу-

тах, мгновенно оказалось в руке — столь же мгновенно, как и дверь во время его первого визита, когда она выскользнула из руки Фары и захлопнулась прямо перед носом у констебля Джора.

Пока старик объяснял принцип действия оружия, Фара пытался сказать, что все детали ему описывать ни к чему, но отказался от своих намерений, восхищенно уставившись на револьвер. Он уже видел раньше и даже держал в руках оружие солдат — обычное, металлическое или пластиковое, которым пользовались, как и любыми другими материальными предметами. А это, казалось, жило своей собственной жизнью, готовое на все, чтобы исполнить волю своего хозяина.

Внезапно вспомнив о цели своего визита, он мрачно усмехнулся и сказал:

— Все это очень интересно. А как насчет мощности луча?

— При толщине карандаша этот луч пробивает любую материю с расстояния до четырехсот ярдов, за исключением некоторых свинцовых сплавов. Правильно настроив диаметр ствола, можно полностью уничтожить шестифутовый объект с расстояния в пятьдесят ярдов. Настройка производится с помощью вот этого регулятора.

Он показал на маленькое колесико возле самого дула.

— При повороте влево толщина луча увеличивается, а вправо — уменьшается.

— Я возьму его,— сказал Фара.— Сколько стоит?

Старик задумчиво посмотрел на него.

— Я уже объяснил в прошлый раз наши правила, мистер Кларк,— медленно проговорил он.— Вы, конечно, их помните.

— Ха! — выдохнул Фара и замолчал, широко раскрыв глаза.— Вы хотите сказать,— пробормотал он,— что это действительно имеет значение? Они не...— Он холодно закончил: — Мне нужно оружие для самообороны, но которое я мог бы обратить и против себя, если потребуется — или захочется.

— О, самоубийство! — сказал старик, словно его только что осенило.— Дорогой мой, мы ничего не имеем против того, чтобы вы лишили себя жизни, когда захотите. Это ваша личная привилегия в мире, где привилегии с каждым годом становятся все большей редкостью. А что касается цены — она составляет четыре креди.

— Четыре... всего четыре креди? — удивился Фара.

Он ошеломленно стоял, забыв о мрачной цели своего визита. Столько стоил один лишь пластик. За весь револьвер с его искусными украшениями можно было бы отдать двадцать пять креди. Фара почувствовал, как его охватывает все большее любопытство. Тайна оружейных магазинов неожиданно стала столь же интригующей и важной, как и его собственная судьба. Старик снова заговорил:

— А теперь, если вы снимете пиджак, можно будет надеть кобуру.

Фара машинально подчинился. Он не мог поверить, что через несколько секунд выйдет отсюда с оружием, способным уничтожить его самого, и на пути к смерти не останется никаких препятствий. Фара даже ощутил некоторое разочарование. Он не в силах был это объяснить, но где-то в глубине разума таилась надежда, что эти магазины могут... вот только что?

Вот уж действительно... Фара вздохнул. Из задумчивости его снова вырвал голос старика:

— Возможно, для вас лучше было бы выйти через заднюю дверь. Она менее заметна, чем главная.

Фара не сопротивлялся. Он почувствовал на своем плече пальцы старика, который подтолкнул его к стене, затем нажал какую-то кнопку, и появилась дверь. Увидев перед собой цветы, Фара, не говоря ни слова, шагнул вперед и оказался на улице, прежде чем успел это осознать.

Глава 17

Какое-то время Фара стоял посреди чистенькой узкой улочки, пытаясь понять, насколько безнадежно его положение. Постепенно до него доходило, что его окружает множество людей. Мысли его дрейфовали, словно покачивающийся на воде кусок дерева, но чем дальше, тем больше нарастало ощущение, что ничего хорошего его не ждет. Он свернул влево, к главному входу в оружейный магазин, и нерешительность сменилась крайним изумлением — поскольку теперь он был уже не в Глее, а оружейного магазина не было на прежнем месте.

Мимо поспешно прошли десятка полтора человек, которые торопились присоединиться к длинной очереди, тянувшейся в отдалении. Присутствие и внешность людей не произвели на Фару никакого впечатления. Все его внимание было сосредоточено на машине, стоявшей там, где до этого находился оружейный магазин. Фара посмотрел вверх, пытаясь охватить взглядом огромное сооружение из матового металла, возвышавшееся под летним солнцем и голубым, словно далекое южное море, небом.

Машина поднималась высоко к небесам — пять громадных этажей, каждый высотой в сто футов. Изящную конструкцию венчала башня, светившаяся столь ярко, что едва не затмевала солнце.

И это действительно была машина, а не здание. Весь нижний уровень сиял мерцающими огнями, в основном зелеными, среди которых мелькали красные, а кое-где голубые и желтые.

На втором уровне светились белые и красные огни, которых было множество, хотя и меньше, чем на первом. Металлическая поверхность третьего уровня сверкала голубыми и желтыми огоньками, разбросанными по большой площади.

На четвертом уровне светились надписи, частично объяснявшие происходящие.

БЕЛЫЙ — РОДИВШИЕСЯ
КРАСНЫЙ — УМЕРШИЕ
ЗЕЛЕНЬ — ЖИВУЩИЕ
ГОЛУБОЙ — ИММИГРАЦИЯ НА ЗЕМЛЮ
ЖЕЛТЫЙ — ЭМИГРАЦИЯ

Надписи на пятом уровне объясняли все до конца.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА	11 474 463 747
ЗЕМЛЯ	11 193 247 361
МАРС	97 298 604
ВЕНЕРА	141 053 811
СПУТНИКИ	42 863971

Цифры менялись, увеличиваясь и уменьшаясь. Люди умирали, рождались, переезжали на Марс, на Венеру, на спутники Юпитера, на Луну, другие же возвращались, каждую мину-

ту приземляясь в многочисленных космопортах. Жизнь шла своим чередом, а здесь отражалось текущее состояние численности населения.

— Лучше встань в очередь,— послышался дружелюбный голос.— Рассмотрение личного дела требует времени.

Фара уставился на незнакомца, не в силах понять, о чем тот говорит.

— В очередь? — начал было он, но неожиданно замолчал.

Он машинально двинулся впереди молодого человека, думая о том, что, видимо, именно таким способом констебля Джора переправили на Марс. Одновременно до его сознания начали доходить слова незнакомца.

— Дело? — громко переспросил Фара.— Личное дело?

Мужчина лет тридцати пяти, с грубыми чертами лица и голубыми глазами с любопытством посмотрел на него.

— Ты наверняка знаешь, зачем ты здесь,— сказал он.— Тебя бы сюда не послали, если бы у тебя не было проблемы, которую может решить суд Торгового дома оружейников. По другим причинам в Центр информации не приходят.

Увлекаемый быстро движущимся потоком людей, Фара шел дальше — к дверям, ведшим внутрь большого металлического сооружения.

Значит, эта странная машина одновременно является и зданием.

Проблема, думал он. Да, конечно, у него была проблема. Безнадежная, неразрешимая, окончательно запутанная проблема, столь глубоко укоренившаяся в самой структуре имперской цивилизации, что для ее решения потребовалось бы перевернуть вверх ногами мир.

Он вздрогнул, когда понял, что стоит у входа.

«Через несколько секунд я буду осужден,— подумал он.— И каков же будет приговор?»

Глава 18

Внутри Центра информации Фара двинулся по широкому освещенному вестибюлю.

— Здесь есть боковой проход, там почти всегда пусто,— сказал шедший за ним молодой человек.— Идем.

Дрожа всем телом, Фара свернул в указанном направлении. В конце вестибюля сидели за столами около десятка молодых женщин. Он остановился перед одной из них, оказавшейся несколько старше, чем виделось на расстоянии,— ей было уже за тридцать, что, впрочем, не лишало ее привлекательности.

— Ваша фамилия? — спросила она с приятной, но обезличенной улыбкой.

Фара назвал себя и невнятно добавил, что он из поселка Глей.

— Спасибо. На поиск вашего досье потребуется несколько минут. Присаживайтесь.

Он уселся на стул, который до этого не замечал, и почувствовал, как отчаянно бьющееся сердце подкатывается к горлу. В голове было пусто — ни единой мысли, никакой надежды, лишь крайнее, почти разрывающее мозг возбуждение. Внезапно он понял, что женщина обращается к нему, но до него долетали лишь обрывки слов:

— Центр информации является... вследствие чего... бюро статистики. Каждый родившийся... зарегистрирован здесь... образование, перемена адреса... профессия... и самые важные моменты в жизни. Все хранится в... комбинация... Имперское статистическое управление и... через посредство агентов... каждое сообщество...

Фаре показалось, что он упускает нечто важное. Чтобы услышать больше, нужно было собраться с мыслями, что он и старался с невероятным усилием проделать, но тщетно. Чересчур сильное нервное потрясение не давало сосредоточиться на словах женщины. Он попытался что-то сказать, но, прежде чем он успел открыть рот, раздался щелчок, и на стол скользнул тонкий темный диск. Женщина взяла его и внимательно рассмотрела, затем сказала что-то в микрофон, и вскоре в воздухе возникли еще два диска, которые упали на стол. Тщательно изучив их, женщина подняла взгляд.

— Вам наверняка будет интересно узнать,— сказала она,— что ваш сын Кейл находится сейчас на Марсе.

— Что? — Фара приподнялся на стуле, но решительный голос женщины осадил его:

— Должна вам сообщить, что Торговый дом оружейников не предпринимает никаких шагов против отдельных личностей. Мы не занимаемся моральным оздоровлением. Желание сотрудничать должно исходить от вас. А теперь, если не трудно, изложите вкратце свою проблему. Ваши слова будут записаны и переданы на рассмотрение суду.

Фара опустился на стул, чувствуя, как на лбу проступают капли пота. Ему отчаянно хотелось узнать что-то еще о Кейле.

— Но... но что... как...

Он с трудом взял себя в руки и негромко рассказал о том, что произошло. Когда он закончил, женщина сказала:

— Сейчас вы пройдете в Зал имен. Ждите, когда появится ваше имя, а затем идите прямо в кабинет номер четыреста семьдесят четыре. Запомните — четыреста семьдесят четыре. А теперь извините, очередь ждет...

Она вежливо улыбнулась, и Фара отошел от стола, даже не успев до конца отдать себе в этом отчет. Он обернулся, чтобы задать вопрос, но на стул уже садился какой-то пожилой господин. Фара поспешно зашагал по широкому коридору туда, откуда доносились какие-то странные звуки.

Он распахнул дверь, и шум, отголоски которого он слышал, обрушился на него, словно молот. Шум был настолько силен, что Фара остановился на пороге, с трудом подавляя желание отступить. Лишь несколько секунд спустя он пришел в себя и попытался найти хоть какой-то смысл в царившей вокруг суматохе.

Люди, люди, повсюду люди, тысячи людей в просторной аудитории, сидевшие на расставленных рядами стульях или беспокойно расхаживавшие в проходах. Все напряженно вглядывались в длинное табло, разделенное на квадраты, каждый из которых был обозначен своей буквой. Вдоль всей длины гигантского помещения тянулись списки имен и фамилий.

Зал имен, с дрожью подумал Фара, опускаясь на стул. Его фамилия должна была появиться в квадрате с буквой «К». Все это напоминало игру в бесконечный покер, где ставкой был целый мир,— утомительную и изматывающую, но вместе с тем увлекательную и пугающую.

На двадцати шести квадратах появлялись все новые фамилии. Люди вопили как ненормальные, некоторые теряли со-

знание, в зале стоял оглушительный рев, настоящий ад, непрерывный, невероятный шум. Каждые несколько минут на табло появлялась большая надпись: «Ждите появления своих инициалов».

Фара следил. С каждой секундой ему все больше казалось, что он не сможет этого вынести. Ему хотелось тишины. Он попытался было встать и походить, но заметил, что, когда это делали другие, на них начинали кричать. Неожиданно Фаре стало страшно посреди этого слепого безумия.

«Не хочу, чтобы из меня делали дурака,— неуверенно подумал он.— Я...»

«Кларк, Фара»,— появилась надпись на табло.

«Кларк, Фара».

Фара вскочил.

— Это я! — завопил он.— Я!

Никто даже не обернулся, никто не обратил на него ни малейшего внимания. С чувством некоторого стыда он прошел через зал туда, где через высокие двери двигалась бесконечная очередь. Тишина в длинном коридоре была столь же невыносимой, как и недавний шум. Он никак не мог сосредоточиться на номере четыреста семьдесят четыре, не в силах даже вообразить, что может быть дальше, за дверью с этим номером.

Кабинет оказался маленьким, там стояли лишь небольшой письменный стол и два стула. На столе лежало семь аккуратных стопок пластиковых папок, каждая своего цвета. Папки были разложены в ряд перед большим молочно-белым шаром, испускавшим мягкий свет. Изнутри его раздался мужской голос:

— Фара Кларк?

— Да,— ответил Фара.

— Прежде чем будет вынесено решение по вашему делу,— спокойно продолжал голос,— прошу взять папку из голубой стопки. Там в списке есть Пятый межпланетный банк и показано его реальное место в мире. В свое время вам все объяснят.

Фара заметил, что это был список фирм, около пятисот названий в алфавитном порядке. Какие-либо пояснения отсут-

ствовали. Фара машинально свернул папку и сунул ее в боковой карман. Голос из светящегося шара раздался снова:

— Было установлено,— слышались отчетливые слова,— что Пятый межпланетный банк ввел вас в заблуждение и виновен в мошенничестве, шантаже, а также преступном сговоре. Упомянутый банк связался с вашим сыном Кейлом через посредство так называемого мусорщика, то есть агента, который занимается поисками молодых людей, имеющих финансовые проблемы, а также богатых родителей. Мусорщик получает комиссию в размере восьми процентов, которую всегда оплачивает получатель ссуды, в данном случае ваш сын. Банк совершил подлог, сообщив вам через своих агентов, что вашему сыну выплачены десять тысяч креди, в то время как на самом деле заплатили только тысячу и лишь после того, как была получена ваша подпись. Кроме этого, имела место попытка шантажа в виде угрозы арестовать вашего сына якобы за мошенничество, совершенная в то время, когда деньги еще не были реально перечислены. Что касается преступного сговора, то он заключался в быстрой перепродаже долга вашему конкуренту. Решением суда на упомянутый банк налагается тройной штраф в размере тридцати тысяч трехсот креди. Не в ваших интересах, Фара Кларк, сообщать вам, каким образом мы взыщем с них эти деньги. Вам достаточно знать, что банк их заплатит и половину суммы штрафа получит Торговый дом оружейников. Что касается другой половины...

Послышался щелчок, и на стол упала аккуратно упакованная пачка банкнот.

— Это вам,— пояснил голос, и Фара дрожащей рукой сунул пачку в карман пиджака. Чтобы сосредоточиться на последующих словах, потребовались немалые усилия — как умственные, так и физические.

— Не стоит думать, что все проблемы закончились. Чтобы вновь открыть свою мастерскую в Глее, вам потребуются решительность и смелость. Будьте благоразумным, отважным и целеустремленным — и вы не проиграете. И, защищая свои права, без колебаний применяйте оружие, которое вы приобрели. Вскоре вам все объяснят. А теперь пройдите в дверь напротив.

С трудом овладев собой, Фара открыл дверь... и оказался в тускло освещенном помещении, хорошо ему знакомом. В кресле сидел приятной внешности седовласый мужчина, он читал книгу. Мужчина увидел Фару, встал и, улыбнувшись, шагнул ему навстречу.

Невероятное, фантастическое, воодушевляющее приключение закончилось. Он снова был в оружейном магазине в Глее.

Глава 19

Фара не в силах был скрыть свое восхищение этой выдающейся, удивительной организацией, которой удавалось действовать в самом сердце безжалостной цивилизации, в течение нескольких недель лишившей его всего, что он имел. Усилием воли он сдержал поток эмоций и, нахмурившись, проговорил:

— Этот... судья...— Фара слегка поколебался, как назвать судью, а затем, сердясь на самого себя, продолжил: — Этот судья сказал, что для того, чтобы снова открыть мастерскую, мне придется...

— Прежде чем мы перейдем к этому вопросу,— прервал его старик,— мне бы хотелось, чтобы вы взглянули на ту синюю папку, которую принесли с собой.

— Папку? — машинально переспросил Фара. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить о папке, которую ему дали в кабинете номер четыреста семьдесят четыре.

Со все возрастающим удивлением он изучал перечень названий фирм. Наряду с Автоматическими атомными ремонтными мастерскими в нем фигурировали Пятый межпланетный банк и еще несколько крупных банков. В конце концов Фара поднял взгляд.

— Не понимаю.— Он покачал головой.— Это фирмы, против которых вам приходится действовать?

Седой мрачно усмехнулся и тоже покачал головой.

— Дело не в этом. Это лишь малая часть из восьми миллионов фирм, фигурирующих в наших базах данных.— Он снова грустно улыбнулся.— Эти фирмы прекрасно отдают себе отчет в том, что благодаря нам их доходы на бумаге не имеют

ничего общего с реальными. Однако они не знают, какова на самом деле разница, а поскольку для нас имеет значение улучшение общей морали в сфере бизнеса, а не совершенствование методов обмана, мы предпочитаем, чтобы они пребывали в неведении.

Он замолчал, испытующе глядя на Фару.

— Все фирмы в этом списке — собственность императрицы Ишер. Однако, учитывая ваше мнение о нас, я не рассчитываю, что вы мне поверите.

Фара стоял, не двигаясь с места. Он верил ему — с абсолютной убежденностью, полностью и искренне. Внезапно он понял, какую непростительную ошибку совершал всю свою жизнь, когда видел, как обреченный народ движется в бездну нищеты и бесславия, и обвинял в этом Торговый дом оружейников.

— Я вел себя, словно безумец,— простонал он.— Все, что творила императрица и ее чиновники, я считал справедливым. Теперь я знаю, что никакая дружба, никакие личные отношения не могли помочь при таком положении дел. Полагаю, стоило бы мне сказать что-то против императрицы, и со мной быстро бы расправились.

— Ни при каких обстоятельствах,— сказал старик,— вы не имеете права выступать против ее величества. Торговый дом оружейников не одобряет подобного поведения и не будет оказывать помощь тому, кто поступает столь неблагоразумно. Императрица не несет личной ответственности за все происходящее, хотя вам может так показаться. Как и вас, ее в определенной степени несет волна нашей цивилизации. Однако я не собираюсь сейчас заводить разговоры на политические темы. Наихудшие отношения с властями империи были у нас сорок лет назад, когда тех, кому мы помогали — если это обнаруживалось,— ликвидировали разными способами. Может, вас это удивит, но ваш тесть тоже погиб от рук этих палачей.

— Отец Крил? — выдохнул Фара.— Но ведь...— Кровь ударила ему в голову с такой силой, что у него на мгновение потемнело в глазах.— Но ведь...— все-таки сумел выдавить он,— говорили, будто он сбежал с другой женщиной.

— Они всегда придумывали какую-нибудь правдоподобную историю,— пояснил старик.

Фара молчал.

— Нам удалось прекратить эти убийства, уничтожив трех человек, занимавших высшие — за исключением императорской семьи — посты. Они отдавали приказ о казнях. Однако мы не хотим новой крови. Нас не интересует и то, что нас критикуют за терпимость к проявлениям зла. Важно понять, что мы не вмешиваемся в основное течение человеческой жизни. Мы лишь исправляем то, что, по нашему мнению, ошибочно и является барьером, отделяющим людей от их безжалостных эксплуататоров. Можно сказать, мы помогаем только честным людям. Это не означает, что мы не протягиваем руку помощи тем, кто не столь добропорядочен. Но в таких случаях мы ограничиваемся продажей оружия — что вопреки распространенному мнению является весьма немалой помощью. По этой причине правительство осуществляет свою власть почти исключительно экономическими методами, пусть далеко не всегда честными.

— В течение четырех лет с момента,— продолжал старик,— когда гениальный Уолтер С. де Лейни открыл процесс вибрации, который сделал возможным создание Торгового дома оружейников и определил первые принципы политической философии нашей организации, мы наблюдали, как правительства переходят от демократии при ограниченной монархии к полной тирании и обратно. За это время мы поняли одно: люди всегда имеют то правительство, какого хотят. Если они желают жить иначе, они должны сами его сменить. Мы всегда остаемся ядром, свободным от коррупции, причем в буквальном смысле — у нас есть психологическая машина, которая безошибочно распознает характер человека. Повторяю, мы — свободное от коррупции ядро человеческого общества, и наша задача состоит в том, чтобы излечивать общественные болезни, неизбежно возникающие при любой форме правления.

А теперь... по поводу вашей проблемы. На самом деле она очень проста. Вы должны бороться, как с самого начала боролись все люди, за то, что стоит больше всего,— за свои права. Как вы знаете, люди из Автоматических атомных мастерских

забрали ваше оборудование и инструменты в течение часа после закрытия фирмы. Они отправили все в Ферд, а затем перевезли на большой склад на побережье. Мы забрали ваше имущество назад и с помощью наших специальных транспортных средств вернули к вам в мастерскую. Сейчас вы отправитесь туда и...

Фара слушал его инструкции, все больше мрачнея. Наконец он кивнул, стиснув зубы.

— Можете на меня рассчитывать,— решительно сказал он.— В свое время я был весьма упрям. Несмотря на то что я перешел на другую сторону, эта черта моего характера осталась прежней.

Глава 20

Большинство Домов иллюзий были известны полиции, но отношения с ними основывались на неписаном законе — перед предполагаемой облавой владельца Дома предупреждали о ней при условии, что списки находящихся там мужчин будут лежать в легкодоступном ящике стола. Затем эти несчастные оказывались в числе тех, кого отправляли на Марс, Венеру и различные спутники. Правительству постоянно требовались люди для работы на других планетах, а Дома, которые часто посещали богатые женщины, не желающие, чтобы дело дошло до скандала, поставляли рабочую силу — и лишних вопросов никто никому не задавал.

Полиция была против лишь в одном случае — если кому-то приходило в голову, что мертвые ничего не могут рассказать. В этом случае владельцев Домов беспощадно таскали по судам, благодаря чему в течение сотен лет удавалось держать логова порока под относительным контролем — им позволяли существовать при условии, что их жертвы останутся живы.

Кейл спрыгнул с трапа прямо на почву Марса и невольно застыл как вкопанный — земля была твердой, как камень, и холод ее проникал сквозь подошвы ботинок, пронизывая до костей. Кейл окинул ледяным взглядом угрюмое поселение Шардл. На этот раз его охватила столь сильная ненависть,

что он содрогнулся, и столь яростная решимость, что он почувствовал, будто лед внутри его превращается в сталь.

— Давай шевелись...

Он почувствовал болезненный удар дубинкой по спине. Один из солдат, руководивший высадкой, что-то прокричал ему прямо в лицо. Сердитый голос глухо звучал в разреженном воздухе.

Кейл, не оборачиваясь, послушно двинулся вперед, с трудом подавляя чувство унижения и обиды. Он шел вместе с другими поселенцами, и с каждым шагом холод все сильнее пронизывал его, подбираясь к сердцу. Он глубоко вдохнул холодный воздух. Люди впереди, видимо, ощущали то же самое и перешли на бег. Несколько человек вырвались вперед, хрипло дыша, вытаращив глаза, неуклюже спотыкаясь из-за уменьшенной силы тяжести. Острые неровные камни вонзались в тела упавших. Крики смешивались с проклятиями. Человеческая кровь оросила твердую, как железо, поверхность навеки замерзшей планеты.

Кейл упрямо шел дальше, с презрением глядя на потерявших голову. Об уменьшенной гравитации их предупреждали. До большого закрытого пластикового сооружения оставалась всего четверть мили. Холод пробирал до костей, но вытерпеть его было можно. Кейл добрался до цели, не чувствуя собственных ступней и дрожа всем телом. Оказавшись в теплом зале, он медленно направился к прозрачной стене, откуда открывался вид на основную часть поселения.

Шардл, маленький шахтерский поселок, был построен на равнине. То тут, то там на ней росли обогревавшиеся атомным теплом сады. Странные пятнистые растения лишь подчеркивали царившую здесь пустоту.

Кейл заметил, что люди изучают доску объявлений на одной из стен. Он подошел ближе и увидел надпись: «АЛЬТЕРНАТИВА».

Протиснувшись к стене, он прочитал остальное, усмехнулся и отошел в сторону. Значит, им хотелось, чтобы люди завербовывались на марсианские фермы. Согласись остаться здесь на пятнадцать лет, и «ее величество Иннельда Ишер обеспечит вас полностью оборудованной фермой с атомным подогревом. Платить вперед нет необходимости. Рассрочка на сорок лет».

Предложение заканчивалось угрожающе: «Если вы безотлагательно явитесь в Земельное бюро и подпишете договор, вам ни минуты не придется работать в шахте».

На Кейла этот призыв не произвел никакого впечатления. Он слышал о подобной системе колонизации холодного Марса и жаркой Венеры. В результате первопроходцы займут каждый акр поверхности, а планета будет подвергнута благотворному воздействию атомной энергии. Таким образом, в течение тысячелетий люди растопят все ледяные миры Солнечной системы, пригодные для заселения, остудят раскаленные пустыни Венеры и Меркурия и ценой собственных жизней создадут копии далекой зеленой Земли — своей родины.

Такова была теория. В школе Кейл читал и слушал рассказы о колонизации планет, но он даже мечтать не мог, что однажды окажется здесь и увидит тускло освещенный мир Марса. Ему и в голову не приходило, что он прибудет сюда, став пленником системы, чересчур безжалостной для того, чтобы подобный ему человек сумел ей противостоять. Ненависть к отцу прошла, исчезла во мгле прошлого, как и все прежние иллюзии.

«Я всего лишь несчастный тупица»,— подумал он.

Возможно, точно так же и многим другим не дано было понять всех реалий жизни в мире Ишер.

Проблема его решилась просто и оперативно. Раньше Кейл испытывал страх, теперь — нет. Как ни странно, раньше он был честен, теперь — нет. По крайней мере в некоторых отношениях. Все зависело от взгляда на жизнь и от того, в какой степени человек согласится, что он должен быть достаточно силен для противостояния вызову, который бросает ему эпоха. Кейл Кларк намеревался противостоять. Вряд ли он надолго задержится на Марсе, а пока не следует подписывать ничего, что могло бы ограничить его свободу. Нужно соблюдать осторожность и одновременно хвататься за любой подворачивающийся шанс.

За его спиной раздался голос:

— Если не ошибаюсь, вы Кейл Кларк, бывший житель поселка Глей?

Кейл медленно обернулся. Он не ожидал, что шанс подвернется столь быстро. Перед ним стоял низенький челове-

чек в дорогом плаще. Несмотря на свой неприметный вид, человек явно был не из тех, кто прибыл сюда вместе с Кейлом.

— Я местный... гм... представитель Пятого банка. Может быть, мы сумеем помочь вам выбраться из затруднительного положения.

Человечек чем-то напоминал жабу. Его вытянутое лицо обрамлял высокий воротничок. В глазах, похожих на черные бусинки, светился тусклый, но алчный блеск.

Кейл инстинктивно содрогнулся — не от страха, но от брезгливости. Однажды в Дом иллюзий пришла женщина, вся увешанная драгоценностями,— с таким же лицом и такими же глазами. Но даже удары бича, которые посыпались на обнаженную спину Кейла под ее похотливым взглядом, не сломили его воли. Теперь он с трудом убедил себя, что бессмысленно сравнивать этих двоих или считать, будто между ними есть что-то общее.

— Ну как, интересно? — спросил человечек.

Кейл собрался было кивнуть, но тут до него дошел смысл слова, почти ускользнувшего от его внимания.

— Какой, вы говорите, банк?

Карикатура на человека улыбнулась с таким видом, будто намеревалась одарить его драгоценным подарком.

— Пятый межпланетный,— последовал ответ.— Около месяца назад вы открыли депозит в нашем центральном отделении в Империал-Сити. Во время стандартной проверки каждого нового клиента мы обнаружили, что вы находитесь в пути на Марс, причем в весьма неприятных для себя обстоятельствах. Именно поэтому мы хотели бы предложить вам помощь.

— Понятно,— осторожно ответил Кейл, разглядывая агента крупного банка еще более внимательно.

Ничего нового он не увидел — по крайней мере ничего такого, что вызывало бы доверие. Но он не собирался завершать разговор.

— И каким же образом ваш банк мог бы мне помочь? — спокойно спросил он.

Человечек откашлялся.

— Вы сын Фары и Крил Кларков? — напыщенно вопросил он.

Кейл, слегка поколебавшись, утвердительно кивнул.

— Вы хотите вернуться на Землю?

— Да.— На этот раз Кейл уже не колебался.

— Базовый тариф,— начал агент,— шестьсот креди за рейс при условии, что расстояние между Марсом и Землей позволяет совершить его за двадцать четыре дня. Когда расстояние увеличивается, стоимость возрастает на десять креди за каждые сутки. Впрочем, вы об этом наверняка знаете.

Кейл этого не знал. Он догадывался, что заработок в шахте, составлявший двадцать пять креди в неделю, не позволит ему слишком скоро вернуться на Землю. Он прекрасно понимал, в каком безвыходном положении оказался, и уже знал, что сейчас произойдет.

— Пятый банк,— торжественно произнес человечек,— предоставит вам ссуду в тысячу креди, если ваш отец гарантирует оплату долга, а вы подпишете вексель на десять тысяч креди.

Кейл тяжело опустился на ближайший стул. Конец всем надеждам наступил куда быстрее, чем он предполагал.

— Мой отец,— устало ответил он,— никогда не сможет гарантировать оплату ссуды в десять тысяч.

— Мы попросим вашего отца,— сказал агент,— чтобы он гарантировал только одну тысячу. Вам придется оплатить десять тысяч из ваших будущих доходов.

Кейл разглядывал его, прищурив глаза.

— Каким образом я получу эти деньги?

На вытянутом лице появилась улыбка.

— Вы ставите свою подпись, а мы выплачиваем вам всю сумму. Что касается вашего отца — предоставьте это нам. В нашем банке есть профессиональные психологи, которые именно этим и занимаются. На некоторых приходится оказывать давление. На других...

— Что касается меня, то я хотел бы получить деньги, прежде чем что-либо подпишу,— прервал его Кейл.

Агент пожал плечами и рассмеялся.

— Как пожелаете. Вижу, вас не проведешь. Прошу за мной, в кабинет директора шахты.

Кейл задумчиво двинулся за ним следом. Все произошло настолько просто, что вызвало у него некоторую неприязнь, смешанную с опасениями. Слишком быстро все получилось,

как будто... Как будто это было частью некоей стандартной процедуры, которой завершалось путешествие. Он замедлил шаг и внимательно огляделся по сторонам. Вдоль стены тянулся длинный ряд дверей, куда хорошо одетые люди вводили только что прибывших.

Ему показалось, что он уже знает, как будут разворачиваться события. Первое предложение на доске объявлений. Набор добровольцев на фермы. Если не удавалось поймать новичка в свои сети этим способом — подходил тип с хорошо подвешенным языком, предлагая ссуду под гарантии семьи. Деньги же, скорее всего, вообще не появятся либо будут сразу же украдены.

И таким образом, лишившись всех средств, как нынешних, так и будущих, ты вынужден остаться на Марсе.

«И еще будет парочка свидетелей,— подумал Кейл.— Крепких ребят с оружием — гарантия, что своих денег ты никогда не получишь».

Хороший способ колонизации недружелюбной планеты. Возможно, даже единственный, учитывая, что люди уже давно утратили страсть к освоению неизведанных земель.

В кабинете их ждали двое хорошо одетых и дружески улыбающихся мужчин, назвавшихся директором шахты и сотрудником банка. Интересно, цинично подумал Кейл, скольких таких же, как он, усыпленных и загруженных на корабль, сейчас точно так же представляют «директору шахты»? Название должности звучало достаточно внушительно и, вероятно, предполагало, что сама возможность поговорить напрямую со столь важной персоной должна вызывать радостную дрожь. Кейл пожал протянутую руку, мысленно оценивая собственное положение. Деньги он должен был получить вполне законным образом, то есть после подписания соответствующего документа и получения его копии. Однако это ничего не значило. Но ведь даже на таких планетах существовал какой-то закон? Слишком опасно, оставшись без денег, явиться в суд, где все наверняка стали бы все отрицать.

Кабинет был небольшим, но мебель производила впечатление дорогой. Это вполне мог быть кабинет директора шахты. Кейл увидел две двери — ту, через которую он вошел, и вторую — напротив. Через нее, судя по всему, выходил ограб-

ленный, не имея никаких шансов пообщаться с людьми в большом зале. Кларк подошел ко второй двери, открыл ее и понял, что она ведет наружу. Неподалеку виднелись ряды бараков, среди которых ходили группы солдат. Он похолодел, поняв, что, если бы ему даже и удалось получить деньги, бежать все равно некуда.

Повернувшись спиной к людям в кабинете, он быстрым движением пальцев проверил, запирается ли дверь снаружи, затем тихо закрыл ее и, улыбнувшись, вернулся на место, достаточно правдоподобно изобразив озноб.

— Ну и холодина же там. С радостью вернусь обратно на Землю.

Трое сочувственно улыбнулись ему, а похожий на жабу банковский агент достал документ, к которому были прикреплены десять банкнот по сто креди. Кларк пересчитал деньги и положил их в карман, затем прочитал текст простого договора, видимо, призванного развеять сомнения тех, кто с подозрением относился к разного рода бланкам. Документ был составлен в трех экземплярах. Один должен был быть переслан на Землю, второй — в марсианский филиал, а третий — для него. На всех имелись соответствующие подписи и печати, оставалось лишь поставить свою подпись. Кларк оторвал третий экземпляр и спрятал его в карман. После того как бумаги вложили в регистрационный автомат, он размашисто расписался, а затем швырнул ручку острым концом вперед прямо в лицо «директору».

Тот завопил и прижал ладонь к раненой щеке.

Кларк не стал ждать реакции остальных. Одним прыжком он оказался рядом с «жабой», схватил его за шею, прямо над тугим воротничком, и стиснул что есть силы. Человечек завизжал, слабо сопротивляясь.

На мгновение Кларка охватил страх, что он ошибся, продумывая план нападения. Он исходил из предположения, что второй в панике потянется за своим оружием. Длинные, костлявые, похожие на когти пальцы шарили под полами просторного плаща и наконец вынырнули оттуда с маленьким блестящим бластером. Кейл сжал худую ладонь, ломая кости и выдавливая из нее оружие.

Он заметил, как высокий «сотрудник банка» заходит сзади, чтобы не поранить «жабу». Кларк выстрелил ему в ступню. Тонкий яркий луч попал в цель. Модный ботинок задымился, запахло горелой кожей. «Сотрудник» с воплем выронил оружие и тяжело свалился на пол, держась за ногу. Кларк слегка поторопил «директора», и тот неохотно поднял руки. Кларк быстро освободил его от бластера, поднял с пола второй и отступил к двери.

Он коротко объяснил им свои намерения. «Жаба» будет сопровождать его в качестве заложника. Вдвоем они отправятся на ближайшую авиабазу и полетят на Киммерийское море, в крупный город, где он пересядет на рейсовый лайнер, летящий на Землю.

— А если что-то пойдет не так, как надо,— закончил он,— по крайней мере один человек умрет раньше меня.

Все прошло так, как надо.

Было двадцать шестое августа четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертого года Ишер, два месяца и двадцать три дня спустя после первой объявленной атаки императрицы Иннельды против оружейников.

Глава 21

В течение всего полета от Марса до Земли Кейл строил дальнейшие планы. Бортовое время постепенно сменилось с киммерийского на время Империал-Сити, однако усеянная звездами чернота снаружи, с ослепительно ярким шаром Солнца по одну сторону, казалась неизменной. Кларк ел, спал, видел сны, существовал. Мысли его стали более четкими, прибавилось решительности. Сомнений у него больше не оставалось. Человек, отбросивший страх перед смертью, не мог потерпеть поражение.

Солнечный свет с каждым днем становился все ярче, заливая окружающую тьму. Марс превратился в крошечную красную точку в океане космоса, и его нелегко было разглядеть среди звезд. Земля постепенно превращалась в большой сверкающий шар, а затем ее чудовищные, туманные, невероятные очертания заполнили полнеба. Показались континенты, а когда корабль миновал Луну, на ночной стороне

Земли замерцали огни городов, отважно соперничая с всеобъемлющим космосом.

Кларк видел Землю лишь урывками. За пять дней до прибытия он обнаружил, что в одном из трюмов играют в покер. Он присоединился к играющим и с самого начала проигрывал. Лишь время от времени ему удавалось отыграть несколько креди. Однако на третий день непрерывного покера везение окончательно покинуло Кларка, он испугался и вышел из игры.

В каюте он пересчитал оставшиеся деньги — восемьдесят один креди. Представителю банка он заплатил восемь процентов комиссии с тысячи креди. Остальное ушло на оплату перелета, проигрыш в покер и пистолет имперского класса.

«По крайней мере,— подумал он,— я вскоре снова окажусь в Империал-Сити. И денег у меня будет больше, чем когда я появился там в первый раз».

Он лег на койку, ощущая удивительное спокойствие. Проигрыш в покер его не волновал — он не собирался снова испытывать свое счастье в игре. Собственную жизнь он теперь представлял себе совершенно иначе. Естественно, без риска не обойдется, но совсем другого рода. В «Пенни-Паласе» он выиграл как минимум пятьсот тысяч креди. Вернуть их будет непросто, но у него все получится. Сейчас он чувствовал, что настойчивости ему хватит, и был готов к любым неожиданностям.

Как только он вернет деньги, он получит офицерское звание у полковника Медлона. Возможно, он даже за него заплатит — в зависимости от ситуации. Он не собирался никому мстить, его не волновало, что случилось с продажными тварями вроде толстяка и полковника. Для Кейла они были лишь вехами на пути реализации самого амбициозного плана из всех, какие только возникали в империи Ишер. План этот основывался на факте, похоже, ускользнувшем от внимания всех, кто поднялся до высоких постов на имперской службе.

Иннельда Ишер хотела своей стране только добра. В тот единственный раз, когда ему довелось с ней пообщаться, Кейл успел почувствовать, что продажность подданных ее угнетает. Вопреки распространенному мнению императрица была честной женщиной — естественно, в той степени, в которой

это было возможно в ее положении. Кейл не сомневался, что она вполне могла отдать приказ о казни — но это было частью ее деятельности во главе империи. Как и ему самому, ей приходилось порой действовать по ситуации.

Императрица была честной женщиной. Она с радостью приветствовала бы того, кто, пользуясь ее неограниченной властью, наведет порядок в империи. Два с половиной месяца он размышлял о том, что она сказала в тот памятный день в кабинете Медлона, и пришел к весьма интересным выводам. Она упоминала об офицерах, которые дезертировали под влиянием слухов о грядущих переменах, а ее обвинение в некоем сговоре с Торговым домом оружейников было связано с необъяснимым закрытием оружейных магазинов. Вскоре действительно должно было что-то произойти. Человеку, лично общавшемуся с императрицей, это сулило огромные возможности.

Однако прежде чем приступать к осуществлению грандиозных планов, нужно было найти Люси Рэлл и попросить ее руки.

Больше ждать он не мог.

Корабль приземлился за несколько минут до полудня, ясным безоблачным днем. Некоторое время заняли формальности. Когда все бумаги проштамповали и Кейл вышел на свежий воздух, было уже два часа дня. Легкий ветерок приятно поглаживал щеки. Стоя на металлических плитах космодрома, Кларк посмотрел на запад, на сверкающий вдали город.

От этого зрелища у любого перехватило бы дыхание, но Кейл не стал терять времени. Из ближайшей будки телестата он позвонил Люси. Несколько мгновений спустя на экране появилось лицо молодого человека.

— Я муж Люси,— представился парень, очень знакомый на вид.— Она вышла на минутку, но разговаривать с ней тебе незачем. Посмотри на меня внимательно,— повелительным тоном добавил он,— и ты поймешь, что я прав.

Кейл тупо уставился на экран, но лицо собеседника не помогло ему справиться с потрясением от только что прозвучавших слов.

— Смотри внимательнее,— повторил парень.

— Не думаю, что...— начал Кларк.

И тут он вдруг понял — и попятился, будто получил удар по лицу. Он поднял руку, словно пытаясь заслонить глаза от ослепительного света. Кровь отхлынула от его лица, он пошатнулся, но знакомый голос вернул его к реальности.

— Возьми себя в руки! И послушай. Я хочу, чтобы ты встретился со мной завтра ночью на пляже в «Раю Хаберда-шери». Посмотри на меня еще раз и удостоверься. Приходи.

Кларку незачем было смотреть, но взгляд его блуждал по экрану телестата. Спрашивать о чем-то еще было бессмысленно. Он видел перед собой свое собственное лицо.

Кейл Кларк смотрел на Кейла Кларка — в четырнадцать часов десять минут, четвертого октября четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертого года Ишер.

Глава 22

Шестое октября. Императрица вздрогнула и перевернулась в постели на другой бок. Воспоминания затмили все прочие мысли. Вчера вечером она обещала себе, что до утра примет решение, но и после пробуждения ее все так же мучила неопределенность. Открыв глаза, она с грустью подумала о предстоящем дне.

Она села, стараясь собраться с мыслями. К ней тотчас же подбежали несколько слуг, до того пребывавших за звуконепроницаемым экраном, и поднесли энергетический напиток. Внушительных размеров спальню залили лучи утреннего солнца. Массаж, душ, макияж, укладка волос — во время всех этих рутинных процедур Иннельда думала: «Пора действовать, иначе атака закончится для меня личным унижением. В конце концов, прошло четыре месяца, и тянуть больше невозможно».

Одевшись, она приняла первого из ожидавших ее официальных лиц. У Геррита, начальника дворцовой администрации, была проблема, а вернее, много проблем — как обычно, весьма раздражающих. Частично в этом была виновата и она. Иннельда давно уже настаивала, чтобы ей сообщали обо всех наказаниях, применявшихся к дворцовому персоналу. В настоящее время чаще всего карались дерзость и вызы-

вающее поведение. Все более распространенными проступками становились уклонение от исполнения своих обязанностей и неподчинение начальству.

— Ради всего святого,— Иннельда раздраженно подняла глаза к небу,— если им не нравятся здешние условия, почему бы им не уволиться? Слуги с опытом работы во дворце без труда найдут себе занятие. Хотя бы по той причине, что, вероятно, хорошо знакомы с моей личной жизнью.

— Почему бы вашему величеству не позволить мне самому заняться этим вопросом? — бесстрастно спросил Геррит.

Иннельда знала, что в конце концов он ее утомит, но это ничем ему не поможет. Ни один упрямый старый консерватор не получит полного контроля над огромной армией дворцовой прислуги — наследием периода регентства. Вздохнув, она отослала его и вернулась к своим мыслям. Что ей теперь делать? Отдать приказ об очередной атаке? А может, подождать в надежде на новые сведения? Но она ждала уже много недель.

Вошел генерал Дукар — высокий и худой, с темно-серыми глазами. Заученным движением он отдал ей честь.

— Госпожа, то здание снова появилось прошлой ночью в два часа сорок минут, всего лишь на минуту раньше предполагаемого времени.

Иннельда кивнула. Теперь это превратилось в рутину. Здание начало периодически появляться меньше чем через неделю после того, как исчезло в первый раз. Императрица продолжала настаивать, чтобы ей об этом сообщали, хотя сама не знала зачем.

«Я веду себя как ребенок,— самокритично подумала она.— Не могу позволить, чтобы хоть что-то ускользнуло от моего внимания».

Настроение у нее внезапно испортилось. Она сделала несколько резких замечаний по поводу деятельности военных ученых под руководством Дукара, а затем задала очередной вопрос. Генерал покачал головой.

— Госпожа, о какой-либо атаке не может быть и речи. В каждом крупном городе у нас есть энергетическая машина, которая в состоянии подавить Торговый дом оружейни-

ков, но за последние два с половиной месяца дезертировало одиннадцать тысяч офицеров. Энергетические машины сейчас обслуживают охранники, которые понятия не имеют, как это делать.

Императрица вспыхнула.

— С помощью гипноавтомата их можно было бы научить всему в течение часа!

— Согласен.— Голос его остался столь же жестким, и без того тонкие губы стали еще тоньше.— Ваше величество, если мы готовы передавать подобную информацию обычным солдатам — привилегия отдавать приказы принадлежит вам. И я их выполню.

Иннельда раздраженно закусила губу. Этот мрачный старик все же поймал ее в ловушку, заставив вырваться мысль, которую она столь часто подавляла в прошлом.

— Мне кажется, что так называемые обычные солдаты более лояльны, чем офицеры, и к тому же они храбрее.

Генерал пожал плечами.

— Вы позволяете собственным подданным торговать офицерскими званиями,— обвинительным тоном бросил он.— Вы сами учите этому других. Естественно, вряд ли вы станете предполагать, что человек, заплативший десять тысяч за офицерские погоны, захочет быть убитым.

Спор начинал ее утомлять. Она уже не раз все это слышала, пусть и другими словами. Те же лозунги, подкрепленные теми же аргументами — хотя со дня, когда впервые была затронута проблема офицерских званий, прошло уже несколько недель. Тема была не из приятных — она напомнила Иннельде о том, о чем она уже почти успела забыть.

— Когда мы в последний раз об этом разговаривали,— сказала она, тщательно подчеркивая каждое слово,— я просила вас связаться с полковником Медлоном и узнать у него, что случилось с тем молодым человеком, которому он должен был присвоить офицерское звание. Я нечасто лично общаюсь с нижестоящими офицерами.— Внезапно ее охватила ярость.— Меня окружает толпа старых придурков, которые не знают, как мобилизовать армию! — Она с трудом подавила гнев.— Впрочем, не важно. Так что с ним?

Генерал Дукар ответил ледяным тоном:

— Полковник Медлон сообщил мне, что этот будущий офицер в назначенное время не явился. Полковник полагает, что парень каким-то образом узнал, что происходит, и передумал.

Наступила тишина. Иннельда подумала, что объяснение полковника не слишком похоже на правду. Парень был явно не из таких. К тому же она сама с ним разговаривала.

Она всегда ценила преимущества личного общения. Те, кто встречался с императрицей Ишер, не только ощущали ее очарование, но и испытывали воздействие некоей сверхъестественной ауры, которую создавало ее высокое положение. И до сих пор это работало безупречно.

Иннельда сказала со спокойной решимостью в голосе:

— Генерал, сегодня же сообщите полковнику — либо он найдет этого молодого человека и произведет его в офицеры, либо завтра утром он предстанет перед детектором лжи.

Сухопарый генерал поклонился, но тут же цинично улыбнулся.

— Госпожа,— сказал он,— если вам доставляет удовольствие бороться с коррупцией, уничтожая взяточников по одному, вам на это не хватит всей жизни.

Это замечание ей не понравилось. В нем звучала жестокость, глубоко затронувшая ее душу.

— Надо же с чего-то начинать.— Она сделала неопределенный жест, означавший отчасти угрозу, а отчасти раздражение.— Не понимаю вас, генерал,— недовольно сказала она.— Когда я была моложе, вы сами говорили, что нужно что-то делать.

— Но не вы должны этим заниматься.— Генерал неодобрительно покачал головой.— Задача императорской семьи — санкционировать моральное очищение общества, но не участвовать в нем лично.— Он пожал плечами.— Собственно говоря, мне примерно понятна сама идея Торгового дома оружейников. В наше время люди вовлекаются в коррупцию, когда их жаждущие приключений инстинкты не находят применения.

Зеленые глаза зловеще блеснули.

— Меня не интересует философия Торгового дома.

Ее удивило, что он таким образом говорил об оружейниках. Она обрушилась на него с обвинениями, но высокий старик остался невозмутимым.

— Госпожа,— спокойно ответил он,— когда я перестану анализировать идеи и философию силы, существующей уже три тысячи семьсот лет, можете считать, что я подал в отставку.

Иннельда отвергла его аргумент. Практически повсюду она встречала чуть ли не богобоязненное отношение к Торговому дому оружейников. И даже больше — его воспринимали как вполне законную составляющую цивилизации Ишер.

«Нужно избавиться от этих стариков,— уже не в первый раз подумала она.— Они воспринимают меня как ребенка и будут так поступать и впредь».

— Генерал,— холодно сказала она вслух,— меня не интересуют нравственные принципы организации, которая в ответе за все то безнравственное, что творится в Солнечной системе. Мы живем во времена, когда производственный потенциал настолько велик, что никому не приходится голодать. Для экономических преступлений нет причин. Проблема преступлений на почве психиатрии может быть решена путем изоляции душевнобольных. А что мы имеем в действительности? — Ее снова охватил гнев.— Мы обнаруживаем, что психопат приобрел оружие в оружейном магазине Торгового дома. Владелец Дома иллюзий защищает себя таким же образом. Да, существует неписаный договор между полицией и Домами, позволяющий проведение периодических облав. Но если бы кто-то из владельцев Домов решил оказать сопротивление, нам потребовалась бы скорострельная пушка, чтобы с ним справиться.— Она замолчала, оценивая свою прическу, и удовлетворенно отослала парикмахершу взмахом руки.

— Это абсурд и преступление! — продолжала она.— Мы давно уже тщетно пытаемся положить конец извечному бесчестию миллионов людей, которые издеваются над законом, поскольку имеют оружие от Торгового дома. Все было бы совсем иначе, если бы оружейники ограничили продажу своей продукции лишь уважаемым людям. Но когда каждый негодяй может купить...

— Оружие самообороны! — мягко вмешался генерал.— Только самообороны.

— Именно,— согласилась Иннельда.— Человек может совершить любое преступление, а затем обороняться от органов правосудия. Да что я вообще с вами разговариваю! — яростно прошипела она.— Повторяю, мы обладаем оружием, которое способно уничтожить Торговый дом оружейников раз и навсегда. Убивать членов этой организации вовсе не обязательно, но мобилизуйте армию, чтобы она уничтожила их магазины. Повторяю, мобилизуйте ее и будьте готовы к атаке в течение трех дней. Или недели? — Она испытующе посмотрела на него.— Сколько времени вам потребуется, генерал?

— Дайте мне время до нового года, госпожа. Клянусь, замешательство, вызванное массовым дезертирством, лишило нас сил.

Она уже успела забыть о дезертирстве.

— Вам удалось поймать хотя бы кого-нибудь?

Генерал поколебался.

— Да, некоторых.

— Сегодня я хотела бы допросить одного из них.

Генерал Дукар поклонился.

— Что касается остальных,— добавила Иннельда,— пусть ими займется военная полиция. Как только закончится весь этот балаган, я созову особый военный трибунал, и мы покажем изменникам, что такое присяга на верность.

— А что,— тихо спросил Дукар,— если у них есть оружие от Торгового дома?

Она хотела резко возразить, но в последний момент сдержалась.

— Друг мой,— мрачно ответила она,— когда дисциплина в армии превращается в ничто по вине некоей подпольной организации, даже генералы должны отдавать себе отчет, что пора положить этому конец.— Она решительно взмахнула рукой.— Сегодня днем, генерал, я намерена посетить лабораторию «Олимпийское поле». Я хочу увидеть, как продвигаются исследования, цель которых — выяснить, что оружейники сделали с тем зданием. Завтра утром полковник Медлон должен доставить ко мне того молодого человека, которому

он обещал офицерские погоны. В противном случае еще одна продажная голова покатится с плеч. Можете считать, что я поступаю по-детски, занимаясь отдельными личностями, но с чего-то же нужно начинать. По крайней мере, я знаю, что на этого парня можно рассчитывать. А теперь,— она повысила голос,— вы, сторонник Торгового дома, убирайтесь отсюда, пока я окончательно не разозлилась.

— Госпожа,— мягко возразил Дукар,— я всегда был лоялен к дому Ишеров.

— Рада слышать,— отрезала Иннельда и вышла в коридор, не удостоив генерала взглядом.

Глава 23

Войдя в столовую, она услышала вздох облегчения собравшихся и мрачно улыбнулась. Люди, желавшие завтракать за одним столом с императрицей, вынуждены были ждать, когда она преломит хлеб либо известит о том, что не придет. Никто не обязан был принимать участие в подобных завтраках, но те, кто имел доступ в императорскую столовую, никогда не отказывались от этой привилегии. Иннельда подняла руку.

— Доброе утро!

Она села во главе стола и отпила глоток воды из стакана, дав тем самым сигнал лакеям. Иннельда окинула помещение взглядом — повсюду седеющие головы мужчин и женщин, которым уже за пятьдесят, реликтов времен регентства. Исключение составляли несколько молодых людей и две юные секретарши. Однако это были всего лишь остатки молодежи, покинувшей двор после ухода принца дель Куртина.

— Все хорошо сегодня спали? — приятным голосом нарушила тишину Иннельда. Все поспешили заверить ее, что да.— Очень рада,— пробормотала она, после чего погрузилась в угрюмое молчание.

Она не знала, чего хочет от них на самом деле. Возможно, восхищения, но какого рода? Год назад только что появившийся при дворе молодой человек спросил ее, девственница ли она, а поскольку это действительно было так, воспоминание о том инциденте не давало ей покоя.

Что-то явно было не в порядке. Иннельда не могла отделаться от инстинктивного ощущения, что ослабление ее собственных моральных норм ударило бы по репутации всего семейства Ишеров. И что дальше? Она вонзила зубы в хрустящий тост. Чего ей хотелось? Позитивного мышления, веры в принципы, но не жесткого их соблюдения, а спокойного, возможно даже с юмором, к ним отношения. Она получила строгое и простое воспитание с особым упором на позитивное мышление — весьма важный принцип, но с серьезностью иногда можно и перестараться. Она еще больше укрепилась в прежней решимости.

«Нужно избавиться от этих угрюмых, ленивых, чересчур внимательных, слишком осторожных,— подумала она, сочувствуя самой себе, и вознесла молитву богам: — Подарите мне хотя бы одну шутку в день, которая бы рассмешила меня и еще одного человека, готового взять государственные дела в свои руки и при этом способного меня развлечь. Если бы только дель Куртин был здесь...»

Она нахмурилась, раздосадованная собственными мыслями. Ее двоюродный брат принц дель Куртин не одобрял атаку на Торговый дом оружейников. Когда она об этом узнала, это было для нее шоком. И еще большим унижением стало, когда все молодые люди из его свиты ушли из дворца вместе с ним, отказавшись принимать участие в этом предприятии. После казни Бантона Виккерса, который угрожал сообщить Торговому дому о ее планах, что полностью и бесповоротно подорвало бы ее престиж, она не могла смотреть сквозь пальцы на действия оппозиции. Сжав губы, она вспомнила свой последний разговор с принцем. Он был холоден и формален, при этом удивительно красив в гневе, она же чувствовала себя не вполне уверенно, но была готова на все. Он сказал: «Когда придешь в себя после этого безумия, Иннельда, можешь позвать меня снова». Она хотела ответить, что этого никогда не будет, но ей не хватило смелости. Иннельда горько подумала, что вела себя, словно обманутая жена, не желающая говорить лишнего, чтобы муж не поймал ее на слове. Впрочем, после такого поступка принца она никогда не смогла бы выйти за него замуж. Тем не менее она бы обрадовалась

его возвращению — когда оружейные магазины будут уничтожены.

Она закончила завтракать и посмотрела на часы. Половина десятого. Она невольно поморщилась — долгий день только начинался.

В половине одиннадцатого, закончив дела со срочной корреспонденцией, императрица приказала привести к ней дезертира. По документам ему было тридцать три года, он родился в деревне и имел звание майора. На его губах играла легкая циничная усмешка, но во взгляде чувствовалась подавленность. Его звали Джилл Сандерс. Иннельда мрачно посмотрела на него. В его бумагах содержались сведения о том, что у него три любовницы и он сделал состояние на взятках, связанных с поставками для армии. Достаточно типичный случай. Трудно было понять, почему он отказался от всего, что имел. Именно этот вопрос она ему и задала.

— И пожалуйста,— добавила она,— не оскорбляй меня, утверждая, будто речь шла о моральной стороне этой войны. Скажи мне прямо и честно, почему ты пожертвовал всем ради бесчестья и позора. Одним поступком ты перечеркнул свою жизнь. В лучшем случае тебя сошлют на Марс или Венеру. Навсегда. Ты был глупцом, или трусом, или и тем и другим?

Майор пожал плечами.

— Наверное, глупцом.

Он нервно переступил с ноги на ногу. Императрица видела, что он не избегает ее взгляда, но ответ ее не удовлетворил. За десять минут беседы она не получила ни единого правдоподобного объяснения. Возможно, он действительно руководствовался другими, не экономическими соображениями. Иннельда попробовала зайти с другой стороны.

— Судя по материалам дела,— спокойно сказала она,— ты прибыл в здание Восемьсот-А, где, принимая во внимание твое звание, тебе сообщили, что найден способ уничтожить оружейные магазины. Час спустя ты сжег личные бумаги, покинул свой кабинет и отправился в домик у моря, который купил пять лет назад — как ты полагал, в тайне от всех. Через неделю, когда стало ясно, что исполнять свои обязанности ты не намерен, тебя арестовали. С тех пор ты находишься в тюрьме. Все правильно?

Майор молча кивнул. Императрица испытующе разглядывала его, прикусив губу.

— Друг мой,— мягко сказала она,— я могу назначить тебе любое наказание, какое пожелаю. Что угодно. Смерть, изгнание или более мягкий приговор...— Она поколебалась.— Или восстановление в звании.

Сандерс устало вздохнул.

— Я знаю,— сказал он.— Я все это видел.

— Не понимаю,— удивилась она.— Если ты отдаешь себе отчет в последствиях своего поступка, то ты ведешь себя крайне глупо.

— Я увидел то время,— продолжал он монотонным голосом, словно не слыша ее,— когда кто-то, не обязательно вы, будет обладать неограниченной властью — без возможности повернуть назад, без послаблений, без надежды.

— Что за глупости! — взорвалась Иннельда.

Она откинулась на спинку кресла, на мгновение лишившись от гнева дара речи, затем глубоко вздохнула и раздраженно тряхнула головой.

— Майор,— уже спокойнее сказала она,— мне тебя жаль. Несомненно, ты знаком с историей моей семьи и должен понимать, что опасности злоупотребления властью просто не существует. Этот мир слишком велик. Как отдельная личность, я могу вмешиваться в жизнь столь маленькой части человечества, что порой это кажется абсурдным. Каждый издаваемый мной указ почти сразу же тонет в тумане противоречивых толкований, и не имеет значения, насколько он суров или мягок. Когда он касается одиннадцати миллиардов людей — может показаться, что подобное вообще лишено смысла, если не представлять себе фактических последствий. А я их себе представляю.

К своему удивлению, она заметила, что ее слова не произвели особого впечатления на майора. Ее вновь охватило чувство досады. Все казалось предельно прозрачным и ясным, а глупец продолжал упрямиться. Усилием воли она сдержала гнев.

— Майор,— сказала она,— устранив Торговый дом оружейников, мы могли бы ввести новые законы, которые уже не удалось бы обойти или проигнорировать. Судебная практика

стала бы единообразной, поскольку людям пришлось бы соглашаться с решениями суда и они могли бы рассчитывать только на апелляцию к высшим инстанциям.

— Наверняка,— пробормотал Сандерс и замолчал, явно отвергая ее логику.

Она некоторое время пристально смотрела на него, теперь уже без тени сочувствия, и наконец с горечью сказала:

— Если ты настолько веришь Торговому дому оружейников, почему ты не обратился к ним за оружием для самообороны?

— Я так и сделал.

Поколебавшись, Иннельда холодно спросила:

— И что же произошло? Или тебя покинула смелость, когда дело дошло до ареста?

Наблюдая за ним, она поняла, что совершила ошибку — ответный удар мог оказаться сокрушительным. Опасения оказались верными.

— Нет, ваше величество,— столь же холодно ответил Сандерс.— Я поступил точно так же, как и другие... гм... дезертиры. Сбросил мундир и пошел в оружейный магазин, но дверь не открылась. Похоже, я один из тех немногих офицеров, которые считают семью Ишеров более важной составляющей цивилизации Ишер, чем Торговый дом оружейников.

В глазах его, до этого возбужденно блестевших, появилась усталость.

— Я сейчас именно в такой ситуации,— сказал он,— в какую вы хотите поставить каждого. У меня нет выбора. Я вынужден принимать ваши законы. Я вынужден принимать как должное тайно объявленную войну организации, которая в такой же степени является частью цивилизации Ишер, как и сама династия Ишеров. Я буду вынужден принять смерть, если вы вынесете мне подобный приговор, не имея никаких шансов на защиту в открытой борьбе. Ваше величество,— тихо закончил он,— я уважаю вас и восхищаюсь вами. Дезертировавшие офицеры — вовсе не мерзавцы и не негодяи. Они просто оказались перед выбором и решили не принимать участия в этой войне. Сомневаюсь, что смог бы объяснить это лучше и честнее.

Императрица тоже сомневалась. Стоявший перед ней человек никогда не поймет побуждений, которыми она руководствовалась.

Отослав Сандерса, она записала для себя его фамилию и пометила, что нужно ознакомиться с приговором военного трибунала. Она вдруг подумала, что не помнит фамилии молодого человека, которого полковник Медлон должен представить ей до завтрашнего утра. Она перелистала страницы.

— Кейл Кларк,— сказала она вслух.— Это он.

Самое время было отправиться в казначейство и выяснить, почему нет возможности увеличить расходы. Устало улыбнувшись, она вышла из кабинета и поднялась на персональном лифте на пятидесятый этаж.

Глава 24

«Мы поженились,— писала Люси в своем достаточно сумбурном докладе для Отдела координации,— незадолго до полудня в пятницу, в тот же день, когда он вернулся с Марса. Не знаю, как объяснить тот факт, что, по данным последующей проверки, корабль приземлился только в два часа дня, но я ничего ему на этот счет не сообщила. Я спрошу его об этом, если меня заставят это сделать. У меня нет желания гадать, каким образом он сумел заключить со мной брак еще до прибытия на Землю. Однако никаких сомнений в том, что это Кейл Кларк, у меня нет. Невозможно представить, чтобы кто-то обманул меня, выдавая себя за Кейла. Он позвонил мне, как обычно, по телестату. О том, что я написала этот доклад, он не знает. Мне начинает казаться, что я плохо поступаю, сообщая о нем, но, учитывая обстоятельства, я пытаюсь вспомнить все подробности происшедшего, как меня об этом просили. Начну с того момента, когда он позвонил мне утром, в день прилета с Марса.

Насколько я помню, было около половины одиннадцатого. Разговор вышел очень недолгим — мы обменялись приветствиями, а потом он попросил моей руки. Мои чувства к Кейлу Кларку хорошо известны начальнику Отдела координации, и я уверена, что мистера Хедрока не удивит мой положительный ответ, а также то, что мы подписали брачный контракт в тот же день за несколько минут до полудня.

Затем мы отправились ко мне домой, где оставались весь день и всю ночь, с одним небольшим перерывом — без пятнадцати два, когда он спросил меня, не хотела бы я немного прогуляться, пока он воспользуется моим телестатом. Он не объяснил, ждет ли он звонка или собирается звонить сам. Вернувшись, я заметила на дисплее телестата, что разговор был входящим.

Я не чувствую за собой никакой вины в том, что я ушла из квартиры по его просьбе, и считаю свое согласие вполне нормальным. Днем и вечером он больше ни разу не возвращался к этой теме, но рассказал мне обо всем, что произошло с ним после того, когда я в последний раз видела его в Доме иллюзий. Должна признаться, что его рассказ местами был не вполне связным и у меня не раз возникало ощущение, будто он описывает события далекого прошлого.

На следующий день он рано встал и заявил, что у него еще много дел. Поскольку я с нетерпением ждала возможности связаться с мистером Хедроком, я позволила ему уйти без каких-либо возражений. Меня весьма озадачил последующий доклад другого агента оружейных магазинов — о том, что в квартале от моего дома он сел в роскошный частный автоплан и улетел, прежде чем агент успел вызвать машину. Честно говоря, не могу этого понять.

С тех пор Кейл больше не появлялся в моей квартире, но звонил мне каждое утро. Он говорил, что сейчас не может рассказать о том, чем занимается, при этом заверял в своей любви до гроба — и я буду в это верить, пока он сам не скажет иного. Что касается сведений о том, что он уже больше месяца служит в звании капитана в армии ее величества — мне об этом ничего не известно. Я не знаю, каким образом ему удалось стать офицером и чем он занимается там. Если, как говорится в докладе, он действительно входит в личную свиту императрицы — могу лишь выразить свое искреннее удивление и строить личные предположения насчет того, как он этого добился.

В заключение вновь подтверждаю, что верю в Кейла. Я не могу отвечать за его поступки, но считаю, что их конечный результат может оказаться достойным похвалы».

Подпись: Люси Рэлл Кларк
14 ноября 4784 года, Ишер

Похоже, это было именно то, что нужно. Хедрок целый месяц медлил с принятием решения, ожидая новых доказательств. Сейчас, читая доклад Люси, он понял, что момент настал — события приняли тот оборот, которого он столь долго ждал. Он не до конца понимал происходящее, испытывал неясную тревогу и опасения, что от него ускользает нечто важное. Однако у него не было ни малейших сомнений, что это именно то, что нужно.

Нахмурившись, он перечитал доклад Люси, и ему показалось, что у девушки начинает появляться негативное отношение к Торговому дому оружейников. Дело было не в ее поступках, а в ощущении, будто ее действия могут быть неправильно поняты. Она пытается защищаться, и это плохо. Организация контролировала своих членов чисто психологическими методами. Если кто-то хотел уйти, ему обычно стирали наиболее существенные воспоминания, выплачивали премию в зависимости от срока, в течение которого он оказывал свои услуги, и мирно с ним расставались. Люси, однако, была ключевым связным в период крупного кризиса. Хедрок не мог позволить, чтобы конфликт между ее обязанностями по отношению к Торговому дому и ее личной ситуацией хоть в какой-то мере препятствовал этому.

Немного поразмыслив, он набрал номер на телестате. На экране появилось лицо Люси, и Хедрок сказал, подчеркивая каждое слово:

— Я только что прочитал твой доклад и хотел бы поблагодарить за сотрудничество. Мы прекрасно понимаем твое положение, но меня просили...— он специально сформулировал фразу так, будто за этим стояла целая группа исполнителей,— меня просили передать тебе, чтобы ты была готова выйти на связь с нами в любое время дня и ночи, пока не закончится критический период. Взамен Торговый дом оружейников сделает все возможное, чтобы защитить твоего мужа от любых опасностей, которым он может сейчас подвергаться.

Он уже успел отчасти исполнить это обещание, отдав распоряжение отделу безопасности охранять Кларка — насколь-

ко вообще возможно охранять человека, находившегося под пристальным вниманием империи. Хедрок пристально посмотрел на лицо Люси. Как бы ни была умна эта девушка, она никогда не поймет сущности войны между Торговым домом оружейников и империей, подумал он. Не было видно сражений, не слышался гул выстрелов. Никто не погибал. И даже если бы Торговый дом был уничтожен, Люси не сразу бы это заметила — ее жизнь никак не изменится. Даже бессмертный человек не в состоянии предвидеть, каким будет существование человечества после ликвидации одной из основополагающих частей его культуры. Он заметил недовольство на лице Люси и, поколебавшись, сказал:

— Люси Кларк, в день свадьбы ты измерила уровень каллидетических способностей своего мужа и передала данные нам. Общий результат мы тебе не сообщали, поскольку не хотели тебя беспокоить. Думаю, однако, что он скорее тебя заинтересует, чем встревожит.

— Он какой-то особенный? — спросила Люси.

— Особенный? — Хедрок не сразу нашел подходящие слова.— Каллидетический индекс твоего мужа, когда ты его измеряла, был самым высоким, какой только был зарегистрирован за всю историю Центра информации. Этот индекс никак не связан с азартными играми, и мы не можем предвидеть, в какой форме он выразится, но у нас нет ни тени сомнения, что он окажет гигантское влияние на весь мир.

Он озабоченно посмотрел на Люси. Главная проблема заключалась в том, что Кейл Кларк не делал, по сути, ничего. Он просто вошел в личную свиту императрицы, и за его действиями следило немалое количество шпионов — вернее, почти за всеми его действиями. Для разговоров по телестату он использует хорошо защищенные каналы, и перехватить их невозможно. Ему дважды удавалось покинуть дворец и оторваться от «хвоста». Впрочем, это были достаточно мелкие инциденты, которые можно не брать в расчет, если учесть, что сейчас происходило нечто грандиозное — но даже ноумены из Торгового дома оружейников не знали, что именно.

Хедрок объяснил ей ситуацию, а затем спросил:

— Люси, ты уверена, что ничего не утаила? Клянусь, это вопрос жизни и смерти, в особенности — его жизни.

Девушка покачала головой. Он внимательно наблюдал за ней, но выражение ее глаз не изменилось, правда, зрачки чуть расширились, но вряд ли это было вызвано реакцией на его слова. Губы остались неподвижны — хороший знак. Он не мог в точности определить степень ее искренности, хотя знал, что Люси Рэлл никогда не училась технике лжи, в то время как он умел говорить неправду не моргнув глазом. У Люси просто отсутствовал подобный опыт. Не училась она и контролировать свои эмоции, подсознательно подавляя мышечные реакции.

— Мистер Хедрок,— ответила она,— вы знаете, что можете на меня рассчитывать.

Он одержал победу, необходимую для реализации его цели. Однако, выключая телестат, он ощущал некоторую неудовлетворенность — не из-за Люси или других агентов, но из-за самого себя. Чего-то ему не хватало. Разум его не в силах был достаточно глубоко проникнуть в реальность. Точно так же, как он не мог найти решения проблемы маятника времени, он не мог сейчас заметить чего-то, что в реальности наверняка было очевидным. Сидя в своем кабинете и складывая мозаику фактов и цифр, он находился слишком далеко от эпицентра событий.

Явно настало время лично заняться расследованием на месте.

Глава 26

Хедрок не спеша шагал по авеню Удачи, отмечая происшедшие вокруг изменения. Он не мог вспомнить, когда в последний раз был на этой улице, но, как ему казалось,— очень, очень давно. Зданий стало больше, но, кроме этого, ничего нового он не заметил. Сто лет не повлияли на металлические конструкции и материал, из которого были сооружены здания по жестким правилам империи Ишер. Общий архитектурный стиль остался прежним — изменились лишь украшения. Со всех сторон его окружали новые светящиеся фасады, спроектированные так, чтобы притягивать взгляд. Искусство обновления старины отнюдь не было забыто.

Он вошел в «Пенни-Палас», еще не зная в точности, как поступит,— он всегда предпочитал действовать спонтанно. Лучше пока не принимать никаких решений, подумал он. Когда он оказался в «Зале сокровищ», завибрировал перстень на его мизинце — кто-то справа пытался его просвечивать. Хедрок пошел дальше, словно ничего не произошло, затем повернулся к двоим мужчинам, от которых исходил сигнал. Наняты хозяевами или действуют самостоятельно? Поскольку при себе он всегда имел около пятидесяти тысяч креди, жулики-одиночки могли доставить ему определенные неприятности. Он подошел к ним, вежливо улыбаясь.

— Боюсь, ничего у вас не получится,— сказал он.— Забудьте обо всех ваших планах, ладно?

Тот, что покрупнее, сунул руку в карман пиджака, затем пожал плечами.

— У тебя нет оружия от Торгового дома,— многозначительно сказал он.— Ты вообще не вооружен.

— Хочешь проверить? — холодно спросил Хедрок, глядя ему прямо в глаза.

Тот отвел взгляд.

— Пошли, Джей,— буркнул он своему спутнику.— Это не то дело, о котором я думал.

Он повернулся, чтобы уйти, но Хедрок остановил его.

— Работаешь здесь?

Тот покачал головой.

— Нет,— честно сказал он.— Если ты против.

Хедрок рассмеялся.

— Я бы хотел встретиться с шефом.

— Так я и думал. Что ж, хорошая была работа.

На этот раз он позволил им уйти. И их реакция нисколько его не удивила.

Власть одних людей над другими основывалась в числе прочего и на уверенности в себе. И корни той уверенности в себе, которую они увидели в его взгляде, заключались в возможностях, о каких большинство людей даже не слышали. За всю историю мира не рождался другой человек, обладающий подобными психофизическими, эмоциональными и молекулярными защитными механизмами.

Люси в точности описала кабинет Мартина, чем значительно облегчила задачу Хедроку. Он вошел в коридор в задней части здания, но, когда он закрывал за собой дверь, на него упала сеть, спутав его по рукам и ногам и приподняв над полом. Хедрок не сделал ни малейшей попытки освободиться. Здесь было достаточно светло, чтобы видеть находившийся пятью футами ниже пол, а собственное положение его не очень волновало. Зато было время немного подумать. Значит, Хардж Мартин стал вести себя осторожно по отношению к непрошеным гостям. Это кое о чем говорило, но выяснение того, о чем именно, он предпочел отложить до момента встречи.

Ему не пришлось долго ждать. Дверь открылась, и появился толстяк. Он включил свет и, радостно улыбаясь, посмотрел на своего пленника.

— Так-так,— причмокнул он,— и что же мы тут имеем?

Он замолчал, встретившись взглядом с Хедроком, и его радостное настроение тут же улетучилось.

— Ты кто? — рявкнул он.

— Пятого октября,— медленно проговорил Хедрок,— вечером или около того, у тебя здесь побывал молодой человек, некто Кейл Кларк. Что было дальше?

— Здесь я задаю вопросы,— сухо бросил Мартин.

Их взгляды снова встретились.

— Рассказывай,— проворчал толстяк.— Ты кто такой?

Хедрок сделал незаметное, но крайне точное движение. Один из перстней на его пальцах растворил твердый материал сети, которая расступилась перед ним, словно ворота, и он приземлился на ноги.

— Ну, говори, дружок,— тихо сказал он.— Я спешу.

Не обращая внимания на оружие, которое выхватил Мартин, он прошел мимо него в большой кабинет. Когда он заговорил снова, в его голосе звучала все та же уверенность в себе. Хозяину «Пенни-Паласа» потребовалось несколько мгновений, чтобы окончательно сдаться.

— Если тебе нужна только информация — нет проблем,— сказал он.— Дата совпадает. Тот парень, Кларк, явился сюда пятого октября около полуночи. Вместе со своим братом-близнецом.

Хедрок молча кивнул. Он пришел сюда не для того, чтобы спорить.

— Должен тебе сказать,— заметил Мартин,— это были самые хладнокровные близнецы из всех, кого я когда-либо видел, и они работали вместе, словно одна команда. У одного из них, видимо, имелся армейский опыт — ну, ты наверняка знаешь, что такое военная выправка. Именно он знал обо всем. И вообще, он был крутым парнем. Я начал было ему говорить, что меня просто так не проведешь,— и получил лучом по ногам. Чересчур быстро повернулся, чтобы достать деньги из сейфа,— и остался без части волос.

Он показал на лысину сбоку головы. Хедрок пригляделся — выстрел с близкого расстояния, но сделанный явно умелой рукой. Торговый дом оружейников или армия. Методом исключения можно было сделать вывод — армия.

— С тобой же ничего не случилось,— сказал Хедрок.

Мартин содрогнулся.

— Того парня нисколько не волновало, случится что-нибудь со мной или нет. Жизнь становится чересчур тяжелой,— пожаловался он.— Никогда не думал, что с обычными охранные устройствами можно столь легко справиться.

Покинув здание, погруженный в размышления Хедрок направился к стоянке автопланов. Существование двоих Кейлов стало фактом. Один из них провел в армии достаточно долгое время — он получил куда более существенную подготовку, чем базовое обучение офицера, которое он прошел пятого октября, всего через день после возвращения с Марса Кейла Кларка. Утром шестого октября, в тот день, когда он поступил на службу в армию, в соответствии с банковскими данными на его счету имелось пятьсот тысяч креди — приличная сумма для молодого тщеславного человека, но далеко не все события она могла объяснить. Однако, учитывая каллидетические способности ее обладателя, это было естественно — если способности были направлены в денежное русло.

Появился автоплан, и Хедрок больше об этом не думал. Его ждал разговор с полковником Медлоном.

Глава 27

Роберт Хедрок вернулся в свой кабинет в отеле «Ройял Ганил» вскоре после полудня. Просмотрев доклады, поступившие в его отсутствие, он в течение двух часов беседовал

по приватному телестату с экспертом по экономике из Центра информации. Затем он связался с членами Совета и потребовал немедленной встречи. Десять минут спустя все собрались в конференц-зале отеля. Собрание открыл Дресли.

— Похоже, господа,— начал он,— что наш координатор напал на след. Верно, мистер Хедрок?

Хедрок, улыбаясь, вышел и встал перед собравшимися. В последний раз, когда он выступал перед представителями Совета, его душу отягощали мысли о карте времени и об императрице. Карта все еще находилась в здании, и ее проблема, с каждым часом все более насущная, до сих пор не решена. Однако сейчас он видел решение и начал говорить без вступления:

— Господа, утром двадцать седьмого ноября, через двенадцать дней, мы свяжемся с императрицей Ишер и потребуем от нее прекращения военных действий. Наше требование мы подтвердим фактами и цифрами, которые должны убедить ее, что другого выхода нет.

Он ожидал, что его слова произведут сенсацию, и не ошибся. Все знали, что, когда дело касалось работы, он был не из тех, кто пробуждает ложные надежды. Впрочем, вскоре им предстояло убедиться, что в других областях он отнюдь не слабее. Послышалось возбужденное шарканье подошв о пол.

— Ну, не мучай же нас неизвестностью,— не выдержал Питер Кадрон.— Что тебе удалось узнать?

— Позвольте мне напомнить вам предыдущие события,— сказал Хедрок.— Как вам известно, утром третьего июня четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертого года Ишер в нашем магазине в Гринуэе появился человек из тысяча девятьсот пятьдесят первого года от Рождества Христова. Затем было обнаружено, что императрица использует новое энергетическое оружие против оружейных магазинов в Империал-Сити. Энергия, применяемая в нем,— разновидность атомной, известная в природе, но новая для науки. Ее открытие означает шаг вперед в понимании сложной структуры пространства-времени и причин возникновения материи. Источником этой энергии в Империал-Сити являлось здание, построенное около года назад на Капитал-авеню. Энергия оказала на оружейный магазин в Гринуэе совершенно иное влияние,

чем на расположенные дальше. Теоретически она должна была мгновенно уничтожить любую материальную структуру, но оружейные магазины состоят не из той материи, с которой обычно приходится иметь дело. Об этом правители Ишер не знали. Таким образом, началось замысловатое взаимодействие гигантских сил прежде всего во времени. Именно поэтому тот человек из прошлого переместился на семь тысяч лет.

Он вкратце описал, пользуясь чисто математической терминологией, отправленный в бездну времени маятник с Макалистером на одном конце и зданием на другом.

— Некоторые до сих пор не в состоянии понять сущность маятника времени,— продолжал он.— Известный макрокосмический факт: вся Солнечная система движется в пространстве-времени с постоянной скоростью двадцать пять миль в секунду, в то время как планеты вращаются на орбитах вокруг Солнца с разными скоростями. Следуя этой логике, если углубиться в прошлое или будущее, окажешься в некоторой точке в космическом пространстве, вдали от Земли. Это трудно осознать тем, кто считает космос фикцией, побочным продуктом временно́й энергии. С их точки зрения, материальный объект, такой как планета, не оказывает влияния на происходящее в потоке времени, но сам по себе подчиняется его законам.

Причина, по которой маятник после каждого колебания пребывает два часа сорок минут в состоянии равновесия, не ясна, но природа постоянно стремится к стабильности. Когда здание перемещается в прошлое, оно занимает то же самое пространство, что и в обычном времени, и никакого «эха» не возникает, так как подобие является функцией самого времени, а не его производной. Макалистер начал свой путь на расстоянии семи тысяч лет, а здание — двух секунд. Конечно же, приблизительно.

Сейчас наш пришелец находится в нескольких квадриллионах лет отсюда, а здание колеблется на расстоянии чуть меньше трех месяцев. Точка опоры, конечно, перемещается во времени, так что мы имеем следующую ситуацию — здание уже не возвращается назад в третье июня, когда маятник

начал свое движение. Прошу помнить об этих фактах, а я пока коротко изложу другой аспект этой внешне запутанной, но на самом деле простой проблемы.

Он ненадолго замолчал. Находившиеся в зале были людьми достаточно сообразительными, и он удовлетворенно отметил, что все выжидающе смотрят на него. Сейчас, когда сам он уже знал правду, его удивляло, что они еще не догадываются, в чем дело.

— Господа, несколько месяцев назад Отдел координации обнаружил в поселке Глей выдающегося каллидетика. Поскольку его так и распирало от тщеславия, мы легко смогли навести его на мысль посетить Империал-Сити. Однако сперва наша вера в то, что он сможет как-то повлиять на события, почти развеялась, поскольку он упорно игнорировал реалии мира Ишер. Не буду вдаваться в детали, скажу лишь, что вскоре его отправили на Марс как обычного работника. Однако ему удалось почти сразу же вернуться на Землю.

Хедрок рассказал, как Люси Рэлл вышла замуж за Кейла Кларка за несколько часов до прибытия корабля с ним на борту, как оба Кларка вернули себе пятьсот тысяч креди, а потом побывали у полковника Медлона, причем один из них изменил внешность. Можно сказать, этот визит оказался весьма удачным для полковника, который именно в этот день должен был представить Кейла Кларка императрице. После короткого сеанса гипноза Кларку было присвоено звание капитана вооруженных сил империи Ишер, а на следующий день он встретился с императрицей.

— По причине, которую она сама считает неким порывом, но на самом деле имеющей прямую связь с его каллидетическими способностями, императрица включила Кейла в свою свиту. Каким бы ни было в данный момент его реальное влияние, он действует в соответствии с весьма интересным планом безжалостного уничтожения коррупции, что, несомненно, заинтересовало тщеславную Иннельду. Даже если бы ничего больше не говорило в его пользу, ему в любом случае обеспечено прекрасное будущее на имперской службе.

Хедрок улыбнулся.

— На самом деле Кейл Кларк, с которого не следует спускать глаз,— не тот, кто действует открыто, но тот, который

скрывается где-то в городе. Именно он творит историю, начиная с седьмого августа. С тех пор он добился очередных успехов, и заверяю вас, господа, что никогда прежде вы не слышали ничего подобного.

Он вкратце изложил то, что произошло. Когда он закончил, в зале поднялся возбужденный ропот. В конце концов кто-то спросил:

— Но зачем он женился на Люси Рэлл?

— Отчасти по любви, отчасти...— Хедрок поколебался. Он задал в свое время Люси конкретный вопрос, и ее ответ давал ему возможность говорить о том, о чем он собирался сказать сейчас.— Я бы сказал, что он стал чрезвычайно осторожен и начал думать о будущем. На первый план вышли основные инстинкты. Представьте себе, что человек за несколько недель совершил чудо. Господа, ему попросту хотелось наследника, а Люси была единственной честной девушкой, которую он знал. Их союз может оказаться крайне прочным, однако предвидеть этого я не могу. Кларк, несмотря на бунт против родителей,— хорошо воспитанный молодой человек. Так или иначе, Люси от этого хуже не будет. Она получит интересный опыт материнства. И как жена, она имеет право на совместное имущество.

Питер Кадрон встал и громко произнес:

— Господа, приношу благодарность Роберту Хедроку за помощь, оказанную Торговому дому оружейников.

Аплодисментам, казалось, не будет конца.

— Скажу больше,— попытался перекричать шум Кадрон,— он должен получить статус действительного члена!

И на этот раз никто не стал возражать. Хедрок признательно поклонился. Эта награда была важнее, чем почет. Как действительный член, он будет проходить лишь периодические обследования Рр-машины. За его поступками и действиями никто и никогда не станет следить, и он сможет пользоваться всеми возможностями Торгового дома как хозяин. Он и раньше поступал именно так, но теперь никаких подозрений уже можно не опасаться. Он получил великий дар.

— Благодарю вас, господа,— сказал он, когда аплодисменты смолкли.

— А теперь,— Питер Кадрон поднял руку,— прошу уважаемого господина Хедрока покинуть зал Совета, в то время как мы попытаемся решить оставшуюся проблему — существование маятника времени.

Хедрок с мрачным видом вышел. Он на мгновение забыл, что ему до сих пор грозит огромная опасность.

Глава 28

Было двадцать шестое ноября — канун того дня, когда представители Торгового дома оружейников намеревались сообщить императрице, что ее война проиграна. Однако никаких дурных предчувствий у Иннельды не возникало. Она отправилась к зданию — посмотреть, что происходит, и, возможно, поступить именно так, как предлагал капитан Кларк. Несмотря на свою убежденность, что императрице Ишер не следует лично ввязываться в безрассудные приключения, она все же в конце концов оказалась здесь. Она могла просто наблюдать и ждать, когда вернутся Кларк и ученые. Поспешно выйдя из автоплана, она огляделась по сторонам.

К небу лениво поднимался густой искусственный туман, который уже в течение нескольких месяцев заслонял этот квартал от любопытных взглядов. Императрица медленно двинулась вперед, внимательно глядя вокруг, а затем жестом подозвала капитана.

— Когда должно появиться здание?

Молодой человек улыбнулся и молодцевато отдал честь.

— Через семь минут, ваше величество.

— У вас есть необходимое оборудование?

Она внимательно выслушала доклад офицера. В здание войдут семь групп ученых, каждая со своими приборами. Приятно было осознавать, что Кларк лично проверил оборудование у каждой группы.

— Капитан,— улыбнулась она,— вы настоящее сокровище.

Кейл не ответил — ее похвала не имела для него никакого значения. Эта девушка, владевшая почти всем миром, наверняка не могла ожидать, что умные люди будут испытывать к

ней абсолютную преданность за пару комплиментов и жалование. Он не испытывал чувства вины, к тому же не считал, что его действия как-то повредят Иннельде. Впрочем, пути назад уже не было. План начал претворяться в жизнь.

Иннельда с любопытством осмотрелась. Справа зияла огромная яма на том месте, где еще недавно стояло здание. Слева находился парк, окружавший оружейный магазин. Она впервые видела магазин, на котором не светилась ни одна вывеска, и эта картина несколько поправила ее настроение. Магазин выглядел странно уединенным в тени деревьев. Сжав кулаки, Иннельда подумала: «Если внезапно ликвидировать все оружейные магазины в Солнечной системе, то несколько тысяч парков легко можно было бы превратить во что-нибудь другое. В течение жизни одного поколения,— мрачно подумала она,— о Торговом доме оружейников не осталось бы даже воспоминаний. Дети вырастут, не имея понятия, о какой мифической чепухе говорили их родители».

— Во имя всех богов космоса,— страстно сказала она вслух,— это действительно произойдет!

Слова ее прозвучали сигналом к началу операции. Воздух замерцал, и на месте огромной дыры внезапно возникло высокое здание.

— С точностью до минуты,— удовлетворенно отметил стоявший рядом Кейл Кларк.

Иннельда уставилась на сооружение, дрожа от возбуждения. Она уже однажды видела подобное, но на экране телестата. В реальности все выглядело совершенно иначе. Только теперь она осознала, насколько огромным было здание — высотой в четверть мили, из стали и пластика, настолько же широкое и длинное. Естественно, оно и должно было быть таким. Инженеры предусмотрели объемные вакуумные камеры между различными помещениями. Само же полезное пространство внутри здания было небольшим — обследование всех уровней заняло около часа.

— Ну что ж,— облегченно вздохнула Иннельда,— похоже, здание никак не пострадало. А крысы?

Крыс поместили внутри здания, когда оно появилось в прошлый раз, и пока что они были целы и невредимы. Но

здравый смысл требовал провести детальное исследование. Императрица ждала в помещении на верхнем этаже, нетерпеливо поглядывая на часы.

Ее раздражал сам факт того, что она волнуется. Окруженная тишиной пустых помещений, она поняла, сколь неразумно поступила. Ей не следовало и думать о том, чтобы приходить сюда. Она взглянула на мужчин, вызвавшихся ее сопровождать. Их молчание казалось ей неестественным. Они не смотрели на нее, лишь стояли неподвижно, задумчиво уставившись на прозрачную стену. Тишину нарушил звук приближающихся шагов. Капитан Кларк улыбался, держа в руках белую крысу.

— Ваше величество, взгляните на нее. Жива-здорова, ничего ей не сделалось.

Во всем виде капитана чувствовалась такая радость, что, когда он протянул ей руку с маленьким зверьком, она взяла его и, повинуясь внезапному импульсу, прижала теплое тельце к щеке.

— Что бы мы делали,— пробормотала она,— без чудесных маленьких крыс? — Она посмотрела на Кларка.— Итак, каково мнение ученых?

— Крысы,— ответил капитан,— полностью здоровы как физически, так и психически. Все тесты прошли успешно.

Иннельда кивнула. Ее мнение подтвердилось. Вначале, во время первой атаки, прежде чем находившиеся внутри здания поняли, что происходит, оно исчезло, вызвав тем самым немалое замешательство. На этот счет императрица не получила ни одного сколько-нибудь связного доклада. Как только здание появилось снова, весь его персонал был эвакуирован, и до сих пор никому не позволили побывать там еще раз. Никаких повреждений или изменений в организмах этих людей обследование не показало.

Несмотря на это, Иннельда колебалась. Возможно, будет выглядеть не лучшим образом, если она не решится пойти дальше, но следовало принимать во внимание и другое. Если с ней что-то случится, империя Ишер может рухнуть. Поскольку прямого наследника у нее не было, власть перейдет к принцу дель Куртину, который пользовался немалой попу-

лярностью, но многие знали, что он в немилости у императрицы. Ситуация вдруг показалась ей крайне абсурдной, она почувствовала себя окруженной со всех сторон, но отрицать реальное положение дел не было никакого смысла.

— Капитан,— твердо сказала она,— вы вызвались добровольно совершить это... путешествие независимо от того, поступлю ли я так же. И теперь я решила — я отказываюсь. Желаю удачи и сожалею, что не могу быть вместе с вами. Боюсь, однако, что такой возможности у меня просто нет. Столь легкомысленные поступки — не для императрицы.— Она протянула руку.— Удачи вам.

Меньше чем через час здание исчезло. Императрица ждала. Принесли обед. Она поела в автоплане, прочитала несколько газет, которые взяла с собой, а потом, когда над Империал-Сити опустилась тьма, посмотрела на часы и поняла, что пришло время.

Как только здание материализовалось на том же месте, оттуда начали выходить люди. Один из ученых сразу подошел к императрице.

— Ваше величество,— сказал он,— путешествие прошло без проблем, если не считать одного инцидента. Капитан Кларк, как вам наверняка известно, намеревался покинуть здание в исследовательских целях. Так он и сделал. Мы получили от него только одно сообщение, переданное с помощью наручного телестата. Он назвал дату — седьмое августа четыре тысячи семьсот восемьдесят четвертого года Ишер. Это были его последние слова. Видимо, с ним что-то случилось — он не вернулся вовремя, чтобы отправиться назад вместе с нами.

— Но...— Иннельда на мгновение задумалась, затем продолжила: — Но это означает, что с седьмого августа до двадцать шестого ноября существовали двое Кейлов Кларков — обычный и тот, который вернулся назад во времени.

Она неуверенно замолчала.

«Древний временной парадокс,— подумала она.— Может ли человек переместиться в прошлое и пожать самому себе руку?»

— Но что в таком случае произошло со вторым? — задумчиво спросила она вслух.

Глава 29

Седьмого августа был ясный солнечный день. Над головой простиралось голубое небо, в лицо дул легкий ветерок. Кейл быстрым шагом удалялся от здания, которое перенесло его в прошлое. Никто его не побеспокоил — на нем был капитанский мундир с красными эполетами имперской гвардии, и солдаты, патрулировавшие прилегающие к зданию улицы, при виде его вытянулись в струнку.

Через пять минут он уже сидел в общественном автоплане, направлявшемся к центру города. Впереди было два с половиной месяца, прежде чем он вернется в то время, из которого прибыл. Для реализации его плана срок этот казался невероятно коротким.

Несмотря на то что уже близился вечер, ему удалось до конца рабочего дня снять офис из четырех комнат. В бюро по трудоустройству обещали прислать к девяти утра следующего дня нескольких секретарей и бухгалтеров. В помещении имелась лишь конторская мебель, но до наступления темноты он успел взять в круглосуточном бюро проката раскладушку. Ночь он провел за составлением подробного плана и лишь под утро погрузился в беспокойный сон. Поднявшись вскоре после рассвета, он взял листок с расчетами и спустился на лифте вниз, где находилась одна из крупнейших в городе брокерских контор. В кармане у него лежало около пятисот тысяч креди, которые он получил от «второго» Кейла Кларка. Наличных было как раз столько, чтобы носить их с собой, не теряя при этом свободы движений.

К концу дня он заработал три миллиона семьсот тысяч креди. Бухгалтеры наверху трудились не покладая рук — регистрировали очередные сделки, секретари писали письма, а дипломированный экономист, нанятый в качестве управляющего, взял на работу новых сотрудников и снял дополнительные помещения на соседних этажах.

Усталый, но торжествующий, Кейл весь вечер готовился к последующему дню. Он понял, на что способен человек, который привез с собой из прошлого полные биржевые сводки за два с половиной месяца. В эту ночь он спал хорошо, но едва смог дождаться рассвета. А потом следующего. И следующего.

В августе он уже стал обладателем девяноста миллиардов креди. Он получил контроль над одним из небольших банков и четырьмя промышленными предприятиями стоимостью миллиард креди каждое, а также вошел в долю в тридцати четырех других компаниях.

В сентябре он заработал триста тридцать миллиардов креди, что позволило ему завладеть гигантским Первым имперским банком, тремя межпланетными горнодобывающими компаниями и стать совладельцем двухсот девяноста фирм. К концу сентября он обосновался в стоэтажном небоскребе в самом сердце финансового района, и тридцатого сентября там работало уже свыше семи тысяч человек.

В октябре он вложил свои доходы в строительство отелей и недвижимость, что в сумме составляло три и одну восьмую триллиона креди. Тогда же, в октябре, он женился на Люси Рэлл, получил телефонный звонок от самого себя, только что вернувшегося с Марса, и договорился о встрече со «вторым» Кларком. Двое молодых людей, одинаково мрачно и решительно настроенных, посетили «Пенни-Палас» и вернули деньги, украденные у них его владельцем, Харджем Мартином. Возвращенная сумма на данном этапе не имело особого значения, но речь шла о принципе. Кейл Кларк намеревался завоевать бездуховный мир Ишер. Никому, кто когда-либо осмелится плюнуть ему в лицо, это не должно сойти с рук. После Харджа Мартина пришла очередь полковника Медлона — нужно было подготовить почву для возвращения в прошлое.

Двое Кейлов Кларков, а на самом деле один, но из разных времен — именно об этом рассказал Роберт Хедрок членам Совета Торгового дома оружейников. Это был феноменальный ход, который вынудил императрицу завершить войну, чтобы другие офицеры не разрушили финансовую стабильность Солнечной системы, пытаясь повторить успех Кейла Кларка.

Глава 30

Была ночь. Фара шел по тихим улицам Глея, и ему вдруг впервые пришло в голову, что Центр информации Торгового дома оружейников должен находиться в другом полушарии, поскольку сейчас там был день.

Однако мысль эта тут же исчезла, словно ее и не было, и он снова окинул взглядом спящий поселок. Тихий, спокойный — и вместе с тем уродливый, подумал он. Изуродованный воцарившимся в нем злом. Право приобретать оружие! К горлу подкатил комок, к глазам подступили слезы. Он вытер глаза тыльной стороной ладони, представил себе убитого отца Крил и пошел дальше, уже не стыдясь. Слезы — бальзам для разгневанного мужчины.

Прочный металлический замок поддался тонкому лучу, вырвавшемуся из револьвера. Одна вспышка, и металл расплавился, словно масло. Фара вошел внутрь. Было слишком темно, чтобы что-либо увидеть, но он не стал сразу включать свет. Нащупав регулятор на подоконнике, он затемнил окна и лишь затем щелкнул выключателем. При виде машин и драгоценных инструментов у него вырвался вздох облегчения.

Дрожа от нахлынувших чувств, он связался по телестату с Крил. Та появилась на экране не сразу, она была в ночной рубашке. Увидев его, она побледнела.

— Фара... Фара, я думала...

— Крил,— мрачно прервал он ее,— я был в оружейном магазине. Слушай внимательно и ни о чем не спрашивай. Иди прямо к своей матери. Я у себя в мастерской и собираюсь оставаться здесь днем и ночью, пока не будет решено вернуть ее мне. Позже я зайду домой поесть и переодеться, но я хотел бы, чтобы к этому времени ты уже ушла. Понимаешь?

На ее красивое, с тонкими чертами лицо возвращался румянец.

— Тебе незачем идти домой, Фара. Я сделаю все, что нужно. Загружу все необходимое в автоплан, вместе с раскладушкой. Будем спать в задней комнате мастерской.

Наступил бледный рассвет, но лишь в десять утра в открытых дверях появилась чья-то тень и вошел констебль Джор. Вид у него был явно смущенный.

— У меня ордер на твой арест,— угрюмо проговорил он.

— Скажи тем, кто тебя послал,— медленно ответил Фара,— что я оказывал сопротивление во время ареста. И применил оружие.

Движение его было столь быстрым, что Джор едва успел моргнуть. Рослый неповоротливый констебль не мог оторвать взгляда от блестящего револьвера в руке Фары.

— У меня тут для тебя повестка из суда в Ферде. Сегодня после полудня,— наконец сказал Джор.— Согласен?

— Конечно.

— Значит, придешь?

— Пришлю адвоката,— Фара слегка улыбнулся.— Брось повестку на пол и скажи, что я ее получил.

Он помнил слова продавца из оружейного магазина: «Никогда не высмеивай законы империи — просто не подчиняйся им».

Джор с явным облегчением ушел. Через час порог мастерской с напыщенным видом перешагнул мэр Мел Дэйл.

— И кого же мы тут видим? Ну конечно, Фару Кларка,— загремел он.— Тебе это так просто не сойдет. Это нарушение закона.

Фара молчал и смотрел, как мэр входит в мастерскую. Было удивительно, что он рискует своим толстым драгоценным телом. Однако удивление прошло, когда мэр негромко сказал:

— Хорошая работа, Фара. Я знал, что в тебе что-то есть. Многие в Глее на твоей стороне. Мне пришлось на тебя прикрикнуть, поскольку снаружи стоит толпа зевак. Ты тоже можешь меня обругать, хорошо? Но сначала должен тебя предупредить: директор Автоматических атомных уже в пути, с двумя своими гориллами.

Фара смотрел вслед уходящему мэру. Кризис надвигался все быстрее. Он взял себя в руки: «Пусть приходят. Пусть...»

Все оказалось проще, чем он ожидал, поскольку вошедшие сразу же побледнели при виде револьвера. Все трое беспокойно переглянулись. Наконец один из них сказал:

— Смотри — вот твой вексель на двенадцать тысяч сто креди. Ты ведь не станешь возражать, что должен нам эти деньги.

— Я его выкуплю,— холодно ответил Фара,— ровно за тысячу креди, то есть за ту сумму, которую фактически выплатили моему сыну.

Молодой человек с тяжелой челюстью пристально посмотрел на него.

— Мы согласны,— коротко бросил он.

— Я уже подготовил расписку,— сказал Фара.

Первым его клиентом был старый Лэн Харрис. Фара долго смотрел на худого старика и постепенно начал понимать, каким образом оружейный магазин обосновался на участке Харриса. Через час после того, как тот ушел, в мастерской появилась мать Крил.

— Ну что ж,— спокойно сказала она, закрывая за собой дверь.— Значит, все получилось? Хорошая работа. Извини, если я резко с тобой обошлась, когда ты ко мне пришел, но мы, сторонники Торгового дома оружейников, не можем позволить себе рисковать ради тех, кто против нас. Но это не важно. Я пришла, чтобы забрать Крил домой. Самое главное, чтобы все как можно быстрее пришло в норму.

Все закончилось. Невероятно, но все закончилось. Когда Фара возвращался ночью домой, он дважды останавливался на полпути, размышляя, не сон ли все это. Воздух пьянил, словно вино. Маленький мир Глея простирался перед ним, зеленый и добрый — безмятежный рай, в котором время стояло на месте.

Глава 31

— Господин де Лейни? — приветствовала его императрица.

Хедрок почтительно поклонился. Слегка изменив внешность, он представился одним из своих давно не использовавшихся имен, чтобы его не узнали в будущем.

— Вы просили о встрече.

— Как видите.

Иннельда вертела в пальцах его визитную карточку. На императрице была снежно-белая мантия, которая подчеркивала смуглую кожу открытых частей ее тела. Зал, в котором она его приняла, был спроектирован по образцу небольшого острова в южных морях — пальмы и зеленые кусты со всех сторон окружены изумрудной водой, ласкавшей песчаный

пляж. Мягкий ветерок приятно холодил спину Хедрока. Императрица с горечью посмотрела на него. Перед ней был человек с властной внешностью и искренним взглядом, в нем чувствовалась сила и невиданная отвага — чего она не ожидала. Она снова взглянула на визитку.

— Уолтер де Лейни,— задумчиво прочитала она, казалось, внимательно вслушиваясь в звучание фамилии. Наконец она удивленно покачала головой.— Как вы сюда попали? Я нашла ваше имя в списке посетителей на сегодня и предположила, что дворцовый управляющий записал вас на прием, поскольку ваш визит связан с неким крайне важным делом.

Хедрок молчал. Управляющий, как и большинство придворных, явно не обучался защите от психологического воздействия — в отличие от императрицы. Она, однако, не знала, что у Торгового дома оружейников имелись свои методы получения положительных ответов.

— Очень странно.— Она недоверчиво покачала головой.

— Успокойтесь, госпожа,— сказал Хедрок.— Я пришел просить вашего снисхождения к несчастному невинному человеку.

Он попал в точку. Их взгляды встретились, и императрица опустила глаза.

— Ваше величество,— тихо заговорил Хедрок,— вы обладаете властью, позволяющей совершить акт беспримерного милосердия в отношении человека, который находится почти в пяти миллионах лет отсюда, перемещаясь из будущего в прошлое, по мере того как ваше здание вынуждает его уноситься все дальше во времени.

Сказать это было необходимо. Он ожидал, что Иннельда сразу же поймет, что только ее доверенные лица и враги могут знать все подробности истории с исчезающим зданием. Императрица заметно побледнела, чем подтвердила предположения Хедрока.

— Вы из Торгового дома оружейников? — прошептала она побелевшими губами и вскочила.— Убирайтесь отсюда! Немедленно!

— Ваше величество,— хладнокровно произнес Хедрок.— Возьмите себя в руки. Вам ничто не угрожает.

Ему хотелось, чтобы его слова подействовали как холодный душ. Щеки императрицы слегка порозовели — намек на то, что она чего-то боится, явно ей не понравился. Некоторое время она стояла неподвижно, а затем быстрым движением сунула руку за корсаж и достала ослепительно белый энергетический пистолет.

— Если вы сейчас же не уйдете,— сказала она,— я буду стрелять.

Хедрок развел руки, словно человек, которого обыскивают.

— Обычный пистолет,— удивленно проговорил он,— против оружия самообороны от Торгового дома? — Он покачал головой.— Госпожа, хотя бы выслушайте меня...

— С людьми из Торгового дома оружейников я не разговариваю,— отрезала императрица.

Ее ответ вызвал у него лишь раздражение.

— Ваше величество,— бесстрастно произнес Хедрок.— Меня удивляет столь странная реакция. В последние несколько дней вы не только разговаривали с представителями Торгового дома, но и капитулировали перед ними. Вас вынудили прекратить войну и уничтожить временно-энергетические машины. Вы обещали не привлекать к ответственности дезертиров и освободить их от присяги. И еще вы предоставили неприкосновенность Кейлу Кларку.

Глядя на ее лицо, он понял, что на этот раз не достиг цели.

— У вас должны быть серьезные причины,— нахмурившись, сказала она,— чтобы осмелиться разговаривать со мной в таком тоне.— Явно оживившись, она повернулась к своему креслу и положила руку на подлокотник.— Если я нажму на эту кнопку,— неожиданно предупредила она,— здесь появится охрана.

Хедрок вздохнул. Он надеялся, что демонстрировать силу ему не придется.

— Ну так почему бы и нет? — предложил он.— Нажимайте.

Для нее настало время понять, подумал он, в каком положении она на самом деле находится.

— Думаете, не нажму? — Императрица решительным движением опустила палец.

Наступила тишина, нарушаемая лишь плеском волн и легким шумом ветра. Минуты через две Иннельда, не обращая внимания на Хедрока, подошла к стоявшему в двадцати футах дереву и коснулась одной из веток. Там наверняка находилась еще одна тревожная кнопка, поскольку императрица на несколько секунд застыла в ожидании, а затем поспешно направилась к густым зарослям, за которыми скрывался лифт. Она попыталась привести его в действие, а когда никакой реакции не последовало, медленно вернулась и села в кресло. Она была бледна, но владела собой. Не глядя на Хедрока, она спросила без тени страха:

— Вы собираетесь меня убить?

Он отрицательно покачал головой. Сейчас он еще больше жалел, что ему пришлось продемонстрировать ей ее же собственную беспомощность. Теперь она наверняка начнет модернизировать охранную систему дворца, исходя из ошибочного предположения, что защищает себя от более совершенных технологий Торгового дома оружейников. Он явился сюда физически и психологически готовым к любым возможным ситуациям. Выполнить чью-либо волю он не мог ее заставить, но его пальцы сверкали от перстней, обеспечивавших как защиту, так и возможность нападения. На нем был его «деловой» костюм, и даже ученые Торгового дома изумились бы разнообразию скрытого там арсенала. В непосредственной близости от Хедрока переставали действовать сигнализация и любое оружие. В день, когда должно было быть принято величайшее решение в истории Солнечной системы, он пришел на встречу всесторонне подготовленным и вооруженным.

Императрица внимательно смотрела на него.

— Что вам нужно? — требовательно спросила она.— Что это за человек, про которого вы говорили?

Хедрок рассказал ей про Макалистера.

— Вы с ума сошли? — прошептала она, когда он закончил.— Но почему так далеко? Ведь то здание находится всего в трех месяцах отсюда.

— Решающим фактором, похоже, является масса.

— Вот как? — Она помолчала.— Но чем я могу помочь?

Хедрок грустно улыбнулся.

— Ваше величество, этот человек достоин сочувствия и милосердия. Он парит в бездне, которую человеческий глаз никогда не увидит. Он наблюдал, как рождаются, стареют и умирают Земля и Солнце. Для него нет спасения. Мы должны помочь ему, подарив ему смерть.

Иннельда мысленно представила себе эту картину и начала слушать внимательнее.

— А что там насчет вашей машины? — спросила она.

— Это копия машины с картой времени, которая есть у оружейных магазинов.— Он не стал объяснять, что сам построил ее в одной из своих тайных лабораторий.— Недостает только самой карты — она чересчур сложна, чтобы изготовить ее за столь короткое время.

— Понятно,— машинально ответила императрица. Испытующе посмотрев на него, после некоторой паузы она спросила: — И какова во всем этом ваша роль?

На этот вопрос Хедрок не готов был ответить. Он явился к императрице Ишер, так как она потерпела поражение. Учитывая ее нынешнюю ситуацию, важно было, чтобы она не чувствовала себя чересчур униженной. Бессмертному, который в очередной раз вмешивался в жизнь смертных, следовало принимать это во внимание.

— Госпожа, нельзя терять времени. Здание появится здесь через час.

— Но почему,— спросила она,— мы не можем оставить решение этой проблемы Совету Торгового дома оружейников?

— Потому что он может принять неверное решение.

— Какое решение в таком случае,— настаивала Иннельда,— будет верным?

Хедрок рассказал.

Кейл Кларк настроил автопилот так, чтобы автоплан описал широкий круг над домом.

— О господи! — сказала Люси Рэлл Кларк.— Почему ты выбрал один из этих... воздушных...

Расширенными от любопытства глазами она разглядывала землю внизу, висячие сады, парящий в воздухе дом.

— О Кейл! — Она обхватила его за шею.— Ты уверен, что мы можем себе это позволить?

Кейл Кларк улыбнулся.

— Дорогая, я много раз тебе это объяснял и не собираюсь повторять еще раз.

— Не в том дело,— возразила она.— Ты уверен, что императрица оставит тебя в покое?

Кейл Кларк с грустной усмешкой посмотрел на жену.

— Мистер Хедрок,— медленно сказал он,— дал мне пистолет от Торгового дома, а кроме того, я сделал для ее величества слишком много такого, что она, по ее собственным словам, очень ценит. Она не умеет скрывать свои чувства, так что я согласился продолжать работать для нее на тех же условиях.

— О! — снова вздохнула Люси.

— А теперь хватит нагонять на себя дурное настроение,— посоветовал Кейл.— Помни, ты сама мне сказала, что Торговый дом оружейников верит в единое правительство. Чем более оно будет очищено от коррупции, тем богаче будет мир. И поверь,— лицо его помрачнело,— жизнь преподала мне хороший урок, и я сам хочу приложить к этому усилия.

Автоплан приземлился на крыше пятиэтажного дома. Кейл повел Люси вниз, в светлые уютные комнаты, где они собирались жить до конца своих дней.

По крайней мере так ему казалось в его двадцать с небольшим лет.

Эпилог

Макалистер забыл о том, что собирался принять решение,— в окружавшей его кромешной тьме тяжело было думать о чем-либо вообще. Открыв усталые глаза, он обнаружил, что висит неподвижно в черном космическом пространстве. Земли под ним не было. Он находился в том времени, когда планет Солнечной системы еще не существовало. Тьма, казалось, ожидала некоего грандиозного события.

Она ждала чего-то.

Внезапно он понял, что должно сейчас произойти. И точно так же понял, какое решение он собирался принять — смириться со смертью.

Решение пришло к нему удивительно легко. Он невероятно устал. Откуда-то возникло горько-сладкое воспоминание из невообразимо далекого времени и пространства: он лежал на поле боя в середине двадцатого века, полумертвый, обреченный на забытье. Потом он подумал: он умирает, чтобы могли жить другие. И сейчас его охватило то же самое чувство, только в тысячу раз более сильное.

Он понятия не имел, каким образом это случится. Маятнику времени предстояло замереть в очень далеком прошлом, высвободив гигантскую энергию, которую он накапливал в себе после каждого чудовищного колебания.

Макалистеру не дано было этого увидеть — но именно благодаря ему возникли планеты.

Оружейники империи Ишер

Глава 1

Хедрок отвлекся от своего луча-информатора, хотя экран продолжал светиться, в мельчайших деталях передавая все, что происходит в конференц-зале императорского дворца. Молодая женщина с непроницаемым лицом сидела на троне, мужчины низко склонялись перед ней, и их голоса слышались совершенно отчетливо. Все было как обычно. Впрочем...

У Хедрока пропал интерес к совещанию в зале. Тем более теперь ему следовало торопиться. Из головы не шли роковые слова женщины.

— При данных обстоятельствах,— сказала она несколько минут назад,— мы больше не можем себе позволить идти на риск с перебежчиком из стана оружейников. То, что случилось, слишком важно. Поэтому, генерал Грэлл, исключительно ради подстраховки — арестуйте капитана Хедрока через час после обеда и повесьте его. Повторяю: ровно через час, поскольку, во-первых, он, как обычно, будет обедать за моим столом, а во-вторых, я намерена присутствовать при казни.

— Слушаюсь, ваше величество.

Хедрок ходил взад-вперед по комнате. Затем вновь устремил мрачный взгляд на экран, который в материализованном виде, как сейчас, занимал весь угол. Молодая женщина все еще сидела в конференц-зале, но уже в одиночестве, и зловещая ухмылка играла на ее продолговатом лице. Ухмылка исчезла, когда женщина дотронулась до кнопки на подлокотнике и ясным голосом начала диктовать. Некоторое время Хедрок прислушивался к указаниям, касавшимся рутинных дворцовых дел, но вскоре сосредоточился на собственных проблемах. Необходимо выпутаться из этого безнадежного

© Перевод Е. Константиновой.

положения. Очень осторожно он стал настраивать пульт. Образ молодой императрицы померк. Экран осветился раз-другой, и на нем возникло контрастное изображение человека.

Хедрок сказал:

— Вызываю Высший совет Торгового дома оружейников.

— Потребуется минута,— деловито произнес человек,— чтобы собрать членов Совета.

Хедрок озабоченно кивнул. Он вдруг занервничал. Он сделал вызов довольно уверенным тоном, но ему все-таки казалось, что голос его чуточку дрогнул. Хедрок сидел очень спокойно, он постарался расслабиться. Через минуту на экране появилось с десяток лиц — вполне достаточно для кворума.

Хедрок сразу доложил о смертном приговоре. И добавил:

— Несомненно, происходит что-то экстраординарное. В последние две недели я замечал, что всякий раз, когда собирается имперский кабинет, высшие офицеры вовлекают меня в пустые разговоры, мешая мне уйти в свою комнату. Обращаю ваше внимание на фактор времени: арест произойдет через час после обеда, то есть в моем распоряжении остается три часа. Сегодня мне почему-то дали вернуться к себе во время заседания кабинета — уж не для того ли, чтобы я услышал приговор? Если они знают возможности нашего Высшего совета, то должны понимать, что таким образом дают мне шанс скрыться.

— Что вы предлагаете? — резко спросил член Совета Питер Кадрон.— Намерены остаться?

Волнение снова охватило Хедрока.

— Вы, господин Кадрон, конечно, помните, что мы анализировали характер императрицы. Она дитя своего века со всеми его социальными неурядицами и техническим совершенством — отсюда неуравновешенность и склонность к авантюризму, как и у девятнадцати миллиардов ее подданных. Ей необходимы перемены, новые ощущения, возбуждение. Но во главу угла следует поставить то, что она наделена имперской властью и представляет консервативные силы, не желающие менять прежние порядки. В результате — постоянные метания из стороны в сторону, опасное состояние несбалансированности, которое делает ее самым страшным врагом Торгового дома за много веков его существования.

— Несомненно,— заключил другой член Совета,— казнь даст разрядку ее взвинченным нервам. В те минуты, когда вы будете дергаться в петле, жизнь покажется ей менее пресной.

— Мне представляется,— твердым голосом произнес Хедрок,— что один из наших ноуменов мог бы просчитать различные варианты и дать практический совет, как мне поступить.

— Сейчас посоветуемся с Эдвардом Гонишем,— сказал Питер Кадрон.— Пожалуйста, потерпите, пока мы обсудим этот вопрос.

Они исчезли, вернее, отключился звук. И хотя Хедрок видел, как двигаются губы, голосов не слышал. Разговор продолжался долго. Казалось, время тянется слишком медленно, пока люди на экране объяснялись с кем-то, кого не было видно. В ожидании Хедрок крепко сжал зубы, сцепил пальцы рук. Он вздохнул с облегчением, когда молчание прервалось и Питер Кадрон сказал:

— Сожалеем, но вынуждены констатировать следующее. Эдвард Гониш не стал полагаться на интуицию из-за отсутствия предшествующего опыта. В вашем случае следует руководствоваться только логикой. Поэтому мы хотели бы знать, считаете ли вы возможным присутствовать на обеде? Иными словами, до какого момента у вас остается шанс на побег из дворца?

Хедрок очень надеялся на практический совет, и что же он получил вместо него? Этот гений, ноумен по имени Эдвард Гониш, великий спец по части интуиции, от решения которого зависит судьба Хедрока, увиливает. Хедрок не сразу пришел в себя, но, постепенно успокоившись, сказал:

— Нет. Если я останусь на обед, я обречен. Императрица любит играть в кошки-мышки и наверняка сообщит о приговоре во время трапезы. У меня есть план, который целиком зависит от ее эмоционального восприятия. Он основан на предположении, что императрица сочтет необходимым оправдаться.

Хедрок замолчал, хмуро взглянул на экран, затем продолжил:

— Хотелось бы подробнее узнать о ходе вашего обсуждения. Мне пригодится любая помощь.

— Вам известно, Хедрок,— вступил в разговор член Совета Кендлон, человек с мясистой физиономией,— ваше присутствие во дворце преследует две цели. Первая — предупредить Торговый дом оружейников о внезапном нападении, которое представляет опасность для всей нашей цивилизации, и в этом вопросе наше мнение едино. Вторая цель — это, конечно, вынашенный вами план установления взаимопонимания и постоянных контактов между Торговым домом оружейников и имперским правительством. Следовательно, ваша шпионская деятельность имеет второстепенное значение. Любую не слишком важную информацию, полученную вами, можете оставить при себе — нам она не нужна. Но прошу припомнить: не слышали ли вы какого-либо намека, дающего основание предположить, что готовится нечто катастрофическое?

Хедрок медленно покачал головой. Он вдруг почувствовал себя опустошенным душевно и бессильным физически. Он собрался и заговорил размеренно, подбирая слова, которые, казалось, шли откуда-то из ледяного далека:

— Я вижу, господа, вы не пришли к какому-либо определенному решению, но едва ли станете отрицать, что хотели бы сохранить налаженные мною связи. Кроме того, ничуть не сомневаюсь, вам не терпится узнать, что же скрывает императрица. Ведь недаром вы упомянули о моем плане. Поэтому я намерен остаться.

Они не очень-то торопились с согласием. При своеобычном, необузданном характере императрицы, заметил один из членов Совета, любое необдуманное слово Хедрока может привести к фатальному исходу. Они самым дотошным образом пустились в обсуждение разных деталей. Дело заключалось в том, что Хедрок первым в истории предал Торговый дом оружейников, но тем не менее отказывал любопытной правительнице в какой-либо конкретной информации. Незаурядная внешность, яркий ум, сильный характер Хедрока уже пленили императрицу. Сколько же усилий пропадет даром, если сейчас, спешным порядком, выкрасть его из дворца! Поэтому, рассуждал другой член Совета, если исключить тот факт, будто против нас замышляют нечто злокозненное и слишком опасное, следует полагать, что императрица решила испытать Хедрока, угрожая смертью, дабы рассеять свои

подозрения. Поэтому будьте предельно осторожны! В крайнем случае выдайте ей секретные сведения о Торговом доме — поначалу самого общего характера, чтобы возбудить интерес к более важным, более точным данным, и...

Тут раздался звонок в дверь. Хедрок вздрогнул, нажал кнопку на пульте и отключился, прервав разговор. Ясно сознавая, что позволил себе разволноваться, он, умышленно не спеша, вынул из галстука обыкновенную золотую булавку и склонился над столом. Там лежал перстень, маленькая блестящая вещица; покрытая орнаментом печатка в точности повторяла экран большого информатора в углу комнаты, с той лишь существенной разницей, что была вещественной, вполне осязаемой, а вся конструкция приводилась в действие атомными силами при помощи совершенной энергетической установки, заключенной в корпус перстня. Гораздо проще было воспользоваться автоматическим рычажком, вделанным на всякий экстренный случай, как сейчас, но Хедрок тянул время, дабы успокоиться.

Задача была довольно трудная — пожалуй, сравнимая с вдеванием нитки в иголку. Трижды он не мог попасть в пазик — рука еле заметно дрожала. На четвертый раз удалось. Экран вспыхнул, словно лампочка лопнула, правда, не оставив осколков и вообще никаких следов — все растворилось в воздухе. На тумбочке в углу, где секунду назад располагался информатор, лежало лишь покрывало, используемое в качестве подстилки, чтобы не поцарапать поверхность тумбочки. Хедрок швырнул его в спальню, затем постоял в нерешительности, держа перстень на ладони. Наконец положил его в металлическую коробочку, к трем другим кольцам, и нажал на кнопку, чтобы все они исчезли, если кто-нибудь вздумает открыть коробочку. Когда он размеренным шагом направился к двери, в которую настойчиво звонили, только перстень-пистолет остался у него на пальце.

В высоком человеке, стоявшем в коридоре, Хедрок узнал одного из дежурных офицеров императрицы. Тот кивнул и отчеканил:

— Капитан, ее величество просила сообщить, что обед уже подан. Будьте любезны следовать за мной без промедлений.

В первое мгновение у Хедрока создалось впечатление, что над ним грубо подшутили — императрица Иннельда уже начала свою щекочущую нервы игру. Не могло так быстро наступить время обеда! Он взглянул на часы. На маленьком циферблате было 12.35. Прошел час с тех пор, как из суровых, прекрасно очерченных уст императрицы он услышал смертный приговор.

Фактически ему не оставили выбора, идти или нет. Все решили за него уже тогда, когда он сообщал Совету, что располагает тремя часами. Положение окончательно определилось, пока он шел мимо солдат, стоявших в каждом коридоре на пути в императорскую столовую. Да, вот она реальность, от которой никуда не денешься. Хедрок остановился на пороге огромного зала, постоял немного, приходя в себя, и саркастически улыбнулся. Затем спокойно, с легкой усмешкой на устах прошел между рядами шумных придворных и опустился на свое место в пяти креслах от императрицы, сидевшей во главе стола.

Глава 2

Коктейль и суп уже были поданы. После активного обсуждения ситуации с членами Совета, столь внезапно прерванного, Хедрок пребывал в некоторой задумчивости и ждал, что будет дальше. Он разглядывал мужчин вокруг себя — молодых, уверенных в себе, умных и преданных сторонников ее императорского величества.

С острым чувством сожаления он подумал о том, что сейчас все должно кончиться. Шесть месяцев с большим удовольствием провел он в этом блестящем обществе. При виде этих надменных людей, наделенных огромной властью, предающихся необузданным наслаждениям, он с грустью думал о своем далеком прошлом. Улыбка, скорее смахивающая на гримасу, исказила его лицо. Бессмертие, которым наделили Хедрока, порождало одну особенность, кстати, постоянно прогрессирующую: он все реже думал о самосохранении, играл с огнем, подчас неоправданно рисковал, подвергая жизнь опасности. Он давно знал, что непременно ввяжется в какую-нибудь передрягу, выйти из которой вряд ли помогут

его скрытые силы. Хотя теперь, как и прежде, руководствовался лишь целью, отличной от той, в какой его подозревали.

Вдруг голос императрицы перекрыл шум разговоров и вывел его из задумчивости:

— Где витают ваши мысли, капитан Хедрок?!

Хедрок медленно повернул к ней голову. Ему захотелось взглядом сказать ей больше, чем он позволял себе до сих пор. Ибо, едва заняв свое место, он сразу же почувствовал, как за ним наблюдают ее зеленоватые глаза. Держалась она поразительно — само благородное спокойствие, полное самообладание. Он еще раз отметил типичные для Ишеров черты лица: высокие скулы, волевой подбородок. Последняя представительница выдающейся династии, последняя из наделенных властью, но, вероятно, не последняя в роду. Безграничная энергия, безудержные страсти пылали в ней. Совершенно очевидно, прекрасная Иннельда, несмотря на сумасбродный характер, выстоит, как и ее знаменитые предки — преодолеет интриги, победит коррупцию и передаст власть наследнику, следующему Ишеру.

«Сейчас, воспользовавшись благоприятным моментом, самым правильным будет задеть ее за живое»,— с возрастающей тревогой подумал Хедрок.

И выпалил:

— Я вспомнил, Иннельда, о вашей бабушке — прелестной Ганил, златокудрой императрице, которую семь раз лишали трона. Если бы не ваши темные волосы, вы были бы точной копией ее в молодости.

Тень замешательства мелькнула в зеленоватых глазах. Императрица сжала губы, затем приоткрыла их, будто собиралась что-то сказать. Однако Хедрок не стал ждать:

— В Торговом доме оружейников есть ее полная иллюстрированная биография. Вот я и подумал: как ни печально, но пройдут годы, и от вас останется только рассказ с картинками в какой-нибудь пыльной видеотеке.

Удар попал в цель. Хедрок знал, что императрице была невыносима мысль о старости и смерти. Глаза ее гневно сверкнули, и в них, как это не раз случалось прежде, он прочитал обуревавшие ее чувства.

— Уж вам-то, по крайней мере,— прерывающимся голосом изрекла императрица,— не видать моего полного жизне-

описания в картинках. Вам, мой дорогой капитан, наверное, будет любопытно узнать, что ваша шпионская деятельность разоблачена и сегодня вас повесят!

Ее слова потрясли Хедрока. Одно дело — предаваться досужим размышлениям в тиши кабинета: дескать, ничего страшного нет, просто изощренная проверка, ловкая попытка вытянуть какие-либо сведения, и совсем другое — сидеть рядом с женщиной, которая может позволить себе быть жестокой и безжалостной, каждый каприз которой беспрекословно выполняется преданным окружением, и слышать из ее уст свой смертный приговор! Никакая логика не в силах противостоять тирану во плоти, любые размышления не имеют значения.

Вот и попробуй теперь вразумительно объяснить самому себе, как ты очутился в столь незавидном положении. Ведь ничего не стоило спокойно выждать, когда через два-три поколения в роду Ишеров появится обыкновенная женщина, а не такой тиран. Впрочем, поздно предаваться пустым мечтаниям. Хедрок сделал над собой усилие, расслабился и улыбнулся. В конце концов, он вынудил ее объявить приговор гораздо раньше, чем она хотела. Хоть и скверная, но все-таки психологическая победа. Н-да, еще несколько таких побед, и нервное потрясение ему обеспечено.

Люди за дальними столами в огромной столовой еще разговаривали, но над императорским столом повисло молчание. Внимание Хедрока сосредоточилось на ближайшем окружении. Одни не сводили глаз с императрицы, другие — с него. И почти все пребывали в одинаковом замешательстве. Как видно, не могли разобрать, то ли это плохая шутка, то ли очередная драма, которые императрица время от времени разыгрывала, кажется, с единственной целью — испортить людям аппетит. Мысли Хедрока были сконцентрированы на важности момента, ибо приближенные вслушивались в разговор, и он надеялся, что их участие спасет ему жизнь.

Императрица первой нарушила молчание:

— Плачу пенни за ваши последние мысли, капитан,— произнесла она мягко и язвительно.

Хлестко подковырнула. Хедрок проглотил насмешку.

— Я не отказываюсь от своих слов: вы очень похожи на очаровательную, темпераментную Ганил. Правда, с той разницей, что она в свои шестнадцать лет не спала со змеей!..

— Что такое? — изумился один из придворных.— Иннельда спала со змеей? Надеюсь, вы выразились иносказательно? Однако смотрите-ка — она краснеет!

И правда — взгляд Хедрока не без удивления задержался на вспыхнувших румянцем щечках. Он не ожидал такой сильной реакции. Несомненно, сейчас произойдет яростный взрыв. Впрочем, он не повергнет в смущение самоуверенных молодых людей за императорским столом, отличающихся одним качеством — они все выдающиеся личности и подхалимы одновременно.

— А ну-ка, Хедрок,— сказал усатый принц дель Куртин,— не утаивайте от нас такую пикантную подробность. Я полагаю, она тоже извлечена из иллюстрированного досье Торгового дома оружейников.

Хедрок молчал. Казалось, улыбнувшись кузену императрицы, он подтвердил свои слова, хотя на самом деле едва видел принца краешком глаза. Его внимание было сконцентрировано на единственно важном для него сейчас человеке. Императрица Ишер медленно наливалась гневом. Она тяжело поднялась.

— Вы, капитан, поступили весьма умно,— мрачно заметила она,— повернув разговор таким образом. Но смею заверить, пользы это вам не принесет. Ваша быстрая реакция лишь подтверждает, что вы знали о моем намерении. Вы шпион, и мы делаем соответствующие выводы.

Глаза ее грозно сверкали, но в голосе почти не улавливались злобные нотки, на что и надеялся Хедрок.

— Ну что вы, Иннельда,— вступился кто-то из приближенных.— Неужели вы собираетесь ограничиться бездоказательной констатацией шпионской деятельности капитана?

— Берегитесь, господин заступник,— вспылила она,— не то составите компанию Хедроку!

Мужчины обменивались многозначительными взглядами. Некоторые неодобрительно качали головами, а затем все разом, как по команде, заговорили друг с другом, не обращая внимания на императрицу.

Хедрок ждал. Случилось то, на что он очень и очень рассчитывал, однако он почему-то не испытывал чувства удовлетворения. Бывало, демонстративное пренебрежение муж-

чин, чьим обществом правительница дорожила, производило на нее немалое эмоциональное воздействие. С момента появления здесь Хедрок дважды был тому свидетелем. Но кажется, на этот раз дело обстояло несколько иначе. Да, именно так, убедился он, увидев кривую усмешку на устах императрицы.

— Весьма сожалею, джентльмены, но у вас сложилось неверное представление. Прошу извинить меня за резкие слова, которые, кажется, дали основание думать, будто мое решение относительно капитана Хедрока носит сугубо личный характер. Нет, просто меня крайне обеспокоило открытие, что он шпион.

Ее слова произвели впечатление. Они прозвучали достаточно убедительно, и мужчины, молча выслушав ее, больше не заводили разговор между собой. Хедрок сидел, откинувшись в кресле, и с каждой секундой все больше осознавал свое поражение. Он склонялся к мысли, что побудительной причиной для вынесения приговора явился не шпионаж, а нечто другое, весьма и весьма серьезное, пока еще недоступное его пониманию.

Необходимо было предпринять нечто чрезвычайное.

И он погрузился в раздумья. Длинный стол под белой атласной скатертью, два десятка мужчин, сидевших за ним, отошли на второй план, уступив место лихорадочным поискам выхода. Дабы круто изменить наметившийся ход событий, нужно выкинуть что-то сногсшибательное. Но тут до него дошло, что уже какое-то время говорил принц дель Куртин:

— ...Нельзя же голословно обвинять человека в шпионаже и полагать, что мы сразу поверим. Мы знаем — когда вам очень нужно, вы можете быть самой изобретательной выдумщицей на всем белом свете. Если бы я предвидел, что случится нечто подобное, непременно пришел бы сегодня утром на заседание кабинета. Вы готовы, Иннельда, представить хоть какие-то доказательства?

Хедрок заерзал в кресле. Ближнее окружение императрицы в основном одобрило приговор, даже не потрудившись задуматься над его мотивами и обоснованием. Следовательно, чем скорее эти люди перестанут болтать, тем лучше. Но тем большую осторожность необходимо проявлять ему. Надо

повернуть дело так, чтобы императрица пошла на попятную. В какой именно форме — не имеет значения.

Когда императрица заговорила, голос у нее был мрачноватый и напряженный, хотя она пыталась сдерживать себя:

— Весьма сожалею, но прошу вас поверить мне на слово. Возникла весьма серьезная ситуация. Она была единственной темой для обсуждения на сегодняшнем заседании кабинета. Уверяю вас: решение о казни капитана Хедрока принято единогласно, хотя лично я огорчена тем, что возникла столь печальная необходимость.

— Иннельда, я был лучшего мнения о вашем интеллекте,— заметил Хедрок.— Уж не думаете ли вы, будто я разузнал об очередном злокозненном выпаде против Торгового дома оружейников — кстати, явно бессмысленном и совершенно бесполезном — и теперь вознамерился сообщить им об этом пустяке?

Правительница обожгла его взглядом.

— Я вовсе не собираюсь раскрывать все наши карты,— чеканила она, словно била молотом по наковальне.— Не знаю, какие средства связи вы используете для контакта с вашим начальством, но мне известно, что они существуют. Мои физики постоянно регистрируют на своих приборах мощные волны дальней связи.

— Исходящие из моей комнаты? — мягко спросил Хедрок.

Она взглянула на него в упор, сердито кривя губы. В ее голосе не звучало полной уверенности:

— Вы не посмели бы прийти сюда, если бы все было столь очевидно. И довожу до вашего сведения, сэр, что не намерена вступать в пререкания.

— Хотя даже не представляете себе, о чем идет речь,— молвил Хедрок так спокойно, как только мог.— Я сказал все необходимое, дабы доказать свою невиновность, когда открыл никому здесь не известный факт, и могу повторить: в возрасте шестнадцати лет вы одну ночь провели в постели с живой змеей.

— Вот-вот! — воскликнула императрица. Она задрожала от радости.— Начинаются признания. Итак, вы предполагали, что придется защищаться, и приготовили неотразимую реплику.

Хедрок пожал плечами:

— Против меня что-то готовилось. В течение последней недели мою квартиру обыскивали каждый день. Меня принуждали выслушивать скучнейшие монологи увешанных орденами болванов из военного министерства. Я оказался бы круглым дураком, если бы не просчитал все возможные варианты.

— Никак не возьму в толк,— вступил в разговор один молодой человек,— при чем тут змея? Каким образом ваша осведомленность о ней доказывает вашу невиновность?

— Не будьте таким ослом, Мэддерн,— заметил принц дель Куртин.— Все очень просто. Торговый дом оружейников знал интимные подробности жизни дворца Иннельды задолго до того, как здесь появился Хедрок. То есть система шпионажа существует давно и более опасна, более изощренна, чем мы предполагали раньше. Следовательно, обвинение против капитана Хедрока состоит в том, что он, видимо, по беспечности не рассказал нам о ней своевременно.

В голове Хедрока вертелось: еще не пора, еще не пора. Очень скоро и весьма неожиданно может случиться нечто непредвиденное, и тогда он должен будет действовать быстро, решительно, точно определив время удара. Вслух он произнес ровным голосом:

— О чем вы беспокоитесь? За последние триста лет у Торгового дома оружейников не было ни малейшего намерения свергнуть имперское правительство. Я знаю абсолютно точно, что луч-информатор используется с огромной осторожностью. Он ни разу не применялся ночью, за исключением того случая, когда ее величество приказала изъять из зоопарка змею. Две ученые дамы, в ведении которых находится приемная установка, продолжали наблюдение из собственного любопытства. Конечно, такой неординарный эпизод был занесен в досье. Может быть, вам небезынтересно узнать, ваше величество, что по этому поводу было написано два психологических сочинения, в том числе нашим величайшим ноуменом Эдвардом Гонишем.

Краем глаза Хедрок видел, как стройное, гибкое тело женщины подалось вперед, губы чуть приоткрылись, глаза распахнулись с неподдельным интересом.

— Что же он там насочинял про меня? — произнесла она очень тихо. Казалось, она вкладывает в слова все свое существо. Потрясенный Хедрок понял, что его час наступил. Вот теперь, подумал он, *теперь!*

Его била дрожь. Он ничего не мог поделать с собой, впрочем, ему было все равно. Приговоренный к смерти, конечно, должен испытывать сильное волнение, в противном случае он не человек и недостоин сострадания. Его голос, перекрыв шум разговоров за дальними столами, звучал неистово и страстно. Правда, в этом не было особой нужды — женщина и без того впилась в него широко открытыми глазами. Полуребенок, полугений, она всем своим сильно чувствующим эмоциональным существом жаждала чего-то необыкновенного.

— Должно быть, все мы безумны,— проговорил Хедрок.— Вы постоянно недооцениваете Торговый дом оружейников и их бурно развивающиеся научные исследования. Мысль, будто я прибыл сюда как шпион и меня интересует какая-то ничтожная тайна правительства, совершенно абсурдна. Мое присутствие имеет одну лишь цель, и императрица прекрасно осведомлена о ней. Если ее величество покончит со мной, она умышленно убьет то хорошее и выдающееся, что в ней есть. Хотя, насколько могу судить, представители рода Ишеров в самый последний момент избегали самоубийственных действий.

Императрица нахмурилась и приняла обычную позу, откинувшись в кресле.

— То, что вы сказали о своей цели, свидетельствует лишь о вашей ловкости,— заметила она.

Хедрока прервали, но не смутили, он не собирался уступать инициативу.

— Очевидно, вы забыли историю,— с жаром продолжал он,— или утратили реальный взгляд на вещи. Оружейные заводы были основаны несколько тысячелетий назад человеком, считавшим, что бесконечная борьба разных группировок за власть — безумие, а гражданские войны, как и все другие, должны быть навсегда прекращены. В те годы только-только отгремела война, в которой погибло более миллиарда человек. И он, основатель заводов, обрел тысячи сторонников, решив-

ших идти с ним до конца. Его идея была проста: никакое действующее правительство не будет свергнуто. Но вместе с тем учреждается организация, единственная цель которой — дать гарантии, что правительство никогда не станет обладать всей полнотой власти над своим народом.

Хедрок перевел дух:

— Любой человек, считавший себя несправедливо обиженным, получил полное моральное право покупать оружие для самозащиты. Это стало возможным, когда изобрели электронную и атомную систему контроля, позволившую возвести неподдающиеся разрушению заводы и производить исключительно оборонительное оружие. Гангстеры и преступники уже не могли им воспользоваться для нападения.

Сначала люди думали, что Торговый дом оружейников представляет собой нечто вроде завуалированной антиправительственной организации, которая станет защищать их интересы. Но время шло, а Торговый дом не вмешивался в дела династии Ишер. Защищать собственную жизнь и достоинство было делом каждого человека или группы лиц. Предполагалось, что люди сами научатся постоять за себя, а власть имущие, обычно стремящиеся закабалить их, будут вынуждены сознательно сдерживать эти порывы. И таким образом между теми и другими возникнет более или менее устойчивое равновесие.

Однако оказалось необходимым предпринять еще один шаг, на сей раз для защиты не от правительства, а от не в меру алчного частного предпринимательства. Пути развития цивилизации настолько усложнились, что простые смертные не могли противостоять агрессивным бизнесменам, пускавшимся во все тяжкие ради сверхприбылей.

Хедрок заметил, как встревожилась императрица. Ее нельзя было заподозрить в любви к Торговому дому оружейников, да он и не собирался менять ее отношение к ним. Его цель состояла в том, чтобы довести до сознания окружающих абсурдность ее подозрений. И он перешел к главному.

— Во дворце не совсем ясно представляют, что Торговый дом оружейников в силу своих потрясающих научных достижений могущественнее правительства. Конечно, оружейники понимают, что народ может не поддержать их, если они, пре-

небрегая здравым смыслом, свергнут императрицу и тем самым подорвут стабильность отношений — основу сосуществования. *Тем не менее их превосходство несомненно.* Уже из-за одного этого обвинения императрицы в мой адрес беспочвенны, и их мотивы, очевидно, совершенно иные.

Хедрок почувствовал, что драматизм нарастает, и замолчал. Главное он сказал, атмосферу накалил, теперь требовалась разрядка, и они ее получат — только несколько неожиданную.

— Чтобы вы уяснили всю значительность научных достижений оружейников, хочу сообщить, что Торговый дом обладает удивительно тонким аппаратом, который может предсказать кончину человека. Шесть месяцев назад, незадолго до прибытия во дворец, ради собственной забавы я получил сведения о том, когда умрут члены имперского кабинета и многие здесь присутствующие.

Теперь они были у него в руках. Сидели как завороженные, впившись в Хедрока лихорадочными глазами. Но он не позволил себе упустить инициативу. С усилием поклонился чуть побледневшей правительнице и торопливо продолжил:

— Счастлив объявить, ваше величество, что вам предстоит долгая, неизменно благополучная жизнь. К сожалению,— в его голосе послышались печальные нотки,— здесь присутствует джентльмен, которому судьба предопределила умереть сегодня... и даже в этот час.

Он не стал упиваться произведенным эффектом. Нельзя было терять ни секунды. Того и гляди, его обман откроется, и все пойдет прахом.

— Генерал Грэлл! — громко сказал он, повернувшись к столу, за которым сидели военные.

— При чем тут я? — с опаской спросил генерал, которого обязали исполнить приговор.

Хедрок успел отметить, что в зале установилась томительная тишина. Сознавая, что все внимание сосредоточилось на нем, Хедрок набрал полные легкие воздуха, напряг диафрагму и звонко выкрикнул:

— Генерал Грэлл, если вам суждено умереть, то отчего бы это? Вы больны?

Человек с массивным подбородком медленно встал из-за стола.

— Я чувствую себя прекрасно! — прорычал он.— О чем речь, черт бы вас побрал?

— Сердце не беспокоит? — настаивал Хедрок.

— Нисколько.

Хедрок оттолкнул кресло и вскочил на ноги. Он пошел ва-банк, и любая ошибка стоила бы ему слишком дорого.

Резким движением он вскинул руку и неучтиво наставил на генерала палец.

— Вы генерал Листер Грэлл, не правда ли?

— Вот именно, капитан Хедрок. Но я крайне возмущен вашей выходкой...

— Генерал,— оборвал его Хедрок,— а я с бесконечным сожалением должен сообщить, что, по имеющимся данным, сегодня ровно в тринадцать часов пятнадцать минут вы умрете от сердечной недостаточности. Вот в эту минуту, в эту секунду!..

Тут уж медлить было нельзя. Хедрок согнул палец с перстнем, и у него возникло ощущение, будто в той руке, что указывала на генерала, невесть откуда возник пистолет, невидимый со стороны.

Это было не тяжелое изделие, продающееся в обычной оружейной лавке, а скорее творение волшебника, специальный «анлимитед» — оружие безотказное, не требующее перезарядки. Его никто не держал в руках, оно никогда не демонстрировалось на выставках и было рассчитано на применение в сугубо экстремальных ситуациях. Недоступное человеческому глазу, будучи нацелено на пульсирующую материю, оно прерывало пульсацию.

Что и произошло — мышцы сердца генерала Грэлла, словно зажатые в тиски, были парализованы.

Хедрок разжал руку. Пистолет дематериализовался.

Что тут началось! Все всполошились, возникла общая паника. Хедрок подошел к императрице и склонился перед ней. Она выглядела абсолютно, даже сверхъестественно спокойной, и Хедрок не мог подавить в себе волну восхищения. Она была эмоциональной женщиной, но в критические моменты, когда требовалось принять жизненно важные решения, проявляла необычайную твердость характера, унаследованную от Ишеров. Он заглянул в невозмутимую зелень ее глаз,

вдруг вспыхнувших, как ему показалось, изумрудными огоньками, и преисполнился надеждой на ее совершеннейшее здравомыслие.

— Наверное, вы сами понимаете,— сказала она,— что косвенно во всем признались, убрав генерала Грэлла.

Он не стал ничего отрицать пред ликом божественного существа, в которое она превратилась в эти мгновения, показавшиеся ему столь долгими.

— Мне сообщили о смертном приговоре,— вымолвил он,— и о том, кто приведет его в исполнение.

— Значит, вы признаетесь?

— Я соглашусь со всем, что бы вы ни сказали, коль скоро вы осознаете, что я стою на страже ваших интересов.

Она взглянула на него с недоверием.

— Человек, выступающий с позиций Торгового дома оружейников — организации, борющейся против меня, говорит о моих интересах?

— Я не являюсь,— тщательно подбирал слова Хедрок,— никогда не был и никогда не буду человеком, выступающим с позиций Торгового дома оружейников.

На лице ее выразилось удивление.

— Я почти верю этому,— кивнула она.— В вас есть что-то странное — я должна понять, что именно...

— Я когда-нибудь вам расскажу. Обещаю.

— А вы, кажется, уверены, что я не отдам приказа о вашей казни какому-нибудь другому офицеру.

— Я уже говорил: Ишеры не доводят себя до самоубийства.

— Вы все о том же... Какое невероятное самомнение! Ну, бог с вами. Дарую вам жизнь, но в данный момент вы должны покинуть дворец. Вам не удалось убедить меня, будто всемогущий луч-информатор все еще действует.

— Неужели?

— Когда мне было шестнадцать лет, возможно, у вас имелось такое средство шпионажа и вы подглядывали за нашей жизнью, но сейчас весь дворец огражден защитными экранами. Через них проникают только волны двусторонней связи. Другими словами, должно быть передающее устройство внутри и приемное устройство снаружи.

— Вы очень умны,— ответил Хедрок.

— Что же касается возможности заглядывать в будущее,— продолжала императрица,— да будет вам известно, о путешествии во времени вне всяких пределов мы знаем столько же, сколько Торговый дом оружейников. Перемещение туда и обратно ни для кого не секрет, хотя оно и не приводит ни к чему хорошему. Ну, ладно. Я хочу, чтобы вы покинули нас на два месяца. Возможно, я вызову вас раньше. Кстати, передадите Высшему совету Торгового дома следующее сообщение: то, что я делаю, не представляет никакой опасности для оружейников. Клянусь честью!

Хедрок долго не спускал с нее глаз. Наконец мягко сказал:

— Я передам подробнейшее сообщение. Не имею ни малейшего понятия о том, что вы делаете сейчас или собираетесь делать в дальнейшем, но одна ваша черта привлекла мое внимание. В крупных шагах политического или экономического плана, которые мне довелось наблюдать за последнее время, вы придерживались консервативных установок. Откажитесь от них. Грядут перемены. Пусть они наступают. Не противодействуйте, а направляйте их, руководите ими. Поднимите еще выше престиж знаменитой династии Ишеров.

— Благодарю за совет,— произнесла она сухо.

Хедрок поклонился.

— Буду с нетерпением ждать весточки через два месяца,— сказал он.— До свидания.

Гул возобновившихся разговоров нарастал за спиной, когда Хедрок дошел до богато украшенных дверей в дальнем конце зала. В коридоре, где его никто уже не видел, убыстрил шаг. Вошел в лифт, нажал кнопку с обозначением «крыша». Подъем был долгий, и он занервничал. В любую минуту, в любую секунду настроение императрицы могло измениться.

Лифт остановился, створки раскрылись. Он вышел и только тогда увидел большую группу мужчин. Они двинулись навстречу двумя шеренгами, охватывая его справа и слева. Они были в штатском, хотя не составляло труда определить в них полицейских.

В следующее мгновение один из них сказал:

— Капитан Хедрок, вы арестованы.

Глава 3

Хедрок стоял на крыше дворца в окружении двух десятков людей и недоумевал, как это он, баловень судьбы, которому всегда сопутствовала удача, угодил в ловушку. Оказать сопротивление? Слишком уж много тут молодцов, пожалуй, они сумеют пресечь любые его поползновения. Но и сдаваться он не намерен. Императрица, отдавая приказ о его задержании, должна была понимать: в этой ситуации у него нет другого выхода, кроме как пойти на крайние меры, используя все имеющиеся средства защиты. Пора состязания умов, уязвленного самолюбия и реверансов миновала!

— Что вам нужно?! — взорвал тишину его громовой голос.

В былые годы не раз бывали случаи, когда густой баритон Хедрока, в своей мощи походивший на оглушительный рев, парализовал волю людей гораздо более солидных, чем те, что стояли вокруг него на крыше. Увы, сейчас этого не произошло.

Хедрок смутился. Выходит, зря напряг мышцы, готовясь пронестись сквозь строй остолбеневших простофиль, дабы преодолеть какие-нибудь двадцать пять футов. Ему мучительно было видеть почти рядом серебристый автоплан, еще мгновение назад казавшийся столь достижимым. Пробиваться силой? С одним пистолетом против двадцати? Конечно, его «анлимитед» не чета тем, что продаются в оружейных лавках. С восемью противниками вокруг него он быстро справился бы, а с остальными? К тому же, вероятно, они запаслись бластерами — оружием тоже нешуточным...

Крепко сбитый молодой человек — тот самый, что произнес: «Вы арестованы»,— прервал невеселые думы Хедрока:

— Не предпринимайте опрометчивых действий, мистер оружейник Джонс,— отчеканил он.— Советую держаться спокойно!

— Джонс!..— невольно повторил Хедрок.

Когда изумление прошло, он почувствовал себя значительно увереннее. Казалось, совершилось невозможное — появился шанс на спасение. Он быстро овладел собой и оценивающе, но без тревоги обвел взглядом стоявших поодаль стражников, которые совершенно безучастно наблюдали за происходящим:

на их лицах не было ни тени подозрения. Хедрок вздохнул с облегчением и сказал:

— Я подчиняюсь.

Люди в штатском взяли его в кольцо и повели к автоплану. Едва они вошли в салон, аппарат взмыл в небо. Хедрок опустился в кресло рядом с молодым человеком, назвавшим пароль, но заговорить смог не сразу.

— Очень смело сработано,— сказал он дружелюбно,— дерзко и эффектно. Хотя, признаюсь, вы заставили меня поволноваться.

Хедрок засмеялся, восстановив в памяти недавний инцидент на крыше дворца, хотел еще что-то сказать, но осекся — молодой человек, сидевший рядом, никак не реагировал на его слова, даже не улыбнулся. Несколько странно с его стороны, подумал Хедрок, заподозрив неладное.

— Простите, как вас зовут? — спросил он у молодого человека.

— Пелди,— отрывисто вымолвил тот.

— Кому пришло в голову снарядить вас?

— Члену Совета Питеру Кадрону.

— Понятно,— кивнул Хедрок.— Кадрон подумал, что мне придется с боем пробиваться на крышу и, если я до нее доберусь, понадобится помощь.

— Не сомневаюсь,— произнес Пелди,— что это в какой-то степени оправдывало наше появление.

Слишком уж сдержанным тоном говорил молодой человек. Холодок, исходивший от него, все больше настораживал Хедрока. Он мрачно глянул сквозь прозрачный пол на проносящийся внизу городской пейзаж. Автоплан на хорошей скорости летел над Империал-Сити. Хедрок почувствовал вдруг всю тяжесть бремени, взваленной им на себя: он задал себе цель, в достижении которой отнюдь не был уверен. Да тут еще тайна его бессмертия — о чем никто не должен знать... Ладно, а что ему предстоит в ближайшем будущем?

— Куда же вы намерены меня доставить? — поинтересовался он.

— В отель,— буркнул Пелди.

Отель «Ройял Ганил» был штаб-квартирой Торгового дома оружейников. Выходит, мелькнуло в голове Хедрока, затевается нечто достаточно серьезное.

Отелю «Ройял Ганил» скоро будет двести лет. И стоил он, если не изменяет память, семьсот пятьдесят миллиардов. Массивный фундамент огромного здания располагался на площади почти четырех городских кварталов. Стены пирамиды устремлялись вверх ступенчатыми ярусами, и с каждого, по законам архитектуры того времени, низвергались водопады. На высоте тысячи двухсот футов здание венчалось садом правильной формы со сторонами по восемьсот футов. Благодаря искусному дизайну, создававшему оптический обман, границы строгого квадрата как бы размывались.

Хедрок построил это здание в память о выдающейся императрице из рода Ишеров, причем в каждой комнате предусмотрел трансмиттерную установку, которая в нужный момент позволяла ему исчезнуть, переместившись в пространстве.

В действие установка приводилась одним из перстней, к несчастью, оставшимся во дворце. Отчаяние охватило Хедрока, когда он шел в сопровождении своего эскорта к ближайшему лифту. Впрочем, во дворце он поступил вполне благоразумно, решив надеть только перстень-пистолет, дабы никто не заподозрил, что у оружейников есть и другие выдающиеся изобретения. Правда, в тайниках, разбросанных по всему отелю, находились запасные перстни, но было весьма сомнительно, что ему удастся улучить минутку и, отойдя в сторону от бдительных стражников, заручиться новым приспособлением.

Лифт остановился, прервав размышления Хедрока. В неотступном окружении хмурых лиц он очутился в широком коридоре перед дверью со светящейся надписью:

КОРПОРАЦИЯ «МЕТЕОР»
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Насколько знал Хедрок, вывеска соответствовала действительности лишь наполовину. Гигантская фирма в самом деле занималась добычей и обработкой металла, но была законспирированной дочерней компанией Торгового дома оружейников, который, не вмешиваясь в ее производственную деятельность, с немалой пользой для себя обделывал собственные, весьма разносторонние дела и делишки под прикрытием вы-

вески самой корпорации и ее многочисленных отделений, разбросанных по всему свету.

Хедрока препроводили в первое помещение — кабинет огромных размеров. Вскоре массивная дверь в противоположной стене отворилась, и из нее вышел высокий, весьма приятный мужчина средних лет. Они знали друг друга. Однако тот, хотя и улыбался дружелюбно, не слишком спешил навстречу.

— Ну, мистер Хедрок,— сказал он,— как поживает императрица?

Улыбка на лице Хедрока получилась натянутой. Его несколько насторожило поведение великого ноумена.

— Счастлив сообщить, мистер Гониш, что она пребывает в добром здравии.

Эдвард Гониш заразительно рассмеялся.

— Боюсь,— вымолвил он,— подобная новость приведет в уныние очень многих людей. Кстати, в последнее время Высший совет пытается проникнуть в тайну императрицы, используя мою интуицию. Я анализирую досье на известных и потенциально великих людей. Сведения слишком скудные — меньше тех десяти процентов, которые мне необходимы. Пока дошел до буквы «М» и могу дать лишь предварительное заключение. Если императрица скрывает изобретение, то, вероятно, оно относится к межзвездному полету. Впрочем, мои выводы основаны не только на интуиции.

Хедрок нахмурился.

— Межзвездный полет! Она была бы против...— Он замолчал, затем воскликнул: — А ведь вы правы! И кто же изобретатель?

Гониш снова засмеялся:

— Не торопитесь. Я еще не все проверил. Но если вам интересно, мое внимание привлек ученый по имени Дерд Кершоу.

Однако тут выражение его глаз изменилось. Он взглянул на Хедрока с явным подозрением. Потом спросил с тревогой в голосе:

— Черт возьми, Хедрок, в чем дело? Что вы натворили?

Неожиданно Пелди, офицер тайной полиции, шагнул вперед.

— Право, мистер Гониш, арестованный не должен...

— Не забывайтесь! — резко оборвал тот.— Отойдите в сторону и не прислушивайтесь. Мне нужно поговорить с мистером Хедроком наедине.

Пелди покорно склонил голову:

— Прошу прощения, сэр. Виноват.

Он отступил к двери и жестом подозвал своих людей, оставив собеседников один на один.

Итак, этот Пелди снова назвал его арестованным. Конечно, Хедрок догадывался о худшем, но гнал от себя мрачные мысли, стараясь думать, что он лишь подозреваемый. Если ни в чем не признаваться, льстил он себя надеждой, члены Высшего совета вряд ли будут настаивать на подробном разбирательстве.

— Я предложил, чтобы дело передали мне,— вновь заговорил Гониш.— У меня свои методы. Но они и слушать не пожелали. Плохой признак, на мой взгляд. А вы как полагаете?

— Я знаю лишь одно,— сказал Хедрок,— их взволновала решимость императрицы меня повесить. Они снарядили спасательный отряд и выкрали меня из дворца, но... подвергли аресту. Попал из огня да в полымя.

Гониш стоял в задумчивости.

— Если бы вы каким-нибудь образом отделались от них...— сказал он.— Меня не посвятили в обстоятельства дела и, конечно, не снабдили сведениями об индивидуальной психологии членов Совета, поэтому неразумно полагаться на мою интуицию. Но если бы вам удалось настоять на судебном разбирательстве со слушанием сторон, это была бы частичная победа. Высокомерия членам Совета не занимать, так что не следует беспрекословно подчиняться их решениям как исходящим от Господа Бога.

Гониш, нахмурив брови, двинулся к двери, а Пелди тем временем подошел к Хедроку.

— Сюда, сэр,— сказал молодой человек.— Члены Совета примут вас незамедлительно.

— Вот как...— произнес Хедрок. От теплого чувства, вызванного дружеским вниманием Гониша, не осталось и следа.— Не хотите ли сказать, что Совет заседает в соседнем зале?

Ответа не последовало, да Хедрок и не рассчитывал на него. Прямой, весь подобравшийся, он последовал за офицером тайной полиции и переступил порог. Дверь плотно затворилась.

Члены Совета, восседавшие за V-образным столом, устремили на него любопытные взгляды. Странная вещь — если бы два года назад он не отказался баллотироваться в Высший совет, тоже сидел бы здесь, среди людей разного возраста и способностей — от тридцатилетнего Ансила Неера, блестящего администратора, до седовласого Бейда Робертса. Впрочем, не все лица были ему знакомы — уж слишком их много. Хедрок начал считать присутствующих, думая о словах Гониша: «Добивайтесь судебного разбирательства!» — что означало: сбейте с них спесь. Хедрок закончил подсчет, и ему стало както неуютно. Тридцать! Высший совет в полном составе! Что же такое они пронюхали, раз собрались все вместе? Он представил себе этих руководителей высокого ранга в их штаб-квартирах на Земле, на спутниках, на Марсе или Венере. И где бы они ни находились, они все прошли через свои вибротрансформаторы и в ту же секунду оказались здесь.

Ради него. И так неожиданно. Более чем странно и весьма тревожно. Хедрок, ощущая себя человеком неординарным, современником двух-трех поколений сидящих перед ним людей, а также и многих других, которые жили и умирали, жили и умирали, умирали, умирали на его глазах, расправил плечи и спросил громовым раскатистым голосом:

— В чем же меня обвиняют?

Он вложил в эти слова всю незаурядную силу своих тренированных легких, полагаясь на огромный опыт общения с представителями всех сословий и человеческих рас.

Члены Совета, сидящие на некотором возвышении за освещенным столом, зашевелились, заерзали, в недоумении поглядывая друг на друга. Наконец Питер Кадрон тяжело поднялся на ноги.

— Меня попросили выступить от имени Совета,— сказал он,— поскольку я выдвинул обвинения против вас.— Он посмотрел на коллег и мрачно продолжал: — Уверен, теперь всем вам абсолютно ясно, что из себя представляет мистер Хедрок. Удивительно, как лихо он продемонстрировал сейчас неко-

торые свои свойства, до сих пор тщательно скрываемые, и тем самым подтвердил наши догадки.

— Да уж,— поддакнул Дим Лили, администратор с грубыми чертами лица.— Прежде Хедрок казался мне человеком сдержанным и мягким в обращении. А тут вдруг, когда его приперли к стене, мечет громы и молнии.

— Вот именно,— добавил молодой Ансил Неер.— Мы кое-что выяснили и очень хотели бы получить исчерпывающие объяснения.

Хедрок поморщился и на минуту смешался. В его планы отнюдь не входило, чтобы его поведение истолковали превратно и пришли к выводу, будто он совсем не тот, за кого себя выдает.

— Так в чем же меня обвиняют? — вновь спросил Хедрок надменно.

Все молчали. Наконец Питер Кадрон сказал:

— Когда будет нужно, вы узнаете. Но сначала, мистер Хедрок, где вы родились?

Ах вот в чем дело...

Он не испугался. Скорее ему стало немного грустно и даже забавно при мысли, что наступил-таки час расплаты. Возможно, он в чем-то допустил промашку.

— У вас есть все мои данные,— наконец вымолвил он.— Я родился в Централии, штат Мидл-Лейксайд.

— Что-то вы помедлили с ответом,— придрался один из членов Совета.

— Я пытался сообразить,— невозмутимо пояснил Хедрок,— что стоит за этим вопросом.

— Как звали вашу мать? — спросил Кадрон.

Хедрок в удивлении остановил взгляд на лице вопрошающего: уж не думают ли члены Совета, что такой простой вопрос приведет его в замешательство?

— Делмира Марлтер,— ответил он.

— У нее было еще трое детей?

Хедрок кивнул:

— Два моих брата и сестра умерли в юношеском возрасте.

— А ваши отец и мать?

— Отец скончался восемь лет назад, мать — шесть.

Поразительно, как трудно было вымолвить последнюю фразу. Он буквально выдавил из себя эти печальные сведе-

ния о двух пожилых людях, которых никогда в глаза не видел, но о которых разузнал почти все.

— Итак, джентльмены,— с нотками удовлетворения в голосе произнес Кадрон, обводя взглядом членов Совета,— вырисовывается следующая картина: человек, чьи родители и все близкие родственники умерли, поступает на службу в Торговый дом оружейников, пройдя обычную процедуру оформления. Затем благодаря своим необыкновенным, как утверждают, способностям, быстро продвигается по служебной лестнице и занимает весьма высокое положение — то есть пользуется нашим большим доверием. А мы между тем даже не предполагаем, как много он о себе скрывает. Вскоре он убеждает Высший совет пойти на авантюру. Мы соглашаемся, поскольку встревожены поведением императрицы — не замышляет ли она чего-то против нас,— и решаем понаблюдать за ней более пристально. Теперь мы подходим к вопросу, требующему вдумчивого анализа. Не кажется ли вам странным, что из десятков тысяч способных мужчин, какими располагает наша организация, мы выбираем того единственного, кто вопреки логике в течение долгих шести месяцев пребывает в обществе императрицы Иннельды, привлекая ее интерес к себе?..

— И кого она только что отлучила от своей особы,— язвительно вставил Хедрок.— Вы ведь не поинтересовались, но именно это явилось причиной сегодняшней суматохи во дворце. К вашему сведению, меня изгнали на два месяца.

Питер Кадрон вежливо поклонился ему и обратился к членам Совета, молча сидевшим за столом:

— Будьте внимательны — сейчас я задам мистеру Хедроку вопрос по поводу его образования.— Серые глаза Кадрона сверкнули.— Итак? — спросил он.

— Моя мать преподавала в университете,— сказал Хедрок.— Она учила меня частным образом. Вы ведь знаете, что все богатые люди делали так в течение столетий. Конечно, мне приходилось периодически сдавать экзамены. Вы можете проверить: к заявлению о принятии в организацию приложены мои экзаменационные ведомости.

Кадрон мрачно улыбнулся.

— Все члены семьи значатся на бумаге, как и сведения об образовании. Кроме документальных, нет никаких иных подтверждений.

Плохо дело. Настолько плохо, что Хедрок даже не стал искать сочувствия в суровых лицах членов Совета. Случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Неизбежно. Ибо альтернативного выхода в его ситуации не существовало. Довериться какому-нибудь хорошему человеку, который в критический момент мог бы подтвердить подлинность его личности,— это чревато полным провалом. У людей всегда можно выведать правду, как бы дружески они ни были к тебе расположены, сколько бы ты им ни платил. А составленный по всем правилам документ вряд ли у кого-то вызовет подозрение. Хедрок гнал от себя мысль, будто Совет близок к раскрытию его тайны.

— Послушайте,— сказал он.— Чего вы добиваетесь? Если я не Роберт Хедрок, то кто же?

Выражение мрачного удовлетворения не сходило с лица Кадрона.

— Именно это мы и пытаемся выяснить,— резко произнес он.— Однако еще один вопрос. После того как родители вступили в брак, ваша мать уже не поддерживала отношений со своими университетскими друзьями, с бывшими коллегами?

Хедрок прикидывал, как лучше ответить, пристально глядя в глаза собеседнику.

— Все совпадает, не так ли, мистер Кадрон? — наконец произнес он глухим голосом.— Но вы правы. Жилье мы снимали. Отец по работе часто, каждые несколько месяцев, переезжал с места на место. Вряд ли вы найдете кого-нибудь, кто вспомнит моих родителей или меня. Мы действительно жили очень уединенно.

Он сам себе вынес обвинительный вердикт. И хотя это был искусный психологический ход, в его основе лежал чистый вымысел.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы заслушивать свидетельские показания. Торговый дом оружейников не проводит судебных расследований в прямом смысле слова, но приговоры выносит. При этом единственным критерием всегда является не доказательство вины, а сомнение в невиновности. Если бы вы занимали в нашей организации менее высокое положение, наказание было бы не столь значительным. Вас просто освободили бы от должности, предварительно

стерев в вашей памяти служебные тайны. Но беда в том, что вы слишком много знаете, и наказание должно быть суровое. Сами понимаете, в нашем положении нельзя поступать иначе. К счастью, мы основываемся не только на подозрениях, поэтому наша совесть чиста... Может быть, хотите что-нибудь добавить?

— Нет,— отрезал Хедрок.

Он не шелохнулся, стараясь трезво оценить ситуацию. Некогда в обстановке полной секретности он убедил руководство корпорации «Метеор» занять под конторы верхние этажи отеля «Ройял Ганил», поскольку ему казалось, что конспиративная штаб-квартира будет там в большей безопасности, чем где бы то ни было. Одновременно, преследуя собственные интересы, он изъял из этой части здания все перстни-активаторы и вибрационные установки, столь необходимые ему сейчас. Если бы он проявил тогда такую предусмотрительность, вон за той дальней панелью находился бы его перстень.

Между тем Питер Кадрон начал обвинительную речь:

— Естественно, прежде чем Совет пришел к решению, психологи быстро, но довольно тщательно проанализировали персональную карту Хедрока. И выявили экстраординарный факт.

Он замолчал, всматриваясь в лицо Хедрока, словно пытаясь что-то выведать по его выражению.

— Обнаружилось разночтение,— продолжал Кадрон,— между вашей действительной и потенциальной смелостью, отраженной в Рр-карте. Исходя из прежних данных, вы даже не задумались бы над тем, оставаться во дворце на чреватый опасностью обед или нет.

Кадрон снова умолк. Хедрок ждал, когда тот закончит. Пауза затягивалась, и Хедрок, обведя взглядом сидевших за столом людей, вздрогнул. Их лица не предвещали ничего хорошего. Сомнений не осталось: они его осудили.

Итак, специалисты сверились с его анамнезом, как сказали бы в старину. Рр-машина! Что он знает о новых способах исследований и о сложнейшей аппаратуре? Изобретение было сделано не менее тысячи лет назад. Изначально аппарат был похож на анализатор умственных способностей «Империал Ламбет». Затем он совершенствовался, расширялась сфера его применения, увеличивалась точность определения интел-

лекта, эмоциональной стабильности и прочих параметров. А ему этот аппарат был ни к чему — он и сам мог с пристрастием оценить свои умственные и психологические возможности. Во время периодических обследований он старался скоординировать уровень собственного развития и втиснуть его в ограниченные рамки той личности, какой хотел предстать перед Торговым домом оружейников.

Хедрок встрепенулся, словно загнанный конь перед стойлом,— у них же ни черта на него нет!

— Итак! — выпалил он столь резко, что у самого зазвенело в ушах.— Итак, я на пять процентов смелее, чем следует. Какая чушь! Смелость зависит от обстоятельств. В определенной ситуации даже заяц становится львом.

Он уже не осознавал, как крепнет, наливается силой голос. Убежденность в собственной правоте наряду с глубокой тревогой за свою судьбу придавали его словам страстное звучание.

— В каких заоблачных высотах вы витаете? Оглянитесь вокруг! Посмотрите, что творится! — будто хлыстом хлестал он.— Происходит нечто чрезвычайное. Это не пустой каприз скучающей императрицы. Она вполне сформировалась как личность в прямом смысле этого слова, если отбросить какие-то мелочи, и мы не имеем права забывать, что живем в пятом периоде правления дома Ишеров. В любой час можно ожидать наступления событий огромной важности — у девятнадцати миллиардов подданных ее величества зреет недовольство. Состояние умов критическое, ситуация взрывоопасная. Расширение границ научного прогресса меняет общественные отношения. В глубинах хаотических людских масс зарождается кризис огромной силы, пятый в истории цивилизации Ишер. Активность, проявляемую императрицей на данном этапе, можно объяснить только тем, что ее изобретатели близки к небывалому прорыву в очень важной области. Императрица сказала, что вызовет меня через два месяца, а может быть, раньше. Наверное, много раньше. У меня сложилось впечатление, почти уверенность, что это произойдет через два дня. В крайнем случае — через две недели.

Он распалился. Кадрон попытался было что-то вставить, но Хедрок, не обращая на него внимания, с жаром продолжал. Его голос заполнял всю комнату.

— Весь наличный персонал Торгового дома оружейников следует сосредоточить в Империал-Сити. Каждую улицу взять под наблюдение. Воздушный флот подтянуть поближе к городу. Все это уже должно быть сделано. И что же я здесь вижу? — Он остановился, затем с сарказмом добавил: — Высший совет тратит драгоценное время, обсуждая надуманную проблему — проявил ли отдельный человек смелость...

Он замолчал, с тоской сознавая, что никакого впечатления не произвел. Это было видно по непроницаемым каменным лицам. Тишину нарушил Питер Кадрон.

— Разница составляла не пять, как вы изволили заметить, а семьдесят пять процентов, и мы не могли не реагировать.

Хедрок вздохнул, признавая свое поражение, и почувствовал некоторое облегчение. Он с горечью понял причину этого. Раньше, несмотря на безвыходное положение, еще теплилась надежда. Теперь ее не стало. Вот он, кризис — результат научного прогресса, который, как он думал, был под его контролем. Он ошибался.

— Уверяю вас, мистер Хедрок,— Кадрон продолжал говорить спокойно и искренне,— мы все удручены неожиданно свалившейся на нас обязанностью. Но обстоятельства выше нас. Посвящу вас в детали: когда психологи обнаружили отклонение, Рр-машина вычертила два церебральных графика. При наложении нового графика на предыдущий, полученный при вашем последнем обследовании, выявилось семидесятипятипроцентное усиление каждой функции мозга. Повторяю: каждой функции, а не какой-нибудь отдельно взятой. В результате получен истинный коэффициент вашего умственного развития, составляющий невероятную величину — двести семьдесят восемь баллов.

— Вы сказали каждой функции,— подколол Хедрок.— Полагаю, идеализм и альтруизм в их числе?

Некоторые члены Совета посмотрели на него в смущении.

— Мистер Хедрок,— ответил Кадрон,— человек, наделенный подобным альтруизмом, относился бы к Торговому дому оружейников просто как к посреднику в большой игре. Мы не можем себе позволить никакого альтруизма... Но пойдем дальше. По правилам матричной алгебры... сложные конфигурации... график императрицы...

До сознания Хедрока доходили лишь отдельные термины — он углубился в собственные мысли. Научные выкладки словно заворожили его, и в тактически нужный момент он не прервал словоизвержения Кадрона. Хедрок был достаточно эрудирован, чтобы понимать: все эти графики мозговой деятельности и эмоций, выраженные математическими знаками, складывались в изящные конструкции и отображали скрытые человеческие побуждения. Он снова обратил внимание на Кадрона.

— Как я упомянул, проблема,— говорил Кадрон,— заключалась в том, чтобы точно определить время прибытия во дворец спасательного отряда, не раньше и не позже. На основании вашей старой Рр-карты было выяснено, что вам не выбраться из дворца живым, если не возникнет некая неизвестная величина третьей степени. Эта посылка была тотчас отвергнута — наука не может принимать во внимание какое-то там чудо. Поэтому во втором варианте за основу взяли час сорок пополудни с возможным допуском плюс-минус четыре минуты. Посадка была совершена в час тридцать пять. Две минуты ушло на проверку фальшивых удостоверений личности. В час тридцать девять вы вышли из лифта. Полагаю, мои доводы убедительны.

Какая-то чушь! Оказывается, за эти годы, пока он жил и строил планы, скрупулезно закладывая основу для их осуществления, право распоряжаться его судьбой перешло к Рр-машине — возможно, самому выдающемуся из всех изобретений человеческого разума. Хедрок был словно в тумане и поэтому не сразу понял, что Кадрон уже сел, уступив место другому члену Совета.

— Принимая во внимание тот факт,— говорил маленький седовласый человечек,— что это преступление не укладывается в обычные рамки, а также учитывая прежние заслуги, вы, мистер Хедрок, вправе знать следующее: мы относимся со всей серьезностью к тайной деятельности императрицы. К вашему сведению, молодой человек, здешний штат увеличен в пять раз. Вероятно, вы волновались и не заметили, что лифт с места посадки шел вниз гораздо дольше, чем обычно. Мы заняли еще семь этажей отеля, и наша организация находится в постоянной готовности. К огромному сожалению,

несмотря на ваш страстный призыв, я вынужден согласиться с мистером Кадроном. Торговый дом оружейников является тем, чем он является, и должен реагировать быстро и сурово на случаи, подобные вашему. Я поддерживаю решение: смерть — единственно возможный приговор.

За столом кивали головами.

— Да!

— Смерть.

— Немедленно...

— Погодите-ка! — Голос Хедрока перекрыл общий шум.— Вы сказали, что заняли дополнительно несколько нижних этажей. Значит, мы не в той части отеля, где раньше располагалась корпорация «Метеор»?

Члены Совета в недоумении уставились на Хедрока, а он, не ожидая ответа, устремился к покрытой орнаментом панели на темной полированной стене справа от него. Все оказалось гораздо проще, чем рисовало себе его сумасбродное воображение. Никто не остановил Хедрока возгласом, никто не вытащил пистолет. Достигнув заветной панели, он приложил к ней четыре пальца, придал им правильное положение и... на его указательный палец из укромного паза выскользнул перстень. Точно рассчитанным движением он направил бледно-зеленый лучик на вибрационную установку и шагнул в трансмиттер.

Хедрок очутился в знакомом помещении на расстоянии двух с половиной тысяч миль от Империал-Сити и не стал тратить время на лишний осмотр места. В подвале со сводчатым потолком привычно поблескивала аппаратура и мягко урчали работающие машины. Он подошел к выключателю на стене и нажал на него, приведя в действие колоссальный сгусток энергии.

Вот и все, подумал Хедрок, живо представив себе, как в отеле «Ройял Ганил» все перстни и виброустановки самоликвидируются, бесследно исчезают. Они свое сделали, послужив ему верой и правдой. Что же касается Торгового дома оружейников, то Хедрок горел желанием как можно скорее от него избавиться.

Хедрок направился к одной из дверей. Шагнул через порог и в тот же миг, осознав смертельную опасность, хотел от-

прыгнуть назад. Слишком поздно: двадцатифутовое чудовище кинулось на него. Сокрушительный удар лап отбросил Хедрока к стене, он кувырком покатился вдоль нее. Голова кружилась, подташнивало, сознание меркло. Он пошевелился, сделав попытку подняться, и увидел приготовившуюся к новому броску гигантскую белую крысу — из оскаленной пасти торчали грозные клыки...

Глава 4

Весь подобравшись, Хедрок ждал. Затем взревел во весь свой голос, угрожающие отголоски которого прокатились по комнате. Крыса, жалобно взвизгнув, метнулась в сторону и забилась в дальний угол, сжавшись там в комок, и Хедрок подумал, что последний ее резкий бросок отнял слишком много жизненных сил, и без того, очевидно, бывших на исходе. Крыса медленно завалилась на бок. Ее стекленеющие глаза были устремлены на Хедрока, когда он, пошатываясь, шел к клеткам с животными. Там он надавил на клавишу датчика, отключив программу ускоренного роста и развития.

Вернувшись обратно, Хедрок взглянул на жалкое существо, заползшее под сломанный стул. От могучего чудовища осталась малая часть — тельце грязно-белого цвета длиной не более шести дюймов. Она была еще жива, эта очень старая на вид крыса, и слабо шевельнулась, когда он поднял ее и понес через виварий в лабораторию. Там Хедрок положил ее в анализатор и ощутил теснение в груди. Собственно, это чувство жалости он испытывал не к несчастной крысе и не к какому-нибудь конкретному существу, а ко всем ныне живущим на земле. Ему вдруг стало одиноко в мире, где люди и бессловесные твари, едва появившись на свет, обречены промелькнуть под ярким солнцем, словно мотыльки-поденки, и исчезнуть без следа на веки вечные.

Хедрок отогнал эти мысли, решив проверить виварий. У крысиных семей, находившихся в разных клетках, все было в порядке. Они обзавелись новым потомством — судя по размерам молодняка, детеныши родились после того, как процесс был прерван огромной крысой, вырвавшейся на свободу.

Он не стал чинить дыру в большом металлическом загоне, только вновь надавил на датчик, тем самым возобновив автоматическое течение процесса. Сам по себе этот процесс был очень прост. Хедрок начал свой эксперимент тысячу лет назад, когда поместил несколько пар — мужских и женских особей — в четыре специально сконструированных домика. Кормежка происходила через определенное время. Клетки чистились при помощи оригинального струйного насоса.

У природы своя автоматика — через определенные, весьма небольшие периоды появлялся молодняк, подрастал, прибавляя в весе, и приводил в действие чувствительный противовес, вмонтированный в пол клетки. Как только вес крыс достигал заданной величины, оказывая соответствующее давление на висящий в воздухе пол, открывалась маленькая дверка, и крыса рано или поздно попадала в узкий коридор. Дверка за ней закрывалась, причем дверки из других домиков не могли открыться, пока коридор был занят. В конце коридора появлялась наживка, внутри ее был спрятан крошечный стимулятор роста — кстати, производства Торгового дома оружейников. Крыса проглатывала наживку, тепло ее тела нагревало стимулятор и приводило в действие реле, которое открывало дверку в свободный загон сорока футов в ширину, длину и высоту. Пол коридора начинал раскачиваться, и крысе ничего не оставалось, как выбраться оттуда. Она проходила в загон, дверь закрывалась и блокировала ей ход назад.

Изобилие пищи в загоне активизировало рост, чему в немалой степени способствовал стимулятор. Крыса быстро прибавляла в весе и превращалась в двадцатифутовое чудовище, чьи физиологические процессы убыстрялись пропорционально увеличению размеров тела. При подобном ускорении жизни быстро наступала смерть. Труп охлаждался при минусовой температуре, пол загона наклонялся, замороженная крыса соскальзывала на ленту конвейера и транспортировалась в анализатор, а оттуда в специальную емкость, где распадалась под воздействием лучей.

Весь процесс повторялся снова и снова на протяжении многих столетий. При этом Хедрок преследовал грандиозную по значимости цель — добиться в специальных опытах над животными того же, что в результате случайного облучения

множителем-вибратором произошло с ним пятьдесят пять веков назад. Получить бессмертную крысу, а вместе с ней бесценный материал для дальнейшего использования. Ведь если он преуспеет в своих изысканиях, можно будет всех людей наградить бессмертием.

Информационная карточка крысы, чуть не убившей его, поступила в картотеку наряду с тремя другими карточками, особая ценность которых заключалась в регистрации того, что некоторые органы продолжали функционировать и после смерти. Такие аномалии случались и раньше, и он тщательно исследовал их, не жалея времени. Судьба последней крысы особенно заинтересовала Хедрока, потому что она прожила девяносто пять лет. Не мудрено, что сумела выбраться на свободу. Продолжительность жизни — вот что отличало ее от сородичей, которые так же быстро набирали вес, приобретая гигантские размеры, но жили всего лишь несколько часов.

Экспериментатор подавил свое нетерпение — сейчас было не до научных занятий. Крыса подождет до лучших времен, он не уничтожит ее, а подвергнет консервации, как уже было с некоторыми другими. Прежде надо заняться жизненно важным делом, которое могло повлиять на само существование человечества.

Предстояло многое успеть, прежде чем Высший совет Торгового дома дезавуирует его, лишив влияния в организации. Хедрок быстро переоделся в рабочий костюм и прошел через трансмиттер.

Он оказался в одной из своих конспиративных квартир в Империал-Сити и посмотрел на часы; с момента исчезновения из отеля «Ройял Ганил» минуло десять минут. Почему бы не действовать смело, если вполне резонно допустить, что многим тысячам служащих Торгового дома пока ничего не известно о недавнем заседании Совета? Хедрок уселся перед телестатом и вызвал Центр информации этой организации.

— Говорит Хедрок,— представился он.— Мне нужен адрес Дерда Кершоу.

— Хорошо, мистер Хедрок,— оператор ответила, как всегда, быстро и учтиво, без малейшего намека на то, что его имя предано анафеме.

Вскоре в аппарате послышался знакомый щелчок.

— Досье мистера Кершоу у меня,— сказала другая женщина.— Прислать его вам или прочитать необходимые данные?

— Подержите его перед экраном,— распорядился Хедрок.— Я скопирую то, что нужно.

Изображение листа из досье появилось на его телестате. Он записал последний адрес Кершоу — Треллис Майнор Билдинг, 1874. Там же имелись сведения о прежних адресах Кершоу, его рождении, родителях и об образовании, которое он получил в детские и юношеские годы.

В правом нижнем углу стоял знак золотой звезды, который Торговый дом оружейников присваивал за особые заслуги. Вместе с тем он означал, что ученые организации считают Дерда Кершоу одним из двух или трех выдающихся специалистов в области физики.

— Так,— сказал Хедрок,— следующую страницу, пожалуйста.

Металлическая пластинка, такого же формата, как бумажный лист, хотя во много раз тоньше, исчезла, а затем появилась вторая. Она начиналась с того, на чем заканчивалась первая. Среднее образование, обучение в колледже, черты характера, оценки интеллекта, первые успехи, наконец, список изобретений и научных открытий.

Хедрок не стал читать этот список: к деталям можно вернуться позже. Он услышал имя Кершоу от ноумена Эдварда Гониша, и это была удача — нужно брать быка за рога, и как можно скорее. Благодаря той случайной встрече он обладал информацией, на которую еще никто не обратил внимания. У него были основания так считать. Правда, Гониш со своей интуицией не дал окончательного ответа по поводу Кершоу и межзвездного путешествия. Но его слова заставили задуматься. Может быть, в запасе еще час или даже день, дабы найти ключ к разгадке, не опасаясь вмешательства Высшего совета.

— Дайте последнюю страницу,— торопливо произнес он.

Страница появилась. Хедрок устремил взгляд на фамилии справа — список лиц, не так давно имевших доступ к досье. Кроме Эдварда Гониша там значился Дэн Нилан. Хедрок смотрел на вторую фамилию, прищурив глаза, а так как был взвин-

чен и насторожен, заметил то, что в спокойном состоянии наверняка пропустил бы. За фамилией Гониша стоял маленький штамп, означавший, что ноумен брал досье и затем вернул его. После фамилии Нилана такого штампа не было.

— Когда Нилан пользовался досье и кто он такой? — спросил Хедрок.

— Мы еще не удовлетворили до конца требование мистера Нилана, сэр.— Голос девушки звучал спокойно.— Когда вы запросили досье, мы перевели его сюда из отдела. Подождите минутку, пожалуйста. Я соединяю вас с нужным оператором.

Она с кем-то разговаривала, но Хедрок не видел с кем и не слышал слов. Последовала пауза. Затем на экране появилось лицо другой девушки. Она кивнула, когда поняла, чего хочет абонент.

— В данный момент мистер Нилан ожидает в оружейной лавке на Линвуд-авеню. Первый запрос касался его брата Джила Нилана, который исчез, кажется, год назад. Узнав, что последний адрес его брата совпадает с адресом Дерда Кершоу, он запросил сведения о Кершоу. Мы как раз их искали, когда вы вызвали нас, а ваш запрос пользуется приоритетом.

— Значит, Нилан все еще ждет в линвудской лавке? — поинтересовался Хедрок.

— Да.

— Придержите его там,— распорядился Хедрок,— пока я не доберусь до магазина. Мне понадобится пятнадцать минут, поскольку я не могу сейчас воспользоваться трансмиттером.

— Мы повременим с его запросом,— пообещала девушка.

— Благодарю вас,— сказал Хедрок и отключил связь.

Поспешно, хотя и с некоторым сожалением, Хедрок снял свой рабочий костюм. Держа его в руках, прошел через трансмиттер в лабораторию, а затем вернулся обратно. Облачившись в обычную одежду, он направился на крышу своего многоквартирного дома, а там к ангару, где держал личный автоплан.

Он не пользовался им несколько лет, поэтому проверил мотор, приборы, рычаги управления, потеряв несколько дра-

гоценных минут. Во время полета появилась возможность проанализировать ситуацию. Хедрока тревожило то, что пришлось снять костюм, который он называл рабочим. Но иного выхода не было. Свойства ткани комбинезона основывались на тех же энергетических принципах, что и стройматериал оружейных магазинов. Достаточно объемный, комбинезон мог нарушить энергетическую стабильность магазина, как, впрочем, и сам подвергнуться влиянию его энергии. Хотя основная опасность заключалась не в этом, а в воздействии на кожный покров человека. Энергетическое оружие — тот же перстень — занимало малую площадь и состоянию здоровья повредить не могло. Кроме того, Хедрок вмонтировал в комбинезон собственные приспособления, неизвестные Торговому дому оружейников, и не хотел, чтобы их обнаружили.

Ничто не настораживало его по мере приближения к Линвуд-авеню. Автоплан был снабжен чрезвычайно чувствительными приборами, которые засекли бы любой военный корабль, если бы тот завис высоко над городом в густой дымке. К тому же, по подсчетам Хедрока, для увеличения или уменьшения скорости космического корабля вблизи поверхности Земли требовалось пять минут.

Хедрок посадил автоплан около магазина и взглянул на часы. С тех пор как он прервал связь с Центром информации, прошло тридцать три минуты, а с момента побега из зала заседаний Совета — три четверти часа. Сведения о нем наверняка распространяются по огромной организации все дальше и дальше. Скоро они дойдут до служащих линвудского магазина. Это обязывало его действовать быстро. Тем не менее Хедрок вышел из автоплана и помедлил мгновение-другое, внимательно рассматривая фасад здания. На нем горели светящиеся буквы вывески:

ОРУЖИЕ ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА
ПРАВО ПОКУПАТЬ ОРУЖИЕ —
ПРАВО БЫТЬ СВОБОДНЫМ

Казалось, стоит лишь двинуться в ее направлении, и она повернется к тебе лицом, как всякая манящая реклама подобного рода. Множество разноцветных вывесок — неотъемле-

мая принадлежность всех главных улиц, где люди буквально пьянеют от яркого света. В известной мере приятное чувство, словно ног под собой не ощущаешь. Впрочем, кто хочет этого избежать, может принять таблетку — своеобразное противоядие — и тут же прийти в себя.

Все было как и раньше, ничто не вызывало у Хедрока подозрений. Цветы и зелень на лужайке перед входом дышали покоем. Надпись в витрине, хотя и меньшего размера, чем на фасаде, мало чем отличалась по содержанию:

САМОЕ СОВЕРШЕННОЕ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ
ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

Хедрок знал: реклама соответствует действительности. Он смотрел широко раскрытыми глазами на подсвеченную витрину с револьверами и винтовками и, к собственному удивлению, поймал себя на мысли, что в последний раз заходил в оружейный магазин более ста лет назад. Если бы не это обстоятельство, интерес к магазину не был бы столь острым. Он вдруг ясно осознал, какая это замечательная организация — Торговый дом оружейников с его магазинами в десятках тысяч больших и малых городов необъятной империи Ишер,— независимая, объявленная вне закона, но до сих пор непобежденная, в принципе бескорыстная оппозиция тирании. Было трудно поверить, но каждый оружейный магазин представлял собой неприступную крепость, хотя в прошлом правительство Ишер неоднократно предпринимало самые серьезные попытки стереть организацию с лица земли.

Хедрок устремился к двери. Потянул за ручку, но дверь не открылась. Он в замешательстве опустил руку и только тут сообразил, в чем дело. Разборчивая дверь не поддалась, так как он не переставал думать об акции, предпринятой против него Советом Торгового дома. Дверь реагировала на умонастроение очутившегося перед ней человека и никогда не впускала ни одного врага организации, ни одного приспешника императрицы.

Хедрок закрыл глаза, заставил себя расслабиться и постарался избавиться от мыслей, мучивших его в последний час. Затем повторил попытку.

Дверь распахнулась мягко, словно цветок, распускающий лепестки, только гораздо быстрее. Рука не почувствовала ни малейшего сопротивления, как будто протянулась к некоей божественно хрупкой нематериальной конструкции. Едва он переступил порог, дверь в тот же миг совершенно бесшумно закрылась за ним.

Через небольшой сводчатый холл Хедрок прошел в следующее помещение.

Глава 5

Там было тихо — с шумной улицы не доносилось ни звука. Глаза быстро освоились с мягким рассеянным светом, как бы стекающим со стен и потолка. Хедрок настороженно огляделся: по первому впечатлению, в помещении никого не было. Уж не значит ли это, несколько встревожился он, что Нилан не стал ждать?

А может быть, здешних служащих все-таки успели предупредить и ему устроили ловушку. Хедрок глубоко вздохнул, поборов возбуждение. Если это ловушка, шансы на спасение зависят от количества людей, которыми недруги готовы пожертвовать. Они ведь должны понимать — голыми руками его не возьмешь. С другой стороны, чему быть, того не миновать...

И он решил не утруждать себя лишними раздумьями по крайней мере на первых порах.

Лучше удовлетворить собственное любопытство, тем более тут есть на что посмотреть. Возле стен и посередине торгового зала размещалось около дюжины стеллажей и выставочных стендов с внутренней подсветкой. Рядом с входом демонстрировались четыре винтовки. Их вид привел его в трепет. Когда-то Хедрок углубленно занимался этим сложным энергетическим оружием, но поговорка «чем лучше знаешь, тем меньше почитаешь» была не про него.

Многие виды оружия все еще носили прежние названия: пистолет, револьвер, винтовка. На этом их сходство со старыми образцами заканчивалось. При всем многообразии форм и мощности они уже стреляли не пулями, а сгустками энергии. Некоторые из них при надобности могли поражать на

расстоянии в тысячу миль и приводились в действие теми же чувствительными элементами, что и дверь магазина. Как дверь не открывалась перед полицейскими, императорскими солдатами или людьми, относящимися недоброжелательно к Торговому дому, так и это оружие служило лишь для самообороны или отстрела некоторых животных во время узаконенной охоты. Обладало оно и другими специфическими особенностями — в частности, удивительным быстродействием.

Обогнув стеллаж, Хедрок увидел за следующим стеллажом колени человека, судя по всему сидящего на стуле. Он хотел было подойти и представиться, предположив, что это и есть Нилан, но тут отворилась дверь заднего помещения и появился пожилой служащий крепкого телосложения.

— Прошу прощения, мистер Хедрок,— сказал тот с извиняющейся улыбкой на губах.— Я услышал, как кто-то вошел снаружи, и подумал, что это вы. Но увлекся техникой и не мог оторваться.

По заискивающему тону можно было определить, что Хедрока все еше считают важной персоной в организации. Ради собственного успокоения Хедрок устремил на служащего проницательный взгляд и понял, что тому пока ничего не сообщили.

— Омистер Нилан,— громким голосом произнес служащий,— вот джентльмен, о котором я вам говорил.

Незнакомец поднялся на ноги.

— Несколько минут назад,— сказал служащий, обращаясь к Хедроку,— я взял на себя смелость сообщить мистеру Нилану о вашем предстоящем прибытии.— Он сделал паузу и продолжил: — Мистер Нилан, разрешите представить вам Роберта Хедрока, ответственного сотрудника Торгового дома.

Когда они обменялись рукопожатием, Хедрок ощутил на себе острый взгляд суровых темных глаз. Лицо Нилана покрывал сильный загар, и Хедрок предположил, что тот не так давно покинул какую-нибудь малую планету, плохо защищенную от прямых солнечных лучей.

Он пожалел о том, что в спешке не успел побольше разузнать о Дэне Нилане и его пропавшем брате. Оставалось лишь одно — уединиться с ним в безопасном местечке и поговорить там. Но тут вмешался служащий.

— Должен доложить, мистер Хедрок,— сказал он,— что к нам пришла почта мистера Нилана, переадресованная с Марса. У вас будет достаточно времени, чтобы пообщаться с ним.

Хедрок не ответил. Ничего не поделаешь, коли так уж распорядилась судьба. Женщины из Центра информации нашли простое решение вопроса — задержали Нилана в магазине, переслав сюда его почту с Марса через трансмиттер Торгового дома.

Конечно, можно попытаться выманить Нилана на какое-то время *из* магазина. Только удастся ли? Губы у того были плотно сжаты, глаза смотрели с прищуром, словно он ждал подвоха и нисколько не сомневался, что так оно и будет. Хедрок знал эту породу упрямцев — на них давить бесполезно. Придется обождать с предложением выйти из магазина, но ведь время, время поджимает!..

Он обратился к служащему:

— Речь идет о проблеме огромной значимости, и мне нужно переговорить с мистером Ниланом немедленно. Надеюсь, вы не сочтете меня бесцеремонным.

Тот улыбнулся.

— Оставляю вас наедине,— сказал он и прошел в заднюю комнату.

В ближнем углу стоял стул. Хедрок подтащил его, жестом показал Нилану на прежнее место и уселся сам.

— Буду с вами предельно откровенен, мистер Нилан,— начал он прямо, без обиняков.— У Торгового дома оружейников есть все основания полагать, что Дерд Кершоу и ваш брат изобрели межзвездный суперлайнер. Имеются доказательства, что императрица Ишер всеми силами старается не дать хода этому изобретению. Соответственно, над Кершоу и вашим братом нависла серьезная угроза — их могут ликвидировать или посадить в тюрьму. Жизненно важно узнать, где они строят свой суперлайнер и что с ними сейчас происходит.— Он спокойно добавил: — Надеюсь, вы расскажете мне все, что знаете.

Нилан отрицательно покачал головой. Он иронически, почти зловеще улыбнулся.

— Моему брату не грозит опасность быть убитым,— сказал он.

— Значит, вы знаете, где он? — спросил Хедрок с облегчением.

Нилан медлил с ответом. Когда же он заговорил, у Хедрока мелькнула мысль, что первоначально тот собирался выложить нечто существенное, но передумал.

— Что вам от меня нужно? — спросил Нилан.

— Ну, во-первых, кто вы такой? — поинтересовался Хедрок.

Выражение напряженности на лице Нилана несколько ослабло:

— Меня зовут Дэниел Нилан. Мы с Джилбертом Ниланом братья-близнецы. Родились в Лейксайде... Вы это хотите знать?

Хедрок улыбнулся самым дружественным образом:

— А в дальнейшем события развивались не слишком благоприятно, о чем свидетельствуют морщины на вашем лице...

— Теперь меня можно считать горняком на астероиде,— пояснил Нилан.— Последние десять лет я не появлялся на Земле. Долгое время пробыл на Марсе. Играл в карты. Два года назад выиграл у пьяницы по имени Кэрью астероид. Я его пожалел — вернул половину, и мы стали компаньонами. В диаметре астероид три мили — хороший кусок, начиненный «тяжелым» бериллием. На бумаге мы стоим миллиарды креди, но нужно еще года два для того, чтобы наладить производство, и тогда мы по-настоящему разбогатеем. Вот. А приблизительно год назад у меня появилось основание считать, что с братом что-то случилось.

Нилан замолчал. По его лицу пробежала тень.

— Вы когда-нибудь слышали об экспериментах, проводимых Институтом евгеники? — спросил он после паузы.

— Разумеется,— сказал Хедрок, начиная понимать, куда тот клонит.— Была проведена блестящая работа, особенно с идентичными близнецами.

Нилан кивнул:

— Это несколько упрощает дело.

Немного помолчав, он начал свой рассказ. Ученые забрали их, пятилетних близнецов, уже чутких друг к другу, и усиливали эту чувствительность, пока она не превратилась в некое слияние жизненных сил, образовав мир совместных ощущений. Взаимосвязь стала столь полной, что на коротком рас-

стоянии они могли читать мысли друг друга с ясностью, сравнимой с появлением электронного луча на экране местного телестата.

Те годы их близости отличались ничем не омрачаемой радостью. На следующем этапе, когда им было по двенадцать лет, ученые предприняли попытку развести их на общественном поприще, не нарушая при этом взаимосвязи нервных систем. Как ребенка кидают в глубокий водоем — утонет или выплывет, так Дэниела подвергли интенсивному воздействию цивилизации Ишер, в то время как Джилберта изолировали от внешнего мира и посвятили занятиям наукой. Постепенно их интеллектуальная близость сошла на нет. Хотя мысли все еще передавались, кое-что можно было утаить. У него, Дэниэла Нилана, выработалось удивительно сильное чувство старшинства по отношению к Джилу, тогда как Джил...

Мрачный человек на мгновение прервал свой рассказ, взглянул на Хедрока, затем продолжил:

— Я заметил, что формирование личности Джила идет по пути, отличному от моего, о чем свидетельствовала его реакция на мои амурные похождения. Это шокировало его, и я начал понимать, что между нами появились разногласия.— Он пожал плечами.— Прежде никогда не возникал вопрос, кто из нас покинет Землю. А в тот день, когда истек срок контракта с Институтом евгеники, я купил билет на Марс. И отправился туда с верой, что тем самым даю Джилу его собственный шанс в жизни. Только...— закончил Нилан упавшим голосом,— жизнь его оборвалась...

— Он умер? — спросил Хедрок.

— Да.

— Когда?

— Год назад. Поэтому пришлось вернуться на Землю. Я был на астероиде, когда почувствовал, что он погиб.

— Долго же вы сюда добирались,— отметил Хедрок. Фраза прозвучала довольно резко, и он быстро добавил: — Поймите, пожалуйста, я только пытаюсь ясно представить, что все-таки произошло.

— Небесные тела, мой астероид и Земля, находились по разные стороны от Солнца, а скорости их оборота по орбитам почти совпадают,— уставшим голосом проговорил Ни-

лан.— Только недавно астероид занял положение, при котором мы смогли рассчитать вполне приемлемую траекторию для нашего обычного грузового фрейтера. Неделю назад Кэрью высадил меня на одном из плохоньких северных космодромов. Он сразу же отправился обратно, но месяцев через шесть обещал забрать меня.

Хедрок кивнул: достаточно правдоподобная история.

— А что вы почувствовали, когда ваш брат умер? — спросил он.

Нилан заерзал на стуле.

— Боль,— выговорил он с трудом.— Джил умер в мучениях, внезапно, ни о чем не подозревая. Смертельная боль, крыльями моста перекинувшись через необозримые просторы между Землей и астероидом, привела в трепет всю мою нервную систему, тело содрогнулось в отчаянном сострадании. И в то же мгновение наступил конец необъяснимому напряжению, даже на таком расстоянии связывавшему нас, двух братьев-близнецов. С тех пор меня преследует звон в ушах,— закончил Нилан.

Наступила тишина, и Хедрок вдруг подумал, как катастрофически бежит время. Острота момента притупилась, пока он в течение долгих минут концентрировал свое внимание на жизненных перипетиях Нилана. А теперь, когда барьер недоверия сломлен, надо действовать. Пора уходить. Уходить немедленно! Поставленная цель превыше всего. Его охватила тревога. Он не мог не прислушаться к ней, поскольку знал, как никто другой, на что способен Торговый дом оружейников. Тем не менее он откинулся на стуле и спокойно взглянул на собеседника, трезво оценивая ситуацию. Нилана нужно взять с собой, но сделать это как можно деликатнее.

— Я бы не стал утверждать,— медленно покачал он головой,— будто эти прошлогодние события имели сколько-нибудь роковые последствия.

Темные глаза Нилана вдруг приобрели тусклый металлический цвет.

— Я понимаю: смерть одного человека редко имеет роковые последствия в широком плане,— вымолвил он упавшим голосом.— Мне неприятно говорить так о собственном брате, но это правда.

— И все же,— подхватил Хедрок,— произошло нечто серьезное. Ведь Кершоу тоже пропал.

Не дожидаясь ответа, Хедрок встал и подошел к пульту управления, который находился на противоположной стене. Все эти минуты он не забывал, что целая рота охранников Торгового дома могла ворваться через расположенный там трансмиттер. Нельзя этого допустить, надо быть готовым к отступлению. На пульте мирно мигали огоньки. Хедрок намеренно встал таким образом, чтобы Нилан ничего не видел. Быстро активизировал один из своих перстней и прожег крошечную дырочку в хрупкой схеме трансмиттера. Маленький огонек на панельной обшивке погас. Хедрок отвернулся от пульта. Напряжение несколько спало, но цель, мысль о которой никогда не покидала его, не позволяла сделать передышку. Он просто прикрыл свой фланг, ничего более. В заднем помещении магазина был другой трансмиттер, и Хедрок подозревал, что в этот самый момент через него проходят люди. А другие, наверное, садятся в бронированные машины, чтобы отрезать его от автоплана.

В таком отчаянном положении каждый рискованный шаг следует хорошенько продумать. Он подошел к Нилану.

— У меня есть адрес вашего брата. Нужно сейчас же обследовать его квартиру,— очень доверительно сказал Хедрок.— Уверяю вас: время слишком дорого! Можете дорассказать вашу историю в пути, а потом я заброшу вас сюда за почтой.

Нилан встал.

— Вообще-то я все рассказал,— произнес он.— Когда я прибыл в Империал-Сити, то раздобыл старый адрес брата и узнал...

— Минуточку,— прервал его Хедрок. Он подошел к двери, ведущей в заднее помещение, постучал и сказал: — Я забираю мистера Нилана с собой, но он вернется за почтой. Благодарю за содействие.

Не теряя ни секунды, Хедрок повернулся к Нилану:

— Пошли!

Нилан первым устремился к выходу.

— Я обнаружил, что брат только числился по месту своего жительства,— пояснил он.

Входная дверь мягко затворилась за ними.

— То есть вы утверждаете, что брат не жил по своему официальному адресу?

— Он не только не жил там, как объяснила квартирная хозяйка, но и разрешал ей сдавать комнату. Появлялся раз в месяц, обычно по вечерам, как требует закон, так что ее совесть была чиста.

Выбравшись из магазина, они пошли по дорожке прямо к автоплану. Нилан продолжал говорить, Хедрок слушал вполуха. Все его внимание было сосредоточено на небе. Там проносились летательные аппараты, но не длинные и темные, похожие на торпеды. Те мчались бы на огромной скорости — их приводила в действие ядерная энергия...

Хедрок открыл дверцу своей маленькой машины, пропустил Нилана вперед и поднялся следом. Через секунду опустился в кресло пилота, откуда открывался хороший обзор: к счастью, около магазина все было спокойно.

Автоплан взмыл в воздух, и Хедрок заметил, что Нилан рассматривает приборные доски. Судя по всему, у него был большой опыт.

— А здесь какие-то новинки. Это что такое? — Нилан показал на детекторную систему.

Приспособление относилось к тайнам Торгового дома оружейников, однако большой важности не представляло, поэтому Хедрок рискнул использовать его, несмотря на существующую вероятность захвата автоплана противником. Собственно, у имперского правительства тоже были подобные приспособления, хотя и несколько иной конструкции.

Он не ответил прямо на вопрос Нилана:

— Я вижу, вы знакомы с оборудованием.

— Я прошел курс по усовершенствованной атомной технике,— пояснил Нилан и добавил с легкой улыбкой: — Слава Института евгеники распространяется и на его подопечных.

Что правда, то правда. Еще минуту назад Нилан представлял интерес как обладатель информации, которую Хедрок надеялся получить. Некоторое впечатление на него произвел явно непокладистый характер этого человека, но на своем долгом веку он встречал так много суровых и способных людей, что сами по себе они перестали его занимать. Важен был уровень их способностей. И конечно, высокий уровень суще-

ственно менял дело. Человек, знавший атомную энергетику в полном объеме курса знаменитых университетов, мог сам назначить себе цену, когда нанимался на работу в промышленность. И если Хедроку суждено когда-нибудь найти межзвездный суперлайнер, значение Нилана сильно возрастет. Так что Нилан был тем, кого стоило приручить. И Хедрок тут же приступил к обработке. Он вынул из кармана листок бумаги с последним адресом Кершоу и протянул его Нилану:

— Вот куда мы летим.

Тот взял бумагу и прочел вслух:

— Номер тысяча восемьсот семьдесят четыре, Треллис Майнор Билдинг... О господи!

— В чем дело?

— Я был там три раза,— промолвил Нилан.— Я нашел этот адрес в чемодане моего брата в той самой комнате.

Хедрок почти физически ощутил, что поиски заходят в тупик.

— *Три раза?* — переспросил он с нажимом.

— И каждый раз оказывался перед запертой дверью. Управляющий сказал, что квартира оплачена на десять лет вперед, но он не видел никого с тех пор, как был подписан контракт, то есть три года.

— И вы не вошли в нее?

— Нет, он наотрез отказался впустить, а у меня не было никакого желания оказаться за решеткой. Да мне наверняка не удалось бы — замок на охране.

Хедрок в задумчивости кивнул: уж его-то никакой замок не остановит. Но он прекрасно понимал, что подобные штучки не по зубам даже самым решительным людям, не обладающим его возможностями. И еще одна мысль мелькнула в голове: хорошо бы заскочить в какую-нибудь из своих квартир и облачиться в комбинезон, дабы обезопасить себя. С другой стороны, пока Торговый дом может выследить его, ни в коем случае нельзя сбавлять темп. Вдруг окажется, что потраченное на себя время решит исход дела.

Надо рисковать.

Они приблизились к стоэтажному зданию, на котором горела надпись: «Треллис Мейджор билдинг». Хедрок не сразу

сообразил, что это не то, что ему нужно. До громадного сооружения оставалось несколько сотен ярдов, когда он заметил спиралевидное чудовище поменьше, в пятьдесят этажей, то самое — Треллис Майнор билдинг. Глядя на эти здания, он вспомнил, что Треллис Майнор и Треллис Мейджор — пара небесных тел, которые вращаются рядом где-то за Марсом. Большое — в противоположную сторону от Земли, малое — в ту же, что и Земля. Какая-то независимая компания усердно вела там горные разработки, и эти массивные здания олицетворяли ее богатство, нескончаемым потоком текущее из отдаленного района Солнечной системы.

Хедрок посадил автоплан на крыше здания и вместе с Нилаком спустился на лифте до восемнадцатого этажа. Достаточно было взглянуть на дверь под номером тысяча восемьсот семьдесят четыре, чтобы понять — она надежно защищена. Дверь и ее коробка были сделаны из прочного алюминиевого сплава, не уступающего стали. На замке с электронной втулкой значилось: «При попытке взлома механизм посылает сигнал тревоги в контору управляющего зданием, в местное отделение полиции и всем патрульным автопланам, находящимся в этом районе».

Торговый дом усовершенствовал десяток специальных устройств, открывающих доступ к таким электронным замкам. Лучшее из них было самым простым. Оно работало абсолютно безотказно, используя удивительные свойства материи и энергии. Разрыв и восстановление сигнальной цепи происходили чрезвычайно быстро — со скоростью, большей скорости света,— и поэтому ток продолжал течь, будто никакого повреждения не было. Феномен нормального функционирования цепи между двумя разомкнутыми точками, пожалуй, можно сравнить с процессом взаимообмена энергии с отдаленными телами в космическом пространстве, словно этого пространства уже нет. Само по себе данное открытие не имело аналога в науке. На нем основывалась сложная система трансмиттеров, благодаря которой, собственно, и существовал Торговый дом оружейников.

Хедрок жестом попросил Нилана отойти назад, а сам приблизился к двери. На этот раз он воспользовался другим перстнем и направил его луч в нужное место, откуда пошло оранже-

вое свечение. Устранив препятствие, Хедрок толкнул дверь. Она открылась с легким скрипом, как бывает с дверью, которой давно не пользовались. Хедрок перешагнул через порог и очутился в рабочем помещении каких-то двадцати футов длиной и десяти шириной. В комнате стояли стол, несколько стульев и шкафчик с небольшой картотекой. А в углу около стола — телестат с безжизненным экраном.

Комната была такой неуютной, заброшенной, явно необитаемой, что Хедрок прошел несколько шагов и остановился. Затем обернулся и посмотрел на Нилана. Картежник склонился над замком, внимательно изучая его. Взглянул на Хедрока и в восхищении покачал головой:

— Как вы это сотворили?

Хедрок с трудом сообразил, о чем тот спрашивает. Улыбнулся в ответ, но сказал совершенно серьезно:

— Прошу прощения — это секрет.— И быстро добавил: — Входите скорее. Не следует вызывать подозрение.

Нилан поспешно шагнул в комнату и прикрыл дверь.

— Возьмите на себя стол,— распорядился Хедрок,— а я займусь картотекой. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше.

Он закончил осмотр, едва его начав. Ящики картотеки были пусты. Захлопнул последний и подошел к Нилану. Тот выдвигал и задвигал ящики стола — в них тоже ничего не было.

— Вот так,— сказал Нилан и выпрямился.— И что же теперь?

Хедрок промолчал. Руки опускать рано. Вероятно, какие-то нити обнаружатся в условиях договора о найме помещения. И еще? Телестат... Подлежит регистрации в компании, отвечающей за эксплуатацию. Кто и с кем разговаривал из этой комнаты? Если бы позволило время, он мог бы воссоздать некоторые детали и найти путь к разгадке этой истории.

Беда в том, что времени-то в обрез. Как все-таки странно, что Торговый дом до сих пор не напал на его след. Если бы он по-прежнему оставался руководителем координационного отдела, он по первому требованию Высшего совета в считаные минуты раздобыл бы нужные сведения о Кершоу.

Невозможно себе представить, чтобы блестящему стажеру, его преемнику на посту начальника отдела, не пришло в голову то же самое. По какой бы причине ни произошла эта задержка, долго она не продлится. Надо скорее уходить.

Он повернулся и направился к двери, но замер на полушаге. А куда, собственно, идти? Вновь оглядел комнату. Не пропустил ли чего?

Нет, он не уйдет, пока все не выяснит.

Однако глазу не за что было зацепиться — письменный стол с пустыми ящиками, стулья, шкафчик, никакой аппаратуры, разве только телестат. Постой-ка!

— Телестат,— произнес он вслух.— Ну конечно!

Шагнул было в ту сторону, но остановился, заметив, что Нилан не спускает с него вопросительного взгляда.

— Быстро,— сказал Хедрок,— отойдите к стене.— И показал на место за телестатом.— Я полагаю, ему не нужно вас видеть.

— Кому? — не понял Нилан, но подчинился и встал за аппаратом.

Хедрок включил телестат. Он был страшно зол на себя за то, что не воспользовался им с самого начала. Ведь многие годы он провел в системе Торгового дома, где все средства связи подключались напрямую к центральной станции без набора нужного абонента, хотя сам, в своей тайной жизни, предпочитал личные телестаты с двусторонней связью. Как же он сразу не оценил возможности *этого* телестата?!

Прошла минута — экран был мертв. Затем донесся еле слышный шаркающий звук. Или ему показалось? Нет, это чьи-то шаги. Но они смолкли, и наступила тишина.

Хедрок представил себе человека, застывшего в раздумье: ответить ли на вызов? Прошла еще минута. Его охватывало гнетущее чувство поражения — уходит время, которому нет цены.

Наконец прорезался резкий мужской голос:

— Да, что нужно?

По телу Хедрока пробежала дрожь. Он уже мысленно приготовился, но не успел открыть рот, как мужчина заговорил снова, еще более резким тоном:

— Вы по объявлению? Мне обещали дать его лишь завтра. Почему же не позвонили и не предупредили, что сделают это сегодня?

В его голосе проскальзывали яростные нотки.

— Вы инженер-атомщик? — опять спросил он.

— Да,— вымолвил Хедрок.

Слово вырвалось само. Рассерженный мужчина, придя к неправильному заключению, облегчил его задачу. Хедрок, конечно, придумал свой вариант — хотел представиться Дэном Ниланом (дескать, нашел адрес этой конторы в личных вещах своего брата) и проявить интерес исключительно к имуществу. А дальше импровизировать в зависимости от того, как сложится разговор.

На этот раз ждать пришлось недолго.

— Вас, должно быть, удивил такой странный способ найма на работу,— донеслось из телестата.

Хедроку стало немного жаль этого человека: пускай себе думает о странности своих действий — у него, Хедрока, совсем другие мысли. Лучший способ поведения в подобной ситуации — подыгрывать ему.

— Очень удивил,— подхватил Хедрок.— Впрочем, мне это все равно.

Человек засмеялся — нельзя признать, что приятным смехом.

— Рад это слышать. У меня есть работа примерно на два месяца. Буду платить восемьсот креди в неделю, остальное вас не касается. Пойдет?

Действительно, весьма странно, подумал Хедрок. Кажется, надо быть осторожным.

— А что я должен делать? — медленно произнес он.

— То самое, о чем говорится в объявлении — ремонтировать атомные двигатели. Ну? — властно спросил человек.— Что вы скажете?

Хедрок задал *свой* вопрос:

— Куда мне явиться?

Последовало молчание.

— Не спешите,— наконец вымолвил голос.— Я не собираюсь вам все выкладывать — еще передумаете да откажетесь. Вы понимаете, что я плачу вдвое? Вам это подходит?

— Это как раз то, чего я ищу,— зацепился Хедрок.

Возможно, осторожность собеседника вызвана незаконностью его предприятия, но на это наплевать. Тут даже Нилан со своей историей отошел на задний план. Хедрок, свидетель смерти многих поколений на этой планете, никак не мог себе

позволить расследовать убийство какого-то одного человека. Его задача неизмеримо шире.

Тем временем работодатель перешел к сути:

— Пять кварталов на север по Сто тридцать первой стрит. Затем около девяти кварталов на восток до дома тысяча девятьсот девяносто семь на Двести тридцать второй авеню. Высокое узкое здание сероватого цвета. Его нельзя не заметить. Позвоните в звонок и ждите ответа. Понятно?

Хедрок быстро записал бесценный адрес.

— Понял,— подтвердил он.— Когда явиться?

— Сию же секунду! — В голосе звучала угроза.— Учтите, я не хочу, чтобы вы куда-нибудь заезжали. Если вам нужна эта работа, садитесь в общественный автоплан, и я засекаю время на дорогу. Меня не одурачить! Жду через десять минут.

О боже, подумал Хедрок, даже домой заскочить не удастся.

— Сейчас буду,— сказал он вслух.

Картинка на экране телестата так и не появилась. Очевидно, работодатель даже не пожелал взглянуть на собеседника. Резкий щелчок известил о том, что связь отключили.

Разговор окончен.

Хедрок привел в действие один из перстней, чтобы больше никто не воспользовался этим телестатом, и взглянул на своего спутника. Нилан улыбался — подтянутый мужчина, почти такой же высокий и крупный, как сам Хедрок.

— Здорово сработано,— оценил тот.— Без сучка без задоринки. Дом тысяча девятьсот девяносто семь на какой улице?

— Пошли отсюда,— бросил Хедрок.

Пока они ждали лифта, его мозг лихорадочно работал. Что делать с Ниланом? Он полезный человек и мог оказаться прекрасным союзником, хотя Хедрок всегда действовал в одиночку. Довериться ему? Слишком рано. К тому же, чтобы заручиться полной поддержкой, необходимо посвятить его в детали, а время не позволяет.

— Мне кажется, вам следует вернуться в линвудский магазин за почтой,— предложил Хедрок, когда лифт поднимал их на крышу.— А я взгляну на того неприятного типа. Снимите потом номер в отеле «Ишер», я вас там найду. Так мы оба сэкономим время.

Все было гораздо сложнее. Чем скорее Нилан попадет в оружейный магазин, тем больше вероятность, что он опере-

дит поисковую команду Торгового дома. И в отеле сыщикам труднее разыскать его, чем дома. Нилан не запомнил адреса, поэтому с ним можно спокойно расстаться.

— Высадите меня на первой станции,— сказал Нилан.— А как насчет адреса?

— Я напишу его в автоплане,— пообещал Хедрок.

На крыше он пережил несколько неприятных мгновений: три, нет — четыре автоплана резко устремились вниз и быстро сели. К счастью, вновь прибывшие пассажиры, мужчины и женщины, не обратили на него никакого внимания.

Как только они поднялись в воздух, показался светящийся знак авиастанции. Хедрок повел машину вниз, одновременно подтянул к себе листок бумаги и написал: «97, 131-я стрит». Не прошло и секунды, как они были на мостовой. Он сложил бумагу и протянул ее Нилану, когда тот выходил из автоплана. Они обменялись рукопожатием.

— Удачи,— сказал Нилан.

— Не возвращайтесь в комнату брата,— напутствовал Хедрок.

Он закрыл дверцу, ловко вывел свою машину из потока движения и полетел над ним. В зеркале заднего обзора Хедрок видел, как Нилан садился в общественный автоплан. Догадался ли он, что адрес неправильный?

Сыщики Торгового дома вполне могли применить ассоциативные методы, чтобы выжать из Нилана правильный адрес, который наверняка запечатлелся где-нибудь в непроизвольной памяти. Впрочем, потребуется время, чтобы склонить его к сотрудничеству или хотя бы вызвать необходимые ассоциации. Вообще-то Хедрок ничего не имел против, чтобы Торговый дом получил эту информацию. Более того — продолжая следить за полетом, он написал еще одну записку, на сей раз с настоящим адресом. Положил в конверт и вывел на нем: «Питер Кадрон, корпорация "Метеор", отель "Ройял Ганил", Империал-Сити. Доставить дневной почтой 6-го»,— то есть завтра.

Если бы все шло нормально, он был бы на стороне Торгового дома. Их цели совпадали, но, к несчастью, Совет в полном составе испугался одного человека — его. Да, так уж случилось, а эмоции всегда мешают делу. Медлительность в

выяснении обстоятельств, связанных с Кершоу, дорого обойдется Совету. А в своих действиях Хедрок не сомневался. В кризисных ситуациях он надеялся лишь на себя. Многие были умелыми и храбрыми, но им недоставало опыта и готовности длительное время подвергаться риску.

Вполне возможно, что он единственный, кто действительно считал, что близится великий кризис взрывоопасного правления Иннельды Ишер. А вопрос об успехе или поражении мог решиться в считаные минуты. И никто, кроме него, не пожелал воспользоваться этими минутами.

Автоплан пересек двести тридцать вторую авеню и опустился на стоянке. Хедрок быстро прошел к ближайшему углу и бросил письмо в ящик, затем, удовлетворенный, направился к цели своего путешествия. По его часам, прошло одиннадцать минут с тех пор, как он разговаривал со своим будущим хозяином. Не так уж много.

Вот оно — это здание! Хедрок, продолжая идти, рассматривал странную конструкцию непропорциональных размеров. Серая тупая игла в триста—четыреста футов длиной, казалось, уткнулась в низко нависшее небо. Удивительно зловещее сооружение. И ни вывески, ни таблички, хотя бы на что-то намекавшей. Только узкая дорожка к единственной, почти незаметной двери на уровне тротуара.

Надавив на кнопку звонка, он пытался явственно представить себе, как Джилберт Нилан в день своей смерти прошел по улице, направляясь к этой двери, чтобы исчезнуть навсегда. Его воображение все еще работало, когда из динамика, спрятанного над дверью, раздался знакомый резкий голос:

— А вы не опоздали.

— Я прилетел прямо сюда,— твердо сказал Хедрок.

Наступила короткая пауза. Хедрок подумал, что человек прикидывает в уме расстояние от Треллис Майнор билдинга. Наверное, результат его удовлетворил, и он заговорил снова:

— Подождите минутку.

Дверь раскрылась. Перед Хедроком был проем — широкий и настолько высокий, что с его места не просматривался потолок. Да и сама дверь из темного в крапинку металла заслуживала внимания, как и дверная коробка из того же ма-

териала. Он переступил порог и остановился, вдруг увидев в глубине какое-то сооружение из фуршинговой стали, которая использовалась исключительно для сверхтвердых обшивок космических кораблей.

Это странное здание служило ангаром для космического корабля!.. И сам корабль возвышался перед ним.

Корабль Кершоу! Одно предположение возникало за другим, и он относился к ним как к реальности. Джил Нилан, брат Дэна, умер не на Земле, а в космическом полете. А это означало, что межзвездный суперлайнер опробовали еще год назад. Но почему тогда люди, причастные к полету, вели себя так странно? Или Кершоу, гениальный изобретатель, в испуге отсиживался внутри корабля, потому что кто-то погиб во время эксперимента? Боялся императрицы? Но он ведь мог рассчитывать на помощь Торгового дома оружейников. Все выдающиеся ученые были тайно уведомлены о том, что Торговый дом готов предоставить им самые льготные условия. В некоторых случаях доверенные лица даже снабжались секретной информацией.

И тут Хедрок подумал, что Кершоу тоже мертв. Разные мысли проносились в голове, а нужно было принимать единственно верное решение. Остаться в здании, пока есть возможность? Или выйти, надеть необходимый рабочий костюм и вернуться?

Впрочем, выбора не было. Уйти — значит вызвать подозрение. Остаться и захватить корабль — значит решить все проблемы по поводу суперлайнера.

— В чем дело? — Резкий голос вывел его из задумчивости.— Чего вы ждете?

Ну вот, хозяин уже что-то заподозрил. В его тоне проскальзывало беспокойство. Этому человеку, кем бы он ни был, совершенно необходим инженер-атомщик. А это давало шанс взять ситуацию под контроль. Появилась возможность сказать вполне откровенно:

— Я обнаружил космический корабль. В мои планы не входит покидать Землю.

— О! — Молчание. Затем настойчивый голос: — Минутку. Не буду вилять и докажу, что вы заблуждаетесь. Корабль не может летать, пока не налажены двигатели.

Хедрок ждал, не сомневаясь, что в ход вот-вот пустят оружие. Весь вопрос в том, насколько оно грозное, а вовсе не в том, что повлияет на ход событий. Хедрок все равно сделает шаг вперед, даже если сначала все будет против него. Так или иначе, оружие в перстне поможет ему. Пока он стоял и наблюдал, следующая внутренняя дверь, и прежде чуть приоткрытая, широко распахнулась. А уже за третьей дверью, тоже открытой, в воздухе парило самонаводящееся энергетическое оружие на антигравитационных анодах. Три ствола смотрели прямо на Хедрока.

Тут грубо рявкнул скрытый где-то динамик:

— Небось, запаслись револьвером из Торгового дома?! Надеюсь, вы понимаете всю его бесполезность против этой штуковины. Она лупит девяносто тысяч раз без перезарядки. Перебросьте свою пукалку через порог!

Хедрок не носил примитивных револьверов.

— Я не вооружен,— сказал он.

— Распахните пиджак,— не поверил голос.

Хедрок подчинился.

— Ладно, проходите,— после некоторой паузы скомандовал голос.

Ни слова не говоря, Хедрок двинулся вперед, причем последняя дверь с лязгом захлопнулась за ним, как бы поставив жирную точку.

Глава 6

По мере того как Хедрок подходил, трехстволка отодвигалась в сторону, и его захлестнуло волной новых впечатлений. Еще бы! Он находился в кабине космического корабля... По всем существующим законам, кабина управления размещалась в центральной части корабля. А это означало, что ангар выступал над поверхностью земли на четыреста футов и на такое же расстояние уходил под землю. То есть это был настоящий монстр в восемьсот футов длиной.

— Ну! — Торжествующий возглас незнакомца прервал его размышления.— Что скажете?

Хедрок медленно повернулся к своему работодателю и увидел высокого человека с бледным лицом, лет тридцати пяти.

Тот жестом отправил самонаводящееся оружие к потолку и встал за просвечивающим энергетическим экраном, рассматривая Хедрока большими темными глазами, полными подозрения.

— Насколько понимаю, здесь происходят забавные вещи,— сказал Хедрок.— Но мне срочно нужны деньги, поэтому готов потрудиться. Я ясно выражаюсь?

Он понял, что взял правильный тон. Человек расслабился, даже криво улыбнулся.

— Мне показалось, что вы не хотели входить.— Незнакомец пытался говорить дружелюбно, только у него плохо получалось.— Поэтому и пришлось так поступить.

— Я был поражен, увидев космический корабль здесь, в самом центре города,— сказал Хедрок. Ему представлялось, что именно на это следует делать упор. Как будто он видел подобное впервые и никогда не предполагал ничего такого.— Мне кажется, пока мы понимаем друг друга и все идет хорошо. Восемьсот креди в неделю, да? — переспросил «инженер».

Человек кивнул.

— Здесь нужна полная ясность,— изрек он.— Я не могу рисковать и выпускать вас.

— Что вы имеете в виду? — осведомился Хедрок.

Человек злобно усмехнулся. По-видимому, упивался тем, что происходит. Его голос звучал бесстрастно и очень уверенно.

— Вам придется остаться здесь до окончания работ.

Хедрок не удивился. Но из принципа возразил:

— Послушайте, я вообще-то не против, только мне не нравится ваш повелительный тон. В чем дело? Можно, конечно, без конца повторять, что это меня не касается. Но вы один за другим преподносите сюрпризы... И если уж на то пошло, у меня есть право знать что-то в общих чертах.

— Идите к дьяволу со своим правом,— огрызнулся человек.

Однако Хедрок не сдавался.

— Может быть, представитесь? Не собираюсь вас задевать, но кто вы такой?

Человек нахмурился и сделал паузу. Наконец он пожал плечами.

— Пожалуй, могу и вам назвать свое имя. *Она-то* его знает.— Он улыбнулся со свирепым торжеством.— Меня зовут Рел Гриер.

Имя ни о чем не говорило, хотя стало ясно, что это не Кершоу. А кто такая *она,* Хедрок знал. Но прежде чем он открыл рот, Гриер рявкнул:

— Пошли! Вам надо переодеться.— И тут, должно быть, заметил, что Хедрок колеблется.— Никак, стесняетесь при людях?!

— Отнюдь,— отверг предположение Хедрок.

Он прошел, куда указали, взял рабочую одежду и подумал: «Может, рискнуть и оставить при себе перстни? Или не брать их?»

А вслух сказал:

— Хотелось бы проверить изоляцию костюма, прежде чем надевать его.

— Валяйте! Сыграете в ящик, если он не в порядке.

— Вот именно,— согласился Хедрок.

Из короткого диалога он извлек важную информацию. И, едва взглянув на костюм, получил подтверждение — его капитально реставрировали. Защитные костюмы имели одно свойство — вблизи неисправной атомной техники теряли свой внешний блеск. А этот уж очень блестел. Небрежная реакция Гриера на желание Хедрока проверить костюм означала лишь одно: тот слишком мало знал о подобных вещах. Это давало пищу для размышлений и необходимых выводов. Хедрок рассматривал материал, а мозг лихорадочно работал. Гриер утверждал, будто корабль летать не может. Если утверждение соответствует действительности, значит, двигатели разобраны. И вероятнее всего, из машинного отделения идет мощный поток радиации. Предположение следовало уточнить, а потом на что-то решаться. Он взглянул на Гриера и задал свой вопрос.

Тот кивнул и насторожился.

— Да, я их разбирал, но вскоре убедился, что работа не для меня.

Объяснение прозвучало вполне резонно, однако Хедрок сделал вид, будто не понял.

— Ведь это совсем просто.

Гриер пожал плечами.

— Мне не хотелось возиться.

— Никогда не слышал о каком-либо государственном производственном училище, не говорю уж о колледже, которое готовило бы специалистов по ремонту атомных двигателей, не умеющих их собирать. Где вы учились?

Гриер выказал нетерпение.

— Влезайте в свой костюм! — резко сказал он.

Хедрок быстро разделся. Попытка выяснить, насколько хороший механик Гриер, не удалась. Но этот разговор наметил первые шаги. Если в машинном отделении значительная радиация, брать с собой перстни нельзя. Защитный костюм эффективен лишь тогда, когда при тебе нет ничего металлического. Правда, не исключена возможность, что придется применить оружие против Гриера, прежде чем возникнет опасность облучения, но риск слишком велик. Гораздо безопаснее оставить перстни в кармане своего костюма, будто дорогие украшения. И воспользоваться ими позже.

Он быстро переоделся и первым спустился вниз, в недра корабля. Гриер следовал за ним по пятам.

Они оказались в мире машин. Хедрок застыл в изумлении, озираясь по сторонам, чем доставил несказанное удовольствие Гриеру.

— Корабль совершенно новой конструкции,— сказал тот самодовольно.— Я его продаю. Вот уже несколько недель веду переговоры с самой императрицей.— Он осекся, но вскоре продолжил: — Я решил сказать вам об этом внизу, где ваше постоянное место. Наши дела вас никак не касаются. Не берите их в голову и не рыскайте тут. *Она* хочет, чтобы все было тихо. И я гроша ломаного не дам за того, кто сунет нос куда не положено и хоть как-то затронет ее интересы. Такому идиоту места на Земле не будет, если, конечно, Торговый дом оружейников не возьмет его под крылышко. Вот так! Все ясно?

Все было гораздо яснее, чем предполагал Гриер. Великий ученый Кершоу нанял Джила Нилана, Гриера и других, чьи имена еще не известны, дабы усовершенствовать свое изобретение. По-видимому, во время этой работы Гриер убил всех на борту и овладел кораблем.

Хедрок поднялся из машинного отделения на следующий уровень, в мастерскую. Рассматривая инструменты, он чувствовал на себе внимательный неотрывный взгляд. В свою

очередь, он как бы случайно поглядывал на Гриера и задавал вопросы, проверяя его осведомленность.

— Я устроился в пустой комнате над этой мастерской,— счел нужным предупредить Гриер.— В течение следующих двух месяцев в основном буду там. Не думаю, что вы можете что-то натворить, а все же там я буду в курсе, не шатаетесь ли вы по кораблю, вынюхивая секреты.

Хедрок промолчал. Лучше молчать, чем сболтнуть лишнее человеку, который окончательно себя разоблачил. Конечно, Гриер не ученый. И через несколько минут, как только он поднимется в свою комнату, захват корабля будет предрешен.

Как ни досадно, Гриер не уходил. А избавиться от него хотелось и по другой причине: удивительно, но до сих пор тот не поинтересовался его именем. В намерения Хедрока не входило выдавать себя за Дэниела Нилана. Лучше заявить прямо; ситуация далеко не ординарная, поэтому он не намерен удостоверять свою личность. Конечно, придется пережить неприятные минуты, вспышку гнева...

— Как это вы, человек с такими знаниями, остались без работы? — нарушил молчание Гриер.

Похоже, начинается дознание.

— А-а, проторчал на одной планете — как последний идиот! — тут же ответил Хедрок.

Вероятно, Гриер обдумывал его слова. Прошла минута-другая, прежде чем последовал следующий вопрос:

— А зачем вернулись?

Отвечать надо сразу. Если Гриер поднимется наверх и обшарит его одежду, то найдет в записной книжке имя Дэниела Нилана. Такую вероятность надо учесть.

— Из-за смерти моего брата,— сказал Хедрок.

— О, у вас умер брат?

— Да.— Он заранее продумал эту версию и выдал ее, не называя имен.— Брат регулярно присылал мне деньги на жизнь. А когда поступления прекратились, я навел справки. Вот уже, кажется, год, как он исчез, нигде не числится. Понадобится шесть месяцев, чтобы закрыть дело об имуществе. Наверное, вы знаете, что теперь, когда такое количество убийств, судьи признают отсутствие регистрации как доказательство смерти.

— Знаю,— только и сказал Гриер.

Воцарилась тишина, и Хедрок подумал: пусть переваривает! Даже если найдет запись о Нилане, должен поверить, будто братья не питали друг к другу теплых чувств, и тогда вреда не будет.

— Последний раз видел его лет десять назад,— вел свою линию Хедрок.— И обнаружил полное отсутствие родственных чувств. Мне было все равно, жив он или умер. Забавно...

— Не собираетесь обратно в космос? — спросил Гриер.

— Нет,— покачал головой Хедрок.— Отныне и навсегда остаюсь на Земле. Здесь развлечения, удовольствия, приятное времяпрепровождение.

— Я бы не променял свой последний год в космосе на все удовольствия Империал-Сити.

— Каждому свое...— начал Хедрок и осекся.

Его желание спровадить Гриера наверх, в комнату, защищенную от радиации, сразу же пропало. Новая информация! Как же он не догадался раньше!.. Ведь это было столь очевидно: «свой последний год в космосе...» Ну конечно, Кершоу, Джил Нилан, Гриер и другие совершили в этом корабле межзвездное путешествие. Они были на одной из ближайших звезд, возможно на Альфе в созвездии Центавра, на Сириусе или Проционе. Хедрок, как мальчишка, дрожал от волнения, перебирая в уме известные названия.

Эмоциональный шок, вызванный словами Гриера, постепенно спадал. Он еще не совсем четко представлял себе, что случилось, но одно было совершенно ясно: Гриер выложил это добровольно. Захотел высказаться. Надо ему помочь — вдруг еще что-нибудь сболтнет.

— Шнырять по космосу в поисках астероидов — не для меня. Приходилось заниматься, знаю, что это такое.

— Астероиды! — взорвался Гриер.— Вы что, спятили?! Думаете, императрицу Ишер интересуют астероиды? Предприятие стоит сто миллиардов креди. Слышите? И будьте спокойны — она их выложит.

Он ходил взад-вперед в явном возбуждении. Вдруг резко повернулся к Хедроку:

— Знаете, где я был? — выпалил он.— Я...

Гриер так же внезапно замолчал, как и начал. По его лицу пробежала судорога. Наконец он справился с собой и хмуро улыбнулся.

— Дудки,— изрек он,— ничего вам не удастся вытянуть! Не потому, что это очень важно, а...

Он стоял, уставившись прямо на Хедрока. Затем резко повернулся на каблуках, взобрался по лесенке и исчез.

Хедрок не спускал глаз с лесенки, понимая, что пора действовать. Просветил обшивку потолка модифицированным проницателем и остался доволен. Толщина четыре дюйма, обычный сплав свинца и «тяжелого» бериллия, подвергнутый ядерной обработке. Проницатель показал также контуры фигуры Гриера, который сидел и читал. Что читал, рассмотреть было невозможно.

Хедрок максимально сосредоточился, не испытывая никаких других чувств, кроме садистского удовольствия при виде Гриера, самодовольно развалившегося в кресле и воображающего себя хозяином положения.

Он подвел тяжелый полишер прямо под то место, где сидел Гриер, и нацелил строго наверх. Затем приступил к расчетам. На вид Гриер весил около ста семидесяти фунтов. Две трети от его веса составляют сто четырнадцать фунтов. Придется уравновесить силу удара, поскольку Гриер физически не слишком силен.

Теперь следует учесть четырехдюймовый пол. Слава богу, его сопротивление вполне подходит под общую формулу. Хедрок сделал необходимую корректировку и нажал на кнопку.

Гриер сполз на пол. Хедрок поднялся наверх, осмотрел при помощи цветного проницателя бесчувственное тело, распростертое возле кресла, и убедился, что кости целы, сердце бьется по-прежнему. Все в порядке. Мертвый не ответил бы на вопросы. А вопросов уйма.

Потребовалось провести математические расчеты системы силового поля, которое держало бы Гриера в плену хоть целую вечность, не стесняя при этом движений.

Глава 7

Следующие полчаса Хедрок посвятил осмотру корабля, до поры до времени оставив без внимания запертые двери и заполненные разными разностями кладовые. Он хотел иметь общее представление о внутренней структуре этой необычной

конструкции. Однако беглый взгляд не принес существенного облегчения. Проблема заключалась в том, что космический корабль не мог покинуть ангар, а он, Хедрок, не мог покинуть корабль.

За ангаром наверняка следят. Он не заметил солдат Иннельды, но это еще ничего не доказывало. А если они в невидимых костюмах? Императрица, без всякого сомнения, не хотела бы привлекать внимание соглядатаев Торгового дома к правительственным войскам. А Роберт Хедрок прошел по улице, на которой не встретил ни души, и проник в суперсовременный космический корабль, прежде чем начальник охраны сообразил остановить его.

Если это предположение соответствует действительности, ему не дадут отсюда выбраться — засекут, задержат и станут допрашивать. На такой риск пойти нельзя. Что же остается? Обуреваемый мыслями, он спустился вниз, в изолированную комнату. Гриер пришел в себя и свирепо уставился на Хедрока, в его взгляде были ненависть и страх.

— Не воображайте, будто это сойдет вам с рук,— сказал он дрожащим голосом.— Когда о вашем поступке станет известно императрице, она...

— Где другие? — оборвал его Хедрок.— Где Кершоу и...— Он было заколебался, но тут же продолжил: — И мой брат Джил?

Зрачки темных глаз, с ненавистью смотревших на него, расширились. Было заметно, как Гриер вздрогнул.

— Пошел ты к черту! — выпалил он.

В голосе проскальзывала тревога.

— На вашем месте я бы побеспокоился о том, что случится, если я выдам вас императрице,— рассчитанно припугнул его Хедрок.

Гриер побелел, с трудом сглотнул, затем хрипло произнес:

— Не валяйте дурака. Нам здесь обоим хватит. Мы можем поживиться, но нужна осторожность. Она окружила корабль. Я прикинул: вдруг они кого-нибудь пропустят. Поэтому и приготовил скорострельную пушку — как раз на тот случай, если надумают ворваться солдаты.

— А как насчет телестата? — спросил Хедрок.— Можно установить связь?

— Только через телестат в Треллис Майнор билдинге.

— Ох! — вырвалось у Хедрока.

Он от досады закусил губу; на сей раз просчитался!.. В Треллис Майнор билдинге логика подсказала вывести из строя телестат, чтобы никто другой не сумел перебежать дорогу и предложить свою кандидатуру на работу. Он и предположить не мог, что выйдет прямо на межзвездный корабль.

— И кого можно вызвать?

— Парня по имени Зейдел,— мрачно сказал Гриер.

Всего несколько секунд потребовалось Хедроку, чтобы вспомнить, где он слышал это имя. Ну конечно, за столом императрицы, несколько месяцев назад. Один из придворных выразил отвращение по поводу идеи взять в услужение подобного субчика.

«Бог создал крыс,— сказала тогда Иннельда,— и Бог создал Зейдела. Мои ученые нашли применение крысам в своих лабораториях, а я нашла применение Зейделу. Вопрос исчерпан, сэр?» — высокомерно подытожила она.

Человек, заговоривший об этом, слыл острословом. Он парировал:

«У вас в лабораториях проводят эксперименты над крысами, а теперь вы нашли крысу, которая будет проводить эксперименты над людьми».

На щеках Иннельды вспыхнули красные пятна, и невоздержанного на язык приближенного отлучили от общего обеденного стола на две недели.

Очевидно, императрица все еще пользуется услугами Зейдела. Хорошего в этом мало. Ну что же — не первая и не последняя неудача. Хедрок опутал Гриера силовыми линиями в новом месте — на антигравитационной платформе — и перевез в одну из спален в верхней половине корабля. А потом продолжил осмотр. На этот раз весьма тщательный, хотя каждая минута была на счету — близилась развязка.

Он ходил из помещения в помещение, справляясь с неподдающимися замками при помощи энергетической дрели. Дольше всего он задержался в личных комнатах над кабиной управления. Впрочем, там уже побывал Гриер. Надо полагать, тому понадобилось немало времени, чтобы уничтожить все улики, но он постарался на славу. Не было ни писем, ни личных

вещей — ничего, что могло бы намекнуть на нынешнее местонахождение бывших обитателей этих комнат.

Только в воздушном шлюзе, расположенном в носовой части корабля, Хедроку улыбнулась удача. Полностью экипированная спасательная ракета с двумя двигателями того же типа, что на самом корабле, укромно покоилась на пусковых опорах. Спасательная ракета, на первый взгляд маленькая в сравнении с кораблем — почти сто футов длиной,— была в отличном рабочем состоянии.

Хедрок внимательно осмотрел панели управления и с волнением заметил, что помимо обычного ускорителя там была блестящая белая ручка, на которой значилось: «Полет в бесконечность». Судя по всему, это означало, что ракета способна совершать межзвездные рейсы. Теоретически Хедрок мог сесть за пульт управления, поднять спасательную ракету в воздух и исчезнуть в космосе со скоростью, о какой преследующие корабли не смели и мечтать. Он осмотрел пусковое устройство и обнаружил, что оно работает автоматически. При включении обычной скорости ракета просто соскальзывала с опор, и ее поступательное движение приводило в действие шлюз. При включении огромной скорости створки воздушного шлюза раздвигались и ракета устремлялась наружу, а створки тотчас захлопывались за ней.

Сомнений нет. Путь к спасению найден. Хедрок вылез из ракеты и пошел в главную кабину управления, которая находилась почти на уровне земли. Какая-то неуверенность овладела им. Прошло всего несколько часов с момента побега из императорского дворца, а он уже захватил межзвездный корабль. Следовательно, ему повезло там, где вооруженные отряды императрицы и Торгового дома оружейников потерпели неудачу. Сейчас осторожность превыше всего, а она порождает ряд взаимосвязанных проблем. Как передать огромный корабль Торговому дому, не подвергая опасности себя и не втягивая в открытое столкновение противоборствующие силы? Самое важное заключалось в том, что Кадрон не получит его письмо до следующего полудня.

При иных обстоятельствах можно было бы спокойно выждать, но не теперь. Надо полагать, Зейдел доложил о его визите в ангар императрице и ей это показалось подозритель-

ным. Вполне вероятно, она дала Гриеру время, чтобы тот связался с ее агентами и объяснил, в чем дело. Долго ждать Иннельда не будет. Возможно, ее люди уже несколько раз пытались вызвать Гриера. Хедрок уселся в кресло перед контрольным пультом и стал ждать, когда оживет телестат. В то же время он обдумывал свое положение. Через пять и три четверти минуты послышался щелчок, лампочка вызова начала мигать и раздался звук приглушенной музыки. Так продолжалось две минуты, потом прекратилось. Хедрок ждал. Через тринадцать минут вновь раздался щелчок и заиграла музыка. Итак, все происходит по определенной схеме. Должно быть, Зейдел получил указание вызывать Гриера каждые пятнадцать минут. А если тот не ответит? Будут приняты соответствующие меры. Какие?

Хедрок отправился вниз, в машинное отделение, и занялся небольшим двигателем. Весьма сомнительно, что он успеет быстро починить два основных двигателя, которые оживили бы огромный корабль, но попытка не пытка. Сперва он каждый час поднимался в кабину управления узнать, продолжаются ли вызовы. А затем установил другой телестат в машинном отделении и подсоединил его к тому, что в кабине управления. Теперь он мог следить за вызовами, не прекращая работы.

Можно было только догадываться, что предпримет Иннельда, когда ее терпению придет конец. Хедрок вообразил, что она отдала приказ о повышенной готовности воздушного флота. И если межзвездный корабль вдруг поднимется в воздух, мощные истребительные силы собьют его прежде, чем он разовьет недосягаемую скорость.

Из-за этого риск побега в спасательной ракете был неоправданно велик. Если ее собьют, прости-прощай надежда человечества достигнуть удаленных звезд. Единственный выход — парализовать действия вооруженных сил императрицы, пока не появится шанс на успех. И только тогда, ни секундой раньше, предпринять самую невероятную попытку и добиться решительной победы как для себя, так и для Торгового дома. Но до завтрашнего полудня ни о каких серьезных шагах не может быть и речи.

В шесть вечера, за восемнадцать часов до предельного срока, телестат замолчал. Прошло пятнадцать минут — ни звука.

Хедрок быстро прошел в отсек питания, перекусил и отнес Гриеру бутерброды и кофе. Пришлось убрать одну из силовых линий, чтобы тот смог двигать правой рукой и поесть самостоятельно.

В восемнадцать часов двадцать девять минут Хедрок уселся перед приборной доской управления. Телестат по-прежнему не подавал признаков жизни. Либо Иннельда прекратила вызовы до утра, либо нужно чего-то ожидать. Хедрок не имел права выпускать ситуацию из-под контроля. Он заглянул в абонементный справочник, включил телестат — только микрофон, а не изображение — и набрал номер ближайшего полицейского участка, намереваясь выступить в роли загнанной овечки. Как интересно; они не прервали его и дали набрать номер до конца. Хотелось создать впечатление, что это самый обычный вызов полиции. Знакомый щелчок удостоверил наличие связи. Прежде чем ответили, Хедрок громко зашептал:

— Полиция? Меня держат силой, кажется, на борту космического корабля. Помогите!

Последовало молчание, затем мужской голос тихо спросил:

— По какому адресу?

Хедрок дал адрес и кратко объяснил, что был нанят ремонтировать атомные двигатели, но сейчас его силой держит человек по имени Рел Гриер.

Его прервали:

— Где находится Гриер?

— Лежит в своем кабинете наверху.

— Подождите минутку,— сказал человек.

Пауза, а затем вмешался голос императрицы, который невозможно спутать ни с чьим:

— Ваше имя?!

— Дэниел Нилан,— сказал Хедрок и добавил с тревогой в голосе: — Пожалуйста, поторопитесь. Гриер в любой момент может спуститься. Нельзя, чтобы он меня застукал.

— Почему бы вам просто не открыть дверь и не выйти?

На простой вопрос у него был припасен столь же простой ответ — дескать, открыть дверь можно только из комнаты Гриера.

— Понятно...

Сказала и задумалась. Хедрок представил себе, как ее быстрый ум анализирует ситуацию и возможные последствия. Должно быть, решается на какие-то шаги...

— Мистер Нилан, ваш вызов полиция переключила на отдел секретной службы. Дело в том, что вы невольно оказались замешаны в историю, представляющую интерес для правительства.— Затем императрица добавила: — Не волнуйтесь!

Хедрок решил промолчать.

— Мистер Нилан,— продолжала Иннельда,— не могли бы вы включить изображение? Крайне желательно видеть, с кем разговариваешь.

— Могу, только тогда я буду видеть вас, а не вы меня — здесь нет необходимой ручки.

— Нам известно, что мистер Гриер скрывает свою внешность,— ледяным тоном произнесла она. И вдруг резко добавила: — А теперь живо — я хочу, чтобы вы взглянули на меня!

Хедрок включил экран и наблюдал, как постепенно на нем появляется изображение императрицы. Он подождал какое-то время, а затем прошептал:

— Ваше величество!

— Вы меня узнали?

— Да-да, но...

Она его оборвала:

— Мистер Нилан, вы занимаете совершенно особое положение в ходе великих событий. Ваше правительство, ваша императрица требуют от вас преданности и верной службы.

— Ваше величество,— произнес Хедрок,— простите меня, но, пожалуйста, поторопитесь.

— Я буду говорить ясно — постарайтесь понять! Сегодня днем, когда мне сообщили, что неизвестный молодой человек, то есть вы, проник в космический корабль Гриера, я тотчас же приказала казнить некоего капитана Хедрока, шпиона Торгового дома оружейников, чье присутствие во дворце терпела до поры до времени.

Она немножко спутала время, отметил про себя Хедрок, и к правде примешала ложь, но он не имел права поправлять ее. Она пропустила мимо ушей его призыв поторопиться, и это настораживало. Разумеется, императрица рассматривает

возникшую ситуацию как непредвиденную, но благоприятную для себя возможность, а что станет с Дэниелом Нилан, ее ничуть не занимает. По всей вероятности, она считает, что всегда может вернуться к переговорам с Гриером, и тут, наверное, она права.

— Я говорю вам это, чтобы наглядно проиллюстрировать степень мер предосторожности, которые намерена принять, чтобы обеспечить неукоснительное исполнение моей воли,— продолжала она негромким, но твердым голосом. Во взгляде сверкала решимость.— И пусть участь капитана Хедрока служит напоминанием для всех, кто посмеет ослушаться меня или пренебречь своими обязанностями. Вот что вам надлежит делать, так как отныне вы солдат на службе правительства. Продолжайте для отвода глаз заниматься тем, что начали, то есть убедите Гриера, будто выполняете взятые на себя обязательства. А как только он отвлечется, разбирайте узлы, которые находятся в рабочем состоянии. Я уверена, это можно делать столь искусно, что комар носа не подточит.

Она перевела дыхание.

— А теперь слушайте внимательно. Как только вы парализуете двигательные способности корабля, воспользуйтесь первой же возможностью и дайте нам знать. Достаточно одного слова. Включите телестат и шепните «уже» или что-нибудь в этом роде, и мы начнем действовать. У нас в боевой готовности возле ангара восемь орудий со стомиллионными зарядами. Таков план. И он будет выполнен. После его успешного завершения вы в течение двадцати четырех часов получите огромное вознаграждение за содействие.

Императрица высказалась и расслабилась. Взгляд, только что горевший буйным огнем, смягчился. Лицо вдруг озарилось теплой улыбкой.

— Надеюсь, Дэн Нилан, я выразилась достаточно ясно,— произнесла она спокойным тоном.

Вне всяких сомнений! Хедрок сидел как завороженный, позабыв о последнем дне во дворце, обо всех ее подозрениях и угрозах. Он не ошибся, когда пришел к заключению, что правительница будет играть выдающуюся роль в любой критической ситуации этого суматошного века.

Он начал анализировать скрытый смысл всего сказанного и был близок к состоянию шока, когда голос императрицы прервал его мысли:

— Зейдел, продолжайте!

На экране появилось изображение человека лет сорока пяти. Голубовато-серые глаза, тонкий нос, похожий на клюв, и длинная щель вместо рта. По вульгарной физиономии Зейдела блуждала мрачная улыбочка.

— Вы слышали приказание нашей блестящей правительницы,— сказал он вялым голосом.— Этот негодяй Гриер противопоставил себя короне. Он обладает изобретением, которое ставит под угрозу само существование государства. Об этом изобретении никто не должен знать. А теперь будьте внимательны: если возникнет необходимость или представится удобный случай, от имени ее императорского величества вам дано право ликвидировать Гриера как врага государства. Вопросы есть?

Они не сомневались в его согласии сотрудничать, хотя и ждали подтверждения.

— Вопросов нет,— прошептал Хедрок.— Я верный подданный ее величества. Я все понимаю.

— Прекрасно. Если вы не дадите о себе знать к одиннадцати часам завтрашнего дня, мы начнем атаку. Оправдайте доверие императрицы!

Послышался щелчок. Хедрок тоже отсоединил связь и снова пошел в машинное отделение. Ограниченность во времени приводила в уныние, хотя он все-таки надеялся, что атаку удастся отсрочить на час, а может быть, больше.

Он принял тонизирующую таблетку и приступил к делу. Чуть за полночь закончил регулировку одного из основных двигателей, получив тем самым половину мощности, необходимой этому огромному кораблю.

Как быстро бежало время! В десять минут десятого Хедрок вдруг осознал, как близок назначенный срок. А ведь для приведения в порядок второго двигателя потребуется часа два с лишним, и только поэтому остро нужна отсрочка. Он покормил Гриера, сам быстро позавтракал, а затем возился с двигателем до десяти сорока.

Работа все еще не была закончена, и он, обливаясь потом, включил телестат. Зейдел появился на экране почти мгновенно, в своем нетерпении он походил на лису. Глаза горели, губы дрожали.

— Да? — выдохнул он.

— Нет,— торопливо проговорил Хедрок.— Гриер только что поднялся в кабину управления. Он был со мной все утро. Я лишь сейчас начинаю выводить двигатели из строя. Это продлится до двенадцати тридцати или до тринадцати. Я...

И тут на экране возникла Иннельда. Ее зеленые глаза смотрели с прищуром, но заговорила она вполне спокойным тоном.

— Мы принимаем отсрочку только до двенадцати. Занимайтесь делом и оставьте телестат включенным, я имею в виду звук. Вы обязаны справиться с заданием!

— Попытаюсь, ваше величество,— прошептал Хедрок.

И выиграл еще один час.

Он продолжал тонкую работу по приведению в готовность последнего двигателя. Время от времени он видел на блестящей поверхности металлических деталей собственное отражение с капельками пота на лице. Напряжение не спадало, хотя теперь не было уверенности в том, что его усилия приведут к чему-нибудь путному. В небе над огромным городом господствовали вооруженные силы правительства. Казалось все более невероятным, что Торговый дом оружейников сможет что-либо предпринять в последнюю минуту. Хедрок представил себе дневную доставку почты в корпорацию «Метеор». Его письмо на имя Питера Кадрона будет передано быстро, но где в этот момент окажется сам Кадрон? На очередной конференции, на другом конце Земли или на обеде? И вскроет ли он почту сразу, словно от этого зависит его жизнь?

Было одиннадцать тридцать, когда измученный Хедрок ясно осознал, что со вторым двигателем никак не успевает. Тем не менее работу он продолжал, дабы императрица слышала — он подчиняется приказу. Но пора было принимать решение. Ему обязательно придется подняться наверх, к спасательной ракете. Как бы ни повернулось дело, надежда на спасение в ней. Она представляла не меньшую ценность, чем основной корабль, так как тоже могла совершать межзвездные

полеты. Лишь бы она могла улететь. А если нет, если ее собьют, то и думать о будущем ни к чему.

Но как подняться к ракете, когда телестат включен? Если перестать шуметь, Зейдел и императрица насторожатся. А ведь ему понадобится минут пять, чтобы добраться до спасательной ракеты. Немалое время, принимая во внимание сложившуюся обстановку. Нужно что-то придумать и сбить императрицу с толку. Хедрок помедлил, затем подошел к телестату.

— Ваше величество,— сказал он громким шепотом.

— Да?

Ответ прозвучал немедленно, и он представил себе, как она сидит перед рядами телестатов, следя за важнейшими точками этой операции.

— Ваше величество, я не смогу вывести из строя все двигатели к назначенному часу. Здесь их семнадцать той или иной мощности, мне хватило время только на девять. Позвольте внести предложение?

— Говорите,— обронила она без особого интереса.

— Если пойти наверх и попытаться захватить Гриера? Может быть, застану его врасплох.

— Да.— Какая-то странная нотка прозвучала в ее голосе.— Да, все может быть.— Она помолчала, затем холодно продолжила: — Должна сказать, Нилан, что ваше поведение становится подозрительным.

— Я не понимаю, ваше величество.

Казалось, она его не слышит.

— Вчера мы безуспешно пытались связаться с Гриером. Раньше он довольно быстро отвечал на вызов, а теперешнее его поведение, мягко выражаясь, весьма необычно. Насколько ему известно, мы согласны удовлетворить его чрезмерные притязания и все его смехотворные условия.

— Я все-таки не понимаю...

— Я скажу так,— ледяным тоном молвила она.— В этот решающий час мы ничем не рискуем. Разрешаю пойти наверх и захватить Гриера. Приказываю действовать смело, по-боевому, и не дать ему вывести корабль из ангара. Однако если наши подозрения по поводу вас небезосновательны, я сейчас же, в эту секунду, отдам приказ о штурме. Если у вас есть какие-либо личные планы, лучше от них отказаться и сотрудни-

чать с нами. Ступайте наверх и, пока идет атака, предпринимайте все необходимое против Гриера. Но вам придется поторопиться.

Ее голос обрел силу, напомнив звучание скрипки на низкой ноте, и стало ясно, что она решила перейти к активным действиям.

— Всем вооруженным силам! — провозгласила императрица, как видно обращаясь к другим телестатам.— Атакуйте!!!

Хедрок уже бросился к выходу, когда услышал эту команду. Какое-то время ушло на то, чтобы справиться с массивной дверью, защищающей от радиации. Взбираясь по лестнице, он еще был уверен, вернее — еще надеялся, несмотря на грозящую опасность, что сумеет выбраться на уровень земли или даже выше, прежде чем что-либо его остановит.

И тут ухнул залп, сотрясший космический корабль. Подобной силы удара он не представлял себе в самых мрачных предположениях и на мгновение застыл в ужасе и изумлении. Разум отказывался верить, что такое возможно. Не успел он сделать следующего шага, уже сомневаясь в возможности благополучного исхода, как грянул второй залп титанической силы, сбросившей его вниз.

Едва Хедрок поднялся на ноги, собрав все силы, грохнул очередной залп. Из носа и из ушей потекли струйки крови. Выстрелы следовали один за другим. Он падал и снова поднимался, плохо соображая, где находится, и почти не сомневаясь, что теперь все кончено.

Он уже не шел, а полз, и не вверх, как вначале, а вниз. И на одной из площадок инстинктивно запер за собой дверь.

Совершенно измученный, он прислонился к стене, когда крики людей достигли его помутившегося сознания. Чьи-то голоса вроде бы раздавались внутри корабля. Все еще плохо соображая, он потряс головой. Голоса приближались, и тогда он ясно понял, что произошло.

«Они проникли в корабль. И для этого понадобилось только семь залпов».

По ту сторону двери, за которой он стоял, громко командовал какой-то человек:

— Ломайте быстрее! Приказываю схватить всех на борту!

Хедрок решил отступать, но движения были замедленными — он не мог в полной мере ими управлять. Колени дрожали, ноги не слушались, когда он сходил по ступеням.

Вниз, вниз — было такое чувство, словно опускаешься в собственную могилу. Нет, подумал он, до могилы еще далеко. Он миновал складские помещения. Затем будут изоляционные переборки, затем мастерская, затем машинное отделение, затем камера с двигателями, а уж затем...

А уж затем...

Забрезжила надежда. Был все-таки выход. Корабль, конечно, потерян. А с ним и шанс миллиардов людей, которые могли бы возжечь факел цивилизации на самых отдаленных планетах Вселенной — их шанс на новое счастье. Но его надежда еще не угасла. Он достиг машинного отделения и отбросил все мысли, кроме одной — вырубить автономное электропитание. Понадобилась драгоценная минута, чтобы выяснить, каким выключателем надо щелкнуть, чтобы всех наверху оставить без света и энергии. На протяжении этой минуты потолок содрогался, под напором рвущихся стражников одна за другой с отдаленным грохотом падали запертые им двери. Людские возгласы становились все ближе.

Сейчас он им преподнесет сюрприз. Отнимет у них несколько минут, замедлив продвижение дальше.

Хедрок вечером заметил, где находится гигантская шестифутовая дрель, которая сейчас ему понадобится. Она парила в воздухе на антигравитационной платформе. Вытолкнув ее из мастерской, он спустился по двум пролетам лестницы мимо машинного отделения в камеру с главным двигателем — последнее помещение огромного космического корабля. И здесь, забыв о чрезвычайном своем положении, остановился как завороженный.

Вот то сокровище, из-за которого разгорелся весь сыр-бор. Вчера — господи, как давно это было! — ему не хватило времени добраться до последнего отсека. А теперь пришла пора проникнуть еще дальше — в шахту двигателя. Он снял с дрели транспарантное устройство, намереваясь просветить тридцатифутовую толщу стены. Экран транспаранта заволокло

мутным туманом, и он понял, что просчитался. Металл слишком плотный, слишком толстый и многослойный.

Чувствуя свое бессилие, он резко повернулся и бросился бежать, толкая перед собой дрель,— несмотря на полную невесомость, она все же несколько замедляла движения. Миновал первую дверь нижнего шлюза, затем вторую, третью и вдруг остановился, пораженный безумной догадкой. Собрал остатки сил, чтобы пробурить шестифутовый наклонный шурф на поверхность земли. Но это оказалось излишним: его глаза разглядели имеющийся проход. Тусклые лампы на потолке образовали уходящую вверх и далеко вперед линию.

Некогда было обдумывать, как и зачем появился здесь этот проход. Хедрок схватил транспарант, оттолкнул ненужную больше дрель и кинулся в туннель. Он был очень длинным... Конечно, в те считаные минуты, на какие мог рассчитывать Хедрок, он не смог бы пробурить такой же. Угол подъема составлял приблизительно двадцать градусов. И дальность расстояния была ему на руку. Чем дальше он окажется от корабля, прежде чем выберется на поверхность, тем лучше.

Вот и конец. Перед ним была металлическая дверь. Используя транспарант, он увидел за ней пустой подвал. На двери оказался простой запор, который при первом же прикосновении открылся. Хедрок постоял в подвале, внимательно осматриваясь и обдумывая свое положение. Не Гриер, а Кершоу и другие соорудили все это. Они тоже относились с большой осторожностью к контактам с внешним миром. Возможно, Гриер даже не знал о проходе. Да, Хедроку вдруг стало совершенно ясно: если бы Гриер знал, никогда не оставил бы его одного в машинном отделении так близко от наклонного тоннеля. И еще: по всей вероятности, такие выдающиеся простофили, как Кершоу и Джил Нилан, которые приняли все меры предосторожности против вмешательства извне, не смогли обезопасить себя от собственного рабочего — от простого подручного Гриера, поручив ему контакты с внешним миром через телестат.

Впрочем, все эти догадки по поводу давней трагедии, происшедшей на космическом корабле, весьма интересны, однако носят чисто умозрительный характер.

В угнетенном состоянии духа Хедрок направился к ведущей наверх лестнице. На полпути она раздваивалась. Налево

располагалась резная дверь, за которой, как показал транспарант, находилось пустое помещение. Правая лестница оказалась той, что была ему нужна. Хедрок положил транспарант на ступеньки — больше тот не понадобится. Он выпрямился, открыл последнюю, как выяснилось, дверь и оказался в ярком свете солнца. Он стоял на заднем дворе большого пустого дома. За великолепной лужайкой был садик с вечнозеленой растительностью, гараж для автоплана и высокий забор с калиткой. Калитка легко открылась, она выходила на глухую улицу с деревьями вдоль тротуаров. Намного дальше впереди тянулся широкий проспект.

Хедрок поспешил туда, стараясь определить свое местонахождение относительно космического корабля и решить, как вести себя дальше.

На углу стоял часовой в форме и блестящем шлеме со стереоскопом для дальнего видения.

— Как там дела? — спросил он, помахав Хедроку.

— Мы пробились внутрь! — прокричал Хедрок.— Смотри во все глаза.

— Не беспокойтесь. Нас здесь хватает.

Хедрок повернулся и, охваченный тревожными мыслями, быстро пошел обратно — туда, откуда вышел. Ловушка захлопывается. Как видно, перекрыты целые кварталы. Через какие-то минуты штурмовой отряд снесет последнюю из трудно поддающихся дверей в нижних отсеках космического корабля, поймет, что произошло, и начнет охоту, которая, конечно, увенчается успехом.

Более того. Может быть, солдаты уже преодолели все преграды и вот-вот вырвутся из тоннеля наружу, обнаружат его и убьют.

Хедрок перелез через высокий забор в другой задний двор. Перед каким-то домом стояла шеренга людей в шлемах со стереоскопами. Внезапно блеснула озорная мысль: что будет, если не искать путей к отходу, а двинуться прямо к кораблю? И он пошел. Никто не попытался остановить его. После всех страхов и напряжения он улыбнулся, подумав о людской психологии, разрешающей перемещаться к эпицентру событий, но не от него. Смело вышел на перекресток улиц, откуда уже виднелся ангар, напоминающий иглу. И через несколько се-

кунд приблизился к кораблю. Никто не стал препятствовать, когда он осторожно пролез через пробоину с рваными краями и очутился в кабине управления.

Снова дали электричество, которое он недавно вырубил. Это было первое, что бросалось в глаза. Значит, преследователи добрались до машинного отделения. Скорее всего, они растекались сейчас по всем направлениям, чтобы обыскать помещения. Не открывает ли это перед ним некие возможности? Хедрок обвел взглядом кабину управления. В нее набилась группа людей, и каждый, как того требовали правила, был в таком же изоляционном костюме, что и он сам. У солдат его появление не вызвало ни тени подозрения. Судя по всему, он был для них одним из сотрудников тайной полиции в одежде, защищающей от радиации.

И тут что-то грохнуло внизу, в глубине корабля. Хедрок содрогнулся от этого звука.

«Должно быть, взломали дверь в камеру с двигателями».

Сейчас обнаружат, каким образом он вырвался на свободу. Через несколько секунд сигнал тревоги, набирая скорость, понесется по всем помещениям. Хедрок неторопливо двинулся к лестнице, проталкиваясь между людьми, и начал подниматься вверх. Все оказалось очень просто. Он беспрепятственно достиг спасательной ракеты и быстро ее осмотрел. Внутри никого не было. Со вздохом облегчения опустился в многоцелевое кресло перед приборной доской и, сдерживая прерывистое дыхание, нажал на «пуск».

Как шарик катится по наклонной стеклянной плоскости, так и этот маленький корабль соскользнул по направляющим штангам.

Прекрасный старый город с высоты полумили искрился на солнце. Казалось, до него рукой подать, шпили некоторых домов чуть ли не царапали днище. Хедрок постепенно приходил в себя. Сначала удивился, что перехватчики не атакуют его, но потом уверовал, что они стерегут восьмисотфутовый космический корабль, а это крошечное суденышко издали походит на общественный автоплан или какую-нибудь из разнообразных прогулочных машин. Он прикидывал два варианта. Если удастся, спастись бегством и спрятаться в одном из своих потайных убежищ. Если нет, то, используя фор-

сажный двигатель спасательной ракеты, убраться из земных пределов.

Конец его надеждам положило темное пятно, появившееся на экране телестата заднего обзора. Оно, с нарастающим гулом затмевая голубизну неба, превратилось в корабль — тысячефутовый крейсер. В то же самое время стандартный телестат — теперь, когда Хедрок вырвался на свободу, им можно было пользоваться для обычной связи — ожил.

— Разве вы не слышите всеобщий приказ не взлетать? — сказал строгий голос.— Держите курс прямо вперед, оставайтесь на данной высоте, пока не достигнете сигнальной башни военного аэродрома на востоке. Садитесь там, в противном случае будете уничтожены.

Пальцы, протянувшиеся к белому акселератору, застыли на полпути. Похоже, его не узнали, он не уловил в команде подозрительных ноток. Хедрок еще раз скользнул взглядом по экранам телестатов и не увидел в воздухе никого, кроме этого крейсера. Всякое движение замерло. Нахмурившись, Хедрок снова посмотрел на крейсер, висевший над ним почти вплотную. Очень близко. Он прищурил глаза. Крейсер перекрывал ему путь вверх. Реальное положение вещей круто изменилось, когда еще два крейсера пристроились справа и слева, а впереди и сзади носился рой маленьких истребителей. Тут первый корабль стал наседать на него, закрыв собой весь экран. Какие бы промахи ни допускали наземные части, воздушные силы оказались на высоте, в этом сомнения не было. Во второй раз его рука потянулась к белому акселератору. Он сжал его, но остановился, так как на экране обычного телестата возникло продолговатое аристократическое лицо императрицы.

— Нилан,— сказала она.— Я не понимаю. Неужели вы в самом деле настолько неблагоразумны, что решили противостоять правительству?

Хедрок ничего не ответил. Он чуть-чуть поворачивал свой корабль, не отрывая глаз от образовавшегося просвета между летящими впереди истребителями. Да и каким образом он мог бы ответить — шепотом, как раньше? Либо изменив голос, к чему давно не прибегал. Не хотел он разыгрывать бездарный спектакль и рисковать будущими отношениями с Иннельдой.

— Дэн Нилан! — Голос императрицы звучал на низкой драматической ноте.— Подумайте, прежде чем обрекать себя на гибель. Мое предложение все еще в силе. Просто посадите спасательную ракету в указанном месте и...

Она продолжала говорить, но Хедрок помышлял лишь о побеге. Благодаря ее вмешательству он выгадал минуту-другую, чуть подправил курс, и сейчас его маленький корабль был повернут к Южному полушарию в направлении звезды Проксима Центавра. Разумеется, цель он наметил весьма приблизительно, но другого выхода не было — необходимо уйти от военных кораблей и отправиться в те края, о которых у него было хоть какое-то представление.

— ...Я предлагаю вам миллиард креди...

Пальцы крепко сжимали белый рычаг, на котором значились слова «Полет в бесконечность», и теперь, когда наступило время, он не колебался. Резкое движение руки — и рычаг был выжат до упора.

На него обрушился удар такой невероятной силы, будто его огрели кузнечным молотом.

Глава 9

Томительно тянулось утро. Императрица — молодая, высокая, красивая — ходила взад-вперед по своему кабинету с зеркалами на стенах.

«Какой изможденный у меня вид,— вдруг подумала она,— будто у задерганной кухарки. Начинаю себя жалеть и сетовать на крест, который взвалила на собственные плечи. Кажется, старею...»

Она физически ощущала бремя своих лет. Наверное, в десятый раз включила один из стоящих в ряд телестатов и долго всматривалась в людей, работавших в отсеке двигателей космического корабля Гриера. Ее обуяло неистовое желание закричать на них, заставить поднажать, поспешить, поторопиться. Неужели они не понимают, что в любой час, в любую минуту Торговый дом оружейников может обнаружить то место, куда перевезли корабль, и атаковать его всей своей мощью.

«Уничтожить корабль, пока не поздно. Уничтожить как можно скорее!» — в который раз думала она за это долгое утро.

Резким движением пальца включила телестат, который передавал новости, и вслушалась в выкрики, обращенные к ней:

«Торговый дом оружейников обвиняет императрицу в том, что она вынашивает тайные планы межзвездных полетов... Торговый дом требует обнародовать эти секретные данные...»

Она выключила телестат и на какое-то время застыла, оглушенная тишиной. Но уже через мгновение почувствовала себя лучше. Они ничего толком не знают — сам собой напрашивался вывод из последних сообщений. Как только корабль будет уничтожен — она опять ощутила прилив беспокойства,— останется один сомнительный момент, один человек: таинственный Дэн Нилан.

Но Нилан либо мертв, либо бесследно исчез. В течение двух секунд, пока маленький корабль был в пределах досягаемости военных радаров, он развил, по сведениям технической службы, такую огромную скорость, что никакое человеческое существо не могло бы ее выдержать, оставаясь в сознании. И еще неизвестно, как долго продержится такое состояние при подобной скорости. Пускай себе Торговый дом оружейников неистовствует и витийствует, Ишеры знавали и худшие времена.

Невольный взгляд на телестат, настроенный на корабль Гриера, вернул ее к главной опасности. Долго смотрела она не отрываясь на незаконченную работу. Затем, вся дрожа, прервала связь. Какой кошмар это ожидание! Потом выслушала очередной выпуск последних известий и почувствовала себя бодрее. У нее прибавилось уверенности. Все, что сообщалось о Торговом доме оружейников, было против него. Императрица с трудом выдавила из себя кривую улыбку: вот ведь до чего дошла — собственной пропаганде поверила!

Как бы там ни было, она совершенно успокоилась и была готова к разговору, который откладывала все утро. Невозмутимая, сидела она в кресле, а перепуганный негодяй Гриер трещал без умолку — был вне себя от страха и молил о пощаде. Императрица слушала без интереса, пока тот не упомянул о Кершоу и Нилане.

Она поморщилась: ох уж этот Нилан!

Какую же цель поставил он перед собой? Воздвиг неприступную стену, которую она не смогла преодолеть. Возмож-

но, неожиданное сопротивление, которое он ей оказал, следует объяснить родственными чувствами к брату, хотя совсем уж непонятно, как он обнаружил корабль. Пробыв на нем всего несколько часов, досконально разобрался во всех деталях. Приложил поистине геркулесовы усилия, чтобы привести в порядок двигатели — грандиозная задача, которую он, пожалуй, решил бы в более благоприятных условиях. Это она ему помешала, так как страшно нервничала и приказала начать атаку. По логике вещей следовало принять во внимание его доводы и отложить штурм. О чем тут говорить — она столкнулась с выдающейся личностью!

Императрица справилась со своими мыслями и мягко спросила Гриера:

— А где вы оставили Кершоу и других?

Тот стал что-то бессвязно лепетать о семи пригодных для жизни планетах созвездия Центавра, три из которых прекраснее Земли.

— Клянусь, я оставил их на одной из этих планет. С ними все в порядке. Первый же корабль подберет их. Я только хотел поскорее добраться сюда и продать изобретение. Конечно, это преступление. Но в наше время каждый думает лишь о себе.

Она знала, что Гриер лжет, говоря о судьбе команды, поэтому была холодна и безжалостна. Люди, испытывающие страх, всегда вызывали в ней эти чувства. Она относилась к ним с отвращением, словно к чему-то нечистому. Они не представляли для нее никакой ценности. Но в данном случае почему-то была в нерешительности и не сразу поняла, почему именно. Поразительно, но ей тоже было страшно. Только не за себя, как Гриеру, а за династию Ишеров.

Императрица подняла голову и повелела:

— Отведите его обратно в камеру. Я решу позже, что с ним делать.

Хотя знала наперед, что помилует мерзавца, и жгуче презирала себя за эту слабость. Уж не уподобилась ли она той черни, которая бесновалась на улицах и вопила, требуя сведений о межзвездном суперлайнере?

Один из ее личных телестатов ожил. Она включила его, и глаза ее расширились при виде адмирала Дирна.

— Да,— отозвалась императрица,— я сейчас буду.

Она в нетерпении вскочила с кресла. Космический корабль готов и ждет, чтобы уничтожили его и вместе с ним — его тайну.

Каждая минута промедления грозит гибелью, когда имеешь дело с таким противником, как Торговый дом оружейников. И она устремилась к дверям.

Космический корабль Гриера — она с досадой продолжала его так называть, поскольку не подобрала лучшего названия,— издали казался крошечным в огромном военном ангаре. Но по мере того, как ее автоплан в сопровождении патрульных машин подлетал все ближе, крошка начала расти. Когда же императрица прошла пешком последние четыреста футов, корабль навис над ней — длинное, крапчатого цвета сооружение в форме сигары, горизонтально уложенное на опоры. Ее глаза внимательно изучали обшивку: толстые листы металла болтались, но совсем их еще не отодрали. Она вопросительно взглянула на офицера в полевой форме, который стоял на почтительном расстоянии. Он поклонился.

— Как видите, приказ вашего величества выполнен точно. Никто ничего не видел внутри суперлайнера, никто ничего не трогал в нем, а рабочие, которые отрывали листы металла, набраны по списку, поступившему сегодня утром и утвержденному лично вами. Ни один из них не обладает достаточными научными знаниями, чтобы разобраться в обыкновенном космическом корабле, не говоря уже об особом.

— Хорошо.

Императрица повернулась и увидела приближающуюся группу людей. Все приветствовали ее.

Как она убедилась, здесь свое дело знали. Рабочие начали умело снимать листы обшивки. За два часа с этим было покончено. Да, скоро и с кораблем будет покончено, однако все его секретные узлы и конструкции запечатлелись в ее мозгу. А затем правительница стояла за бронещитом и наблюдала, как энергетическая пушка превращает остов корабля в бесформенную массу расплавленного металла. Иннельда уже проявляла нетерпение. Наконец на земле остался раскаленный добела холм неровной формы. Сразу успокоившись, императрица села в свой автоплан. Когда подлетали к дворцу, по небу плыли темные облака. День угасал.

Пелена как будто стала спадать. Хедрок долгое время лежал с широко открытыми глазами.

Он постепенно осознавал, как тихо вокруг: тяжесть в теле исчезла, никакого движения не ощущалось. Проблески сознания начали соединяться в одно целое. Он выпрямился в кресле перед пультом управления и посмотрел на экраны телестатов. В космосе мерцали звезды. Солнца не было, ничего не было, только острые как иглы лучики света, отличающиеся друг от друга яркостью. Ни давления скорости, ни гравитации. Он в своей жизни уже испытывал подобное, но здесь все-таки что-то иное. Взглянул на рычаг «Полет в бесконечность». Тот все еще был выжат до упора. Ах вот в чем дело! На спидометре — невероятные цифры, на автоматическом календаре — девятнадцать ноль-ноль, двадцать восьмое августа четыре тысячи семьсот девяносто первого года Ишер. Хедрок кивнул сам себе. Итак, он находился без сознания двадцать два дня. И все это время корабль летел вперед — спидометр показывал около четырехсот миллионов миль в секунду. При такой скорости расстояние между Землей и созвездием Центавра промелькнуло за восемнадцать часов. Теперь каким-то образом надо бы повернуть назад.

Хедрок погрузился в размышления, а затем освободил зажимное устройство автомата и перевел корабль на ручное управление. Что-то зажужжало и очень быстро затикало. Звезды завертелись, но по прошествии трех секунд вращение прекратилось. Корабль сделал плавный поворот, составивший тысячу двести миллионов миль. При прежней скорости Солнечная система покажется еще через двадцать два дня. Нет, минуточку! Не так все просто. Нельзя было снова подвергнуть себя действию жуткого давления, которое так надолго лишило его сознания. Кое-что прикинув, он повернул ручку на три четверти, изменив скорость движения. И стал ждать. Интересно, как скоро он придет в себя после того, как снизится давление? Прошло два часа — ничего сверхъестественного не случилось. Только голова клонилась на грудь и глаза закрывались. Но влияние торможения на этом закончилось.

В томительном ожидании Хедрок прилег на одну из кушеток и заснул. Вдруг всего его затрясло, он в испуге очнулся,

но быстро успокоился — давление равномерно распределилось по всему телу. Пережив первый шок, он решил потерпеть. Хотел вскочить, чтобы взглянуть на спидометр, но его пронзила резкая боль, и он предпочел не шевелиться. Понимал, что во всем теле идет болезненная перестройка — клеточная, атомная, нервная, мускульная. Он не двигался в течение получаса. Затем встал, подошел к приборным доскам и уставился в телестат. Ничего не было видно. Календарь показывал двадцать девятое августа, двадцать три часа три минуты, а стрелка спидометра опустилась до отметки триста пятьдесят миллионов миль. При таком торможении спасательная ракета должна будет остановиться приблизительно через тридцать два дня.

На третий день скорость упала более чем на одиннадцать миллионов миль в секунду. Он уже с интересом наблюдал, как тоскливо и медленно, час за часом, торможение увеличивается. Ему стало совершенно ясно, что при увеличении или уменьшении скорости за порогом трехсот пятидесяти миллионов миль в секунду действуют очень мощные законы. По крайней мере в четыре раза превосходящие по силе известные на Земле.

Дни тянулись медленно, и Хедрок наблюдал, как подсветка спидометра меркнет. Наконец свет мигнул и погас. Хедрок почувствовал себя потерянным во тьме ночи, с каждым часом все больше утрачивающим реальность. Спал беспокойно, затем вернулся в кресло за пультом управления.

Едва он уселся туда, как корабль затрясло. Было ощущение, будто вибрирует каждый лист обшивки. Маленькое суденышко завертелось, точно щепка в водовороте. Хедрока спасло многоцелевое кресло. Чутко реагируя на все колебания, оно гасило их и предохраняло человека от излишних нагрузок. Как, впрочем, и пульт управления.

Все близлежащее космическое пространство кишело сигарообразными космическими кораблями невероятных размеров. Экраны телестатов заполонили дюжины этих громадин длиной в милю; и все они выстроились вокруг ракеты по огибающей линии. Вдруг откуда-то из массы рукотворных космических тел до него долетели то ли мысли, то ли слова сообщения. Они ворвались в кабину управления, словно пузыря-

щиеся струи атомарного газа. Они обладали такой силой, что в первое мгновение он не уловил смысла. А когда смысл начал доходить, то озадаченный мозг не сразу сообразил, что эти всепроникающие сигналы адресованы не ему, хотя непосредственно его затрагивают.

— ...Пришелец не имеет значения... Тип разума минус девятьсот. Смотри первую величину напряжения... Уничтожить его?

Хедрок пребывал в полном смятении, но тут его осенила безумная мысль: обмен сведениями каким-то образом касался ожесточенной земной перепалки «за» или «против» межзвездных полетов. Какое теперь это имеет значение? Слишком поздно. Время безжалостно, а эволюция человека идет слишком медленно. Высшие по разуму существа давным-давно захватили во Вселенной то, что им было нужно, а оставшиеся крохи будут уступать только по своему усмотрению. Слишком поздно, слишком поздно.

Глава 11

Должно быть, прошла минута или чуть больше, а Хедрок все еще сидел в том же положении. Когда вернулась способность осознанно наблюдать за происходящим, он вдруг почувствовал, что может ориентироваться в темноте. В этой ситуации самым сильным, если не единственным желанием было желание выжить. Прищурив глаза, он смотрел, как в окна, на экраны телестатов — на окружавшие его космические корабли. Ему было страшно не за себя, а за человечество. Их было много. Слишком много. И ничего иного, кроме смерти, они не предвещали.

Но он был жив. Постижение этого факта дало ему как бы второе дыхание. Пальцы уцепились за ручки управления. Взгляд искал просвет между двумя огромными машинами. Затем он надавил на корректор, дождался момента, когда спасательная ракета сможет проскочить между кораблями, и осторожно до упора выжал белый акселератор.

Он перестал что-либо воспринимать, так как вдруг очутился в кромешной тьме, правда физической, а не умственной. Спустя мгновение припомнил, что было какое-то движе-

ние, смахивающее на легкий рывок. А потом — ничего, ни кораблей, ни звезд. И телестаты не то чтобы выключились, но экраны заполнила густая чернота. Чуть подождав, он нажал информационную кнопку на приборной доске. Тут же засветилось простое слово: «металл».

Металл! Он со всех сторон окружен металлом. Это означало только одно — ракету поглотил огромный незнакомый корабль. Как это произошло — неведомо, но если Торговый дом оружейников на Земле имел вибрационную систему трансмиттеров, посредством которой материальные объекты могли перемещаться в пространстве, почему же огромная машина не могла поглотить его спасательную ракету?

Ясное осознание положения, в котором он оказался, причиняло душевные муки. Конечно, его взяли в плен, и, когда положено, он узнает, что его ждет. Они оставили ему жизнь, а это означает, что он представляет для них интерес. Хедрок облачился в скафандр. Нервы были напряжены до предела, но он держал себя в руках.

Сделав все необходимые приготовления, он открыл воздушный шлюз, на какое-то мгновение остановился и подумал в унынии, как далеко он от Земли. Затем вышел из спасательной ракеты. Гравитации не было, поэтому, когда самозакрывающаяся дверь шлюза подтолкнула в спину, он, плавно паря, стал опускаться вниз. Яркий свет фонарика высвечивал резко очерченные стены, выложенные ровными пластинами металла, и двери в них.

Ничего необычного в этой картине не было, все вполне ординарно. Просто нужно проверить двери и, если какая-нибудь поддастся, выйти. Первая дверь сразу же открылась. Мгновение спустя нервное напряжение стало спадать, показалось даже, что он находится в стране чудес. С высоты около двух миль просматривался город. Он сиял и переливался в лучах невидимого источника света, весь в зелени деревьев и цветущих кустарников. За ним начинался пригород, яркий от обилия садов, лужаек и искрящих ручьев. Этот пейзаж, насколько хватало взгляда, простирался на три стороны и, мягко изгибаясь, терялся в легкой дымке. Если бы не ограниченный горизонт, можно было подумать, что это Земля.

Здесь Хедрок испытал еще одно сильнейшее потрясение. Город, пронеслось в голове, совсем земной город в косми-

ческом корабле — такое просто в уме не укладывалось. Корабль, который вначале показался в милю длиной, на самом деле был величиной по меньшей мере в пятьдесят миль и летал в космосе с несколькими сотнями себе подобных — каждый аппарат размером с маленькую планету, управляемый существами высшего разума.

Хедрок подумал о дальнейших шагах. Нельзя ли вывести сюда свою ракету? Осмотрел стену с дверями и нашел достаточно большой проем. Но какое-то мгновение засомневался: разрешат ли таинственные существа сдвинуть ракету с места. Все зависит от того, чего они от него хотят. Его сомнения кончились, когда маленькая машина выскользнула наружу, беспрепятственно преодолев проем, и через несколько минут села на окраине города.

Благополучно приземлившись, Хедрок тихо сидел и ждал, когда успокоятся нервы. И к тому же он подумал, что именно на такое поведение здесь рассчитывали. Бесспорно, он служил объектом какого-то важного эксперимента; и хотя меры предосторожности с его стороны, казалось, не имеют никакого смысла, пренебрегать ими тоже не следовало. Он сделал анализ атмосферы. Атмосферное давление было чуть больше обычного, содержание кислорода девятнадцать процентов, азота — семьдесят девять, температура плюс семьдесят четыре по Фаренгейту, гравитационное взаимодействие в норме. Можно не продолжать исследований, так как показатели оказались такие же, как на Земле.

Хедрок снял скафандр. Ни о каком сопротивлении и помышлять нечего. Он полностью во власти существ, которые как бы походя, за считаные минуты создали для него привычную среду обитания. Выскользнул из ракеты и ощутил тишину. Пошел вперед по улице, миновал одну, потом другую — город был пуст. Ни ветерка, ни движения. Деревья словно погрузились в спячку — неподвижные ветви, поникшие листья. Этот пейзаж слишком смахивал на макет за стеклом витрины, на сад в бутылке, да и сам он посреди всего этого — крошечная фигурка, застывшая в напряжении. Единственная разница, пожалуй, в том, что он не собирается стоять здесь вечно.

Хедрок направился к белому блестящему зданию, широкому и длинному, но не очень высокому. Постучал в дверь

и, когда звук безответно замер, толкнул ее. Дверь открылась не в вестибюль, а в небольшую комнату, облицованную металлом. Там были приборная доска, многоцелевое кресло и человек в нем. Хедрок остановился как вкопанный, ибо в кресле сидел не кто иной, как он сам, собственной персоной, будто в своей спасательной ракете. Он осторожно прошел вперед, ожидая, что стоит приблизиться, и тело исчезнет. Но этого не произошло. А если дотронуться до собственного двойника, рука погрузится в пустоту? Ничего подобного. Пальцы ощутили реальную фактуру одежды и теплоту живого лица. Лже-Хедрок, не обратив на своего прототипа никакого внимания, продолжал напряженно всматриваться в экран общего телестата.

Хедрок посмотрел в том же направлении и вздрогнул, когда увидел одухотворенное и серьезное лицо императрицы.

Ага, здесь разыгрывается последний приказ Иннельды, беззвучная сцена, так как не слышно ее вибрирующего голоса, приказывающего посадить спасательную ракету. Он с нетерпением ожидал, что же будет дальше, но и через несколько минут ничего не изменилось. Тогда он пошел к двери. Уже за пределами этого помещения остановился, почувствовав сильное волнение. Эта картина, размышлял он, разыгранный фрагмент его памяти. Но почему именно этот эпизод, а не какой-то другой?

Импульсивно Хедрок снова открыл ту же дверь и заглянул вовнутрь. Комната была пуста. Он пошел дальше в город и опять окунулся в тишину, как в омут. Напряжение постепенно ослабевало. Он должен быть готов к любой неожиданности со стороны неведомых хозяев его судьбы. Что-то их заинтересовало, теперь нужно взять инициативу в свои руки и поддерживать интерес к себе до тех пор, пока не удастся раскрыть тайну их власти над собой.

Вдруг Хедрок очутился перед внушительным подъездом тридцатиэтажного мраморного небоскреба. Резная дверь открылась, как и в первом случае, не в холл, а сразу во внутреннее помещение. Оно было больше первого. В напольных и настенных витринах красовались образцы оружия, а в углу сидел человек и распечатывал письмо. Хедрок уже пережил нечто подобное, поэтому увиденное не потрясло его так силь-

но. Перед ним был линвудский оружейный магазин, а человек в углу — Дэниел Нилан. Очевидно, сейчас проигрывают сцену их встречи и разговора.

Он прошел вперед, чувствуя какое-то несоответствие, какое-то отличие от запечатлевшегося в памяти. И вдруг понял, в чем дело. При их настоящем свидании Нилан еще не читал письмо.

Неужели ему продемонстрируют то, что случилось позже?

Когда Хедрок остановился позади сидящего Нилана и взглянул на письмо в его руках, то оценил подлинность сцены. На конверте была марсианская почтовая марка. Значит, это та самая корреспонденция, которая поступила на имя Нилана в Торговый дом оружейников и за которой Нилан вернулся после их совместного визита в Треллис Майнор билдинг.

Но как все это делается? Одно — воспроизвести сцену, которую они извлекли из его памяти, совсем другое — реконструировать то, в чем он не принимал участия, и что совершалось на расстоянии бесчисленных миллиардов километров около месяца назад. Должна же быть причина, ради которой они демонстрируют столь сложное искусство. Он решил: «хозяева» хотят, чтобы он прочел письмо, полученное Ниланом.

Хедрок наклонился вперед в намерении разглядеть строчки, но перед глазами все тут же поплыло. Вскоре это прошло, и он обнаружил, что не стоит, а сидит и даже сам держит письмо. Такое перераспределение ролей было настолько неожиданно, что Хедрок невольно повернулся на стуле и посмотрел назад.

Время тянулось бесконечно, а он смотрел и смотрел на собственное тело, застывшее поодаль в напряженной позе, чуть подавшись вперед, и на прищуренные глаза, пытающиеся что-то разглядеть. Затем принял прежнее положение и оглядел одежду Нилана, руки Нилана, тело Нилана. И почувствовал себя совсем по-иному — в него переселились мысли Нилана, возник эмоциональный интерес к письму.

Прежде чем Хедрок смог себе объяснить, каким это образом — совершенно непонятно каким! — его душа переместилась в тело Нилана, тот углубился в письмо. Оно было от его брата Джила.

Дорогой Дэн!

Теперь я могу рассказать тебе о величайшем открытии за всю историю существования человечества.

Через несколько часов мы отбываем. Мне пришлось ждать последней минуты, ибо мы опасались, что письмо перехватят, и не могли рисковать. Мы хотим поставить мир перед фактом. Когда вернемся, будем кричать о нашем свершении на каждом углу, представим бесконечные фильмы и записи, подтверждающие наш рассказ. А сейчас о самой экспедиции.

Нас семеро во главе с известным ученым Дердом Кершоу. Шесть специалистов в различных областях науки. Седьмой — парень по имени Гриер — вроде подручного для ведения книг учета, протоколов, отчетов и так далее. Он отвечает также за работу автоматических кухонных плит. Кершоу обучает его работе с приборами управления, чтобы освобождать остальных от будничных дел.

Здесь Хедрок-Нилан прервал чтение, на сердце у него кошки скребли.

— Дети! — пробормотал он севшим голосом.— Великовозрастные дети, черт бы их побрал.

И тут же подумал: «Итак, Гриер был подручным. Неудивительно — ведь он полный профан в науке».

Хедрок принялся читать дальше, но вдруг вычленил собственное «я» из совокупного сознания и в изумлении подумал: «Дэн Нилан ничего не знал о подлеце Гриере. Как же он мог испытывать к тому неприязнь?» Однако здесь его собственное «я» вновь растворилось — сильное желание Нилана продолжить чтение победило волевой импульс Хедрока. Они совместно двинулись дальше:

Меня пригласили заниматься этим делом после того, как Кершоу заметил мою статью в журнале по атомной энергетике. Статья была посвящена исследованию вращения небесных тел в сторону, противоположную вращению Земли. Это исследование перекликалось с идеей изобретения Кершоу.

Должен заметить, что возможность дублирования этого открытия другими исследователями практически равна нулю. В своей концепции оно охватывает слишком много отраслей науки. Как ты помнишь, во время учебы нам говорили, что су-

ществует почти пятьсот тысяч отраслей науки и умелая координация усилий будет порождать бесконечное количество новых изобретений. Впрочем, никого нельзя научить устанавливать продуктивное соотношение отдельных элементов на стыках наук, не говоря уж об их выборе.

Я упоминаю об этом, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость полной секретности. Однажды ночью мы долго говорили с Кершоу, и мне предложили участвовать в этом предприятии исключительно на конфиденциальной основе.

Послушай, Дэн, это новость огромной важности. Мы изобрели корабль, обладающий такой скоростью, о которой можно только мечтать. Мы победили звезды. И когда я закончу это письмо, мы отправимся в созвездие Центавра. При одной мысли об этом меня бросает в жар и холод. Все проблемы человечества разрешены. Вся вселенная открывается для людей. Только подумай о тех, кого насильно выбрасывают на Марс, Венеру и всякие луны. Конечно, это вынужденная мера, ведь кто-то должен находиться там и разрабатывать природные богатства — а теперь появилась надежда, новый шанс обосноваться в прекрасных цветущих мирах дальнего космоса.

Отныне и навек мы обретем неограниченные жизненные пространства, и люди перестанут грызться из-за права владения земельной собственностью. Теперь у всех ее будет более чем достаточно.

Причина нашей осторожности состоит в том, что империя Ишеров будет потрясена до основания беспрецедентной эмиграцией, которая тут же начнется, и императрица Иннельда поймет это и постарается уничтожить нас. Мы даже не уверены в том, что Торговый дом оружейников поддержит эти перемены. Он ведь является неотъемлемой частью ишеровской системы, он финансировал ее и таким образом приложил руку к созданию самой стабильной в истории человечества государственной машины для подавления нестабильного общества. Так что пока мы бы не хотели, чтобы кто-либо узнал о нашем предприятии.

И еще. Мы с Кершоу обсуждали влияние сверхдальних расстояний на нашу с тобой сенсорную связь. Он полагает, что скорость движения при нашем удалении от Солнечной системы сразу разрушит эту связь, не говоря уж о тяжких перегрузках, которые нам предстоит испытать. Мы...

Здесь Нилан остановился. Выходит, и он все это испытал, а потом наступила пустота. Джил не умер. Вернее, не умер в тот день год назад... Мысли стремительно неслись вперед... И только во время экспедиции Гриер...

Здесь Хедрок усилием воли вырвал собственное сознание из двойственного союза.

«Господи,— подумал он, содрогнувшись,— мы части друг друга. Наши эмоции взаимно переплелись, мои знания и ощущения перешли к нему, а его — ко мне. Это было бы хорошо, если бы он был моим братом, с которым у нас давным-давно установилась сенсорная взаимосвязь. Но все не так. Мы совсем чужие люди, встретившиеся однажды по воле случая».

Вполне возможно, его «хозяевам», этим таинственным экспериментаторам, манипулирующим чужими телами и разумом, все равно, с кем иметь дело — с ним самим, с Нилaном или с его идентичным братом. В конце концов, нервная система у большинства людей структурно одна и та же. Если двух Ниланов можно «настроить» друг на друга, почему бы не сделать то же самое с любыми другими человеческими существами.

На этот раз, разложив все по полочкам, Хедрок не сопротивлялся слиянию своей индивидуальности с личностью Нилана. Он хотел дочитать письмо Джила. Но перед глазами поплыло.

Хедрок-Нилан заморгал и резко вздрогнул, когда в лицо хлестнуло раскаленным песком. По телу пробежала судорога. Это уже был не оружейный магазин и не призрачный город. Он лежал под огромным выпуклым солнцем посреди плоской пустыни красного цвета. Невысоко слева сквозь плотную пелену пыли проглядывало еще одно солнце. В этом мире мелкого песка оно казалось далеким и небольшим, а цвет его смахивал на кровь. Рядом на песке лежали люди. Один из них из последних сил повернулся; это был большой красивый человек, губы его беззвучно шевелились. Каким-то неведомым образом то, как человек повернулся, заставило Нилана-Хедрока увидеть коробки, тару, металлические конструкции. Хедрок узнал регенератор жидкости, контейнер с продовольствием, телестат. И снова посмотрел на человека.

— Джил! — закричал он истошно. Скорее, это была реакция Нилана.— Джил! Джил!

— Дэн! — казалось, донеслось издалека.

Возможно, то был не звук, а обрывок мысли в отуманенном мозгу. Усталый вздох. И опять откуда-то издалека чуть слышное, но отчетливое обращение к Нилану:

— Дэн, ах ты, чучело, где ты? Дэн, как тебе это удалось? Я не чувствую, что ты рядом... Дэн, мне плохо, я умираю. Мы на странной планете, которая скоро приблизится к одному из солнц Альфы Центавра. Бури крепчают, воздух раскаляется все сильнее. Мы — о боже!..

Внезапно его обожгла резкая боль. Словно кто-то туго натянул, а потом отпустил тетиву. Сквозь неведомые пространства и умопомрачительные расстояния. Хедрок ясно понял, что наяву ни он, ни Дэн не присутствовали при этой сцене. Действовала сенсорная связь между братьями, а непосредственным участником этого кошмара был Джил Нилан. Те, кто все это сотворил, достигли потрясающего понимания человеческих существ и власти над ними.

Прошло некоторое время, и Хедрок вновь увидел Дэна Нилана в оружейной лавке с письмом в руках. В глазах стояли слезы, но теперь можно было разобрать заключительные слова:

В первый раз со дня рождения мы разлучены. Я знаю, что мне будет тоскливо и одиноко.

Уверен, Дэн, ты читаешь это письмо и завидуешь. Едва подумаю о том, как давно человек мечтает отправиться к далеким звездам, хотя ему постоянно внушают, будто это невозможно,— и сразу представляю себе, что ты чувствуешь. Ведь ты самый неистовый искатель приключений в нашей семье.

Пожелай мне удачи, Дэн, и держи язык за зубами.

Твоя вторая половина
Джил.

Хедрок не стал раздумывать над последней трансформацией. Сейчас она уже не имела значения. Его не оставляла мысль о случившемся чуде, позволившем ему увидеть беднягу Джила Нилана в раскаленных песках. Каким-то образом все-

могущие существа, захватившие его в плен, восстановили прерванный контакт между братьями и осуществили связь через колоссальное пространство и время — связь мгновенную и совершенно невероятную.

И случайно или намеренно прихватили его в это фантастическое путешествие.

Странно, почему так темно? Коль скоро он уже не в оружейном магазине, то, по логике вещей, должен вернуться в безлюдный город или на огромный корабль этих высокоодаренных существ. Хедрок пошевелился и, сделав усилие, понял, что лежит ничком. Только он стал подниматься, как его руки и ноги запутались в тугом переплетении каких-то канатов. Пришлось ухватиться за болтающийся конец, чтобы не упасть. В кромешной тьме он встал, пошатываясь и пытаясь удержать равновесие.

Он успокаивал себя, изо всех сил старался не упустить ни одной подробности происходящего вокруг. Внезапно его охватила паника, словно что-то кольнуло. Под ногами не осталось ничего твердого, кроме колышащихся канатов,— будто на парусной шхуне, бороздившей моря и океаны в стародавние времена, или в паутине паука кошмарных размеров. Он оцепенел, холодок пробежал по позвоночнику. Точно: паучья паутина!

Между тем откуда-то просочился тусклый свет голубоватого отлива, и стало ясно, что города нет и в помине. Вместо него возник таинственный темно-синий мир, заполненный паутиной, многими милями паутины. Она тянулась направо, налево и высоко вверх, растворяясь вдалеке. Она была везде и всюду, куда ни кинешь взгляд, и постепенно таяла во мраке, словно в преисподней. И тут, хотя и не сразу, он разглядел тех, кто ее ткал.

У Хедрока, многое повидавшего на своем веку, было время, чтобы морально подготовиться к предстоящему испытанию. Было время понять, что он находится внутри корабля и тот должен быть обитаем. Высоко над ним кто-то чуть-чуть пошевелился. Пауки! Он их ясно видел теперь — огромные существа с множеством ног. Ему стало невыносимо тошно. Вот как распорядилась природа — властью над вселенной и самым высшим интеллектом она наградила паукообразных.

Кажется, Хедрок довольно долго предавался подобным размышлениям. Затем его осветил слабый свет, направленный непонятно откуда. И тут его мозг стал воспринимать сильнейшие импульсы:

«...Показатели отрицательные... Между двумя существами нет физической связи... только энергия...»

«...Но напряжение усиливалось... Связь осуществилась на расстоянии».

«Подтверждаю, что нет физической связи...»

Одна сухая констатация за другой.

«Я просто выражал свое изумление, о могущественный... Несомненно, мы имеем дело с явлением, тесно связанным с поведением этой расы. Давайте спросим у него...»

«ЧЕЛОВЕК!»

Мозг Хедрока, в последние минуты работавший на пределе под грузом чудовищных импульсов, еле выдержал воздействие целенаправленной волны.

— Да? — наконец выдавил из себя Хедрок.

Он говорил вслух. Голос его, и без того негромкий, потонул в тиши большого помещения.

«Человек, почему один брат отправился в долгое путешествие, чтобы выяснить, что случилось с другим братом?»

На какое-то мгновение вопрос озадачил Хедрока. По-видимому, имелся в виду тот факт, что Дэн Нилан вернулся с далекого астероида на Землю, чтобы разузнать, почему прервалась его сенсорная связь с братом Джилом. Этот вопрос вроде бы не имел смысла, так как ответ очевиден. Идентичные братья, они вместе воспитывались, у них были особенно близкие отношения. Прежде чем Хедрок смог объяснить наипростейшие вещи в природе человека, его мозг испытал новое мощное воздействие:

«Человек, зачем ты рисковал жизнью, чтобы другие человеческие существа могли отправиться к звездам? И почему ты хочешь передать тайну бессмертия другим?»

Несмотря на полный ералаш в голове, до Хедрока начал доходить истинный смысл происходящего. Эти паукообразные старались понять эмоциональную природу человека, поскольку сами были напрочь лишены всяких чувств. Они будто слепые, которые просят объяснить, что такое цвет, или абсо-

лютно глухие, желающие узнать, что такое звук. Принцип тот же самый.

Теперь стало ясно, чего они добивались. Совершенно бессмысленное, как показалось прежде, воспроизведение сцены между ним и императрицей, когда он рисковал жизнью во имя своей альтруистической цели, было предназначено для наблюдения за его эмоциями. Затем таким же образом была налажена сенсорная связь между Ниланом и им самим. Они хотели измерить и оценить эмоции в действии.

И тут его мозг снова заполнился чужими мыслями:

«Жаль, что один из братьев нарушил связь...»

«Нет нужды в сдерживающем факторе. Брат на Земле больше не нужен, поскольку мы установили прямую связь между нашим узником и мертвым. Необходимы крупные исследования...»

«...Немедленно приступайте».

«Что делать в первую очередь?»

«Конечно, дать ему свободу».

Долгое молчание. Хедрок весь напрягся и невольно закрыл глаза. Затем — провал. Когда он открыл глаза, то увидел, что находится в одной из своих секретных лабораторий на Земле. В той самой, где его чуть не прихлопнула гигантская крыса.

Глава 12

Не веря, что он вновь на Земле, Хедрок осторожно встал на ноги и осмотрелся. На нем все еще был изоляционный костюм Гриера, в который он облачился, прежде чем покинуть спасательную ракету и отправиться бродить по «городу», сотворенному паукообразными специально для него. Он медленно оглядел помещения, стараясь найти хоть малейшие несоответствия, чтобы они подтвердили иллюзорность происходящего, новый обман зрения.

Уверенности ни в чем не было. Но чувствовал он себя совсем не так, как прежде, когда им манипулировали. Тогда он пребывал в полной нереальности, как бы во сне. А сейчас подобного ощущения не было.

Он нахмурился и стал вспоминать последние полученные от них импульсы. Один из пауков — вероятно, главный — распорядился отпустить его, «дать ему свободу». Хотя вовсе не ясно, значило ли это совсем отпустить или на время их эксперимента. Они ведь продолжают изучать эмоциональное поведение человека. Но он в своей жизни так часто подвергался опасности, что вопреки всему не мог позволить возобладать личному чувству страха и затмить намеченную цель. Однако сейчас необходимо удостовериться в реальности окружающей обстановки.

Он подошел к общему телестату в одном из кабинетов и включил канал новостей. Передавали скучный обзор информации. Комментатор говорил о новых законах, находящихся на обсуждении в императорском парламенте. Ни единого упоминания о межзвездном суперлайнере. Если и было какое-то смятение после его побега с корабля Кершоу, а потом за пределы Земли, то, очевидно, оно уже улеглось. А если были попытки заставить императрицу раскрыть секрет, то от них, похоже, давно отказались.

Он выключил телестат и надел рабочий костюм. Скрупулезно отобрал четыре перстня с оружием, готовясь к схватке, прошел через трансмиттер и очутился в одной из своих квартир в Империал-Сити. Теперь он чувствовал себя намного лучше. В мыслях Хедрок уже наметил план эксперимента, который он проведет, если паукообразные вновь попытаются подчинить его себе. Он не переставал думать о том, что означает свобода, подаренная ему. Подошел к окну и взглянул на город, простирающийся на юг. Более минуты Хедрок не сводил глаз со знакомой панорамы огромного метрополиса, а затем медленно повернулся к телестату и вызвал общественную службу новостей.

Эта организация была связана с Торговым домом оружейников и выдавала независимую информацию. Девушка ответила на все вопросы, не спросив имени абонента. Он узнал, что императрица публично и неоднократно отрицала сведения о межзвездном суперлайнере и что Торговый дом после массированной двухнедельной кампании против нее вдруг замолчал.

В мрачном состоянии духа Хедрок выключил связь. Итак, Иннельде все сошло с рук. Он догадывался, почему Торговый дом перестал давить на нее. Эта кампания могла бы стать весьма непопулярной, поскольку у оружейников не было никаких доказательств. Достало здравого смысла гласно не упорствовать в том, что, скорее всего, обернулось бы против них. К тому же девяносто процентов населения за две недели, очевидно, потеряли интерес ко всей этой истории. А из оставшихся десяти процентов многие не знали, что делать, даже если поверили в существование суперлайнера. Как заставить законную правительницу Солнечной системы раскрыть тайну?

Хедрок, имевший свои планы на этот счет, еще больше помрачнел. Он перешел в библиотеку и стал внимательно просматривать календарь нынешнего столетия. Проблем было несколько. Понадобится немного времени, чтобы привести план в действие, но начинать надо не раньше Дня вечного покоя.

Что касается паукообразных, не в его власти предугадать их шаги. Придется вести дело таким образом, будто они вообще не существуют.

— Итак,— бормотал он себе под нос,— сегодня первое октября, а завтра — День вечного покоя.

Ой-ой-ой! Выходит, остался только один день, чтобы подготовиться к самому крупному начинанию во всей его деятельности. А подготовка непростая — есть над чем поразмышлять. Трудно себе представить, как он справится с воротилами вроде Ненсена, Дили или Трайнера, когда времени в обрез. Но сейчас некогда сетовать на то, что все сложилось так, а не иначе.

Он вернулся в свою подземную лабораторию и придирчиво осмотрел огромный телестат, занимающий весь угол диспетчерской. Экран в несколько рядов окружали светящиеся точки, их было чуть больше полутора тысяч. Вскоре он набрал два десятка личных номеров. Семнадцать точек загорелись ярким зеленым цветом. Остальные три — красным, что означало: абонентов нет на месте. Семнадцать из двадцати — не так уж плохо. Закончив вызовы, Хедрок повернулся лицом к телестату, когда экран засветился.

— Хорошенько посмотрите на меня,— сказал он.— По всей вероятности, мы сегодня встретимся.

Он помедлил, обдумывая, как лучше поступить. Абонентам вовсе не обязательно знать, что он разговаривает сразу со всеми. Несомненно, некоторые из них далеко не дураки и, вероятно, подозревают, что вызваны и другие фирмы, но подчеркивать это было бы глупо.

Довольный, что эта мысль пришла в голову, Хедрок продолжал:

— Сотрудники вашей фирмы должны оставаться в конторе до завтрашнего утра. Позаботьтесь о спальных местах, обеспечьте их развлечениями и едой. Пусть работают до обычного часа, если не будет дальнейших распоряжений. За эту неделю сотрудникам надлежит выплатить премию в размере двадцати процентов. Лично вам сообщаю: возникло чрезвычайное положение и, если не получите дополнительных указаний до семи часов утра, продолжайте завтра трудиться в нормальном ритме. А пока прочитайте седьмую статью конституции. Все.

Он отключил телестат, взглянул на часы и скорчил гримасу. Должно пройти по крайней мере пятнадцать минут между его приказом и физическим появлением перед теми, кому он адресован. По-другому поступить нельзя. Нельзя явиться через минуту после разговора по телестату. Приказ сам по себе наверняка вызвал шок, так что не следует усугублять ситуацию.

Кроме того, предстоит быстро приготовить достаточную дозу стимулятора роста и принять ее внутрь. Прищурившись, он стоял и обдумывал вероятные повороты предстоящих бесед. Довольно трудно будет сразу подмять под себя некоторых администраторов. Он давно собирался принять против них решительные меры. Слишком засиделись на тепленьких местечках. Благодаря его либеральной политике прибрали к рукам руководящие посты, передают их по наследству из поколения в поколение, порой уходя из-под контроля и распоряжаясь прибылью по собственному усмотрению. В одиночку Хедрок не успевал за всеми уследить, и его власть постепенно ослабевала.

Выждав полчаса, он включил трансмиттер, посмотрел в образовавшийся тут же длинный светлый коридор. Затем шагнул в него и оказался перед дверью с внушительной табличкой:

КОРПОРАЦИЯ «ЗВЕЗДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»
КАПИТАЛ — ТРИЛЛИОН КРЕДИ
Контора президента Дж. Т. Трайнера
Посторонним вход воспрещен!

При помощи перстня Хедрок справился с хитрым запором. Вошел в приемную и направился дальше мимо хорошенькой девушки-секретарши, которая сделала попытку его остановить. Лучом перстня на ходу открыл вторую дверь, переступил порог и очутился в большом, богато обставленном кабинете. Крупный мужчина с бледным лицом и бесцветными глазами поднялся из-за массивного дугообразного стола и уставился на него.

Хедрок не обратил на него никакого внимания. Вдруг неистово зазвенел один из перстней, предусмотрительно надетых на пальцы. Он медленно повел рукой. Звон прекратился, когда камень в оправе посмотрел прямо на стену чуть выше стола. Великолепная маскировка, восхитился Хедрок. В нише за красивой панелью был тщательно спрятан огромный бластер. Если бы не перстень, его нипочем не обнаружить бы.

Хедрок помрачнел. Это неприятное открытие только подтверждало исподволь сложившееся мнение о президенте корпорации. Трайнер в заведенном на него досье характеризовался не просто эгоистичным и безжалостным человеком — такие черты характера присущи многим администраторам этого века, когда их ответственность неизмеримо возросла. Мало того что он был абсолютно аморален — сотни тысяч граждан империи Ишеров совершили не меньше убийств, чем Трайнер. Отличие состояло в мотивах поступков. Трайнер был разложившийся тип, похотливый, распутный негодяй.

Мужчина шел по кабинету, протянув руку для пожатия. Бледное лицо мельком осветилось сердечной улыбкой, и он заговорил вполне дружеским тоном:

— Даже не знаю, как к вам отнестись, но я весь внимание, слушаю вас.

Хедрок направился к нему, вроде бы собираясь пожать протянутую руку. Но в последний момент прошел мимо и через мгновение уселся в огромное кресло за дугообразным столом. Он смотрел в упор на испуганного чиновника, думая со злорадством:

«Итак, Трайнер весь внимание. Ну что же, неплохо. Хотя поначалу надо хорошенько встряхнуть его психологически и с откровенной жестокостью показать, что на свете есть люди покруче, чем Дж. Т. Трайнер. Не давать ему спуску, вывести из равновесия!»

— Прежде чем вы сядете в это кресло, мистер Трайнер,— резко сказал Хедрок,— и прежде чем мы начнем разговор, я хочу, чтобы ваши подчиненные начали делать то, что будет приказано. Вы слушаете?

Нечего было и спрашивать. Трайнер не просто слушал. Он был в шоке, он был зол и смущен. Но не сказать, чтобы слишком испуган. Этого Хедрок и не ожидал. Вид Трайнера свидетельствовал о настороженности вместе с известной долей любопытства.

— Что вы хотите? — спросил Трайнер.

Сейчас опасно переусердствовать в жестокости, мысленно остерег себя Хедрок. Затем вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот названия пятидесяти городов,— сказал он строго.— Нужно составить список принадлежащих мне контор. Не важно, чем они занимаются. Важно лишь одно: в перечень должны попасть те конторы, фирмы или корпорации, которые располагаются по одной стороне улицы в рядом стоящих зданиях. Следует указать название города, название улицы и перечислить дома. Например: два, четыре, шесть, восемь и так далее. И только в том случае, если их много, как минимум дюжина. Ясно?

— Да, но...— Трайнер явно ничего не понимал.

Хедрок оборвал его:

— Распорядитесь! — Он сверлил человека прищуренным взглядом, затем подался вперед.— Надеюсь, Трайнер, вы живете согласно статье седьмой конституции.

— Но, послушайте, эта статья была принята около тысячи лет назад. Не хотите же вы сказать...

— Вы можете представить список или нет?

Было видно, как Трайнера прошиб пот.

— Полагаю, что да,— сказал он в конце концов.— Право, не знаю. Я посмотрю.— Вдруг он весь подобрался и процедил сквозь плотно сжатые зубы: — Будь вы неладны, врываетесь сюда и...

Хедрок знал, что немного перегнул палку.

— Распорядитесь! — повторил он мягко.— А потом мы побеседуем.

Трайнер колебался. Он был в крайнем раздражении, но очень скоро, по-видимому, сообразил, что всегда можно увильнуть и не подчиниться приказу.

— Мне придется воспользоваться настольным телестатом,— промолвил он.

Хедрок кивнул и стал наблюдать, как его приказ передается нижестоящему руководителю.

— Какая-то секретная информация? — с ухмылкой спросил Трайнер чуть приглушенным голосом.— Что все это значит?

Притворная уступчивость выдавала его с головой. Хедрок сидел и бесстрастно прикидывал. Значит, пульт управления бластером находится в столе, недалеко от того места, к которому Трайнер придвинул свой стул. Хедрок тщательно обдумывал ситуацию. Он сидит спиной к пушке, а Трайнер несколько поодаль слева. Дверь, ведущая в приемную, находится в пятидесяти футах, а за ней — секретарша. Стена и дверь защитят ее. Если кто-то войдет, должен будет держаться левой стороны, сразу за Трайнером или еще дальше. Удовлетворенный своими расчетами, Хедрок кивнул. Он не спускал глаз с Трайнера. Наконец он заговорил:

— Я скажу вам все, Трайнер.— Хедрок решил еще больше возбудить явное любопытство президента и поумерить его нетерпение.— Но прежде желательно, чтобы вы сделали одну вещь. Здесь у вас есть старший бухгалтер по имени Ройан. Попросите его зайти. После того как я с ним поговорю, вам станет ясно, будет ли он завтра работать в фирме.

Трайнер в недоумении посмотрел на него и, помедлив какое-то время, заговорил в телестат. Кто-то звонким отчетливым голосом обещал немедленно прийти. Трайнер отключил связь и откинулся на стуле.

— Так значит, вы и есть тот самый человек в загадочном, долго молчавшем телестате,— произнес он спустя какое-то время, показав на аппарат в стене рядом с собой. Затем спросил сдавленным голосом: — Императрица владеет нашей корпорацией? Все принадлежит дому Ишеров?

— Нет! — отрезал Хедрок.

Трайнер был явно разочарован.

— Я склонен поверить,— сказал он,— и знаете почему? Дому Ишеров все время отчаянно нужны деньги, и он не допустил бы, чтобы такое сокровище — наша компания — прозябало подобным образом. Эти идиоты дошли до того, что постоянно делятся прибылью со служащими. Нет, кто бы то ни был, это не Ишер.

— Нет, не Ишер! — обронил Хедрок и взглянул на Трайнера.

У того был вид человека, совершенно сбитого с толку. Как и многие до него, Трайнер не осмеливался полностью игнорировать тайного владельца корпорации, пока существовала вероятность, что им является императорская семья. Впрочем, Хедрок и раньше замечал: отрицание этого факта только увеличивало сомнения честолюбцев.

В дверь постучали. Вошел мужчина лет тридцати пяти, энергичный, крупного телосложения. Когда он увидел, как присутствующие расположились за столом, глаза его расширились.

— Вы ведь Ройан? — спросил Хедрок.

— Да.

Молодой мужчина вопросительно взглянул на Трайнера, но тот сидел, не поднимая глаз.

— Вас информировали о том, что это за телестат? — Хедрок показал на аппарат в нише.

— Я знакомился с документами корпорации,— начал Ройан и остановился. Судя по глазам, он соображал, куда клонил Хедрок.— Вы не...

— Давайте не будем разыгрывать спектакль. Я хочу задать вам один вопрос, Ройан.

— Да?

— Сколько денег фирмы,— Хедрок четко выговаривал слова,— присвоил Трайнер в прошлом году?

Трайнер со свистом втянул в себя воздух, затем наступила тишина. Наконец Ройан засмеялся, как мальчишка, и сказал:

— Пять миллиардов креди, сэр.

— Многовато для жалованья, не так ли? — произнес Хедрок ровным голосом.

Ройан кивнул.

— Мне кажется, мистер Трайнер считал себя не столько служащим, сколько владельцем корпорации.

Хедрок заметил, что Трайнер не отрываясь смотрит прямо перед собой на столешницу, а правой рукой исподволь тянется к маленькой драгоценной статуэтке.

— Пройдите вон туда, Ройан,— сказал Хедрок и повел рукой влево.

Подождал, пока тот не сдвинулся вбок, а затем нажал рычажок на перстне, который привел в действие проглоченный им стимулятор роста. Хедрок тут же увеличился в размере — немного, всего на дюйм по всей поверхности тела. Пожалуй, он мог бы достичь почти такого же эффекта, если бы расправил плечи и выпятил грудь. Этот дополнительный дюйм изменил структуру организма и усилил защитные функции рабочего костюма. Он стал абсолютно неуязвимым, совсем как оружейный магазин.

Кстати, почти все, что случилось после его побега с судилища в Торговом доме оружейников, так или иначе связано с отсутствием рабочего костюма, который он не смог надеть, отправляясь в линвудский магазин.

Хедрок почувствовал, как тело задубело, глотку свело и темп речи ощутимо замедлился.

— Я бы сказал,— неторопливо выговорил он,— жалованье чересчур завышено. Проследите, чтобы оно составляло пять миллионов.

Трайнер скрипнул стулом, подвигаясь к столу, но Хедрок как ни в чем не бывало обращался к Ройану и продолжал говорить с металлическими нотками в голосе:

— К тому же, несмотря на акционерную основу, фирма приобрела незавидную репутацию из-за алчности президента. И в частной жизни он ведет себя недостойно — подбирает на улице хорошеньких женщин и проводит с ними время на многочисленных тайных квартирах...

Тут Трайнер сделал последний рывок и конвульсивно схватил статуэтку. Хедрок поднялся на ноги, когда Ройан издал крик, предупреждающий об опасности.

Бластер выстрелил. Заряд вдребезги разнес кресло, на котором только что сидел Хедрок, и оплавил металлическую поверхность стола, причем пламя взметнулось до потолка. Залп был невероятной силы — по крайней мере девяносто тысяч энергетических циклов. Тем не менее Хедрок заметил огонь, вырвавшийся из револьвера Ройана.

Спустя мгновение цель событий вполне прояснилась. Трайнер привел в действие пушку, направив заряд прямо на Хедрока, затем быстро повернулся и вытащил свой казенный револьвер, намереваясь убить Ройана. Но тот успел первым — у него оказалось оружие производства Торгового дома, предназначенное для самозащиты.

В том месте, где стоял Трайнер, появилось свечение, мигнуло и тут же растаяло: мощные всасывающие насосы, автоматически приведенные в действие пушкой, прогоняли через помещение огромные порции свежего воздуха. Вообще-то обычный процесс, только многократно ускоренный — за секунду весь объем воздуха заменялся пять раз.

В кабинете наступила тишина.

— Не понимаю,— наконец произнес Ройан,— как вы остались живы?..

Хедрок приостановил действие стимулятора роста и просто сказал:

— Вы новый президент корпорации, Ройан. Ваше жалованье — пять миллионов в год. Какой курс обучения проходит ваш сын?

Ройан оправился от неожиданности быстрее, чем ожидал Хедрок.

— Общепринятый,— последовал ответ.

— Смените его. Торговый дом оружейников недавно опубликовал подробное описание нового курса, который еще не получил широкого признания. Он включает усиленное развитие нравственных начал. А теперь... Когда будут готовы списки, которые Трайнер приказал составить для меня? Или вы ничего о них не знаете?

Стремительный темп разговора, казалось, вновь ошеломил Ройана, но он быстро сориентировался.

— Не раньше шести часов. Я...

Хедрок прервал его:

— Завтра вы подвергнетесь страшному испытанию, Ройан, но держитесь стойко. Не теряйте головы. Мы навлекли на себя гнев мощной тайной организации. Нам придется расплачиваться. Наша собственность потерпит сокрушительный удар, но ни при каких обстоятельствах никому не говорите, что это *наша* собственность, и не начинайте восстанавливать ее в течение месяца или до соответствующих распоряжений.

Он перевел дух и мрачно закончил:

— Мы должны безропотно перенести потери. К счастью, завтра День вечного покоя. Люди будут отдыхать. Но помните: эти — списки — должны быть — готовы — к шести часам!

Хедрок резко повернулся и стремительно вышел. Упомянув о тайной организации, придуманной в ходе разговора, он заглядывал вперед: когда великан начнет действовать, его промашки можно будет отнести на ее счет.

А теперь, не откладывая, необходимо нанести ряд визитов попроще, поесть, встретиться с высокомерным Ненсеном и только после этого приняться за самое важное дело.

Через час он убил Ненсена как бы рикошетом — отразил сгусток направленной в него энергии. Когда-то неукротимый монстр Дили оказался безобидным старикашкой, который тут же сложил свои полномочия, едва понял, что Хедрока нимало не трогает его намерение исправиться. С другими пришлось повозиться, ибо потребовались усилия для преодоления их любопытства и твердолобости.

Было без четверти семь следующего утра, когда Хедрок принял энергетическую пилюлю, сделал себе несколько витаминных инъекций и на полчаса прилег, чтобы препараты благотворно подействовали на усталое тело.

Он плотно позавтракал и около восьми включил увеличитель рабочего костюма на полную мощность. Наступил день великана.

Глава 13

За несколько минут до того, как пришли первые утренние донесения, Иннельда напустилась на членов имперского кабинета.

— Вечно вам нужны деньги! Куда они уходят? Наш годовой бюджет исчисляется астрономическими числами, а я вижу только неутешительные отчеты — столько-то ушло на одно ведомство, столько-то на другое. Надоело! Солнечная система беспредельно богата: ежедневный оборот на бирже исчисляется сотнями миллиардов креди, а у правительства постоянно нет денег. Или вы недобираете налоги с оборота?

Установилось тягостное молчание. Министр финансов беспомощно смотрел на сидящих за длинным столом коллег. Наконец его умоляющий взгляд остановился на принце дель Куртине. Принц помедлил, а затем изрек:

— Заседания кабинета стали походить одно на другое. Вы изводите нас придирками, а мы отмалчиваемся. В последнее время вы говорите одним и тем же скрипучим тоном жены, которая, истратив все деньги, пилит мужа за то, что у него больше ничего нет.

Императрица не сразу осознала, в какой обстановке это было сказано — ведь в личных беседах они с кузеном позволяли себе немало такого, о чем умалчивали на людях. Когда же осознала, она несколько опешила. Тем более что члены кабинета после шпильки принца дель Куртина вздохнули с облегчением. Она задумалась, тщательно подбирая слова, чтобы ее правильно поняли.

— Я устала выслушивать,— продолжала она сердитым тоном,— что у нас нет денег для оплаты текущих расходов правительства. Затраты на содержание императорского двора остаются без изменений на протяжении целых поколений. Моя личная собственность приносит доход, она не в убыток казне. Мне часто говорят, что мы душим налогами как деловых людей, так и простых граждан. Бизнесмены действительно высказывают по этому поводу серьезные претензии. Но если бы эти хитрые бестии проверили свои гроссбухи, то мигом обнаружили бы, кто их грабит. Я имею в виду поборы этой алчной незаконной организации — Торгового дома оружейников, устанавливающего монопольные цены и подтачивающего ресурсы страны. Он действует гораздо жестче законного правительства. Он нагло лжет, преступно надувая потребителей, когда заявляет, будто продает только оружие. Он изворотливо вербует из безликой массы хватких типов и пользует-

ся их услугами. Все уже знают: достаточно в чем-то обвинить любую фирму, как Торговый дом оружейников вступается за нее и начинает вас преследовать. Суть вопроса в том, что считать законным обогащением, а что надувательством. Это чисто философская проблема, о которой можно спорить бесконечно. Подручные Торгового дома с легкостью определяют сумму штрафов по возмещению ущерба в тройном размере, одну половину отдают истцу, а другую забирают себе. Мое мнение, джентльмены, следующее: мы должны развернуть кампанию и убедить бизнесменов, что не правительство выкачивает из них деньги, а Торговый дом оружейников. Хотя, конечно, если бы бизнесмены поступали честно, и говорить стало бы не о чем. В этом случае ханжи из Торгового дома были бы разоблачены и предстали перед людским судом как воры, каковыми они и являются. Где бы они тогда изыскали средства на поддержку своей организации?!

Императрица остановилась, чтобы перевести дыхание, и восстановила в памяти реплику принца дель Куртина. Нахмурившись, она обратилась к нему:

— Стало быть, я разговариваю, как сварливая жена, не так ли, кузен? Истратив все деньги любящего супруга, я...

Она вдруг замолчала. И в раздражении припомнила, с каким облегчением члены кабинета восприняли комментарий принца. Это что же получается? Неужели она проглотила неприятно поразившие ее слова, не придав значения тому, что в присутствии всего кабинета лично ей предъявлено обвинение. Она чувствовала себя так, словно ее ударили.

— Будь я проклята! — взорвалась императрица.— Значит, виновата я. Я трачу государственные деньги, как безответственная жена, разоряющая мужа...

Она буквально задохнулась. Собралась продолжить, но ожил телестат около ее кресла:

— Ваше величество, важное сообщение со Среднего Запада. Человек, точнее, великан ста пятидесяти футов роста громит деловой квартал города Динар.

— *Что такое?*

— Если пожелаете, мы продемонстрируем картину разрушения. Великан медленно отступает под натиском моторизованных частей.

— Не нужно...— Ее голос звучал холодно и язвительно.— Вероятно, какой-нибудь робот, сделанный сумасшедшим. Пусть им займутся воздушные силы, они справятся, мне сейчас не до этого. Доложите позже.— Последние слова императрица произнесла отрывисто и грубо.

— Слушаюсь!

В наступившей тишине она застыла, как изваяние, и только на побледневшем лице горели глаза.

— Неужели Торговый дом оружейников придумал что-то новенькое? — наконец прошептала императрица.

Через некоторое время ей удалось справиться с собой. Усилием воли она вернула мысли в прежнее русло. И сразу же заговорила о предъявленном ей обвинении.

— Принц, должна ли я понимать, что вы публично обвиняете меня в тех финансовых затруднениях, которые испытывает правительство?

Тон принца был холоден:

— Ваше величество неправильно истолковывает мои слова. Я сказал, что заседания кабинета превратились в свары. Все министры несут ответственность перед парламентом, а деструктивная критика ни к чему хорошему привести не может.

Она взглянула на принца в упор и с досадой поняла, что тот не намерен идти дальше сказанного.

— Вы, следовательно, считаете мое предложение оповестить деловых людей о грабительской тактике Торгового дома оружейников... вы считаете его не заслуживающим внимания?

Принц молчал так долго, что она не сдержалась и рявкнула:

— Да или нет?

Он погладил подбородок, затем испытующе посмотрел на нее.

— Нет! — отрезал принц.

Императрица не сводила с него широко открытых глаз, обида перехватила дыхание. Получить такой щелчок в присутствии всех министров!

— Почему же нет? — наконец произнесла она самым ровным тоном, на какой была способна.— По крайней мере, это смягчило бы критику в наш адрес по поводу высоких налогов.

— Разве что этот шаг доставит вам удовольствие,— вроде бы уступил принц дель Куртин.— Возможно, пропагандистская кампания много бед не наделает. Но и дефицита не покроет.

— При чем тут мое удовольствие? — произнесла Иннельда ледяным тоном.— Я думаю только о государстве.

Принц дель Куртин хранил молчание. Она уставилась на него, явно не желая сдавать позиций.

— Кузен,— сказала императрица проникновенно,— мы с вами близкие родственники. В личной жизни мы добрые друзья, несмотря на серьезные расхождения по разным вопросам. Однако сейчас вы даете понять, что я ставлю личные интересы выше моего долга перед государством. Я всегда искренне верила, что у одного человека не бывает двух лиц и что каждый поступок в какой-то степени отражает его личные склонности. Однако надо различать неосновательные предположения, влияющие на человеческие взгляды, и фактическую линию поведения, преследующего собственные цели. Так что же и каким образом намечаю я? Что вдруг заставило вас вложить в свою реплику такой подтекст? Ну, я жду.

— «Вдруг» едва ли верное слово,— сухо сказал принц дель Куртин.— Больше месяца я сижу здесь, слушаю ваши недовольные тирады и все пуще удивляюсь. Поэтому задал себе один вопрос. Хотите знать какой?

Императрица медлила с ответом. Слова принца привели ее в смятение. Но она решилась:

— Продолжайте!

— Вопрос, который я не раз задавал себе,— сказал принц дель Куртин,— следующий: «Что выводит ее из равновесия? Какое решение она пытается принять?» Но ответ пришел не сразу. Мы все знаем о вашей навязчивой идее относительно Торгового дома оружейников. Дважды вы рискнули потратить огромные суммы из бюджета на принятие мер против Торгового дома. Первый раз это было несколько лет назад и стоило столько, что лишь в прошлом году удалось возместить ущерб. Затем, несколько месяцев назад, вы стали туманно намекать на новые расходы. Тогда я не понял, на какие цели. В конце концов вы попросили кабинет проголосовать за выделение колоссальной суммы неизвестно на что — это до сих

пор покрыто тайной. Внезапно воздушный флот был приведен в боевую готовность. Торговый дом тут же выступил с обвинением, что вы скрыли существование межзвездного суперлайнера и хотите его уничтожить. Мы ассигновали деньги на контрпропаганду, но кампания провалилась, а по бюджету был нанесен чувствительный удар. Мне до сих пор интересно знать, зачем вам понадобилось тратить один миллиард восемьсот миллионов креди на восемь энергетических пушек со стомиллионным циклом. Пожалуйста, поймите меня правильно. Я не прошу у вас объяснений. Я заключил по вашим намекам, что инцидент был успешно исчерпан. Но остается вопрос: чем вы недовольны? Что не так? И я предположил, что здесь дело личное, а не политическое и оно касается ваших внутренних, а не внешних проблем.

Ее охватило странное ощущение опустошенности. Она еще не понимала, куда клонит принц, не знала, как реагировать, и была в смятении.

— Иннельда, вам тридцать два года и вы не замужем,— продолжал он.— Ходят слухи — извините, что упоминаю об этом,— будто у вас сотня любовников, но я-то знаю наверняка — это ложь. И поэтому говорю прямо: вам давно пора выйти замуж.

— И вы полагаете,— молвила она чуть изменившимся голосом,— что мне надлежит собрать со всей страны молодых людей, дабы они совершали поступки отчаянной храбрости, и выйти замуж за того, кто сумеет приготовить самый вкусный сливовый пудинг?

— Совсем не обязательно,— спокойно заметил принц.— Вы уже влюблены.

Сидящие за столом министры зашевелились, расцвели в дружелюбных улыбках.

— Ваше величество,— начал один,— это самая приятная из всех новостей...— И внезапно замолчал — должно быть, увидел выражение ее лица.

Она вела себя так, как будто не замечала реакции окружающих.

— Принц, я поражена. И кто же этот счастливчик?

— Вероятно, один из самых грозных мужчин, каких я встречал, пленяющий своей энергией и вполне достойный вашей

руки. Он появился во дворце около восьми месяцев назад и сразу же покорил вас, но, к сожалению, из-за его прошлого, если принимать во внимание политику, в вашем сознании возник конфликт между вполне естественными желаниями и навязчивыми идеями.

Теперь она поняла, о ком толкует принц, и попыталась сбить его с толку.

— Уж не говорите ли вы о том молодом человеке, которого два месяца назад я приказала повесить, а потом помиловала?

— Признаюсь,— улыбнулся принц дель Куртин,— меня очень удивило тогда ваше бурно выраженное предубеждение против него, но ведь оно не более чем проявление столь же бурного конфликта, происходившего в вашем сознании.

Иннельда холодно ответила:

— Насколько я помню, вы, кажется, не слишком возражали против смертного приговора.

— Я был в замешательстве. Я генетически предан вашей персоне, и ваши уверенные суждения о нем смутили меня. Только потом я сообразил, как удивительно все совпадает.

— Вы считаете, что я покривила душой, когда отдавала приказ?

— В этом мире люди постоянно уничтожают своих любимых. Они даже кончают жизнь самоубийством, то есть сводят счеты с самими собой — с теми, кого любят больше жизни.

— Ну и какое это имеет отношение к конфликту в моем сознании, который превращает меня в строптивую женщину?

— Еще тогда вы мне рассказали, что обещали капитану Хедроку...— Она вся подобралась, когда это имя наконец прозвучало.— Ну да, обещали призвать его во дворец через два месяца. Время прошло, а вы никак не можете решиться.

— Не хотите ли сказать, что моя любовь поугасла?

— Нет.— Он был терпелив.— Вы вдруг поняли, что если пригласить его теперь, по прошествии этих месяцев, то ваш зов скажет гораздо больше, чем в момент обещания. Вы полагаете, что это будет равнозначно признанию.

Иннельда встала.

— Джентльмены,— сказала она с легкой снисходительной улыбкой,— выводы кузена для меня откровение. Я уверена,

что он хочет добра, и по всей вероятности, мне было бы неплохо выйти замуж. Но признаюсь как на духу, я никогда не помышляла о капитане Хедроке, которому до конца его дней пришлось бы выслушивать мое ворчание. К несчастью, есть еще причина, по какой я не решаюсь выйти замуж, и поэтому к конфликту, упомянутому принцем, нужно добавить еще один. Я...

Тут возле ее кресла ожил телестат.

— Ваше величество, только что Высший совет Торгового дома оружейников сделал заявление в связи с великаном.

Императрица опустилась в кресло. Ей стало не по себе: как она могла упустить из виду это непонятное чудище, крушащее все на своем пути без видимого смысла?! Она вцепилась в край длинного стола.

— Я ознакомлюсь с заявлением позже. О чем там речь?

После некоторой паузы заговорил другой, более густой голос:

— Совет Торгового дома только что выступил с заявлением, в котором осуждает действия стопятидесятифутового великана, стершего с лица земли деловые кварталы городов Динар и Лентон. В заявлении, как абсолютно безосновательные, опровергаются слухи, будто великан — изобретение Торгового дома, и дается заверение приложить все силы для его поимки. Как сообщалось раньше, великан побежал...

Резким щелчком императрица выключила телестат.

— Джентльмены,— сказала она,— я полагаю, всем вам необходимо вернуться на свои рабочие места и быть наготове. Государство в опасности! И на этот раз,— она пристально посмотрела на кузена,— на этот раз, кажется, помимо моей недоброй воли. Всего хорошего, джентльмены,— резко закончила она.

По этикету члены кабинета оставались на местах, пока императрица не вышла из зала заседания.

Вернувшись в свои покои, она выждала несколько минут, затем вызвала по телестату принца дель Куртина. Почти сразу же его лицо появилось на экране. Во взгляде был вопрос.

— Сумасшедший? — спросил он.

— Конечно нет. Ты же знаешь. Есть ли сведения, чего он добивается?

— Требует показать межзвездный суперлайнер.

— О! Тогда это Торговый дом!

Принц покачал головой.

— Не думаю, Иннельда,— сказал он серьезно.— Несколько минут назад Торговый дом выступил со вторым заявлением, по-видимому понимая, что его пропагандистская кампания шестинедельной давности перекликается с требованием великана. Авторы заявления хотят, чтобы ты продемонстрировала суперлайнер, но отрицают какую-либо связь с великаном и опять предлагают помощь в его поимке.

— На первый взгляд их отмежевание смехотворно.

Принц дель Куртин более трезво оценивал обстановку:

— Иннельда, если этот великан и дальше будет все крушить, тебе необходимо что-то делать, а не только пререкаться с Торговым домом.

— Ты придешь завтракать? — спросила она.

— Нет, я лечу в Динар.

Она с тревогой смотрела на него.

— Береги себя, кузен.

— Ну, полно, я не горю желанием погибнуть.

Она вдруг рассмеялась:

— Нисколько в этом не сомневаюсь! Расскажешь мне позже, зачем ты летишь.

— А здесь никакого секрета нет. Меня пригласил воздушный флот. Полагаю, нужен высокопоставленный свидетель, чтобы потом их не обвиняли в упущениях. Дескать, мы сделали все, что могли. Пока! — закончил он разговор.

— До свидания,— сказала Иннельда и отключила связь.

Она устала и прилегла на час. Должно быть, задремала, так как очнулась от звука личного телестата, стоящего у кровати. Это был принц дель Куртин.

— Иннельда, ты следишь за продвижением великана? — с большой тревогой поинтересовался он.

Ей вдруг стало все безразлично. Она никак не могла поверить, что этим утром ни с того ни с сего вдруг возникла опасность, которая уже угрожает самому существованию Ишеров.

— Что-нибудь экстраординарное? — спросила она, справившись с собой.— Я была занята.

— Тридцать четыре города, Иннельда. Убит один человек, и то по чистой случайности. Но имей в виду, это очень серь-

езно, тут не до шуток. Континент начинает волноваться, скоро все будет походить на разворошенный муравейник. Великан сокрушил только малые компании, большие не тронул. Поползли слухи, и никакая пропаганда не поможет, пока эта бестия на свободе.— Затем он спросил: — Ты что, действительно прячешь межзвездный суперлайнер? В этом есть хоть капля правды?

Иннельда ответила не сразу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что если это правда,— сказал он озабоченно,— если это объясняет появление великана, то мой тебе совет — обдумай досконально, как бы поизящнее предать гласности свою тайну. Еще один день подобной активности, и тебе конец.

— Ну, мой дорогой,— промолвила она с холодной решимостью,— если будет нужно, я и сто дней выдержу. А если межзвездный суперлайнер все-таки существует, то при данных обстоятельствах дом Ишеров сделает все возможное, чтобы его уничтожить.

— Почему?

— Потому что,— ее голос зазвенел,— население Земли с ужасающей быстротой разлетится в разные стороны. Через двести лет на сотнях планет появятся тысячи самозваных королевских семей с суверенными правительствами, которые тут же кинутся воевать, как это делали короли и диктаторы в старые времена. Они будут с ненавистью относиться к нашим потомкам, представителям древнего дома Ишеров, чье физическое существование уже само по себе станет для них укором, постоянным напоминанием о смехотворности их притязаний на власть. Жизнь на Земле превратится в ад, пойдут нескончаемые войны против других звездных систем.— С волнением в голосе она продолжала: — Не безрассудно ли предсказывать ход событий на два века вперед? Нет! Такая семья, как наша, правящая более четырехсот семидесяти лет, научилась оперировать категориями столетий.

Помолчав немного, Иннельда закончила свою мысль:

— Едва только будет найден способ, как держать под контролем звездную эмиграцию, мы в тот же день одобрим подобное изобретение. А пока...

Принц дель Куртин закивал головой, на его продолговатом мужественном лице отразилась работа мысли.

— Ты, конечно, права. Мне это не пришло на ум. Такой хаос допустить нельзя. Но наше положение усугубляется с каждым часом. Иннельда, позволь мне кое-что предложить.

— Да.

— Ты будешь шокирована.

Она слегка нахмурила лоб:

— Говори!

— Хорошо. Слушай: пропаганда Торгового дома только выигрывает от бесчинств великана, хотя в то же время оружейники не перестают осуждать его действия. Давай консолидируемся с ними на этой почве.

— Что ты имеешь в виду?

— Разреши мне связаться с ними. Нам нужно выяснить, что за люди стоят за великаном.

— Уж не собираешься ли ты вступить с ними в союз?! — неожиданно для себя взорвалась она.— После столь долгого противостояния императрица Ишер умоляет Торговый дом о помощи? Никогда!

— Иннельда, в этот момент великан разрушает город Лейксайд.

— Ох!..

Она долго молчала. Впервые не находила слов. Знаменитый Лейксайд, второй город после Империал-Сити по великолепию и богатству. Попыталась представить себе великана в блестящей одежде. Вот он идет по волшебному городу озер и крушит все на своем пути... Хоть и неуверенно, она кивнула в знак согласия. Сомнений больше не было. И дня не прошло, а великан приобрел самое важное значение в этом суматошном мире. Правда, не он один.

После секундного колебания императрица решилась.

— Кузен!

— Да.

— Капитан Хедрок оставил мне адрес. Не свяжешься ли ты с ним и не попросишь ли прийти во дворец сегодня вечером, если он сможет?

Принц дель Куртин внимательно взглянул на нее, затем спросил просто:

— Какой адрес?

Она продиктовала, потом откинулась на подушки и уговорила себя расслабиться. Поняв, что приняла чрезвычайно важное решение, почувствовала облегчение.

Было около семнадцати часов, когда Хедрок получил записанное на пленку и автоматически переданное послание императрицы. Едва узнав, куда его приглашают, вздрогнул. Не может того быть, чтобы Иннельда ударилась в панику, испугавшись за будущее династии.

Он перестал крушить-сметать и вернулся в свою тайную лабораторию. Настроился на законспирированную волну Высшего совета Торгового дома, хотя там полагали, будто о ней ни одна посторонняя душа не знает, изменил голос и сказал:

— Джентльмены, члены Высшего совета! Я уверен: то, что творят великаны, служит вашему делу.

Хедрок намеренно подчеркивал, что великанов много, ибо в Торговом доме прекрасно знали: обыкновенный человек под действием стимулятора роста за каждые полчаса старится на пять лет. С настойчивостью в голосе он продолжал:

— Великанам нужна немедленная помощь. Вы должны подключиться и послать добровольцев, которые сыграют роль великанов, по пятнадцать—тридцать минут каждый. Разрушать ничего не придется, одно лишь их появление создаст эффект продолжительности акции. Кроме того, очень важно с новой силой возобновить пропаганду, дабы заставить императрицу выдать тайну межзвездного суперлайнера. Весьма существенно, чтобы первый великан появился сегодня же вечером. Ради прогрессивных сил человечества, не подведите!

Прошло всего пятнадцать минут, и появился первый великан — быстро они отреагировали на его призыв! Даже слишком быстро. Это свидетельствовало об их личной заинтересованности и еще о том, что самая мощная сила в Солнечной системе действовала как хорошо отлаженный механизм. Хедрок нисколько не сомневался, что члены Высшего совета помимо прочего горят желанием выяснить, кто же проведал их секреты. Он даже готов был поверить, что они догадываются, кто это такой.

Вот и пришло время воспользоваться одним из собственных секретных изобретений. Но сначала его необходимо опробовать здесь, в укрытии. А потом, когда наступит критическая

минута, прибегнуть к запасному экземпляру — тому самому, что он спрятал в склепах под дворцом. Все решится в последующие двенадцать часов, если, разумеется, ему не воспрепятствуют паукообразные.

Впрочем, до сих пор они не давали о себе знать.

Глава 14

Теплая ночь. Над головой низкое небо, затянутое облаками, и море огней на земле. Эдвард Гониш шел по авеню Удачи — длинной улице, пользующейся дурной славой, на которой вспыхивала, искрилась, неистовствовала реклама. Ее блеск, просматривавшийся на мили по обе стороны, переходил вдали в разноцветное мерцание. Ноумена слепили яркие вывески, кричавшие во всем великолепии света и цвета:

ВАС ЖДЕТ ЦЕЛОЕ СОСТОЯНИЕ!
ВХОДИТЕ С ДЕСЯТЬЮ КРЕДИ,
ВЫХОДИТЕ С МИЛЛИОНОМ!!!
БРИЛЛИАНТОВЫЙ ДВОРЕЦ
10000000 БРИЛЛИАНТОВ
УКРАШАЮТ ИНТЕРЬЕР
ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ В ОКРУЖЕНИИ
БРИЛЛИАНТОВ!!!

Гониш шел и диву давался. Рубиновый дворец, золотой дворец, изумрудный дворец — однообразные безвкусные вывески соперничали с не менее претенциозными архитектурными строениями. Наконец он добрался до места назначения.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР УДАЧИ
САМЫЕ НИЗКИЕ СТАВКИ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ноумен остановился, и губы его сложились в мрачную улыбку. Недурственное местечко выбрала для встречи императрица — одно из собственных заведений для развлечения широкой публики. Именно здесь предстоит выяснить, знает

ли она, где Хедрок,— вытянуть из нее эту информацию и как-нибудь самому остаться в живых. Гониш присматривался к людям, в основном молодым, толпами снующими туда-сюда. Их смех — молодые смеялись громче всех — еще больше оживлял эту залитую светом ночь. Ничего необычного в этом не было. Но он стоял и наметанным глазом терпеливо вглядывался в лица фланирующих бездельников, определяя по их выражению, что они из себя представляют, и вскоре разобрался в реальной ситуации. Все подходы кишели агентами императорского правительства.

Гониш пребывал в гнетущем состоянии. Высший совет Торгового дома настоял на своем — встречу назначили в общественном месте. Государственная тайная полиция, вполне естественно, приняла меры предосторожности, а также гарантировала ее величеству полную конспирацию — никто не должен знать о ее переговорах, вызванных появлением великанов. Определили приемлемое для сторон время — два тридцать пополуночи. А сейчас — Гониш взглянул на часы — было без пяти два.

Он стоял на месте и с грустью думал о том, что попытка заманить в ловушку Хедрока — его долг. Ведь послание, полученное по засекреченной волне и как громом поразившее Совет, со всей очевидностью убеждало, что акцию с великаном придумал Хедрок, и это, на взгляд Гониша, полностью оправдывало тревогу Торгового дома. Опасность заключалась в непредсказуемости действий Хедрока, даже не попытавшегося объяснить, что им движет, хотя такая возможность у него была. Поэтому его нужно судить и признать виновным.

Совершенно ясно — человек, завладевший основными секретами Торгового дома оружейников, не должен оставаться на свободе. Гониш еще и еще раз обдумывал, как использовать в своих интересах предстоящую встречу с императрицей. Ее друга Хедрока необходимо разыскать и казнить.

Назначенный час приближался. Гониш решил войти в заведение и оглядеться.

Внутри помещение оказалось значительно больше, чем казалось снаружи. Между зелеными островками — садиками с фонтанами — стояли игорные автоматы. Возле них теснились посетители обоего пола. Многие женщины были в

масках. Гониш с пониманием кивнул: значит, императрица тоже явится в маске. Он остановился перед столом, залитым ярким светом. По его черной бархатной поверхности крутились искрящиеся цифры. Гониш внимательно проследил за ходом нескольких партий, стараясь постигнуть структуру и возможную логику игры. В мозгу — самой тренированной части его организма — рождались нужные комбинации. Затем поставил по десять креди на каждый из трех предугаданных номеров.

Огненное колесо стремительно завертелось, и числа, на которые пал выигрыш, одно за другим появились в ослепительной колонке. Крупье нараспев произнес:

— Семьдесят четыре, двадцать девять, восемьдесят шесть. Коэффициент один к семнадцати.

Когда Гониш собрал свои пятьсот десять креди, крупье уставился на него.

— Послушайте,— сказал он изумленно,— это второй случай в моей практике, когда угаданы все три выигрышных номера!

Гониш снисходительно улыбнулся.

— Чего только не случается,— сказал он мягко и, исчерпав тут свое любопытство, побрел прочь.

Он почти физически ощущал, как взгляд крупье буравит спину. Очень хотелось найти игру, секретами которой ему не удалось бы овладеть, несмотря на все свои исключительные качества. К тому же время еще позволяло.

Он подошел к огромной машине с шариками и расположенными одно под другим колесами. Пронумерованные шарики — общим числом шестьдесят — катились вниз по крутящимся колесам, постепенно увеличивая скорость спуска. Стоимость выигрыша зависела от того, насколько глубоко они могли опуститься. Первая половина этого сложного, хотя и скоростного спуска вообще не учитывалась, а до более низкой отметки добирались совсем немногие шарики. Самое большое удовольствие, насколько мог судить Гониш, получаешь, когда следишь, как твой шарик катится все ниже и ниже, и до последней секунды не теряешь надежды. Все оказалось очень просто. Его шарик победил четыре раза подряд. Гониш рассовал по карманам свой выигрыш и переместился к сле-

дующей игре, построенной на принципе соединения белого и черного луча. Оба они переплетались в один вращающийся пучок, который в итоге превращался либо в один черный, либо в один белый свет. Нужно было угадать, какой из них выпадет.

Он задумался. В конце концов, руководствуясь принципом картежника, решил, что белый цвет символизирует непорочность, и поставил на него. Белый проиграл. Проводив взглядом свои уплывшие денежки, он пришел к выводу, что на непорочности далеко не уедешь. Но черный тоже проиграл. Тут у него за спиной раздался громкий женский смех.

— Надеюсь, господин Гониш, с великанами вы справляетесь несколько лучше,— сказал знакомый красивый голос.— Пожалуйста, следуйте за нами во внутреннее помещение.

Гониш обернулся. Возле него стояли женщина и трое мужчин, в одном из которых он узнал принца дель Куртина. Лицо женщины в маске было удлиненным, а рот, несомненно, ишеровским. Через прорези маски зеленым цветом отливали глаза, нанося последний штрих на знакомый портрет.

Ноумен низко поклонился и молвил:

— Вы, несомненно, правы.

Они молча проследовали в роскошно обставленную гостиную и сели. Гониш не торопился. Вопросы, которые он собирался задать, были продуманы заранее. К его удивлению, ненавязчивые упоминания о Хедроке остались без ответа. Через какое-то время его удивление переросло в откровенное недоумение. Гониш откинулся назад, внимательно рассматривая явно озабоченные лица своих собеседников. Наконец очень осторожно заметил:

— У меня такое чувство, будто вы что-то утаиваете.

Не похоже, чтобы они делали это сознательно, подумал он затем. Оснований сомневаться в их искренности не было. Скорее всего, им и в голову не приходит, что ему нужен только Хедрок. И все-таки казалось, будто между ними существует молчаливая договоренность не упоминать о Хедроке.

Принц дель Куртин первым попытался разуверить его.

— Право же, мистер Гониш, вы глубоко заблуждаетесь. Мы четверо обладаем полной информацией, поступившей о великане. Разве лишь не все сразу приходит на ум. Возможно,

какие-то детали из прошлого могут пролить свет на его происхождение, и память хранит их в своих тайниках. Попробуйте задавать соответствующие вопросы, а мы будем отвечать.

Н-да, звучит убедительно. Выполнить намеченное будет гораздо сложнее, чем Гониш предполагал вначале. Скорее всего, придется пойти на риск и действовать открыто.

— Вы допускаете ошибку, предполагая, будто являетесь единственными обладателями полной информации.— Он решил зайти с другой стороны.— Есть человек, по-видимому, самый выдающийся из ныне живущих, чьи необыкновенные способности Торговый дом оружейников недооценивал и только-только начал осознавать. Я имею в виду Роберта Хедрока, капитана армии вашего величества.

К изумлению Гониша, императрица подалась вперед. Глаза ее сияли, губы приоткрылись.

— Вы считаете... Торговый дом считает Роберта... капитана Хедрока одним из выдающихся людей современности? — прошептала она и, не дожидаясь ответа, повернулась к принцу дель Куртину: — Слышишь! Ты слышишь!

Принц улыбнулся.

— Ваше величество,— сказал он спокойно,— я всегда был высокого мнения о капитане Хедроке.

Женщина перевела взгляд на Гониша, сидевшего за столом напротив нее, и произнесла странно официальным тоном:

— Я прослежу, чтобы капитану Хедроку сообщили о вашей настоятельной просьбе поговорить с ним.

Итак, она знала. Это он выяснил. Что касается остального... Гониш, обуреваемый печальными предчувствиями, поерзал в кресле. Похоже, императрица сама сообщит Хедроку. Нетрудно представить себе, с каким презрением тот отнесется к подобной вести. Гониш медленно выпрямился. Положение становилось отчаянным. Деятельность всей организации оружейников зависела от результатов этой встречи. А он еще ничего не добился.

Сомнений нет, эти люди всей душой желают избавиться от великана, равно как Торговой дом стремится захватить Хедрока. И ведь смерть Хедрока, хоть и горько это сознавать,

одновременно разрешила бы обе проблемы. Гониш сделал над собой усилие, как можно дружелюбнее улыбнулся и сказал:

— Кажется, вы и капитан Хедрок окружены какой-то общей маленькой тайной. Дозвольте полюбопытствовать, в чем тут дело?

К удивлению Гониша, принц дель Куртин с недоумением уставился на него.

— Мне казалось, при ваших-то способностях вы давным-давно могли бы сообразить, что к чему. Неужели вы единственный во всей Солнечной системе не знаете, что произошло сегодня вечером... Где вы находились в девятнадцать сорок пять и позже?

Гониш недоумевал. Не желая перегружать мозг ничем лишним перед ответственной встречей, он рано собрался в город. В девятнадцать тридцать зашел в тихий маленький ресторанчик. Через полтора часа отправился в театр. Спектакль закончился в двадцать три часа пятьдесят три минуты. Потом он бродил по улицам и не слышал последних известий. Он ничего не знал. Невероятно, но полмира могло погибнуть, а он пребывал бы в блаженном неведении.

— Правда, в подобном случае не сообщается имя мужчины,— продолжал принц дель Куртин,— но...

— Кузен! — оборвала его императрица севшим от волнения голосом. Мужчины вздрогнули и воззрились на нее.— Ни слова более! Здесь что-то не то. Все эти вопросы о капитане Хедроке задавались неспроста. Великан их интересует постольку-поскольку.

Она, должно быть, поняла, что запоздала с предупреждением. Гониш поймал ее горестный взгляд и проникся жалостью. До этого момента он никогда не думал об императрице как об обычной женщине. Но жалости здесь не место. Резким движением он поднес руку ко рту и четким голосом выпалил в крошечное передающее устройство, спрятанное в рукаве:

— Хедрок в личных покоях императрицы...

Они действовали быстро, эти трое мужчин. Одновременно бросились на него, сбили с ног и навалились сверху. Го-

ниш не стал сопротивляться, спокойно дал себя арестовать. А спустя мгновение почувствовал облегчение при мысли, что он сам, из неумолимого долга предавший друга, тоже скоро умрет.

Глава 15

Они стояли возле огромного пролома в стене дворца. Под ногами валялись битые камни, а дальше, вдоль главного коридора, зияли рваные отверстия — следы залпов мощных энергетических орудий.

Принц дель Куртин, ни на шаг не отходивший от императрицы, сказал с тревогой в голосе:

— Вам бы прилечь и постараться заснуть, ваше величество. Пятый час. Торговый дом не ответил на наши многочисленные обращения, а сейчас, ночью, уже ничего нельзя сделать для вашего мужа... капитана Хедрока.

Иннельда устало отмахнулась. Одна и та же мысль не давала покоя, сверлила мозг, время от времени причиняя невыносимую физическую боль — казалось, в череп забивают гвоздь. Она должна его вернуть. Как угодно, но она должна вернуть Хедрока. Удивительно, подумала она, вот и я, еще недавно такая холодная, непреклонная, расчетливая, почти нечеловечески жестокая — вот и я веду себя, как все любящие женщины. Словно первое же потрясение от близости с мужчиной буквально перевернуло все ее существо.

Когда накануне, в шесть часов вечера, доложили о приходе Хедрока, она уже приняла решение, полагая, что оно, это решение, продиктовано здравым смыслом — необходимостью продолжения рода Ишеров. А никого другого в роли отца наследника она даже представить себе не могла. Во время их первой встречи восемь месяцев назад он хладнокровно возвестил, что появился во дворце с единственной целью — жениться на ней. Сначала это ее рассмешило, потом разозлило, наконец привело в ярость, но он занял в жизни женщины особое место — он был единственным, кто когда-либо просил ее руки. Психологически все было достаточно просто, и порой она остро ощущала несправедливость случившегося, ибо другие мужчины, вероятнее всего, тоже хотели бы сде-

лать ей предложение. Однако дворцовый этикет строго запрещал упоминать об этом. По традиции инициатива принадлежала императрице. Только она ни разу не воспользовалась своим правом.

В конце концов ее помыслами завладел человек, презревший условности. Он явился во дворец по ее спешному зову и сразу согласился вступить в брак. Церемония отличалась простотой, хотя проходила принародно, точнее сказать, перед экраном телестата и транслировалась по всей империи. Правда, Хедрока не показали и имя его не упомянули, ограничившись скудными сведениями: дескать, «известный офицер, снискавший уважение ее величества». Он стал лишь принцем-консортом, то есть мужем царствующей императрицы, но не монархом и в этом качестве должен был оставаться в тени.

Власть принадлежала исключительно Ишерам. Мужчины и женщины, вступавшие с ними в брачный союз, оставались частными лицами. Так гласил закон, который она никогда прежде не подвергала сомнению. А теперь что-то изменилось, так как в течение десяти часов ее замужества и особенно после потери супруга образ ее мышления и душевное состояние существенно изменились. Возникли не свойственные ей прежде мысли. Удивительно, но голова Иннельды была занята тем, как вести себя, чтобы выносить детей избранника, как изменить духовную жизнь во дворце, чтобы хорошо воспитать их. Около полуночи она рассказала супругу о назначенной встрече с Гонишем. И когда уходила, запомнила странное выражение его глаз. И вот теперь этот пролом в стене и жгучее осознание утраты — ее исконные враги выкрали Роберта из самого сердца империи, и никто им не помешал. Как сквозь сон слушала она чей-то доклад — кажется, канцлера двора — о принятых мерах предосторожности и сохранении в тайне ночного налета. Он что-то бубнил о запрете официальных сообщений для средств массовой информации, о свидетелях, поклявшихся молчать под страхом строгого наказания, о восстановительных работах, которые будут закончены к рассвету, чтобы никто ничего не заметил...

Императрица понимала, что ее гвардейцы оплошали, и опасалась урона, который может быть нанесен престижу дома

Ишеров, если событие этой ночи станет достоянием гласности.

Постепенно она преодолела состояние подавленности, стала даже замечать суету вокруг. Рабочие уже глушили рокотавшую ремонтную технику и перебирались от наружной стены в глубь коридора. Терзавшие императрицу мысли отходили на второй план — предстояло заняться неотложными делами. Придирчиво осмотрела она оставшиеся следы налета. Зеленые глаза зажглись недобрым светом. В голосе появились язвительные нотки, совсем как в былые времена.

— Судя по разрушениям и лучевым ожогам, они прорывались к моим апартаментам... Эта сторона пострадала больше всего.

Один из офицеров хмуро кивнул.

— Им нужен был лишь капитан Хедрок. Они использовали специальный паралитический луч, от которого наши солдаты валились, как кегли. Люди все еще приходят в себя, правда, видимых следов на теле нет, как и в том случае с генералом Грэллом, что произошел во время обеда два месяц назад.

— Кто все это видел? — резко спросила императрица.— Приведите его ко мне! Капитан Хедрок спал, когда началась атака?

— Нет...— офицер осекся, подбирая слова.— Нет, ваше величество, он был внизу, в склепах.

— *Где?*

Офицер был в растерянности.

— Ваше величество, когда вы вышли из дворца, капитан... ваш супруг...

Она сказала, теряя терпение:

— Называйте его принцем Хедроком, пожалуйста.

— Благодарю вас, ваше величество. Принц Хедрок спустился вниз, в склепы, и вынул часть стены...

— Что-что? Продолжайте!

— Слушаюсь, ваше величество. Благодаря его новому положению солдаты караула оказывали ему всяческое содействие.

— Естественно.

— Помогли вынуть металлическую секцию стены, дотащить до лифта и поднять наверх, в этот коридор. Солдаты

докладывали мне, что секция была невесомой, но как бы сама сопротивлялась передвижению. Она примерно двух футов ширины и шести с половиной футов длины. Кап... принц Хедрок прошел сквозь нее и исчез, а потом вернулся...

— Сквозь стену? Полковник, о чем вы говорите?

Офицер поклонился:

— Извините меня за бессвязность, мадам. Я не все видел, пришел чуть позже. Но считаю важным то, что произошло на моих собственных глазах. А именно — он вошел в эту защитную стену, исчез и через минуту вернулся.

Императрица ничего не могла понять, хотя не сомневалась, что все-таки доберется до сути.

— Принц Хедрок спустился в склепы глубоко под дворцом, вынул секцию стены — и что же потом? — с издевкой спросила она.

— А потом, ваше величество, он принес ее наверх, прямо во дворец, и стоял в ожидании.

— Это было перед атакой?

Офицер покачал головой:

— В самый разгар. Когда концентрированный огонь пробил брешь в стене, он был все еще в склепах. Как начальник дворцовой гвардии, я лично предупредил его об атаке. Он тут же поспешил сюда, где его и схватили.

Императрица снова теряла уверенность в себе. Действия Роберта описали достаточно подробно, но их смысл так и не прояснился. Скорее всего, Роберт что-то предвидел, поэтому спустился в склепы вскоре после ее ухода на встречу с Гонишем. По-видимому, у Роберта был свой план. А последующие его шаги представляются нелогичными. Зачем на глазах нападающих и защитников дворца он манипулировал с секцией стены? Использовал возможность трансмиттера, изобретенного Торговым домом? Исчез — это вполне понятно. А для чего вернулся? Сделал безрассудный шаг, позволил захватить себя в плен?..

Хоть что-то после него осталось?

— Где же эта стена или секция? — спросила императрица.

— Она сгорела сразу после того, как принц Хедрок предупредил члена Совета Торгового дома, который руководил операцией.

— Предупредил... О чем? — Она повернулась к дель Куртину: — Кузен, может быть, вы сможете разобраться. Я отказываюсь что-либо понимать.

Принц дель Куртин сохранял спокойствие.

— Мы все устали, ваше величество. Полковник Найсон был на ногах всю ночь.— Он обратился к покрасневшему офицеру: — Полковник, насколько я понимаю, пушки Торгового дома пробили брешь в конце коридора. Затем самоходная установка приблизилась к пробоине и высадила людей, которые оказались неуязвимы для огня наших подразделений. Так?

— Абсолютно правильно, сэр.

— Ими руководил Питер Кадрон из Высшего совета Торгового дома. Когда они добрались до определенного места в коридоре, там находился принц Хедрок и ждал. Еще раньше из тайника в склепах он принес какую-то электронную плиту или щит размером шесть на два фута. Он встал рядом с этой штукой и ждал, чтобы все могли увидеть, что он делает, затем шагнул в плиту и исчез. Плита оставалась на месте — по-видимому, что-то поддерживало ее с той стороны; этим можно было бы объяснить то сопротивление, которое она оказывала, когда солдаты тащили ее из склепов. Через минуту после исчезновения принц Хедрок вышел из плиты прямо на людей Торгового дома и предостерег Питера Кадрона.

— Верно, сэр.

— Повторите его слова!

— Он спросил члена Совета Кадрона, помнит ли тот законы Торгового дома оружейников, запрещающие любое вторжение в помещение, где находится имперское правительство, и предупредил его, что члены Совета пожалеют об этом своевольном действии, но будет поздно. Нельзя попирать один из двух основных законов цивилизации Ишер.

— Он сказал это! — Голос императрицы дрожал от возбуждения, глаза сверкали. Она резко повернулась к своему родственнику: — Кузен, вы слышали?

Принц дель Куртин отвесил поклон, затем обратился к полковнику Найсону.

— Мой последний вопрос: как вы считаете, была ли у принца Хедрока хоть какая-нибудь возможность осуществить свою угрозу?

— Нет, сэр. Физически он был полностью в их власти, я абсолютно в этом уверен. Даже я, стоя поодаль, мог бы застрелить его, а они тем более.

— Благодарю вас,— сказал принц дель Куртин.— Это все.

Ну, нет, далеко не все! Осталось основное — спасти капитана Хедрока. Она мерила шагами комнату взад-вперед, взад-вперед.

Рассвело. Серый утренний свет просачивался сквозь огромные окна кабинета и постепенно добирался до темных углов, не проникая только туда, где горело искусственное освещение. Императрица взглянула на принца дель Куртина, с тревогой наблюдавшего за ней, и замедлила шаг.

— Не могу поверить. В голове не укладывается, чтобы капитан Хедрок сболтнул что-либо ради красного словца. Возможно, существует организация, о которой мы ничего не знаем. Ведь он же,— императрица сделала паузу,— сказал мне, что не является, не был и никогда не будет приспешником Торгового дома оружейников.

Дель Куртин сдвинул брови.

— Иннельда, ну что ты попусту изводишь себя? Ничто не случается вдруг. Человеческие существа, являясь теми, кто они есть, рано или поздно проявляют ту энергию, которой наделены. Это столь же непреложный закон, как эйнштейновская теория тяготения. Если бы такая организация существовала, мы бы о ней знали.

— Мы упустили самое важное. Разве ты не понимаешь? — Ее терзали тревожные мысли, голос дрожал.— Он появился, чтобы жениться на мне. И добился своего. Это доказывает значительность организации. А как насчет той секции, которую он вытащил из кладовой? Каким образом она туда попала? Объясни.

— Конечно,— ответил принц с преувеличенным достоинством,— любую тайную организацию Ишеры готовы встретить в штыки.

— Ишеры,— ледяным тоном произнесла императрица,— сознают, что они не только правители, но и простые смерт-

ные, а мир настолько велик, что ни один ум, ни несколько умников не в состоянии постичь его во всей полноте.

Они сверлили друг друга глазами — два человека, чьи нервы были на пределе. Императрица первая сделала над собой усилие.

— Даже не верится,— устало сказала она,— что ты и я, всегда относившиеся друг к другу как брат и сестра, сейчас на грани разрыва. Прости меня.

Она подошла и обхватила ладонью его руку. Он склонился перед ней и поцеловал запястье. А когда выпрямился, в его глазах блестели слезы.

— Ваше величество,— хрипло произнес принц,— прошу меня простить! Мне следовало помнить о том напряжении, в каком вы находитесь. Вам нужно только приказать. У нас есть силы. Миллиарды людей возьмутся за оружие по вашему приказу. Мы можем припугнуть Торговый дом длительной, изнурительной войной. Мы можем уничтожить любого, кто сотрудничает с ним. Мы можем...

Она безнадежно покачала головой:

— Мой дорогой, ты не отдаешь себе отчета в том, что говоришь. Мы живем в век, чреватый всяческими потрясениями. Умы тревожит неизбежность беспорядков. Пороки налицо: эгоистическая администрация, коррумпированные суды, алчные промышленники. Словно каждый класс стремится быть отмеченным клеймом аморальности и безнравственности, с которыми отдельный человек бороться не может. У кормила — сама жизнь, мы же только пассажиры. До сих пор наша блестящая наука, высокоразвитая промышленность и...— Она запнулась, потом неохотно продолжила: — Существование Торгового дома оружейников, оказывающего стабилизирующее влияние, предотвращало открытый взрыв. И мы не должны раскачивать лодку. Я очень рассчитываю на новую методику умственного развития, недавно предложенную Торговым домом, где делается особый упор на развитие нравственных начал. В ней также учтены положительные моменты других методик. Как только мы ликвидируем угрозу, созданную великанами...

Она замолчала, так как лицо принца от испуга вытянулось. Зрачки Иннельды расширились.

— Это невозможно,— прошептала она.— Не может быть, чтобы он... был... великаном. Подожди... ничего не предпринимай. Через минуту у нас будут доказательства...

Она быстро пересекла комнату, подошла к личному телестату и сказала усталым голосом:

— Приведите ко мне в кабинет Эдварда Гониша.

Императрица стояла почти неподвижно, пока не ввели арестованного. Конвойные по ее знаку удалились. Было видно, как она подобралась, когда стала задавать вопросы.

Ноумен отвечал вполне охотно и уверенно:

— Я понятия не имею об электронном щите, через который, как вы говорите, он исчезал. Да, ваше величество, он один из...— Гониш заколебался, затем медленно произнес: — Точнее, это только что пришло мне в голову. Он — великан.

Она отметила про себя, что Гониш не сразу сделал свой вывод.

— Но зачем ему понадобилось жениться на женщине, чью империю он пытается сокрушить?

— Мадам,— спокойно сказал Гониш,— только два месяца назад мы обнаружили, что капитан Хедрок обманывает Торговый дом оружейников. Совершенно случайно мы узнали о его непревзойденном интеллекте и поняли, что для этого человека возможности рода Ишеров, а также Торгового дома — средство для достижения собственной цели. Я в этом все более и более убеждаюсь. Если нужны подробности, задавайте вопросы. Надеюсь, я сумею рассказать за несколько минут, кто такой капитан Хедрок или, скорее, кем он был! Я должен сказать «был». Как ни прискорбно, но в намерения Торгового дома входит допросить его в специально оборудованной камере, а затем сразу же казнить.

В кабинете повисла тишина. Теперь чем-то удивить императрицу было нелегко. Она молча стояла и ждала — холодная, оцепеневшая.

— Разумеется, я знаком со всей информацией о капитане Хедроке, имеющейся у Высшего совета Торгового дома. Исследования привели меня в малоизученные области. Если в династических анналах Ишеров есть подобные материалы (а я уверен, что есть), то секция стены, которую Хедрок вынул из склепов, это последний ключ к разгадке. Но позвольте спро-

сить: существуют ли какие-нибудь фотографии, видеопленки или описания наружности императрицы Ганил?

— Думаю... нет!

У нее перехватило дыхание, все поплыло перед глазами и закружилась голова.

— Мистер Гониш,— заплетающимся языком проговорила правительница,— он сказал, что, если бы не темные волосы, я была бы вылитая Ганил.

Ноумен мрачно кивнул.

— Ваше величество, я вижу, вы вникаете в суть. Попробуйте мысленно вернуться в прошлое вашего рода и вспомнить, изображения каких принцев-консортов или императоров отсутствуют в архивах.

— В основном супругов императриц,— сказала она медленно, но твердо.— Так начиналась традиция, консортам следовало оставаться в тени. Насколько мне известно, нет изображения только одного императора. Но это понятно. Как родоначальник рода, он...— Она замолчала и уставилась на Гониша.— Вы в своем уме? — воскликнула затем.— *Вы в своем уме?!*

Ноумен покачал головой.

— Сейчас мой мозг загружен переработкой всех доступных сведений. Я беру факт отсюда, факт оттуда, и как только набирается десять процентов необходимой информации, ответ готов автоматически. Хотя подобный процесс называют чутьем, догадкой или интуицией, это просто способность мозга моментально сопоставлять различные факты и логически домысливать недостающие. В нашем случае один из фактов таков: в архивах Торгового дома отсутствует не менее двадцати семи важных видеопленок. Я обратил особое внимание на письменные труды тех людей, чьих изображений не нашел. Все их работы весьма схожи по умственному кругозору и глубине интеллекта.— Он подытожил: — Может быть, вы знаете, что первый и самый выдающийся из Ишеров известен только по имени. Основатель Торгового дома — Уолтер С. де Лейни — тоже имя без лица.

— Но кто он? — озабоченно спросил дель Куртин.— По-видимому, среди его потомков родился бессмертный.

— Нет. Должно быть, появился искусственно. Если бы это произошло естественным путем, за многие века с тех пор

мы имели бы повторения. Должно быть, это получилось случайно и больше не повторялось, ибо все, что этот человек когда-либо сказал или свершил, говорит о его огромном и страстном желании осчастливить жителей планеты.

— Но,— спросил принц,— что же он пытается сделать? Зачем он женился на Иннельде?

Какое-то мгновение Гониш молчал, пристально глядя на женщину. Ее щеки полыхали румянцем. Наконец она кивнула, и Гониш продолжал:

— Он попытался сделать род Ишеров чистокровными *Ишерами.* Он считает, что только его кровь способна на это, и он прав, о чем свидетельствует история. Например, вы оба не чистокровные Ишеры. В вас есть другая кровь, и тут вряд ли встанет вопрос о родстве с капитаном Хедроком. Как-то в разговоре со мной он заметил, что императоры Ишер имели обыкновение жениться на женщинах ярких, но с неустойчивым характером, и это наносило ущерб роду. А императрицы, сказал он, всегда спасали династию, выходя замуж за твердохарактерных, здравомыслящих и талантливых мужчин.

— А если...— Она не собиралась прерывать Гониша, да не устояла перед неожиданно пришедшей мыслью.— А если бы мы обменяли вас на него?

Гониш пожал плечами:

— Скорее всего, за меня могут выдать лишь его труп.

Ее бросало то в жар, то в холод, и от этого лихорадочного состояния мысли путались. Она давным-давно воспринимала смерть без сердечного содрогания, поэтому хладнокровно могла представить мертвым как *его,* так и себя.

— А если бы я предложила межзвездный суперлайнер?

Ее настойчивость, казалось, привела Гониша в изумление. Он откинулся назад, не сводя с нее глаз.

— Мадам,— наконец выговорил ноумен,— здесь моя интуиция не помощник — не могу обнадежить вас, руководствуясь логикой. Должен признаться, электронный щит для меня загадка. Не понимаю, как он действует и зачем нужен. Полагаю лишь одно: что бы Хедрок ни делал внутри щита, это не поможет ему преодолеть непробиваемую броню самоходки Торгового дома или убежать из металлического бункера и спастись. Против него поставлены все научные достижения

оружейников и империи Ишер. Наука движется вперед рывками и сейчас находится на крутом подъеме. Через сто лет, когда наступит спад, бессмертный человек сможет определять положение, но не раньше.

— А если он скажет им правду? — слова принадлежали принцу дель Куртину.

— Не будет этого! — воскликнула императрица.— Вымаливать пощаду? Ни одному Ишеру не придет подобное в голову.

— Ее величество права,— подтвердил Гониш,— хотя есть и другие аспекты. Я не буду вдаваться в подробности. Возможность признания вины исключается.

Императрица почти не слышала его. Она стояла с высоко поднятой головой.

— Попытайтесь снова связаться с Высшим советом Торгового дома,— взволнованным, чуть дрожащим голосом сказала она, повернувшись к кузену.— Предложите им Гониша, межзвездный суперлайнер, полное признание, включая соглашение, по которому их и наши суды объединятся,— все, что угодно, в обмен на капитана Хедрока. Они сумасшедшие, если не согласятся.

Несколько сникнув, она умолкла и заметила, что ноумен не сводит с нее мрачного взгляда.

— Мадам,— сказал он с печалью,— наверное, вы не обратили внимания на мои слова. Они намеревались покончить с ним максимум в течение часа. Он уже один раз сбежал от членов Высшего совета, теперь их не проведешь. Они поставят точку на жизненном пути величайшего человека. И, мадам...— Гониш как-то весь подобрался,— для вас это даже лучше. Вы знаете так же хорошо, как и я, что не можете иметь детей.

— Что такое? — спросил принц дель Куртин с величайшим изумлением.— Иннельда...

— Молчать! — прохрипела она в страшной ярости.— Принц, отправьте этого человека обратно в камеру. Он стал поистине невыносимым. И не смейте обсуждать с ним вашу правительницу!

Принц поклонился.

— Как угодно, ваше величество,— буркнул он и отвернулся.— Прошу вас, мистер Гониш.

Иннельда не предполагала, что может испытывать такую боль. Мало того что она осталась одна в своих покоях — распался ее внутренний мир. Время тянулось бесконечно, хоть бы сон принес облегчение...

Глава 16

Комната, в которую ввели Хедрока, напоминала металлический бункер. Он помедлил в дверях, с усмешкой глядя на вошедшего следом Питера Кадрона. Пусть тому будет не по себе! Однажды они арестовали его, застигнув врасплох. На этот раз все по-иному. На этот раз он их ждал. Он без страха рассматривал двадцать девять человек, восседавших за V-образным столом, где члены Высшего совета Торгового дома всегда располагались на своих расширенных заседаниях. Подождал, пока Питер Кадрон, тридцатый на этом высоком собрании, прошел вперед и занял свое место. Начальник конвоя доложил, что у арестованного изъяли все кольца, поменяли одежду и просветили тело. Все в порядке, спрятанного оружия не обнаружено.

Отчитавшись, начальник и конвойные ушли, а Хедрок все еще стоял у двери. Он улыбался, когда Питер Кадрон объяснял, зачем нужны такие меры предосторожности. Потом медленно, без признаков малейшего волнения приблизился к столу. Все взгляды были устремлены на него. Одни смотрели с любопытством, другие в ожидании, а кое-кто с явной враждебностью. Казалось, все с нетерпением ждали, когда же он заговорит.

— Джентльмены,— начал Хедрок звенящим голосом,— хочу задать один вопрос: кто-нибудь из присутствующих представляет себе, где я был, когда прошел через тот щит? Если нет, то предлагаю немедленно отпустить меня, в противном случае могущественному Совету оружейников придется пережить, мягко выражаясь, весьма неприятные минуты.

Члены Совета долго молчали, поглядывая друг на друга.

— Я считаю,— наконец изрек молодой Ансил Неер,— чем скорее его казнят, тем лучше. Сейчас можно перерезать ему горло или задушить его. Пуля может пробить ему голову, а энергетическое оружие и следа от него не оставит. Пока он

беззащитен, мы можем хоть забить его до смерти. И это можно сделать *сейчас*. Судя по его заявлению, мы не можем быть уверены, сможем ли это сделать через десять минут.— Подчиняясь искреннему порыву, молодой администратор встал.— Джентльмены, нужно действовать немедленно!

Хедрок громко захлопал в ладоши.

— Браво,— сказал он,— браво! Столь мудрый совет заслуживает столь же стремительного осуществления. Приступайте и, прошу вас, попытайтесь убить меня любым способом. Вытаскивайте револьверы и стреляйте, хватайте стулья и глушите, прикажите принести кинжалы и пригвоздите меня к стене. Что бы вы ни сделали, джентльмены, вас ждет расплата. К тому же, вполне заслуженная.

Тут хотел вставить свое слово член Совета Дим Лили, однако не успел.

— Прошу прощения,— опередил его Хедрок,— говорить буду я! Здесь судят вас, а не меня. Вы еще можете получить снисхождение за свои преступные действия — нападение на императорский дворец,— если искренне признаете, что нарушили собственные законы.

— Воистину, это переходит всякие границы! — воскликнул один из членов Совета.

— Пусть говорит,— уступил Питер Кадрон.— Хотя бы узнаем о его мотивах.

Хедрок угрюмо поклонился.

— Конечно узнаете, мистер Кадрон. Я возмущен решением Совета атаковать дворец.

— Могу понять вашу досаду,— с иронией заметил Кадрон,— поскольку Высший совет не посчитался с законом трехсотлетней давности, в то время как вы, по-видимому, очень рассчитывали на него или на наши колебания и чувствовали себя в безопасности, добиваясь собственных целей, каковы бы те ни были.

— Я не рассчитывал ни на закон, ни на ваши колебания. Мои соратники и я,— Хедрок решил лишний раз подчеркнуть, что он не один,— давно наблюдаем за прогрессирующим высокомерием вашего Совета, за крепнущей уверенностью в неподотчетности своих действий и, как следствие, за безнаказанным попранием собственной конституции.

— Наша конституция,— с достоинством сказал Бейд Робертс, старший член Совета,— требует, чтобы мы предпринимали любые действия ради поддержания нашего положения. Поправка, запрещающая нападение на главу правящего рода Ишеров, ее резиденцию, ее наследников или преемников, утрачивает смысл в экстремальной ситуации, особенно такой, как сейчас. К тому же мы учли, что во время штурма дворца там не было ее величества.

— Я должен вмешаться! — веско вставил председатель Совета.— Невероятное дело, но мы пошли на поводу ловкого арестанта. Я допускаю, что все ощущают некоторую неловкость из-за штурма дворца, но не отчитываться же в наших действиях перед этим человеком! — И отдал приказ в свой телестат: — Командир, наденьте на голову арестованного мешок!

Хедрок добродушно улыбался, когда вошли десять конвойных.

— Итак, настало время испытания,— молвил он, стоя совершенно спокойно.

Мешок завис над его головой, и тут...

Тут произошло нечто из ряда вон выходящее...

Когда Хедрок полчаса назад прошел во дворец через секцию стены, которую принес из склепов, то оказался в сумеречном мире. Он стоял, давая телу адаптироваться, и надеялся, что никто больше не последует за ним через электронно-силовое поле. Он беспокоился не о себе. Вибрационный щит был настроен только на его тело, и в течение всех лет, пока щит находился в подземных склепах, Хедрок очень опасался — вдруг кто-нибудь обопрется о плиту и получит серьезные повреждения. Мало ли что может случиться с таким незадачливым простофилей!.. Как-то раз Хедрок пропустил через экспериментальную модель несколько животных, снабдив ярлыками с адресом владельца, и — о ужас! — их разбросало в разные стороны на десятки тысяч миль. Некоторые так и не были возвращены, хотя сумма вознаграждения, объявленная на ярлыках, была весьма солидной.

В сумеречном мире торопиться было некуда. Реальное время и земные законы здесь не работали. Здесь — то есть везде и нигде. Правда, здесь можно быстро сойти с ума, так как ты оказывался вне времени. Опыты показали, что шестичасовое

пребывание в этом мире уже серьезно воздействует на психику.

Кстати, прежде чем отправиться во дворец по зову императрицы, Хедрок в своей тайной квартире прошел через первую модель щита и оставался за ним в течение двух часов реального времени. Тогда же ему стало ясно, что императрица хочет выйти за него замуж. Женитьба на какой-то период гарантировала его безопасность и, более того, обеспечивала свободный доступ к щиту во дворце. Осознав это, он сразу же вернулся обратно, в свою квартиру, и таким образом сэкономил четыре часа из шести, которые являлись пределом человеческих возможностей.

На этот раз, во дворце, пребывание за щитом не должно длиться более четырех часов, но лучше — трех, а еще лучше — двух. Причем в ближайшем будущем, вернее, в течение нескольких месяцев ему даже близко к щиту подходить не следует.

Идею изобретения подали, еще когда Хедрок занимал пост председателя Высшего совета Торгового дома. Руководящее положение позволило ему создать целую лабораторию физиков в помощь молодому талантливому человеку, в чьем мозгу родился проект. Ученый исходил из следующей предпосылки: существующий вибрационный трансмиттер Торгового дома словно мостом соединял пространственную пропасть между двумя точками в межзвездных далях, автоматически допуская, что космос — это нематериальная субстанция. Тогда почему бы, рассуждал изобретатель, не пойти от противного и не организовать материализованную иллюзию космоса там, где его вообще нет?

Исследования закончились успешно. Изобретатель в деталях доложил об этом Хедроку, а тот, тщательно все обдумав, сообщил ученому и его коллегам, что Совет решил засекретить открытие. Между тем самому Совету Хедрок представил отрицательный отзыв. Готовая тема была признана неперспективной и в качестве таковой занесена в картотеку Центра информации, что исключало в будущем подобные исследования в лабораториях Торгового дома.

Не в первый раз Хедрок скрыл от окружающих великое открытие. Много веков утаивал он собственное изобретение — вибрационное приумножение, прежде чем применил

его при создании Торгового дома оружейников. Было в резерве и кое-что еще. Основное правило, которым руководствовался Хедрок при определении дальнейшей судьбы новинки,— послужит она совершенствованию людей или поможет сильным мира сего ужесточить и без того жестокую тиранию. При каждом крупном всплеске творческой мысли, случавшемся раз в несколько столетий, было бездумно реализовано достаточно много опасных изобретений, ибо сами ученые редко задавались мыслью, как будут применяться их открытия на практике и к каким последствиям они приведут.

Почему, черт возьми, миллиарды должны умирать из-за какого-то талантливого изобретателя, ничего не смыслящего в природных наклонностях человека?

Конечно, попадались одиночки, пользовавшиеся изобретениями в качестве средства достижения благосостояния для себя лично или для небольшой группы лиц. Они пытались скрыть от народа что-нибудь весьма ценное и нужное — так, кстати, поступила императрица с межзвездным суперлайнером. В последнем случае необходимо было оказывать давление, а то и прибегать к жестким мерам, но кто обладал такими возможностями? Разве лишь он, Хедрок, единственный квалифицированный арбитр в этих вопросах.

Однако хватит размышлять, пора действовать, поскольку тело уже адаптировалось. И Хедрок двинулся, хотя все впереди было словно в тумане. В коридорах дворца стояли какие-то люди, подобно застывшим каменным изваяниям. Он не обращал на них внимания, а то и проходил сквозь них, будто сквозь клубы дыма. Довольно легко он преодолевал стены, хотя тут приходилось соблюдать осторожность. Даже мог погрузиться в пол и дальше в землю. Впрочем, как показал давний случай с изобретателем, это чуть не привело к нежелательным последствиям. Тогда были введены некоторые ограничения для нового космоса, а также создан специальный перстень, позволявший увеличивать или уменьшать пропорции. К нему прибегали, если требовалось проникнуть сквозь твердые материалы. Например, приближаясь к очень толстой стене, Хедрок слегка подпрыгивал, зависал в воздухе и дотрагивался до активатора в перстне. Опускаясь же, испытывал такое ощущение, точно погружался ногами в вязкую грязь. При его натренированных мускулах это было несложно.

Он дошел до тайника с аппаратурой, которую давным-давно спрятал во дворце ради такой надобности. Здесь был небольшой космический корабль, точнее, самодвижущаяся капсула для малого иллюзорного космоса (про себя Хедрок называл его иллюзокосмосом) со всем необходимым для ее запуска: магниты разных размеров и мощности, десятки манипуляторов, ручной инструмент и, конечно, оружие. Здесь все, начиная с иллюзокосмической капсулы и кончая механической рукой, имело свои дублирующие системы и годилось для успешного выполнения любых операций. Причем всеми приспособлениями можно было управлять как непосредственно, так и с приборной доски капсулы.

На пальце Хедрока был второй перстень, обеспечивающий передвижение во времени вперед и назад на короткие отрезки. Теоретически допускалось удаление на годы, но в действительности путешествие в прошлое или будущее ограничивалось несколькими часами из-за разрушительного воздействия на человеческий мозг.

Этот способ передвижения во времени разительно отличался от возвратно-поступательной системы, случайно выведенной физиками императрицы семь лет назад, но отрицательно влиявшей на организм человека. Перемещаясь в прошлое или в будущее по системе императорских физиков, путешественник очень быстро старел и неизбежно погибал, тогда как Хедрок, путешествуя во времени, чуточку молодел.

Хедрок аккуратно установил маленькую капсулу и другие необходимые приспособления около пролома в дворцовой стене напротив грозного бронированного автоплана — или, по официальной терминологии, крейсера военно-воздушных сил Торгового дома, доставившего десант. Он протолкнул капсулу сквозь металлическую обшивку крейсера и на полную мощность включил основной регулятор времени, благодаря чему в три раза опередил ход реального времени. Затем стал наблюдать за сенсорами — автоматическими реле, приспособленными для работы в этих условиях. Долго ждать не пришлось. Вспыхнули индикаторы, послышался легкий щелчок, и ручка основного регулятора опустилась на одну треть, вернув капсулу к ходу реального времени. Одновременно Хедрок почувствовал движение. Огромный крейсер Торгового дома набирал высоту.

Все было выполнено правильно, все сработало. Надо полагать, теперь в крейсере было два Хедрока. Один — в капсуле, в царстве сумеречного света, а другой — тот, что вернулся во дворец у всех на глазах, дал себя арестовать и был взят под стражу. Правильность этого предположения требовала проверки. Хедрок в капсуле вгляделся в свои телестаты и увидел Хедрока в крейсере, окруженного конвойными. Итак, Хедрок в крейсере уже вернулся из своего путешествия во времени и знал, что произошло. Знал больше, чем Хедрок в капсуле. Ну что же, ждать осталось недолго, скоро все встанет на свои места.

Крейсер на огромной скорости несся к крепости — пункту назначения. Узник и стражники вышли из него и проследовали в здание, где был приготовлен бункер с толстыми металлическими стенами. Второй Хедрок направил свою капсулу через массивные стены и занялся делом. Прежде всего он подключился к бункеру и, пока слушал, о чем там говорят, настроил кое-какие механизмы.

Когда конвойные стали надевать на голову приговоренного к смерти узника плотный мешок, завел сверху механическую руку и рывком перенес мешок в свой космос. Потом взялся за регулятор времени в ожидании дальнейших событий.

В бункере установилась гнетущая тишина.

Язвительная улыбка чуть кривила губы узника. Он стоял спокойно и не делал попыток вырваться из цепких рук конвоиров, решив, что пощады никому не будет.

— Я не намерен тратить время на пустые споры,— с презрительными нотками в голосе начал узник.— Твердое решение Высшего совета казнить меня, хотя Рр-машина доказала мой альтруизм и добрую волю, говорит о воинствующем консерватизме, который всегда и всюду стремится стереть в порошок все непонятное на своем пути. Справиться с таким консерватизмом могут только всемогущие силы, и они существуют в лице организации, способной покончить даже с Торговым домом оружейников.

Как видно, Питер Кадрон ничего еще не понял.

— Торговый дом оружейников не признает никакой тайной организации,— самоуверенно изрек он и скомандовал стражникам: — Уничтожьте его!

— Глупец! — воскликнул узник.— Вот уж не ожидал столь явной опрометчивости — отдать подобный приказ после всего, что я сказал!

Узник говорил, не обращая внимания на стражу. Ему уже было это не нужно, он *знал,* что произойдет.

Хедрок в капсуле просто нажал на рычаг, включив обратный отсчет времени, после чего люди в бункере не только успокоились, но как бы оцепенели. Бывший узник получил полную свободу действий — сперва обезоружил стражу, потом каждого члена Совета, снял с их пальцев кольца и отобрал все радиопередатчики. Затем при помощи наручников сковал их в одну цепь, а стражников вытолкнул за дверь.

— Верни время! — распорядился первый Хедрок — тот, что продолжал оставаться в бункере.

Второй Хедрок на приборной доске своей капсулы перевел рычаг с «нуля» на «норму».

Члены Высшего совета пришли в себя. Передать их состояние, тревожные и изумленные возгласы довольно трудно. Надо полагать, они испугались не только за собственное незавидное положение, но и за судьбу Торгового дома оружейников.

Хедрок подождал, когда они справятся с первым потрясением, и заговорил:

— Джентльмены, успокойтесь. Вашему громадному предприятию ничто не угрожает. Подобного никогда бы не произошло, если бы вы не поставили меня перед выбором. К вашему сведению, основатель Торгового дома Уолтер С. де Лейни понимал, какую большую опасность он таит для государства. Поэтому де Лейни подобрал группу соратников, дабы те наблюдали за деятельностью Дома. Это все, что я хочу сказать. Могу лишь подчеркнуть наше дружелюбие, добрую волю и твердое намерение не вмешиваться в вашу деятельность до тех пор, пока Торговый дом оружейников живет согласно собственной конституции. Той самой конституции, основная статья которой только что была нарушена.

Он замолчал, мысленно оценивая свои слова. Неплохо сочинил — раз, не стал вдаваться в подробности — два. Пусть не думают, что их единственный судья — бессмертный человек.

Тут кое-кто попытался заговорить, но он не дал им такой возможности.

— Вот что теперь необходимо сделать. Первое: забыть все то, о чем сегодня услышали. Мы, наблюдатели, не желаем, чтобы кто-то знал о нашем существовании. Второе: вы, все без исключения, должны подать в отставку. Впрочем, можете участвовать в выборах, но не в ближайших, а в последующих. Пусть массовая отставка послужит напоминанием всем чиновникам Торгового дома, что существует конституция и ее нужно уважать. Третье и последнее: не предпринимайте никаких попыток преследовать меня. Завтра около полудня уведомите императрицу о моем освобождении. Взамен попросите отдать межзвездный суперлайнер. Я думаю, к этому времени она и так его уступит, но не лишайте ее возможности проявить великодушие.

Члены Совета сидели как завороженные, во все глаза глядя на Хедрока. Когда он закончил, послышался негодующий ропот, вдруг сменившийся тишиной, опять сердитые выкрики, и опять тишина. От его внимания не ускользнуло, что три или четыре человека, в том числе Питер Кадрон, не участвовали в этом взрыве эмоций. Именно к Кадрону Хедрок и обратился:

— Не сомневаюсь, мистер Кадрон, вы сумели бы выступить от лица всех присутствующих. Я всегда считал вас одним из самых авторитетных членов Совета.

Кадрон, мужчина крепкого телосложения лет сорока пяти, выступил вперед.

— Да,— сказал он.— Я уверен, что могу выразить общее мнение. Надеюсь, большинство меня поддержит — мы принимаем ваши условия.

Никто ему не возразил.

Хедрок поклонился и громко сказал:

— Хорошо. Второй, заберите меня!

Должно быть, он исчез в ту же секунду.

Они, Хедрок и его двойник, больше не проводили экспериментов в своем сумеречном мире. Человеческий мозг подвергается огромной опасности, если даже ненадолго входит в противоречие со временем. Многочисленные тесты давным-давно подтвердили этот факт. Двойник, сидя за пультом управления маленькой капсулы, повел ее обратно во времени прямо ко дворцу.

Хедрок стоял рядом, мрачно глядя вниз. Он сделал все, что мог. Поскольку он точно знал, в каком психологическом ключе будут развиваться события, конечный результат был ему ясен. Возможно, Иннельда придержит межзвездный суперлайнер, чтобы поторговаться. Но это уже не имеет значения. Все равно он победил. Хотя...

Пауки отпустили его на свободу, дабы посмотреть, что будет дальше. Здесь уже ничего от него не зависело. Где-то в космосе находилась армада кораблей, управляемых высшими существами, представители которых следили за человеком и его поведением. Захватив в плен, они препроводили его обратно, на родную планету, и манипулировали им на огромном расстоянии так, будто были в двух шагах. Наблюдали, как он выполнял намеченное, и теперь, когда они поняли, что человек закончил свою миссию и больше интереса не представляет, несомненно, вновь проявят свою власть над ним.

Теоретически они могут не только потерять интерес к человеческим существам, но и разрушить Солнечную систему со всеми ее эмоциональными обитателями. Это будет одним из незначительных событий в их подчиненной холодному рассудку жизни.

Раздумывая над таким поворотом событий, Хедрок сперва увидел дворец — тускло светящийся прямоугольник, а потом различил неясные очертания щита. Оба путешественника строго следовали инструкции. Второй Хедрок прошел через щит и растворился в полутьме дворцовых помещений. Настоящий же Хедрок распылил по поверхности легковоспламеняющегося щита клейкий горючий порошок и поджег его. Подождал, пока тот не сгорит, а затем на огромной скорости полетел над темным городом в одну из своих тайных квартир.

Он быстро включил сенсоры и приспособил капсулу к естественным условиям, чтобы использовать ее и в дальнейшем. Затем сфокусировал подъемник на себя и почувствовал, как тот опускается в квартиру.

Когда ноги коснулись пола, он направился к удобному креслу. Уселся и выпалил свирепым тоном:

— Ну, мои друзья пауки, если у вас есть дальнейшие планы, попытайтесь-ка их теперь осуществить!

Самое главное сражение было впереди.

А вот и первый признак присутствия чужаков — мысль, адресованная не ему, но направленная с таким расчетом, чтобы он ее понял. Мысль, как и раньше, толчком проникшая в мозг:

«...Интересный пример активности энергии, как будто без внешнего возбудителя».

Тотчас последовало бесстрастное возражение:

«Нет! Человек знал о нашем присутствии. Цель, которой он подчинил всего себя, осуществлена. Наше присутствие ему не помешало».

«Но тогда он действовал нелогично».

«Возможно. Давайте вернем его... сюда...»

Хедрок отчетливо понял: наступил критический момент. Многие часы он провел в раздумьях — что же делать, если это случится? И вот теперь, едва уселся в кресло, подумал о том же.

Глаза были закрыты, тело расслаблено, мозг работал медленно. Это было то идеальное состояние, которое древние индусские философы называли нирваной — состояние полной релаксации. Тысячелетия назад известные институты по изучению мозга и сенсорной деятельности использовали ее для разного рода тренировок умственного развития. Поначалу Хедрок ощутил, как в мозг проникают импульсы внушительной силы. Но это состояние, а также биение сердца и сопровождавшая его пульсация кровотока вскоре прошли. Осталось чувство полного покоя и тишины.

Сначала показалось, будто он сидит в том же кресле, но не в своей квартире. Через несколько секунд стало совершенно ясно, что кресло находится в кабине управления спасательной ракеты, которая, в свою очередь, была внутри одного из огромных космических кораблей, принадлежащих чужакам.

Хедрок вздохнул и открыл глаза, невольно погружаясь в знакомую атмосферу. Итак, его сопротивление ничего не дало. Плохо, конечно, но он и не рассчитывал на быстрый успех. Он продолжал неподвижно сидеть в многоцелевом кресле, так как релаксация была единственно возможным способом противодействия — отныне и впредь он так и будет поступать.

Он ждал и, стараясь ни о чем не думать, смотрел на светящиеся экраны. Три наружных телестата показывали космическое пространство: звезды, а на экране заднего обзора — изображение корабля. Странно, подумал он. Должно быть, спасательная ракета уже не внутри. И корабль-то всего один! А где же сотни других? Он подавил растущее волнение, когда понял, в чем дело. Срабатывала релаксация — вот ее результат. Паукообразным удалось вернуть его ракету, но их влияние на мозг заметно ослабело, и какая-то часть внушаемых ими иллюзий развеялась.

Первая иллюзия состояла в том, что кораблей много. Вторая — что спасательная ракета внутри корабля. Но это совсем не так. Что еще? Наверное, теперь их власть над ним весьма незначительна. Он закрыл глаза, мысленно приказывая себе снова очутиться в своей квартире, когда его прервали.

«Человек! Не вынуждай нас тебя уничтожить!»

Он инстинктивно съежился, хотя и ждал чего-то подобного, полагая, что вмешательство может быть убойной силы. Но страхи оказались преувеличенными. Чужая мысль, казалось, шла издалека и потеряла былой напор. Хедрок в изумлении широко раскрыл глаза, еще не до конца веря, что *такое* возможно. Должно быть, в первый раз они мгновенно и полностью парализовали его волю. А во второй им приходилось труднее. Ситуация становится все более обнадеживающей. Паучье племя, по разуму представлявшееся недосягаемым, сдает позиции. Сотни кораблей превратились в один. Теперь непостижимую власть над человеческими умственными способностями можно преодолеть. Нет сомнения, что уничтожить его они способны только физически. Скорее всего, энергетическими лучами.

Хотя их влияние на нервную систему стало незначительным, еще рано сбрасывать со счетов его опасные последствия. Он должен вести себя крайне осторожно и ждать своего часа.

Очень скоро пришел следующий импульс:

«Подтверждаем, что ты успешно освободился из нашего интеллектуального плена и понял, что корабль у нас только один. Однако ты нам еще нужен, и поэтому мы вынуждены просить тебя о сотрудничестве. В противном случае ты будешь немедленно уничтожен».

— Я не против,— сказал Хедрок, давным-давно поднаторевший в дипломатии,— я сделаю все, что нужно, при одном условии — уничтожение не будет означать расчленение.

«Мы бы хотели продолжить изучение сенсорной связи близнецов Ниланов. Так как под нашим контролем ты и Дэн были одним существом, мы можем спокойно обойтись без него — того близнеца, который остался на Земле,— и работать с тобой. Ты не будешь испытывать боли при условии полного подчинения исследователям».

Хедрок возразил:

— Еще до того, как вы отправили меня на Землю, я слышал от одного из вас, что Джил Нилан мертв. Как же работать с покойником?

«Пожалуйста, предоставь программу отмирания и роста клеток нашим заботам. Так ты согласен?»

От ответа повеяло холодом, и Хедрок помолчал.

— А вы даруете мне жизнь потом?

«Разумеется, нет».

Он и не ожидал услышать ничего иного. Тем не менее ему стало не по себе.

— Не понимаю, как вы можете рассчитывать на мое сотрудничество при таких условиях?..

«Мы сообщим о приближающейся кончине. Это даст тебе долгожданное эмоциональное возбуждение, что нам и нужно».

Хедрок на какое-то мгновение оцепенел, будто его заворожили. Эти монстры полагают, что удовлетворят психологические потребности человека, сообщив о моменте его смерти. Очень странные выводы сделали они после исследования эмоциональной природы двуногих. Как можно до такой степени заблуждаться! Должно быть, интеллектуальный подход этих существ к жизни и смерти в полной мере стоический. Вероятно, вместо того чтобы укусить руку, которую занесли для последнего удара, каждый паук обдумывает способ спасения, а не найдя его, безропотно принимает смерть.

Хедрок с яростью в голосе сказал:

— Как это у вас все складно получается, у вас и вам подобных! Устроились себе в корабле величиной с маленькую луну, и горя вам мало. Конечно, вы представляете более развитую цивилизацию, и мне хотелось бы взглянуть на вашу планету,

на ваш образ жизни и технические достижения. Наверное, это очень интересно. И в логике вы, несомненно, преуспели. Матушка-природа может похлопать себя по ляжкам и возрадоваться по поводу успешно завершенного эксперимента — создания столь могучего интеллекта. Одна лишь незадача: вы ничего не смыслите в природе человека, если считаете, будто я горю желанием узнать, когда же меня прикончат.

«А что бы тебе хотелось знать еще?»

Хедрок устало произнес:

— Ладно, ваша взяла. Мне хотелось бы знать, когда дадут что-нибудь поесть.

«...Пища! Вы слышали?!»

Как видно, пауки обменивались мыслями между собой, но импульсы доходили до сознания Хедрока.

«Поразительно! В критический момент потребность в пище превалирует. Это кажется существенным. Успокойте его и продолжайте эксперимент».

— Не нужно меня успокаивать,— сказал Хедрок.— Что вы от меня хотите?

«Согласись».

— Как?

«Не сопротивляйся. Думай о мертвом».

Напряжение спало, перед глазами всплыло видение в пустыне, приобретая четкость и яркость. Бедняга Джил, подумал он, во что превратил его тело ужасный зной, все увеличивавшийся по мере приближения планеты к одному из двух своих солнц.

Как ни странно, но Хедрок, представив себе эту картину, испытал глубочайшее сострадание и сразу же возблагодарил Всевышнего за то, что Джил умер. Страшной пытке пришел конец. Джил больше не испытывает мучений от раскаленного песка, жажды и голода, от страха и тщетных надежд. Смерть забрала Джилберта Нилана, как забирает всех живущих. Господи, отпусти грехи и упокой его душу.

Усилием воли Хедрок подавил нахлынувшие эмоции.

— Надо же,— прошептал он вслух,— переживаю так, будто я его брат.

«Это одна из поразительных черт человеческих существ. Как легко нервная система одного реагирует на импульсы нерв-

ной системы другого. Задействованные сенсорные механизмы не имеют аналогов в мире интеллекта. А теперь сядь прямо и посмотри вокруг себя!»

Хедрок взглянул на телестаты. Изображение большого корабля, пленником которого он был, переместилось наверх, а на переднем экране теперь плавали два солнца — белые с желтым оттенком. Сначала они были крошечные, чуть больше ярких звезд. Но постепенно стали увеличиваться в размере. Затем слева появилось еще одно солнце, поменьше. Два больших солнца через какое-то время заметно выросли в диаметре. Расстояние между ними менялось — они удалялись друг от друга. Вернее, одно удалялось, а другое приближалось. Одно уходило все дальше влево; приборы зафиксировали, что оно находится на расстоянии трех миллиардов миль.

Дальнейшие исследования показали, что диаметр обоих близлежащих светил больше диаметра нашего, а одно из них ярче. Третье солнце выглядело как расплывшееся вдали световое пятно. Много времени потребовалось бы его несовершенным приборам, чтобы вычислить характеристики этого небесного тела. Но само его наличие заставило Хедрока призадуматься. Он вгляделся пристальнее и обнаружил вдали красную точку — четвертое солнце этой системы. Хедрока охватило волнение, когда чужой разум опять напомнил о себе.

«Да, человек, ты прав. Это система, которую вы называете Альфа Центавра. Два ближайших солнца — Альфа А и Альфа В. Третье, белое солнце,— Альфа С, красная точка — незначительная Проксима Центавра, известная как ближайшая звезда к вашей Солнечной системе. Последние не представляют для нас интереса, важно лишь то, что умерший близнец находится на необычной планете этой системы. Необычность ее в том, что она вращается поочередно вокруг солнц Альфа А и Альфа В, выписывая восьмерку. И происходит это с необычной скоростью — три тысячи миль в секунду. Двигаясь по такой эксцентричной орбите, она подобно комете подходит очень близко к каждой звезде, но в отличие от кометы не может сойти со своей орбиты и улететь в межзвездное пространство. Гравитационные поля Альфы А и Альфы В поочередно не выпускают ее. Сейчас она подходит очень близко к Альфе А, и мы должны действовать быстро, если хотим оживить мертвого».

— То есть как это? — спросил Хедрок.

Ответа не последовало, да и был ли он нужен?

Чувствуя слабость, Хедрок откинулся в кресле и подумал:

«Ну конечно, это ведь было ясно с самого начала. Я полагал, что они попытаются восстановить сенсорную связь между живым и мертвым, только не очень верил в успех, ибо твердо знал — труп разлагается в течение двух дней».

Ему стало по-настоящему страшно. Тысячи лет он старался продлить жизнь, чтобы люди достигли бессмертия на научной основе, в отличие от него, ставшего бессмертным по воле случая. А паукообразные не только решили эту проблему, но, похоже, могут воскрешать мертвых.

И вместе с тем, как ни странно, не ослабевала его собственная надежда хоть каким-то образом выжить, несмотря на явную решимость этих существ покончить с ним. Как их перехитрить? Он склонялся к тому, что придется руководствоваться их собственным, строго логическим подходом к жизни. Ничего другого он не видел, кроме этого весьма сомнительного шанса, над которым стоило подумать. Хотя их научные достижения могут все свести к нулю.

«А теперь приготовься к следующей фазе!»

Вроде бы он лежал под источником яркого света и не мог сообразить, происходит это в действительности или только кажется ему по *их* воле. Тело удобно располагалось в чем-то вроде гроба, сколоченного по фигуре. От такой мысли его передернуло, но он взял себя в руки. Лежал он спокойно, полный твердой решимости довести задуманное до конца. Источник света висел над ним среди кромешной тьмы. Или, подумалось вдруг с удивлением, наоборот — это он сам висит над источником? А какая, собственно, разница? Был только свет, ярко сияющее пятно, окруженное чернотой. Он долго смотрел на него, стараясь разобрать, белый это цвет или не совсем белый, и решил: цвет неопределенный, во всяком случае не теплый.

И вдруг вздрогнул от боли. Ему показалось, что боль от нестерпимого жара, но сознание подсказало: от холода. Свет был ледяной.

То, что с ним происходило, смахивало на сигнал, на подсказку.

«Эмоция суть проявление энергии! Она действует мгновенно, расстояние для нее не преграда. Причина, по которой связь между близнецами утратила интенсивность, заключалась в них самих — они были уверена, что связь обязательно угаснет. Эта уверенность шла не от ума. Их взаимодействующие нервные системы естественно реагировали на увеличивающееся расстояние, когда один из них отправился к Альфе Центавра. И они инстинктивно разорвали эту связь, хотя эмоциональное восприятие друг друга осталось прежним. Так как сейчас душа Дэна Нилана слилась с твоей, ты и должен восстановить эту связь».

Все произошло мгновенно. Хедрок очнулся и увидел, что лежит в зеленой траве на берегу ручья. Быстро текущая вода бурлила и пенилась, ударяясь о камни. Легкий ветерок обдувал лицо, и над горизонтом, вдали за деревьями, вставало солнце. Вокруг на земле были разбросаны какие-то приборы и коробки, а неподалеку спали четверо мужчин. Ближайший к нему был Джилом Ниланом. Не теряя самообладания, Хедрок мучительно думал: «Спокойно, дурья башка, тебе это только кажется. Это их штучки. Джил находится в песках, на странной планете, летящей в преисподнюю. А это мир мечты, Эдем, Земля в чудесную летнюю пору».

Прошло несколько минут. Джил Нилан продолжал спать, лицо его горело, дыхание было шумным и прерывистым, как будто он не мог набрать в легкие достаточно воздуха, как будто жизнь возвращалась рывками и с большим трудом. В мозгу Хедрока слабо прозвучало: «Пить, о боже, пить!» Это была не его мысль. Хедрок бросился к ручью. Сложенные пригоршнями ладони так дрожали, что он дважды расплескал на траву драгоценную воду. Наконец самообладание взяло верх, и он нашел среди коробок какую-то посудину. Долго тоненькой струйкой вливал в рот Джила Нилана воду и смачивал ему лицо.

Истощенное тело содрогалось в приступах жуткого кашля. Затекшие мускулы судорожно разжимались и постепенно отходили. Хедрок с блеском в глазах настойчиво боролся за эту жизнь. Он чувствовал, как медленно бьется сердце Джила, как возвращающиеся издалека мысленные образы с трудом проникают в мозг. Восстанавливалась та сенсорная

связь, которая до сих пор принадлежала только братьям-близнецам. Джил пришел в себя и зашевелился.

«Эй, Дэн, старый чертяка,— Хедрок уловил мысль Джила,— откуда ты взялся?»

— С Земли,— вслух произнес Хедрок, и ветерок, веявший в лицо, унес слова. Еще успеет объяснить, что он не Дэн.

Ответ, казалось, успокоил Джила. Он вздохнул, еле заметно улыбнулся и погрузился в глубокий сон.

Хедрок начал перебирать коробки в поисках декстрозы. Нашарив пузырек с таблетками быстро усвояемой пищи, он положил одну в рот Джила. Пускай постепенно рассасывается. Ну вот, сделал все, что мог, пора заняться другими. Он всех немножко напоил, всем дал по таблетке. И тут до него дошел новый импульс. Как видно, пауки обменивались мыслями.

«...Любопытно — он и другим помог. Здесь не только искусственно вызванная реакция сострадания друг к другу у однояйцевых близнецов, а проявление невероятных эмоций».

Этот идиотский комментарий выбил Хедрока из колеи. Едва он занялся нужным делом, позабыв о пауках, как те не преминули напомнить о себе. Он поднял голову к голубому небу, к великолепному желто-белому солнцу — в этот момент он ненавидел их лютой ненавистью. И, кажется, готов был, совсем как дикарь, потрясать кулаками и выкрикивать проклятия в адрес злых духов, притаившихся на небесах.

Успокоившись, вновь покормил своих подопечных — на сей раз концентратом быстро усвояемого фруктового сока, разведенного водой. Один из них, худой красивый человек, настолько пришел в себя, что, недоуменно глядя на него, улыбнулся, но ничего не спросил, и Хедрок, в свою очередь, промолчал. Когда пациенты опять погрузились в сон, он выбрал самое высокое дерево, залез на него и оглядел окрестности. Взору открылись наплывающие друг на друга холмы и далекий, еле видимый в дымке отблеск водного пространства. Его внимание привлекли желтые пятна на дереве в четверти мили от залива.

Он спустился на землю и отправился вниз по течению ручья. Идти пришлось дальше, чем представлялось вначале, и когда он вернулся с полной коробкой плодов, солнце уже

миновало зенит. Прогулка пошла на пользу — он размялся и почувствовал себя лучше. В голове мелькнула трезвая мысль: Джил и Кершоу — если один из них Кершоу,— наверное, бывали на этой планете раньше. Значит, пробовали здешние желтые плоды и смогут сказать, когда будут в состоянии, съедобны ли они. А может быть, где-нибудь в коробках есть карманный анализатор?..

Может, и есть, только найти не удалось. Зато попалось много всякого оборудования, включая информатор для записи на диски сведений о новых планетах и землях. Они, вероятно, оставили немало таких дисков там, где побывали. Солнце шло к закату — прямо за запад, по нашим понятиям, невесело подумал Хедрок. Далеко за полдень на востоке взошло второе светило, меньшего размера и не столь яркое. На какое-то время потеплело, а когда большое солнце исчезло за горизонтом, стало прохладнее и наступила «ночь», если позволено воспользоваться этим словом. Она была похожа на сумрачный день, когда у нас свет пробивается сквозь плотные облака, а здесь небо было безоблачным и отсутствовала влажность. Дул легкий ветер. Появилось третье солнце, но оно ничего не изменило. Тусклым светом заблестели звезды. Мрачная картина действовала Хедроку на нервы. Он ходил по берегу ручья и думал: «Сколько еще будет длиться это... сенсорное исследование? И зачем они хотят меня прикончить?»

Эти вопросы не предназначались паукообразным, но, к его удивлению, ответ последовал незамедлительно. Может быть, он опустился с тусклого безоблачного неба, точный и абсолютно бесстрастный:

«Мы не совсем то, что тебе представляется. Наша раса не является одним из порождений природы. В этом корабле все, что осталось от нашего народа. Мы — бессмертные, победившие в борьбе за превосходство на нашей планете. Каждый из нас уничтожил всех соперников в своей сфере деятельности и остался в ней последним. Нам нужно выжить, поэтому о нашем существовании не должен знать никто во вселенной. По воле несчастного случая ты оказался среди нас, поэтому должен умереть. Понятно?»

Хедрок не знал, что возразить, коль скоро логика пауков столь убедительна и даже убийственна — умри, раз слишком много знаешь!..

«В наши намерения входит закончить исследования механизма сенсорной деятельности человека на основе тех данных, которые мы получили через тебя, а затем покинуть эту часть космоса навсегда. Исследования займут какое-то время. Потерпи, пожалуйста, до конца. На твои незначительные обращения отвечать не будем. Веди себя соответствующим образом».

Здесь тоже все ясно. Хедрок медленно побрел к лагерю. Худой усталый человек, который недавно улыбнулся ему, сидел на траве.

— Здравствуйте,— сказал он приветливо.— Меня зовут Кершоу, Дерд Кершоу. Спасибо! Вы нас спасли.

— Рано благодарить меня,— угрюмо отозвался Хедрок.

Но звук человеческого голоса взволновал его и дал толчок новой идее. Вновь пробудилась надежда, и он приступил к работе, хотя и в состоянии сильной тревоги. Ведь в любой момент его могут ликвидировать.

Работа была довольно простая. При помощи энергетического револьвера Джила он резал ствол дерева на круглые диски по шесть дюймов толщиной. Диски закладывал в землепроходческий информатор, где на каждый наносилась информация о положении, в котором оказались он и его случайные товарищи, о паучьем племени и нависшей угрозе. Для некоторых дисков он задавал различное антигравитационное давление и наблюдал, как диски взмывали вверх на тот уровень, который им был задан. Они парили в прозрачных течениях воздуха. Некоторые зависали над ним, и он покрывался испариной от злости из-за их медлительности. Другие исчезали из поля зрения с вполне удовлетворительной скоростью. Хедрок знал, что одни окажутся на холмах, другие на деревьях, третьи будут странствовать годы, если не века, и с каждым часом их все труднее будет найти. Паучьему племени придется потратить уйму времени, чтобы как-то помешать распространению сведений об их существовании.

Шли драгоценные дни. Диски разлетались в разные стороны в зависимости от дующих ветров.

Пациенты восстанавливали силы медленно. Было очевидно, что их организмы не в состоянии правильно усваивать пищу, которую он давал. Нужна была медицинская помощь, а где ее взять? Кершоу первым пошел на поправку и пожелал узнать обо всем случившемся. Хедрок воспроизвел информацию на одном из дисков, которые он все еще запускал по прошествии трех недель.

— Так вот что нас ждет,— медленно произнес Кершоу.— Почему вы думаете, что диски помогут?

— Пауки — мерзавцы с железной логикой. Они воспримут это как свершившийся факт. Лишь бы распространение дисков достигло такой фазы, когда их уже невозможно найти. Время от времени мне кажется, что я сделал достаточно, но потом начинаю сомневаться — поймут ли они, что проиграли? Они не тронули нас до сих пор, потому что изучают эмоциональную структуру человека. По крайней мере таково было их намерение. К тому же они предупредили, что не будут общаться со мной какое-то время. Я подозреваю, что они слишком далеко улетели, поэтому их телепатия не срабатывает.

— Но что им нужно? — спросил Кершоу.

Трудно было объяснить, чему научил опыт общения с пауками, но Хедрок попытался, конечно не углубляясь в свою деятельность на Земле. И закончил следующими словами:

— Я в любой момент могу заблокировать их влияние на мой мозг, поэтому угроза в отношении меня носит физический характер.

— Как вы можете объяснить,— вопросил Кершоу,— что они вернули вас в спасательную ракету, несмотря на ваше противодействие?

— Я могу только предполагать, что нервная система медленно вырабатывает защитные реакции. Я уже был в ракете, когда начал действовать мой метод противостояния. А когда это случилось, они сразу поняли, в чем дело, и стали угрожать уничтожением, если я откажусь с ними сотрудничать.

— Как вы думаете, они сумеют разобраться в эмоциональной природе человека?

Хедрок покачал головой:

— Тысячи лет люди пытаются управлять эмоциями. Дело не в том, чтобы исключить эмоции из жизни — просто их надо

направлять в правильное русло, дабы они служили здоровью, любви, доброй воле, сексу, энтузиазму, утверждению личности и так далее. Наверняка есть аспекты жизни, о которых пауки не имеют ни малейшего представления. Не думаю, что они когда-либо поймут суть, поскольку не в силах провести грань между двумя людьми, один из которых добровольно рискует жизнью во имя какой-то отвлеченной идеи, а другой — ради собственной выгоды. Тут их слабое место, и они никогда не получат правильного представления о природе человека.

Кершоу напряженно думал. Наконец спросил:

— Каковы наши реальные шансы на спасение?

— Пауки со всей определенностью заявили, что покинут эту часть космоса. И надо думать, сделают это, поскольку предполагают, что вскоре огромные корабли будут курсировать по пассажирским линиям между Землей и планетами Центавра. Я уверен, императрица рассекретит межзвездный суперлайнер, а при нынешнем развитии машиностроения уже через несколько недель появятся сотни таких космических кораблей. При необходимости сюда можно добраться менее чем за два дня.

— Давайте-ка займемся делом,— сказал Кершоу.— Вы уже запустили много дисков, но еще несколько тысяч нам не повредят. Вы валите деревья и нарезайте диски, а я буду закладывать их в аппарат.

Вдруг Кершоу замолчал и, откинувшись назад, широко открытыми глазами уставился поверх головы Хедрока в небо. Хедрок резко повернулся и взглянул в том же направлении. И увидел корабль. На какое-то мгновение ему показалось, что к ним пожаловали пауки. Солнце осветило крапчатую структуру обшивки, на ней засияли огромные буквы:

«ВС — ЦЕНТАВР-719»

Корабль снизился. Он пронесся над ними на высоте полумили и в ответ на позывные их телестата медленно повернул и сел неподалеку.

Через сорок один час полета путешественники были доставлены на Землю. Хедрок принял все меры предосторожности, не стал раскрывать настоящее имя и благополучно добрался до одной из своих квартир в Империал-Сити.

Несколько минут спустя он уже соединял местный телестат с одной из собственных релейных систем. Этим окольным путем, скрывая свое местонахождение, он вызвал Торговый дом оружейников.

Глава 18

На экране появилось изображение Питера Кадрона. В этот момент он смотрел в сторону и оживленно разговаривал, но с кем, Хедрок не видел и не слышал — звука не было. Беседа продолжалась некоторое время, и у Хедрока была возможность представить себе реакцию бывшего члена Высшего совета, когда тот его увидит.

Прошел почти месяц с той достопамятной ночи, когда Хедрок, защищая себя, вынужден был выступить против Торгового дома оружейников.

Кадрон взглянул на экран и замер, затем быстро включил звук.

— Хедрок! — воскликнул он.— Это вы?!

Радостная улыбка осветила его лицо, глаза заблестели.

— Хедрок, где вы были? Мы всеми способами пытались связаться с вами.

— Каков мой статус в Торговом доме оружейников?

Кадрон выпрямился.

— Уходящий в отставку Совет уполномочил меня извиниться перед вами за наше истерическое поведение. Должны признать, что нами овладело настроение «толпы», виной чему чрезмерное напряжение. Я лично сожалею, что так получилось.

— Благодарю вас. Означает ли это, что о заговоре против меня и речи быть не может?

— Клянусь честью! — Он помолчал и вновь заговорил: — Хедрок, слушайте, мы сидели как на иголках и ждали, когда вы объявитесь. Как вы знаете, императрица без всяких проблем на следующее утро после штурма сняла запрет с суперлайнера.

Хедрок узнал об этом на борту корабля, когда возвращался на Землю, и сейчас только сказал:

— Продолжайте.

Кадрон был взволнован.

— Мы получили от нее потрясающее предложение — официальное признание Торгового дома оружейников и участие в правительстве. Это самая настоящая капитуляция.

— Вы, конечно, не пошли на это,— промолвил Хедрок.

— То есть как?..— Кадрон застыл с широко открытыми глазами.

— Надеюсь, Совет не принял это предложение,— твердо продолжал Хедрок.— Вы должны ясно представлять себе, что не может быть оснований для переговоров между диаметрально противоположными сторонами.

— Но,— возразил Кадрон,— вы ведь сами говорили об этом как о причине вашего появления во дворце.

— Это был лишь предлог. При нынешнем кризисе цивилизации нам необходимо присутствие своего человека одновременно и в Торговом доме, и во дворце.— Голос его звенел, и он продолжал говорить, не давая Кадрону вставить слово.— Торговый дом оружейников представляет постоянную оппозицию. Беда оппозиционных сил прошлого состояла в том, что они всеми путями старались захватить власть и слишком часто их критика оказывалась нечестной, а намерения порочными. Высший совет должен сделать все, чтобы не допустить проявления подобных качеств у своих последователей — отныне и впредь. Пусть императрица сама разбирается с порожденным ею хаосом. Я не говорю, что она виновата в коррупции, охватившей империю, но для нее пришло время взяться за наведение порядка в собственном доме. Торговый дом оружейников останется во всех отношениях сторонним, хотя и заинтересованным наблюдателем. Он будет соответствовать наивысшему эталону и помогать тем, кому придется защищаться от деспотии в нашей галактике. Производители оружия будут продолжать торговать им и оставаться вне активной политики.

— Вы хотите, чтобы мы...— начал было Кадрон.

— ...Продолжали заниматься своим обычным делом — и не более того. А теперь,— Хедрок улыбнулся,— я очень благодарен судьбе, что она свела меня с вами, Кадрон. Пожелайте счастья бывшим членам Совета. Через час я появлюсь во

дворце; никто из вас больше не получит от меня никаких вестей. Прощайте! И удачи вам.

Он выключил телестат и ощутил, как старая знакомая боль наполняет душу. Ну вот, опять ему приходится уходить. Ладно, печалиться не стоит, подумал Хедрок, преодолевая чувство одиночества, и точно в намеченный час направил свой автоплан в сторону дворца.

Он уже переговорил с Иннельдой, и его сразу пропустили в покои императрицы.

Встреча получилась не слишком-то радостная. Она ждала его в саду на тридцать четвертом этаже, где обычно принимала посетителей. Супруги сели под пальмой. Дул легкий ветерок, откуда-то струился мягкий рассеянный свет. Иннельда не ответила на его поцелуи, разве что покорно, как рабыня, приняла их. И он устремил на нее пристальный взгляд: она сидела прямо, подобравшись и как бы застыв,— статная женщина с овальным, несколько удлиненным лицом, непроницаемым, словно каменным.

Это неспроста, подумал Хедрок, что-то здесь кроется. Нужно выяснить.

— Иннельда, что случилось? — спросил он, несколько отодвигаясь.

Она промолчала, и Хедрок настойчиво продолжал:

— Первое, что я обнаружил, когда вернулся,— принц дель Куртин, почти в буквальном смысле слова твоя правая рука, удален из дворца. Почему?

Этот вопрос ее, казалось, пробудил. Она заговорила с оттенком былого жара в голосе.

— Кузен имел неосторожность выступить с критикой моего проекта и отвергнуть его. Я не потерплю издевательства даже со стороны тех, кого люблю.

— Принц дель Куртин издевался над тобой? — изумился Хедрок.— Совсем на него не похоже.

Иннельда снова промолчала. Хедрок искоса посмотрел на нее и с тем же напором сказал:

— Ты ради меня отказалась от межзвездного суперлайнера, и теперь, когда мы вместе, я не вижу смысла в этом поступке.

Она не произнесла ни слова, и Хедрок вдруг понял, что могла значить ее отчужденность. Неужели она узнала о нем правду? Он не успел ничего сказать, когда зазвучал ее низкий голос:

— Пожалуй, единственное, что мне нужно сообщить, так это то, что у Ишеров будет наследник. У *Ишеров* будет наследник,— повторила она с нажимом.

Известие о ребенке оставило его почти равнодушным. Одно несомненно — она знала.

— Все понятно,— вздохнул Хедрок.— Ты ведь арестовала Гониша, не так ли?

— Да, я арестовала Гониша, и ему не потребовалось информации больше той, что у него уже была. Несколько слов — и интуиция сработала.

Вот оно — косвенное подтверждение.

— Ну и что же ты собираешься делать?

Императрица ответила отрешенным тоном:

— Женщина не может любить бессмертного мужчину. Такая связь опустошит ее душу и разум.— Она продолжала, будто говорила сама с собой: — Я понимаю теперь, что никогда тебя не любила. Ты меня притягивал и отталкивал одновременно. Вместе с тем я испытываю чувство гордости, ибо, пребывая в неведении, выбрала именно тебя. Это доказывает необыкновенную инстинктивную жизнеспособность нашего рода. Роберт!

— Да?

— А те, другие императрицы — какие у тебя были с ними отношения?

Хедрок покачал головой:

— Я ничего не скажу тебе. Мне нужно, чтобы ты приняла решение, не думая о них.

Она засмеялась вымученным смехом:

— Ты думаешь, я ревную. Я не... я совсем не такая.— И добавила, спотыкаясь на каждом слове: — Я теперь семейная женщина, которая сделает все, чтобы ребенок уважал и любил ее. Императрица рода Ишеров не может поступить иначе. Я не буду принуждать тебя к откровенности.— Ее зеленые глаза потемнели, и она вдруг горестно произнесла: — Мне нужно подумать. А теперь, пожалуйста, уходи.

Иннельда протянула руку. Его губы почувствовали, насколько она безжизненна... В смятенном состоянии духа Хедрок вышел и направился к себе.

В одиночестве он вспомнил о Гонише. Через коммутатор Торгового дома оружейников связался с ним и попросил прийти во дворец. Через час они уже сидели друг против друга.

— Надо полагать,— начал Гониш,— никаких объяснений не последует...

— Об этом позже,— сказал Хедрок и поинтересовался: — Что вы собираетесь делать? Вернее, что уже предприняли?

— Ничего.

— Вы имеете в виду...

— Видите ли, я прекрасно понимаю, как известие о вашем бессмертии может подействовать не только на среднего человека, но и на высокообразованного. Я никогда не скажу о нем членам Совета или кому-либо еще.

Хедрок почувствовал облегчение. Он не сомневался в исключительной честности Гониша. Тот дал обещание без давления со стороны Хедрока, по своей воле, проявив доброжелательность и полное понимание ситуации.

— С моими знаниями,— заметил Гониш, пристально взглянув на собеседника,— я бы не решился ставить опыты на других, добиваясь бессмертия. А вы это делали, да? Где это было? Когда?

Хедрок с трудом сглотнул. Воспоминания жгли его огнем.

— На Венере,— сказал он упавшим голосом,— еще в период первых межпланетных путешествий. Я основал изолированную колонию ученых, рассказал им всю правду и поставил задачу — раскрыть тайну моего бессмертия. Это было ужасно...— В его голосе проскользнули нотки отчаяния.— Не могу передать словами их состояние — они видели меня неизменно молодым, а сами превращались в стариков. Никогда больше этим не занимался.

— А что с вашей женой?

Хедрок ответил не сразу.

— В прошлом императрицы Ишер всегда гордились, связывая свою жизнь с бессмертным. Ради продолжения рода прощали мне все.— Несколько помрачнев, он добавил: — Вероятно, нужно было чаще жениться. Тогда родился бы еще

один бессмертный. Эта моя женитьба всего лишь тринадцатая. Почему-то...— Он осекся, заметив, как Гониш помрачнел, и поспешно спросил: — Что такое?

— Я думаю, императрица Иннельда любит вас,— сказал тот.— Хотя ничего хорошего из этого не выйдет. Видите ли, она не может иметь детей.

Хедрок вскочил на ноги и сделал шаг вперед, словно собирался ударить Гониша:

— Вы серьезно? Она же сказала мне...

Гониш продолжал сидеть с угрюмым выражением на лице.

— Мы в Торговом доме оружейников следим за императрицей с детства. К ее досье, естественно, имеют доступ только три ноумена и члены Высшего совета. Здесь ошибки быть не может. Я знаю, это рушит ваши планы, но не принимайте так близко к сердцу. Принц дель Куртин по праву наследует трон и, полагаю, отлично справится с продолжением рода. Через несколько поколений появится еще одна императрица, и вы снова женитесь.

Хедрок, меривший шагами комнату, остановился.

— Нельзя быть таким бессердечным, черт вас побери! — выпалил он.— Я думаю не о себе. Дело в женщинах рода Ишеров. Особенности их характера не очень ярко выражены в Иннельде, но главное сохраняется. Она не откажется от этого ребенка, вот что меня волнует.— Он резко метнулся к собеседнику.— Вы абсолютно уверены? Не играйте со мной в игры, Гониш!

— Да я не играю, Хедрок. Императрица Ишер умрет при родах и...— Он замолчал, взгляд его был устремлен куда-то в сторону.

Хедрок медленно повернулся в том же направлении и увидел ее на пороге. Женщина произнесла ледяным тоном:

— Капитан Хедрок, вы и ваш друг мистер Гониш в течение этого часа покинете дворец и не вернетесь сюда, пока...— Она замолчала и какое-то мгновение стояла, замерев на месте. Потом быстро, но с трудом выговорила: — Никогда, никогда не возвращайтесь! У меня больше нет сил. Прощайте...

— Подожди! — пронзительно закричал Хедрок.— Иннельда, ты не должна рожать ребенка!

Его вопль разбился о закрытую дверь.

Глава 19

В тот последний день Хедрока провел во дворец дель Куртин.

— Нужно,— прошептал принц,— чтобы кто-нибудь около нее был. Нельзя же поступать вопреки здравому смыслу. Мои друзья сообщат ее новому доктору Тилинджеру, что вы здесь. Побудьте у себя, пока вас не позовут.

Томительно тянулось время. Хедрок шагал взад-вперед по толстому ковру и думал о месяцах, прошедших с тех пор, как его прогнали из дворца. Тяжелее всего были несколько последних дней. Хотя никаких официальных сообщений в средствах массовой информации так и не появилось, сведения просачивались отовсюду. Совершенно непонятно, каким образом, но все знали о скором рождении наследника. До Хедрока долетали обрывки разговоров во время прогулок по тихим улочкам или в ресторанах, куда он порой заглядывал. Казалось, слухи переносились легкими дуновениями. По сути своей они были доброжелательными. Просто говорили, что со дня на день следует ожидать появления на свет наследника Ишеров, и взволнованная публика ожидала официального заявления, хотя никто не знал точной даты.

Это случилось в десять вечера. Тилинджер прислал за Хедроком, и он поднялся из своего кабинета в покои императрицы.

Его смущенно приветствовал доктор — средних лет мужчина со впалыми щеками. Тилинджера не в чем было винить, разве что в слабости характера. Его вынудили стать личным врачом императрицы вместо доктора Сноу, которого в одночасье уволили после тридцати лет службы при дворе. Хедрок все еще помнил тот день, когда за обедом Иннельда в ярости напала на доктора Сноу, назвав его старомодным лекарем, «который все еще ставит себе в заслугу то, что помог мне появиться на свет».

Несомненно, старый доктор сказал Иннельде правду, и ей это не понравилось. Также не было сомнений и в том, что нового врача лишили возможности тщательно осмотреть императрицу. Хедрок понял это, слушая Тилинджера. Она сделала правильный выбор, ибо этот человек никогда не осме-

лился бы преодолеть сопротивление своей венценосной пациентки.

— Я только-только разобрался, в чем дело,— бормотал он.— Она под наркозом, но я оставил ей возможность общаться. Принц Хедрок, вы должны убедить ее — или ребенок, или она. Ее уверенность в том, что она будет жить, абсолютно беспочвенна. Она угрожала мне смертью, если ребенок не выживет,— закончил он, весь побелев.

— Разрешите мне поговорить с ней,— сказал Хедрок.

Иннельда неподвижно лежала в постели. На лице не было ни кровинки, дыхание почти не ощущалось. Казалось, она уже мертва. Но Хедрок заметил, что она чуть пошевелилась, когда доктор мягко наложил маску коммуникатора. Бедняжка, подумал он, неудачливый тиран, несчастная женщина, оказавшаяся в плену собственных убеждений — таких твердокаменных, что ни самой отказаться от них, ни повлиять на нее никак невозможно.

— Иннельда,— нежно проговорил он в коммуникатор.

— Это... ты... Роберт,— отчетливо, хотя и с паузами выговорила она.— Я... приказала... не пускать... тебя.

— Твои друзья тебя любят. Они хотят, чтобы ты жила.

— Они... ненавидят... меня. Думают... я... дура. Но я им докажу... Я буду жить... и ребенок должен выжить...

— Принц дель Куртин женился на очаровательной, замечательной женщине. У них будут прелестные дети, достойные стать продолжателями рода.

— Никакой другой ребенок... только мой... и твой... будет править под именем Ишер... Неужели ты не понимаешь, все дело в прямой линии... Никогда она не была прервана... Так останется впредь... Неужели ты не понимаешь?..

Он стоял, полный печали, ибо как никто другой понимал ее. В прежние времена, каждый раз выступая под вымышленным именем, он убеждал императоров Ишер жениться на девушках, жизненно необходимых для рода, вовсе не подозревая, что культивируемая им стойкость характера приобретет такую силу. И вот трагическое тому доказательство. Несчастная Иннельда, наверное, не догадывалась, что ее забота о продолжении рода всего лишь результат его рационализма. Она хотела только своего ребенка. Все так просто и так ужасно.

— Роберт... не уходи... дай руку... пожалуйста...

Он стоял и смотрел, как жизненные силы покидают ее. И когда хрипло вскрикнул ребенок, Хедрок ощутил лишь жгучую боль утраты, ибо смерть распростерла свои черные крылья над холодеющим телом Иннельды.

На расстоянии в половину светового года шел своим курсом космический корабль длиной в сто миль. Внутри его один разум обменивался с другим:

«...Второе общее исследование, так же как и первое, не дало конкретных результатов. Мы узнали некоторые важные особенности, но почему правительница, которая владела Солнечной системой, отдала жизнь ради своего ребенка, когда сама так боялась смерти? Аргумент, будто только ей надлежит родить наследника, не поддается логическому осмыслению, поскольку та или иная комбинация атомов не составляет проблемы. Любая женщина могла бы с успехом выполнить ее функцию».

«...Следовательно, необходимо вернуть правительнице жизнь и зафиксировать эмоциональную реакцию близких на ее воскрешение».

«...Исследовал появление нашего бывшего пленника Хедрока во дворце. Как оказалось, он искусно опроверг наши логические построения, требующие его уничтожения».

«...Пришел к выводу... мы можем спокойно покинуть эту часть вселенной...»

«Вот и все, что нам удалось выяснить. Именно эта раса будет править галактикой».

Война против руллов

Моей любимой жене Лидии

Его мутило.

Он старался проглотить подкатившую к горлу тошноту.

Тошноту вызвала болтанка. А болтанку организовали мощные струи двигателя звездолета. Без них корабль не смог бы исчезнуть в туманной атмосфере Эристана-II.

Еще он ощущал опасность.

И это несмотря на сверхпрочность тросов, на которых он раскачивался. Противоположные концы их были прикреплены к антигравитационной платформе, исполняющей роль купола парашюта. Платформа тоже раскачивалась.

Трейвор Джемисон достал бластер.

Сверху, с края платформы, его очень внимательно рассматривал эзвал. Он разглядывал Джемисона сразу тремя глазами: левый выражал настороженность, правый — ненависть, а тот, что находился между ними, пока не мог решить, какое из этих двух чувств ему выбрать.

Огромная голубая голова эзвала была готова — Джемисон хорошо это знал — молниеносно укрыться за краем платформы, как только, теперь уже в собственной голове Джемисона, возникнет мысль о выстреле.

Телепатия, пропади она пропадом! Хотя... Плевать я на нее хотел!

— Ну,— обратился Трейвор к оседлавшему платформу эзвалу,— вот мы и здесь. Что для нас тысячи световых лет от дома? Мелочь. Зато какое пекло ожидает нас внизу! Ты и вообразить себе не можешь, даже если прочтешь все мои мысли до единой. И не надо делать скидку на изоляцию, в которой живет твоя раса. Хочу видеть, как шесть тысяч фунтов

© Перевод Д. Громова, О. Ладыженского, С. Ладыженского.

твоей почтенной плоти в одиночку будут доказывать свою жизнеспособность там, внизу...

Монолог прервала здоровенная когтистая лапа, которая опустилась за край платформы и рванула один из трех тросов, тем самым поставив под сомнение жизнеспособность самого Джемисона. Раздался треск, и трос лопнул. Оставшиеся два тут же превратились в качели, которые стали раскачивать собеседника эзвала.

Бластер был поднят наперевес, указывая полную готовность к обороне.

Но новых попыток нападения не последовало. Над краем платформы так же торчала голубая трехглазая голова. И можно было бы считать, что все осталось по-прежнему, если бы Трейвор внезапно не ощутил в своей голове чужую мысль. Она проникла туда без стука, холодная и бесстрастная:

— Меня сейчас занимает одна идея. Точнее, вопрос. Как из ста с лишним человек экипажа живым удалось остаться только тебе? И ты один из всей расы, которую вы считаете человеческой, понимаешь, что эзвалы — разумные существа, а не примитивные животные с планеты, которую вы называете Землей Кэрсона. Проблемы, постоянно возникающие перед вашим мудрым правительством в связи с колонизацией нашей планеты, неразрешимы именно потому, что нас считают животными; опасным, но неизбежным злом. Это заблуждение нам на руку. И нам хочется, чтобы оно продлилось как можно дольше. Если вы узнаете, что мы обладаем разумом, то безжалостная затяжная война на уничтожение нам обеспечена. И это намного отдалит главную цель — выдворение из нашего мира всех пришельцев. В том числе и тебя. Так уже случилось — ты знаешь нашу тайну,— и мне оставалось лишь прыгнуть на эту проклятую площадку, когда ты выбрался из люка корабля.

— Вряд ли проблема будет решена, если ты избавишься от меня,— высказал свои сомнения Джемисон.— По-моему, не следует забывать про второй корабль, который улизнул от вашего крейсера и сейчас успешно жрет парсеки, приближаясь к Земле. И если у тебя хорошая память, ты не можешь забыть, что на борту корабля находится в качестве отнюдь не почтенных гостей самка эзвала и ее детеныш.

— Я все помню,— телепатировал эзвал крайне презрительно,— и не могу забыть гримасу командира корабля после твоего намека, что мы, вероятно, разумны. Нет уж! Те, кто у вас в плену, не предадут свою расу.

— Я не очень уверен в их патриотизме,— в голосе Джемисона сквозил цинизм,— хотя ты и пытаешься убедить меня в обратном. Да и сам ты, как только появилась угроза для жизни, прыгнул на площадку антиграва, даже не думая о том, что не умеешь ею управлять. Так что положение наше одинаково плачевно. Именно поэтому я позволю себе усомниться, что эзвал способен...

Нить его рассуждений неожиданно прервалась. Эзвал продемонстрировал кое-что из своих способностей — взмахнул одной из чудовищных лап, и в его огромных когтях оказалась птица внушительных размеров. Она попыталась, неловко ударив парусообразными крыльями, обрести свободу, но тщетно. Джемисон едва успел заметить ее выпученные глаза и серпообразные когти, занесенные для...

За одним ударом последовал другой, антиграв качало и крутило, как бумажный кораблик в весеннем ручье. Джемисон, болтающийся на тросах, напоминал пьяную марионетку. Или трезвую марионетку в руках пьяного кукольника. Порывы ветра и грохот крыльев вполне можно было бы назвать бурей, не хватало только молний. Оставалось одно.

Трейвор Джемисон вскинул бластер.

Белый пунктир пронзил одно из крыльев, оставив после себя черную дыру. Буря стала затихать, и вскоре эзвал сбросил птицу с площадки. Ее мертвое тело на всех парусах полетело вниз, пока не затерялось на фоне джунглей.

Проводив птицу глазами, Джемисон поднял голову вверх.

Эзвал раскачивался на краю площадки, беспомощно пытаясь четырьмя лапами схватить воздух. Остальными двумя он вцепился в металлические пластины антиграва, всячески стараясь удержаться. Попытка увенчалась успехом. Гигантская туша легла на площадку, и вновь взору Джемисона предстала огромная голова.

Джемисон опустил бластер и усмехнулся.

— Вот-вот,— сказал он,— ты даже с птичкой не справился самостоятельно. Несколько секунд назад ты представлял

собой очень удобную мишень. Но, повторяю, ты нужен мне, так же как я тебе. Время еще терпит, поэтому позволь обрисовать картину: корабль приказал долго жить над островом милях в двадцати от материка. Они отделены друг от друга проливом Сатаны. Готов отметить, что корабль мы покинули вовремя — минута промедления, и мы бы разделили его участь. Мы вновь должны оказаться на его борту — думаю, довольно покореженном. Там можно найти не только запас еды, но и убежище от всех смертоносных тварей, которых успел открыть человек. Ну и еще я надеюсь, что мне удастся починить субпространственный передатчик, а если повезет — найти спасательный бот. Правда, нужно приложить усердие. Максимум усердия. Прогулку в пятнадцать-двадцать миль по непроходимым джунглям к проливу Сатаны не совершишь без предельного напряжения сил. Потом придется построить плот для переправы на материк. Он же, как я предполагаю, защитит нас и от морских гурманов, каждый из которых даже тебя легко проглотит целиком. Так вот, в этой игре, ставка в которой — жизнь, наши главные козыри — твоя сила и твой телепатический дар. Плюс мое оружие и моя ловкость. Ну, какой будет ответ?

Ответа не было.

Джемисон сунул бластер в кобуру.

Может быть, он и поспешил с этим, но теперь оставалось надеяться, что эзвал не полный кретин и его рассудок победит патологическую ненависть к человеку вообще и к Джемисону в частности. Хотя теплый и влажный ветер принес с собой еле ощутимый запах почвы, антиграв находился еще достаточно высоко.

Сквозь туман удавалось различить разноцветные пятна джунглей и морей приближающейся планеты. Чем ниже опускался антиграв, тем грандиозней становилась картина. Уже можно было разглядеть лохматые гривы лесов, спутанные кудри растений. Они тянулись к северу, занимая все пространство, которое охватывал взор. Где-то там внизу был и пролив Сатаны, где ждала смертельная опасность. Все вместе это называлось — Эристан-II.

— Твое молчание я расцениваю как желание совершить прогулку в одиночестве,— нарушил слишком затянувшуюся

паузу Джемисон.— Могу это понять, но прошу учесть одно обстоятельство. Твое существование, как существование и всей твоей расы, стало возможно благодаря естественному отбору, который действует не только для вашего племени. Мы тряслись от холода в пещерах, добывая огонь; в муках придумывали оружие, чтобы избежать опасностей, постоянно находясь на волосок от гибели; кусались, царапались, дрались, резали, колотили, стреляли в единственном стремлении — выжить; и все эти тысячи лет вы разгуливали по своим владениям, непревзойденные по силе и разуму, не зная страха, не нуждаясь в одежде, убежище, огне, пище, оружии...

— В приспособлении к среде,— закончил его мысль эзвал.— А именно это и является главной задачей разумных существ. Разве человечество создало цивилизацию? Чепуха! Оно создало непреодолимый барьер между собой и средой! Вы столько всего нагромоздили и так все усложнили, что сами же стали препятствием для дальнейшего развития. Человек — это раб. Причем раб слабый, вынужденный зависеть от техники и пресмыкаться перед ней, гибнуть от малейшей неполадки в своем собственном организме. Зато его высокомерие и неутолимая жажда власти исключительны. В них и кроется величайшая опасность для других разумных рас вселенной!

Джемисон улыбнулся.

— Понимаю твой полемический задор. Но позволь спросить... Неужели раса, которая успешно ведет бой с врагами; раса, овладевшая знанием вселенной и познавшая ее законы; раса, достигшая звезд,— неужели эта раса не заслуживает ни малейшей похвалы?

— Похвалы?! — возмутился эзвал.— Да человек с его идеями — злокачественное образование на теле галактики. Ты уже долго изощряешься, пытаясь убедить меня в своем превосходстве. И одновременно взываешь о помощи. Типичная человеческая логика и типичное человеческое коварство! Так вот, я всю картину вижу иначе. Скоро мы приземлимся. Я не причиню тебе вреда, хотя, как ты понимаешь, мог бы это сделать в любой момент. Внизу наши пути разойдутся. Я достаточно силен — ты в этом убедился. Не отрицаю, внизу могут ждать твари сильнее меня. Но разницу в силе покроет разум. Или

ты считаешь, что те, кого я встречу, не только сильнее, но и умнее меня?

— Таких там нет,— вынужден был согласиться стремившийся сохранить объективность Джемисон.

Он был расстроен и встревожен тем, что его аргументы не нашли должного понимания.

— Пойми,— продолжил Трейвор,— твоя планета в сравнении с этой — ухоженный сад. Даже вооруженный до зубов солдат бессилен против толпы.

Ответ последовал молниеносно.

— А двое солдат? Да еще при условии, что один из них — наследственный урод и калека, который больше мешает, чем помогает второму, слепо надеясь на оружие, которым он чрезмерно гордится.

— Я не переоцениваю мощь своего оружия, хотя и недооценивать ее тоже не стал бы. К тому же нужно принять во внимание такую важную вещь...

— Как твой могучий разум,— подсказал эзвал, не дав высказать пришедшую в голову идею.— Тот самый, который подсказывает тебе столь бессмысленные аргументы.

— Не мой разум,— не сдавался Джемисон,— а твой. Я имею в виду то преимущество...

— Абсолютно не важно, что ты имеешь в виду. Ясно одно — ты стараешься убедить меня, что одному мне не выбраться с этого острова. Посмотрим...

Джемисон не уловил движения двух огромных лап эзвала. Он лишь услышал звон оборванных струн. Это лопнули два последних троса. От удара его подбросило вверх, а потом он полетел по крутой траектории, прежде чем стал просто падать вниз в густом и насыщенном влагой воздухе.

Холодная ироничная мысль эзвала догнала его.

— Ты человек предусмотрительный. У тебя за спиной не только аварийный запас, но и парашют. Надеюсь, ты благополучно приземлишься. А уж там во всей красе сможешь продемонстрировать свою любовь к разрушению и уничтожению. На всех обитателях джунглей, которых ты встретишь на своем пути. Прощай!

Джемисон рванул вытяжной трос парашюта и замер в ожидании. Время шло, но привычного рывка, предшествующе-

го торможению, он не почувствовал. Падение не замедлялось. Неужели парашют запутался в тросах, оборванных эзвалом? Он завертелся в воздухе, желая узнать, что же произошло. Увиденное успокоило: парашют медленно выползал из мешка. Скорость падения тормозила его раскрытие, и потребовалось лишних несколько секунд, по истечении которых долго висевшая над головой Трейвора Джемисона площадка антиграва сменилась куполом парашюта. Джемисон отстегнул уже ненужные тросы и отшвырнул их в сторону. Теперь падение было медленным, намного медленнее, чем в земной атмосфере. А как могло быть иначе, если плотность воздуха на Эристане-II была около восемнадцати футов на кубический дюйм на уровне невидимого моря. Усмешка тронула губы Джемисона. Скоро и он сам будет на том же уровне.

Правда, вместо моря его ожидали несколько луж и заросли, очень похожие на просеку. Но это была отнюдь не просека. Отталкивающий, но знакомый вид поверхности заставил кровь сильней застучать в висках. Болото — это то же море, бездонное море слизкой, чавкающей и засасывающей в себя грязи. Джемисона охватило отчаяние. Он энергично задергал стропами парашюта, стараясь сделать спуск более пологим и таким образом достичь джунглей, которые были от него в равной степени далеко и близко — где-то в четверти мили. Земля неумолимо приближалась. В ожидании развязки он сжался в комок, застонав от бессилия...

Нет! Чувство скорого конца вызвало напряжение всех сил. Еще более натянув стропы, он сумел выиграть какое-то расстояние. Деревья оказывались всего в пятистах футах от него. До земли оставалось примерно столько же. Если бы он падал под углом в сорок пять градусов! Тогда бы он был спасен. Но при полном отсутствии ветра... Еще совсем недавно Джемисон ощущал слабое дуновение бриза, но теперь и он стих. Впрочем, какое это теперь имело значение...

Развязка приближалась с той же скоростью, что и земля. Триста футов, сто, пятьдесят... Ноги провалились в податливую серо-зеленую жижу. Джемисон инстинктивно забарахтался, но тут же замер и крепко схватился за прикрепленные к поясу стропы. Парашют лежал рядом, закрывая участок болота. Это могло спасти. Обмотав стропы вокруг рук, он выта-

щил себя из зловонной грязи, преодолев к тому же несколько футов. Мало... Слишком мало... До ближайшего края болота, до такого желанного берега, было не меньше тридцати футов.

Чтобы уменьшить давление на почву, нужно распределить вес по возможно большей площади. Джемисон распластался на податливой поверхности. Долго находиться в таком положении он бы не смог. Поэтому, изловчившись, он изо всех сил размахнулся и выбросил несколько строп в сторону берега. Других шансов на спасение у него не было. Он вручил себя судьбе.

Фортуна не покинула его и на этот раз. Стропы запутались в ветвях кустарника. От броска он по грудь окунулся в зловонную гущу, но стропы его удержали. Он дернул стропы еще раз, для проверки. Потом натянул их, как мог. Его вынесло вперед и вверх. Правда, не намного, но двигаться стало легче. Неожиданно раздался треск рвущейся материи, и стропы ослабли. Джемисон замер. Потом снова выбрал момент и повторил бросок...

Джемисон не помнил, сколько попыток он предпринял, сколько раз нырял и выныривал из не желавшей отпускать его трясины. Но в конце концов болото ослабило тиски и выпустило его. В последний раз подтянувшись на стропах, он ощутил под руками корни куста. Джемисон собрал остатки сил, рванулся и всей тяжестью тела обрушился на крону этого растения. Теряя сломанные ветви, кустарник согнулся вдвое под непомерным грузом.

Несколько минут Джемисон лежал ничком, ничего не соображая, не имея сил даже оглядеться. Когда он все-таки сумел это сделать, из его груди вырвался стон разочарования. На этот раз фортуна решила пошутить. Он находился на крошечном островке. От желанной твердой земли его отделяло расстояние минимум в сто футов. Он осмотрел свои владения. Немного. Ширина — два фута, длина — тридцать. Пять деревьев, чудом обосновавшихся на столь непрочной почве, не превышали тридцати футов в высоту.

Разочарование сменяло надежду и наоборот, как в калейдоскопе. Общая длина деревьев намного превышала расстояние до настоящего берега. Это хорошо. Но у него только

маленький топорик. Он с трудом представлял себе, как можно свалить такой миниатюрной вещицей деревья, обтесать их, перенести на берег. Да... Работенка предстояла не из легких. Жуткая, прямо скажем, работенка.

Джемисон сел. Только теперь он почувствовал, как припекает находящееся почти в зените солнце. Эристан-II вращался достаточно медленно, и до захода оставалось еще часов десять-двенадцать. С реализацией плана можно подождать. Измученное тело требовало отдыха.

Джемисон не возражал. Он отыскал в кустах укромное местечко — усталость не мешала ему помнить про встречу с очаровательной птичкой, в которой он сделал дырку,— и даже с некоторым комфортом закачался на пружинящих ветвях. Он блаженствовал, укрывшись лиственным покрывалом.

Здесь было намного прохладней, почти не пекло.

Небо было чистым. Сияние звезды, выполняющей в этой системе роль солнца, пробивалось сквозь листву, резало глаза, и Джемисон зажмурился...

Проснулся он, когда солнце заметно склонилось к горизонту. Значит, он проспал не меньше трех-четырех часов. Джемисон встал и потянулся до ломоты в суставах. Мышцы уже не ныли, и чувствовал он себя, безусловно, бодрее. Пора было приступать к работе, пропади она пропадом. Внезапно он застыл, так и не закрыв после зевка рот. Произошло невероятное.

Мост! Намного толще и прочнее, чем любое дерево на его островке, он лежал между двумя берегами, и Джемисон никогда не видел более красивого, а главное, более необходимого сооружения.

Мозг Джемисона набрал компьютерные обороты. Догадка еще не успела получить в его голове должного оформления, а он уже видел среди кустов отсвечивающее голубым ящерообразное тело своего приятеля-эзвала. Три столь знакомых серых глаза...

— Не пугайся, Джемисон. Я пришел к мысли, что ты прав. Я постараюсь помочь тебе...

Упрямство Джемисона было выше его благодарности.

— Ха-ха! Твоя помощь означает только одно — твое поражение! Но я еще успею подумать над этим...

В ответ эзвал телепатировал ему такую мысль, что Джемисон взвыл от нахлынувших на него чужих, весьма бурных эмоций. Ему оставалось только забросить за плечи рюкзак и шагнуть на мост.

Путь предстоял нелегкий.

Глава 2

Когда Джемисон уже прошел половину пути и достиг середины моста, он обратил внимание на необычное колыхание высокой фиолетовой травы футах в пятидесяти от эзвала. Вслед за этим из травы поднялась очень широкая и очень уродливая голова, венчающая восьмиметровое пиявкообразное тело. Диаметр тела был не меньше метра. Голова уставилась на Джемисона маленькими глазками. Тот проклял судьбу и всех известных чертей, подложивших ему свинью в виде этой рептилии в самое неподходящее время. Столбняк, сковавший каждый мускул его тела и вызванный гипнотически сверкающими глазами гадины, неожиданно помог ему. Страшную голову перестал интересовать парализованный Джемисон, и ее внимание сконцентрировалось на эзвале. Мышцы Джемисона расслабились, страх тоже растворился, уступив место не столько гневу, сколько иронии. Он мысленно обратился к эзвалу.

— А я, откровенно говоря, надеялся, что ты воспримешь мысль раньше, чем опасная тварь приблизится.

Ответа не последовало. В полной тишине гигантская пиявка скользила в сторону эзвала, раскачивая плоской головой над длинным извивающимся телом. Эзвал медленно, как бы признавая свою беспомощность, отступал.

— Если тебе интересно, то как эксперт Галактического военного бюро я совсем недавно подал рапорт об Эристане-II. В нем я высказал сомнение об использовании планеты в качестве базы. Для обоснования я выдвинул два аргумента: первый — здесь самые охочие пожрать растения-людоеды, и второй — вот эти милые создания. Их немного — миллионы. К сожалению, они очень плодовиты и их число регулируется только количеством пищи, а пищей для них служит почти все — ты, как ни прискорбно, не являешься исключением,—

и поэтому их просто невозможно истребить. Эта гадина не самая крупная, есть и побольше. Некоторые достигают ста футов в длину и весят около восьми тонн, хотя не могу понять, кому захотелось их взвешивать... Совсем забыл: в отличие от других хищных аборигенов, они охотятся днем.

Эзвал продолжал отступление. Змея была уже метрах в десяти. Но это не помешало ему ответить.

— Я не был застигнут врасплох. В ее мыслях я чувствую не только жажду убийства, но мне это не страшно. Со мной ей не справиться. Это скорее твоя проблема.

Джемисон скривился.

— Я не разделяю твоей уверенности. При необходимости эта тварь растянется еще на сотню футов. Так что там найдется место и для двоих.

Удивительно, откуда эзвал черпал свою самоуверенность?

— Я одолею четыреста футов, прежде чем ты успеешь сосчитать до десяти.

— Это здесь-то? Это же не обычный лес, а джунгли. В гуще лиан, может быть, ты и сможешь передвигаться, но никак не быстрее, чем твой противник. Легкая закуска вроде меня ее, кажется, мало заинтересовала. А вот такой обед, как ты...

— Неужели,— прервал его гастрономические рассуждения эзвал,— ты считаешь меня настолько глупым? Я буду продираться сквозь джунгли? Я легко обогну их с краю.

— И окажешься в ловушке. Насколько я успел заметить, джунгли дальше сужаются, полностью перекрывая проход. А вот для змеи открывается перспектива.

Эзвал промолчал. Потом в голове Джемисона прозвучал вопрос.

— Почему бы не применить твой хваленый бластер?

— Я не собираюсь привлекать внимание этого чудища. С одного раза поразить ее мозг не удастся. Подобные твари бегают по болоту столь же быстро, как и по суше. Так что благодарю за предложение!

Пауза длилась несколько секунд. Надо было что-то предпринимать. И эзвал был заинтересован в этом гораздо больше Джемисона. Тот воспринял его громкий призыв:

— Делай что-нибудь, только побыстрее! Я жду.

Джемисон ощутил удовлетворение. Эзвал взывал о помощи без всяких предварительных условий. Жаль только, для торжества не было времени. И он начал действовать.

— Работаем вдвоем. Змея попробует тебя загипнотизировать. Так делают все рептилии — она сосредоточится на тебе. Я постараюсь это использовать: выжгу ей глаза. Ты в это время должен успеть прыгнуть ей на спину. Попытайся разорвать кожу позади большого рога — там у нее мозг. А я отвлеку огнем. Начали.

Голова змеи чуть качнулась. Джемисон медленно, усмиряя дрожь в руках, поднял бластер.

Змея ринулась в атаку. Она не знала, что это ее последняя атака.

Через несколько секунд обуглившиеся останки твари поглотило болото. Джемисон спрыгнул с моста на берег и рухнул на землю, сраженный усталостью. Эзвал, расположившись невдалеке, ожидал, когда он придет в себя. Трейвор почувствовал, что на него смотрят, и не отвел взгляда в сторону, когда их глаза встретились.

— Где антиграв?

— Если считать вашими милями, в тридцати милях к северу.

Джемисон задумался, потом решительно произнес:

— Мы должны вернуться к нему. Аккумулятор бластера почти на нуле и требует подзарядки. Это печально, но факт. Путешествие к площадке антиграва неизбежно.

Теперь задумался эзвал. Джемисон выдержал паузу и решительно продолжал:

— Я был бы очень признателен, если бы это путешествие я проделал на твоей спине. Это вызвано необходимостью как можно быстрее добраться до антиграва. А из строп парашюта получится отличная упряжь.

Сражение гордости эзвала с его разумом закончилось победой последнего, и он согласился с логикой представителя вздорной человеческой расы.

— Да,— презрительно процедил он сквозь то, что люди называли зубами,— лучшего способа транспортировки столь беспомощного существа не придумаешь. Я готов.

Джемисон приблизился к эзвалу и расстелил рядом с ним останки парашюта. К счастью, стропы не были повреждены.

Вблизи эзвал был еще огромнее, чем казалось со стороны. Джемисон и не предполагал, что рядом с легким и быстрым в движении эзвалом он будет выглядеть в лучшем случае пигмеем.

Джемисон приступил к реализации своей программы. И каждый раз, прикасаясь к телу эзвала, он чувствовал, как на него накатывают волны отвращения.

— Это необходимо,— сказал он, как бы извиняясь.

Джемисон пропустил стропы между лапами так, чтобы они не стесняли движения. Водрузил на спину — не себе, конечно, а эзвалу — кусок материи. Перебросил через шею остатки строп, образовав примитивные стремена. Уздечка и кнут в экипировке по понятным причинам отсутствовали. Покончив со всем этим, он взгромоздился на эту лошадь, полную презрения к нему.

— Почему бы тебе не смягчить свое отношение ко мне,— начал было он,— я думаю...

Эзвал целиком игнорировал все, что думал Джемисон. От первого же толчка незадачливый седок взлетел в воздух. Потребовались все силы и недюжинная сноровка, чтобы не вылететь из седла. Эзвал даже не подумал хоть немного облегчить ему задачу. Нужно было быть Джемисоном, чтобы быстро приспособиться к своеобразному и самобытному галопу шести ног. Он даже стал находить некоторую прелесть в этой бешеной скачке. Деревья, напоминавшие гигантский тростник, смыкались вверху, образуя сплошной свод.

— Держись! — неожиданно возникла в мозгу Джемисона мысль.

Он, как мог, ухватился за стропы и плотно прижался к шее эзвала. Тот стал двигаться боком, но вскоре вновь перешел на нормальный бег, и прежний ритм скачки возобновился.

Джемисон оглянулся. Лишь мельком он увидел двух больших четвероногих тварей, очень похожих на непомерно выросших гиен. Погони не было.

— Правильно сделали,— подумал Джемисон.— Это очень мудрое решение с их стороны. Если не считать меня, эзвал им не по зубам.

Что-то заставило его поднять голову вверх. Сквозь кроны деревьев он заметил, что в небе движется какая-то точка. Внимательно присмотревшись, он узнал очертания звездолета.

Это был боевой звездолет руллов!

Непонятно, как он не определил это сразу. Да, последние события не прошли без следа.

Тем временем огромный корабль, отдаленно напоминающий рыбу-меч, нырнул в джунгли и исчез из виду. Стоило ли думать, что этого сюрприза не заметил эзвал?

Все! Развязка не заставит себя ждать.

Уже готовый к неминуемой гибели, он отчетливо услышал мысль торжествующего эзвала.

— Джемисон, если ты предпочитаешь застрелиться, тебе это не удастся. Не вздумай даже прикасаться к бластеру. Конечно, руллы выбьют из тебя все секреты, и умереть для тебя предпочтительней. Я уже имел честь наблюдать примеры подобного героизма как с той, так и с другой стороны. Но придется смириться. У меня личная неприязнь к твоему бластеру.

Ком в горле Джемисона никак не давал проглотить себя. Вот это номер! Кто мог ожидать такого поворота событий?

Нужно подчиниться судьбе. Но подчиняться не хотелось.

— Безумец! — выдавил он из себя наконец.— Неужели ты рассчитываешь на благодарность руллов?

Тема была достаточно избитой, вопрос — очевидным, но не мог же Джемисон молчать?! Хотя и проявить присущего ему красноречия он тоже не мог. Он внутренне напрягся, наблюдая за происходящим. Ничего не поделаешь. Факты упрямы, а руллы вероломны и нетерпимы к любым расам, кроме своей. Значит, оставалось только достойно умереть.

Но можно ли скрыть свой замысел от телепата? Эзвал, не сбавляя хода, повел плечами, и Джемисон чуть не задохнулся, зажатый его могучими мускулами. Он попытался пошевелиться, чтобы сохранить равновесие, в то время как эзвал, словно танк, ломился сквозь заросли и ветви больно хлестали Джемисона по голове и рукам. Прошло совсем немного времени, а они уже вылетели на берег океана. Эзвал притормозил и остановился у самой кромки воды, взметнув вверх коричневый песок пляжа.

Джемисон еще не пришел в себя, а эзвал как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Если я правильно понял, они запеленговали излучение антиграва?

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Скорее всего. Если ты остановил реактор, как я на звездолете...

— Теперь ясно, почему они совершили посадку. Но если они к тому же засекли огонь бластера, то они прекрасно поняли, что кто-то должен остаться в живых, чтобы из него стрелять. Думаю, мне лучше сдаться, прежде чем они примут меня за своего врага.

— Глупец! — отозвался Джемисон на такой вывод.— Можно подумать, что они тебя пощадят! Мы все их враги по одной причине — потому что мы не руллы. Разве это трудно понять?

— Прекрасно, прекрасно,— сардонически заметил эзвал.— Можешь продолжать в том же духе. Но прошу учесть, что я им уже кое-чем обязан. Во-первых, они подбили твой корабль и вместо клетки я получил свободу. Во-вторых, они отвлекли внимание и я получил возможность перебить всю команду. Исключая тебя, конечно. Не думаю, что они отвергнут мое предложение освободить Землю Кэрсона от твоего присутствия. И в-третьих, информация, которую мы извлечем из тебя, очень поможет в выполнении этой программы.

— И когда ты сделаешь все это, ты надеешься, что руллы тотчас уберутся восвояси, а ты будешь наслаждаться предоставленной свободой?

— Почему же. Пусть остаются.

Кто узнает, сколько сил стоило Джемисону сдержать раздражение? Эта вызывающая, идиотская самонадеянность!.. Что поделаешь — эзвал, по сути, дитя нетехнологической цивилизации, и он не ведает, что творит. Поэтому Джемисон вновь принялся растолковывать ситуацию.

— Ты не можешь не знать, что буквально пару лет назад мы разбили руллов недалеко от твоей планеты. Мы буквально выбивались из сил, сражаясь за Землю Кэрсона, стремясь защитить ее от самой жестокой расы из всех обитающих в нашей галактике, а вы в это время делали все, чтобы мы во имя вашего же блага не создали там свою базу. Да, наши корабли равны по своей мощи. Но руллы — более древняя циви-

лизация. А значит, их техника находится на более высоком уровне. Прибавь к этому их умение принимать любой облик — качество, унаследованное от предков, хамелеонообразных червей,— и тебе станет ясно, что лучших шпионов найти невозможно. У нас еще никогда не было возможности захватить какую-либо планету, являющуюся форпостом для руллов. А они в первый же год выбили нас из трех важнейших баз. То, что это случилось сто лет назад, ничего не меняет. И вот теперь ты хочешь стать их союзником, чтобы победить людей?

— Да,— последовал незамедлительный ответ. Он был настолько же ошеломительный, насколько Джемисон верил в несокрушимую убедительность своих аргументов.

Время уговоров кончилось. Джемисон не успел ничего подумать по поводу случившегося, и это в конце концов спасло ему жизнь. Если медленно восстановить происшедшее, то это выглядело приблизительно так. Что мог делать Джемисон не раздумывая? Правильно.

Джемисон выхватил свой бластер.

Он был уверен, что разрядил его в спину эзвала. Но в этом пришлось усомниться, так как белый луч, вылетевший из ствола, на своем пути ничего не встретил. Более того, мгновение спустя Джемисон почувствовал, что летит в воздухе.

Он с треском врезался в заросли. Жесткие ветви нещадно рвали его одежду, царапали лицо и руки... Джунгли расхватали на сувениры все: клочки материи, лоскуты кожи, крючки, защелки... Все, кроме бластера. Бластер Джемисон держал мертвой хваткой.

Приземлившись в траве, он покатился, вытянув вперед руки с оружием. Даже вращающаяся перед его глазами земля не могла помешать. Он был готов к бою. Мчавшийся на него эзвал затормозил в трех шагах от бластера. На его растерянной морде читалось нескрываемое удивление. Еще через секунду он прыгнул в сторону и исчез в джунглях.

Израненный, чуть живой от пережитого, измочаленный вконец, Джемисон приподнялся на локтях, потом сел и обхватил голову руками. Он сидел и подсчитывал плюсы и минусы не то победы, не то...

Глава 3

Странные, причудливые, чужие деревья чужих джунглей — да и не деревья вовсе, а желто-коричневые грибы на красноватой траве. Они пробили сплетение лиан и лишайников и качали своими пестрыми шляпами на высоте сорока—пятидесяти футов. Эзвалу они, конечно, были нипочем, а для человека — да еще человека с разряженным бластером — они представляли собой непреодолимую преграду. Вдобавок ко всему эзвал, безусловно, сменил направление — очевидно, для того, чтобы сократить путь,— и теперь было совершенно не ясно, в какую сторону идти, чтобы попасть к антиграву.

Успокоением могло служить только одно: Джемисона по крайней мере не волокли к руллам...

Руллы!

Джемисон вскочил на ноги.

Под ним спружинил предательски мягкий покров. Он не раздумывая перескочил на твердую почву. Черт возьми! Где-то совсем рядом в буйной растительности джунглей скрывается эзвал и слышит каждую его мысль. Слышит? Ну что ж...

— Времени нет. Руллы засекли выстрелы. Их можно ждать с минуты на минуту. Но у тебя есть время изменить решение. Союз с руллами — это безумие! Наши разведчики, которым повезло вернуться с занятых противником планет, донесли, что ни на одной нет никого, кроме руллов. Я имею в виду разумных существ. А ведь они там были! Где они?

Пауза.

Джемисон дал эзвалу время осмыслить сказанное, затем продолжил:

— Нам приходилось встречать враждебные цивилизации. Как поступали мы в таких случаях? Объявляли карантин — организовывали систему защиты и тратили уйму времени на то, что, по мнению руллов, не стоит выеденного яйца: пытались установить с аборигенами добрые отношения. Изучали их культуру, познавали психологию, всячески пытались понять причины возникшего конфликта. И только когда убеждались в бесполезности всего предпринятого, без крови и разрушений убирали правительство, осторожно воздействуя на культуру и освобождая ее от проявлений нетерпимости. А по-

том мы предоставляли им выбор: или войти равноправным членом в Федерацию 5000 планет, или сохранить автономию. И ни разу эта система не давала сбоя. Теперь можешь сравнить методы людей и руллов. Нам просто не нужно совершать переворот на Земле Кэрсона. И от тебя сейчас зависит, сделаешь ли ты первый шаг нам навстречу. У тебя хватит ума разобраться, где истинный враг.

Все. Больше сказать было нечего.

Он стоял и ждал ответа. Ответа не было.

Джемисон удивленно пожал плечами.

Солнце еще проникало сквозь ветви и лианы. Но вечер уже начинал вступать в свои права. Стало темнеть. Впрочем, не только вокруг, но и в душе Джемисона. Он вдруг отчетливо осознал свое почти безнадежное положение, которое к тому же могло стать еще хуже.

Через пару часов выйдут на промысел ночные хищники. Они хорошо отдохнули за день в своих убежищах, и ему вряд ли устоять перед их напором и разыгравшимся аппетитом. Можно только надеяться на настоящее дерево с прочными и высоко расположенными ветвями.

Джемисон двинулся вперед. Он не приближался к кустам, опасаясь, что там может укрываться эзвал. Дорога была трудной. Уже через несколько сотен метров Джемисон едва переставлял ноги. И тут сквозь стук в висках он ощутил постороннюю мысль — первый отклик эзвала.

— Надо мной кто-то летает... Может быть, насекомое... У него прозрачные крылья... Я его слышу... Но мысли его... бессмысленны... я...

— Не бессмысленны, а чужды,— прервал его Джемисон.— Это определение подходит больше. Руллы отличаются от нас больше, чем мы друг от друга. Есть даже теория, правда не полностью доказанная, что они вообще из другой галактики. Неудивительно, что ты не можешь читать их мысли.

Джемисон продолжал движение, держа бластер на изготовку.

— Антигравитационные машины руллов близки к совершенству. То, что ты принял за крылья,— аура из световых волн. Тебе повезло, если это можно считать везением, увидеть рулла в его естественном состоянии. Это очень редкая и очень

опасная встреча. Не многим удавалось потом о таком рассказать. Если он думает, что ты местный дикий зверь — вполне возможно, тебе удастся сохранить свою голову вместе с воспоминаниями. Впрочем, на тебе упряжь...

Эзвал тут же откликнулся с отвращением:

— Эти веревки я сбросил сразу же.

Джемисон кивнул.

— Превосходно. Тогда веди себя как зверь: рычи на него, бросайся... Но уноси ноги, едва он выдвинет сетчатый отросток, расположенный сбоку.

Эзвал замолчал.

Джемисон весь напрягся, пытаясь уловить хоть какие-нибудь отзвуки происходящего в чаще. Разве эзвал не может установить контакт с руллами, наплевав на телепатию? И самое веселое, конечно, случится, если он вновь вернется к своей идиотской идее о столь же идиотском союзе. Джемисона передернуло от одной мысли, что произойдет при этом с Землей Кэрсона.

Он чутко вслушивался в звуковую симфонию джунглей...

Слабые, еле уловимые прерывистые шорохи... Треск ломающихся растений вдали — очевидно, под тяжелым и громоздким телом эзвала; тут же оборвавшийся, низкого тембра вопль — уже совсем рядом.

Джемисон, как мог, втиснулся в заросли и замер, осторожно выглядывая оттуда. Казалось, он приготовился к встрече с опасностью. Но это было не так. Он уже знал, что произошло. Эзвал последовал его совету.

— Тебя преследуют?

— Да,— услышал он молниеносный ответ.— Пока меня изучают. Оставайся на месте. У меня есть план.

— Готов с ним познакомиться.— Джемисон устроился поудобнее.

— Я приведу его к тебе. Ты его уничтожишь. За это я помогу тебе попасть на корабль.

Джемисон чуть не вывалился из зарослей. Черт возьми! Наконец-то! Эзвал отказался от союза с руллами. И совершенно не важно, по какой причине: из-за аргументов Джемисона или сам уяснил, как чужды ему руллы. Главное — эзвал на стороне человека!

— Слушай, уж не хитришь ли ты со мной? — В голосе Джемисона звучали последние остатки сомнений.

— Нет. Сейчас я с тобой. Но имей в виду: союз с руллами впереди! Главный наш враг — человек. Правда, на моей планете реакция будет неоднозначной, многие не согласятся... Но все это потом. А теперь будь готов, я уже рядом.

Слева послышался треск ломающихся ветвей. Джемисон приготовился стрелять. На мгновение он успел увидеть сверкающие глаза эзвала футах в пятидесяти от себя. А вверху, отбрасывая на эзвала тень, неслась темная и плоская тварь.

— Поздно. Не шевелитесь. Здесь их уже дюжина. И...

Яркая вспышка оборвала эту мысль. Ослепленный Джемисон опустился на траву. Он приготовился к смерти.

Прошла минута, вторая. Ничего не происходило. Восстановившееся зрение помогло понять, что случилось. Его спас туман и то, что он не выстрелил, сидя в кустах. Над ним еще несколько раз промелькнули какие-то тени, но вскоре они исчезли. Эзвала он не слышал. Что же могло так быстро и без шума его поразить? Может быть, его парализовала мощная вспышка света? Руллы использовали этот прием при охоте на животных и в борьбе с примитивными формами разума, не готовыми к подобным методам. Учитывая количество и величину глаз эзвала, а также определенную близость к животным (несмотря на весь его разум), можно было представить его чувствительность к таким видам моментального гипноза.

Несомненно, они приняли его за зверя. Иначе бы не повели себя так легкомысленно. Они лишь хотели узнать, как он здесь оказался — ведь на Эристане эзвалы не водились.

Руллы посещали эту планету, хотя находилась она в зоне человеческого влияния. И они, как и люди, считали эзвалов всего лишь животными.

Если эзвал сумел уничтожить человеческий корабль — чем лучше звездолет руллов?

Что это? На севере в скрытом туманом небе что-то вспыхнуло. Вслед за вспышкой пришла и звуковая волна. Джемисон вскочил на ноги. Он не мог ошибаться. Это не буря. Это произвели залп стодюймовые орудия линкора. И входит этот линкор, между прочим, в состав флота Земли.

Линкор! Наш линкор! Скорее всего, он прилетел с базы на Криптэре-4. Конечно! Он патрулировал этот район и засек вспышки боя.

Ответный огонь был несравненно слабее. Руллы могут считать, что им крупно повезло, если удастся удрать с Эристана.

Правда, для него лично все оставалось по-прежнему, вместе с ужасами и кошмарами предстоящей ночи. Даже если патрульный корабль вновь появится в этом секторе, Джемисон не сможет подать ему сигнал, пока не зарядит бластер. Но хоть руллы ему по крайней мере не грозят.

Уже почти ничего нельзя было различить в темноте. Опасность возрастала с каждой минутой. Единственное, на что он мог рассчитывать,— это бластер. Хотелось бы знать, надолго ли его хватит?

Джемисон пристально вглядывался в темноту. Не хватало только встречи с каким-нибудь чудовищем с чудовищным же аппетитом. Послюнив палец, он определил направление ветра и начал медленное продвижение вперед. Вскоре стало очевидным: если днем шагать по джунглям очень трудно, то ночью — просто невозможно. Буквально через каждые несколько ярдов нужно было производить новую ориентировку. В довершение всего по джунглям шел такой треск от его движения, что стоило подумать над тем, нужно ли вообще двигаться. С другой стороны, перспектива провести ночь здесь, во тьме, была примерно в тысячу раз хуже. Его подсчеты шансов прервались после того, как он споткнулся, инстинктивно выставил руки вперед и его пальцы уперлись во что-то твердое и шероховатое. Дерево!

Глава 4

Очень большая и очень противная тварь кружила внизу, вожделенно разглядывая алчными огненными глазами свой предполагаемый ужин. Уже в седьмой раз, визжа и пуская слюни, эти монстры бросались на дерево. И каждый раз узкий луч бластера лишал их удовольствия попробовать, каков же он на вкус, Трейвор Джемисон. Снова и снова они падали на землю, превращаясь в ужин для других тварей.

Прошло уже около восьми часов. Если ничего не изменится, заряда бластера до утра, конечно, не хватит. Так что о следующей ночи не стоит и думать. И ведь совершенно не ясно, сколько раз ему придется еще ночевать в джунглях? Если вообще придется. Сколько времени он будет искать антиграв? И найдет ли его? И главный вопрос — сколько минут он проживет после того, как иссякнет заряд?

А ведь победа была рядом...

Вот опять кто-то топчется... Гигантские когти рвут кору дерева, и светящиеся глаза, только что блестевшие внизу, приближаются к нему с ошеломляющей скоростью. Желая сохранить огневую мощь, Джемисон — правда, с менее значительной скоростью — полез наверх, к тонким ветвям. Ветки в любой момент могли обломиться, и он бы рухнул вниз. Но думать об этом ему мешали челюсти, находившиеся в опасной близости от его пяток. Зверь уже настигал его, когда снизу раздался рык еще более ужасающий, и дерево содрогнулось — по нему полз обладатель этого страшного голоса. Схватка, происходившая в абсолютной темноте, трудно поддается описанию. Внезапно появился новый монстр. На длинной, слабо флюоресцирующей шее раскачивалась голова, состоящая из шестифутовых челюстей. Она, как таран, врезалась в дерущийся клубок. Убийца-победитель оттащил добычу в сторону и сожрал — точнее, проглотил ее в считаные секунды. После чего удалился удовлетворенный, уже не голодный.

До утра Джемисона больше никто не трогал. Теперь его голову занимала проблема, как дожить до вечера.

Не прижми его эзвал там, в контрольном отсеке, он бы, без сомнения, прихватил с собой и пилюли от сна, и патрульные часы. В его распоряжении, если бы повезло, был бы даже спасательный бот. Но что толку от этого «если бы»? Слава богу, он успел схватить месячный запас питательных капсул. Джемисон проглотил одну из них и слез с дерева.

Если брать в расчет скорость эзвала, антиграв находился милях в десяти к северу. Если принимать во внимание болота и джунгли, это день пути. Да еще нужно учесть, что на протяжении этих десять миль придется прочесывать лес кругами. А каков результат? Только и всего, что он будет иметь пол-

ный заряд бластера. Сам антиграв выполнял лишь роль парашюта, способного опускать и поднимать тяжести. В дальнейшем Джемисону предстояло с единственным бластером преодолеть сто миль моря, болот, джунглей, лежащих между ним и кораблем. И все это кишело хищниками в огромном количестве, на любой вкус. Но выбора не было.

Джемисон двинулся вперед.

Солнце стояло над головой, а он, по собственным подсчетам, прошел не более трех миль. Солнце не давало определить время точнее, но компенсировало это тем, что палило нещадно. Джемисон решил сделать небольшой привал. К этому располагало и возвышавшееся поблизости дерево. Он привязал себя к ветвям и провалился во тьму...

Его пробуждение приветствовала стая ночных хищников. Нельзя сказать, сколько длился его сон, но, по всей видимости, ночь только-только вступила в свои права.

Огромная лапа ударила по стволу, и дерево задрожало, как в ознобе. Джемисон не мешкая освободился от строп, которыми был привязан к ветвям, и вскарабкался повыше. Он уже хорошо знал цену лишним нескольким футам.

Туманные полосы атмосферы скрывали от Джемисона звезды, и от этого ночь, казалось, длилась в два раза дольше.

Две или три похожие на кошек твари сумели довольно близко подобраться к Джемисону, но бластер ему пришлось применить всего один раз. Именно в тот момент сердце его екнуло, и он с тоской посмотрел на тонкий луч своего слабеющего оружия. Кошка, дернув обожженной лапой, рухнула вниз, где и была честно разделена на части своими товарками.

Рассвет всячески сопротивляться, прежде чем позволил себе наступить. Ночь была так темна и длинна, что ей не было видно конца. Кошкообразных внизу сменили гиенообразные. Они усердно трудились над грудой костей, изредка поглядывая наверх. Их труд был внезапно прерван. Не нарушая тишины, из кустов вынырнула устрашающих размеров голова и за ней — метров двенадцать туловища. Ближайший представитель гиенообразных, не успев взвизгнуть, превратился в кусок мяса. Остальные, отказавшись от такой трансформации, мгновенно растаяли во тьме. Гурман спокойно проглотил свою добычу и улегся на траве. Очевидно, он по-

лучал большое наслаждение, пока вздутие на теле медленно продвигалось от горла к хвосту. Джемисон сидел на дереве, что называется, ни жив ни мертв. Если змее вздумается добраться до него, вполне вероятно, она это сделает с успехом, и тут вряд ли можно надеяться на ослабевший бластер.

Змея пролежала у дерева самый длинный час в жизни Джемисона. После чего уползла по своим делам.

Только после внушительной паузы Джемисон спустился пониже. Охота, а вместе с ней и ночь закончилась.

Джемисон спрыгнул на траву. День только начинался, постепенно отвоевывая у ночи позицию за позицией. Определив направление, он продолжил свой путь. Сократив время и количество привалов, он еще продвинулся вперед; правда, не намного больше, чем вчера. Усталость валила его с ног, но перспектива провести еще одну ночь на дереве с разряженным бластером гнала все дальше и дальше.

Он начал прочесывать лес.

Несколько минут он изучал окрестности, стараясь запомнить отправную точку. Радиус первого круга составлял не больше пятидесяти футов. Это показалось оптимальным для того, чтобы найти такой металлический предмет, как антиграв. Конечно, много времени уйдет коту под хвост, но других предложений не поступало, и этот план был принят единогласно.

Пятый круг он прочесал часа через четыре. Результат оказался тот же, что и с четырьмя предыдущими. Темнело. Нужно было возвращаться и искать место для очередного кошмарного ночлега.

На то, чтобы найти площадку антиграва, мог надеяться только дурак. Джунгли тянулись еще несколько миль, на исследование этой площади ему понадобится не меньше недели, а он все шел и шел вперед, упрямо продолжая поиски и увеличивая опасность, которая возрастала с каждой минутой. Неожиданно джунгли расступились. Перед ним лежала круглая поляна ярдов двести пятьдесят в диаметре. Весь этот круг зарос кустарником, сгущавшимся к центру. Джемисон сделал всего лишь несколько шагов, как с противоположной стороны зарослей выскочил косматый зверь с явно кровожадными глазами и бросился в его сторону, стараясь пересечь

расстояние до Джемисона кратчайшим путем, то есть через центр. Джемисон оцепенел.

Но произошло то, чего он не ожидал. Личный контакт со зверем не состоялся. Ноги твари запутались в густом кустарнике. Несмотря на все усилия, освободиться он не смог. Джемисон только наблюдал, как похожие на веревки ветви опутали зверя, а напоминающие веретено шипы, словно иглы шприцов, вонзились в его тело. Оно вздрогнуло, задергалось, через минуту обмякло и рухнуло на землю. Ветви глубже и глубже вонзались в него.

Это был ритт, кустарник-вампир. Еще одна причина непригодности планеты для обживания. Правда, рос ритт не везде, но это не очень утешало. Джемисон похолодел, вспомнив, сколько таких вот кустов он миновал за последний час.

Вечер уже был настолько поздним, что появилась возможность встретиться с новыми любителями попить кровушки. Джемисон не раздумывая направился к дереву, которое разглядел в туманной дымке.

— Не туда, Трейвор Джемисон, чуть левее,— зазвучала в его мозгу чужая мысль.— Я жду тебя. Ты должен мне помочь.

Джемисон остановился в недоумении. Эзвала поймали руллы. Значит, это ловушка. Но зачем?

— Руллы мертвы. Их машина не повреждена. Но я ничего не смыслю в управлении. Помоги, только поскорее, пока это возможно!..

Не мешкая Джемисон развернулся и бросился к новой поляне. Бесспорно, корабль руллов так спешил, что бросил разведчиков на произвол судьбы. А судьба в виде эзвала допустила полный произвол, и он их уничтожил. Это очевидно.

— Я их не убивал,— вмешался в его рассуждения эзвал.— Сейчас ты все сам поймешь.

Джемисон наконец выбрался из джунглей. На одном конце поляны стояла стофутовая шлюпка руллов, на другом — ненужный теперь антиграв. Между ними были разбросаны червеобразные трупы. А отростки кустарника уже вползали в открытый кормовой люк, предвкушая встречу с новым донором.

Джемисон понял, что произошло.

— Медленно рассуждаете, Джемисон. Хотя вполне логично. Верно, я в рубке. Надеюсь, вы сожжете эту гадость и присоединитесь ко мне.

Джемисон прожег в кустах проход и вскочил на площадку антиграва. Он быстро сдвинул крышку двигателя, вынул из бластера небольшую капсулу. Без нее бластер представлял собой обыкновенный кусок металла. Но ровно до тех пор, пока капсула — он сунул ее в специальное гнездо — не зарядится. Полная зарядка длилась десять минут, но сейчас хватит и трех.

Джемисон ждал. Как-нибудь ускорить процесс зарядки он не мог. Оставалось всматриваться в тени на поляне. Эзвал хранил молчание. Поэтому контакт возобновил он сам.

— Значит, руллы не знают о ритте. Это неудивительно: они были не готовы к такой ситуации. Но где их хваленая осторожность? Ведь никто не спасся. Как ты это объяснишь?

— Я пришел в сознание, когда меня грузили в шлюпку. Я не подал виду — ведь они были вооружены — и притворился спящим. В хранилище, в которое меня поместили, я освободился от пут и стал ждать подходящего для бегства момента. Но тут произошел взрыв, и они покинули судно. Я только почувствовал охватившее их волнение. Потом все мысли оборвались. После этого я взломал дверь и увидел (зрение у меня не в пример твоему), что они мертвы.

Джемисон почувствовал какое-то движение на поляне. Может быть, это уже появились желающие поохотиться на него?

Прошло явно больше трех минут, и ждать было нечего. Ему пришлось взять себя в руки, потом он в те же руки взял капсулу и вставил ее в бластер. Теперь все.

Он еще раз пристально всмотрелся туда, где промелькнула тень. Никакого движения он не заметил. Все спокойно. Значит, померещилось... И все-таки следует соблюдать осторожность.

— Ну что ж, я услышал достаточно, чтобы продолжить. Ты остался на шлюпке. Будь откровенным: ты если и боишься чего-нибудь на этой планете, так это, несомненно, кустарника. Очевидно, удрав от него с большим трудом, ты понимаешь, что «чем дальше в джунгли, тем больше кустов». Тебе

нравится такой вариант пословицы? Но тебе совсем не нравится кустарник, и ты понимаешь, что не обойтись без меня с моим бластером. И ты вернулся...

Кустарник был чуть светлее земли. Джемисон прикрыл глаза и нажал на спуск. Яркая струя вырвалась из ствола — бластер был заряжен полностью. Джемисон водил им из стороны в сторону, слушая треск горящей земли. Когда он открыл глаза, то увидел, что стоит на краю черного выжженного пятна и ближайшая заросль была не меньше чем в двадцати футах от него.

— Значит, ты второй день в шлюпке,— продолжил Джемисон, делая первые шаги по горячей земле.— Первый день ты потратил на возню с механизмом двери и в рубку попал только вчера. Держу пари, что все двери закрыты наглухо. Кустарник может принести вред тебе, но дверям... Ничего не скажешь, повезло. Твоя фигура представляет собой впечатляющий объект для переливания крови.

Рассуждая таким образом, Джемисон сжег и второй куст. Оставался третий. Именно он оказался последним пристанищем десятка руллов.

— Все это время ты пытался разобраться в схеме пульта, но пришлось смириться с поражением. Если бы было иначе, ты бы давным-давно удрал. А теперь появился я, а вместе со мной и определенные шансы. Ситуация изменилась. А?

Джемисон остановился в ожидании ответа. Эзвал молчал, возражений не последовало. Можно было продолжать движение. От кустарника остались лишь щупальца, проникшие в корабль. Следовало уменьшить мощность бластера, иначе могла пострадать обшивка.

— Я заканчиваю с последними отростками. Хочу предупредить: бластер работает в таком режиме, что вздумай ты сделать хоть шаг из камеры, от тебя мало что останется. Надеюсь на твое благоразумие. Ближайшая база находится в двух неделях лёта. С нее мы доберемся до Земли Кэрсона, где ты и попадешь в объятия своих сородичей. Даже если ты не найдешь в камере ничего съестного, тебе послужит утешением вот что: не владей мы умением путешествовать в гиперпространстве, ты, без сомнения, умер бы от истощения, так и не увидев любимую родину. Не волнуйся — ты проиграл,

но я сохраню тайну. Я никому не сообщу, что эзвалы разумны. Пока. А теперь, если ты действительно разумен, отойди подальше от двери. Будет чуточку жарко.

Только — или всего лишь — через два дня Джемисону удалось связаться с крейсером дружественной землянам расы, которые и передали сигнал бедствия на ближайшую земную базу. Потом еще целую неделю они болтались в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль. Слава богу, командир ничего не знал о сложившейся ситуации. Он проверил удостоверение Джемисона и поверил, что тот является сопровождающим при эзвале. В результате командир согласился доставить обоих на Землю Кэрсона.

По просьбе Джемисона корабль сначала приземлился в необитаемом районе планеты. Тут и состоялся последний разговор.

Планета, конечно, была очень привлекательной. Таким же чудесным был и открывшийся пейзаж. На западе простирался бескрайний лес. Восточнее сверкала под солнцем река.

Эзвал легко соскочил на траву и оглянулся. Джемисон стоял у открытого люка.

— Ну как, не передумал?

— Я жду не дождусь, когда вы оставите нашу планету в покое. Ты и твои сородичи.

— Это произойдет, когда вы овладеете нашей машинной технологией и будете способны противостоять руллам.

— Эзвалы никогда не станут придатками машин!

Джемисон кивнул, соглашаясь. Что толку спорить с закостеневшим в своих догмах существом? У него промелькнула догадка, но он не стал развивать ее при эзвале, умеющем читать чужие мысли.

— Ты индивидуалист. И живешь только для себя.

— Да. Только от тебя я узнал, что существуют расы, живущие коллективно. Мы сотрудничаем с ними во имя общей цели. Но мы свободны. И не считаем это слабостью.

— Тебе это только кажется. Чего бы достигла Земля без общества? Ничего. Кстати, у тебя даже нет имени. Как тебя можно отыскать в следующий раз? Расспросить о тебе соплеменника?

— Телепаты не нуждаются в кличках. Это же глупо: сделать из нас себе подобных с помощью каких-то имен!

Полемический запал эзвала сменился презрением.

— Теперь можешь выполнить свою задачу — сообщить о нашей разумности, а мне позволь тебя покинуть.

Он повернулся и побежал в сторону леса.

Джемисон окликнул его.

— Ты спас жизнь мне, а я — тебе. Это только доказывает нашу готовность к сотрудничеству. И я благодарю тебя за это.

— Что стоит благодарность человека? Лучше нам с тобой не встречаться! Прощай!

— Прощай! — ответил Джемисон.

Лишь когда захлопнулся люк, Джемисон вернулся к идее, которую он сознательно не обдумывал при эзвале. Возникла очень интересная концепция. Да, взрослого эзвала переубедить невозможно. Он слишком упрям. А дети?..

Пол под ним завибрировал. Огромный корабль стартовал...

Глава 5

Перед отлетом на Землю Джемисон представил отчет Военному совету. Как только основная идея отчета дошла до отягощенного военными проблемами сознания председателя, тот остановил Джемисона.

— Мистер Джемисон, в нашем зале, как и на всей планете,— с большой долей патетики начал он,— вы не найдете человека, не познавшего горечи утрат. И во всех утратах повинны эти чудовища!

Джемисон внимательно выслушал эту тираду. Его она абсолютно не касалась. А вот следующие слова не могли оставить его равнодушным.

— Если ваши выводы верны, мы должны начать их немедленное истребление. Бывают случаи,— председатель изобразил гримасу сожаления,— когда человек просто не может быть милосердным по отношению к другой расе, и это именно тот случай. Эзвалы не заслуживают милосердия!

Гул голосов членов Совета выражал одобрение. Джемисон обвел глазами решительные лица военных и понял, что председатель лишь высказал их мнение — планета была черес-

чур лакомым куском. В истории освоения космоса человечество очень редко встречалось с расами, которые ненавидели землян так, как эзвалы. А тут еще их планета представляла явный стратегический интерес, будучи одной из трех, на которых держалась оборона галактики. Оставлять столь выгодные позиции, с точки зрения военных, было полной бессмыслицей. А раз так — возможно полное уничтожение эзвалов.

Была, правда, одна маленькая деталь, которая делала этот план весьма сомнительным. Эзвалов нельзя было истребить, учитывая их телепатические способности. По всем параметрам они были неуязвимы. Они первыми могли обнаружить появление человека, и их практически невозможно захватить врасплох. А вот если справиться с этой особенностью эзвалов... Они станут легкой добычей, как только ученые создадут машины, излучающие мысленные импульсы. После этого для расправы с эзвалами не потребуется много времени.

Джемисон мысленно похвалил себя за то, что не упомянул в докладе о своих приключениях на Эристане-II. Это нетрудно было сделать, поскольку чтение мыслей, особенно здравых, недоступно членам Военного совета. Да, рассказать о своем контакте с эзвалом было бы преступлением. Пусть уж лучше думают, что это лишь теоретические предпосылки.

— Леди и джентльмены,— он поклонился в сторону трех мужеподобных дам, входящих в Совет,— мне остается только выразить глубокую признательность Галактической конфедерации, пославшей меня для выяснения всех аспектов этой проблемы. И я считаю своим долгом,— тут Джемисон сделал внушительную паузу,— просить о проведении референдума по земному вопросу.

— Я считаю это оскорбительным,— холодно заметил председатель.

— У меня и в мыслях не было намерения оскорбить вас. Но решать вопрос о жизни и смерти целой расы... Это выходит за рамки полномочий Военного совета, даже если он и главный. Члены вашего Совета слишком пристрастны. Благодарю за внимание.

И Джемисон сел. Последовавший за совещанием банкет прошел в оживленном гробовом молчании.

Уже после его окончания к Джемисону подошел вице-председатель Совета в сопровождении красивой молодой женщины. На вид ей было не больше тридцати. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее очень привлекательной. И только неженская решительность во всем облике значительно портила общее впечатление.

— Разрешите представить вам миссис Ватмэн,— вежливо произнес вице-председатель и тут же удалился. Свою миссию он считал выполненной.

Джемисон доброжелательно и пристально рассматривал женщину, пожелавшую с ним познакомиться.

— Если не ошибаюсь, вы ведь доктор наук, мистер Джемисон? — спросила она.

— Не ошибаетесь, я физик. Правда, специализируюсь в небесной механике и космических исследованиях.

— Я почему-то так и думала. Я уже несколько лет вдова. Мой муж погиб, но меня до сих пор восхищают его познания.

Потом, считая, что выдержала достаточную паузу, она как бы в раздумье добавила:

— Его убил эзвал.

У мужа, по всей вероятности, были очень обширные и глубокие познания, если такому тупице позволили вращаться в высших сферах Совета.

Так думал Джемисон. Но сказал он другое.

— Очень сожалею.

— Я рада, что вы задержитесь еще на несколько дней. Я могу предложить один вариант решения поднятой вами проблемы. Ведь от этого зависит судьба целой планеты! Вы знаете, что у нее есть спутник?

— Вы хотите создать на нем базу? — тут же предположил Джемисон.

— Не только.

Этим стоило заняться. В потоке бумаг, в водовороте мелких проблем, в текучке будней разумному решению ничего не стоило затеряться. Тем более что бюрократы очень неохотно меняют свои мнения. Конечно, возникали сомнения, что и это рещение не то, какого хотелось бы. Но создавшаяся ситуация толкала на компромисс. А компромисс всегда был для Джемисона предпочтительней открытой вражды.

— Ну так как? — спросила миссис Ватмэн.

Джемисон прикинул, что корабль с эзвалами прибудет на Землю только через несколько недель. И он может оказать внимание красивой женщине. Этот аргумент в результате и победил. Стоило попробовать.

— Хорошо. Я согласен. Гид нам, очевидно, не понадобится?

Она засмеялась, показав Джемисону два ряда великолепных белоснежных зубов.

— А разве кто-нибудь еще захочет говорить с вами по этому поводу?

В вопросе чувствовалась горечь. Но Трейвору Джемисону к ней было не привыкать.

Глава 6

Блеск космического скафандра гида грозил затеряться среди блеска звезд, и Джемисону приходилось постоянно следить за его передвижением. Без этого перед ним давно маячила перспектива в полной мере ощутить такое изысканное чувство, как космическое одиночество.

Он уже раскаивался, что впутался в эту авантюру. Перед тем как посетить спутник, он заглянул в Космический справочник. По данным справочника, спутник при всем желании не мог вместить миллионы людей.

Блещущая красотой вдова, как могла, старалась отвлечь его внимание от ненужных размышлений. Возможно, она хотела бы сверкать среди звезд, но здесь ей очень мешало солнце, на фоне которого заметить ее было почти невозможно.

Джемисон никак не мог рассмотреть шкалу спидометра, вмонтированного в шлем снаружи: свет дробился в стеклах, и отблески мешали увидеть показания циферблата. Возникшие подозрения заставили его напряженно всматриваться в диск. То, что удалось разглядеть, заставило его сжать зубы.

Он включил рацию.

— Миссис Ватмэн!

— Доктор Джемисон!

Слово «доктор» звучало как название коктейля с вполне различимой дозой насмешки и несколькими каплями враждебности. Так, для полноты ощущений...

— Мне помнится, что мы должны пролететь пятьсот двадцать одну милю или...

— Или около того.

Несмотря на то что голос смягчился, враждебности в нем прибавилось.

— Пятьсот двадцать одна миля — цифра достаточно точная. А мы пролетели уже шестьсот двадцать девять миль и не думаем прекращать полет. Мы летим, по моим подсчетам, два часа...

— Ну и что же? — прервали его вычисления.— Вам страшно, доктор Джемисон?

Джемисон молчал. Начиналась очередная борьба за выживание. Первым желанием было ответить ей так же высокомерно. Но второе желание, которое подсказал мозг, становившийся в минуты опасности кристально ясным и холодным, подавило первое, подсказанное сердцем. Да, натренированный нюх Джемисона уже чуял запах жареного, и мозг заработал быстро и четко. Профессиональная привычка выходить победителем из любых ситуаций помогла ему и на этот раз.

Джемисон начал снижать скорость. Времени оставалось мало, а опасность, наоборот, была велика. При большой скорости движения трудно что-нибудь предпринять.

Тем не менее он спокойно произнес:

— Интересно, убийство предпринято по приказу Совета или это ваша личная инициатива?

— Теперь это вас не должно волновать,— услышал он в ответ.— Мы ошиблись, посчитав, что вы не решитесь на референдум. И мы уже давно знаем, что спутник не пригоден для базы.

Джемисон рассмеялся, стараясь скрыть свое снижение. Это было не такой уж легкой задачей. Перегрузка была столь велика, что впору пришлось бы стонать. Ну вот. Наконец-то он один. Сверкающий скафандр сопровождения с очень злобным содержанием исчез вдали. Она, скорее всего, даже не обернулась. Стараясь утаивать это печальное для нее открытие как можно дольше, Джемисон полюбопытствовал:

— Я был бы вам очень обязан, если бы вы могли мне объяснить, как вы меня убьете.

— Не стоит беспокоиться. Через десять секунд ваш двигатель взорвется и...— Она осеклась.— Проклятье! Да вас тут нет... Хотите приземлиться? Вы все равно не уйдете от меня.

До скалы оставалось футов шестьдесят, когда двигатель остановился, выбросив струю пламени. Жгучая боль пронзила все тело. Он непроизвольно свернулся в клубок, когда ударился о землю, и потерял сознание...

Первое, что он увидел, когда очнулся,— пятнистая скала, качающаяся над ним. Мгновением позже он осознал, что лежит без скафандра, в одном костюме с электроподогревом. Еще он почувствовал на себе чей-то взгляд. Джемисон повернул голову.

Невдалеке стояла Барбара Ватмэн.

— Считайте, что вам повезло. Вы вовремя отключили двигатель, и вам обожгло только ноги.

Джемисон вопросительно посмотрел на нее. Она поняла, о чем он думает.

— Очевидно, не стоит быть щепетильной по отношению к смертнику, но... Я не могу убить даже собаку, не дав ей шанса выжить. У вас тоже есть шанс.

В чем-то она была права. Во всяком случае, Джемисон действительно чувствовал себя как побитая собака. Он сделал усилие и сел. В своей полной приключений жизни он встречал жестоких женщин, но ему не попадались столь откровенные и циничные.

— Где ваш скафандр? — спросил он.

Она указала на небо.

— Видите черное пятно справа от солнца? Через триста часов его останки упадут туда. Я заложила в скафандр мину.

— Что-то я плохо верю, будто вы решили умереть вместе со мной. Люди способны умереть за веру. Но во что верите вы? Я не заметил признаков фанатизма. Просто у вас чуть больше шансов, чем у меня, верно?

На лице женщины не дрогнул ни один мускул.

— У вас нет ни одного шанса. Как и у меня. Нам не дойти до Пяти Городов, а тем более до платиновых рудников. Мы умрем вместе.

— Жалкая бравада, не больше. Это лишний раз доказывает, что вы глупы. Тем не менее я очень вам признателен

за лечение. И общество. Хотя мне никогда не нравились авантюристки.

Джемисон встал и немного попрыгал. Вызванная прыжками боль была терпимой.

— М-м-м... Не так уж и больно, вот только плохо сгибаются... К ночи пройдет...

— Меня поражает ваше спокойствие,— язвительно сказала Ватмэн.

Он согласился.

— Конечно, ведь я жив. А значит, у меня еще есть время убедить вас в своей правоте!

Она рассмеялась.

— Вы не понимаете положения дел. Чтобы выжить, нужно идти две недели, по шестьдесят миль в день. Температура ночью колеблется между ста и ста семьюдесятью градусами ниже нуля, в зависимости от близости к раскаленному ядру спутника. Из-за него жизнь здесь вообще невозможна. Что теперь скажете?

— Скажу, что надо идти.

Видя столь поразительное упрямство, миссис Барбара Ватмэн не смогла не прочесть Джемисону лекцию. Если кратко пересказать ее слова, то путешественников сожрет первый попавшийся гриппи-кровосос, если раньше они не замерзнут. Этих гриппи запах крови приводит в бешенство, а чувствуют они его на большом расстоянии. Им ничего не стоит проглотить человека целиком (в лекции это было подчеркнуто особо). К тому же, как оказалось, они умеют рыть туннели в скалах. Защита против них одна — бластер. А у миссис Ватмэн есть лишь охотничий нож. Единственная подходящая пища для человека здесь — огромных размеров травоядные. Они убегают, лишь завидев чужака, но, если их припрут к стене, они в состоянии прикончить дюжину людей. Конечно, невооруженных. Из всего этого следовал логический вывод: Трейвор Джемисон и Барбара Ватмэн приближаются к смерти с каждой минутой.

— Вам, по-моему, это доставляет удовольствие? — спросил Джемисон.

— Это не играет роли. Живым вам на Землю не вернуться.

— Вы заблуждаетесь. Но мне непривычно видеть женщину в столь опасной ситуации. Скажу одно — у вас прекрасные друзья. А я выберусь, не сомневайтесь.

— Ерунда. Это все равно что убить гриппи голыми руками,— рассмеялась она.

— Ну зачем же руками? А как насчет разума? И опыта? Мы дойдем до людей, чего бы это нам ни стоило.

Наступило молчание.

Джемисон использовал его, чтобы оглядеться. Вокруг простиралось безжизненное пространство. Впрочем... В одной стороне угадывался обрыв. Выбирать не приходилось.

— Нужно идти к обрыву.

Глубокое безмолвие окружало их. Оно было символом, духом этого холодного мира. Но Джемисон бодро нарушил гнетущую тишину:

— Итак, начинаем наше путешествие!

Не менее бодро они побрели по плато. Идти было нетрудно из-за малого притяжения планеты.

— Вы что-то хотели сказать об эзвалах? — неожиданно спросила Ватмэн.

— Нет, ничего. Если бы я что-нибудь сказал, вы бы их уничтожили.

— Нужно было приводить реальные факты, а не логические построения. В Совете здравомыслящие люди.

— Весьма здравомыслящие,— не удержался от иронии Джемисон.

Реакция последовала незамедлительно.

— Я не верю, что у вас есть факты! Лучше закончим на этом.

Джемисон не возражал.

Глава 7

Солнце стояло высоко в небе. Прошло уже два часа. Все это время они двигались по извилистому плато, лавируя между расщелинами, ведущими в раскаленные недра спутника.

Гигантских размеров пропасть — на расстоянии не такая впечатляющая — предстала перед ними во всем своем вели-

чии. Со всех сторон она была окружена неприступной отвесной стеной.

Джемисон не удержал вздоха.

— К своему стыду, должен признать, мне ее не одолеть.

— Я это предвидела. Теперь нас ждет голод.

Если одна задача не решается, стоит приняться за другую. Погибнуть можно от чего угодно, но в первую очередь от бездействия. Это он усвоил прочно.

— Эти травоядные, чем они питаются? Побегами с деревьев?

— Да. У них длинные шеи. А что?

— И это их единственная пища?

— Нет. Еще трава.

— И больше ничего?

Женщине надоели вопросы.

— Прекратите. Для чего вам все это?

— Извините, но меня интересует также, что они пьют.

— Они лижут лед,— раздраженно ответила она.— Он скапливается у реки. Во время таяния снега... Вспомнила — они едят соль. Совсем как земные травоядные.

— Соль? Это просто прекрасно! Лучшего нельзя было придумать! — воскликнул Джемисон.— Мы возвращаемся. Совсем недавно мы проходили солончаки. Там мы и наберем соли.

— Вернуться? Вы в своем уме?!

— Барбара, вы же слышали: я сказал, что не смогу спуститься. Значит, выход нужно искать в другом. От голода я не умру — я скопил достаточно жира в период моей канцелярской работы. Но убитое животное, честное слово, нам не помешает. Для этого нужна соль. Следовательно, нужно вернуться.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом миссис Ватмэн отвела взгляд.

— Не понимаю, что вы задумали, но в любом случае это безумие! Вы поверите мне, когда увидите здешних травоядных. Они напоминают жирафов, но огромных и высоких. Сомневаюсь, что вы убьете кого-нибудь из них, приманив солью. Соль как раз в том, что вам это не удастся. Но я готова вернуться. Какая разница, где умирать. А если Бог помо-

жет, нас учуют гриппи. Тогда мы не умрем от голода. Он подарит нам смерть получше и побыстрее.

— Нет ничего страшнее женщины, задумавшей умереть во что бы то ни стало.

— Я бы не сказала, что мне этого очень хочется.

— Особенно если учесть, что у вас есть ребенок.

По выражению ее лица он понял, что не промахнулся. Нужно было побороть ее наплевательское отношение к жизни. Ему просто необходима ее помощь. От разговора по дороге к солончаку Джемисон, сам того не ожидая, получил удовольствие. Он не пытался в чем-то ее уверить. Проблемы человечества, освоения далеких миров, взаимопонимание рас — вот круг вопросов, которые они обсуждали.

Но удовольствие было прервано.

— Наконец-то! — приветствовала солончаки Барбара.

Джемисон не мешкая распихал куски соли по карманам, и они зашагали обратно. Возвращались молча. У Джемисона ныл каждый мускул, каждый нерв. Безумно хотелось спать. Но шансов проснуться не было никаких. Когда они подошли к обрыву и Джемисон заглянул вниз, у него закружилась голова. Даже пелена, застилавшая его глаза при взгляде на женщину, не помешала ему увидеть муки голода на ее лице.

— Еще немного! — крикнул он.— Держитесь!

Они подползли к краю. Пропасть была слишком глубокой, чтобы надеяться спуститься вниз. Похоже, им осталось умереть там, где они лежали. Даже живительный воздух, который они вдыхали, не мог заменить пищу.

— Что нам теперь делать? — прошептала Барбара.— Вы и тут будете искать выход? Точнее, спуск.

Да, Джемисон нашел и то и другое.

— Спуститься мы можем в любое время. Смотрите,— он помог ей подползти к самому краю.— Вам не кажется, что внизу гуляет наше спасение? По-моему, это стадо травоядных.

Слева внизу виднелась долина. Спуск туда начинался в нескольких сотнях футов отсюда. Он весь порос лесом и врезался в долину подобно клину. Рядом с ним и паслось стадо в сотню голов.

— Они совсем рядом с лесом. К ним легко подобраться.

— А потом выбежать и высыпать им на хвост всю вашу соль. Ведь больше, насколько я знаю, у вас ничего нет.

Вопрос пролетел мимо ушей Джемисона.

— Сначала,— сказал он как бы про себя, даже не глянув в ее сторону,— нужно пробраться к опушке леса. И постараться сделать это так, чтобы животные не заметили. А потом мне потребуется ваш нож.

— Можете делать что угодно — вам не подойти к ним и на четверть мили.

— А кто вам сказал, что я собираюсь подходить? Несмотря на достаточный, как вам кажется, опыт, вы очень плохо разбираетесь в жизни. Знай вы больше, вы бы давно поняли, что убить зверя легко и просто. Эта проблема решена во всех мирах. И вскоре вы в этом убедитесь.

— Я не собираюсь спорить. Предстоящая смерть будет приятнее голодной. Около травоядных всегда околачиваются гриппи. Они следят за ними с вечера, а утром убивают. Уже темнеет. Значит, гриппи близко. Они нас учуют... Кстати, мясо травоядных довольно жесткое.

— Если будет нужно, мы сами придем к кровососам. Жаль, мне не доводилось бывать здесь раньше — все было бы намного проще. А пока наша цель — лес.

Его спокойствие было лишь маской, за которой он скрывал свою усталость. Когда они достигли леса, он едва держался на ногах.

Там он начал подкапывать корни высокого коричневого дерева. Вскоре несколько штук оказались у него в руках.

— Он твердый и упругий, как сталь,— сказал он, сворачивая один корень в кольцо.— На Земле это дерево применяется в промышленности.

— Вполне возможно,— ответила она,— если вы сделаете из него лук. Трава может послужить тетивой.

— Лук не поможет. Вы же сами говорили, что к животным нельзя подойти и на четверть мили.

Он выбрал дюймовый корень, отрезал от него двухфутовый кусок и заострил с обоих концов. Сделать это было нелегко: корень скользил и не поддавался.

— Ну вот,— наконец произнес Джемисон.— Подержите концы вместе, я их свяжу.

— А-а,— протянула она,— теперь все понятно. Кольцо попадает в желудок, там трава разрывается, и острые концы протыкают живот.

— Этот метод придуман не мной. Он известен на сотнях планет. На Земле им пользуются эскимосы. Правда, приманка у них другая...

Он подобрался к полянке на краю леса и принялся разбрасывать кольца. Джемисон готовился к охоте основательно. Он не мог надеяться на одно кольцо.

Мясо при всей его жесткости было очень вкусным. Приятно было чувствовать насыщение и ощущать, что в тело вливается энергия. Дожевав последний кусок, Джемисон встал и поглядел на заходящее солнце. На сытый желудок было проще решать примеры из задачника для первоклашек.

— Если есть по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам должно хватить.

Отсюда следовало, что идти он собирается никак не меньше двух недель.

Потом его мысли двинулись в ином направлении.

— Вообще-то вредно есть одно мясо. Но за пятнадцать дней, думаю, с нами ничего не случится. К тому же больше охотиться мы не сможем.

Вырезав внушительный кусок филе из лежавшего рядом животного, Джемисон поделил его на две части и упаковал в тюки, обвязав травой. Вышло что-то вроде рюкзаков, больший из которых (Джемисон и в этих условиях оставался джентльменом) он взял себе. Барбара скептически следила за его действиями.

— Вы безумец,— продолжала она пугать Джемисона.— Ночь мы, может быть, переживем в какой-нибудь пещере. Но когда нас найдет гриппи, скажите, его вы тоже угостите своей деревяшкой?

— А почему бы и нет?

— А потому что зубки у них тверже металла, когти — острее алмаза, а желудок не разрезать и ножом, не то что деревом! Именно из-за этих тварей здесь и невозможна разумная жизнь.

Джемисон с удовольствием переваривал пищу.

— У нас есть еда. От голодной смерти мы не умрем,— гнула свое Барбара.— Но вам придется выбросить из головы

эту глупую идею — выжить. Гриппи достанет нас в любой пещере, в любой щели. Да и можно ли назвать пещерами метеоритные воронки, перекрученные движением коры спутника. К тому же нам нужна пещера с нормальным воздухом.

— И кондиционером,— подсказал Джемисон.

— Вы зря иронизируете. Когда задуют холодные ветры, костюмы нас не спасут. Нам понадобится костер. Но я что-то не видела костра на сквозняке.

Внимательно выслушав печальные предсказания своей персональной пифии, Джемисон — а за ним и она сама — начал собирать ветки, лежащие вокруг. Благо хвороста было предостаточно. Они стащили целую кучу веток в пещеру, на ее, так сказать, первый этаж. Потом спустились туда сами: сначала Джемисон, а потом — весьма грациозно — Барбара. Молодость есть молодость. Это или что-то подобное подумал Джемисон. И был, как всегда, прав.

Они перетаскивали топливо на второй этаж, когда вход в пещеру перекрыла черная тень. На ее фоне блестели многообещающие клочки шерсти и ничего не обещающие горящие глаза чудовища. Тонкий красный язык плотоядно дрожал в предвкушении вкусного ужина. Это подтверждала и слюна, обильно капавшая на замерших внизу людей.

Джемисон инстинктивно схватил Барбару за руку, рванулся к провалу и очутился на куче веток внизу. Не раздумывая, они стали проталкивать ветки на следующий этаж. Скрежет гигантских сверхтвердых когтей, расширяющих проход, и рев чудовища только подгоняли их. Едва они спрыгнули вниз, как морда с полуторафутовыми зрачками появилась в отверстии над ними.

Вдруг скрежет прекратился. Наступила тишина.

— В чем дело? — задал вопрос Джемисон скорее себе, чем лежащей рядом с ним «энциклопедии».

Та не замедлила откликнуться.

— Он закупорил вход. За ту пару минут, что остались до его впадения в спячку, он до нас не доберется. Но нам не вырваться. На добычу он не нападает, а лишь преследует. Но просыпается он всегда раньше добычи, и в этом весь секрет. Это у него на уровне инстинкта, и то же самое он хочет проделать с нами. Выбраться мы не можем, так что остается ждать финала.

Нужно ли говорить, что всю ночь Джемисон не сомкнул глаз. Может быть, он и засыпал на какие-то мгновения, но ему сразу же что-то мерещилось, он вновь вскакивал и метался по пещере. Тьма, словно тяжелый пресс, придавливала их к земле. Разведенный Джемисоном костер был бессилен против тьмы и не спасал от мороза.

Сначала пленников колотил озноб, потом холод сковал тела. Стены покрылись инеем. По скале пошли трещины. Появление каждой новой щели сопровождал гул. Казалось, вот-вот рухнет потолок. Шум, который создавали падающие осколки, вывел женщину из забытья. Она вскочила на ноги и принялась энергично ходить кругами, пытаясь унять дрожь.

— А почему бы нам не поджечь гриппи? — спросил Джемисон.

Идея, безусловно, была вызвана сильным желанием согреться.

— Он проснется. Но вряд ли его проймешь огнем. Шкура, как металлоасбест, проводит тепло, но не горит.

Джемисон вздохнул.

— И ведь надо же было мне, единственному человеку, знающему тайну эзвалов, попасть в эту пещеру... Да и вы пытались меня прикончить.

— Пыталась. И потом, что толку в этих разговорах. Они бессмысленны. Скоро гриппи проснется, и нам его не остановить.

— Вы так считаете? Познания у вас обширные, но не полные. Я же вам говорил: проблема охоты решена на всех планетах.

— Безумец! Его даже бластер не берет. Он успеет вас прожевать, прежде чем его шкура начнет искриться. А у меня вместо бластера всего лишь нож.

— Кстати, дайте его мне. Я его заточу.

Стало теплей. Иней местами подтаял. Костер потух, оставив после себя пепел. Топливо сгорело дотла. И как только огонь погас, пещера заполнилась дымом.

Внезапно вверху послышалось шевеление, за ним раздался треск и протяжный вой.

— Он проснулся.— Барбара, кажется, испытывала удовлетворение от этого факта.

— Ну вот вы и дождались финала.

— Да... Теперь я вижу, что ваша смерть ничего бы не изменила.

Между ними пролетел обломок скалы и с грохотом покатился вниз, в глубину пещеры. Скрежет когтей неумолимо приближался.

— Он расширяет проход,— прокомментировала Барбара.— Не мешало бы спрятаться в расщелину, стена вот-вот рухнет.

— Да, рисковать не стоит. Тем более у нас цейтнот.

Джемисон снял перчатку и чуть не затрясся от холода. Он сунул нож в глубь потухшего костра. Туда, где еще сохранилось тепло.

— Черт возьми! Ну и мороз. Градусов девяносто, не меньше. Нужно нагреть нож, иначе ничего не получится.

Когда лезвие ножа согрелось, он сделал надрез на большом пальце левой руки и размазал кровь по лезвию. Холод был хорошим анестезиологом — Джемисон не чувствовал боли, а порез тут же перестал кровоточить. Только когда он надел перчатку, пришла боль. Джемисон пошел вдоль стены, как бы забыв о следовавшей за ним женщине.

— Наконец-то! — воскликнул он торжествующе.

Но даже ему это торжество показалось чуточку фальшивым.

Он опустился на колени возле тонкой трещины.

— Это то, что нам нужно, как раз против входа. Знаете,— сказал он, взглянув на женщину,— почему мы не опустились ниже? В этой пещере гриппи поместится целиком. В нем футов тридцать?

— Да, вместе с хвостом.

— Превосходно. И он здесь поместится, и нам будет где укрыться. Пока он не подохнет.

— Пока он не подохнет? — выдохнула она.— Вы ошиблись в выборе профессии — из вас получился бы лучший в мире клоун.

Несостоявшийся клоун вставил в трещину рукоятку ножа и закрепил ее камнями.

— Вроде бы ничего. Но нужна двойная гарантия.

— Не лучше ли спуститься на следующий этаж и попытаться найти выход в другую пещеру?

— Пока вы спали, я обнаружил ниже два этажа, и больше ничего.

— Если мы промедлим минуту, мы не попадем и туда.

— Эту минуту лучше потратить на то, чтобы получше закрепить нож.

И он продолжил свое занятие. Она стояла рядом и пританцовывала от нетерпения. Наконец он укрепил камень, который отнял у него столько времени, и она спрыгнула вниз. Он повис на руках, с трудом различая уже знакомую клыкастую пасть с тонким извивающимся языком. От лезвия пошли искры, когда зверь всей массой плюхнулся на него. Больше Джемисон ничего не видел — он разжал пальцы и рухнул с двадцатифутовой высоты. Вначале от боли он ничего не мог сообразить, а когда пришел в себя, то уяснил, что скрежет стих. Вместо него он услышал вой разъяренного зверя.

Потом послышалось причмокивание и довольное хрюканье.

— Что случилось?

— Увидите! — прохрипел Джемисон.

Пять, десять, двадцать минут... Причмокивающие звуки постепенно затихли. Раздался предсмертный вопль... И наступила тишина.

— Помогите, я хочу взглянуть, что с ним,— попросил Джемисон.

— Кто-то из нас сошел с ума. Но все-таки скажите, что произошло?

— Гриппи почуял кровь на ноже и лизнул лезвие. Сначала он впал в бешенство, а когда рот наполнился кровью... Не вы ли утверждали, что они обожают кровь? Так вот, смею вас уверить, последние полчаса он ею обжирался. Довольно простенький, но эффективный метод.

Барбара странно взглянула на него.

— Значит, теперь,— произнесла она с усилием,— нам ничто не помешает проделать путь до конца?

— Ничто. Кроме вас, конечно.

Они молча взобрались на верхний этаж. Джемисон вытащил нож из трещины.

— Отдайте,— резко потребовала она.

Джемисон пребывал в нерешительности, но подчинился.

Снаружи их встретило бледное небо. Утро словно раздумывало — наступать ему или нет. Кроме солнца в небесах висел огромный красный шар, плывущий на запад — Земля Кэрсона.

Вскоре стало еще светлей. Даже скалы казались не так мертвы и черны, как вчера вечером. И хотя дул сильный ветер, после ужасов ночи день казался совсем ясным. Он возвращал надежду. «Ложную надежду,— мысленно уточнил Джемисон.— Упаси меня бог от этой гарпии! Если она нападет...»

Нападение, пусть он его и ожидал, было внезапным. Начало атаки выдал блеск ее глаз. Нож лишь разодрал рукав его костюма. Спасла реакция. Он с трудом, но устоял на краю пропасти.

— Вы сошли с ума! — только и пробормотал он.

— Это уже не важно. Вы должны умереть. Даже если вы сам дьявол!

Она шла на него, выставив перед собою нож.

— Идиотка!

На взгляд Джемисона, она разбиралась в боевых искусствах не больше грудного младенца. Он не препятствовал ее движению. Как и ожидалось, она попыталась свободной рукой схватить его. Что поделать, если эта дилетантка ничего не смыслит в борьбе? Он перехватил ее руку и рванул на себя, сделав при этом шаг в сторону. Инерция пронесла ее мимо и завертела словно волчок. Теперь уже она сама балансировала на краю пропасти без всякой надежды за что-нибудь ухватиться. Джемисон выхватил у нее нож и увидел глаза, наполненные слезами. Она снова стала женщиной, а не орудием убийства. Где-то там, на Земле, у Джемисона осталась жена. Она была очень похожа на Барбару. И это сходство говорило Джемисону, что Барбара сломлена. Она не опасна.

Все оставшееся утро Джемисон занимался серьезным делом — смотрел в небо. Это занятие было бессмысленным лишь на первый взгляд — только оттуда он ждал помощи. Ждал он ее, естественно, не от небес, а от Земли Кэрсона, которая к этому времени скрылась за горизонтом в полном соответствии с законами небесной механики.

В полдень он все-таки увидел долгожданную весточку. Она увеличивалась в объеме по мере приближения, пока

не превратилась в шлюпку доставившего его на планету линкора.

Из распахнувшегося люка выпрыгнул лейтенант.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнал так и не обнаружили.

— Несчастный случай, лейтенант,— спокойно произнес Джемисон.— С кем не бывает...

— Вы ведь отправились на урановые рудники, а это в прямо противоположной стороне.

— Ничего, ничего, все в порядке,— успокоил его Джемисон.

Через несколько минут они уже летели к звездолету.

На борту линкора у Джемисона появилось время хорошо обдумать план действий. Покушение на него требовало отмщения — уж слишком жестоки были эти люди. Они не оценили бы милосердие. Нет, они бы восприняли его как проявление слабости. Хотя, с другой стороны...

С другой стороны, Джемисон решил ничего не предпринимать: оставить все как есть. Не жаловаться, не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы на Земле вряд ли смогут понять, что люди становятся сами себе врагами — не меньше чем руллы. Нужно ли прощать эту человеческую слабость, он не брался решать. Но знал, что строго не накажут. Ну, придумают какой-нибудь надчеловеческий суд справедливости. Ну, обвинят людей в безжалостности, горе, бесстыдстве, непонимании. Ну... ну и что?

Для Джемисона достаточно, что Барбара Ватмэн кое-что вынесла из всего этого. Когда-нибудь она, может быть, встанет на его сторону...

На пути к Земле Джемисон послал туда запрос, прибыл ли корабль Маклайнена с эзвалами на борту. В ответ сообщили, что сухогруз еще находится в пути. До Земли оставалась неделя лёта, всего неделя, когда пришло ужасное известие:

«Два часа назад над Канадой корабль Маклайнена потерял управление. Предположительно, животные погибли при катастрофе. Судьба экипажа неизвестна».

— О боже,— застонал Джемисон, прочитав сообщение. Листок выпал у него из рук и, плавно покачиваясь, медленно опустился на пол.

— Весь контроль полетел к черту! Еще четверть часа, и мы грохнемся на землю. Похоже, это произойдет где-то в районе Аляскинского залива,— уточнил Маклайнен.

— Мы обшарили весь корабль, но поломки не обнаружили!

— Подготовьте спасательные шлюпки, Кэрлинг. Прикажите людям покинуть корабль. И сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два эзвала. Они-то смогут уцелеть при крушении. Тем более вспомогательные двигатели еще работают. Как только на базе определят место падения, пусть немедленно прибудут туда. Кто знает, сколько людей прикончат звери, если уцелеют. Вам понятно?

— Так точно, сэр! — Кэрлинг выбежал из каюты.

— А вы,— Маклайнен повернулся ко второму офицеру,— примите срочные меры, чтобы эзвалы не вырвались из клеток, если уцелеют. И чтобы они пострадали как можно меньше. Правительство испытывает к ним большой интерес. Попробуем довезти их живыми. Ступайте!

— Да, сэр!

— И возьмите пару человек. Задрайте люки главного трапа. Тогда им не выбраться. На все про все — пять минут.

— Есть, сэр! — отчеканил офицер и исчез.

Маклайнен запихнул в спецкейс важные, на его взгляд, документы и пошел в отсек, где находились спасательные шлюпки. Увидев его, Кэрлинг отдал честь. Он явно нервничал.

— Все люди в безопасности, сэр... Кроме Бринсона.

Бринсон был тем офицером, которого Маклайнен послал к эзвалам.

— Где же он болтается, черт побери?! Кто еще с ним?

— Никого, сэр. Все остальные здесь.

— Что за дьявольщина! Пошлите кого-нибудь! Впрочем, я сам...

— Простите, сэр.— Лицо Кэрлинга приняло страдальческое выражение.— Старт через две минуты. Иначе встречный поток нас сметет. А относительно Бринсона... Не стоило посылать его туда, сэр.

— Почему? — Не терпящий возражений Маклайнен впился в него взглядом.

— Я не верю в приметы, сэр, но его старшего брата эзвал разорвал в клочья.

Малыш — если можно назвать малышом тушу размером с холм — сначала услышал угрожающее рычание матери, а потом уловил четкую и ясную мысль.

— Скорее прячься под меня. Двуногий пришел убивать!

Он молниеносно выскочил из своего угла клетки, в которую был превращен грузовой отсек корабля, и, рассыпая искры, вызванные трением когтей о металлический пол, метнулся к матери и замер в темной теплоте ее тела. Здесь, в ложбине между ее мускулами, он был в безопасности. Теперь он уловил новую мысль.

— Помни, что я тебе говорила. Люди должны считать нас животными. В этом наше спасение. И при всей твоей любви к жизни ты должен умереть, но выполнить свой долг.

Ее глазами он увидел четырехдюймовые прутья решетки и человека за ними.

— Вы больше никого не сможете убить! Будьте вы прокляты! — закричал человек.

Он выхватил металлический предмет и просунул его между прутьями. Блеснуло пламя и... Контакт с матерью оборвался. Эзвал уже ничего не видел. Он только слышал рев и ощущал запах горелого мяса. Мать бросилась прямо в беспощадное пламя. Человек отскочил от решетки. Тьма, застилающая мозг матери, исчезла.

— Ну, держитесь!

Малыш не чувствовал мучительной боли матери, которая отключила контакт. Используя всю площадь клетки, она уворачивалась от огня. Ее мозг работал с полным напряжением — нужно было отыскать путь спасения для ее ребенка. И она нашла этот путь.

К шипению огнемета прибавился еще один звук. Он был похож на протяжный вздох, который звучал все выше и выше.

— Вот дьявол! — выругался человек.— Какие они живучие! Пора убираться, иначе будет поздно. Только где этот чертов детеныш? Не провалился же он!

Он не успел найти ответ на свой вопрос. Шесть с половиной тысяч фунтов голубого тела сами обрушились на него, сломав на своем пути расплавленные огнеметом прутья решетки. Малыш напряг все мускулы, чтобы не быть расплющенным, и услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Огнемет выпал из его рук, и враг сделал попытку рвануться к выходу. Непослушные пальцы уже касались поручней трапа, ведущего наверх...

В два прыжка самка настигла его. Малыш вновь увидел крошечного человечка, вновь услышал вопль, прерванный ударом могучей лапы. И тут мир для него погас.

Тьма обволакивала мозг.

Чувство потери было невыносимо.

Только теперь он понял, что стал одинок. Только теперь почувствовал, как сильно он зависел от той, что лежала теперь без движения. И одиночество было невыносимым. Исчезла не только физическая, но и моральная поддержка. Он уже ничего не хотел. Он хотел смерти...

Когда он выбрался из-под останков матери, то понял две вещи: он с каждой минутой становился легче, а высокий звук превратился в леденящий душу свист. От свиста у него заболели уши. Пол вырывался у него из-под ног. И он должен был благодарить древний инстинкт, заставивший его освободиться от груза, который давил на него еще недавно.

Корабль с каждой секундой падал быстрее и быстрее.

Малыш подполз к телу матери. Он подпрыгнул, стараясь попасть ей на спину, но промахнулся и угодил на пол с другой стороны. Невесомость сыграла с ним одну из своих шуток. Вторая попытка прошла успешно.

И в этот момент все — звуки, потеря веса,— все исчезло от сокрушающего удара.

Глава 9

Сначала он почувствовал боль. Болела каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова захотел нырнуть в беспамятство, но что-то ему мешало. Какое-то ощущение... Какое-то чувство... Какие-то мысли... Мысли. Чужие мысли.

Опасность.

Он лежал на металлическом полу трюма. Его отбросил туда удар. Скинул с тела матери, в последний раз спасшей его. Корабль раскололся пополам, и сквозь пролом было видно чужое сумеречное небо. Земля снаружи почему-то была белой, в отсеки проникал леденящий ветер. По белой земле к кораблю двигались черные фигуры людей.

В трюм проник яркий луч света, поплясал по стенкам и полу, застыл на теле самки. Малыш успел увернуться от луча, спрятался под неподвижным телом и замер там.

Голоса людей, искаженные перекореженными стенками трюма, невозможно было разобрать. Да ему это и не требовалось. Он хорошо воспринимал мысли.

— Порядок, командир! Они мертвы!

Послышался лязгающий топот.

— Как мертвы? — В мысли чувствовалось раздражение.— Эй, кто-нибудь, дайте свет! Это самка? А где детеныш?

— Думаете, что детеныш...

— А сами не понимаете? В нем фунтов пятьсот. Можете считать это игрушкой, но я предпочитаю встретиться с матерым тигром.

Луч света вновь загулял по трюму.

— Не приведи бог, если он отсюда выбрался. Здесь не меньше дюжины ходов... Кэрлинг! Прикажите установить прожектор в проломе. И взгляните, нет ли следов вокруг.

Тишина.

— В чем дело, Дэниел?

На Малыша накатила волна отвращения и ужаса.

— Здесь Бринсон, сэр. Вернее, то, что от него осталось. Вот тут, возле трапа.

Последующие эмоции воспринимались без труда. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

— Черт побери! Получается какая-то чепуха! Но...

— Сэр! А ведь эта тварь погибла не от удара. Она наполовину сожжена.

Догадка была, конечно, правильная. А вот потом...

— Детеныш, наверное, спрятался. И не смог из-под нее выбраться. Хотя, с другой стороны... Паркер!

— Да, сэр!

— Подведите шлюпку к корпусу. Остановите ее над трещиной, зацепите зверя тросом за среднюю ногу и поднимите. Кэрлинг!

— Да, сэр!

— Следы есть?

— Никак нет, сэр!

— Значит, он под ней. Живой или мертвый. Поставьте посты у каждого входа. Прожектор направьте так, чтобы не было тени. Объявляется боевая готовность! Стрелять при малейшей опасности!

Воспоминание об огне привело Малыша в трепет. Он еще сильнее вжался в плоть матери. Но потом, преодолев страх, принялся рассуждать. На его планете он бы уже давным-давно удрал. Но здесь не было ничего, кроме белой пустыни. У него появился шанс — начинало темнеть. Но надежда пропала, лишь только он слегка приподнялся: яркий свет заливал все вокруг, а люди стояли с оружием на изготовку. Пятнадцать человек делали все, чтобы перекрыть выходы. Это была ловушка. Эзвал закрыл глаза, защищая их от света.

Внезапно тело матери, до сих пор служившее ему укрытием, дернулось и приподнялось. Вначале он решил, что она ожила. Но эзвала ждало разочарование: его залило слепящее море огня. Он инстинктивно вцепился в мать. Резкая боль пронзила его, перехватив дыхание,— легкие сдавил трос.

Малыш вспомнил предсмертные наставления матери. Нужно бороться со страхом. Она нашла в себе силы броситься на решетку, на своего убийцу — и победила. Здесь много людей, но нет решеток...

В следующее мгновение движение прекратилось. Он ощутил под собой твердь и, без труда освободившись от троса, бросился к ближайшей группе людей футах в тридцати от него. Тут же накатила волна человеческого страха и панического ужаса.

«Убить! Убить!» — переполняло его чужое желание.

Три бластера, направленные на него, были лишь малой толикой того, что спешило, бежало, неслось расправиться с ним. Свет слепил его, и трещину в палубе он обнаружил, лишь когда туда попала его нога. Никто ничего не успел сообразить. Скорость, с которой он свернул в сторону, для людей

была непостижима. Он освободил ногу и полетел в какое-то отверстие.

Это его и спасло. Он уже лежал на плитах под дырой, в которую провалился, когда воздух вверху загорелся, подожженный дюжиной бластеров. Рваная прореха в одном из углов была настолько велика, что он вполне мог бы в нее пролезть. Куда она ведет, в тупик или на другую палубу, он не знал. Но выбора не было. Надо было рисковать. И он рискнул.

Там, где он только что прятался, уже появились люди. Малыш притаился, как на охоте, выжидая, пока кто-нибудь из них не появится в проломе. Тот, кто был первым, не успел ничего сообразить и полетел вниз. Он болтал руками и ногами, словно кукла без кукловода, а бластер летел рядом, маленький и бесполезный.

Двое других тоже не ждали атаки. Почему? Неизвестно. Но это их и погубило. Одного эзвал одним ударом превратил в мешок с костями, другого распорол от горла до низа живота. Перед тем как броситься к ближайшему проходу, он не удержался и с хрустом перекусил обоих пополам, хотя им уже было все равно.

Он выскочил из дыры. Отпрыгнул в сторону. Не поспевая за его перемещениями, мимо него пролетела струя огня. сжигающая воздух...

Снег. Конечно, не этим словом назвал он то странное, мягкое, белое, пушистое, что холодом обожгло ноги, наполовину их сковав.

Пляшущий луч света с корабля попрыгал и наткнулся на эзвала. Малыш метнулся вперед. Прожектор, перегнав его, осветил большой черный валун. Малыш молниеносно укрылся за ним. И тут же передняя часть валуна разлетелась под ударами бластеров. Малыш свалился в какую-то яму, предоставив остаткам камня сгореть в огне. Яма была заполнена снегом, мешала дышать. Но у нее была очень полезная особенность — она имела продолжение. Малыш бросился бежать вдоль небольшой каменной насыпи, ограждающей впадину, и при этом он оставался незаметным для людей с корабля.

Несколько раз он падал на снег, укрываясь от луча прожектора. Инстинктивно оглянувшись, он увидел несущийся

прямо на него спасательный бот. С полдюжины прожекторов обшаривали все кругом, не оставляя ни малейшей возможности спрятаться. Силы были явно не равны. Ближайшая роща — единственное возможное укрытие — была далеко. Даже при той скорости, которой обладал эзвал, судно бы настигло его через несколько секунд.

Значительно ближе, футах в тридцати, он увидел груду занесенных снегом камней. Собрав все силы, он преодолел это расстояние и очутился на вершине одного из валунов. Оттуда он, не задерживаясь, спрыгнул в центр каменной груды, спрятал голову в снег, выгнул спину и замер.

Он не видел пролетавшего над ним бота, но мысли сидевших в нем людей воспринимал прекрасно. Его не заметили!

Теперь связь с ботом была не только у командира, но и у эзвала.

— Разрази меня бог, командир, если я понимаю, куда он подевался. Нигде никаких следов.

— Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?

— Безусловно, сэр! Снег чист по обе стороны. Он не ушел бы, не оставив следов. Не вижу, где бы он мог укрыться. Хотя... Тут недалеко есть роща, сэр. Может быть, он там? Но...

— Обследуйте ее. Предупреждаю — будьте осторожны! Нам уже хватает трупов!

Малыш немного расслабился. Снег под ним подтаял, лапы находились в ледяной воде и коченели. На его планете воды было мало, но она, во всяком случае, была теплой. Да, он мог только тосковать по отобранному у него миру...

Бот возвращался. И он снова насторожился.

— Ничего нет, сэр! Мы обшарили каждый куст, каждый фут.

Пауза.

— Хорошо, Паркер, поднимайтесь повыше и сделайте еще несколько кругов. Скоро подойдет второй бот, он доставлял раненых в госпиталь. Их вроде бы с десяток. Передайте — пусть прихватят с собой охотничьих собак. Так мы живо его найдем, есть там следы или нет. Собаки его отыщут, будьте уверены!

Эзвал проследил за шлюпкой, которая увеличила скорость и улетела прочь. Как только она удалилась на безопасное расстояние, он со всех шести ног бросился к роще и скрыл-

ся под низко нависшими ветвями деревьев. Здесь он был в безопасности хотя бы на то время, пока бот рыскал по окрестностям.

Минут через пять он уже стоял на краю долины и рассматривал лес, занявший собой все видимое пространство. Левей от него, на горизонте, странно светилось небо. Природа света могла быть различной, но Малыш решил, что это люди. Значит, туда пути нет. И он, спрыгнув вниз, бросился к лесу. Снег, по которому он бежал, был плотным и не оставлял заметных следов. Теперь с воздуха его не обнаружат. Кроме того, людей будет ограничивать скорость собак. Он не знал, что такое «собаки», но справедливо предполагал, что они меньше, медлительнее и наверняка глупее его. Вот нюх у них, очевидно, был не хуже.

Глава 10

Наступивший день был серым. Эзвал медленно, словно в сомнении — идти или не идти,— поднимался лесом, покрывающим склоны холмов.

Только теперь Малыш решил отдохнуть. Обнаружив пещеру, он не раздумывая залез в нее. Она была достаточно просторной, чтобы эзвал смог в ней разместиться. Он лег, поджал под себя ноги, попытался согреться сам и согреть каменный пол пещеры. Уже долгие часы он сражался с непривычным для него холодом, и его чудесное тело сумело приспособиться к стуже, вырабатывая необходимое тепло.

Он постоянно слышал каких-то зверей, воспринимал чьи-то мысли. Они были иногда странные, иногда страшные. Но их объединяло одно — они были примитивными. Вначале, еще в полудреме, он решил, что все происходит в его подсознании, но потом понял, что это не так. Мысли были чужими. И он приоткрыл глаза.

Неподалеку, чуть ниже места, где он расположился, паслось животное с большими ветвистыми рогами. Оно щипало кустики коричневой травы, припорошенные снегом. Его мысли представляли собой смесь из страха и голода.

Еда! Теперь уже эзвал разглядывал существо с вожделением — это был возможный завтрак. Он раздумывал, как бы

убить зверя. Он понимал, что многое будет зависеть от внезапности атаки, и приготовился к прыжку.

Малыш сглотнул слюну. Мясо, без сомнения, будет съедобным. Он даже ощутил во рту его вкус. И тут он услышал лай! Вместе с лаем до него донеслись и чужие мысли. Человеческие мысли. Он понял, что на него идет охота. О собственной охоте он мгновенно забыл. Малыш сообразил, что его преследуют существа, которых люди называли запомнившимся ему словом «собаки». Он выбежал из пещеры, взбежал на холм, чтобы увеличить себе обзор. С вершины холма он заметил цепочку следов, оставленных им вчера вечером. Она вела прямо к убежищу. Он мгновенно спрыгнул вниз. И сделал это вовремя, потому что тут же над ним пронеслась какая-то тень. Внутри у Малыша все похолодело. В четверти мили от него пролетел самолет. Приземлился он на милю подальше, как раз возле оставленного им следа. Открылся люк, и оттуда выскочило полдюжины собак. Сначала они бросились в разные стороны. Потом одна из них с громким лаем взяла след и увлекла за собой остальных. А еще через минуту вся свора мчалась к его убежищу.

Первым желанием Малыша было желание убежать. Но, подумав, он стал подниматься вверх по склону. Это было нелегко. Тем более он ежеминутно чувствовал, что за ним идут по следу. Собаки. И их хозяева. Еще он увидел самолет, который перенес собак поближе к нему, не оставляя времени для маневра. Он резко свернул с гряды, скатился по склону и, сменив направление, понесся через долину к горам, вздымавшимся вдалеке. Но избавиться от преследования не удалось. Лай собак то приближался, то удалялся, но не исчезал. Малыш изнемогал, но наконец багряное солнце спряталось за два далеких пика на горизонте, и он понял, что на сегодня спасен.

Он уже несколько часов ждал этого. Собрав все силы, он побежал назад, по старому следу. И увидел на краю долины уже два самолета и снующих между ними людей. Невдалеке кормили уставших от погони собак. Было похоже, что люди решили устроить здесь ночевку.

Малыш, сверкая глазами, смотрел на сбившихся к кучу зверей, устроившихся на ночлег прямо на снегу.

«Все вместе они, конечно, опасны,— подумал он.— Но если этих убить — пока привезут новых, мне вполне удастся скрыться».

Нужно только соблюдать предельную осторожность. Люди могли в любой момент выскочить из самолетов и расправиться с ним. Нужно решиться.

Он ринулся вниз быстрее, чем потревоженная им лавина. Затем услышал визгливый лай первого попавшегося на пути пса и почти тут же ощутил тьму, застлавшую мозг собаки, когда он нанес удар. Резко повернувшись, он сомкнул челюсти на хребте другой, которая прыгнула на него в надежде сомкнуть челюсти на его шее. Кровь хлынула ему в пасть. Вкус ее был отвратителен. Он едва успел сплюнуть, как на него бросилась вся свора.

Ближнего пса он встретил ударом когтистой лапы. Опережая эзвала, собачьи клыки сомкнулись и попытались прокусить голубую кожу. Он легко увернулся и нанес повторный удар. Собака покатилась по снегу и осталась лежать на нем, неестественно изогнув шею. Малыш повернулся к стае, готовый продолжать бой. Стая удирала, охваченная ужасом. Рядом кричали люди, зажигали огни, но это его мало волновало. Он вышел победителем. Мысли собак передавали страх и смятение. Они боялись его. Он не сомневался — завтра они ни за что не пойдут по его следу.

И тогда Малыш сам бросился в бегство. Люди, стоящие у прожекторов, не успевали следить за его быстрыми передвижениями и, как и следовало ожидать, упустили его из виду. Бластеры жгли землю в том месте, где его не было. Он уже переваливал через хребет.

Эту ночь он спал спокойно. А утром снова была дорога. В полдень он опять услышал лай. Для него он прозвучал словно гром среди ясного неба. Он был уверен, что оторвался от преследователей.

Малыш по инерции бросился вперед. Он очень устал. Устал бежать, устал жить. Сумеет ли он расправиться с новой стаей? Погоня продолжалась до вечера. А когда наступила ночь, он предпринял попытку повторить вчерашнее, но уже на расстоянии почуял ловушку.

Не решив, что делать, он опустился на снег. Стало еще холоднее. По ночному небу, закрывая звезды, плыли обла-

ка. Неожиданно сверху на него посыпались мягкие белые хлопья. Сначала их было немного, а потом они повалили гуще и гуще. Вначале он сопротивлялся, пытаясь избавиться от наваливающегося на него снега, но потом понял, что именно в нем его спасение. Оставалось только как можно дальше оторваться от преследователей — к утру снег занесет все следы.

Буран к утру затих. Голодный и замерзший Малыш обнаружил в скале пещеру и решил обосноваться в ней, но замер в удивлении на пороге. В пещере уже имелся один постоялец — огромный черный зверь. Удивление было взаимным. Малыш чувствовал запах тела, запах помета, запах мысли... И понял, что разбудил хозяина.

«Медведь... другой... наглец... нужно проснуться...»

Очевидно, так рассуждал, пытаясь очнуться от спячки, медведь-кодьяк. Он наконец проснулся, а вместе с ним и его бешенство. С угрожающим рычанием он бросился на эзвала.

От удара Малыш полетел в снег. Но пара лап, тормозя, тут же вцепилась в землю, а остальные — в медведя.

Медведь взревел и сжал эзвала в объятиях. От такого бурного выражения чувств у Малыша перехватило дыхание. Он сделал попытку освободиться. Он слишком устал, чтобы драться.

И это было его ошибкой. Желая уйти от борьбы, он дернулся в сторону, надеясь убежать. Но медведь когтями начал рвать эзвала.

Он ревел в предвкушении победы, был полон ярости и стремления убить. Освободив одну лапу, медведь нанес эзвалу, казалось бы, сокрушающий удар. На какое-то мгновение Малыш потерял сознание. Но этот удар привел его в чувство. Он перехватил лапу, поднятую для повторного нападения, и перекусил сухожилие. Свою среднюю лапу он вонзил в живот противника, разорвав длинными когтями желудок медведя.

Исход битвы был решен. Медведь еще пытался сжать эзвала в объятиях, не веря, что он встретил того, кто превосходит его в силе. Это была его последняя ошибка. Эзвал поднял средние лапы и так ударил ими медведя, что внутренности того вывалились прямо на Малыша.

Медведь так ничего и не понял. С выражением крайнего удивления на морде он упал в снег, разжав свои объятия, смертельные для других животных.

Вконец измотанный Малыш лег рядом. Потом он с трудом поднялся и проник в освободившуюся пещеру.

Запах медведя уже не тревожил его. Он зализал свои раны, свернулся клубком и заснул.

Глава 11

Малыша разбудило ощущение, что рядом бродят звери. Ощущение было столь острым, что он мог определить и их размеры, и количество. Зверей было много, но все они — значительно меньше медведя. Их присутствие успокоило Малыша: значит, людей поблизости нет. Звери с удовольствием пожирали медведя. И эзвал, ощущая это удовольствие, вновь спокойно заснул.

Когда он проснулся, большинство зверей — похожих на собак, но крупнее — уже ушли. Остались четверо. Двое из них трудились над большой толстой костью, пытаясь ее разгрызть. Третий обнюхивал вход в пещеру.

Малыш вскочил на ноги. Сон вернул ему бодрость и силы, и энергия переполняла его. Он стоял у выхода из пещеры, а волк находился у ее входа — что в принципе одно и то же.

Несколько секунд они с интересом рассматривали друг друга. Интерес был взаимный — каждый видел другого впервые.

Волк утробно зарычал, попятился, поджав хвост, и исчез. Он не боялся эзвала, но относился к силе с большим уважением. К тому же он был сыт и к драке с огромным зверем явно не расположен.

Малыш вдруг сообразил, что разбросанные кости, клочья шкуры, кровавый снег — все это должно хорошо просматриваться с воздуха. Это его не устраивало, и он вышел из пещеры. Пара волков стояла недалеко от входа, а двое других — ярдах в ста от первой пары. В глазах тех, что были ближе, пылал огонь ярости, но, увидев эзвала, они поспешно отступили, оставив на снегу кости, которыми лакомились. Не обращая внимания на волков, Малыш закопал остатки пиршества в снег и попятился к пещере, стараясь замести за собой следы.

Ночь он провел спокойно, но к утру начал ворочаться, чувствуя голодные спазмы в желудке. После полудня вновь

повалил снег. Когда снегопад кончился, Малыш вышел наружу. Он вспомнил, что по дороге к пещере он пересек ручей. Под его льдом — он даже на бегу обратил внимание — копошились какие-то живые существа.

Малыш проломил лед посреди ручья и замер в ожидании. Он улавливал какие-то неподдающиеся расшифровке примитивные мысли, а на поверхности воды заметил движение юрких блестящих существ. Эзвал внимательно следил за их поведением. После нескольких неудачных попыток он быстро сунул правую лапу в ледяную воду, неуловимым движением подцепил рыбу и выбросил ее на лед. От еды он получил удовольствие. Мясо оленя проигрывало по всем статьям.

В течение часа он поймал пять рыб. Немного, но вполне хватило, чтобы утолить голод. Когда стало темнеть, Малыш вернулся в пещеру.

Ночь он провел в раздумьях. Насущные проблемы он решил как нельзя лучше: у него было надежное убежище и вкусная пища. Всего этого он добился сам, собственными силами, впервые в жизни. Мать, будь она жива, могла бы им гордиться.

Мать... Он испытал внутреннее беспокойство. Да, он смог обеспечить себя, но не сумел отомстить за мать. Люди должны заплатить жизнью за ее смерть! Сколько? Он не знал. Наверное, не хватило бы людей всей планеты. Уж во всяком случае, этой страны.

По мыслям преследователей он мог себе составить образ городов, домов... Нужно добраться до одного из них и подсчитать его население, прежде чем начать убивать.

Нужно только подождать. Охота еще впереди.

Но на четвертый день все его продуманные планы рухнули. По дороге к ручью он попал в бобровую ловушку. И надо же — как раз больной левой ногой.

Малыш упал на землю и принялся детально изучать штуковину, которая не хотела его отпускать. Разобравшись в механизме, он нажал на рычаг. К ручью он добирался на пяти ногах. В пещеру он возвращаться не рискнул — раз есть ловушка, значит, может появиться и ловец. Вопрос только в том, когда это произойдет. Но, без сомнения, оставаться здесь опасно.

Ближе к рассвету он устроился на отдых, выбрав укромное место под скалой. Спал он весь день. К вечеру ему повстречался еще один ручей. Он привычно проломил лед и наловил рыбы. Эту и следующую ночь он шел по течению. Идти было легко и сытно.

Глава 12

На шестой день он проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте всего в несколько десятков метров над ним пролетел маленький самолет. Самолет уже исчез из виду, когда он услышал направленную мысль.

— Немедленно покинь ручей. Твои следы обнаружены. Преследование продолжается. Я хочу сохранить твою жизнь. Мое имя Джемисон. Немедленно покинь ручей. Твои следы обнаружены...

Постепенно затухая, мысль вскоре исчезла совсем.

Малыш растерялся. Может быть, это ловушка. Его просто хотят заманить. Очевидно, кто-то узнал, что эзвалы разумны. Выходит, тайна раскрыта, а дружба не доказана. Значит, опасна.

Он не хотел сдаваться без боя. Как стрела, выпущенная из лука, он бросился вверх по течению. Вскоре он миновал ущелье. Преодолевая боль в ноге, он поднимался выше и выше. Малыш карабкался до тех пор, пока не оказался на самом гребне, несколько сот футов которого возвышались над окружающим ландшафтом.

Нигде не было видно ни самолетов, ни людей. Облегченно вздохнув, эзвал начал спуск в ущелье.

Ночь настигла его, когда он пересекал пустыню. Пустыня была холодной и бесконечной. Путь ему освещал ущербный спутник, и не было видно тех странных огоньков, которые, по его мнению, были особенностью этой планеты.

Лучи солнца коснулись его через несколько часов, осветив берег моря с разбросанными вдоль него поселками. Малыш остановился в нерешительности. Он топтался на месте, хотя вроде бы нашел то, что искал. Здесь были люди, их можно было убить.

Но сначала нужно скрыться от охотников и залечить ногу. Он решил спуститься в долину и найти место для отдыха. Но...

Из-за ближайшей рощи вынырнул самолет, низко пронесшийся над ним. Малыш видел его лишь мгновение, но узнал — это вчерашний. Самолет начал преследовать его, повторяя каждое движение...

— Я не причиню тебе вреда. Иначе ты бы уже был мертв. Ты обнаружен. Весь район оцеплен. Самолеты ведут поиск. Остановись. Или тебя найдут другие!

Малыш не знал, что делать. Но вопрос решился сам собой: впереди показался поселок, а в миле от него — патрульный антиграв. И эзвал скрылся в ближайших зарослях.

Самолет приземлился футах в пятидесяти. Люк открылся, но никто не вышел.

— Я думал, ты в пустыне. А ты, оказывается, здесь. У тебя один выход: войди в отсек, и я доставлю тебя в безопасное место. Свободу не гарантирую, но жизнь сохраню. Скоро здесь будет площадка антиграва. Люди на ней не знают, что эзвалы разумны. Они тебя убьют! Торопись!

Антиграв действительно приближался. На нем заметили эзвала. Пара сот метров — и они будут тут.

— Быстрей! — услышал он.— Они не должны меня заметить!

Малыш не хотел просто так, без борьбы, расстаться со своей свободой. Но его убедили слова Джемисона: «Люди не знают, что эзвалы разумны...»

Значит, если убить знающего, это знание умрет вместе с ним.

Прижимаясь к земле и прячась за зарослями, Малыш добежал до самолета и скользнул в люк. Дверь, щелкнув, закрылась, и отсек погрузился во тьму. Но прежде чем наступила темнота, он успел заметить, что в отсеке нет ничего, кроме двух маленьких вентиляционных отверстий в стене.

К своему удивлению, Малыш не испытывал досады в связи с тем, что не смог сразу убить Джемисона. Наоборот — вымотанный и физически, и эмоционально, он был даже доволен, что не должен решать свою судьбу.

Снаружи корабля он услышал непонятную ему речь и понятные ему мысли.

— Доктор Джемисон! Мы уже совсем сбились с ног — и все впустую. Вы не встречали такого недоделанного монстра?

Это был голос того, кого на корабле называли «сэр» и «Маклайнен». Причем сэр был настроен столь же враждебно, как и Маклайнен.

В ответе Джемисона Малыш почувствовал иронию.

— Мне кажется, этот недоделанный, как вы изволили заметить, монстр давным-давно покинул данный район.

— Вот как? Посмотрим. По следу идут собаки, и след свежий и четкий. Так что мы не собираемся успокаиваться. Жаль, конечно, что вы не сумели убедить Верховного комиссара в безвредности этого выродка! Но... не расстраивайтесь, мы подарим вам чучело!

Мысль постепенно угасала, а самолет Джемисона набирал скорость. Но вскоре платформа начала догонять его.

— Джемисон! — раздался разгневанный голос капитана.— Немедленно приземляйтесь! Иначе мы откроем огонь на уничтожение!

Малыш ощутил колебание Джемисона: выполнить приказ или попытаться удрать? Но сомнения не отразились на его ответе.

— Что все это значит, капитан?

— Знайте меру, Джемисон! Наш человек в доме на холме видел, как вы приземлились в роще и забрали эзвала. Не буду гадать, как вам это удалось. Может, вы его поймали на приманку в отсеке. Не в этом дело. Мы держим вас на мушке — и это вполне серьезно. Считаю до трех! Раз... Два...

Антиграв вместе с началом отсчета начал снижение. Малыш вслед за Джемисоном увидел ряд картин: разбитый корабль... мертвый водитель... убитый эзвал... Картины впечатляющие. Он ощутил всю горечь человека, не сумевшего осуществить свой план.

Глава 13

Время имеет свойство сжиматься и растягиваться. Если принять во внимание вторую способность, можно в пять минут описать то, что в действительности продолжалось пять секунд.

Первая секунда. Малыш заметил, что мысли этого человека в корне отличаются от рассуждений людей, убивших его

мать. В них не было желания убивать, уничтожать, преследовать... И боялся он иначе. Не за себя.

Вторая секунда.

— Нет времени вдаваться в подробности,— услышал Малыш.— Суть в том, что эзвалы скрывают свою разумность из-за боязни быть уничтоженными. Это верно, но есть одно «но». На животных не распространяется действие Межзвездного кодекса законов. А как разумные существа, вы имеете право на защиту.

Третья секунда.

— Силой вам не выгнать нас с Земли Кэрсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы удалились, если докажете, что сумеете защитить планету без нас. Другого выхода нет. Чтобы доказать правительству вашу разумность, мы должны сотрудничать, а не воевать. Только ради этого я плюнул на репутацию и безопасность. Мы обязаны найти общий язык.

В этот момент корабль коснулся земли. Эзвал попробовал стены на прочность. Не выйдет. В вентиляционные отверстия проходил только коготь.

Четвертая секунда.

— Люди на антиграве — военные, которые все это время шли по твоему следу. Они должны были поймать тебя живого или мертвого. Я опоздал к началу погони и не смог взять дело в свои руки: я настаивал, чтобы тебе сохранили жизнь. Тебя рассматривают как чрезвычайно опасную угрозу. И в верхах посчитали, что Маклайнен лучше справится с этой задачей.

Пятая секунда.

Малыш улавливал другие мысли. Они принадлежали разным людям, но все были гневными, враждебными, раздраженными... Многие из них относились к Джемисону: они считали, что он играет не по правилам. Но у всех сквозило восхищение — Джемисон совершил невозможное!

Пятая секунда закончилась...

...Через пять минут люди подошли к самолету.

— Ситуация вышла из-под моего контроля. Ты поможешь мне, если сообщишь, что думает Маклайнен.

Малыш сел. Он ничего не хотел решать. Он не хотел попадаться на удочку. Но одно он понимал хорошо: Маклайнен наполовину поверил Джемисону. Значит, сейчас или никогда.

Он убьет Джемисона, и Маклайнен убедится, что эзвал — зверь!

Джемисон вышел из рубки к поджидавшим его людям с бластерами в руках. Из динамиков донесся голос Маклайнена:

— Я настолько поражен вашими действиями, док, что не могу решить, что с вами делать. Прошу пройти вперед.

Джемисон молча прошел на указанное место.

— Порядок. Действуйте, Кэрлинг!

Человек, державший в руках маленький металлический цилиндрик, вошел в рубку. Раздалась серия щелчков.

— Предупреждаю, капитан,— раздался резкий голос Джемисона,— если с эзвалом что-нибудь случится, у вас будут крупные неприятности с правительством. Это я вам обещаю.

— Не волнуйтесь. С ним все будет в порядке. Я хочу лишь проверить пригодность отсека для транспортировки. Эзвал будет спать пару часов.

— Очень сомневаюсь. Вы уже успели его предупредить.

— А...— иронически заметил капитан.— Ваша любимая теория. Ну что ж! Посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Вы готовы, Кэрлинг? Приступайте.

— Есть, сэр!

Малыш задержал дыхание. Что такое «несколько минут», он не знал, но знал, что будет держаться до последнего.

— Повторяю. Если вы надеетесь его обезвредить, вы ошибаетесь.

— Он что понимает нашу речь?

— Нет. Он читает мысли.

Уверенность Маклайнена поколеблена.

— Это вы серьезно, док?

— Я серьезен, как никогда раньше. Эзвалы — единственные в галактике телепаты. Мысли они как принимают, так и передают.

— Хм... Такого неплохо иметь на корабле.

— Не сомневаюсь. И это только одно применение из тысячи.

— Все равно. Газ не причинит ему вреда. Кэрлинг! — приказал Маклайнен.— Продлите работу еще на пять минут. Потом можете открывать дверь.

— Пять, десять, двадцать... Какое это имеет значение? Эзвалы — амфибии. Чтобы усыпить его, вам понадобится минимум полтора часа.

Малыш приготовился действовать. Он почувствовал, что Джемисон вплотную приблизился к машине.

— Капитан, я требую прекращения анестезии. Кто может знать, как она подействует на эзвала?!

— Мы неоднократно применяли газ при поимке.

— Вам повезло.

— Ладно. Кэрлинг! Открывайте дверь! Всем отойти!

— Позвольте мне.

Джемисон стоял у люка.

Этого Малыш не ожидал. Враг сам лез в его лапы. Сначала он думал притвориться спящим, а уже потом напасть на людей. Теперь...

Малыш поднялся и двинулся к выходу.

Человек и эзвал стояли лицом к лицу.

Эзвал чувствовал напряжение, которое охватило людей.

Странно. Препятствия отсутствовали, а он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости. Они относились к нему как к зверю. Они были врагами его и его расы. Но человек, стоящий перед ним, был другом. Малыш смутно ощущал, что между ними существует какая-то связь. И что-то еще, не ясное ему. Они были похожи, несмотря на различия.

Человек говорил негромко. Хотя мог вообще не говорить. Эзвал понимал не слова, а мысли.

— Я твой друг. Эти люди — враги. И все потому, что ты не хочешь понять, что они могут быть друзьями. Ты можешь меня убить, можешь погибнуть сам. Но пока мы здесь стоим, на Земле Кэрсона убивают друг друга. В нашей власти их остановить. Ты молод, тебе легче преодолеть барьер. Я не предлагаю легкий путь к спасению. Это очень трудный путь. Слишком много людей и эзвалов считают правыми только себя. Для них животные — все, отличающиеся от них. Тебя будут считать предателем, как эти люди считают меня. Это трудная работа. Но кто-то должен начать. Давай начнем вместе!

Джемисон повернулся к остолбеневшему Маклайнену.

— Капитан, прикажите принести сумку с медикаментами. У нашего гостя повреждена нога.

Маклайнен кивнул головой, и один из его людей бросился в рубку.

Малыш в нерешительности стоял на пороге. Собственно, он уже проиграл. Они поверили в его разумность.

Пришел человек с сумкой и отдал ее Джемисону.

— Если ты ляжешь, я смогу осмотреть ногу и помочь.

Малыш услышал, как люди вокруг мысленно ахнули. И он принял решение.

Он лег и, облегченно вздохнув, вытянул больную ногу.

Глава 14

Туман растаял, открыв во всем величии громаду города.

Джемисон позвонил жене — она первая должна была узнать о его прибытии. Звучит несколько патетически, поскольку это был первый и единственный звонок за четыре месяца, которые он провел в космосе. Если прибавить неделю на Земле, потраченную на охоту за эзвалом, то можно понять, почему при разговоре с женой он испытывал угрызения совести. Правда, не очень сильные.

Война с руллами могла списать и не такие грехи. На второй план отступали и любовь, и семья, и дети...

Дома он был через час. Жена уже успела съездить в Сад за Дизди, и первые минуты встречи переполнили его радостью. Но время не стоит на месте. За минутами прошли часы, дни. Нервы успокоились, и из этого следовало, что можно приниматься за работу. Втянулся он в нее без видимых усилий, мог с закрытыми глазами перечислить все дела, которые требовали его внимания. И не последним здесь было решение вопроса об эзвале.

Ему пришлось заняться этим делом в силу разных причин.

Во-первых, он был главой научного департамента, а идея разумности эзвала ни в ком не вызывала большого энтузиазма. Во-вторых — впрочем, порядок причин можно было и поменять местами,— Земля Кэрсона была одним из трех китов, на котором держалась оборона человечества. В силу этих обстоятельств Джемисон лично занимался эзвалом. Спихнуть такое дело на кого-то другого он не мог, даже если бы кто-нибудь сильно захотел.

Вскоре после прибытия на Землю ему пришлось провести встречу на высшем, так сказать, уровне. В дальнейшем она сыграла роль, которую трудно переоценить.

— Вот здесь! — Палец Джемисона ткнулся в точку на многоцветной карте.— И только здесь!

Это утверждение было обращено к человеку, стоящему у карты.

— Именно здесь, мистер Клэги, должен быть разбит лагерь.

Эйра Клэги смотрел на него с явным неодобрением. С тем же чувством он только что разглядывал указанную точку на карте.

— Почему именно здесь? — Клэги не скрывал раздражения.

— Очень просто,— ответил Джемисон, которого это занятие раздражало не меньше.

Но... на войне как на войне. А война с руллами заставляла администраторов (сейчас он был именно администратором) играть и не в такие игры.

— Нам нужна вакцина. На Мирре ее может дать только молодняк. Нужна она в достаточном количестве, а молодняка больше всего в лесу. Вот вам и доводы, почему лагерь должен быть расположен в указанном месте.

Могучие кулаки Клэги сжимались и разжимались.

— Мистер Джемисон, вы должны знать, что там нет никакого леса. И потом, в джунглях кишмя кишит не только молодняк, но и бог знает какие звери!

Он ткнул своим пальцем в другую часть карты.

— В этих горах тоже не сладко. Но климат более сносный, и зверье не так донимает. Так что результаты выйдут те же, а стоить нам будут дешевле.

Это было очень разумно, но только при одном условии: если Клэги был агентом руллов. И если это так, то агент он, по мнению Джемисона, неплохой. Клэги заслужил столь высокую оценку, потому что группа психологов-аналитиков внимательно следила за реакциями Клэги. Если Клэги допустит малейший просчет, на его столе — как бы случайно — должна мигнуть настольная лампа. Так вот, лампа мигать не хотела.

— Видите ли, Клэги,— возразил Джемисон,— эта вакцина слишком важна для нас, чтобы думать о цене. Нужна она

как можно быстрее. За скорость, вы знаете, выплачивается большая премия. Теперь...

— К черту ваши деньги! — заорал Клэги.— Разве о них речь? Какого дьявола сотни отличных ребят должны сложить головы ни за что?! И потом, я несу полную ответственность за свои решения.

Он медленно опустился в кресло. Темный загар не в состоянии был скрыть краску гнева. Но держался он молодцом.

— Вот смотрите, на краю джунглей есть большой холм. Я писал о нем, мистер Джемисон, в своем докладе. Это, конечно, не бог весть что, но уж получше джунглей. Если правительству, а скорее вам, нужен лагерь на Мирре, мы его построим. Но решаю не только я — решать будут мои люди.

Джемисон скучал. Развлекало его только представление, каким дураком он выглядит в глазах инженера. И потом, похоже, что Клэги все-таки не агент руллов. Ему было абсолютно все равно, где строить лагерь. Хоть на вулкане! Когда делаешь дело, есть ли время думать о безопасности?..

Клэги ушел, и Джемисон после небольшой паузы щелкнул переключателем. Экран засветился. У каких-то хитроумных приборов суетились трое психологов-аналитиков.

— Ну,— сказал Джемисон,— похоже, это он.

— Похоже,— подтвердил один из тройки.— Характер, во всяком случае, один и тот же. Тотализатор определил бы ставки как один к десяти.

— Будем надеяться. Лишь бы руллы не перехватили его до отлета,— сказал Джемисон.

На войне, а тем более с руллами, доверять нельзя никому. Даже на Земле. Они раскинули свою шпионскую сеть по всей галактике, и Земля была ее центром.

Появились руллы из сгустка тьмы. Его можно было назвать туманностью или как-нибудь иначе, расположен он был за пределами галактики, и точный обратный адрес этих носителей зла был неизвестен. Пока гуманоиды устанавливали связь между собой, проводили совещания, мобилизовывали и объединяли флоты, организовывали оборону, были потеряны тысячи систем. Наконец удалось остановить противника, но равновесие сохранялось всего несколько лет. За-

тем руллы снова перешли в наступление, выигрывая одно сражение за другим. Руллы разгадывали все тайны землян, и это могло означать только одно — происходила утечка информации.

Никто не предполагал, что руллы могут принимать любой облик. Но однажды — разве все на свете не случается однажды? — при попытке похитить из Исследовательского центра Земли пакет секретных бумаг был убит «человек», тело которого тут же превратилось в червеобразное существо с многочисленными отростками. Вот тогда человечество и уразумело, какой опасности оно подвергалось.

Буквально через несколько часов были блокированы все населенные пункты на тысячах планет. Каждый человек прошел проверку. Если кого-нибудь и пропустили, результаты были ошеломляющие.

Только на одной Земле было выявлено около сотни тысяч перевертышей. Казалось, со шпионами покончено надолго. Однако руллы очень быстро сумели адаптироваться. Выявлять их теперь стало возможным лишь с помощью сверхсложной аппаратуры и тончайше настроенных детекторов.

А руллы тем временем продвигались вперед. Любые методы борьбы оказывались бессмысленными — их не брали ни микробы, ни бактерии, ни вещества, смертельные для человека. Организм руллов, основанный на фтористом обмене, игнорировал весь набор губительных для других средств. Поиск бактерий, с помощью которых можно было бы продолжать войну, вступил в новую длительную фазу.

Наконец средство было найдено. Им стала вакцина из лимфы животных с Мирры. Причем не всех животных, а молодняка. Знали об этом считаные люди, и Клэги к ним не принадлежал. Ему, например, сказали, что вакцина нужна для регенерационных установок на звездолетах. То же самое должны были узнать и руллы, заполучи они Клэги.

Звяканье коммутатора прервало размышления Джемисона. Попросив у психологов прощения, Джемисон включил экран приемной.

— Мистер Кэлуб Кэрсон,— доложил секретарь.

На экране появилось темноволосое лицо очень серьезного человека. Оно было поразительно похоже на лицо первоот-

крывателя и исследователя Земли Кэрсона. В этом не было ничего удивительного — это был его старший сын.

— Получилось,— сказал он.

— Ага. Значит, я был прав!

Изображение сына прославленного отца исчезло. На экране вновь появился секретарь.

— Я лечу в Исследовательский центр Земли. Если позвонит Клэги, соедините меня с ним тотчас же.

Лифт доставил Джемисона на крышу здания. Здесь, в ангаре, стоял его аэрокар. Два вооруженных охранника проверили документы и сверили отпечатки пальцев. До сих пор это был самый надежный метод определения личности. Борьба со шпионажем охватила всю галактику, и надежный контроль ввели везде, без исключения.

Джемисон подошел к аэрокару. Его внимание привлек странный рисунок на силиконовой поверхности. Он мог дать голову на отсечение, что раньше его не было. Джемисон зажмурил глаза. Потом открыл. Рисунок не исчез. Он вновь закрыл глаза. И опять увидел рисунок, словно тот горел в его голове...

Сев в аэрокар, Джемисон направил его к одному из зданий. «Что за чертовщина?» — подумал он, совершив посадку на крыше высокого здания. Автоматически выключив двигатель, он не вышел из аэрокара — нужно было подождать, пока ему принесут пропуск. Спешащего к нему сотрудника он не узнал — вероятно, новый человек. Но потрясло его не это. Он заметил то, что показалось ему невероятным,— это было не здание Центра! Джемисон повернул голову к сотруднику, желая выяснить недоразумение. И замер. В протянутой руке был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал на лице холодную струю газа...

И наступила тьма.

Глава 15

Первым впечатлением, когда он очнулся, был причудливый и приторный запах гниющих растений. Он качался в парусиновой койке, удобно прогибавшейся под его тяжестью...

Опять приключения! Опять приходилось искать ответы на вопросы. Ну что ж, начнем. Итак, что случилось? Он жертва.

Руллов? Или... А что, на Земле у него была бездна врагов. Да и не только на Земле. Кто же последний? Клэги? Но стоило ли похищать правительственного чиновника. И всего лишь для доказательства своей правоты. Чушь, конечно. Думай, Джемисон, думай. Ага, рисунок на аэрокаре... Что-то парализовало его мозг, заставило выполнить то, чего он и не думал делать. Новая гипотеза? Да... Слишком много вопросов. Подойдем с другой стороны.

Джемисон открыл глаза. Сквозь сплетенные лианы просвечивало зелено-голубое небо. После зрения включился слух. На него нахлынул рев работающих машин. И только потом он ощутил невыносимую жару. Он сел на койке и огляделся. Раскачивание прекратилось. Койка стояла на краю незавершенной просеки. Источником оглушающего рева были рычащие, тарахтящие, стучащие грейдеры, бульдозеры, лесовозы и все то, что появляется вместе с первопроходцами. Вдали он еще заметил пластиковый барак.

«Если это Мирра-23, то здесь я увижу Клэги. Значит, он? Без сомнения. Ну что ж. Дай ему бог силы и ума держать ответ перед Землей».

Теперь Джемисон понял, почему небо имело голубоватый оттенок. Зона находилась под энергетическим экраном. Поэтому и верхушки деревьев слабо светились. Экран отражал световые волны нижнего спектра, и по этой причине красное солнце Мирры казалось белым.

Мимо Джемисона проехала машина, разбрызгивающая инсектициды. Он предусмотрительно перескочил на еще не обработанный участок почвы. Были ли вредны эти самые инсектициды для местного насекомого населения, неизвестно, но то, что человеку они ни к чему,— это уж точно! Перепаханная земля кишела всевозможными тварями, вплоть до знаменитых красных жуков Мирры, убивающих жертв током или бог знает чем.

Джемисон подошел к уже отстроенному зданию. На здании висела табличка. Очевидно, специально для него, Джемисона. «Маридэн компани. Эйра Клэги. Главный инженер». Главный...

Джемисон вошел в барак.

За столом сидел молодой человек лет двадцати. Он с холодным раздражением вопросительно глянул на Джемисона.

— Мне нужен Клэги,— без предисловий сказал Джемисон.

— Кто вы такой?

— Меня зовут Трейвор Джемисон, если вам это что-то говорит.

Сказанное не произвело на юношу никакого впечатления. Он даже не моргнул.

— Имя — да, говорит. Это босс, который платит нам деньги. Но чтобы вы... Ему нечего делать в этой дыре.

— А ваше имя Питер Клэги.

На эти слова юноша отреагировал. Его лицо вытянулось.

— Откуда вы знаете? Впрочем, это ничего не доказывает. Я никак не возьму в толк, как вы здесь очутились. Последний корабль улетел пять дней назад.

Теперь наступила очередь вытянуться лицу Джемисона.

— Пять дней?

Юноша кивнул.

Если к этому сроку прибавить время, потраченное на дорогу до Мирры, получится семь-восемь дней. Значит, Клэги-старший держал его без сознания почти две недели?

— Где ваш дядя?

Питер Клэги держался молодцом.

— Сначала мне необходимо установить вашу личность. И выяснить, как вы здесь очутились.

Он нажал на кнопку коммутатора. В результате этой операции Джемисону представилась возможность узнать кое-что о себе.

— Рост выше среднего, густые рыжеватые волосы, глаза темные... Лоб широкий, лицо выразительное...— описывал его юноша. Потом подумал и добавил: — Пришлите пару человек.

Окончив разговор с невидимым собеседником, он повернулся к Джемисону.

— Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона... Или на рулла, похожего на Джемисона.

Джемисон улыбнулся.

— Я постараюсь рассеять ваши подозрения. Вашу руку, Питер!

Он шагнул вперед и протянул ладонь юноше.

Рука Питера Клэги, лежавшая на столе ладонью вниз, приподнялась ровно настолько, чтобы можно было увидеть прикрытый ею бластер.

— Ни с места,— сказал он.— У вас еще будет время для предъявления документов.

Джемисон реагировал в такой последовательности: внимательно посмотрел на юношу, пожал плечами, повернулся и пошел к выходу.

— Назад! — крикнул Питер.

Понимая, что позади себя он не увидит ничего нового, Джемисон, стоя в дверном проеме, рассматривал открывшуюся пред ним картину. До сих пор он настолько был занят личными делами, что просто не успел сделать это раньше.

Клэги все-таки пошел на определенный компромисс.

Холм, имевший в высоту тысячу футов над уровнем джунглей, не круто, а постепенно врезался в них и не заслонял величественного леса, простиравшегося во все стороны, вплоть до скрытых туманом гор на горизонте. Сам холм был уже почти очищен от деревьев.

И тут он почувствовал знакомый, волнующий трепет восторга. Он всегда ощущал его при виде новых миров, новых звезд... Все они были сказочными, как этот пейзаж.

Вид трех вооруженных людей значительно умерил его восторг, возвращая Джемисона к действительности. Один человек шел чуть впереди. Это был Эйра Клэги. По мере приближения к бараку на его лице все яснее читалось недоумение.

Он молчал, пока Джемисона, не особенно церемонясь, обыскивали, а потом предложил:

— Ну а теперь, мистер Джемисон, изобразите вот тут свою подпись. Я хочу иметь возможность сравнить с документами. Не бог весть какая проверка, но за неимением лучшей... Я бы не делал этого, но, не скрою, меня удивляет ваше появление здесь.

Улыбку Джемисона нельзя было назвать доброй.

— Тот же вопрос я хотел бы задать вам!

Очевидно, длительное пребывание на Земле подействовало на Джемисона не столь благотворно, как бы хотелось. Точность моментально принятых решений и реакция на возникшую ситуацию должна быть безукоризненной. А он допустил просчет. Из выбранного им варианта игры ничего

не получится. И Джемисон, как и все сильные личности, без колебаний сменил стратегию.

Он рассказал о событиях, происшедших после ухода Клэги из его кабинета. Не утаил он и своих подозрений насчет слушавшего его с большим вниманием самого Клэги.

Тот усмехнулся.

— Дать по физиономии я бы смог, но похищать... Это не мой стиль.

И Клэги, в свою очередь, рассказал о том, что было с ним. Выйдя из кабинета Джемисона, он отправился в Клуб звездолетчиков и приказал своим людям готовиться к возвращению. Правительственный чиновник разыскал его в тот момент, когда он безуспешно топил свою ярость в бокале вина. Он объяснил подоплеку дела, в результате чего Клэги отменил приказ и на следующее утро подписал контракт. Загрузка техники и вербовка людей заняли два дня, потом он стартовал на Мирру.

— Все легко проверить, стоит вам связаться с Землей,— сказал он в заключение.

— Это я сделаю в любом случае,— ответил Джемисон.— Как ни правдоподобен ваш рассказ, с этим следует разобраться. К тому же мне нужен корабль.

Субпространственная станция с кольцеобразной антенной оказалась неподалеку.

Из-за огромной панели вынырнул оператор.

— Мистер Клэги, я не успел вам позвонить. У нас опять проблемы. Сгорел конденсатор Мак-Лерана.

— Боюсь, Лендерс, мне придется вас арестовать,— резко произнес Клэги.

Оператор, потрясенный услышанным, не издал ни звука.

— Видите ли, мистер Джемисон,— пояснил Клэги,— этот конденсатор был последним. До прихода следующего корабля мы остались без связи. А это шесть дней.

Серьезность проступка требовала именно таких санкций. Питер Клэги отдал Джемисону свой бластер — чем несказанно обрадовал того — и шагнул к оператору.

— Подстрахуйте меня, пока я произведу проверку.

Стоявший позади Клэги-старший также достал бластер. Под их дулами оператор протянул руки вперед. Питер схватил его за руку и с облегчением повернулся к Джемисону:

— Это человек, сэр!

Напряжение спало. Джемисон поинтересовался, нет ли на планете еще одной станции. Ему сказали, что есть, в десяти милях отсюда, на урановых рудниках.

— Мы можем слетать туда на аэрокаре.

Питер не заставил себя ждать. Через пару минут один из находившихся невдалеке каров уже стоял возле станции, а еще через минуту тысяча футов отделяла их от зеленого лесного покрова.

Питер Клэги уверенно вел корабль. Эйра Клэги молча смотрел в окно. Джемисон размышлял.

Видимо, руллы хотят помешать им получить вакцину. Очевидно... Это ключ ко всему. Они устроили ловушку с этим чертовым рисунком. Они же доставили меня сюда...

Он поежился. Значит, он целую неделю провел на корабле руллов.

...Но почему они его не убили? А почему они должны были его убивать? Ну, погибнет администратор — все равно проект останется. Человека просто заменят. Конечно, они будут действовать хитрее. Они могут вовлечь в интригу Клэги. А что? От него ведь тоже зависел проект.

Присутствие Джемисона на Мирре соответствует их сценарию. И сейчас, держась вполне естественно, он тоже ведет игру по сценарию?

Джемисон снова поежился.

Значит, сценарием предусмотрено, что Трейвор Джемисон вместе с Эйрой Клэги летит здесь, над лесом, на полпути от ближайшей станции.

Так было задумано.

Джемисон встал. Нужно было срочно связаться с рудником. На горизонте сверкнула быстро увеличивающаяся в размерах точка — второй кар. Он был больше и мощнее этого, с бортовым вооружением. Он настигал их.

Джемисон повернулся к пульту и замер: бластер Питера Клэги упирался ему в живот. Он услышал голос Эйры:

— Питер, ты сошел с ума!

С этим криком тот вскочил с места и бросился к Питеру. Но ствол бластера тут же был направлен на него.

— Сдать бластер! Живо!

Джемисон остановил его жестом.

— Будем надеяться, Клэги, что ваш племянник еще жив. Перед вами не Питер Клэги. Это вообще не человек.

Глава 16

Только теперь Джемисон мог кое-чему найти объяснение. Питер не пожал ему руку, боясь, что он окажется руллом. Стало ясно, кем был оператор, чью человечность рукопожатием удостоверил Питер. Он был руллом.

Джемисон внимательно разглядывал «юношу». Его каждый раз поражало совершенство перевоплощения, никогда не разрушающееся в присутствии людей. Джемисону далеко не всегда удавалось увидеть под ним червеобразную многорукость руллов.

Эйра Клэги очнулся от шока.

— Что вы сделали с мои племянником? — угрожающе шагнул он вперед.

Джемисон схватил его за руку.

— Спокойно, приятель. Ему даже не понадобится бластер. С вас хватит того, что он может излучать.

Рулл молча повернулся к пульту и щелкнул тумблером. Кар стал падать в гущу леса.

Другая машина повторила их маневр.

Странно, но второй кар не стал приземляться. Он завис в паре футов от земли. Похоже, они не хотели оставлять следов. Из кабины выскочили двое руллов в человеческом обличье и направились в их сторону. Двигались они, также стараясь не коснуться земли. Джемисон знал причину. Здесь, в гуще леса, можно не бояться оставить следы — но трава кишмя кишела юными лаймфами. Взрослые особи были безобидны и неспособны передвигаться. Молодые же нападали на все, что двигалось. Стоило предмету прекратить движение, и о нем сразу же забывали. А бросались они на все: на качающиеся деревья, на падающие с них листья, на текущую в ручьях воду... Миллионы гибли, атакуя неживые предметы, которым по каким-то причинам вздумалось двигаться. Но тысячам везло. И через два месяца они становились взрослыми: твердыми, похожими на улей конструкциями. Они уже

не могли двигаться. Встречались они на каждом шагу, а точнее, везде, где лаймфы настигали свою жертву. Взрослая особь жила меньше, но жизненный срок компенсировала плодовитостью. Жила она за счет запасов, накопленных до превращения. Фактически вся короткая жизнь проводилась в непрерывном размножении. Дети жили в них, развивались и начинали их поедать. Размножение останавливалось, но к этому времени потомство было так велико, что принималось за пожирание друг друга, плюнув на родственные отношения.

Несмотря на все это, какой-то части удавалось спастись...

Короткое совещание руллов закончилось, и «Клэги» обратился к Клэги:

— Лезьте в кар. Я вас отвезу.

— А Джемисон?

— Он останется здесь. Через час, когда вы за ним прилетите, он будет мертв.

Убить администратора и отпустить инженера? Зачем? В этом не было никакого смысла! Хотя... Все помнят, как Клэги выступал против проекта,— подозрение в любом случае падает на него. Пока будут проводить расследование, проект заморозят. И это все в том случае, если руллы не знают истинной цели проекта. Очевидно, какой-то разведцентр сообщил о повышенной активности людей на Мирре и направил группу агентов. Стандартный, но очень эффективный метод.

Краем глаза Джемисон следил за движением травы. Лаймфы были уже футах в тридцати—сорока.

Он правильно понял план руллов. Круг замкнулся. Теперь можно было действовать. И Джемисон не медлил ни секунды.

— Ступайте в кар, Клэги. Они правы.— Все остальное он произнес уже шепотом: — Мы окружены лаймфами. Я замру и спасусь. Идите.

Последнее слово он произнес громко.

Клэги после некоторого колебания забрался в открытый люк аэрокара руллов.

Джемисон прыгнул в сторону и побежал. Он верно рассчитал: они его не убьют! Это не соответствует сценарию. Иначе они бы давным-давно это сделали. Важно было хоть на несколько секунд отвлечь их внимание. Нервы были натянуты до предела, и, когда он упал в траву, ему показалось, что они лопнули. Сознания он не потерял, но лежал, не в силах по-

шевелиться. Только спустя несколько секунд он понял, что случилось. Один из руллов парализовал его. В голову пришла еще одна мысль, от которой он весь похолодел: если хотя бы один лаймф впился в его тело, когда он упал, то им уже начали обедать и вряд ли что останется от него к ужину.

Ослепительная вспышка осветила темнеющие джунгли! Потом еще одна, еще! Джемисон мог только гадать, что происходило. Глаза резало от яркого света, он не мог их открыть. И через мгновение понял, как это хорошо. Нет, не хорошо. Прекрасно! В поле его зрения, всего в нескольких футах от него, появилась маленькая и очень уродливая голова лаймфа. Он быстро просеменил на своих тоже маленьких, но бесчисленных ножках мимо Джемисона.

Внезапно земля ушла из-под него. Кто-то его поднял. Сначала он решил, что его несут руллы. Но нет. Его нес на руках Эйра Клэги. Домчавшись до аэрокара, капитан втолкнул его в люк.

Уже взлетая, он увидел трех руллов внизу, футах в пятидесяти от места, где только что стоял их кар. Они потеряли не только человеческое подобие, создаваемое блестящими шишками излучателей, но и свою членистую рулловскую оболочку. Об этом уже позаботились лаймфы, с усердием внедряясь в их тела.

Глава 17

— Как-как, говорите, его назвали?

Джемисон находился в своей каюте, на своем корабле. Корабль летел с Мирры-23 на Землю, и хозяин каюты был очень польщен услышанным. Настолько, что задал упомянутый выше вопрос.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это нетактично. Так что зовут его Эфраим.

Джемисон откинулся в амортизационном кресле. Он улыбался. Первым именем, прозвучавшим на Земле Кэрсона среди эзвалов, могло быть его...

Но даже если это не так, все равно это было из ряда вон выходящее событие. Его смело можно было зачислить в разряд выдающихся. «Что в имени?..» Кажется, так сказал один

очень умный и очень древний поэт. Так вот, его умственные способности стоило взять под сомнение. Авторитет спасало то, что таких ошибок он сделал не много.

Выйдя в космос, люди с удивлением узнали, что многие открытые ими расы не пользуются именами. И ни одна не создала развитой цивилизации. Правда, Джемисон должен был с сожалением признать, что за последние сто лет понятие «цивилизованность» трансформировалось так, что любая раса считалась тем цивилизованней, чем активнее она боролась против нашествия руллов.

Что поделаешь, если на практике другого и не требовалось.

— Эфраим...— повторил он, словно пробуя имя на вкус.— А второе?

— Джемисон. Иначе просто невозможно!

Обладатель этого имени рассмеялся.

— Еще один родственничек!.. Жене сообщили?

— Да. Ей звонил я. Думаю, ее реакция была бы обычной, не будь она расстроена сообщением о вашем исчезновении.

Джемисона весьма обрадовало, что кто-то уже успел поговорить об этом деле с Ведой. Разговор принял еще более непринужденный характер. Во время беседы родилась идея: а что, если изготовить индикатор, который издавал бы мысленные импульсы — «Меня зовут...» и так далее.

Потом миллионы таких индикаторов обрушить на Землю Кэрсона. В общем, дофантазировались до того, что со временем индикаторы можно было бы делать в виде таблеток, которые потом растворяются в крови. Таким образом, наличие имени станет кровным делом всех эзвалов. И Джемисон представил, как на эту идею прореагирует Галактический совет.

Отдыхая таким образом, он не забыл соединиться с исследовательским институтом и сообщить о странном рисунке, парализовавшем его. В таком деле, как война с руллами, мелочей не бывает. А через несколько дней он уже сидел в своем кабинете.

— Вас хотят видеть,— сообщил секретарь.

— Включите экран,— откликнулся Джемисон.

На экране появилось взволнованное лицо жены.

Он и сейчас любовался ею. Нежная кожа, антрацитовый отлив волос... Да, она до сих пор сохранила привлекательность, хотя замужество и материнство не могли не повлиять на нее.

— Звонили из Сада. Дизди отправился на поиски источника Звука.

— А...— протянул он.— Тебе не стоит волноваться.

— Я бы не волновалась, если бы кругом не кишели руллы.

— Раз в Саду его отпустили — они знают, что делают.

— Но ведь он ушел на всю ночь!

Джемисон подтвердил известие кивком головы.

— Видишь ли, дорогая, это необходимо. Это неотъемлемая часть воспитательного процесса. Нам нужно подчиниться. Мы ожидали этого уже давно...

И Джемисон сделал, что мог,— он переменил тему.

— Тебе стоит отвлечься. Пройдись по магазинам и, пожалуйста, не жалей денег. Не расстраивайся. Главное — беречь не деньги, а нервы. До свидания, дорогая!

Когда лицо супруги на экране растаяло, Джемисон, закончивший столь достойным афоризмом разговор с женой, встал из-за стола и подошел к окну. Напротив возвышалась громада Бюро. Она закрывала собой и проспект, и Корабль. Еще дальше тянулись пригороды. И так до самого горизонта.

А где-то там, внизу, его сын искал источник Звука.

Темнело. Дизди Джемисон, отпрыск очень знаменитого и постоянно исчезающего отца, шел по улице и размышлял о природе Звука. Собственно, этим он занимался всю свою жизнь. Слишком громко сказано? Но это так, если учесть, что Звук никогда не прекращался. Правда, ему говорили, что где-то там, снаружи, его нет. Но он этому мало верил. Разве мало ему говорили неправды с единственной целью — избавиться от его вопросов. Так что и слова про Звук могли быть ложью. И ему очень хотелось доказать это.

Звук был с ним все время: в Саду, в его комнате, говорил он или молчал. Даже во сне Звук не прекращался. Он к нему привык. И замечал лишь тогда, когда хотел этого. И сегодня Дизди решил отыскать место, где Звука нет. Сначала на одной улице, потом на другой... Вскоре он сбился со счета. Поужинав в маленьком бистро, он снова вышел на улицу.

В ста футах от него стоял человек. Впервые Дизди обратил на него внимание минут десять назад. Что-то в нем вызывало смущение и тревогу. Надеясь ускользнуть, Дизди перебежал

на другую, более многолюдную улицу. Он очень надеялся, что это не рулл.

Но там к первому присоединился второй. Не сказав друг другу ни слова, они пошли в его сторону. Дизди подавил в себе желание удрать. Если это руллы, все было бесполезно.

— Малыш!

Дизди остановился и уставился на них, словно видел впервые.

— Не позднее ли время ты выбрал для прогулки?

— Эта ночь моя, сэр.

Один из них полез в карман. Движение было странным. Казалось, рука перемещается отдельно, сама по себе. Когда он таким же образом вынул ее, в ней оказался значок.

— Мы агенты Бюро,— сказал обладатель значка, который он уже успел вновь засунуть в карман.— Ты должен идти на Проспект.

Сопротивляться было бесполезно.

Обед уже закончился, когда раздался входной звонок.

Джемисон открыл дверь. Перед ним стояли два офицера полиции.

— Доктор Джемисон?

— Да.

— Трейвор Джемисон?

Джемисон подтвердил и это.

— Отец девятилетнего Дикстера Джемисона?

— Да.

— Наш долг, в соответствии с законом, сообщить вам, что ваш сын попал в руки руллов. В последние часы его жизнь находится в смертельной опасности.

Молчание Джемисона офицер использовал для того, чтобы вкратце сообщить суть происходящего.

— Нам известно, что руллы сосредоточиваются в районе нашей Солнечной системы. Уследить за всеми невозможно. Мы лишь производим подсчет их численности. Вам не нужно объяснять, что важнее узнать их конечную цель, чем ликвидировать отдельные группировки. Ясно одно — мы имеем дело с широкомасштабной операцией. И мы делаем первые шаги на пути к ее разгадке. Хотите ли узнать что-нибудь еще?

Джемисон пребывал в раздумье. Пока Веда возится на кухне и не слышит, кто пришел, нужно было узнать то, что беспокоило его в этот момент больше всего.

— Я должен понять это так, что в ближайшее время вы не будете заниматься освобождением моего сына?

— У нас отсутствует информация о намерениях руллов. Ситуация должна созреть, поэтому мы не вмешиваемся. Это все, сэр. Можете нам звонить, у нас на звонки нет времени.

— Благодарю,— неизвестно за что поблагодарил Джемисон.

Он вернулся в комнату, когда из кухни раздался голос Веды.

— Кто приходил, дорогой?

— Разыскивают человека по имени Джемисон. Но не меня.

— А-а-а...— услышал он в ответ.

Больше она об этом не вспомнила, сразу позабыв о происшедшем. Джемисон о нем помнил. Но пошел спать.

Глава 18

Дизди понимал — сопротивляться не нужно. Надо сорвать план, задуманный руллами. Сначала этот план, конечно, нужно было узнать. А потом ждать инструкций. Этому его учили в Саду.

Пока эти двое притворялись людьми. И Дизди покорно шел за ними. Стало светать. На черном небе четко проступал контур Корабля. Дома вдоль Проспекта, отдавая накопленную за день солнечную энергию, слабо светилось.

Руллы с Дизди на буксире подошли к барьеру проходной. Они остановились у металлической плиты восьми футов шириной и стали разглядывать расположенные над решеткой вентиляторы...

Когда-то, в начале войны, охраняемые зоны окружали бетонные заборы с электрозащитой. Но вскоре выяснилось: ток для руллов не преграда, на колючую проволоку они просто не обращают внимания, бетон под их излучением превращается в пыль, в результате чего среди ремонтников оказалось полно шпионов. Шпионы саботировали работу, совершая убийства. Вооруженные патрули, сами того не желая, помогали им, слишком часто убивая своих. Мириться с таким поло-

жением дел стало просто невозможным. В результате несколько лет назад был создан вентиляционный барьер. Этим барьером был огражден Пригород. Люди на него не реагировали. Зато руллов он убивал в считаные минуты. Стоит ли говорить, что конструкция барьера была сверхсекретной.

Дизди воспользовался нерешительностью своих спутников.

— Благодарю вас. Дальше я могу идти сам.

Один из них рассмеялся. Его смех только с большой натяжкой мог сойти за человеческий. И эта натяжка все портила.

— Слушай, парень, ты наверняка занимаешься спортом. Не согласишься ли нам помочь?

— Помочь?

— Видишь этот барьер?

Дизди кивнул.

— Отлично. Мы уже говорили, что служим в тайной полиции. Той, что против руллов. И недавно мы обнаружили путь, по которому должен пройти рулл, прежде чем погибнуть. Все дело в барьере. Но, понимаешь, получился слишком странный результат. И перед тем как доложить наверх, нам бы хотелось его проверить. Если мы ошибаемся, нас засмеют. Так что без проверки не обойтись.

«Никто не должен нарушать планы руллов». Этот совет так часто повторялся во время учебы, что отложился в мозгу в форме приказа. Можно было понять желание учителей уберечь детей от опасности.

Дизди колебался. Он не знал, что сказать,— да или нет. Но годы учебы взяли свое.

— Все, что нужно,— пройти через барьер и вернуться,— услышал он.

Не говоря ни слова, Дизди выполнил приказ. Какую-то долю секунды он еще колебался — вернуться или бежать к зданию футах в тридцати от него. Но тут же сообразил, что не успеет сделать и нескольких шагов, как руллы его убьют. И он вернулся.

По улице, в направлении барьера, шла группа людей. Руллы и Дизди насторожились, уступая им дорогу. Дизди подумал, что это полиция. И ему отчаянно захотелось, чтобы все шло по плану, который он не должен нарушить. Люди тем

временем неторопливо перешли через барьер и скрылись за углом здания.

— Нужно быть осторожным. Совсем ни к чему, чтобы нас заметили,— сказал рулл.

На этот счет Дизди имел свое мнение, но делиться им он не собирался. Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Дизди выполнил то, что его просили. Он чуть не заплакал, думая, что его убьют, но выдержка, которой его учили в Саду, и на этот раз не подвела. Руку пронзила острая боль. Он вскрикнул.

— Пустяки, парень. Что для тебя капля крови? Нам она нужна, поскольку мы подозреваем, что все дело в бактериях. Пульверизаторы разбрасывают их раз в несколько секунд. Они безвредны для нас, но смертельны для руллов. Чтобы бактерии не носились в воздухе, их засасывают вентиляторы, и они могут быть использованы многократно. Во всяком случае, мы так предполагаем. Теперь ты все понял?

Дизди был потрясен.

Если это так, мало кто знал об этом. Неужели руллы разгадали тайну?

Второй рулл возился в тени здания, изредка озаряемый вспышками света. Очевидно, он исследовал кровь Дизди — ведь тот только что побывал за барьером.

— Бактерии, попавшие на человека, тут же гибнут. Они, видимо, одного вида, иначе невозможно сделать несколько циклов. И если руллы получат иммунитет к этому виду бактерий, они легко преодолеют барьер. Как ты сейчас. Представляешь, что они натворят внутри Пригорода? — вопросом закончил свои пояснения стоящий рядом с Дизди рулл.

Но молчал он недолго.

— Подожди немного. Мой приятель, по-моему, закончил анализ.

Подойдя ко второму руллу, он начал что-то обсуждать с ним. Совещание длилось не больше минуты, и рулл вернулся.

— О'кей, парень. Ты свободен. В случае чего, мы тебя не забудем.

Дизди не верил своим ушам.

— Это все?

— Все.

Дизди бросился к барьеру. Руллы двигались за ним, не пытаясь его задержать. Вдогонку он услышал только крик одного из них.

— Эй, парень! Смотри, тут еще пара ребят. Вы можете искать Звук вместе.

— Кто добежит последним, тот рулл,— пробегая, крикнул один из них.

Они наперегонки неслись к барьеру. Дизди бросился за ними.

— Меня зовут Джимми,— представился один из них, когда они пересекли барьер.

— А меня Джилл,— сказал второй, еще не совсем отдышавшись после бега.

— А я — Дизди,— представился Джемисон-младший.

У каждого был свой Звук. Но искать можно было вместе.

К ним подкатил кар и остановился, как только мальчишки попали в поле зрения его фотоэлементов. Трое следопытов сели в него и помчались по Пригороду, разглядывая проносящиеся мимо краны и механизмы.

Дизди никогда не бывал здесь ночью. В другое время он был бы очень взволнован такой поездкой. Но сейчас его голову занимали совсем иные мысли. Кто эти ребята? Тоже руллы? Но те никогда не забирались так далеко. То, что они пробежали барьер, могло оказаться не простой случайностью... Но как бы то ни было, он собирается с ними сотрудничать.

Так его учили. Таков закон...

Он уже достаточно долго искал источник Звука. Но куда бы он ни заходил, в какой бы зал ни заглядывал, Звук не стихал. Они больше ни разу не пересекали барьер. Если и была здесь преграда для руллов, она была незаметна. Двери зданий оставались широко распахнуты. Его надежда на то, что где-нибудь в закрытом помещении встретится воздух, смертельный для руллов, не оправдалась. Ни одна из комнат не была закрыта.

Хуже всего то, что вокруг он не видел ни души. Ожидать помощи не приходилось. Можно было лишь постараться узнать, кто его спутники. Если это руллы — как определить, есть ли у них оружие, способное причинить вред людям или Кораблю?

Они вошли в громадное, площадью в половину квадратной мили, здание. Джилл и Джимми двигались за ним. Пол

в здании отсутствовал. Вместо него они увидели гигантскую пропасть, наполненную какими-то кубическими конструкциями. Ближайшая из конструкций находилась в четверти мили от уровня пола и была настолько прозрачна, что на много миль в глубину можно было видеть вспышки огромных ядерных реакторов.

Наконец-то в этом царстве пластика и металла они увидели женщину. Она доброжелательно кивнула им и спросила:

— Ищете источник? А вы знаете, кто я?

И, не дожидаясь ответа, сама сообщила:

— Я — Чувствующая.

Джимми и Джилл помалкивали. Дизди сказал, что знает о ней. Ему рассказывали в Саду о таких людях. Они каким-то образом (он не запомнил каким — кажется, по изменению кальция в крови) могли следить за ходом ядерных реакций. Регулирование количества кальция давало им возможность жить очень долго, более века. Но...

Дизди был разочарован. Женщина не разрешила его сомнений. Она не подала знака. Но тогда, может быть, она что-то расскажет о Звуке?

— А эти реакторы могут издавать Звук?

— Конечно.

— Что-то не верится.

— Вы неплохие ребята, и я вам помогу. Я каждому шепну ключ к разгадке. Ты будешь первым,— указала она на Дизди.

Дизди подошел к ней. Она склонилась над ним и шепнула в самое ухо:

— Не выказывай удивления. Под металлическим перекрытием тротуара, сразу у входа, ты найдешь маленький бластер. Иди вниз по эскалатору-7 и направо до бруса со знаком «Р». Если понял, кивни.

Дизди кивнул.

— Спрячь бластер в карман и не применяй до приказа. Счастливого пути!

Она выпрямилась.

— Дальше действуй сам,— сказала она громко и подошла к Джимми.— Теперь твоя очередь. .

Тот покачал головой.

— Мне не нужны подсказки. Не люблю шептунов.

— Я тоже,— присоединился к нему Джилл.

Женщина улыбнулась.

— Хорошо. Тогда скажите, вы знаете, что такое миазмы?

— Туман, дымка,— ответил Джимми.

— Это ключ. А теперь шагайте, через четыре часа рассвет.

Когда Дизди обернулся, женщина в своей неподвижности походила на продолжение кресла, в котором сидела.

Она молчала, но Дизди уже знал — Земля в опасности. И молча зашагал к выходу.

Глава 19

«О господи! И тут не дают поспать!»

Это первое после сна эмоциональное восклицание возникло в мозгу в результате того, что кто-то теребил его за плечо. Он вздохнул, перевернулся на другой бок... и открыл глаза. На его постели сидела Веда. Джемисон глянул на часы: двадцать две минуты третьего.

«Черт возьми. Я должен выспаться, наконец!»

Это было второе эмоциональное восклицание. И тоже мысленное.

— Я не могу заснуть — хныкающим голосом сказала Веда, хотя это было и так ясно.

Выглядела она очень расстроенной. Джемисон проснулся окончательно.

— Милый,— прошептала она.

Джемисон пошевелился.

— Любимый...

Он снова закрыл глаза.

— Дорогой, проснись. Пожалуйста. Я так волнуюсь.

— И потому хочешь, чтобы я не выспался?

— Извини меня, я не хотела тебе мешать.

Слова явно расходились с поступками. Ясно, что произносятся они автоматически и извинения тут же вылетают из ее головы, не оставив и следа.

— Милый.

Ассортимент ласковых слов был невелик.

Он промолчал.

— Мы должны узнать...

Джемисон попытался было совсем не слушать то, что она говорит, но мозг уже начал анализировать сказанное, плюнув на его желания. Результат анализа был малоутешительным. Требовалась дополнительная информация.

— Что узнать? — произнес он.

— Сколько их.

— Кого?

— Ребят на улице...

Он ожидал худшего.

— Веда, мне ведь утром на работу.

— Работа! Работа! — В ее голосе звучал не то сарказм, не то презрение.— Думаешь ли ты о чем-нибудь еще? Остались ли у тебя какие-либо чувства?

Вопросы повисли в воздухе. Джемисон молчал. И сразу же за вопросами последовал вывод:

— Ты и подобные тебе — слишком бесчувственны!

Дальше так продолжаться не могло. Он сел и включил свет. Теперь она видела его лицо.

— Если ты думаешь меня оскорбить,— предупредила Веда,— то совершенно напрасно.

— Радуйся, дорогая, ты своего добилась. Я проснулся.

— И вовремя. Если не позвонишь ты, это сделаю я.

Джемисон щелкнул пальцами.

— Хорошо, я позвоню. Только не стой у меня над душой. Представляю, что обо мне подумают люди. Ну ладно, сиди здесь.

Он вышел из спальни и прикрыл за собой дверь. Затем набрал номер подсказанного телефона. На экране появилось лицо солидного человека. Человек носил адмиральскую форму и был знаком Джемисону.

— Дело обстоит так, Трейвор. Ваш мальчишка был в лапах двух руллов. Это продолжается и сейчас, правда, первых двух сменили двое других. Они прорвались сквозь барьер, следует признать, очень оригинально. Сейчас в Пригороде около ста руллов в человеческом обличье. Собрались они со всей Солнечной системы. Это говорит о важности их намерений. За последние полчаса ни один рулл не пересек барьер — значит, все они уже там.

— А что с моим сыном?

— Пока он им нужен. Все, что мы смогли сделать,— попытались снабдить его оружием.

Джемисон понял, что о сыне никакой другой информации он не получит.

— И что же, вы преспокойно позволили сотне руллов проникнуть за барьер, не зная, что им нужно?

— Мы хотели узнать, зачем они это сделали. Понимаю, это не лучший вариант, но нужно же узнать, чего они хотят. Оправдан ли такой риск? Как и любой другой. Нужно дать им высказаться. Для спасения вашего сына мы сделали все, но сами понимаете, ничего обещать мы не можем.

Джемисону не было нужды объяснять, что даже смерть Дизди для военных была бы не больше чем печальным эпизодом. Газеты потом сообщат, что потери минимальные. А может быть, из мальчика сделают сенсацию на один день. Ни то ни другое Джемисона не устраивало.

— Боюсь,— завершил разговор адмирал,— мне нужно идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю — я должен наблюдать. До свиданья.

Экран погас, а Джемисон сжал руку в кулак и попытался успокоиться. Он вернулся в спальню.

— Все в порядке. Можешь быть спокойна.

Ответа не последовало. Голова жены лежала на подушке. Видимо, Веда прилегла на секунду и уснула. Дышала она тяжело, глаза были мокрыми от слез. Он решил помочь ей и ввел в ее кровь усыпляющее средство — сайрендж. Она тут же расслабилась, дыхание стало ровным и спокойным...

Джемисон позвонил Кэрсону.

— Возьми Эфраима. Скажи, что он нужен моей семье. Отвези его в штаб-квартиру службы безопасности около Корабля. Возьми хороший контейнер. И чтобы никто ничего не заметил.

Потом Джемисон оделся и уже через пару минут сам мчался к зданию штаб-квартиры. Он знал, что военные, конечно же, будут против привлечения эзвала к этому делу. Но Джемисон имел личную привилегию, которую он и тем более его мальчик заслужили.

— Что она тебе шептала? — спросил Джемисон.

— То же, что и вам,— ответил Дизди.

Они спускались по эскалатору под Проспект. Джимми, казалось, над чем-то задумался. Наконец они достигли тротуара. Невдалеке Дизди заметил брус с буквой «Р».

— Какой смысл было шептать на ухо, если потом она все это сказала вслух? — вдруг услышал Дизди.

По спине пробежала дрожь, но он взял себя в руки.

— Кто ее знает. Наверное, решила пошутить.

— Пошутить? — переспросил Джилл.

— Что мы тут потеряли? — перебил его Джимми, явно обеспокоенный остановкой.

— Я устал,— ответил Дизди и уселся на тротуар.

Оба рулла стояли по другую сторону тротуара. Дизди запустил руки под металлическое покрытие и нащупал бластер. Руллы, по всей видимости, что-то горячо обсуждали между собой или, может быть, еще с кем-то. Дизди незаметно спрятал бластер в карман. Только теперь он ощутил, как дрожит под ним тротуар, передавая эту дрожь ему. Какова же должна быть вибрация под Кораблем?

Город был построен из металла. Но даже хитроумные антивибрационные покрытия не устраняли дрожь, которую создавали сконцентрированные на малой площади источники энергии, атомные реакторы, машины, штампующие стотонные плиты. И все это работало с предельной нагрузкой.

Город был построен восемь лет назад для колоссального Корабля. Каждая семья жила здесь только потому, что кто-то из родителей был специалистом, участвующим в постройке Корабля, или же у них был ребенок, которому предстояло на нем летать. А как еще научиться владеть и управлять Кораблем, если не расти вместе с ним?

В Корабле — высота его составляла тысячу футов — был сконцентрирован тысячелетний инженерный гений человечества. Прибыв сюда, государственные чиновники лишь ошеломленно крутили головами, пораженные увиденным.

И когда Корабль взлетит — Дизди будет на нем!

Пока он предавался своим восторженным мечтам, рядом с ним появились двое руллов.

— Пошли! — сказал один.— Зря мы тут болтаемся.

Дизди пришлось спуститься с эмпиреев на Землю.

— А куда? — спросил он.

— Как куда? Искать Звук! — прозвучал ответ.

— Пошли,— сказал Дизди без колебаний.

На здании, к которому они подошли, горела неоновая надпись: «Исследовательский центр». На площади перед зданием, группами и поодиночке, толпились мальчишки всех возрастов. Были и такие, что, казалось, только сегодня научились ходить.

Дизди попытался оценить обстановку. Может, это тоже роллы. А может, даже все? Но разве мог дать волю таким мыслям Джемисон-младший? А тем более поддаваться панике!

Исследовательский центр. Это здесь выведена смертоносная для роллов бактерия. Но что нужно роллам? Узнать секрет? Вывести центр из строя? Ликвидировать защиту? О такой опасности им говорили в Саду.

Все без исключения двери Центра, в отличие от тех, что ему до сих пор встречались, были закрыты.

— Открой, Дизди! — попросил Джимми.

К ним подошли двое. Один из них окликнул Дизди.

— Привет, парень! Мы уже встречались, а?

Дизди повернул голову. Это были давешние агенты службы безопасности. Или другие — какое это сейчас имело значение?

— Рады тебя видеть. Мы проводим новый эксперимент. Войди в дверь — это поможет в борьбе с роллами.

Дизди кивнул. Он ощутил такую слабость, что голос мог бы его выдать.

— Значит, так. Войди туда,— пояснил ролл,— постой несколько секунд, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. Только и всего. Тебя устраивает такой вариант?

Дизди снова кивнул. Он вошел в Центр, и двери автоматически захлопнулись за ним. Он очутился в небольшом зале, но здесь не было ни души. Поэтому Дизди решил не бежать. Почему здесь никого нет? Ведь все институты Пригорода работают в круглосуточном режиме.

Дверь распахнулась. За порогом он увидел Джимми, Джилла, остальных ребят. Они молча смотрели на него.

— Иди сюда,— позвал его голос,— только сначала вдохни воздуха.

Дизди вдохнул и вышел. Двери тут же закрылись.

— Выдохни,— сказал ему рулл, протянув стеклянный сосуд с резиновой трубкой.

Дизди сделал, как ему приказали. Рулл передал сосуд своему спутнику, и тот отошел с ним за угол.

— Что ты заметил в здании? — спросил оставшийся.

— Воздух какой-то странный, густой и тяжелый. А так — больше ничего.

— Мы должны снова взять у тебя кровь. Дай палец.

Дизди подчинился.

К ним подошел Джилл и спросил с энтузиазмом:

— Я могу что-нибудь сделать для вас?

— Иди помоги моему другу.

Джилл со всех ног бросился за угол.

Прошло достаточно времени, прежде чем руллы появились. Дизди усмехнулся.

Стоявший рядом с ним рулл поспешил навстречу. Непонятно, разговаривали ли они, но если и общались, то, конечно, не при помощи звуков. Потом рулл, который больше других контактировал с Дизди, вновь подошел к нему.

— Ты снова очень помог нам, парень. Мы внесем особый вклад в войну. Оказывается, в воздухе примешан газ с фтористыми соединениями. Само по себе оно вполне безвредно. Даже для руллов. Но при этом рулл не может излучать — возникают неустойчивые анионы, которые их убивают.

Дизди очень внимательно выслушал объяснение, в котором он почти ничего не понял. Этого и следовало ожидать, учитывая внимание, с каким он слушал в Саду курс химических реакций и соединений.

— Да...— протянул «агент» с удовольствием.— Интересная идея: рулл сам себя убивает. Ребята,— обратился он к стоящим рядом паренькам,— вы, по-моему, хотели заглянуть внутрь? Так что же вы стоите? Давайте двигайте! Я тоже пойду, но прежде хочу немного потолковать с приятелем. Давай отойдем.

Последняя фраза относилась уже к Дизди. Он отвел его в сторону. «Дети» потоком хлынули в здание. Они хотели узнать все секреты. Как не понять «детское» любопытство?

«Кто-то должен им помешать,— думал Дизди.— И чем это раньше произойдет, тем лучше».

— Должен тебе сказать — и этот разговор должен остаться между нами,— ты сделал сегодня важную работу. Мы долго этого ждали. Сегодня в полночь люди покинут Исследовательский центр. Только два электронщика подключат кое-что из оборудования и динамики у двери. Разрушить их не представляет для руллов никакого труда. Что поделаешь — люди слишком уверовали в свою бактерию. И мы подумали вот что: руллы, понятное дело, захотят проникнуть в Центр. А коль они туда попадут, передать информацию не составит для них большого труда. Удрать они могут поодиночке, не привлекая особого внимания. Это, безусловно, опасно, но возможно. И вот теперь мы эту возможность предотвратили.

Он говорил что-то еще, но Дизди его уже не слушал. Он прислушивался к шепоту, доносящемуся откуда-то сверху.

— Дизди,— услышал он,— не подавай виду, что ты меня слышишь.

Напряжение, первоначально охватившее Дизди, спало. Он не знал, не воспринимают ли руллы шепот по каким-то своим физиологическим причинам, но, похоже, это было так.

— Ты должен войти в здание. За дверью остановись и жди инструкций.

Дизди, кажется, догадался, откуда доносится звук: сверху двери. Ведь рулл говорил ему что-то об оборудовании и динамиках над дверью. Конечно, шепот шел оттуда. Но как проникнуть внутрь здания, если рулл не отходит ни на шаг?

В это время тот уже распространялся о награде, которую Дизди, безусловно, заслужил.

У Джемисона-младшего наконец созрел план.

— Боже мой! — воскликнул он в отчаянии.— Наступает рассвет, а я так ничего и не нашел! Я хочу войти в здание.

— Верно, не теряй времени,— согласился рулл.— Иди и будь осмотрительным.

Дизди распахнул дверь, но рулл остановил его.

— Погоди,— сказал он.

И, привстав, дернул что-то над дверью. К ногам упали провода.

— Теперь можешь идти. Я отключил динамики. Посмотри там, что делают другие ребята.

Дверь за Дизди захлопнулась.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне очень жаль, Трейвор, но надеяться больше не на что. Мы бессильны — они отключили связь.

— Что он должен был сделать, адмирал?

— К сожалению, это тайна.

«Я уже прочел мысли адмирала. Хочешь связаться с Дизди?» — поинтересовался из контейнера Эфраим.

«Да!» — не раздумывая ответил Джемисон.

Вначале шепчущий голос напугал Дизди.

«Руллы в здании безоружны, на излучение им рассчитывать не приходится. Я вижу двоих ребят».

В самом деле, в конце зала у стола стояли двое. Дизди не понял, что происходит, но голос уверенно продолжил:

«Дизди, возьми бластер и убей их».

Это было более понятно. Пять лет его постоянно готовили к такому моменту, и он успокоился. Не было оружия, которым бы он не владел в совершенстве,— иначе ему было бы нечего делать в Саду.

Джемисон-младший сунул руку в карман и вынул бластер.

Из дула вырвалась струя голубого пламени. Она была направлена точно на руллов, как учили. Те съежились, почернели и мягко осели на пол.

«Отличный выстрел!» — похвалил эзвал.

Только тут Дизди сообразил, что голос звучит внутри его.

Дети в комнате менялись на глазах. Собственно, их и детьми назвать уже было нельзя. Дизди и раньше видел руллов на фотоснимках. Но сейчас это его потрясло.

«Все двери здания блокированы,— звучал голос внутри его.— Войти и выйти никто не может. Снаружи никого нет. Обойди все здание и убивай всех, кого встретишь. Каждого! Здесь нет людей, только руллы. Убивай без всякой жалости!»

Вот она, настоящая работа! И совсем не важно, что он делал это впервые. Навыки, заложенные в подсознание, справились со своим делом...

Через короткий промежуток времени Джемисон-старший уже слушал доклад эзвала:

«Твой сын уничтожил всех руллов в здании Центра. Он будет оставаться там до тех пор, пока не перебьют всех снаружи».

Сын есть сын!

«Спасибо,— сказал Джемисон.— Это было великолепно!»

Адмирал с воодушевлением рассказывал Джемисону:

— Да, это была великая победа! Конечно, руллы снаружи пытались сопротивляться. Но мы сменили бактерии в барьерах, и это предопределило их поражение!

Он немного задумался.

— Одного не могу понять: как ваш сын догадался, что ему нужно делать?

— Об этом я скажу в специальном разделе моего рапорта.

— Что? Вы напишете рапорт?! — вскричал ошеломленный адмирал.

— А вы что думали? — вопросом на вопрос ответил Джемисон.

Переулок, в который занесло Дизди, носил поэтическое название «j 2». Больше никаких достоинств у него не было, если не считать обнаруженного в нем геликоптера. Дизди получил возможность взлететь на вершину холма, откуда днем был виден Корабль во всей красе. На холме стояли и сидели несколько ребят. Дизди не знал, руллы это или нет, но почти не сомневался. Руллам было совсем ни к чему участвовать в этом ритуале.

Дизди уселся под кустом, рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут?

— Март.

— Ищешь Звук?

— Ага.

— И я.

Наступил рассвет. Корабль стал виден еще отчетливей. Его металлическая оболочка постепенно начинала пылать, зажженная сиянием восходящего солнца. Самого светила еще не было видно. Сияние скользило по металлу все ниже и ниже. И это продолжалось до тех пор, пока из-за горизонта не показался край солнца.

Чем выше поднималось солнце, тем больше становился Корабль.

А может, так просто казалось? Во всяком случае, стоэтажное здание административного центра напоминало маленькую и тоненькую подпорку.

Гордость пополам с восторгом переполняла Дизди, когда он смотрел на Корабль. Тот будто бы плыл в солнечных лучах, поднимаясь все выше и выше...

«Конечно,— подумал Дизди,— еще не время. Но день придет. И величайший звездолет, созданный руками человека, устремится вперед, в пространство. И война кончится!»

В эти возвышенные чувства вмешалось чувство голода. Вмешалось без приглашения, но настойчиво, что заставило Дизди спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике и полетел домой.

Джемисон был в спальне, когда хлопнула входная дверь. Он сжал пальцы жены.

— Это Дизди. Он устал, пусть отдохнет.

Веда молча освободила руку и направилась в свою спальню.

Дизди тихо прокрался через темную гостиную — шторы плотно закрывали окна — и включил свет. Вместе с лампой вспыхнули индикаторы на панели домашнего робота-учителя.

— Я понял, что такое Звук,— сказал Дизди.

— Что же?

Дизди ответил.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь можешь идти спать.

Скользнув под одеяло, Дизди снова ощутил легкую вибрацию. Он слышал скрип пружин, дрожь пластикового окна... Вместе со всеми вещами дрожал пол.

Но Дизди счастливо улыбался. Его не удивило появление Звука.

Это и были «миазмы» Пригорода, туман вибрации...

Теперь Звук останется с ним навсегда. Что изменится, когда Корабль будет построен? Он — часть жизни Дизди. С этим он и заснул.

Глава 20

Проснулся Джемисон как обычно. То есть сон слетел с него мгновенно, если принять во внимание еще и события прошедшей ночи.

Пройдя в спальню жены, он увидел ее спокойно спящей и облегченно вздохнул.

Джемисон на цыпочках пробрался в ванную комнату, принял душ и побрился. За завтраком он прикинул варианты — в какой степени и как прошедшая ночь отзовется в будущем.

При всей значимости произошедшего он выделил одно: эзвал не подкачал.

Рапорт, который он написал уже на работе, говорил о важности того, что случилось. Ночные события по своему значению он ставил никак не ниже самой постройки Корабля.

«Использование телепатии в качестве связи между различными расами,— писал он,— дело будущих исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории галактики».

Он размножил доклад и разослал его заинтересованным лицам. Первым откликнулся видный военачальник.

«Интересно, были ли приняты все меры предосторожности при общении эзвала с людьми, причастными к исследованиям?»

Это означало — развивались ли события в соответствии с параграфом, помеченным грифом «Строго секретно».

«И не следует ли в данном случае,— задавал вопрос бравый вояка,— уничтожить эзвала, чтобы соблюсти предосторожность?»

Заинтересованное лицо, приславшее такой ответ, больше напоминало морду. Морду тупого и очень упрямого животного с одной извилиной, в которой прижилась единственная мысль. И в этой мысли ощущался страх, как бы кто-то не узнал его тайну. Нет, Джемисон ничего не имел против сохранения секретности. Но нельзя же выполнение параграфов доводить до идиотизма. А ведь этот и подобные ему отклики были размножены и разосланы вместе с рапортом.

Как ни хотелось, но Джемисон написал ответ на ответ. В нем он доказывал, что эзвал не контактировал с людьми, располагающими секретными сведениями. Сам же он располагал минимумом фактов, да и те не составляли секрета для руллов, от которых и мог получить их эзвал.

Конечно, тут было одно слабое место — эзвал мыслей руллов читать не умел, но об этом никто не знал, а для игры в честность времени явно не хватало.

«Кроме того,— объяснил он,— ждать повторения подобной ситуации не приходится, во всяком случае в ближайшее время: вряд ли к нам попадет еще один эзвал, столь расположенный к сотрудничеству. К тому же от того, сохранят ли жизнь Эфраиму, зависит возможность сотрудничества между Землей и расой эзвалов, если те узнают о случившемся».

Эта бумага также была размножена и отправлена по адресам.

В целях безопасности Джемисон перевел эзвала в другой отсек. Он это делал — как говорилось в мотивировке — с одной лишь целью: в новом отсеке эзвал будет лишен любых контактов с носителями секретной информации.

До вечера пришло еще несколько откликов. Все они были благожелательными. Кроме одного, очень короткого и эмоционального.

«Человек! Что за чудовище выдал ты за ребенка?»

Так закончилась неделя.

Джемисон ожидал сообщения из Информационного центра. Он запросил сведения о расах, с которыми, с точки зрения землян, невозможно было установить контакт.

В ожидании ответа на вопрос он позвонил Кэлубу Кэрсону и пригласил его на обед, одновременно пригласив съездить после этого в Центр.

Сказать, что Кэлуб был похож на своего великого деда — значит не сказать ничего. Его всегда окружал ореол успеха и необычности. Казалось, он знал какую-то тайну, которой ни с кем не желал делиться.

«Корабельная каюта», государственный кабак для высших администраторов, был тем самым местом, в котором Джемисон посвятил знаменитого внука знаменитого деда в свои планы.

— Необходимо совершить вместе с Эфраимом экспедицию на какую-нибудь планету, не поддающуюся контакту. Там мы и используем его в качестве посредника.

Кэрсон кивнул.

— Очень верная мысль. У нас появилась возможность вернуть галактике многие миры.

Джемисон не стал отмечать, что это слишком громко сказано, и они принялись обсуждать детали освобождения Эфраима.

Разделавшись с деталями и обедом, они кинули прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и направились к лифту.

— Неужели на этом Корабле мы достигнем родины руллов?

По реакции Джемисона Кэлуб понял, что говорить об этом не стоило.

— Слушайте, бросьте хмуриться,— улыбнулся Кэлуб.— Давайте пройдем проверку у охранника. Это нас не задержит.

Джемисон согласился.

— Не возражаю. Мы оба сделаем это.

С полной серьезностью они выполнили процедуру проверки, понимая ее необходимость. Естественно, они оказались людьми. По крайней мере в настоящее время.

В мире, полном шпионов, все вообще было весьма относительным. Один неверный вопрос, одно не так или не вовремя сказанное слово — и человек подвергался проверке. Что поделать, если другого способа не было. Конечно, желание Кэрсона говорило само за себя, но порядок есть порядок, и его никто не отменял.

— Ну, теперь мы можем быть еще более откровенными. Какие критерии берет в расчет компьютер при определении рас?

— В первую очередь явную несовместимость с человеком. Потом определяется возможность содействия в войне с руллами. И принимаются во внимание экстремальные ситуации. У меня уже однажды случилась осечка.

И он рассказал о неудаче, которая постигла его, когда он попробовал прочесть мысли руллов. Наверное, правильно считают, что они из другой галактики. Ведь в нашей все жизненные формы хоть в чем-то похожи.

Вопрос всегда был сложным. Звездолеты открывали все новые и новые миры, человек проник в глубины галактики, постигая тайны жизни, но так и не познал до конца, что же это такое — жизнь! Об этом можно было только гадать, а Джемисон это занятие не любил.

— У вас есть какая-нибудь планета на примете?

— Нет. Подчинимся решению компьютера.

Они приехали в Центр и спустились в машинный зал. Оператор пощелкал разноцветными тумблерами, в результа-

те чего из чрева компьютера выползла перфорированная лента. Джемисон, взглянув на нее, присвистнул.

— Я что-то вроде этого ожидал. Действительно, что же еще?

— Плоя? — нахмурился Кэрсон, заглянув через плечо Джемисона на ленту.— Но это же миф. Существует ли она на самом деле?

— Не знаю. Но с вашей помощью надеюсь узнать.

Как ни крути, а Джемисон был доволен. У него был надежный союзник, и для него были важны не плояне. Важна была идея сотрудничества между расами. Плояне — лишь пробный камень, и немалую роль в решении этой грандиозной задачи играет эзвал — Эфраим Джемисон.

Крейсер исторг из своего чрева шлюпку Джемисона, и она по отлогой траектории начала сближение с планетой. Трейвор не имел никакого желания сжечь обшивку шлюпки и вход в верхние слои атмосферы провел с максимальной осторожностью. Он установил, как и было необходимо на этих высотах, вполне приемлемую скорость — пять тысяч футов в минуту. А когда до земли оставалось миль двенадцать — тридцать миль в час.

Он перешел в горизонтальный полет.

Открылся и закрылся люк. Джемисон замер в ожидании.

Внезапно стрелки на всех приборах резко качнулись и беспорядочно задрожали. Скорость падения резко выросла и больше уже не подчинялась Джемисону. Нет, он мог нажимать на многочисленные кнопки, но это было то же самое, что нажимать на клавиши рояля без струн. Джемисону оставалось только одно — ждать.

Это принесло определенный результат. На высоте двенадцать тысяч футов болтанка прекратилась: в действие вступила система управления не на электросхемах — электричество отключилось, как и запроектировали. Люк был задраен наглухо.

Ракеты вынесли шлюпку в космос. Джемисон получил возможность осмотреться. Причины, по которой захлопнулся люк, он не знал. Но по его расчетам, внутри должен был находиться плоянин...

...Первая экспедиция посетила Плою лет сто назад. Там ее ожидала катастрофа — все, что было на корабле металличе-

ского, оказалось под напряжением. Если учесть объем этого «всего», то любопытное с точки зрения науки явление тут же перестало интересовать восемьдесят человек, погибших в первое мгновение. Интерес и к науке, и к жизни сохранился у остальных ста сорока, не прикасавшихся к металлу. Но из них тридцать два человека не разобрались в причине гибели товарищей и последовали за ними.

Стоит ли говорить, что прежде всего на корабле было отключено электричество. Стало ясно — на корабль проникло существо, замкнувшее электросистему. Корабль обработали спецсоставом. Не помогло. Произвели промывку водой. Тот же результат.

Взлететь не удавалось, так как существо, предвосхитив их желание, отключило питание — все системы корабля находились под его контролем.

Экипаж радировал о происходящем крейсеру на орбите. Там проанализировали ситуацию и сообщили свои выводы.

— Аборигены, предположительно, не враждебны человеку: погибли люди, занимавшиеся энергообеспечением. Изучение данной формы жизни необходимо проводить при помощи специальных электронных приборов с автономным питанием. Ждите их в ближайшее время.

На планету была спущена специальная научная группа. Шесть месяцев исследований не дали никакого результата. Контакт не состоялся, форма жизни, вызвавшая катастрофу, так и не была определена.

С планеты людей эвакуировали на допотопных ракетах с реактивными двигателями. Первая экспедиция на Плою завершилась.

Все это составляло предмет размышлений Джемисона уже тогда, когда он находился в рубке управления крейсера, который уносил его, изнывающего от безделья, все дальше от планеты.

Эзвал сообщил ему о присутствии чужого разума. Правда, кроме чувства страха и отчаяния, он ничего не воспринимал, но даже это обрадовало Джемисона. Его сомнения о наличии разума на Плое были развеяны — он все-таки существовал.

В ста световых годах от Плои Джемисон отключил двигатели и прошел в специальный отсек с дублирующим пультом

управления. По его команде люк шлюпки был открыт, и плоянин получил полную свободу действий.

Эзвал комментировал происходящее.

— Вижу панораму главной рубки, причем с потолка. Похоже, плоянин оценивает обстановку.

Что ж, это было вполне разумно. Джемисон представил себя в такой же ситуации. Он делал бы то же самое. Правда, не на потолке.

— Он проник в пульт управления,— сообщил эзвал.

— Куда? — только и успел спросить Джемисон.

Корабль дернулся и изменил курс. Перемена курса не вызвала особых эмоций, а вот то, что плоянин мог замкнуть цепь... Он представил себе аморфное существо, которое металось среди массы приборов, закорачивая все, что только можно.

Вопреки его опасениям корабль снова лег на курс.

— Он выбрал направление и не изменит его до конца. Кстати, о субсветовых скоростях он не имеет ни малейшего представления.

Джемисон покачал головой. Плоянин вызывал лишь жалость. Он в ловушке. И даже вообразить себе не может, куда занесла его судьба.

— Передай ему, где он сейчас. И попытайся объяснить разницу между пространством и субпространством.

Реакция последовала незамедлительно.

— Он в ярости.

— И все-таки расскажи, каким путем будет происходить наше общение. Да, не забудь спросить, чем он питается.

И в этом случае ответ был получен молниеносно.

— Он умирает с голоду и обвиняет в этом нас.

Несмотря на терзающий плоянина голод, они узнали, что питательную энергию плояне добывают из магнитных полей. Замыкая контакты энергоносителя корабля Первой экспедиции, плояне получали эту подпитку. Что и явилось объяснением всех неудач. Гибель половины экипажа была только побочным эффектом «пиршества».

Когда Джемисон отключил питание, плоянину пришлось вступить с ним в контакт буквально «на голодный желудок».

Джемисон после услышанного запустил газогенераторы и предъявил плоянину ультиматум.

— Передай ему: пока он не начнет нормально обращаться с коммутатором, мы будем обедать без него.

Эта угроза возымела эффект. Прошло на удивление мало времени, а плоянин уже понимал человеческую речь еще до того, как звуки попадали в коммутатор. Основные команды он освоил в первый день!

— Да-а,— сказал Джемисон скорее себе, чем эзвалу,— ничего себе коэффициент интеллектуальности. Люди тратят годы на то, что он усвоил за считаные часы.

Эзвал взялся объяснить это явление.

— Энергетическое поле, каковым он, собственно, и является, может расширяться беспредельно, а процессы, происходящие в нем, при этом не замедляются.

Лекция была прервана вызовом с Земли.

Кэлуб Кэрсон сообщил, что обстановка на Земле имени его деда изменилась к лучшему. Причем настолько, что уже не требуется вмешательства Конфедерации. Сообщил он и источник информации. Им была Барбара Ватмэн.

— Она сказала, что вы поймете, о чем идет речь.

— Было время, когда мы питали друг к другу нежную привязанность. Но уже тогда я предвидел перемены, произошедшие с ней. И рад, что оказался прав.

Вскоре после сеанса связи пришла экстрограмма, которая была весьма категорична.

«Направляйтесь в район 18. Координаты 1-8-3-18-26-54-6. Лично обследуйте планету. Результаты обследования доложить. Главнокомандующий космическими операциями».

Восемнадцатый район был одним из четырех основных, можно было бы сказать — важнейших пунктов обороны. Неудивительно, что всеми связанными с этим районом вопросами занимался сам главнокомандующий.

В связи с изменением планов Джемисон послал экстрограмму Кэрсону.

«Ждите меня... (Тут он назвал планету, равноудаленную как от него, так и от Кэрсона.) Заберите эзвала и отправьте его на родину. Дальше действуйте в соответствии с планом».

Он попросил главнокомандующего прислать крейсер к месту его встречи с Кэрсоном и взять на борт его шлюпку.

Теперь оставался плоянин. Деваться было некуда, надо брать его с собой. С церемониями придется подождать.

— Если ты хочешь когда-нибудь снова увидеть свою планету,— сказал он,— выполняй, пожалуйста, мои приказы.

Плоянину оставалось только согласиться. Даже если бы его об этом просили и не так вежливо.

Глава 21

Планета Лаэрт-3. Расположена почти рядом с невидимой границей между людьми и руллами. Само открытие планеты — важное событие в войне. Поэтому и проявлен к ней повышенный интерес, поэтому и сидит Джемисон в небольшой ложбине недалеко от шлюпки и записывает на диктофон свои соображения, так ожидаемые главнокомандующим.

— С этой планеты,— диктовал он,— можно нанести удар по любому густонаселенному объекту галактики...

Под этим подразумевалось, что шарахнуть можно как по руллам, так и по человечеству, которое Джемисон с таким успехом представлял.

— Следовательно, Лаэрт-3 необходимо снабдить вооружением класса «АА». Наиболее мощное оружие не позднее чем через три недели должно быть установлено на вершине монолита...

Тут он прервал свою работу. Ее продолжению помешал появившийся в поле зрения корабль. Что делать? Броситься к люку? Его тут же обнаружат. А может, это человеческий корабль?

Решение не приходило. Джемисон оставался на месте, пока не увидел на борту корабля опознавательные знаки руллов. Это был исследовательский бот...

Руллы открыли систему Лаэрта-3. За этим ботом, возможно, стояли эскадры крейсеров. А он, Джемисон, был один. Крейсер «Орион» даже не подходил к планете.

Джемисон покинул крейсер в парсеке отсюда. Он не хотел, чтобы руллы заметили корабль. А теперь «Орион» ушел на базу за оружием для планеты, и ожидать его возвращения можно было не раньше чем через десять дней.

Десять дней. Шанс, что шлюпку Джемисона — а значит, и его самого — не заметят, конечно, есть. Тогда ему удастся скрыться. Но...

До бота руллов оставалось сто футов. И шел он прямо на рощу, где находилась шлюпка. Ждать было нечего. Джемисон вскочил и через пару секунд нырнул в открытый люк. Не успел тот захлопнуться, как что-то огромное ударило по потолку, отчего тот прогнулся вниз, а потом наоборот — вздыбился. В воздухе запахло жареным. Точнее, дымом. Ничего не видя, Джемисон скользнул к пульту управления и включил аварийную защиту. Мощные корабельные бластеры открыли огонь по врагу. Взревели вентиляторы, и волна холодного воздуха прошла по шлюпке. Все это так подействовало на Джемисона, что он не сразу сообразил — двигатели молчат. Вместо того чтобы уносить его в небо, шлюпка лежала на земле.

Рулловский бот мелькнул в нижнем углу одного из экранов и исчез за деревьями в четверти мили от Джемисона. Через несколько секунд с той стороны донесся грохот...

Нет, слишком гладкой была траектория падения! Взрыв не убил руллов, а раз так — Джемисону вновь предстояла борьба. Привычная борьба не на жизнь, а на смерть. Десять дней придется ему сражаться и уповать на то, что люди сумеют отстоять этот важнейший плацдарм в битве галактик.

Хорошо сказано, не правда ли?

Времени на раздумья не оставалось. Он выпрыгнул из шлюпки, решив пробежать до ближайшего холма ярдах в ста от него. Последние футы он одолел на четвереньках. Темнело. Он осторожно выглянул из-за края. Вершина представляла собой овал в восемьсот футов шириной, засыпанный камнями и заросший кустарником.

Ничто не нарушало тишины. Сумерки сгустились еще больше. Солнце полностью спряталось за горизонт. Но что для руллов темнота? Что вообще может противопоставить им человек, кроме разума? Только он уравнивает шансы. Но свое нынешнее положение Джемисон оценивал как безнадежное. Сохранялся, конечно, последний минимальный шанс, но в нем было много «если». Если он доберется до корабля руллов раньше, чем наступит полная темнота. Если сумеет уничтожить их, пока они не пришли в себя. Если... Если все именно так, стоит ли терять время?

Он стал спускаться с холма. Боже, сколько раз он спотыкался! О кусты, камни, корни... Никогда прежде не бегал он

по столь пересеченной местности. За пять минут он преодолел не более двухсот пятидесяти ярдов. Он остановился. Продвигаться дальше было бессмысленно... Но ведь проиграет не он, проиграет человечество! Да, он много берет на себя, а разве раньше бывало не так?

Дохнуло холодом. Ночью температура здесь падала до нуля. И он отступил. Он вернулся на шлюпку, где его ждало немало дел. Ночь он провел у экранов, долгую-долгую ночь. На сон он не имел никакого права...

На одном из экранов что-то изменилось. А быть может, ему показалось? Джемисон положил ладони на рычаги управления бластерами.

Нет, кажется, привиделось.

В таком положении он и встретил холодный рассвет. Джемисон проглотил таблетку против сна. Снова нажал на пуск двигателей. Они молчали, как и следовало ожидать. Поломку можно было устранить только на «Орионе». Значит, все же оставалось одно — драться!

Впервые человек и рулл встретятся лицом к лицу. Впервые! Космические сражения не в счет, там бьются корабли. Кто знает, что его ждет. А если проигрыш? Ну и что — важна попытка.

Он включил защитный пояс и вышел из корабля.

Судьба распорядилась так, что поединку суждено было произойти на одной из самых причудливых гор — пике Монолит. Восемь тысяч двести футов отвесно вздымались над планетой. Сотни различных планет повидал на своем веку Джемисон, уносясь в вечную тьму к голубым, красным, белым, оранжевым огонькам звезд. И вот теперь ему предстояла самая трудная схватка в его жизни. С самым хитрым и жестоким врагом...

Джемисон взял себя в руки. Это он умел. Важно сделать первый шаг — спокойствие придет. Но важно, чтобы этот шаг не оказался последним... К черту философию! Рассуждать можно, если есть выбор. Здесь выбора нет. Нужно идти в разведку.

Джемисон взял с собой бластер с монитором, реагирующим на любое движение противника. По дороге к месту падения руллов ничего не произошло, на него никто не напа-

дал. Это не очень понравилось Джемисону — значит, нужно ожидать ловушку. Сомнительно, чтобы руллы погибли при падении.

...Корабль руллов лежал в долине, уткнувшись носом в стенку песчаника. Джемисон внимательно посмотрел на него в объектив монитора. Никого. Ловушка? Если да, то искусная.

Тишину долины нарушил бластер. Он, низко гудя, набирал мощность. Корпус корабля задрожал, изменив цвет. И только через несколько минут Джемисон отключил бластер.

Техника руллов оказалась на высоте. Включились защитные экраны сейчас или после вчерашнего выстрела? Этого он не знал. И это было плохо. Даже если руллы мертвы, его усилия прорвать их оборону тщетны. Они могли быть ранены, не способны обороняться. Они много чего могли. Например, оставить гипнотизирующий знак. Джемисон поймал себя на том, что избегает смотреть вокруг.

А если руллы просто дожидаются большого звездолета, из которого вылетел их бот? Это станет концом для Джемисона.

Он принялся внимательно изучать повреждения, полученные кораблем. Пробоин он не обнаружил. Дно в нескольких местах вспучилось, но не очень — от одного до четырех футов в глубину.

Следовательно, реактор дал течь.

Насколько Джемисон разбирался в исследовательских ботах руллов, впереди была рубка, управляющая бластерами. Сзади находились машинный отсек, цейхгауз, топливный отсек, отсек с запасами пищи и...

Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше других. Значит, пища заражена, и руллы остались без еды!

Можно было возвращаться. Джемисон повернулся к скале, под которой прятался, ведя огонь по противнику. На поверхности скалы был знак! Извилистые линии! Итог изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон в ужасе замер.

«Где я?» — подумал он. Еще на Мирре-23 он узнал, что эти линии заставляют человека двигаться в определенном направлении. Как они влияют на группу людей? Как руллы узнали, что он один? Куда поведут его линии сейчас?

Джемисон всеми силами пытался побороть в себе желание взглянуть на скалу. Его неудержимо тянуло увидеть линии еще раз. И он чувствовал, что не может сопротивляться этому желанию.

Пять волнистых линий по вертикали, три по горизонтали. Они указывали направление на восток, в пропасть! И Джемисон двинулся туда. По дороге он пытался ухватиться за выступ скалы, цеплялся за край пропасти — какой-то участок мозга сопротивлялся гипнозу,— но тщетно. Его воля была парализована, и он медленно, но верно сползал вниз.

Последняя мысль, которую он осознал, была неутешительной: «Руллы выжили. Иначе не было бы знака».

И наступила тьма.

Глава 22

Он пришел из далекой галактики. Холодный безжалостный вождь. Вождь Иэль Мнишлей, Уун Руа, и прочая, и прочая...

Велика была его власть над жизнью и смертью Стоящих Внизу, над кораблями Ллурда.

Велика была и его ярость. Его приказ не был выполнен. А ведь он приказал: «Еще одна галактика должна лежать у моих многочисленных ног!» Но кто-то оказался несовершенен, кто-то промедлил. Почему? В чем сила этих слабых двуногих? Пока перед его глазами не предстал живой человек. До сих пор он встречался со звездолетами, неприступными базами, союзниками... И они смогли остановить тех, кто обладал высшими знаниями, высшей нервной системой?!

«Доставить мне человека! Живого!» — разнесся из конца в конец галактики приказ.

И человек был доставлен. Это был тупой и пьяный моряк, больше руллов боявшийся нехватки спиртного. С индексом 10, равным 96, и чувством страха, не поднимавшимся выше отметки 207. После маловразумительного бреда и судорог на лабораторном столе он умер. За всем этим наблюдал Вождь Вождей Иэль, и прочая, и прочая...

— Это не противник,— сказал он.

С ним благоразумно согласились Стоящие Внизу, но выше других.

— Нам удалось захватить не многих,— доложили они.— Люди убивают себя так же, как и мы.

— Значит, измените среду. Пленник не должен чувствовать себя пленником.

Это был тонкий психологический нюанс. И приказ был выполнен.

Вождь и прочая прибыл к звезде, возле которой появился человек. Он был замечен еще семь циклов тому назад.

— Человек в маленькой шлюпке,— доложили ему,— неожиданно появился из субпространства в указанном секторе. Мы находим ситуацию идеальной для эксперимента. Десант на планету не высажен. Наше присутствие не обнаружено. Люди на планете уже бывали. Подопытный высадился на вершине довольно странной горы. Все соответствует чистоте эксперимента.

Околопланетное пространство полностью патрулировалось. И Иэль Великолепный спустился в маленьком ботике без всякой охраны и сопровождения. Он презирал врага. Он пролетел над горой, вывел из строя шлюпку противника, но и сам был сбит и чудом уцелел. Правда, чудо не помешало выходу из строя связи и отравлению всей пищи.

Эксперимент явно вышел из-под контроля, а раз так, надо убить человека, завладеть его пищей и ждать патруль, который явится за ним.

Он обследовал местность, нарисовал на скале символ и вернулся к кораблю. Символ его и спас. Человек был «пойман». Все шло как нельзя лучше, но... Даже властелин галактики встречается с этим проклятым «но». Но он был в ловушке. Бластеры человека направлены на корабль, они настроены на автоматический огонь, едва двери корабля откроются. Что произойдет — понятно и дураку, а он Вождь. Произошла, собственно, довольно прозаическая вещь — Вождь Вождей, Иэль Мнишлей, Уун Руа, и прочая, и прочая оказался заперт!

Рулл обследовал запасной выход — дверь заклинило. Когда он проверял корабль ночью, выход был свободен. Все произошло после этой безрассудной стрельбы! И теперь он не может выйти как раз в тот момент, когда это более всего необходимо. Вообще-то нет никакой необходимости убивать человека сразу. Если завладеть пищей, то его можно оставить в

живых. Но сейчас, по его вине... Нет-нет, по его воле человек был полностью бессилен, и нужно искать выход. Замкнутый круг. Чертов случай. Как же Вождь Вождей не любил неожиданностей! Так, как мог не любить только Вождь!

Корабли Ллурда захватывали все большее жизненное пространство. Существа, попавшие на эти территории, подлежали уничтожению — ведь от них могло произойти высшее существо. А это была прямая угроза для Руа, и прочая, и прочая... Случай — вот что пугало руллов больше всего.

Но выход был найден. Рулл направил луч бластера в образовавшуюся еще вчера щель. Работа продвигалась медленно. Много времени он проводил в защитной камере, пережидая, пока снизится уровень радиации.

Солнце стояло в зените, когда плита наконец поддалась. Весь в пыли, злой и голодный «И прочая, и прочая» вылез наружу. Желание продолжать эксперимент у него пропало окончательно; нужно было спасать свою драгоценную жизнь, нужно было убить человека и съесть его. Или найти уже убитого человека. И все равно съесть. Тогда можно дожить до прихода патруля. И дернул его черт так рисковать!

Он подполз к обрыву, по ступенькам спустился на равнину, но — чтоб оно пропало, это «но»! — внизу никого не было. Никаких следов!

Осторожно, соблюдая все требующиеся для сохранения столь драгоценной жизни предосторожности, рулл пополз к кораблю врага. Защитные мониторы были включены. Правда, неизвестно когда. Может быть, еще утром. Есть вероятность, что человек свалился в пропасть и его тело лежит где-нибудь в сердце горы. Но очень вероятно, что он сидит в корабле и поджидает его, Иэля. У человека в этом случае достаточно времени, чтобы почувствовать себя в безопасности.

Теперь уже рулл ничего не знал о человеке. Преимущество было потеряно. Нужно возвращаться на корабль. Голод терзал час от часу сильнее. Вскоре он терзал его сильнее уже день ото дня.

Джемисон очнулся от боли. Сначала она была всепоглощающей, волнами перекатываясь от головы к ногам и обратно. Постепенно она сконцентрировалась в левой ноге.

Джемисон понял — растянуты связки. Это было не все, но главное, что досаждало ему. Он открыл глаза. Солнце стояло почти в зените. Долго же он тут провалялся.

Сначала он бездумно смотрел на солнце, которое хотело спрятаться за нависающий край облака. Потом следил за самим облаком... Когда на него легла тень скалы, он вспомнил о смертельной опасности; вспомнил, что она не исчезла, и это привело его в сознание. Он лежал ниже края пропасти, на выступе. Как видно, при падении нога запуталась в кустах, и это его спасло. Судьба и на сей раз оказалась к нему благосклонной. Превозмогая боль, Джемисон предпринял штурм горы. Поначалу помогала шершавая почва, потом корни растений. Но когда до края оставалось всего десять футов, дала о себе знать растянутая связка. Четырежды он лез вверх и столько же раз сползал вниз. В конце концов ему удалось ухватиться за корень и выбраться на плато.

Оно расстилалось перед ним пустынное, без каких-либо признаков жизни. На одном его краю виднелась шлюпка. Джемисон направился к ней. Тишину нарушал только звук его шагов. Джемисон не знал, что с руллом, и пока не заживет нога, вряд ли он сможет об этом узнать.

К шлюпке он добрел уже в темноте. На пороге его встретил сварливый голос:

— Когда меня накормят? Когда вернут домой?

Это плоянин задавал свои коронные вопросы. «Накормив» его, Джемисон задумался над пусть не первостепенным, но тем не менее важным вопросом — как объяснить наивному существу суть того, что называется «войной»?

— Не сердись,— сказал он.— Я верну тебя домой.

Этого было достаточно, чтобы плоянин успокоился.

Между тем Джемисон уже думал, как он может использовать плоянина в борьбе с руллами. Пока применения электросоюзнику он не находил. Ну какой вред руллу от того, что противник может контролировать полет его корабля? Какой вред? А какая польза?

Глава 23

Джемисон проснулся от ударов. От сильных ударов. Это были удары его сердца. Спать не хотелось. Он подошел к пульту. Эфир молчал. Даже фона и того не было. Да и беспо-

лезно это все, учитывая расстояние. Он уже машинально крутил ручки настройки и незаметно для себя перешел в диапазон рулловских частот. Ничего не изменилось. И тут молчание. Он отрезан от мира. Но разве он один? А что, если провести эксперимент? Мы оба пленники. Пленники случая, пленники среды, пленники друг друга. Но никто не обязан совершать самоубийство.

Идеальная среда, что ни говори. Очень много можно узнать. И мотивы действий руллов, и возможность контакта, и механизмы управления ими. А главное — зачем бессмысленные жертвы?

Мысль об эксперименте утром не исчезла. Она заставляла его думать. Иногда он садился к пульту и осматривал окрестности — бесплодную пустыню, скалы, пропасти. Тюрьма. Он сидит в тюрьме. Он, Трейвор Джемисон, к чьему голосу прислушивается Галактическое содружество! Он сидит в шлюпке-одиночке (плоянин не в счет), и приговор обжалованию не подлежит.

Нет, он не собирается отбывать здесь срок. Он готовит эксперимент!

На третий день нога прошла. И он тут же приступил к работе над экраном. Его он закончил на пятый день. Затем написал сценарий. Утвердил его и ввел в запоминающее устройство. Осуществить задуманное не составляло труда.

Джемисон установил экран ярдах в двухстах от шлюпки, позади деревьев. Рядом он поставил коробку с едой.

Прошел еще день, шестой по счету. Наступила ночь.

Глава 24

К экрану рулл прошмыгнул скользящей тенью, сравнение с которой было не так уж далеко от истины. Его оставшиеся чувствительные рецепторы улавливали сразу два запаха: пахло едой и пахло ловушкой. Запах еды был сильнее.

Шесть дней провел рулл без еды. Ее отсутствие отбросило его на несколько уровней назад. Он уже почти не разбирал запаха цветов, утратил еще некоторые способности. Нервная система его напоминала разряженный аккумулятор, от которого постоянно отключали приборы. Он понимал, что,

если он еще немного промедлит, вряд ли он сможет их когда-нибудь подключить. А если и подключит, то сомнительно, чтобы они заработали в прежнем режиме. Он и так превратился в вышеупомянутую тень. Осталось совсем немного, и он, Верховный Аймм Иэль, произведет последние расчеты с жизнью...

Он пристально смотрел на экран. Экран был единственной светлой точкой на фоне беззвездной ночи Лаэрта-3. На экране мелькали картины событий с момента, когда шлюпка Джемисона покинула эсминец. Было видно, как эсминец ушел к базе, как шлюпка приземлилась на горе, как развернулся бой... Ситуация выглядела безнадежной, но экран подсказывал путь: рулл подошел к ящику, открыл его и поел.

Вождь Вождей, правда изрядно потрепанный,— и прочая, и прочая — понимал, что это могло быть ловушкой, и даже смертельной, но другого выхода не видел. Это был единственный шанс. Он не знал, сколько будут ждать патрули, до каких пор командиры не посмеют нарушить его приказ. А они его нарушат так или иначе. Во всяком случае, когда к планете подойдут корабли землян. Тогда это уже не будет нарушением. Знал он одно — соблюдение законов могло выйти ему боком...

И рулл нажал на рычаг. Он не хотел «сыграть в ящик», он хотел его открыть.

Джемисон проснулся от рева сирены. Снаружи было темно, до рассвета оставалось часа три. Вой сирены означал, что ящик открыли. Продолжался он минут двадцать, потом оборвался. Все произошло именно так, как он задумал, и не ошибся. Ошибку он допустил только в расчете, за какое время рулл сможет поглотить три фунта еды.

Уун Руа поддавался гипнозу точно так же, как пленные руллы в лабораториях землян — минут на двадцать. Но по пробуждении пленные убивали себя, поэтому не было прямых доказательств, что руллы подвержены гипнозу. Теперь эти доказательства получены.

Джемисон снова лег на койку. Он улыбался. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Спать, когда произошло величайшее событие в истории войны с руллами? Нет, это дело надо отметить! И Джемисон выпил за удачу!

Нельзя сказать, что воюющие расы не знали слабых и сильных сторон друг друга. Конечно знали. Но каждая применяла эти знания по-разному. Руллы — для истребления всех прочих, люди — для установления с этими прочими дружеских контактов. Но и те и другие были одинаково жестоки друг с другом. Они были настолько беспощадны, что посторонний наблюдатель вряд ли бы увидел разницу между ними. Но вот цели людей и руллов рознились, как свет и тьма. А цель, как известно, оправдывает средства.

Джемисон вернулся в постель и, уже лежа, обдумал некоторые детали. Именно сейчас ничего нельзя было сбрасывать со счетов. Нельзя было недооценивать рулла и допустить хоть малейшую неточность. После этого Джемисон заснул сном человека, который принял решение.

Утром, надев костюм с подогревом, он нырнул в зябкий туман. Дующий с востока ледяной ветер он позволил себе не заметить. Слишком многое решалось в эти минуты.

Монитор и бластер, прихваченные с корабля, вселяли некоторую уверенность, но вел он себя очень осторожно. Экран, стоявший на возвышении, был хорошо виден со всех сторон. Еще раз проверив автомат спуска, Джемисон заменил ящик с едой. На старом ящике что-то блеснуло.

Это было очень странно. Джемисон присмотрелся к полированной поверхности. Металл был покрыт лаком. Он соскоблил для анализа немного субстанции и отправился в обратный путь.

«Что же это такое? Я уже где-то видел подобное вещество». Так и стоял он у люка в раздумье, пока не увидел рулла...

Насытившись, рулл вспомнил все. Аккумулятор получил подпитку и включил приборы. Рулл снова помнил цель!

Он скользил по краю пропасти, иногда поглядывая вниз. До дна было очень далеко. С корабля пропасть не казалась столь глубокой. Рулл спешил к своему боту. Вчера он почувствовал антигравитационные волны, пульсирующие в одной из плит. Сегодня, когда съеденная пища оживила притупившиеся от голода рецепторы, он должен был найти эту плиту.

Она была крепко приварена к корпусу, и с ней пришлось повозиться. Только через несколько часов она со скрежетом отвалилась.

Сама по себе плита не представляла никакой опасности. Ее мощности не хватило бы даже на то, чтобы подняться достаточно высоко над землей. Но на одну попытку должно было хватить. Этого вполне достаточно для успеха.

Прежние мысли отступили, теперь он жаждал смерти двуногого. Рулл отнес плиту в заросли и притаился там. Уверенность в победе подогревала мысль об оставленном на ящике лаке.

Убить было необходимо. Под угрозой была не только его жизнь, но и существование всей его расы. Человек не зря кормил его. Это было частью непонятного для него эксперимента. Да, единственный выход — убить. И рулл ждал.

Джемисон сам был виноват в том, что произошло. Он ведь уже видел в службе безопасности аналогичные вещества парализующего действия. И вот результат — лак как бы сковал его...

Тут и появился рулл. Как ведьма на метле, он вылетел на своей плите из рощи. Джемисон был поражен — бот рулла не имел никаких источников энергии! Тем более антигравитационной! Ошибка. Его ошибка. Вот она, ошибка, и вот он, рулл!

Движение плиты зависело от движения планеты. Он летел со скоростью восемьсот миль в час — то есть с той же, с какой планета вращалась вокруг своей оси. Этого достаточно, чтобы понять — рулл несся к нему на всех парах.

Джемисон вскинул бластер...

И тут сказалось действие лака.

«Не стреляй!» — приказал ему внутренний голос.

И он был парализован этой командой. Сопротивляясь, он медленно, очень медленно сдвинул ствол бластера в сторону приближающегося рулла. Тот был уже рядом — их разделяло десять футов. Джемисона спасло то, что рулл не принял во внимание давления воздуха под плитой — все-таки сказалась голодовка! Пролетая над Джемисоном, плита накренилась, как падающий лист, и он выстрелил в нее, расплавив днище. Руллу ничего не оставалось, как врезаться в кустарник футах в двадцати от Джемисона. Теперь можно было не спешить.

Когда он подошел к зарослям, рулл уже скрылся в роще.

Джемисон не преследовал его. Зачем? Вместо него рулла будет преследовать голод. Он выволок плиту из кустов и осмотрел. Он не понимал, как рулл без каких-либо приборов сумел привести ее в действие. И почему он, совершив такое, не спустился вниз, в лес? Ведь там есть пища и нет людей. Ответ Джемисон получил, когда прикинул в руках вес плиты. Энергии едва хватило на сто футов полета, а до леса оставалась миля, если не больше.

Джемисон сбросил плиту в ближайшую пропасть и возвратился к шлюпке.

Там он начал исследовать лак. Тот не был реактивен или радиоактивен, но обладал способностью превращать свет в электромагнитные волны, частота которых совпадала с частотами человеческого мозга. Попадая в резонанс, они вызывали к жизни заложенные в вещество лака программы. Что там записано на этот раз? Он перевел образы в символы. Казалось, они порождены горячечным бредом. Джемисон ввел в компьютер необходимую дискету — «Символическая интерпретация подсознательных образов». Нашел раздел «Запрещенные символы». С его помощью состав поддался расшифровке.

«Не убивай!»

— Чтоб я пропал! — выругался Джемисон.— Надо же было так попасться!

Он не мог понять, почему же он не подчинился. Ведь он действительно не хотел убивать. И рулл хорошо это знал. Символы подавляли волю даже при смертельной опасности. Странное дело...

Хотелось надеяться, что это последняя ловушка.

Больше на риск он не имел права. Это было не его личное дело. Эксперимент следовало отложить до прибытия «Ориона».

Иначе рулл его угробит — его же собственными руками.

Глава 25

В ночь перед тем, как, по расчетам, должен был возвратиться «Орион», Джемисон не поставил у экрана коробку с едой. И уже с утра предпринял попытку выйти на связь с крейсером.

Эфир молчал. Когда Джемисону окончательно надоело это бессмысленное занятие, он вышел наружу. Хотелось подготовится к эксперименту. Уже к полудню он не выдержал и приступил к опыту сам: нажал на кнопку излучателя волн, воздействию которых рулл подвергался уже четыре ночи. Потом Джемисон вернулся в шлюпку и вновь начал прослушивать эфир. От этой работы и отвлек его рулл, выскользнувший из зарослей.

Взревела сирена, и вместе с ней включились динамики всеволновой связи.

— «Орион» на связи. Трейвор Джемисон, мы слышали вас. Ответить не имели возможности. В районе планеты курсирует полный флот звездолетов руллов. Через пять минут мы попробуем вытащить вас отсюда. Прекратите все работы и приготовьтесь!

Джемисон не раздумывая выскочил из шлюпки и бросился в сторону кустарника. Краем глаза он заметил две приближавшиеся точки. Они увеличивались на глазах и выросли в огромные линкоры, которые пронеслись над ним. Ураганный ветер повалил Джемисона на землю, и он успел лишь схватиться за ветви кустов. Линкоры сделали крутой разворот и вновь понеслись на него. Джемисон приготовился к смерти. Но удар обрушился не на него. Он предназначался шлюпке, которая взлетела в воздух и свалилась в пропасть. Ударная волна прижала Джемисона к земле, едва не порвав барабанные перепонки.

К двум предыдущим добавился третий корабль. Джемисон не успел определить его принадлежность — он быстро исчез. На болтавшихся на боку телефонах малой связи вдруг зажегся индикатор, и Джемисон поспешил надеть их на уши. То, что он услышал сквозь шум и треск, не утешало.

— Мы бессильны. Держитесь. Четыре наших линкора в составе эскадры дерутся с врагами. Попытаемся заманить их в район звезды Бианко. Там наш флот. Тогда...

Вспышка далеко в небе прервала сообщение, так и не позволив Джемисону узнать, что будет «тогда». Только через минуту он услышал достигший его ушей взрыв. Наступила тишина.

Джемисон мог надеяться только на себя. Нужно было спасаться, нужно было искать выход. Все как всегда. Мозг привычно заработал на полную мощность.

Шлюпки не было. Он стоял один на краю пропасти. В прямом и переносном смысле. Немного успокаивало то, что роллы преследовали не его. Они просто производили разведку и заодно уничтожили шлюпку. Стоило ли возиться с какой-то букашкой?

Пока они не вернулись, нужно сделать все, чтобы выжить и выполнить задачу.

Шатаясь и падая, он побрел через кусты. За ними был рулл. Он проходил курс обучения, подготовленный доктором Джемисоном. Доктор отбросил ненужную информацию, времени и так было в обрез. Он то замедлял, то ускорял темп, и вместе с изменением темпа рулл то отскакивал, то подползал к экрану.

Собственно, идея была гениально проста. Еще в двадцатом веке русский ученый Павлов создал теорию рефлексов. В его опытах собака по звонку получала пищу. И каждый раз ее пищеварительная система выделяла желудочный сок, который в результате стал выделяться и тогда, когда пищи не было — достаточно было прозвенеть звонку. В то время это не дало ощутимых результатов, люди так и не поняли, где, собственно, зарыта собака. Но сейчас теория явилась фундаментом для обучения существа другой, чужой цивилизации. Красиво, но очень верно сказано! Тем более если учесть, что обучаемым был рулл. Придет успех или нет? От этого вопроса зависела судьба человеческой расы. Но как мало было времени!

Промедление смерти подобно... Поэтому вперед!

Рулл тоже двигался, причем не только вперед, но и назад, под диктовку ритма. Он не мог обратиться в бегство, как и собака Павлова не могла не выделить желудочный сок. Джемисон диктовал роллу задачу, которую предстояло решать им обоим.

Трехмерное изображение рулла сменилось изображением человека. Но Джемисон уже добился того, что рулл потерял всю агрессивность. Он даже не мог убить себя.

Итак, оставалось выполнить задачу... Хватит ли времени? Другой такой возможности у него не будет никогда! Значит, и выбора нет.

И он успел. Он достиг цели.

Минут десять он пытался связаться по каналам малой связи и передать сообщение. Тщетно. Рядом, очевидно, не было кораблей землян. Что ж, он сделал все, что было в его силах.

Джемисон и следующий за ним рулл подбежали к обрыву.

Джемисон глянул вниз и содрогнулся. Но... Флот руллов бороздит окрестности планеты.

«Быстрее!» — мысленно приказал он, и не только руллу.

Он опустил рулла на первый уступ, обвязался веревкой, вбил крюк в край обрыва — вся снасть была еще в полдень припрятана у экрана,— и рулл спустил его к себе. Потом Джемисон спустил рулла еще ниже, потом... От многократных повторений Джемисон устал.

Начало темнеть. Он уже не надеялся закончить спуск до наступления ночи. Но рулл все пристальней смотрел на него, а гипноз не мог длиться вечно.

Джемисон решил сделать привал и рухнул на землю. Небо над ним было чистым и безоблачным. Кто бы предположил, что там, в глубине, развернулась крупнейшая битва за последние десять лет. Пять земных кораблей, нужно отдать им должное, сделали все, чтобы ни один рулловский корабль не спустился на Лаэрт-3. Впрочем, этого нельзя было сказать определенно...

По подсчетам Джемисона, они проделали две трети пути. Рулл смотрел вниз, в долину. Джемисон заглянул туда же. Внизу был лес, лес без конца и края. Лишь в одном месте его пересекала река.

И снова спуск. К вечеру они уже были футах в ста от цели. Можно попробовать преодолеть это расстояние разом, но стоило позаботиться о том, как бы самому не пострадать. Повелительно махнув руллу рукой вниз, Джемисон встал в стороне и взял в правую руку бластер. Рулл спустился и бросился к ближайшим деревьям. Немного подождав, Джемисон спустился сам, сильно поранив при этом руку о веревку. Пальцы тут же посерели и даже в полутьме имели очень нездоровый вид. Он побледнел. Это было делом рук рулла!

Острая боль пронзила все тело. Задыхаясь, он поднял бластер, чтобы застрелиться. Но не успел — рука замерла на полпути. Джемисон рухнул на землю и потерял сознание.

Иэль и прочая скользнул к Джемисону и прежде всего схватил бластер. Он верил в отравленный канат и поджидал за

деревьями, пока яд возымеет действие. И вот он выиграл, все-таки выиграл! Рулл нашел ключ от шлюпки, и вслед за этим мощный сигнал повторил полученный приказ всему флоту руллов.

Джемисон лежал на странном столе внутри не менее странной комнаты. На уровне пола виднелись отверстия, из которых произрастало что-то очень непонятное и непривычное для человеческого глаза. Двери были тоже предназначены не для того, чтобы ими пользовался человек. Итак, он внутри рулловского звездолета. Куда он направляется, он не знал, но не на Землю же!

Он не был привязан к столу, но и двигаться тоже не мог. Очевидно, в потолок был вмонтирован источник гравитационных волн, который и прижимал его к поверхности.

Джемисон в очередной раз приготовился к смерти. Понимая, какие пытки его ожидают, он решил расстаться с жизнью сам. Он знал, что если глубоко вжиться в образ, то без особого труда можно покончить с собой, остановив сердце.

Как раз этим он и занимался, когда над его ухом раздался знакомый голос:

— Ну когда же наконец меня вернут домой?

Проблема питания, очевидно, была решена, потому что второго вопроса Джемисон не услышал.

Зато, к своему удовольствию, он услышал, что почти нематериальный плоянин без особых усилий уцелел и при обстреле, и при падении шлюпки. И вознестись на рулловский корабль тоже не составило для него большого труда. Когда Джемисон немного пришел в себя после этого известия, он спросил:

— Ты можешь кое-что сделать для меня?

Ответ был положительным.

— Проникни в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Готово.

За источник гравитационных волн можно было не волноваться. Джемисон сел.

— Ты ознакомился со звездолетом? — больше для профформы спросил он.

— Да.

— Иди туда и опять замкни все на себя. После чего возвращайся.

— Ты очень добр ко мне,— ответил плоянин в предвкушении пиршества.

Джемисон устроился на пластиковом квадрате. Сделал он это вовремя. Сто тысяч вольт пронзили корабль.

— Готово,— услышал он голос плоянина.

— Сколько руллов не попало на электрический стул?

— Около ста.

Джемисон объяснил плоянину схему рубки связи и попросил:

— Замыкай ток каждый раз, как только кто-нибудь вздумает к ней приблизиться. И сообщай об этом мне. Только не замыкай ток без моего разрешения,— добавил он.

Сытый плоянин согласился.

Джемисон получил большое преимущество перед оставшимися в живых руллами — он мог передвигаться по кораблю, зная, когда нельзя прикасаться к металлу. Он пробрался в цейхгауз и усердно поработал там резаком. Когда он уже уходил, к нему присоединился плоянин.

— Нужно уходить. Сюда идут руллы.

Не задерживаясь, они прошли к ближайшей шлюпке и через пять минут оказались в космосе. Главные орудия крейсера были выведены из строя, поэтому расставание произошло без торжественного салюта.

На борту своего крейсера он очутился через пять дней.

Вождя Вождей не было на звездолете, который переносил Джемисона. Это должно было его радовать — он уцелел. После доклада о происшедшем Стоящие Внизу ожидали наказания всех подряд, снизу доверху. Но Верховный Руа — и прочая, и прочая — только сказал:

— Да. Это очень сильный враг. Он слишком опасен.

Из его царственной головы не выветрилась неделя позора на Лаэрте-3.

Да, не очень удачно закончилось первое посещение линии фронта. И сравнение с собакой — если бы он знал о первооснове проведенного над ним опыта — его вряд ли обрадовало бы.

Все руллы с трепетом и ужасом ждали вестей с передовой.

А Верховный тем временем продолжал:

— Мы думаем, что мы ошиблись. Врагам удалось скрыть многие свои качества и особенности. Война слишком затянулась. Центральный совет пересмотрит свой стратегический план. Нужно постепенно свернуть здесь военные действия и обратить взоры на другие галактики.

И в то же самое время на другом конце галактики Трейвор Джемисон — без всякого прочего — рапортовал Галактическому совету и Конфедерации.

— Очевидно, это был видный деятель руллов. Я добился успеха при помощи гипноза, вовремя вспомнив о собаках. Мне удалось внушить ему, что они должны прекратить войну, потому что мы сильнее, чем они предполагали.

Рапорт Совету понравился и был одобрен. Что же касается собак, их Совет решил оставить на совести Джемисона.

Действительно, при чем тут собаки? Когда одержана решающая победа...

Прежде чем война окончилась, прошли годы. Но и спустя годы нельзя было забыть всеобщего восторга от установления контакта с новыми союзниками — плоянами, оказавшими людям бесценную помощь. Их неординарность привела к еще большему расширению связей между расами.

Не забыли и Джемисона. Указом Конфедерации за выдающиеся заслуги он получил вполне заслуженное им звание. К скромному титулу «доктор» он мог теперь добавить тоже очень скромное «посол человечества».

На Земле Кэрсона он появился уже с неограниченными полномочиями. Правда, впоследствии там, да и на Земле, легенды изменили его титул, и Джемисон превратился в «посла человечества у руллов».

Но разве в этом дело? Главное — мы победили!

Звездные деяния

Пролог

Земной корабль миновал одинокую звезду Джиссер так быстро, что система оповещения станции метеоритной погоды не успела среагировать. Гигантский корабль уже обозначился светлым пятном на экране, когда это еще только доходило до сознания наблюдателя. Зато системы корабля, судя по всему, работали исправно, поскольку яркая движущаяся точка затормозила и, продолжая замедляться, описала широкую дугу. Теперь она медленно двигалась обратно, явно намереваясь попытаться отыскать небольшой объект, породивший помехи на энергетических экранах.

Когда корабль очутился в пределах видимости, грозной тенью замаячив в белесом свете далекой желто-белой звезды, он оказался больше чего бы то ни было, виденного под Пятьюдесятью Солнцами. Он выглядел пришельцем из самых глубоких бездн пространства, чудовищем легендарного мира, и хотя звездолет был неведомого типа, по историческим хроникам в нем все же можно было узнать линкор Земной империи. Пророчества предсказывали этот страшный день — и вот он настал. Страж знал, что делать. По подпространственной связи он послал Пятидесяти Солнцам предупреждение, которого с тревогой ждали уже столько столетий. Затем тщательно стер следы своего присутствия. Взрыва не произошло. Перегруженные атомные генераторы без труда разложили массивное здание метеостанции на составные элементы.

Леди Глория Лорр, главный капитан «Звездного роя», не позаботилась лично сопроводить экспедицию, высадившуюся на астероид, но внимательно следила за всем по астровизору.

© Перевод А. Дмитриева.

В тот же миг, когда подзорный луч вырисовал на экране фигуру человека в здании неземной метеостанции, она прекрасно поняла колоссальное значение этого события и успела обдумать все возможные осложнения.

Раз есть метеостанция — значит, есть и межзвездные путешествия; люди же могли происходить только с Земли. Причина их появления здесь самоочевидна: это старая экспедиция, причем достаточно давняя, если сейчас они способны осуществлять межпланетные полеты; а популяция, заселившая много планет, должна быть многочисленной.

«Ее высочество,— подумала леди Глория,— будет довольна».

Удовлетворенная, она вызвала силовой отсек.

— Ваша молниеносная операция по заключению астероида в охранный энергетический кокон, капитан Глон,— сердечно сказала она,— достойна всяческих похвал и будет вознаграждена.

Человек на экране астровизора склонил голову.

— Спасибо, благородная леди. Кажется, мы сохранили все атомные и электронные составляющие станции. К сожалению, интерференция энергии ее реакторов не позволила, насколько я понимаю, фотоотделу получить достаточно четкие снимки.

— Нам хватит человека — это матрица, для которой не нужны снимки.— Ее улыбка была столь же беспощадна, как и слова.

Все еще улыбаясь, леди Глория прервала связь и вновь принялась изучать сцену на астероиде, запечатленную подзорным лучом.

Задумчиво рассматривая переполненные и раскалившиеся поглотители вещества и энергии, она отметила карту на стене, на которой было обозначено несколько космических бурь; одна из них захватывала весьма обширную зону. Огромный корабль леди Глории не мог развить полной скорости, пока не известна точная локализация этой бури в пространстве.

С куда большим интересом она взглянула на статного молодого человека, на мгновение запечатленного подзорным лучом. Он был хорош собой — смелой красотой дикаря. Но прежде всего, конечно, он мог служить источником информации, без которой на преодоление коротких расстояний внут-

ри шарового скопления можно потратить целые десятилетия — без точного прогноза метеоритной погоды корабль не только не может разогнаться, но даже не способен сохранить достигнутую скорость.

Увидев, что все покидают астероид, леди Глория энергичным движением выключила внутренний коммуникатор, коснулась нескольких кнопок, вошла в трансмиттер и вышла из приемной камеры в полумиле от капитанского мостика.

Вахтенный офицер подошел и отдал честь.

— Я только что получил из фотоотдела снимки,— хмуро доложил он.— Карту закрывает пятно энергетического тумана. Не повезло. Думаю, следует начать со здания со всем содержимым, оставив человека напоследок.— Почувствовав ее неодобрение, он продолжил скороговоркой: — Ведь это обычная человеческая матрица. Теоретически ее восстановить сложно, но практически это ничем не отличается от вашего перехода через трансмиттер из рубки сюда. В обоих случаях происходит разложение на элементы, которые должны снова воссоздать исходную структуру.

— Но зачем оставлять его на самый конец?

— По техническим причинам. Неодушевленные предметы отличаются большей сложностью, тогда как организованная материя — не более чем общедоступные углеводороды.

— Очень хорошо,— согласилась она, хотя и не была уверена, что карта важнее создавшего ее человека. Но если можно получить и то и другое... Она решительно кивнула: — Продолжайте.

Леди Глория внимательно смотрела, как внутри просторной камеры возникает силуэт здания. Скользя на антигравитационных носителях, оно утвердилось посреди огромной металлической палубы. Из кабины управления, качая головой, вышел техник и проводил Глорию вместе с полудюжиной подоспевших специалистов внутрь восстановленной метеостанции, обращая их внимание на несовершенства конструкции.

— На карте отмечено всего двадцать семь солнц,— сказал он.— Невероятно мало, даже если люди эти заселили только небольшой район пространства. Кроме того, взгляните, сколько здесь бурь, в том числе и далеко за пределами

солнечных систем и...— Он замолчал, уставившись в темный угол в двадцати футах за аппаратурой.

Леди Глория проследила за его взглядом: там лежал человек. Тело его сотрясала дрожь.

— Я считала,— заметила она холодно,— что человека мы оставили на самый конец.

Ученый был явно смущен.

— Видимо, ассистент плохо меня понял. Это...

— Не важно,— прервала его леди Глория.— Немедленно отправьте его в Психологический центр и скажите лейтенанту Неслор, что я вскоре там буду.

— Есть, благородная леди.

— Подождите. Передайте привет старшему метеорологу и пригласите его сюда. Я хочу, чтобы он взглянул на эту карту и высказал свое мнение.

Она крутнулась на пятке среди обступивших ее людей, обнажив в улыбке ровные белые зубы.

— Клянусь космосом, после долгих десяти лет что-то начало происходить. Если так пойдет и дальше, мы в два счета закончим эту игру в прятки.

Возбуждение кипело в ней подобно животворной силе.

Как ни странно, Страж понял, почему он жив, еще раньше того, как пришел в себя. Не намного, но раньше. Он ощутил пробуждение сознания и инстинктивно начал ежедневную деллианскую гимнастику мышц, нервов и разума — как всегда перед подъемом. Во время этого ритмичного цикла страшное подозрение обожгло его.

Приходит в себя? Он?!

В тот момент, когда мозг его едва не взорвался от пережитого шока, он понял, как все произошло. Он успокоился и погрузился в размышления, одновременно пристально разглядывая молодую женщину, сидевшую возле постели.

Овальное лицо с утонченными чертами было отмечено печатью высокомерия, обычно не свойственного столь молодым особам. Женщина изучающе рассматривала его серыми блестящими глазами. Под ее упорным взглядом в голове его воцарилась пустота. Наконец мысли вернулись. Они запрограммировали меня для спокойного пробуждения. Что еще

они сделали, о чем узнали? Мысль разрасталась, и он чувствовал, что вот-вот треснет череп. Что еще?

Он видел, что женщина улыбается — так, словно его беспамятство чем-то забавляло ее. Это действовало тонизирующе. И Страж был уже гораздо спокойнее, когда она произнесла серебряным голосом:

— Не бойтесь. По крайней мере так сильно. Как вас зовут?

Страж открыл было рот, но тут же закрыл снова и отрицательно покачал головой. На мгновение ему неудержимо захотелось объяснить, что ответ на единственный вопрос сломал бы оковы деллианской психической инерции и привел бы к разглашению всей тайны. Но такая информация тоже грозила поражением. Он пересилил себя и вновь покачал головой.

Женщина нахмурилась.

— Не хотите ответить на столь невинный вопрос? Ведь это ничем не грозит.

«Сначала имя,— думал Страж,— потом — с какой планеты; где она находится относительно звезды Джиссер; какова метеообстановка на трассе. И так без конца. Чем дольше я буду отказывать людям в информации, которой они добиваются, тем больше времени получат Пятьдесят Солнц для организации отпора самой страшной машине, которая когда-либо появлялась в этом районе космоса».

Мысли Стража путались. Взгляд женщины, наблюдавшей за ним, посуровел, а в голосе зазвучал металл:

— Кто бы вы ни были, знайте, что находитесь на борту имперского линкора «Звездный рой». Я — главный капитан Лорр, к вашим услугам. Знайте также, что мы безоговорочно требуем сообщить курс, который приведет наш корабль к вашей основной планете.— Она продолжила голосом, дрожащим от напряжения: — Убеждена, вы уже знаете, что Земля не признает независимых правительств. Космос неделим. Во вселенной нет места для враждебных наций, стремящихся к власти. Так гласит закон. Выступающие против него являются преступниками и несут наказание, меру которого определяет особый суд. Это предостережение.— Не ожидая ответа, леди Лорр отвернулась.— Лейтенант Неслор,— сказала она,

обращаясь к противоположной стене,— вы можете двинуться дальше?

— Да, благородная леди,— отозвался женский голос.— Я приняла за основу проведенные Мьюир-Грейсоном исследования обитателей колоний, долго остававшихся вне главного пути развития. История не знает прецедента столь длительной изоляции, какая имела место здесь, поэтому я считаю, что они уже миновали этап статичности и достигли некоторого прогресса. Но думаю, нам все же следует начать с простейшего. Несколько принудительных ответов откроют его сознание для дальнейшего давления; заодно мы сможем определить, как быстро растет его сопротивление цереброскопу. Разрешите приступить?

Женщина в шезлонге кивнула. Из стены ударил луч света. Страж попытался уклониться и впервые обнаружил, что некая сила приковывает его к постели. Не веревки или цепи — нечто невидимое, но все же крепкое, словно сталь, и эластичное, как резина.

Прежде чем он успел что-либо сообразить, свет ударил ему в глаза и ворвался в мозг — слепящим, яростным, пульсирующим блеском. Казалось, вместе с этим потоком света в его мозг ворвалась толпа голосов — пляшущих, поющих, болтающих голосов, твердящих на все лады: «Такой простой вопрос — конечно, я отвечу... конечно, конечно, конечно... Меня зовут Страж Джиссера. Я родом с планеты Кайдер-Три, из семьи деллиан. Мы заселили семьдесят планет вокруг Пятидесяти Солнц, население тридцать миллиардов, четыреста крупных бурь, самые грозные на широте четыреста семьдесят три. Правительство размещается на Кассидоре-Семь, чудесной планете...»

Ужаснувшись тому, что делает, Страж стянул обезумевшие мысли в деллианский узел, прерывая поток губительных слов. Он больше никогда не позволит застать себя врасплох, но... Поздно, слишком поздно!

Однако леди Лорр вовсе не была в этом уверена. Покинув Стража, она тотчас направилась в соседнюю комнату, где лейтенант Неслор, женщина средних лет, разбирала данные, снятые с приемных катушек. Психолог оторвалась от работы и удивленно сказала:

— Благородная леди, к моменту остановки регистрации его сопротивление стало эквивалентным ай-кью* восемьсот. Однако это совершенно невозможно, поскольку он начал говорить в точке давления, эквивалентной ай-кью сто шестьдесят семь. Это соответствует его типу и, как вам известно, является средним значением. За таким сопротивлением явно кроется какой-то метод тренинга. Думаю, ключом служит упоминание о деллианском происхождении. Интенсивность подскочила, когда он произносил эти слова. Нельзя игнорировать этот факт, разве что мы решим разрушить его психику.

Главный капитан отрицательно покачала головой, но произнесла только:

— Докладывайте по мере развития ситуации.

По пути к трансмиттеру она остановилась, чтобы проверить местонахождение корабля. Легкая улыбка тронула губы леди Глории, когда она увидела на экране тень линкора, кружащую вокруг Солнца.

«Мы топчемся на месте,— подумала она, ощутив холодок тревожного предчувствия.— Возможно ли, чтобы один человек задержал корабль, способный завоевать целую галактику?»

Старший метеоролог корабля лейтенант Кэннонс поднялся с кресла навстречу леди Глории, шедшей к нему через обширный зал трансмиттерного приемника, где располагалась метеостанция Пятидесяти Солнц. Лейтенант был стар и сед. Очень стар, подумала она, подходя к нему, и сказала себе:

«В этих людях, наблюдающих великие космические бури, пульс жизни бьется медленнее. Должно быть, они ощущают эфемерность всего сущего и бесконечность времени. Бури, которым нужен век, а то и больше, чтобы достичь всей полноты своей ревущей мощи, и люди, систематизирующие эти бури, заносящие их в каталоги, постепенно обретают черты духовного родства».

Лейтенант с присущей ему грацией поклонился и негромко произнес:

— Честь имею приветствовать главного капитана, ее сиятельство Глорию Сесилию, леди Лорр из благородных Лорров.

---

* Ай-кью (IQ, *англ.*) — коэффициент интеллектуальности; условная мера умственного развития, получаемая на основе системы тестов. *(Прим. перев.)*

Она признательно кивнула и развернула перед ним принесенную пленку. Метеоролог, хмурясь, выслушал ее, потом сказал:

— Широта, которую он указал для шторма, не имеет ни малейшего значения. Эти невероятные существа разработали для Большого Магелланова Облака систему координат, не привязанную к полюсам скопления. Видимо, они приняли за центр одно из солнц и, опираясь на него, создали собственную пространственную географию.

Старик круто повернулся и повел ее в центр метеостанции, к краю углубления, над которым висела восстановленная карта погоды.

— Она совершенно бесполезна для нас,— коротко сказал он.

— Почему?

Леди Глория перехватила удивленный взгляд его задумчивых глаз цвета закаленной стали.

— Скажите, что вы думаете об этой карте?

Женщина помолчала, отнюдь не расположенная компрометировать себя перед лицом столь крупного специалиста. Потом хмуро проговорила:

— Я полагаюсь на свои ощущения не меньше, чем на ваши знания. Пусть они создали собственную систему координат — мы должны сделать все, чтобы подобрать к ней ключ. Главная проблема сводится, на мой взгляд,— продолжала она увереннее,— к выбору направления, в котором мы должны двинуться из окрестностей этой метеостанции. Неверный выбор чреват досадной задержкой; но главное, из-за чего мы не можем уверенно проложить курс,— это, конечно же, опасность бурь.

Закончив, она вопросительно посмотрела на него. Старик печально покачал головой.

— Боюсь, все не так просто. Эти светлые точки, изображающие звезды, кажутся размером с горошину только благодаря преломлению света; но если взглянуть в микроскоп, видно, что диаметр их составляет всего несколько молекул. Если так выражаются их пропорции относительно звезд...

Леди Глория давно научилась управлять своими чувствами даже в самых трудных ситуациях. Вот и теперь, внутренне оше-

ломленная, она сумела сохранить спокойный, холодный, задумчивый вид. Наконец она спросила:

— Вы полагаете, что каждая из этих звезд, их солнц, затеряна среди тысяч других?

— Хуже того. Я хочу сказать, что они заселили только одну систему из десяти тысяч. Нам все время нужно помнить, что Большое Магелланово Облако — это мир пятидесяти с лишним миллионов солнц. Это мир, переполненный светом,— заключил лейтенант спокойно.— Если хотите, я проложу петляющий курс, который позволит с максимальной скоростью десять световых дней в минуту осмотреть все ближайшие звезды. Мы можем попытать счастья.

Главный капитан взбешенно дернула головой.

— Одну из десяти тысяч? Не говорите глупостей. Я случайно знаю, какова связь между законом средних чисел и десятью тысячами. Нам пришлось бы посетить не меньше двух с половиной тысяч солнц, если повезет, и от тридцати пяти до пятидесяти тысяч, если нет. Нет-нет.— Жестокая улыбка тронула тонкие губы.— Мы не будем терять пятьсот лет на поиски иглы в стоге сена. Я верю в психологию больше, чем в удачу. У нас есть человек, умеющий читать эту карту, и как бы долго он ни сопротивлялся, в конце концов заговорит.

Она направилась было к выходу, но остановилась.

— А что вы думаете о самом здании? Его конструкция вам что-нибудь напоминает?

Он кивнул.

— Тип, использовавшийся по всей галактике около пятнадцати тысяч лет назад.

— Какие-нибудь усовершенствования, изменения?

— Никаких, насколько я понимаю. Один наблюдатель делает все. Просто, примитивно.

Леди Глория стояла в задумчивости, чуть вытянув шею, словно пыталась разглядеть что-то сквозь туман.

— Странно. За пятнадцать тысяч лет они могли бы что-то сделать. Колонии, конечно, статичны всегда, но чтобы настолько...

Когда тремя часами позднее она читала текущие рапорты, дважды прозвенел негромкий сигнал астровизора. Два сооб-

щения... Первое было из Психологического центра и содержало единственный вопрос: «Можно ли разрушать психику пленника?»

— Нет! — ответила главный капитан Лорр.

Второе заставило ее бросить взгляд на экран орбитографа, испещренный символами: дурной старик игнорировал ее распоряжение не прокладывать курс. Усмехнувшись, леди Глория подошла ближе и долго изучала светящиеся кривые; потом отдала приказ включить главные двигатели. Она подождала, пока гигантский корабль не углубился во мрак ночи.

«В конце концов,— подумала она,— гоняться за двумя зайцами — обычное дело».

В первый день она смотрела вниз на внешнюю планету бело-голубого солнца. Планета плыла в темноте под кораблем — лишенная атмосферы масса камня и металла, однообразная и ужасная, как астероид, мир первозданных гор и долин, не тронутых дыханием жизни. Подзорный луч показывал только камень, бесконечный камень; никакого движения или хотя бы его следов.

Были здесь еще три планеты; причем одна из них — теплый зеленеющий мир, где девственные леса волновались под порывами ветра, а равнины кишели зверьем. Однако не было видно ни одного дома, ни единого свидетельства присутствия человека.

— На какую глубину проникает под поверхность ваше излучение? — мрачно спросила она по внутрикорабельному коммуникатору.

— Сто футов.

— Существуют ли какие-либо металлы, способные имитировать сто футов грунта?

— Несколько, благородная леди.

Разочарованная, она выключила коммуникатор. Из Психологического центра в тот день сообщений не поступало.

На второй день ее нетерпеливому взгляду явилось гигантское красное солнце. Вокруг своего массивного родителя кружили по орбитам девяносто четыре планеты. Две оказались обитаемы, но тоже изобиловали пустынями, а их животный мир был характерен для планет, не тронутых рукой и металлом цивилизации.

— Численность животных соответствует средней величине для миров, не заселенных разумными существами,— лаконично доложил старший офицер зоологической службы.

— А вам не приходило в голову, что это можно объяснить продуманной политикой охраны среды и запрещением обрабатывать землю даже для собственного удовольствия? — отбрила леди Глория.

Ответа не последовало; впрочем, она его и не ждала. И вновь ни слова от главного психолога лейтенанта Неслор.

Третье солнце находилось дальше. Главный капитан увеличила скорость до двадцати световых дней в минуту и получила болезненный урок, когда корабль влетел в небольшую бурю. Буря была действительно невелика, потому что вибрация металла едва началась, как все уже осталось позади.

— Пошли разговоры о том,— сказала леди Глория впоследствии тридцати капитанам, собравшимся на капитанский совет,— что мы должны вернуться в галактику и просить о посылке новой экспедиции, которая нашла бы этих затаившихся мошенников. Один из самых жалких голосов, дошедших до меня, напоминал, что мы совершили открытие по дороге домой и после десяти лет, проведенных в Облаке, имеем право на отдых.— Ее серые глаза сверкали, голос был холоден.— Смею вас заверить, что отнюдь не вдохновителям этих пораженческих разговоров предстоит докладывать о неудаче правительству его величества. И потому я заявляю упавшим духом и тоскующим по дому: мы останемся здесь еще на десять лет, если потребуется. Передайте офицерам и команде, чтобы были готовы. У меня все.

Вернувшись на мостик, она вновь не нашла сообщения из Психологического центра. Злость и нетерпение еще не остыли, когда она набирала номер, однако при виде спокойного, умного лица лейтенанта Неслор леди Глория взяла себя в руки.

— Что происходит, лейтенант? — спросила она.— Вы же знаете, как я жду дальнейшей информации от пленника.

Психолог покачала головой.

— Докладывать пока нечего.

— Нечего? — в голосе Лорр прозвучало изумление.

— Я дважды просила разрешения разрушить его психику,— последовал ответ.— Надеюсь, вы знаете, что я не предлагала бы этого без достаточных оснований.

Леди Глория знала, но неодобрение земного общественного мнения и необходимость отчитываться за каждый акт насилия над личностью до сих пор автоматически вызывали ее отказ. Однако сейчас... Прежде чем она успела сказать хоть слово, психолог заговорила вновь:

— Я неоднократно пыталась воздействовать на него во сне, упирая на бессмысленность сопротивления Земле, раз уж обнаружение их планет все равно неизбежно. Но это лишь убедило пленника, что прежние признания не принесли нам пользы.

Главный капитан перебила:

— Вы в самом деле считаете, что не остается ничего, кроме применения насилия, лейтенант? Больше ничего?

— Сопротивление, эквивалентное ай-кью восемьсот, при мозге с ай-кью сто шестьдесят семь,— просто сказала психолог,— это нечто небывалое в моей практике.

Леди Глория была ошеломлена.

— Я не могу этого понять,— недовольно сказала она,— хотя чувствую, что мы проглядели что-то жизненно важное. Итак: мы натыкаемся на метеостанцию в системе пятидесяти миллионов солнц и застаем там человека, который вопреки всем законам самосохранения немедленно лишает себя жизни, чтобы не попасть в наши руки. Сама станция — это старая галактическая развалина, ставшая за пятнадцать тысяч лет музейным экспонатом, хотя и такой огромный промежуток времени, и размах разума, с которым мы столкнулись,— все указывает на то, что изменения должны быть. Да и само имя человека — Страж — типично для древнего, бытовавшего еще до космической эры земного обычая давать имена по профессии. Не исключено, что даже наблюдение за этим солнцем переходит в его семье от отца к сыну. Есть в этом что-то угнетающее... что-то...— Она осеклась на полуслове и нахмурилась.— Что вы предлагаете?

Через минуту она кивнула:

— Понимаю... прекрасно, поместите его в одну из спален на капитанском мостике. Но о том, чтобы загримировать под меня одну из ваших амазонок, и думать забудьте. Я сама сделаю все, что нужно. До завтра.

Главный капитан холодно рассматривала пленника на экране астровизора. Страж лежал в постели почти неподвижно, с закрытыми глазами, но лицо выдавало необычайное внутреннее напряжение. Казалось, впервые за четыре дня он обнаружил, что узы, наложенные невидимой силой, отпускают его.

Женщина-психолог рядом с ней шепнула:

— Он полон подозрений и, вероятно, останется таким, пока вы хоть немного его не успокоите. Главные реакции должны все отчетливей концентрироваться на одной цели: с каждой минутой будет возрастать убеждение, что ему представится лишь единственный шанс уничтожить корабль и что он должен действовать решительно и безжалостно, не обращая внимания на риск. На протяжении последних десяти часов я самым деликатным образом формировала его будущее сопротивление нам. Сейчас вы увидите... Ах!

Страж сел на кровати. Он высунул ноги из-под одеяла, опустил на пол и встал. Движения его были исполнены необыкновенной силы. Мгновение гигант в серой пижаме медлил, явно обдумывая первый шаг; потом, быстро взглянув на дверь, направился к ряду ящиков в одной из стен, потянул первый попавшийся, после чего принялся выдвигать их по очереди, выламывая замки без малейшего усилия.

Обе женщины — леди Глория и лейтенант Неслор — затаили дыхание.

— Боже мой! — прошептала наконец психолог.— Не спрашивайте меня, как он это делает. Должно быть, сила является побочным эффектом его деллианского воспитания. Благородная леди...— В голосе ее прозвучала озабоченность, и главный капитан посмотрела на лейтенанта.

— Да?

— Стоит ли вам при таких обстоятельствах самой играть роль его укротителя? Он так силен, что без труда разорвет любого на куски...

Ее светлость Глория Сесилия прервала психолога властным жестом:

— Не могу допустить, чтобы какой-нибудь дурень все испортил. Я приму обезболивающее. Скажите, когда я должна войти.

Входя в приборный отсек капитанского мостика, Страж чувствовал внутри холод и напряжение. В одном из ящиков

он обнаружил свою одежду. Конечно, он не предполагал ее найти, но ящики вызвали у него интерес. Он применил делланскую сверхэнергетику движений, и замки уступили его силе.

Стоя на пороге, он окинул взглядом огромное полусферическое помещение. Спустя мгновение ужас, порожденный мыслью о том, что он сам и все его соплеменники погибли, переродился в надежду. На самом деле теперь он был свободен.

Эти люди даже не подозревали правды. На Земле наверняка давно забыли, кем был великий гений Джозеф М. Делл. Разумеется, его освободили с какой-то целью, но...

«Смерть,— безжалостно подумал он,— смерть им всем. Такая же смерть, какую они несли когда-то и не задумываясь принесут вновь».

Ряд за рядом обследуя приборы на контрольном щите, он краем глаза заметил женщину, вышедшую из ближней стены. Присмотревшись, он со свирепой радостью узнал ее: командир. Конечно, она была под прикрытием излучателей, но откуда им знать, что все это время он лихорадочно гадал, как заставить их пустить в ход оружие. Страж был уверен, что они не смогут вновь соединить частицы его тела. Сам факт его освобождения указывал на психологическую ловушку. Прежде чем он успел что-либо сказать, женщина с улыбкой произнесла:

— Разумеется, я не должна бы позволять вам изучать эти приборы. Но мы решили изменить отношение к вам. Свобода на корабле, возможность встреч с членами экипажа... Мы хотим убедить вас... убедить, что...

Его нескрываемая непримиримость была столь сильна, что женщина ощутила ее. Она запнулась, в явном раздражении передернула плечами, вновь улыбнулась — уже суше — и продолжала убеждающим тоном:

— Нам нужно, чтобы вы удостоверились: мы отнюдь не людоеды. Чтобы вы поверили: мы вовсе не несем вашим соплеменникам зла. Пора понять, что теперь, когда ваше существование перестало быть тайной, найти ваши планеты — это вопрос времени. Земля не жестока и меньше всего стремится к власти над миром. Ей нужно только честное сотруд-

ничество, да и то лишь во имя целостности космоса. Необходимо также единое уголовное законодательство, а минимальная заработная плата должна поддерживаться на высоком уровне. Кроме того, абсолютно запрещены любые войны. За исключением всего этого, каждая планета или их союз могут иметь собственные формы правления, торговать с кем угодно и жить по-своему. Думаю, здесь нет ничего страшного, и я не могу объяснить ваше странное самоубийство после обнаружения метеостанции.

«Сначала,— думал Страж, слушая ее,— я разобью ей голову. Лучше всего схватить ее за ноги и ударить о металл переборки или палубы. Кости поддадутся легко, и это, во-первых, послужит предостережением остальным офицерам корабля, а во-вторых, вызовет смертоносный залп ее охраны. Они слишком поздно поймут, что только огонь может меня задержать».

Он шагнул к ней и начал незаметно напрягать мышцы и нервы — накачка, необходимая деллианскому телу для реализации его сверхчеловеческих возможностей.

Женщина продолжала:

— Вы проговорились, что ваш народ заселил пятьдесят солнц. Почему только пятьдесят? За двенадцать тысяч лет, если не больше, ваша популяция могла вырасти до двенадцати триллионов.

Страж сделал следующий шаг. Еще один. Он знал, что теперь должен отвечать, если в эти решающие секунды не хочет навлечь на себя подозрений.

— Почти две трети наших браков бездетны,— сказал он.— Так уж неудачно сложилось, что мы разделены на два вида и, хотя межвидовые браки довольно обычны...

Страж был почти у цели; он слышал голос женщины:

— Вы хотите сказать, что возникла мутация и виды не могут скрещиваться?

Он оставил вопрос без ответа. До женщины оставалось десять футов, и, подобно тигру, Страж метнулся через разделяющее их пространство.

Первый огненный луч рассек его слишком низко, чтобы убить, но вызвал сильную тошноту и свинцовую тяжесть. Он услышал ее крик:

— Лейтенант Неслор, что вы делаете?

Но он уже схватил ее. Пальцы Стража вцепились в руку, которой женщина пыталась защититься, когда второй залп ударил его выше — в грудь, и рот заполнился кровавой пеной. Невзирая на всю силу воли, Страж ослабил хватку, и рука женщины выскользнула из пальцев. О космос, как же он жаждал забрать ее с собой в царство смерти!

Женщина снова закричала:

— Вы сошли с ума, лейтенант? Прекратите огонь!

Прежде чем неистовый огненный луч обжег его в третий раз, в сознании Стража вспыхнула последняя мысль, всепоглощающая и сардоническая: «Она ничего не подозревает. Но есть кто-то другой; кто-то, в этот последний момент постигший истину. Слишком поздно,— подумал он,— слишком поздно, дурачье! Гонитесь, охотьтесь! Наши получили предупреждение, и у них есть время, чтобы укрыться еще лучше. А Пятьдесят Солнц рассыпаны, рассеяны среди миллионов звезд, среди...»

Смерть оборвала его мысли.

Женщина поднялась с пола и стояла, покачиваясь от головокружения, с трудом подчиняя чувства контролю сознания. Словно сквозь туман она видела, как лейтенант Неслор вышла из трансмиттера, задержалась возле тела Стража Джиссера, потом бросилась к ней.

— Вы целы, дорогая? Так трудно стрелять через астровизор, а...

— Сумасшедшая! — Главный капитан обрела голос.— Вы понимаете, что теперь тело не может быть восстановлено? Огонь разрушил жизненно важные органы... Теперь все кончено. Нам придется вернуться домой без...— Она замолчала, заметив, что психолог с изумлением вглядывается в нее.

— Его агрессивные цели не вызывали сомнения, и все было слишком быстро для моих аппаратов,— сказала лейтенант Неслор.— И вообще, его поведение не укладывалось в рамки человеческой психики. В последний момент я вспомнила о Джозефе Делле и о том, какую кровавую резню пятнадцать тысяч лет назад учинили его сверхлюдям. Трудно вообразить, что некоторым удалось скрыться и основать цивилизацию в этом уголке космоса. Теперь вы понимаете: деллианин — Джозеф М. Делл — создатель идеального робота.

Глава 1

Уличный громкоговоритель с треском ожил, и раздался громкий мужской голос:

— Внимание, граждане планет Пятидесяти Солнц! Говорит земной линкор «Звездный рой». Сейчас к вам обратится ее сиятельство Глория Сесилия, леди Лорр из благородных Лорров, главный капитан «Звездного роя».

Направлявшийся к стоянки аэрокаров Питер Мэлтби остановился на полпути, едва заслышал первые слова. Он заметил, что и остальные пешеходы остановились.

Планета Лант была ему в новинку. Ее столица казалась очаровательно провинциальной, особенно после густонаселенного Кассидора, где располагалась главная база Космического флота Пятидесяти Солнц. Корабль Мэлтби приземлился накануне, выполняя отданный всему военному флоту приказ — немедленно укрыться на ближайших населенных планетах. По слухам, распространившимся в офицерской столовой, этот отдававший паникой приказ был вызван появлением земного звездолета, чью радиопередачу и транслировали в этот момент по системе общей тревоги.

Голос из громкоговорителя торжественно объявил:

— Слушайте леди Лорр!

Сразу после этого зазвучал чистый уверенный голос молодой женщины:

— Жители Пятидесяти Солнц, мы знаем, что вы здесь. Несколько лет мой корабль «Звездный рой» картографировал Большое Магелланово Облако. Случайно мы наткнулись на одну из ваших метеостанций и захватили дежурившего там наблюдателя. Он покончил с собой, но перед тем мы узнали, что среди сотни миллионов звезд этого скопления находятся пятьдесят населенных планетных систем — всего семьдесят планет,— на которых живут люди. Мы стремимся найти вас, хотя на первый взгляд может показаться, что задача невыполнима. Действительно, определить местонахождение Пятидесяти Солнц, затерянных между ста миллионами звезд, практически невозможно. Но мы нашли решение. Слушайте внимательно, граждане Пятидесяти Солнц. Нам известно, что ваше общество состоит из деллианских роботов и людей —

нон-деллиан. Хотя, впрочем, и деллианские роботы тоже существа из плоти и крови. Просматривая наши исторические хроники, мы прочли о бессмысленных бунтах, имевших место пятнадцать тысяч лет назад, о бунтах, ужаснувших ваших предков и заставивших их покинуть галактику Млечного Пути, чтобы искать убежище вдали от земной цивилизации. Пятнадцать тысяч лет — это большой промежуток времени. Люди изменились. То, что испытали ваши предки, повториться не может. Я говорю это, чтобы успокоить вас. Потому что вы должны вернуться в человеческое сообщество. Вы должны присоединиться к земному галактическому содружеству, подчиниться некоему минимуму всеобщих законов и открыть космические порты для торговых кораблей союза. Зная, что у вас есть особые причины скрываться от нас, я предоставляю вам звездную неделю, по истечении которой вы обязаны указать местоположение своих планет. В течение указанного срока мы ничего не станем предпринимать, но если через звездную неделю контакт не будет установлен, то за каждый звездный день промедления вы понесете наказание. В одном вы можете быть уверены: мы найдем вас. И быстро!

Динамик умолк, как бы ожидая, пока смысл этих слов дойдет до слушателей.

— Всего один корабль,— произнес мужчина, стоящий рядом с Мэлтби.— Чего нам бояться? Уничтожить его, прежде чем он сможет вернуться в галактику Млечного Пути и сообщить о нас.

В разговор вмешалась женщина:

— Может, она блефует? — В голосе звучало сомнение.— Неужели она действительно верит, что найдет нас?

— Вздор,— буркнул еще кто-то.— Старая проблема иглы в стоге сена, только еще труднее.

Мэлтби промолчал, хотя склонялся к тому же мнению. Ему казалось, что главный капитан земного корабля, эта самая леди Лорр, блуждает в самой глубокой тьме, когда-либо окружавшей цивилизацию.

Из громкоговорителя вновь поплыл голос ее сиятельства Глории Сесилии:

— На тот случай, если ваши меры времени расходятся с нашими, объясняю, что звездный день состоит из двадцати

часов по сто минут каждый. В минуте сто секунд, за каждую из которых свет проходит ровно сто тысяч миль*. Наш день несколько длиннее, чем по старому стилю: тогда минута состояла из шестидесяти секунд, а свет за секунду преодолевал больше ста восьмидесяти шести тысяч трехсот миль. Итак, время пошло. Ровно через неделю вы снова услышите меня.

Наступила пауза. Затем голос диктора — того самого, что представил женщину,— произнес:

— Граждане Пятидесяти Солнц, вы слушали запись сообщения, полученного около часа тому назад. Руководствуясь указаниями Совета Пятидесяти Солнц, мы предали его гласности, чтобы всесторонне информировать население о грозящей опасности. Но пока возвращайтесь к своим повседневным делам и не сомневайтесь, что все возможное будет сделано. Дальнейшую информацию мы станем передавать по мере поступления.

Мэлтби жестом подозвал сразу же приземлившийся аэрокар.

Не успел он опуститься на свободное сиденье, как соседнее место заняла какая-то женщина. Мэлтби ощутил в мозгу слабый отклик, словно владевшее попутчицей возбуждение коснулось его разума. Зрачки его чуть расширились, но больше он ничем не выдал своего состояния.

— Вы слышали сообщение? — спросила она чуть погодя.

— Да.

— И что вы об этом думаете?

— Их командир выглядит весьма самоуверенной.

— Вы заметили, что она разделила нас всех на деллианских роботов и нон-деллиан?

Его не удивило, что женщина тоже это отметила. Земляне понятия не имели, что на планетах Пятидесяти Солнц обитала еще и третья раса — мезоделлиане. Тысячи лет с момента миграции браки деллиан с нон-деллианами были бесплодны. Наконец благодаря открытию так называемого метода холодного давления рождение детей у них стало возможным. В результате появился мезоделлианин с двойным разумом, наделенный деллианской физической силой и нон-деллианскими

---

* Имеется в виду сухопутная миля, равная 1609 м. *(Прим. перев.)*

творческими способностями. При хорошей координации двойной разум мезоделлианина мог подчинить себе любое человеческое существо с унитарным сознанием.

Мэлтби был мезоделлианином — так же как и его соседка; он определил это по тому, как легко вошла она в контакт с его разумом. Правда, между ними была небольшая разница: он обладал законным правом находиться на Ланте и всех других планетах Пятидесяти Солнц, тогда как она таким легальным статусом не обладала. Ей грозили тюрьма или смерть.

— Мы искали вас,— сказала она,— с того самого момента, когда до нашей штаб-квартиры дошло известие об этой истории, то есть уже час. Что, по-вашему, мы должны предпринять?

Ему, капитану Космического флота Пятидесяти Солнц, нелегко было одновременно выступать в роли наследного вождя мезоделлиан. Двадцать лет назад они сделали попытку вооруженного захвата власти над планетами Пятьюдесяти Солнц. Попытка кончилась полным провалом, в результате чего все мезоделлиане были объявлены вне закона. Мэлтби, тогда еще совсем мальчика, поймал деллианский патруль. Его воспитал флот. Это был эксперимент — попытка как-то решить мезоделлианскую проблему. Окружающие не щадили сил, чтобы привить Мэлтби лояльность по отношению к обществу Пятидесяти Солнц в целом; в значительной мере это удалось. Однако его учителя и не подозревали, что в руках у них — наследный вождь мезоделлиан.

В сознании Мэлтби столкнулись противоречивые интересы — конфликт, которого он до сих пор не смог разрешить.

— По-моему,— произнес он задумчиво,— мы должны идти рука об руку с деллианами и нон-деллианами. В конце концов, мы тоже относимся к миру Пятидесяти Солнц.

— Уже пошли разговоры,— возразила женщина,— что мы могли бы, возможно, получить некоторые преимущества, выдав землянам положение одной из планет.

Невзирая на двойственность воспитания, подобная возможность на мгновение заворожила Мэлтби. И он видел, что женщина поняла это. Ситуация сложилась динамичная и богатая возможностями.

«Я догадывался, что по темпераменту не гожусь в интриганы»,— с горечью подумал Мэлтби.

Постепенно он успокоился, привел мысли в порядок и почувствовал себя в силах объективно вести дискуссию.

— Если земляне обнаружат нас и признают правительство, все останется по-прежнему.

Женщина — она была стройной блондинкой — хмуро усмехнулась; голубые глаза ее дико сверкнули.

— Если мы выдадим их, то сможем поставить условием признание нашего равноправия. По существу, это все, чего мы хотим.

— Все? — Мэлтби лучше знал амбиции мезоделлиан, и знание это не доставляло ему удовольствия.— Насколько я помню, войну мы начинали с другими целями.

— Ну и что? — вызывающе бросила она.— У кого больше прав для занятия доминирующего положения? Физиологически мы стоим выше и деллиан, и нон-деллиан. Каждый из нас знает, что мы, может быть, единственная сверхраса в галактике.— Голос ее прерывался от волнения.— Теперь возьмем другую, поистине грандиозную возможность. Эти люди с Земли никогда не встречали мезоделлиан. Если мы введем достаточное число наших на борт их корабля, то, используя преимущество внезапности, сможем добыть новое решающее оружие. Понимаете?

Мэлтби понимал многое — в том числе и то, что многие легко принимают желаемое за действительное.

— Дорогая моя,— ответил он,— нас слишком мало. Вспомните, восстание против правительства Пятидесяти Солнц провалилось — несмотря на неожиданность и первоначальные успехи. Будь у нас время, мы, может, и добились бы победы. Но наши притязания превосходят наши возможности.

— Ханстон считает, что критические моменты — самое подходящее время для действий.

— Ханстон? — непроизвольно воскликнул Мэлтби и осекся.

Рядом с колоритным и напористым Ханстоном он чувствовал себя бесцветным. На Мэлтби лежала неблагодарная задача: удерживать от необдуманных поступков молодых энтузиастов. Через своих союзников — людей, как правило, умудренных опытом, друзей умершего отца, он не мог сделать ничего другого, кроме как проповедовать осторожность. Это не прибавляло ему популярности. Ханстон являлся вторым

по значению лидером мезоделлиан. Его призыв «действовать немедленно» импонировал молодым людям, знавшим о катастрофе предыдущего поколения лишь по рассказам. Их лозунгом было: «Тогда вожди ошиблись; мы не ошибемся».

Сам Мэлтби не стремился к власти над народами Пятидесяти Солнц. С годами он все чаще задавался вопросом, как направить амбиции мезоделлиан на менее воинственный путь. И до сих пор не смог найти ответ.

— Когда все общество в опасности, необходимо сплотиться,— проговорил он медленно, но твердо.— Нравится нам или нет, но мы принадлежим к цивилизации Пятидесяти Солнц. Может, и стоит выдать ее Земле, но это не тот вопрос, который можно решить за час после того, как представился удобный случай. Передайте Скрытым городам, что я требую три дня на обсуждение и дискуссии. На четвертый день будет проведен плебисцит: предавать или нет. Это все.

Краем глаза он заметил, что женщина не в восторге. Выражение ее лица внезапно стало замкнутым: она еле сдерживала гнев.

— Дорогая моя,— добавил он мягко,— надеюсь, вы не собираетесь пойти против воли большинства?

По изменившемуся лицу женщины Мэлтби понял, что пробудил в ее сознании старый демократический конфликт. Секрет его власти над соплеменниками заключался именно в этом. Совет мезоделлиан, председателем которого он являлся, со всеми важными делами обращался непосредственно к обществу. Время подтвердило, что плебисциты пробуждают в людях консервативные инстинкты. Те, кто месяцами сердито требовал немедленных действий, в большинстве своем становились гораздо осмотрительнее, взяв в руки избирательный бюллетень. Немало грозных политических бурь утихало перед урной для голосования.

После продолжительной паузы женщина медленно заговорила:

— За четыре дня какое-нибудь другое сообщество может принять решение выдать местонахождение Пятидесяти Солнц, и мы лишимся преимущества. Ханстон считает, что в переломный момент правительство должно действовать без промедления. Потом будет достаточно времени, чтобы разобраться, правильное это решение или нет.

По крайней мере, на такое у Мэлтби был наготове достойный ответ:

— Сейчас решается судьба всей цивилизации. Может ли один человек или небольшая группа лиц взять на себя ответственность за судьбу, с одной стороны, нескольких сотен тысяч своих сподвижников, а с другой — шестидесяти миллиардов граждан Пятидесяти Солнц? По-моему, нет. А теперь мне пора. Желаю удачи!

Мэлтби вышел из машины и, не оглядываясь, зашагал по направлению к стальной ограде, окружавшей одну из тех небольших баз, которые Вооруженные силы Пятидесяти Солнц содержали на Ланте.

Часовой у ворот, нахмурясь, проверил его документы и официальным тоном заявил:

— Капитан, мне приказано препроводить вас в Капитолий на совещание членов здешнего правительства и представителей военного командования. Согласны ли вы идти добровольно?

— Разумеется,— ответил Мэлтби с самым беспечным видом.

Минутой позже военный аэрокар уже уносил Мэлтби назад, по направлению к городу. Однако ситуация отнюдь не была безысходной: в любой момент, сконцентрировав должным образом усилия своего двойного сознания, Мэлтби мог взять под телепатический контроль и охранника, и пилота. Однако пока он решил ничего не предпринимать: конференция столь высоко уровня не представляла непосредственной угрозы для капитана Питера Мэлтби. Наоборот, она могла послужить источником информации.

Суденышко приземлилось во дворе между двумя зданиями с увитыми плющом стенами. За дверью открылся широкий, залитый светом коридор, который привел в зал, где вокруг огромного круглого стола сидело множество людей. О прибытии капитана, очевидно, были предупреждены — стоило Мэлтби появиться на пороге, как все разговоры немедленно стихли, и взгляду его предстала длинная череда обращенных к нему лиц. Двоих из присутствующих Мэлтби знал лично — оба были в мундирах старших офицеров Космического флота. Они приветливо кивнули Мэлтби, и тот ответил каждому коротким кивком.

Ни с кем из остальных — включая четырех других военных — Мэлтби встречаться не приходилось, хотя он узнал нескольких здешних государственных деятелей и офицеров лантского гарнизона. Деллиан с первого же взгляда можно было легко отличить от нон-деллиан: первые, все без исключения, выделялись внушительным ростом, красотой и могучим телосложением. Нон-деллиане же разительно отличались друг от друга. Поднялся невысокий тучный нон-деллианин, сидевший во главе стола лицом к двери. По фотографиям в газетах Мэлтби узнал в нем Эндрю Крейга, министра лантского правительства.

— Джентльмены,— начал он,— давайте говорить с капитаном Мэлтби без околичностей.— И, обращаясь уже непосредственно к Мэлтби, продолжил: — Мы долго совещались относительно угрозы со стороны так называемого земного линкора. Ультиматум, предъявленный недавно командующей ими женщиной, вы, очевидно, слышали.

— Слышал,— кивнув, подтвердил Мэлтби.

— Хорошо. Ситуация представляется следующим образом. Более или менее очевидно, что, невзирая на заманчивость сделанных предложений, обнаруживать себя нам не следует. Некоторые участники совещания полагают, что земляне, раз уж они достигли Большого Магелланова Облака, рано или поздно сумеют нас обнаружить. Однако это может случиться и через тысячи лет. Наша позиция такова: надо объединиться и не вступать в контакт. В следующем десятилетии — увы, это займет много времени — мы сможем отправить экспедицию в галактику Млечного Пути, чтобы выяснить, что же там происходит. Получив более полную и достоверную информацию, мы сможем окончательно решить вопрос об установлении с Землей дипломатических отношений. Как видите, предложение достаточно разумное.

Он замолчал, выжидательно глядя на Мэлтби. Во всем облике Крейга чувствовалось тщательно скрываемое беспокойство.

— Действительно разумное,— ровным голосом сказал Мэлтби. Кое-кто из присутствующих облегченно вздохнул.— Однако,— продолжил капитан,— можете ли вы быть уверены, что какое-либо сообщество или планета не откроет земно-

му кораблю наше местонахождение? Существует множество людей, множество планет, и у всех свои интересы.

— В этом мы отдаем себе отчет,— заявил толстяк.— Потому-то вы и приглашены на нашу встречу.

Мэлтби не назвал бы это приглашением, но от комментариев воздержался.

— Мы уже получили решения всех правительств Пятидесяти Солнц,— продолжал оратор.— Все единодушно решили оставаться в тени. Однако каждому ясно: любые наши усилия сохранить единство останутся тщетными, пока мы не обретем уверенности, что мезоделлиане не воспользуются сложившейся ситуацией в собственных интересах.

Теперь Мэлтби понял, зачем его пригласили. Он ощутил, что в отношениях между мезоделлианами и остальными народами Пятидесяти Солнц наступил кризис и кризис этот неминуемо станет переломным моментом его собственной жизни.

— Джентльмены,— сказал он,— насколько я понимаю, вы хотите предложить мне связаться с другими представителями моей расы. Однако любой подобный контакт поставит меня, капитана Вооруженных сил Пятидесяти Солнц, в более чем двусмысленное положение.

Вице-адмирал Дрихан, командир линкора «Атмион», на борту которого Мэлтби служил в качестве помощника главного астрогатора и одновременно главного метеоролога, произнес:

— Капитан, вы вправе принять любое сделанное вам здесь предложение, не опасаясь, что ваше сложное положение будет истолковано превратно.

— Прошу запротоколировать это, а также и всю дальнейшую дискуссию,— сказал Мэлтби.

Крейг кивнул стенографистам:

— Приступайте.

— Продолжайте,— предложил Мэлтби.

— Как вы правильно поняли, капитан,— начал Крейг,— мы хотим, чтобы вы передали наши предложения...— он замялся, слегка нахмурившись и словно бы не решаясь выговорить вслух само название поставленной вне закона расы,— Правящему совету мезоделлиан. Мы полагаем, что у вас есть возможность сделать это.

— Несколько лет назад,— подтвердил Мэлтби,— я докладывал своему командиру о том, что меня посетили эмиссары мезоделлиан и что связь с ними может быть легко установлена на любой из планет Пятидесяти Солнц. Тогда было принято решение сознательно не обращать внимания на деятельность этих агентов, поскольку в противном случае они могли бы уйти в подполье, не уведомив меня, где их можно найти в дальнейшем.

Естественно, решение Мэлтби информировать Вооруженные силы о существовании подобных агентов было предварительно утверждено плебисцитом мезоделлиан. В противном случае его контакты с эмиссарами совета выглядели бы подозрительно. Было очевидно, что Пятьдесят Солнц не станут вмешиваться в действия агентов — по крайней мере до тех пор, пока ситуация не станет исключительной. Расчет был точным, но сейчас сложилась как раз исключительная ситуация.

— Откровенно говоря,— продолжал Крейг,— мы убеждены, что мезоделлиане не преминут использовать нынешнее положение вещей для упрочения своих позиций.— Он подразумевал политический шантаж, и то, что для изложения своей мысли он прибег к подобному эвфемизму, достаточно красноречиво характеризовало ситуацию.— Я уполномочен предложить мезоделлианам ограниченные гражданские права — везде, за исключением нескольких оговоренных планет,— и право проживания в городах, причем круг гражданских и политических прав этой группы населения будет пересматриваться в сторону расширения каждые десять лет при условии, что поведение мезоделлиан в течение предшествующего периода окажется достаточно лояльным.

Он смолк, и Мэлтби заметил, что все собравшиеся смотрят на него с напряженным вниманием. Молчание нарушил один из политиков-деллиан:

— Что вы об этом думаете?

Мэлтби вздохнул. Будь эти предложения сделаны до появления земного корабля, их можно было бы счесть великолепными. Старая история — по мере того как способность власти контролировать ситуацию слабеет, она идет на уступки. Мэлтби заговорил — бесстрастно, взвешивая каждое слово,

внимательно следя за тем, чтобы не только в словах, но и в тоне не проскользнуло ни тени агрессивности, к чему обязывало то обстоятельство, что сформулированные Крейгом тезисы являлись разумными и честными. Зная о притязаниях отдельных групп мезоделлиан, Мэлтби был готов согласиться, что слишком значительные уступки таили в себе угрозу — как для самих его соплеменников, так и для их мирно настроенных соседей. Памятуя о прошлом, нельзя было не признать законным требование ограничений и испытательного срока. Поэтому Мэлтби считал необходимым поддержать сделанные правительством предложения, которые могли послужить толчком к восстановлению нормальных отношений между всеми группами населения Пятидесяти Солнц. Однако свою точку зрения он выразил достаточно осторожно.

— Мы будем ждать и присматриваться,— закончил он.

После его речи воцарилась недолгая тишина, которую нарушил груболицый нон-деллианин, резко заметивший:

— Сдается, мы попусту тратим время на эту трусливую игру. Хотя Пятьдесят Солнц долгое время жили в мире, у нас все еще состоит на вооружении больше ста линкоров, не говоря уже о множестве более легких кораблей. В конце концов, в наши пределы вторгся один-единственный земной линкор. Я предлагаю послать флот — пусть уничтожит его! Таким же образом мы станем уничтожать всякого землянина, который найдет дорогу к нам. Может понадобиться десять тысяч лет, чтобы они снова случайно наткнулись на нас.

— Мы уже обсуждали это предложение,— заметил вице-адмирал Дрихан.— Это неразумно по очень простой причине: земляне могут обладать неизвестным нам оружием и победить. Мы не можем предоставить им такой возможности.

— Мне все равно, как вооружен единственный корабль,— решительно возразил тот.— Если флот исполнит свой долг, все наши проблемы будут решены самым простым и надежным способом.

— Это крайняя мера,— отрезал Крейг и вновь обратился к Мэлтби: — Можете довести до сведения мезоделлиан, что в случае, если они отвергнут наши предложения, мы располагаем достаточно мощным флотом против незваных гостей. Другими словами, ступив на путь предательства, они не получат ничего. Вы свободны, капитан.

Глава 2

На борту земного линкора «Звездный рой» главный капитан, ее сиятельство Глория Сесилия, леди Лорр из благородных Лорров, сидела перед пультом на капитанском мостике, всматриваясь в космическую бездну и размышляя над сложившейся ситуацией.

Перед ней располагался экран мультипланера, настроенный на максимальную прозрачность. За ним, пронизанная кое-где звездами, простиралась тьма вселенной; в той стороне, куда она смотрела, невооруженный глаз мог различить лишь несколько наиболее ярких звезд да туманные сгустки света, указывающие на существование звездных скоплений. В левой части экрана угадывалось огромное тускло светящееся пятно — галактика Млечного Пути, где Земля была лишь одной из планет в одной из систем, песчинкой в космической пустыне.

Женщина почти не замечала всего этого. За многие годы изменчивые космические пейзажи стали привычным фоном ее жизни; она видела и не видела их одновременно. Леди Глория улыбнулась, как улыбается человек, принявший наконец нелегкое решение, и нажала кнопку. На экране перед ней возникло мужское лицо.

— Меня информировали, капитан,— без всяких преамбул начала она,— что на корабле нашлись недовольные нашим решением остаться в Большом Магеллановом Облаке для поисков цивилизации Пятидесяти Солнц.

Поколебавшись, капитан уклончиво ответил:

— Ваше сиятельство, я действительно слышал, что ваш приказ приступить к поискам не встретил единодушного одобрения экипажа.

Замена формулировки «наше решение» на «ваш приказ» не ускользнула от внимания леди Глории.

— Естественно,— продолжал капитан,— я не мог поговорить с каждым из членов экипажа, поскольку их тридцать тысяч.

— Естественно,— с иронией в голосе согласилась она.

— Мне кажется, ваше сиятельство,— отводя глаза, проговорил офицер,— что по этому поводу следовало бы провести всеобщее голосование экипажа.

— Вздор! Все проголосуют за возвращение домой. За десять лет, проведенных в космосе, они превратились в слизняков. Слишком мало разума в головах и твердости в душах. Капитан,— голос ее был мягок, но глаза грозно сверкали,— по вашему тону и поведению я чувствую, что эмоционально, подсознательно вы согласны с ними, что вы тоже заражены детским стадным инстинктом. Вспомните древний закон космических полетов: «Кто-то должен вести вперед». Не зря же отбор офицеров столь тщателен — они не должны поддаваться этой слепой тяге к дому. Общеизвестно, что людям, сходящим с ума по своим планетам, возвращение домой, как правило, доставляет лишь краткое эмоциональное удовлетворение; затем они вновь стремятся присоединиться к любой длительной экспедиции. Мы слишком далеки от нашей галактики, чтобы позволить себе роскошь недостатка дисциплины.

— Я знаком с подобной аргументацией,— спокойно сказал офицер.

— Рада слышать это,— сухо ответила главный капитан Лорр и прервала связь.

Затем она вызвала астронавигаторскую. Ответил молодой офицер.

— Подготовьте мне расчеты серии орбит, по которым мы можем пересечь Большое Магелланово Облако в самые короткие сроки,— сказала она ему.— Мимо каждой из звезд Облака мы должны при этом проходить на расстоянии не более пяти световых лет.

Лицо юного офицера вытянулось.

— Ваше сиятельство,— задохнулся он,— это самый поразительный приказ, какой я когда-либо получал. Это звездное скопление достигает шести тысяч световых лет в диаметре. С какой скоростью вы рассчитываете двигаться, учитывая, что мы не имеем ни малейшего представления о расположении бурь?

Реакция юноши привела леди Глорию в замешательство, перешедшее в раздражение — раздражение против нее самой. На мгновение она потеряла обычную уверенность. До сих пор необъятность пространства, которое предстояло пересечь, представлялась ей весьма отвлеченно.

Отогнав сомнения, она вновь взяла себя в руки.

— Полагаю, что плотность районов в Облаке ограничивается приблизительно одним световым годом на каждые тридцать минут.— И резко закончила: — Пусть ваш начальник известит меня, когда расчеты будут готовы.

— Слушаюсь,— тусклым голосом ответил молодой офицер.

Леди Глория выключила селектор, опустилась в кресло и одним движением переключателя превратила расположенный перед нею иллюминатор в зеркало. Она вгляделась в собственное отражение. На нее смотрела стройная, смуглолицая, довольно красивая женщина лет тридцати пяти. Отражение улыбалось — едва заметной иронической улыбкой, свидетельствовавшей об удовлетворенности обоими предпринятыми шагами. Ее слова разнесутся по кораблю, и люди постепенно начнут понимать, чего добивается главный капитан. Сначала они придут в отчаяние, затем смирятся. Сожалений она не испытывала, ибо ни минуты не сомневалась: правительство Пятидесяти Солнц не выдаст положения ни одной из своих планет.

Она пообедала здесь же, на мостике, ощущая глубокое волнение. Борьба за судьбу экспедиции была неизбежна, и леди Глория понимала, что должна быть готовой ко всему. За время обеда ее трижды вызывали по внутренней связи, так что в конце концов пришлось включить автоответчик; теперь она могла не обращать внимания на вызовы. Включение автоответчика подразумевало: «Я здесь, но прошу не беспокоить, если нет ничего срочного». Каждый раз звонок умолкал через несколько секунд.

После обеда она прилегла, намереваясь немного вздремнуть и подумать. Однако вскоре встала, подошла к трансмиттеру, настроила его — и вышла в Психологическом центре, в полумиле от мостика.

Лейтенант Неслор, главный психолог, появилась из соседней комнаты и сердечно приветствовала леди Глорию. Главный капитан поделилась своими заботами.

— Я так и думала, что вы захотите видеть меня,— кивнула психолог.— Если можете, подождите минутку. Я передам пациента ассистенту, и мы поговорим.

В скором времени она вернулась, и леди Глория с интересом спросила:

— Много у вас пациентов?

— Мой персонал,— ответила лейтенант Неслор, пристально изучая ее своими серыми глазами,— проводит по восемьсот часов процедур еженедельно.

— При вашем оборудовании звучит пугающе.

— В последние годы число пациентов растет,— кивнула лейтенант Неслор.

Леди Глория пожала плечами и уже собралась сменить тему, как вдруг ей в голову пришла мысль.

— Что их терзает? — поинтересовалась она.— Тоска по дому?

— Пожалуй, это можно назвать и так, хотя мы применяем несколько других профессиональных терминов. И не судите их слишком строго,— повернула разговор психолог.— У тех, чья работа не отличается разнообразием, нелегкая жизнь. Хотя корабль и велик, но с каждым годом у людей все меньше возможностей для удовлетворения личных интересов.

Ее сиятельство Глория Сесилия открыла было рот, собираясь сказать, что ее работа тоже не блещет разнообразием, но вовремя спохватилась: такая реплика прозвучит фальшиво, даже снисходительно. Несмотря на это, она упрямо встряхнула головой.

— Не понимаю. У нас на борту есть все. Равное число мужчин и женщин, работы полно, продовольствия в избытке, а уж развлечений каждому хватит не на одну жизнь. Вы можете гулять в тени деревьев, растущих по берегам неиссякающих потоков. Имеете право жениться и разводиться — хотя, разумеется, о детях не может быть и речи. Множество веселых холостяков и девиц. У каждого своя каюта, и все знают, что на их счета поступают деньги, которые по окончании экспедиции позволят удалиться на покой.— Она нахмурилась.— И наконец, открытие цивилизации Пятидесяти Солнц не может не оказать стимулирующего воздействия на экипаж.

— Глория, дорогая,— улыбнулась лейтенант Неслор,— вы не правы. Это стимулирует нас с вами, потому что мы — специалисты. Что до меня, то я жду не дождусь, когда увижу, как мыслят и действуют эти люди. Я изучала историю так назы-

ваемых деллианских роботов и нон-деллиан, и для меня здесь действительно открывается целый мир. Для меня — но не для кока, готовящего для меня обед.

Лицо главного капитана обрело прежнюю решимость.

— Боюсь, коку придется с этим смириться. А теперь — к делу. Перед нами стоит двойная проблема: как сохранить контроль над кораблем и как обнаружить Пятьдесят Солнц. В такой последовательности, по-моему.

Разговор их закончился лишь тогда, когда давно уже наступил основной период сна. Леди Лорр вернулась в свои апартаменты рядом с капитанским мостиком, убежденная, что проблемы, как она и предполагала, имеют прежде всего психологический характер.

Неделя передышки прошла без происшествий.

Едва последний ее час миновал, главный капитан созвала совет капитанов — совещание командиров служб и подразделений гигантского корабля. Прекрасно разбираясь в людях, Глория могла заранее предсказать реакцию офицеров, но именно потому первыми же словами беспощадно ударила по самому больному месту в душах собравшихся.

— Я считаю, леди и джентльмены, что мы должны оставаться здесь до тех пор, пока не отыщем цивилизацию Пятидесяти Солнц — даже если на это уйдет еще десять лет.

Тридцать капитанов — четверо из них были женщины — переглянулись и беспокойно зашевелились.

Ее сиятельство Глория Сесилия, леди Лорр из благородных Лордов, продолжала:

— Примите во внимание, признайте как непреложный факт, что стратегия длительного методичного обследования Облака для нас неприемлема. У кого есть предложения?

— Лично я против самой идеи продолжения этого поиска,— заявил капитан Уэйлесс, начальник летного персонала.

Глаза главного капитана сузились. По выражению лиц остальных она понимала, что Уэйлесс выражает мнение большинства, но заговорила так же бесстрастно, как и он:

— Капитан, существуют правила отстранения командира корабля от власти. Почему бы не воспользоваться одним из них?

Капитан Уэйлесс побледнел.

— Отлично, ваше сиятельство,— сказал он.— Я апеллирую к четыреста девяносто второй статье Корабельного устава.

Несмотря на то что вызов был брошен ею сознательно, готовность, с какой он был принят, потрясла Глорию. Главный капитан знала эту статью, поскольку та ограничивала ее власть. Никто не мог помнить всех бесчисленных статей множества уставов, регламентирующих едва ли не каждый шаг членов экипажа. Но она знала, что люди прекрасно ориентируются во всем, что непосредственно их касается. Когда дело доходит до личных прав, всякий становится юристом — не исключая и ее самой.

Побледнев, она слушала, как капитан Уэйлесс, чеканя слова, зачитывает текст статьи:

— Ограничение... в обстоятельствах, оправдывающих совет капитанов... большинство... две трети... первоначальная цель экспедиции...

И все это, вместе взятое, было обращено против нее — впервые на ее памяти. «Звездный рой» был послан в картографическую экспедицию. Задание было выполнено. Она настаивала на изменении цели полета — и действия ее подпадали под юрисдикцию этой статьи. Дождавшись, когда капитан Уэйлесс отложит книгу, она кротко спросила:

— Будем голосовать?

Двадцать один голос был подан против нее и только пять — за; четверо офицеров воздержались. Капитан Дороти Стардевант, руководившая женским канцелярским персоналом, сказала:

— Глория, это не могло кончиться иначе. Мы слишком давно не были дома. Пусть кто-нибудь другой разыскивает эту цивилизацию.

Главный капитан нетерпеливым жестом постучала карандашом по полированной поверхности длинного стола. Но когда она заговорила, голос звучал размеренно и ровно.

— Четыреста девяносто вторая статья Корабельного устава предоставляет мне свободу действий на срок, составляющий от пяти до десяти процентов общей продолжительности экспедиции, но в любом случае не превышающий шести месяцев. На этом основании я принимаю решение на полгода продлить пребывание «Звездного роя» в Большом Магелла-

новом Облаке. А теперь обсудим пути и способы поиска планет Пятидесяти Солнц. Вот мои соображения...

И она принялась излагать их.

Глава 3

Когда прозвучал сигнал тревоги: «Все по местам!» — Мэлтби читал, сидя в своей каюте на борту «Атмиона», линейного корабля Пятидесяти Солнц. Тревога не была боевой — в противном случае по всем отсекам корабля разнесся бы вой сирен. Он отложил книгу, натянул мундир и направился в астрогаторскую рубку. К его появлению там уже собрались несколько офицеров штурманской службы — они приветствовали Мэлтби короткими уставными кивками. Он сел за стол и вынул из кармана главное орудие труда — логарифмическую линейку с радиоприставкой, обеспечивающей связь с ближайшим — в данном случае корабельным — электронным мозгом.

Он раскладывал карандаши и бумагу, когда корабль пришел в движение. Одновременно ожил динамик громкой связи, и легко узнаваемый голос командира — вице-адмирала Дрихана — произнес:

— Сообщение только для офицеров. Как вам известно, чуть больше недели тому назад земным линкором «Звездный рой» нам был предъявлен ультиматум, срок которого истек пять часов назад. До настоящего времени все планетарные правительства Пятидесяти Солнц извещали население, что более никаких сообщений с земного корабля не поступало. На самом же деле три часа назад был получен второй ультиматум, содержащий непредвиденную угрозу. Как нам представляется, его опубликование может чрезмерно встревожить население. Исходя из этих соображений, правительства приняли обоснованное решение не предавать этого второго послания гласности. Но мы считаем своим долгом ознакомить с его текстом вас.

После короткой паузы зазвучал глубокий, твердый, хорошо поставленный голос:

— Ее сиятельство Глория Сесилия, леди Лорр из благородных Лорров, главный капитан линкора «Звездный рой», сейчас выступит со вторым обращением к населению Пятидесяти Солнц.

Вновь наступила пауза. Потом из динамика послышался голос, но не главного капитана Лорр, а вице-адмирала Дрихана.

— Прошу вас обратить внимание на этот длинный перечень пышных титулов. Очевидно, что кораблем противника командует женщина так называемого благородного происхождения. Обстоятельство, что женщина может быть командиром боевого корабля, свидетельствует о демократичности их общества; по крайней мере о равноправии полов. Но каким образом она заняла свою должность? По праву происхождения или в соответствии с заслугами? Кроме того, само по себе существование титулов и рангов свидетельствует о тоталитарном характере власти в галактике Млечного Пути.

Мэлтби не мог с ним согласиться. Титулы — только слова, которые в разных ситуациях могут иметь несхожие значения. В истории Пятидесяти Солнц были эры тоталитаризма, когда тираны именовали себя слугами народа. Знавала история и президентов, от чьих прихотей зависели жизнь и смерть граждан, и председателей, полностью подчинивших себе правительства целых планет. Даже сейчас стремление достичь символических высоких званий, тяга к словесной мишуре пронизывали любую политическую систему. Вот и адмирал Дрихан, выступая, использовал свой ранг. И капитану Мэлтби именно в соответствии с его должностью и званием дарована привилегия ознакомиться с содержанием второго ультиматума землян.

Глава какого-либо предприятия, владелец какой-либо собственности, опытный специалист — каждое из этих определений являлось титулом или рангом; каждое давало своему обладателю и удовлетворение тщеславия, и свою долю власти. В мире Пятидесяти Солнц получило широкое распространение презрительное отношение к королям и диктаторам любых исторических эпох. Эта позиция, не принимавшая во внимание конкретных исторических обстоятельств, была столь же детской, как и ее противоположность — насаждение культа лидеров. Находившиеся в отчаянном положении мезоделлиане были вынуждены избрать наследственного вождя, чтобы предотвратить жестокую схватку честолюбий. Этот замысел, однако, оказался под угрозой, когда наследник попал в плен.

Последовавшая борьба за власть убедила мезоделлиан в необходимости вновь подтвердить его полномочия. Мэлтби подозревал, что вряд ли сыщется человек, меньше его склонный властвовать над людьми в соответствии с наследственными правами. Поэтому свой высокий и тайный ранг Мэлтби ощущал как необходимость, продиктованную ситуацией. Взятые им на себя обязательства были велики, а критическая ситуация вынуждала действовать с предельной осторожностью.

Размышления Мэлтби прервал голос ее сиятельства. Первый капитан Глория Сесилия говорила:

— До сих пор правительства Пятидесяти Солнц не связались с нами; прискорбно, что ваши лидеры не хотят вступать в контакт с представителями земной цивилизации. Со всей ответственностью заявляем, что вас ввели в заблуждение. Распространение власти Земли на Большое Магелланово Облако принесет пользу всем жителям и всем сообществам всех планет. Земля может предложить вам многое. Мы гарантируем, что права каждого человека будут охраняться законом; гарантируем сообществам основные свободы и экономическое процветание; и требуем лишь избрания всех руководящих органов путем всеобщего тайного голосования. Однако Земля не потерпит существования независимого суверенного государства где-либо во вселенной. Сепаратные вооруженные силы могли бы ударить в самое сердце контролируемой человеческой расой галактики и подвергнуть бомбардировке густонаселенные планеты. Подобное уже случалось. Вы можете догадаться, чем кончили правительства, ответственные за эти действия. От нас вам не уйти. Если нашему единственному кораблю по какой-то случайности не удастся обнаружить вас, через несколько лет десять тысяч кораблей прочешут все Большое Магелланово Облако. Мы не откладываем таких предприятий надолго. С нашей точки зрения, разумнее уничтожить вашу цивилизацию, чем позволить ей распространяться подобно раковой опухоли и погубить великую культуру, некогда породившую вас. Однако мы не допускаем неудачи. Стартовав немедленно, мой линкор «Звездный рой» по определенным маршрутам станет крейсировать внутри Большого Магелланова Облака. Нам потребуется лишь несколько лет, чтобы пролететь в пяти световых годах мимо каждого из солнц вашей

галактики. По мере продвижения мы будем сбрасывать бомбы космического излучения в направлении наугад выбранных планет. Поступая таким образом, мы рискуем подорвать ваше доверие к нам. Поэтому хочу напомнить, что применение столь суровых мер вызвано лишь неразумной позицией ваших правительств. Но еще не поздно. В любой момент правительство любой из планет может связаться с нами по радио, используя нашу частоту, и сообщить местонахождение Пятидесяти Солнц. Планета, которая заговорит первой, отныне и навечно станет столицей Пятидесяти Солнц. Первый человек или сообщество, решившиеся сообщить нам координаты своей или иной планеты, получат в награду миллиард платиновых долларов, имеющих хождение во всей Главной галактике, или — по желанию — эквивалентную сумму в местной валюте. Не бойтесь, мой корабль в состоянии защитить вас против всех Вооруженных сил Пятидесяти Солнц, сколь бы велики они ни были. А сейчас, чтобы доказать серьезность наших намерений, я приказываю моему главному астрогатору передать по радио параметры нашего курса сквозь Облако.

Передача резко оборвалась. Вновь включился адмирал Дрихан.

— Я немедленно передам эти параметры астрогационной службе,— сказал он,— поскольку мы намереваемся следовать за «Звездным роем» и изучать последствия оглашенной его командиром программы. Теперь я хотел бы привлечь ваше внимание к еще одному аспекту обращения леди Лорр. Ее манеры, тон и слова наводят на мысль, что она командует очень большим кораблем. Не воображайте, пожалуйста,— поспешно добавил адмирал,— что мы спешим с выводами, лучше давайте рассмотрим некоторые из ее высказываний. Она сказала, что бомбы космического излучения будут сброшены с борта «Звездного роя» на значительную часть планет Облака. Предположим, она подразумевала одну бомбу на каждые сто планет. Значит, она должна располагать несколькими миллионами бомб. Наши заводы способны выпускать по одной бомбе космического излучения каждые четыре дня. Причем такой завод располагается на площади минимум в квадратную милю. Кроме того, она утверждала, что один ее корабль может противостоять всем Вооруженным силам Пятидесяти Солнц.

В данный момент мы располагаем более чем сотней линкоров, а в дополнение к ним у нас свыше четырехсот крейсеров и несколько тысяч малых кораблей. Теперь давайте рассмотрим первоначальную цель посылки «Звездного роя» в Большое Магелланово Облако. Это была, по их собственному признанию, картографическая экспедиция. Мы используем для этой цели небольшие корабли устаревших моделей. Маловероятно, чтобы Земля направила один из своих самых крупных и наиболее мощных кораблей для выполнения столь заурядной работы.— Адмирал помолчал.— Прошу всех офицеров высказать свои соображения. Для большинства из вас это все. Астрогационной и метеорологической службам я передам сведения, полученные со «Звездного роя».

Потребовалось более пяти часов напряженной работы, чтобы привязать переданную с земного корабля звездную карту к системе координат, принятой в мире Пятидесяти Солнц. Только тогда удалось установить, что «Атмион» отделяют от земного корабля тысяча четыреста световых лет.

Впрочем, расстояние не имело значения. Астрогаторы «Атмиона» знали места всех бурь в Большом Магеллановом Облаке и без труда рассчитали курс, допускавший движение со скоростью около половины светового года в минуту.

Продолжительная работа утомила Мэлтби. Как только расчеты были закончены, он вернулся к себе и улегся спать.

Разбудил его колокол громкого боя. Мэлтби мгновенно вскочил и включил экран внутренней связи, соединявшей его каюту с капитанским мостиком. Изображение появилось сразу же, свидетельствуя о том, что офицерам рекомендуется следить за развитием событий. На экране, настроенном на максимальное увеличение, замерла светлая точка; она перемещалась в пространстве, но системы наведения и слежения постоянно удерживали ее в центре экрана. Из динамика послышался голос:

— По данным вычислительного центра, «Звездный рой» находится на расстоянии около трети светового года.

Приблизительность формулировки заставила Мэлтби нахмуриться. Она означала, что корабли сблизились на такой дистанции, при которой каждый из них находился в пределах надрезонансных полей друг друга — вторичное явление

субпространственного радио, своего рода затухающее эхо подрезонанса с практически неограниченным распространением. В этих условиях точное расстояние до земного корабля определить невозможно — за исключением того, что оно не должно превышать трети светового года. «Звездный рой» мог находиться даже в нескольких милях от «Атмиона», хотя такая ситуация и представлялась маловероятной — близкие цели обнаруживали специальные радары.

— Мы уменьшили скорость до десяти световых суток в минуту,— продолжал между тем голос вахтенного офицера.— Поскольку мы следуем курсом, указанным в радиопослании земного корабля, и не теряем противника из виду, можно предположить, что наши скорости равны.

Это утверждение также было не вполне точным. Скорости кораблей, идущих быстрее света, можно сблизить, но невозможно уравнять. Разница станет заметна сразу после разделения надрезонансных полей обоих кораблей. Пока Мэлтби размышлял об этом, светлая точка на экране замерцала и погасла.

Мэлтби ждал. Наконец вахтенный произнес несчастным голосом:

— Отбой тревоги. Контакт с противником утерян. Меня заверили, что временно.

Прошло около часа, но световое пятно больше не появлялось. Время от времени Мэлтби поглядывал на экран, вспоминая слова адмирала Дрихана о возможных размерах «Звездного роя».

Он понимал, что командующий беспристрастно проанализировал ситуацию, чреватую множеством опасностей. Казалось невероятным, что корабль имеет такой гигантский размер, какой подразумевала леди Лорр. Похоже, командир земного линкора блефовала. Однако проверить степень справедливости ее утверждений можно будет лишь по числу сброшенных «Звездным роем» бомб.

Только шесть дней спустя «Атмион» снова вошел в надрезонансное поле земного корабля. На этот раз контакт удерживали до последней возможности; после чего, выверив курс вражеского линкора, обследовали планеты ближайших солнц.

Лишь на одной из них были обнаружены следы уничтожения. Да и то бомба, по всей вероятности неудачно сориентированная, ударила по одной из внешних планет системы — миру, вымерзшему настолько, что говорить о наличии здесь какой-либо жизни не приходилось.

Теперь планета не была холодна; ядерный удар превратил ее в клокочущий огненный ад, сжигающий скальную скорлупу и вгрызающийся в металлическое ядро. Планета превратилась в крошечное солнце. Но зрелище это не испугало экипаж «Атмиона». Вероятность того, что одна из сотен бомб обрушится на населенную планету, была близка к нулю, и считаться с ней не имело смысла.

На шестой день поисков экран внутренней связи в каюте Мэлтби ожил; на нем появилось лицо вице-адмирала Дрихана.

— Капитан Мэлтби, прошу вас явиться ко мне.

— Есть, сэр.

Мэлтби отправился сразу же. Дежурный адъютант приветливо кивнул ему и проводил в кабинет Дрихана. Сидя в кресле, командующий изучал документ, походивший на радиограмму. При виде Мэлтби он положил бумагу на стол текстом вниз и указал капитану на кресло против себя.

— Какое положение занимаете вы в среде мезоделлиан?

Вот и прозвучал наконец главный вопрос.

Страха у Мэлтби не было. Он внимательно смотрел на сидевшего за столом адмирала, изобразив на лице полнейшее замешательство. Дрихан был деллианином средних лет с типичными для этой расы обликом и психикой.

— Не могу с уверенностью сказать, как они ко мне относятся,— сказал Мэлтби.— По-видимому, в какой-то степени меня считают изменником. Всякий раз, когда их эмиссары обращаются ко мне — о чем я всегда информирую начальство,— я пытаюсь передать лишь один совет их руководству: придерживаться политики примирения и объединения.

— Что думают мезоделлиане о нынешней ситуации? — поразмыслив над словами Мэлтби, поинтересовался Дрихан.

— Не могу сказать. Мои связи с ними слишком слабы.

— Пусть так. Но не могли бы вы поделиться со мной собственными соображениями?

— Насколько я понимаю,— сказал Мэлтби,— меньшинство рассчитывает, что земной корабль рано или поздно обнаружит Пятьдесят Солнц. Следовательно, думают они, необходимо воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации. Большинство же, уставшее от необходимости постоянно скрываться, решительно стоит за взаимодействие со всеми народами Пятидесяти Солнц.

— Каково процентное соотношение между этими группами?

— Около четырех к одному,— без колебаний солгал Мэлтби.

Дрихан колебался.

— Существует ли вероятность, что меньшинство начнет действовать в одностороннем порядке?

— Они хотели бы, но не смогут,— быстро ответил Мэлтби.— В этом я совершенно уверен.

— Почему?

— Среди них нет квалифицированных метеорологов.

Это тоже была неправда. Истина лежала глубже, чем наличие у той или иной группы каких-либо специалистов. Главное заключалось в стремлении Ханстона законным путем получить власть над мезоделлианами. Пока Ханстон верит в существование такой возможности, он не станет нарушать закон — по крайней мере так считали информаторы Мэлтби. На их сообщения он и опирался, сплетая в своих словах правду и ложь.

Дрихан тщательно взвесил каждое его слово и наконец произнес:

— Правительства Пятидесяти Солнц встревожены некоторыми положениями последнего ультиматума. Вы слышали его текст. Создается впечатление, будто он непосредственно адресован мезоделлианам, являющим собой как раз такую оппозицию, на которую могут опереться земляне. Совершив предательство, мезоделлиане могут обрести все, ради чего сражались в прошлом поколении.

Возразить на это было нечего — разве что слегка перефразировать свою предыдущую ложь:

— Соотношение четыре к одному — в пользу тех, кто стремится к единству с народами Пятидесяти Солнц.

На протяжении очередной паузы Мэлтби напряженно размышлял, в чем же кроется истинная причина этого допроса.

Не могут же те, кто стоит за адмиралом, основывать свои надежды единственно на уверениях капитана Питера Мэлтби! Дрихан откашлялся.

— Капитан, мне приходилось много слышать о так называемом двойном (или двойственном) разуме мезоделлиан. Но никто не мог объяснить мне, в чем заключаются его особенности. Не могли бы вы просветить меня?

— Здесь нет ничего существенного,— в третий раз хладнокровно солгал Мэлтби.— Думаю, преувеличенные опасения на сей счет связаны с небывалым ожесточением последних схваток той войны. Вы знаете, как выглядит нормальный мозг — неисчислимое множество нервных клеток, каждая из которых связана со множеством других. На этом уровне мозг мезоделлианина ничем не отличается от вашего. Если опуститься уровнем ниже, окажется, что в каждой клетке мезоделлианского мозга заключены длинные цепочки парных белковых молекул. Ваши не соединены в пары, а у него — соединены.

— Но что это дает?

— Деллианскую устойчивость мышления, способность противостоять любым его нарушениям, и нон-деллианские творческие способности одновременно.

— И все?

— Все, что мне известно, сэр,— солгал Мэлтби.

— А что вы можете сказать о гипнотических способностях, якобы присущих мезоделлианам? Никто не может толком сказать, как они проявляются.

— Насколько я понимаю, они использовали аппараты для внушения. Но это совсем другое дело. Неведомое часто порождает страх.

Дрихан, похоже, принял какое-то решение. Он взял со стола радиограмму и протянул Мэлтби.

— Это сообщение адресовано вам,— сказал адмирал и ворчливо добавил: — Если это шифр, то мы не смогли его расколоть.

С первого же взгляда Мэлтби стало ясно, что это действительно шифр. Так вот что руководило адмиралом! Сообщение гласило:

«Капитану Питеру Мэлтби, борт линейного корабля "Атмион". Правящий совет мезоделлиан благодарит за посред-

ничество в переговорах с правительствами Пятидесяти Солнц. Заверяем, что соглашение будет неукоснительно соблюдаться, поскольку сообщество мезоделлиан крайне заинтересовано в получении обещанных привилегий».

Подписи не было, что означало призыв о помощи, посланный по подпространственному радио непосредственно на борт «Атмиона».

Мэлтби сделал вид, будто не придает этому значения, в то время как его мозг лихорадочно искал решение.

— Я вижу, здесь нет подписи,— недоуменно сказал он.— Ее опустили намеренно?

Вице-адмирал Дрихан выглядел разочарованным.

— Я знаю не больше вашего.

На мгновение Мэлтби стало жаль командира. Никто из деллиан или нон-деллиан не смог бы разгадать шифра этого послания. Прочесть его можно было лишь при наличии двух стремящихся к взаимодействию разумов. Обучение этому начиналось в раннем детстве, и Мэлтби успел в полной мере освоить необходимые приемы, прежде чем был захвачен в плен двадцать лет назад.

Суть полученного сообщения сводилась к тому, что экстремистски настроенное меньшинство мезоделлиан объявило о намерении вступить в контакт со «Звездным роем». Уже в течение недели они вели активную кампанию под лозунгом, гласившим, что выгоды от измены получит лишь тот, кто выступит в их поддержку.

Мэлтби нужно было явиться туда лично. Но как? Его зрачки чуть расширились, когда он осознал, что может использовать единственное средство передвижения — этот корабль. Внезапно он понял, как осуществить это. Он принялся напрягать мышцы по деллианской методике и ощутил порожденное этим электризующее возбуждение. Моментально его двойной разум обрел достаточную силу.

Он ощутил рядом присутствие другого разума. Подождал, пока чувство это не стало частью его существа, и сконцентрировал мысли на понятии «пустота». Мгновенно он полностью овладел собственным сознанием, не выпуская наружу ни единой мысли. И наконец встал. Вице-адмирал Дрихан тоже поднялся, в точности повторяя движения Мэлтби, слов-

но их мышцами управлял общий мозг. Да так оно и было. Адмирал подошел к пульту управления и сказал:

— Соедините меня с машинным отделением.

Разум Мэлтби управлял его голосом и действиями. И адмирал Дрихан отдал приказ положить «Атмион» на курс, который должен был привести корабль в тайную столицу мезоделлиан.

Глава 4

Главный капитан Лорр прочла извещение о своем отстранении от должности и несколько минут сидела, яростно сжав кулаки. Затем, взяв себя в руки, соединилась с Уэйлессом. Лицо капитана окаменело, когда он увидел, кто перед ним.

— Капитан,— обиженно сказала она.— Я только что прочитала ваш документ за двадцатью четырьмя подписями.

— Полагаю, он соответствует уставу,— сухо ответил Уэйлесс.

— О, в этом я вполне уверена,— парировала она и, уже полностью овладев собой, продолжала: — Капитан, откуда эта отчаянная решимость немедленно вернуться домой? Жизнь — это нечто большее, чем устав. Мы находимся на пороге великого приключения. Неужели вы этого не ощущаете?

— Мадам,— холодно сказал Уэйлесс,— восхищаюсь вами. Я преклоняюсь перед вами. Вы обладаете огромными административными способностями, но в то же время склонны навязывать окружающим собственные идеи и при этом удивляетесь и даже обижаетесь, если другие не разделяют вашей точки зрения. Вы оказываетесь правы так часто, что уже не допускаете возможности собственных ошибок. Вот почему такой огромный корабль, как наш, имеет тридцать капитанов, готовых оказать вам помощь, а в крайнем случае — корректировать ваши действия. Поверьте, мы все любим вас. Но также осознаем свой долг по отношению ко всему экипажу.

— Но вы не правы! У нас достаточно сил, чтобы заставить эту цивилизацию открыться. Капитан,— поколебавшись, добавила она,— не могли бы вы единственный раз встать на мою сторону?

Это была личная просьба; леди Глория сразу же пожалела, что высказала ее. Очевидно, ее слова разрядили владев-

шее Уэйлессом напряжение — он рассмеялся, попытался было взять себя в руки, но тщетно, смех буквально душил его.

— Извините, мадам,— с трудом проговорил он,— пожалуйста, простите.

— Что вас так рассмешило? — строго поинтересовалась она.

— Слова «единственный раз»,— справившись со смехом, сказал он.— Леди Лорр, неужели вы не помните ни одной из своих предыдущих просьб?

— Возможно... пару раз...— медленно проговорила она, действительно пытаясь припомнить.

— Не хочу заострять на этом внимание,— проговорил капитан Уэйлесс,— но было восемь случаев, когда вы просили совет поддержать ваши начинания, и по крайней мере сто раз вы принимали решения, пользуясь предоставленными вам правами. На этот раз право на нашей стороне. И вы огорчены этим.

— Я не огорчена. Я...— Она безнадежно махнула рукой.— Ох, я вижу, говорить с вами бесполезно. По тем или иным причинам вы считаете, что шесть месяцев — это вечность.

— Дело не во времени. Дело в цели. Вы надеетесь отыскать полсотни солнц, рассеянных среди сотен миллионов. Наши шансы не превышают одного к двум миллионам. И раз вы не хотите видеть этого, мы просто вынуждены отстранить вас от управления кораблем, невзирая на личное к вам отношение.

Главный капитан колебалась. С точки зрения теории вероятностей капитан Уэйлесс был совершенно прав. Очевидно, ей следовало полнее раскрыть перед ним свои намерения.

— Капитан,— медленно проговорила она.— Это не математическая проблема. Если бы мы рассчитывали только на вероятность, ваша позиция была бы безупречной. Но мы рассчитываем на психологию.

— Те из нас, кто подписал решение о вашем отстранении, сделали это не с легким сердцем,— невозмутимо заметил капитан Уэйлесс.— Мы обсуждали и психологический аспект проблемы.

— И на каком же основании пренебрегли им? По невежеству?

Это были злые слова, и Глория видела, что они задели собеседника.

— Мадам,— ответил он официальным тоном,— вынужден с беспокойством отметить, что вы слишком полагаетесь на теоретические соображения, представленные вам лейтенантом Неслор. Ваши совещания с ней носят частный характер. Мы никогда не знаем, о чем вы говорили, и можем судить об их содержании лишь по вашим последующим поступкам.

Такая точка зрения не приходила ей в голову. Она сказала, оправдываясь:

— Я не думала, что это может быть так воспринято. Я просто обращалась за консультациями к главному психологу корабля.

— Если мнение лейтенанта Неслор столь ценно,— не обращая внимания на слова Глории, продолжал капитан Уэйлесс,— вам следовало бы произвести ее в капитаны и ввести в капитанский совет, чтобы она могла излагать свою точку зрения всем нам.— Он пожал плечами; потом, словно читая ее мысли, быстро добавил, прежде чем она успела открыть рот: — Только, пожалуйста, не говорите, что вы немедленно сделаете это. В соответствии с Корабельным уставом процедура повышения в звании занимает месяц, при условии, что никто из членов капитанского совета не возражает против кандидатуры; и еще два месяца новый капитан участвует в заседаниях совета без права голоса, изучая процедуру.

— Вы не согласны на трехмесячную отсрочку? — мрачно спросила леди Лорр.

— Нет.

— Вы не хотите рассмотреть возможность ускоренного производства?

— Только в случае крайней необходимости. Но не ради удовлетворения вашей навязчивой идеи — поисков этой потерянной цивилизации, которую будет искать и непременно отыщет специально организованная экспедиция.

— Следовательно, вы настаиваете на моем отстранении?

— Да.

— Прекрасно. Я прикажу провести общее голосование через две недели, считая от сегодняшнего дня. Если большин-

ство будет против меня и если до тех пор ничего не случится, мы отправимся домой.

И она взмахнула рукой, прерывая связь.

Глория подумала, что теперь вынуждена сражаться на два фронта одновременно. Во-первых, с капитаном Уэйлессом и большинством в четыре пятых, которые могут поддержать его при голосовании. Во-вторых, ей необходимо заставить народы Пятидесяти Солнц выйти из укрытия. И пока ее действия на обоих фронтах успеха не имели. Она вызвала службу связи. Ответил капитан Горсон.

— Есть ли контакт со следящим за нами кораблем Пятидесяти Солнц?

— Нет. Я докладывал вам, что мы потеряли контакт, и он до сих пор не восстановлен. Вероятно, они отыщут нас завтра, когда мы снова передадим по радио наши координаты,— предположил он.

— Доложите мне.

— Конечно.

Затем она связалась с арсеналом. Дежурный ответил немедленно, но пришлось подождать, пока разыщут возглавляющего эту службу капитана.

— Сколько бомб сброшено? — поинтересовалась она.

— Семь.

— И все наугад?

— Это простейший способ, мадам. Теория вероятностей страхует нас от попаданий в пригодные для жизни планеты.

Она кивнула, но брови ее оставались сурово нахмуренными. Ситуация была серьезной, и она чувствовала необходимость еще раз подчеркнуть это.

— Этот аргумент убеждает мой разум, но сердце...— Она сделала паузу, а потом решительно продолжила: — Помните, капитан,— малейшая ошибка, и на нас с вами ляжет страшная вина, искупить которую мы не сможем даже собственной жизнью.

Лицо офицера помрачнело.

— Я хорошо знаком с законом, ваше сиятельство. И по должности обязан считаться с подобным риском,— сказал он и, поколебавшись, добавил: — Мне кажется, вы затеяли опасную игру. Опасную для нас, я имею в виду. Нельзя подвергать людей такому нажиму.

— За это отвечаю я,— коротко сказала она и отключилась.

Леди Глория поднялась с кресла и прошлась по каюте. Две недели! Казалось невозможным, чтобы за этот срок произошло что-нибудь, меняющее ситуацию. Через две недели, если события станут разворачиваться в соответствии с ее замыслом, деллиане и нон-деллиане только-только начнут ощущать подлинное психологическое давление.

Размышляя об этом, она вдруг вспомнила еще об одном предстоящем деле. Быстро подойдя к трансмиттеру, леди Глория настроила его — и очутилась в центральной корабельной библиотеке, расположенной в трети мили от ее каюты, в личном кабинете главного библиотекаря. Та сидела за столом и что-то писала.

— Джейн, есть ли у вас материалы о деллианских волнениях в...— с ходу начала главный капитан.

Главный библиотекарь вздрогнула, привстала с кресла и тут же опустилась обратно.

— Когда-нибудь вы убьете меня, Глория! Неужели вы не можете хотя бы поздороваться для начала?

Главный капитан ощутила раскаяние.

— Извините. Я слишком увлеклась мыслью... Так есть у вас?..

— Разумеется, есть. Если вы подождете минут десять, я подберу все необходимое. Вы уже ужинали?

— Ужинала? Нет, конечно нет.

— Мне нравится, как вы это говорите. И, зная вас, понимаю, что это значит. Ладно, пойдемте вместе. А все дискуссии по поводу деллиан и нон-деллиан подождут.

— Это невозможно, Джейн. Мне нельзя терять ни минуты...

Главный библиотекарь быстро встала. Она обошла вокруг стола и твердо ухватила Глорию под руку.

— Нельзя? Совершенно справедливо. Вы не сможете получить никаких материалов, пока не поужинаете. И можете сколько угодно ссылаться на любые законы и уставы, меня это не волнует. Идемте.

Секунду Глория сопротивлялась. Потом устало подумала: «Уж этот мне проклятый человеческий фактор — насколько он важнее, чем представляют себе люди!» Снедавшее ее внут-

реннее напряжение спало; на мгновение Глория увидела себя со стороны — такой мрачной и решительной, словно на ее плечах покоилась судьба вселенной. Постепенно она расслабилась.

— Спасибо, Джейн,— сказала она.— Я просто мечтаю о легком ужине с бокалом вина.

Но она не забыла о своих обязанностях; можно, конечно, расслабиться на часок, но действительность никуда не исчезнет. Пятьдесят Солнц непременно будут найдены — хотя бы в силу идеи, которая постепенно зрела в ее мозгу. Идеи, таившей в себе гибельные последствия.

Они поужинали под легкую, мягкую музыку, после чего вернулись к разговору о цивилизации Пятидесяти Солнц. Исторический очерк, полученный леди Глорией в библиотеке, был на удивление прост и недвусмыслен.

Около пятнадцати тысяч лет назад Джозеф М. Делл создал один из первых вариантов трансмиттера материи. Его машина требовала искусственного синтеза некоторых видов живых тканей, особенно эндокринных желез, которые не были в должной степени изучены. Поскольку человек мог войти в трансмиттер в одном месте и выйти в другом, удаленном на тысячу или более миль, исключительно тонкие изменения, происходившие в организмах людей, пользовавшихся телепортацией, стали заметны далеко не сразу.

Нельзя сказать, что при этом пропадало нечто конкретное, хотя впоследствии деллиане отличались уменьшением способности к творческой работе. Больше того, в некоторых отношениях они даже приобретали кое-что.

Деллиане были меньше подвержены нервным стрессам. Их физическая сила далеко превзошла все пределы, о которых когда-либо мечтали люди. Деллиане могли развивать ее до сверхчеловеческого уровня, пользуясь необычной методикой напряжения мышц.

— Естественно,— голос главного библиотекаря зазвучал иронично, когда она дошла до этого раздела,— их окрестили роботами Делла, и остальным людям эти странные существа внушали все большую тревогу. Самих деллиан это прозвище не тревожило; однако оно накаляло людскую ненависть, что не сразу было понято властями.

Был период, когда на улицах безумствовали толпы, убивая деллиан. Впрочем, среди людей были и их сторонники — те смогли убедить правительство позволить деллианам эмигрировать. И до нынешнего времени никто не знал, куда они бежали.

Некоторое время после того, как обзор был закончен, ее сиятельство Глория Сесилия сидела в задумчивости.

— Вы не многим помогли мне,— сказала она наконец.— Все это я уже знала — за исключением некоторых деталей.

Она почувствовала на себе изучающий взгляд проницательных голубых глаз собеседницы.

— И что же дальше, Глория? Когда вы так говорите, то обычно пытаетесь создать какую-то собственную теорию.

Это было попадание не в бровь, а в глаз. Главный капитан понимала опасность ситуации, в которой оказываются люди, пытающиеся подогнать факты к своим теориям — они попросту не заслуживали звания ученых. Ей самой нередко случалось едко высмеивать офицеров, склонных придавать излишнее значение собственному мнению.

— Я просто хочу располагать всей информацией, какую вы можете дать,— медленно сказала она.— Самоочевидно, что мутации, подобные деллианской, изолированно развиваясь в течение полутораста веков, могут претерпеть любые изменения. И я убеждена, что нам нельзя упустить в своем анализе ни единой мелочи.

Главный библиотекарь кивнула. Похоже, объяснение вполне удовлетворило ее; мгновенная вспышка проницательности, озарившая было ее сознание, угасла, а дожидаться следующей леди Глория ни в коем случае не собиралась. В другой раз, возможно, не удастся отделаться так легко. Она встала, небрежно пожелала спокойной ночи и вернулась в свою каюту. После недолгого размышления она связалась с биологической службой.

— Доктор, недавно я направила вам информацию о деллианском и нон-деллианском населении Пятидесяти Солнц,— напомнила она и задала главный вопрос: — Как вы полагаете, могут ли от их смешанных браков рождаться дети?

Биолог принадлежал к числу тугодумов, что и проявилось в ответе:

— История утверждает, что нет.

— А что скажете вы?

— Я мог бы добиться этого.

— Так,— торжествующе сказала главный капитан.— Именно это я и ожидала услышать.

Возбуждение, порожденное этим разговором, не покинуло ее и часом позже, когда она скользнула в постель. Она выключила свет и лежала, вглядываясь в экран мультипланера.

Великая космическая ночь вокруг была очень разнообразной. Светящиеся точки звезд располагались не так, как в привычном небе Главной галактики, но все же леди Глория не взялась бы утверждать, что действительно находится внутри Большого Магелланова Облака. Сделать такой вывод можно было, лишь прибегнув к увеличению, поскольку невооруженный глаз различал не больше сотни наиболее ярких звезд. Здесь и там были разбросаны слабо светящиеся, размытые туманности, на самом деле включавшие в себя сотни тысяч, возможно — миллионы светил.

Подчиняясь мгновенному порыву, Глория потянулась к пульту управления мультипланером и настроила его на максимальное увеличение.

Какое великолепие!

На нее глядели миллиарды звезд. Она близко видела блеск неисчислимых светил внутри Облака, а далеко за его границами — беспредельность спиральной ветви галактики Млечного Пути, насыщенной теперь таким множеством светящихся точек, какого вовек не счесть. И все, что она могла охватить взглядом, было лишь крупицей мироздания. Откуда все это взялось? Десятки тысяч поколений людей жили и умирали, а удовлетворительного ответа на этот вопрос не находилось. Глория вновь вывела увеличение мультипланера на ноль, вернув вселенную в рамки привычного чувственного восприятия. Широко раскрыв глаза, она думала: «Предположим, эти дети перекрестных браков деллиан с нон-деллианами действительно существуют. Что это может дать за две недели?»

Найти ответ она не могла. И наконец забылась беспокойным сном.

Настало утро... За привычно легким завтраком леди Глория спохватилась: в ее распоряжении остается лишь трина-

дцать дней. Осознание этого было подобно удару. Поднимаясь из-за стола, леди Лорр с тоской думала, что живет в мире мечтаний. Если она не отважится на решительные действия, предприятие, в которое она бросила свой гигантский корабль, потерпит крах. Глория решительно направилась на капитанский мостик и первым делом вызвала службу связи.

— Капитан,— сказала она ответившему ей офицеру,— вступили ли мы в надрезонансный контакт с преследующим нас кораблем Пятидесяти Солнц?

— Нет, мадам.

Ответ разочаровал. Теперь, когда решение созрело, любая задержка раздражала ее. Наконец, смирившись с реальностью, главный капитан произнесла со вздохом:

— Как только войдете в контакт, немедленно свяжитесь с арсеналом.

— Хорошо, мадам.

Теперь леди Глория вызвала арсенал. Гордое лицо начальника этой службы разом посуровело, едва она объяснила свои намерения.

— Но это может выдать секрет нашего самого грозного оружия, мадам,— запротестовал он.— Предположим...

— Нечего предполагать! — в бешенстве прервала его Глория.— Терять нам нечего. Нам не удалось выманить флот Пятидесяти Солнц. Я приказываю вам захватить хотя бы этот единственный корабль. Вероятно, все его астрогаторы получат приказ покончить с собой, но с этим мы справимся.

Офицер задумался, хмурясь; потом кивнул.

— Опасность заключается в том, что кто-нибудь, находящийся вне поля, может обнаружить и исследовать его. Но если вы готовы пойти на риск...

Вскоре ее сиятельство Глория вернулась к другим повседневным делам, но какая-то часть ее сознания ни на миг не забывала об отданном приказе. Наконец, не выдержав неизвестности, она снова вызвала службу связи. Ничего нового. Корабль Пятидесяти Солнц пока не обнаружен.

Прошел день, за ним следующий. Контакта с противником не было.

На четвертый день с главным капитаном «Звездного роя» уже невозможно было разговаривать. И этот день тоже не принес ничего нового.

— Планета под нами! — произнес вице-адмирал Дрихан.

Прикорнувший было Мэлтби мгновенно проснулся, вскочил на ноги и направился в рубку.

Под его руководством корабль быстро снизился с десятитысячемильной высоты сперва до тысячи, а затем и до ста миль над поверхностью планеты. Мэлтби внимательно изучал панораму, проплывавшую перед ним на экране умножителя; и вскоре, хотя местность никогда не представала его взгляду прежде, в памяти воскресли виденные давным-давно фотокарты.

Сейчас «Атмион» держал курс на крупнейший из туннелей, ведших к тайной столице мезоделлиан. Из предосторожности Мэлтби еще раз убедился, что младшие офицеры не могут следить за происходящим на своих видеоэкранах (все четырнадцать старших командиров находились под его мысленным контролем), и лишь тогда смело направил корабль в открывшееся перед ним отверстие.

Мэлтби был насторожен. Сторонников из числа мезоделлианских лидеров он предупредил о своем предстоящем прибытии по радио. Те ответили, что будут в полной готовности. Но все-таки риск оставался. И здесь, в туннеле, корабль мог подвергнуться нападению.

Подземная тьма скрыла все вокруг. Мэлтби сидел, положив палец на выключатель прожекторов и напряженно вглядываясь в окружающий мрак. Внезапно внизу, в отдалении, блеснул свет.

Убедившись, что он не гаснет, Мэлтби вдавил кнопку.

Тотчас вспыхнули прожектора, залив пещеру светом — от пола до потолка и на значительное расстояние по курсу. Малопомалу спускаясь, корабль двигался вперед. Прошло около часа, но никаких признаков, что конец путешествия близок, не было и в помине. Подземный ход изгибался и поворачивал — вверх, вниз, в стороны. Временами Мэлтби казалось, будто они возвращаются обратно к входу. Он мог бы следить за движением корабля по курсографу, но еще до того, как «Атмион» приблизился к планете, его попросили не делать этого. Ему сказали, что ни единой живой душе не известно, где именно скрывается под толщей земли тайная столица.

Остальные города мезоделлиан располагались на других планетах и были укрыты по-иному.

Прошло двенадцать часов. Дважды Мэлтби передавал управление вице-адмиралу, чтобы чуть-чуть поспать. Сейчас корабль вел он, пока командующий спокойно уснул на койке в углу.

Тридцать часов! Физически измотанный и не перестающий удивляться Мэлтби разбудил Дрихана и лег. Но не успел он смежить веки, как офицер-наблюдатель доложил:

— Впереди здания, капитан! Виден свет!

Мэлтби одним прыжком оказался возле пульта управления и уже несколько минут спустя вел корабль над городом с восьмидесятитысячным населением. Он знал, что никогда еще корабль таких размеров не проникал в пещеру; следовательно, сейчас «Атмион» мог стать предметом напряженного внимания всего местного народа. Мэлтби включил радиоприемник и вращал ручку настройки, пока до его слуха не донесся голос:

— ...и Питер Мэлтби, наш наследный вождь, временно завладевший линейным кораблем «Атмион», прибыл, чтобы лично образумить тех, кто...— Людей извещали о его прибытии.

Мэлтби выключил приемник. По экрану умножителя плыла панорама города — капитан разыскивал штаб-квартиру Ханстона. Он узнал здание по словесному описанию, полученному по радио, и остановил «Атмион» прямо над ним.

Он сфокусировал энергетический экран на середине улицы, перекрывая ее. Затем быстро опустил другие экраны, полностью блокировав весь район. Люди могли свободно проходить в экранированную зону, но были не в состоянии покинуть ее. Невидимый снаружи, экран представлялся находящемуся внутри пурпурной стеной. Всякий, кто прикасался к нему с внутренней стороны, получал ощутимый электрический удар.

Поскольку Ханстон жил в своей штаб-квартире, представлялось невероятным, чтобы ему удалось ускользнуть. Мэлтби не обманывал себя: сейчас он обязан был действовать решительно. Однако он прекрасно понимал — силой можно захватить власть, но удержать ее таким образом невозможно. Уже сам способ его появления в столице, первые его действия — все это давало противникам Мэлтби мощные аргументы про-

тив него. «Посмотрите,— могли сказать они,— один мезоделлианин сумел захватить целый линкор. Это ли не доказательство нашего превосходства?» Такое могло ударить в головы людям, чьи амбиции оставались неудовлетворенными вот уже четверть века.

На экране Мэлтби увидел приближающийся аэрокар. Он связался с пилотом по радио, выяснил, что это прибыли поддерживающие его лидеры, и лично проследил, чтобы один из подконтрольных ему офицеров встретил гостей у шлюза. Минуту спустя Мэлтби уже обменивался рукопожатиями с людьми, которых никогда в жизни не встречал.

Сразу же началось обсуждение стратегии и тактики дальнейших действий. Кое-кто из прибывших на борт полагал, что Ханстона следует казнить. Большинство же считало, что его достаточно изолировать. Мэлтби с тревогой слушал и тех и других, сознавая, что непосредственные участники событий являются лучшими судьями. С другой стороны, на них не могло не сказаться напряжение от слишком близкой опасности. И потому вполне возможно, что именно он, наблюдавший за событиями со стороны, занимает наиболее беспристрастную и, следовательно, обоснованную позицию. Впрочем, это было лишь предположение, и Мэлтби не считал его весомым. Однако он невольно почувствовал себя в роли арбитра, когда представители обеих точек зрения принялись расспрашивать его.

— Можем ли мы быть уверены, что решение правительства Пятидесяти Солнц не вступать в контакт с земным кораблем окажется достаточно твердым?

— Не обнаружились ли в том, что вы видели или слышали, признаки их слабости?

— Почему второй ультиматум не предан гласности?

— Только ли «Атмион» следит за «Звездным роем»?

— Каков тайный смысл этого преследования?

— Какую позицию мы должны занять, если Пятьдесят Солнц вдруг капитулируют и огласят свое местонахождение?

Вскоре Мэлтби почувствовал себя буквально погребенным под этой грудой вопросов. К тому же он заметил, что вопросы во многом повторяются и за всеми ними стоит ложная посылка.

— Джентльмены,— сказал он, подняв руку,— похоже, вы озабочены лишь тем, чтобы найти наилучший способ соблюсти наши выгоды в случае, если другие правительства изменят свои позиции. Но дело совсем не в этом. Мы должны быть едины со всеми народами Пятидесяти Солнц, какие бы решения ни были приняты. Мы — лишь одна из составных частей сообщества. И не должны добиваться для себя особых преимуществ, кроме как в пределах тех предложений, которые были нам сделаны.— Закончил он уже не таким суровым, а более доверительным тоном: — Я прекрасно понимаю, джентльмены, что все вы находитесь под тяжким прессом. Поверьте, я высоко ценю ваши мнения — и частные, и общее. Но мы прежде всего должны сохранять единство. В критической ситуации мы не можем искать выгод за счет других.

Его собеседники переглянулись. Некоторые — главным образом те, что помоложе,— выглядели опечаленными, так как им предложили проглотить горькую пилюлю. Но в итоге все согласились поддержать план Мэлтби.

И тогда встал неминуемый вопрос — как быть с Ханстоном?

— Я хочу переговорить с ним,— холодно сказал Мэлтби.

Коллингс, старейший и самый близкий друг отца Мэлтби, несколько секунд изучающе всматривался в лицо молодого наследного вождя, после чего направился в радиорубку. Вернулся он побледневшим.

— Он отказался прибыть сюда. Говорит, если ты хочешь видеть его — ты и приходи. Это оскорбление, Питер!

— Передайте,— твердо приказал Мэлтби,— что я приду.

Он улыбнулся, глядя на их суровые лица.

— Джентльмены,— звонким голосом сказал он,— этот человек сам идет к нам в руки. Объявите по радио, что я отправляюсь к Ханстону ради мира и единства в дни кризиса. Не пережимайте, но пусть в сообщении прозвучит намек на то, что ко мне может быть применено насилие.— И закончил по-деловому, жестко: — Скорее всего, ничего не случится, пока этот корабль контролирует положение. Однако если я не вернусь через полтора часа, попытайтесь связаться со мной. Затем шаг за шагом усиливайте давление — от угроз вплоть до открытия огня.

Невзирая на всю свою уверенность, Мэлтби ощущал странную пустоту и одиночество в тот момент, когда его катер совершал посадку на крыше здания штаб-квартиры Ханстона.

Едва завидев Мэлтби, Ханстон — рослый человек лет тридцати пяти — поднялся из-за стола, сделал несколько шагов навстречу и протянул руку.

— Я хотел залучить вас без сопровождения тех мокрых куриц, что задают здесь тон,— сказал он шутливым дружелюбным тоном, не вязавшимся со злобно-насмешливым выражением лица.— Но оскорбление величества в мои намерения никоим образом не входило. Я хочу поговорить с вами. И надеюсь убедить.

И Ханстон попытался убедить — своим негромким, интеллигентным, очень живым голосом. Однако пользовался он избитыми аргументами, основанными на идее превосходства мезоделлиан. Похоже, он искренне и свято верил в эту догму. Под конец его речи Мэлтби пришел к убеждению, что главной ошибкой этого энергичного и неглупого человека было полное отсутствие знаний о внешнем мире. Он слишком долго прожил в замкнутом пространстве тайных мезоделлианских городов, слишком много лет размышлял и говорил, не считаясь с подлинной реальностью. При всем внешнем блеске мышление Ханстона оставалось глубоко провинциальным.

Свой затянувшийся монолог лидер мятежной оппозиции закончил вопросом:

— Вы верите, что Пятьдесят Солнц смогут продолжать укрываться от земной цивилизации?

— Нет,— честно признался Мэлтби.— Полагаю, рано или поздно нас найдут.

— И все же выступаете в поддержку их намерения укрываться?

— В нынешней ситуации я выступаю за единство действий. К попыткам контакта надо подходить чрезвычайно осторожно. Вполне возможно, что мы сумеем отсрочить его лет на сто, если не больше.

Ханстон молчал; его красивое лицо нахмурилось.

— Я вижу,— сказал он наконец,— мы с вами придерживаемся противоположных взглядов.

— Возможно, наши долговременные планы все же совпадают,— медленно проговорил Мэлтби, наблюдая за собесед-

ником.— Возможно, мы лишь выбрали разные методы достижения одной и той же цели.

Лицо Ханстона посветлело, глаза чуть расширились.

— Если бы я мог поверить вам, ваше сиятельство! — страстно воскликнул он и резко оборвал себя; глаза его мгновенно сузились: — Я хотел бы услышать ваше мнение о будущей роли мезоделлиан в развитии цивилизации.

— Используя удобные случаи и применяя законные методы,— спокойно сказал Мэлтби,— со временем они неизбежно будут играть ведущую роль в обществе. Пускать в действие их способность контролировать сознание окружающих было бы нечестно; но и без этого мезоделлиане смогут занять доминирующее положение — сперва в мире Пятидесяти Солнц, а затем и в галактике Млечного Пути. Если же они попытаются добиться власти с помощью силы, то будут уничтожены — до последнего человека, до последнего ребенка.

Глаза Ханстона сверкали.

— И как долго, по вашему мнению, это продлится? — спросил он.

— Этот процесс может начаться еще при нашей с вами жизни. И продлится он не меньше тысячи лет — в зависимости от количества смешанных браков между деллианами и людьми; ведь сейчас, как вам известно, таким смешанным парам запрещено заводить детей...

Ханстон хмуро кивнул и сказал:

— Меня неверно информировали о вашей позиции. Вы — один из нас.

— Нет! — твердо заявил Мэлтби.— Не путайте стратегию с тактикой. Для нас это равнозначно разнице между жизнью и смертью. Любой намек на то, что мы в конце концов займем доминирующее положение в обществе, встревожит людей, которые сейчас, благодаря усилиям их правительств, настроены по отношению к нам более или менее дружелюбно. Если мы окажемся солидарны с ними — это послужит хорошим началом нашего восхождения. Но стоит нам попытаться извлечь из нынешнего кризиса пользу только для себя — и многочисленная раса сверхлюдей, к которым мы с вами принадлежим, рано или поздно будет уничтожена.

Ханстон вскочил на ноги.

— Ваше сиятельство, я согласен. Я пойду за вами. Мы будем ждать дальнейшего развития событий.

Эта победа оказалась неожиданной для Мэлтби, уже согласившегося в душе с возможностью применения силы. Несмотря на уверенность в искренности Ханстона, Мэлтби отнюдь не собирался верить ему на слово. Кто мог поручиться, что точка зрения его оппонента не изменится, едва исчезнет нависшая над городом громада «Атмиона»? Он прямо заявил об этом Ханстону и закончил так:

— В данных обстоятельствах я прошу вас удалиться на шесть месяцев в любое, на ваш собственный выбор, место, где вы не могли бы встречаться со своими сторонниками. Рассматривайте это как форму домашнего ареста. Можете взять с собой жену. С вами будут обращаться с должным уважением, а в случае установления контакта с земным кораблем вас немедленно освободят. Вы скорее заложник, чем пленник. Я даю вам двадцать четыре часа на размышление.

Никто не предпринял попытки задержать Мэлтби во время возвращения сперва на катер, а потом и на борт корабля.

Ханстон капитулировал к концу двадцатичетырехчасового срока. Он поставил единственное условие: подробности его домашнего ареста должны быть преданы гласности.

Таким образом, Пятьдесят Солнц избегли немедленного обнаружения, поскольку было ясно, что одному кораблю без посторонней помощи не под силу отыскать ни одной планеты так хорошо спрятанной цивилизации. Мэлтби был убежден в этом. Но оставалась проблема неминуемого раскрытия, когда через несколько лет сюда прибудут из галактики Млечного Пути другие корабли. Теперь, когда основная угроза осталась позади, эта возможность начала всерьез тревожить Мэлтби.

Выведя «Атмион» на изначальный курс, Мэлтби принялся размышлять над тем, что может сделать для защиты обитателей Большого Магелланова Облака.

Он решил, что кому-то придется достоверно выяснить, сколь велика опасность. И вдруг в голову пришло настолько простое решение, что Мэлтби вздрогнул.

И теперь с каждым часом ему становилось все яснее, что именно он, с его возможностями и опытом, является наибо-

лее подходящей кандидатурой для выполнения этой миссии. Капитан все еще продолжал обдумывать, каким образом удобнее всего сдать «Атмион» противнику, когда по кораблю разнесся звон колоколов громкого боя.

— Леди Лорр, мы установили надрезонансный контакт с местным кораблем.

— Взять его!

Глава 6

Мэлтби так и не понял толком, как это было проделано. Поначалу он был слишком озабочен стремлением оказаться в плену; а когда лучевые захваты уже подцепили «Атмион», у него не осталось времени разбираться, каким именно способом вражескому кораблю удалось заключить их линкор в свое поле.

Мэлтби физически ощущал, что его словно засасывает гигантский смерч; во всем теле чувствовались странные напряжения и искривления, будто сама материя, из которой построен его организм, подвергалась воздействию некой неимоверной силы. Но что бы это ни было, оно разом кончилось, едва силовые захваты повлекли линкор Пятидесяти Солнц к далекому сгустку тьмы, скрывавшему земной корабль.

Мэлтби озабоченно наблюдал за приборами, которые могли дать хотя бы некоторое представление о чужом корабле. По прошествии нескольких минут он начал понимать, что увидеть вражеский линкор невозможно. В этой безбрежной ночи даже ближайшие звезды казались неясными светлыми точками. Определение характеристик любых расположенных вне корабля объектов требовало немалого времени. А космический корабль вообще был подобен исчезающе малой пылинке, затерянной в невообразимой тьме.

Сомнения Мэлтби получили подтверждение. Как только «Атмион» оказался в нескольких световых минутах от своего победителя, все мышцы капитана скрутила острая пульсирующая боль.

«Парализующий луч»,— только и успел подумать он и рухнул на пол рубки.

Тьма сомкнулась над ним.

Мэлтби очнулся — напряженный, осторожный, убежденный, что должен овладеть ситуацией, какова бы она ни была. Он догадывался: у землян могут быть методы управления его сознанием и способы заставить его говорить. Приходилось учитывать, что даже мощь мезоделлианского двойного разума будет, возможно, преодолена, если противник догадается о скрытых возможностях Мэлтби.

Расслабив мышцы век, он чуть-чуть приоткрыл глаза. Это еле заметное движение словно послужило сигналом — стоявший поблизости человек произнес на странном, но понятном английском:

— Отлично, сбавь ход в шлюзе.

Мэлтби открыл глаза, но не раньше, чем удостоверился, что все еще находится в рубке «Атмиона» и что, по-видимому, процесс принятия линкора Пятидесяти Солнц на борт земного корабля подходит к концу. Он все еще лежал там, где упал,— значит, офицеры и команда «Атмиона» не были пока допрошены.

Волна возбуждения окатила Мэлтби. Пойдет ли все и дальше так же легко и просто? Возможно ли, чтобы его задача свелась сперва к осторожному зондированию разума окружающих с помощью двойного мезоделлианского сознания, а потом — к полному подчинению своей воле всех, с кем придется вступить в контакт? Удастся ли таким образом взять на себя управление кораблем? Возможно ли это?

Возможно. И произойдет.

Вместе с другими Мэлтби вели длинным коридором, уходящим далеко вперед. Вооруженные члены экипажа земного корабля — как мужчины, так и женщины — шли спереди и сзади вереницы пленных.

Так это выглядело извне. Подлинными же пленниками были офицеры, командовавшие конвоем. В надлежащий момент капитан третьего ранга, крепыш лет сорока, спокойно приказал главной колонне пленных следовать дальше по коридору. Мэлтби же вместе с офицерами астрогационной и метеорологической служб другим коридором ввели в обширное помещение, куда выходили двери полудюжины спальных кают.

— Здесь вам будет хорошо,— деловито сказал офицер-землянин.— Мы подберем вам подходящие мундиры, и вы смо-

жете свободно разгуливать по кораблю когда и где угодно — при условии, что не станете слишком много болтать с нашими людьми. У нас на борту целый набор диалектов, но ни один не похож на ваш. Мы не хотим, чтобы вас заметили, и потому будьте осторожны!

Мэлтби не беспокоился. Сейчас его задачей, как он понимал, было знакомство с кораблем и распорядком на борту. Было очевидно, что линкор огромен, а людей на его борту куда больше, чем может держать под контролем единственный мезоделлианин. Мэлтби учитывал и наличие ловушек для неосторожных пришельцев. Но рискнуть стоило. Как только у него сложится общее представление о корабле и порядках на нем, он быстро разберется и со всеми подстерегающими его ловушками.

Когда «конвоиры» удалились, Мэлтби принял участие в набеге на кухню, предпринятом его коллегами-астрогаторами. Как он и предполагал, земные продукты не слишком отличались от привычных: тысячелетия назад деллиане и нон-деллиане, бежавшие из галактики Млечного Пути, захватили с собой и домашних животных. И теперь в глубине корабельных холодильников взгляду Мэлтби явились воловьи бифштексы, свиные и бараньи отбивные, великое множество жареной домашней птицы — каждая порция была заключена в отдельную прозрачную герметическую упаковку.

Когда с едой было закончено, Мэлтби открыл товарищам тайну этого странного гостеприимства. Он отдавал себе отчет в степени риска, на который шел. Офицеры были умными людьми, и если хоть один из них свяжет случившееся здесь со страхом населения Пятидесяти Солнц перед мезоделлианами — его рапорт может ужаснуть командование больше, чем земной корабль. Поэтому Мэлтби облегченно вздохнул, когда вернулся контролируемый им офицер со стопкой мундиров в руках.

Проблема управления сознанием членов экипажа «Звездного роя» в присутствии деллиан и нон-деллиан являлась чрезвычайно деликатной. Не только сам «раб» должен был искренне верить, будто каждое его действие имеет разумное объяснение — его поступки должны были казаться естественными и логичными и со стороны. Приставленный к пленни-

кам офицер-землянин был убежден, что главная его задача — установить дружеские отношения с наиболее ценными специалистами захваченного корабля. Более того, у него сложилось впечатление, что неблагоразумно будет делиться этими соображениями ни с подопечными, ни со своими сослуживцами.

В результате он был готов снабдить Мэлтби и его товарищей информацией, которая позволила бы им более или менее свободно ориентироваться на борту «Звездного роя». Но сообщить им все необходимые сведения о корабле он был не в состоянии. В присутствии третьих лиц Мэлтби мирился с этим ограничением. Однако именно он сопровождал офицера, когда тот удалился с чувством исполненного долга. К огорчению Мэлтби, этот человек оказывался неподвластен его мысленному контролю всякий раз, как только дело доходило до сведений о линкоре. Он хотел, но не мог поделиться своими знаниями. Некий внутренний запрет, возможно гипнотический по своей природе, препятствовал ему. В конце концов стало очевидно, что интересующие Мэлтби вопросы придется задавать офицерам более высокого ранга, свободно располагавшим своей волей. Младшие офицеры этой свободы не имели, и метод, примененный для защиты их сознания, был таков, что на изучение и преодоление его Мэлтби не хватило бы времени.

Он догадывался, что корабельное начальство уже заметило отсутствие астрогаторов и метеорологов «Атмиона» и что кто-то уже озабоченно размышляет над этим обстоятельством — в решительной и мрачной манере, свойственной военному мышлению. Если бы только Мэлтби удалось поговорить с той женщиной, главным капитаном земного корабля...

Но для этого необходим какой-то обращающий на себя внимание шаг. Скажем, коллективный побег.

Как ни поджимало его время, Мэлтби потратил еще два часа, чтобы взять под контроль сознание офицеров, охранявших пленников с «Атмиона», причем управлять их поступками надо было таким образом, чтобы по сигналу они скоординировали действия и организовали побег. В мозг каждого пришлось внедрить мнимый приказ старших командиров, подлежащий автоматическому исполнению. Вся эта хитроумная конструкция из множества внушенных идей и прика-

зов опиралась на главный тезис, оправдывавший ее существование: «Атмион» должен быть отпущен, чтобы продемонстрировать дружелюбие по отношению к правительству Пятидесяти Солнц.

Напоследок Мэлтби заставил начальника конвоя преисполниться уверенностью, что пленного капитана-астрогатора желает видеть сама леди Лорр. Чем кончится эта затея, Мэлтби представлял себе весьма смутно.

Придя на капитанский мостик, лейтенант Неслор опустилась в кресло и со вздохом проговорила:

— Что-то здесь не так!

Оторвавшись от пульта управления, главный капитан повернулась к старшей подруге и некоторое время внимательно смотрела на нее. Наконец леди Лорр раздраженно пожала плечами и сердито сказала:

— Наверняка кто-нибудь из этих жителей Пятидесяти Солнц знает, где находятся их планеты.

— Мы не нашли на борту их корабля ни единого астрогатора,— покачала головой психолог.— Остальные пленники поражены этим не меньше нас.

Леди Лорр нахмурилась.

— Боюсь, я не вполне понимаю,— медленно проговорила она.

— Их пятеро,— пояснила лейтенант Неслор.— Всех видели за несколько минут до захвата «Атмиона». Теперь их нигде нет.

Леди Лорр среагировала мгновенно:

— Обыскать корабль! Объявить общую тревогу! — Она уже рванулась к пульту управления, но замерла на полдороге и задумчиво посмотрела на психолога: — По-моему, вы этого не одобряете...

— Однажды мы уже имели дело с деллианином.

Леди Глория вздрогнула. Воспоминание о Страже Джиссера, человеке, захваченном на метеостанции, до сих пор окончательно не изгладилось из памяти.

— Что вы предлагаете? — спросила она.

— Ждать! Они что-то задумали. Я хочу понять, куда они направятся и чего будут добиваться. Это важнее того, каким способом им удалось ускользнуть.

— Понимаю,— только и сказала главный капитан; казалось, она смотрит куда-то вдаль.

— Конечно,— продолжала лейтенант Неслор,— вы будете надежно защищены. Это я беру на себя.

— Не представляю, каким образом люди, впервые оказавшиеся на борту корабля, могут отыскать мои апартаменты,— пожала она плечами.— Если я сама когда-нибудь забуду схему — понятия не имею, как мне удастся вернуться сюда.— Она помолчала.— Это все, что вы можете предложить? Только ждать и наблюдать за развитием событий?

— Да.

Леди Глория покачала головой.

— Мне этого недостаточно, дорогая. Полагаю, мой приказ о мерах предосторожности получен и выполняется.— Глория резко повернулась к пульту управления; мгновение спустя на экране появилось лицо.— Капитан,— обратилась она к нему,— чем занимается ваша полиция?

— Поисками и охраной,— прозвучал лаконичный ответ.

— И насколько успешно?

— Корабль надежно защищен от случайных взрывов. Все бомбы находятся под контролем, причем наблюдатели дистанционного управления следят за запретными входами. Случайности исключены.

— Хорошо,— сказала главный капитан Лорр.— Продолжайте.— Она отключилась и зевнула.— Пожалуй, пора спать. Увидимся утром, дорогая.

Лейтенант Неслор встала.

— Уверена, вы можете спать спокойно.

Она вышла. Молодая женщина потратила полчаса на то, чтобы надиктовать электронному секретарю приказы по различным службам корабля, точно указывая время передачи каждого из них. Вскоре после этого она разделась и легла в постель. И почти сразу же уснула.

Проснулась она со странным ощущением беспокойства. Помещение капитанского мостика было погружено во тьму, лишь на пульте управления слабо светились шкалы приборов. Ни звука, ни движения. Но вскоре Глория была уверена, что здесь находится кто-то еще. Она лежала совершенно неподвижно, чувствуя привкус угрозы и вспоминая слова лейте-

нанта Неслор. Казалось неправдоподобным, чтобы кто-либо, не знакомый с этим чудовищно большим кораблем, сумел обнаружить ее так быстро. Когда ее глаза привыкли к темноте, леди Глория смогла различить силуэт человека, стоявшего в нескольких футах от ее постели.

Пришелец явно ждал, когда его обнаружат. Потом он понял, что она проснулась, и произнес:

— Не зажигайте свет. И будьте осторожны.

Голос у него был мягкий, едва ли не ласковый, и это окончательно убедило Глорию в том, что гость чрезвычайно опасен. Его приказ удержал Глорию в постели и заставил руку неподвижно замереть на простыне. Сознание, что она может погибнуть, прежде чем кто-либо успеет прийти на помощь, ужаснуло Глорию. Оставалось надеяться лишь на бдительную охрану лейтенанта Неслор.

— С вами ничего не случится, если будете точно следовать моим указаниям,— вновь заговорил пришелец.

— Кто вы? — в тоне ее прозвучал лишь интерес.

Мэлтби не ответил. Он нашарил в темноте стул и опустился на него. Положение было слишком безрадостным, чтобы Мэлтби, при всех своих мезоделлианских способностях, мог чувствовать себя здесь в безопасности; корабль был битком набит автоматикой. Он мог потерпеть поражение и даже погибнуть, попросту не успев понять, откуда же исходит угроза. Он допускал, что и сейчас за ним могут наблюдать из какого-то удаленного места, недоступного его мысленному контролю.

— С вами не случится ничего плохого, мадам, если вы не станете делать резких движений. Я пришел сюда в надежде получить ответы на несколько вопросов. Для вашего душевного спокойствия поясню, что являюсь одним из астрогаторов «Атмиона», линкора Пятидесяти Солнц. Не буду входить в детали, каким образом нам удалось скрыться из клетки; однако сюда меня привело желание потолковать с вами, порожденное вашей же пропагандой. Вы совершенно правы, полагая, что среди народа Пятидесяти Солнц существуют различные мнения относительно контакта с земным человечеством. Некоторые считают, что мы можем положиться на ваши гарантии. Другие боятся. Естественно, испуганные оказались

в большинстве, и потому их мнение стало решающим. Всегда кажется, будто безопаснее всего — ждать и надеяться.

Он смолк, мысленно анализируя каждое произнесенное слово; и хотя сформулировать кое-что, пожалуй, можно было бы и получше, по существу все сказанное было правильным. Если люди этого корабля вообще способны хоть чему-то верить, они поверят, что соплеменники Мэлтби до сих пор не решили, что делать.

— Я представляю группу, занимающую в этих обстоятельствах уникальное положение,— продолжал Мэлтби в той же доверительной и неторопливой манере.— Только астрогаторы и метеорологи с различных кораблей и планет способны указать координаты обитаемых миров. Возможно, среди обитателей Пятидесяти Солнц и найдутся десятки тысяч потенциальных предателей, готовых пожертвовать собственным народом ради сиюминутной личной выгоды, но в рядах испытанного и дисциплинированного персонала гражданской администрации и Вооруженных сил таких не сыскать. Уверен, вы понимаете, что это значит.— Мэлтби вновь сделал паузу, чтобы дать женщине время осмыслить его слова.

По мере того как он говорил, напряжение мало-помалу покидало леди Глорию: слова звучали разумно, а цель хоть и казалась странной, но отнюдь не была невероятной. Беспокоила Глорию лишь мелкая, но весьма существенная деталь: как он нашел дорогу в ее апартаменты? Человек, знакомый с особенностями внутреннего устройства «Звездного роя» не так близко, как леди Лорр, мог бы принять присутствие гостя как свершившийся факт и тем удовлетвориться. Но она знала теорию вероятностей и вытекающие из нее следствия. Ситуация выглядела примерно так же, как если бы ее ночной гость появился в чужом городе с тридцатитысячным населением и — не обладая никакой предварительной информацией! — прямиком направился к дому человека, с которым хотел повидаться. Она чуть заметно покачала головой, отвергая такую возможность; однако ждала продолжения. Его слова уже убедили леди Глорию в собственной безопасности, а уверенность, что лейтенант Неслор не дремлет на посту, крепла с каждой минутой. Вдобавок ей представлялась возможность узнать что-то новое.

— Мы хотели бы получить дополнительную информацию,— снова заговорил Мэлтби.— Вы пытаетесь склонить нас к трудному решению, и неудивительно, что мы хотим его отсрочить. Нам было бы гораздо легче, если бы вы вернулись в галактику Млечного Пути и позже прислали сюда другой корабль. Тогда у нас появится время приготовиться к неизбежному, и никто не окажется в незавидном положении человека перед выбором — предавать свой народ или нет.

Лежа во тьме, Глория кивнула — это она могла понять.

— Что же вы хотите узнать?

— Как долго вы находитесь в Большом Магеллановом Облаке?

— Десять лет.

— И сколько еще собираетесь оставаться здесь? — продолжал Мэлтби.

— Этого я не знаю,— размеренным голосом сказала главный капитан.

Поразительно, что ее утверждение было правдивым — во всяком случае, по отношению к ней самой. Голосование капитанского совета должно было состояться через два дня.

— Настоятельно рекомендую ответить на мой вопрос,— сказал Мэлтби.

— А что случится, если я не отвечу?

При этих словах ее рука, незаметно передвигавшаяся по постели к маленькой приборной доске, вмонтированной в край койки, достигла цели. Она торжествующе надавила на одну из кнопок и сразу расслабилась.

— Я позволил вам сделать это,— прозвучал из темноты голос Мэлтби.— Надеюсь, теперь вам станет спокойнее.

Его невозмутимость смутила леди Глорию; но она удивилась бы куда больше, сумей незваный гость понять, что же она сделала. Главный капитан холодно пояснила, что активизировала систему светочувствительных датчиков и с этой секунды за каждым его движением будут следить бесчисленные электронные глаза. Любая его попытка воспользоваться лучевым оружием встретит силовое противодействие. Упоминать о том, что ее это тоже лишало возможности применить оружие, леди Глория сочла неблагоразумным.

— Я не собираюсь прибегать к оружию,— сказал Мэлтби.— Я всего лишь хочу предложить вам ответить на несколько вопросов.

— Пожалуйста.— Голос Глории звучал спокойно, однако в ней уже поднималось раздражение против лейтенанта Неслор. Ведь ясно же, что пришла пора действовать.

— Насколько велик ваш корабль? — спросил Мэлтби.

— Длина его достигает полутора тысяч футов, а экипаж — трех тысяч человек.

— Ну и ну,— проговорил Мэлтби, пораженный тем, насколько далеки от истины ее слова.

Главный капитан пропустила его слова мимо ушей. На самом деле размеры корабля были вдесятеро больше, чем она сочла нужным сказать. Однако отнюдь не величина являлась главным секретом. Леди Глория была совершенно уверена, что этот любознательный пришелец не имеет ни малейшего представления о том, сколь чудовищной оборонительной и наступательной мощью обладает «Звездный рой». Лишь несколько старших офицеров понимали природу сил, которые могли быть введены в действие. Сейчас все они находились под неусыпным дистанционным контролем.

— Меня интересует также,— произнес Мэлтби,— каким образом вам удалось захватить наш корабль. Вы можете объяснить это?

Итак, он добрался наконец до главного. Леди Лорр повысила голос:

— Лейтенант Неслор!

— Да, благородная леди,— немедленно прозвучало откуда-то из темноты.

— Вы не думаете, что комедия чересчур затянулась?

— В самом деле. Убить его?

— Нет. Теперь ему придется ответить на несколько вопросов.

Мэлтби взял ее сознание под контроль, уже спеша к трансмиттеру. Позади него...

— Не стрелять! — громко скомандовала Глория.— Пусть уходит.

Глория ни на миг не усомнилась в правильности собственного приказа, точнее — внутреннего импульса, заставившего

этот приказ отдать. Впоследствии она нашла вполне логичное объяснение своему решению: поскольку пришелец не угрожал ее жизни и к тому же являлся одним из столь необходимых астрогаторов, то уничтожать его лишь затем, чтобы предотвратить бегство пленника в другой конец корабля, было попросту нерационально. В результате Мэлтби преспокойно покинул капитанский мостик и сумел подать мысленную команду освободить «Атмион». По мере того как корабль Пятидесяти Солнц исчезал вдали, офицеры земного линкора — в полном соответствии с последним приказом мезоделлианина — начали забывать о своей роли в этом побеге.

Вот, собственно, и все, чего достиг Мэлтби; впрочем, уже одно проникновение на вражеский корабль и успешное бегство оттуда были достаточно рискованным предприятием. Сведения, которые ему удалось получить, не слишком удовлетворяли Мэлтби; он лишь убедился, что имеет дело с гигантским кораблем. Конечно, при столкновении с флотом Пятидесяти Солнц «Звездному рою» следовало бы проявить определенную осторожность, однако Мэлтби не сомневался, что земной линкор обладает оружием, способным в считаные минуты уничтожить несколько кораблей класса «Атмиона».

Больше всего Мэлтби беспокоило, как отнесутся к случившемуся офицеры «Атмиона» и обитатели Пятидесяти Солнц. Ситуация казалась слишком запутанной, чтобы один-единственный человек смог предугадать ее развитие. А что и как произойдет на борту «Звездного роя», казалось и вовсе непредсказуемым.

Развитие событий продолжилось не сразу. Мэлтби знал, что вице-адмирал Дрихан направил рапорт правительству Пятидесяти Солнц.

Однако в первые два дня ничего не произошло.

На третий день из очередной радиограммы «Звездного роя» стало известно, что земной корабль по неизвестным причинам резко изменил курс.

На четвертый день видеоэкран в каюте Мэлтби засветился и на нем возникло лицо вице-адмирала Дрихана.

— Вниманию всего экипажа,— торжественно проговорил командующий.— Из штаба флота получено следующее сообщение.— И он размеренным голосом принялся зачитывать

циркуляр: — «Настоящим объявляется состояние войны между народами Пятидесяти Солнц и земным кораблем "Звездный рой". Флоту надлежит блокировать противника и вступить с ним в сражение. На выведенных из строя кораблях, подвергающихся опасности быть захваченными противником, должны быть уничтожены звездные карты; в этой ситуации патриотический долг обязывает каждого офицера астрогационной и метеорологической служб живыми врагу не сдаваться. Именем суверенного правительства Пятидесяти Солнц захватчик должен быть уничтожен».

Взволнованный, побледневший, Мэлтби слушал, как Дрихан продолжал — уже в обычной своей манере:

— Я располагаю неофициальными сведениями, согласно которым правительство пришло к выводу, что освобождение «Атмиона» земным кораблем вызвано опасениями возбудить гнев нашего народа. По этим и другим соображениям наши лидеры решили, что «Звездный рой» может быть уничтожен решительной атакой. Если мы будем действовать в полном соответствии с полученным приказом, то даже захват противником отдельных кораблей не обеспечит ему преимущества. Прошу принять к сведению, что мною уже назначены экзекуторы, которые будут приставлены ко всем офицерам астрогационной и метеорологической служб — на случай, если сами они в критический момент будут лишены возможности воспользоваться оружием.

Капитан Питер Мэлтби, главный метеоролог и помощник главного астрогатора «Атмиона», с болью осознал, что он совершил. Именно он являлся основоположником политики совместных действий с народами Пятидесяти Солнц. И теперь не могло быть и речи о том, чтобы по личным причинам поспешно менять свою позицию. Оставалось лишь надеяться, что «космические волки», как называли порой боевые корабли, быстро покончат с единственным земным линкором.

Волки вышли на тигра.

Глава 7

При голосовании на совете леди Глория потерпела сокрушительное поражение — лишь трое из тридцати капитанов поддержали ее. Помрачнев, она приказала огромному

кораблю взять новый курс — к дому. К вечеру того же дня ее вызвали из службы связи:

— Должны ли мы по-прежнему извещать о своем курсе? По крайней мере хотя бы это оставалось в ее власти.

— Само собой,— отрывисто ответила леди Глория.

На следующий день ее разбудил трезвон колоколов громкого боя.

— Прямо по курсу тысячи кораблей,— доложил начальник оперативного отдела.

— Сбавить ход для боевого маневрирования! — скомандовала главный капитан.— Корабль экстренно к бою изготовить!

Когда это было сделано и скорость «Звездного роя» упала до тысячи миль в секунду, Глория созвала капитанский совет.

— Итак, леди и джентльмены,— с нескрываемым торжеством поинтересовалась она,— надеюсь, теперь вы уполномочите меня вести боевые действия против непокорного правительства, только что продемонстрировавшего свою враждебность по отношению к земной цивилизации?

— Глория,— сказала одна из женщин,— прошу вас, не растравляйте рану. Это один из тех случаев, когда вы были правы.

Решение вступить в бой приняли единогласно. После голосования встал вопрос: уничтожать корабли Пятидесяти Солнц или же захватывать в плен.

— Брать в плен,— приказала леди Глория.

— Все?

— Все.

Когда флот Пятидесяти Солнц и земной корабль сблизились до четырехсот миль, «Звездный рой» развернул силовое поле, заключившее в себя огромную часть космического пространства.

Линкор окружила собственная миниатюрная вселенная с высокой степенью искривления пространства. Корабли противника, следовавшие прямым курсом, описывали круги, возвращаясь на исходные позиции. Попытки вырваться из ловушки со сверхсветовой скоростью оказались тщетными. Торпеды, градом выпущенные по «Звездному рою», меняли курс и взрывались в пространстве, нанося урон лишь собственному флоту.

Установить связь с какой-либо из планет Пятидесяти Солнц оказалось невозможно — подпространственное радио молчало как мертвое.

Четыре часа спустя корпус «Звездного роя» озарился серией ярких вспышек. Неумолимая сила один за другим увлекала корабли Пятидесяти Солнц по направлению к гигантскому линкору.

И тогда всем офицерам астрогационной и метеорологической служб флота Пятидесяти Солнц был отдан жесткий приказ покончить с собой.

На борту «Атмиона» Питер Мэлтби стоял в окружении группы бледных мужчин, прощавшихся с вице-адмиралом Дриханом; обменявшись с командующим рукопожатием, каждый офицер брал бластер и приставлял к виску.

В последний момент Мэлтби заколебался.

«Я могу взять их всех под мысленный контроль,— размышлял он,— и тем самым спасти собственную жизнь».

В бессильном гневе он ощущал всю тщетность этой жестокой затеи. Обнаружение Пятидесяти Солнц неизбежно; раньше или позже, но оно произойдет — что бы ни предпринималось сейчас.

И тогда Мэлтби решил: «Я должен сделать это — как представитель мезоделлиан. Мы обязаны быть едины с остальными народами — если нужно, то и в смерти».

Миг неуверенности остался позади, и Мэлтби нажал активатор своего оружия.

Когда подразделение техников втянуло первые захваченные корабли на борт «Звездного роя», ликующая молодая женщина на капитанском мостике грандиознейшего из кораблей, когда-либо посещавших Большое Магелланово Облако, узнала о самоубийствах.

Жалость охватила ее.

— Воскресить! — приказала леди Глория.— Всех! Ни один не должен умереть.

— Некоторые в очень плохом состоянии,— доложили ей.— Они воспользовались бластерами.

Глория нахмурилась: это означало большой дополнительный труд.

— Дураки,— сказала главный капитан,— они вполне заслужили смерть.— Но тут же оборвала себя.— Сделайте все возможное,— приказала она.— Если нужно, пропустите через трансмиттер целые корабли, обращая первоочередное внимание на синтез поврежденных органов и тканей.

Вечером она сидела за столом, принимая рапорты. Перед ней предстали некоторые из воскрешенных астрогаторов, и при помощи психолога лейтенанта Неслор леди Глория допрашивала их.

Прежде чем она отправилась спать, потерянная цивилизация была найдена.

Глава 8

Сквозь мили и годы дрейфовали газы — бесформенная и бесцельная материя, изверженная десятками тысяч солнц, рассеянные испарения опавших протуберанцев, умерших адских огней и ярости сотен миллионов бушующих солнечных пятен.

Но это было лишь начало.

Газы расползались по великой тьме. Они содержали кальций, натрий, водород и множество других элементов, а скорость дрейфа достигала двадцати миль в секунду.

Бесконечно долго вершила свое дело гравитация. Изначальная масса делилась. В некоторых районах огромные кляксы газа обретали подобие формы и расходились все дальше, дальше и дальше... Наконец они достигли места, где путь их пересекся со следом, оставленным в космосе тысячами пролетавших здесь кипящих пламенем звезд. И на этой звездной дороге они оставили толику собственной материи.

Первое столкновение разом оживило безбрежные газовые миры. Подобно пришпоренным лошадям, свободные частицы электронного газа ворвались и быстро углубились в недра облака позитронного газа. Материя встретилась с антиматерией — и в тот же миг свободные электроны и позитроны исчезли в бушующем пламени взрыва, оставив после себя лишь жесткое излучение.

Родилась буря.

Лишенные позитронных оболочек ядра атомов антиматерии несли страшные, несбалансированные отрицательные заряды и отталкивали электроны, в то же время стремясь притянуть к себе атомные ядра обычной материи. В свою очередь, лишенные электронных оболочек ядра атомов обычной материи притягивали атомные ядра антиматерии. Результат

взаимоуничтожения зарядов был непредставимо ужасен. Противостоящие массы клубились и вспучивались, как бы приспосабливаясь друг к другу, сливаясь друг с другом в космическом катаклизме. Поначалу они двигались в перпендикулярных направлениях, но постепенно все теснее сплетались в едином кипящем водовороте.

Новое направление их движения, поначалу неясное, малопомалу определялось; и тогда фронтом шириной до девяти световых лет и со скоростью, лишь немногим уступающей скорости света, буря двинулась в предназначенном судьбой направлении.

На полвека он поглощал встречные звезды, чтобы затем оставить позади, и только ливень космических лучей свидетельствовал, что эти миры оказывались в центре невидимого и неосязаемого атомного опустошения.

На четыреста девятнадцатый звездный год с момента своего зарождения буря во мгновение ока пересекла орбиту Новой.

И разбушевалась вовсю.

На трехмерной метеокарте в штаб-квартире флота на планете Кайдер-Три буря была отмечена оранжевой краской, означавшей, что из всех более чем четырехсот штормов, свирепствовавших в занятой Пятьюдесятью Солнцами части Большого Магелланова Облака, этот является наибольшим. Взгляду он представлялся неправильной формы пятном на пересечении четыреста семьдесят третьей параллели и двести двадцать восьмого меридиана с центром в ста девяноста парсеках. Все это, впрочем, выражалось в специфической системе координат, принятой в мире Пятидесяти Солнц и никоим образом не привязанной к магнитным полюсам Магелланова Облака.

Донесение о вспышке Новой не было еще отражено на карте. Когда это произойдет, цвет шторма станет воспаленно-багровым.

Стоявший у огромного окна Мэлтби оторвался от созерцания карты и перевел взгляд на земной корабль. Отсюда он казался лишь крохотной щепкой в небесной глубине. Но для собравшихся здесь зрелище это было исполнено смертельной притягательности.

Мэлтби был преисполнен спокойной решимости. То, что в час опасности лидеры Пятидесяти Солнц призвали именно

его, было не просто забавно — в этом ощущалась какая-то злая ирония.

Он отвернулся от окна и посмотрел на стоявшего рядом полного и потного председателя правительства Кайдера-Три. Напрягши свой мезоделлианский разум, Мэлтби привлек к себе его внимание — советник понятия не имел, что повернулся по принуждению.

— Вы поняли инструкции, капитан? — спросил он.

— Понял,— кивнул Мэлтби.

На самом деле он не просто понял — он принял их позицию, их цель, принял как неотъемлемую часть своей веры: только полнейшее единение со всем населением Пятидесяти Солнц даст мезоделлианам право занять свое место в культуре, их породившей. И хотя теперь запоздалое сопротивление Пятидесяти Солнц было явно безнадежным, не пристало ему, офицеру, подвергать сомнению логику государственных деятелей.

Лаконичный ответ, должно быть, вызвал живые воспоминания. Жирное лицо советника задрожало, как желе, и по нему побежали новые ручейки пота.

— Капитан Мэлтби,— произнес он,— у вас нет права на неудачу. Они потребовали метеоролога, чтобы провести их на Кассидор-Семь, где находится центральное правительство. Допустить их туда мы не имеем права. Вы должны завести землян в большой шторм на широте четыреста семьдесят три. Мы поручаем это именно вам, поскольку вы обладаете двойным мезоделлианским разумом. Мы сожалеем, что в прошлом не всегда по достоинству оценивала вашу службу. Но согласитесь — после мезоделлианских войн вполне естественно было проявлять осторожность по отношению к...

Мэлтби прервал сбивчивые оправдания.

— Забудьте об этом. Насколько я понимаю, мезоделлиане запутались во всем этом не меньше, чем деллиане и нон-деллиане. Заверяю вас, что сделаю все от меня зависящее, чтобы уничтожить их корабль.

— Будьте осторожны! — настоятельно порекомендовал ему советник.— В мгновение ока они могут уничтожить нас, нашу планету, наше солнце. Мы не могли и предполагать, что земляне настолько ушли вперед и оказались способны создать такие могучие средства разрушения. Разумеется, среди нас

есть нон-деллиане и, конечно же, мезоделлиане, способные к творческой деятельности, и они лихорадочно занимаются ею вот уже тысячи лет. И наконец, не забывайте, что никто не просит вас рисковать жизнью. Их линкор несокрушим. Мы не можем точно сказать, как он выдержит сильный шторм. Но он выдержит. Однако люди на его борту потеряют сознание. Вы мезоделлианин и потому придете в себя первым. Наш объединенный флот, который, как вам известно, освобожден, по вашему сигналу будет готов взять «Звездный рой» на абордаж. Все ясно?

Все было ясно с первых же слов, но эти нон-деллиане привыкли пережевывать все так, словно мысли теряли в их головах ясность. Когда двери зала заседаний закрылись за Мэлтби, один из советников спросил у соседа:

— Ему сказали, что шторм прошел Новую?

Эти слова достигли слуха толстяка-председателя; он покачал головой; глаза его блеснули, но голос прозвучал спокойно:

— Нет. Все-таки он из мезоделлиан. И мы не можем доверять ему до конца — невзирая на все его подвиги.

Глава 9

Все утро поступали рапорты. Одни указывали на некоторый прогресс, другие нет. Но даже отдельные неудачи не могли поколебать хорошего настроения леди Глории. И неудивительно: ведь удача не покинула ее. Понемногу стекалась и необходимая информация: население Кайдера-Три составляло два миллиарда сто миллионов, среди которых сорок процентов — так называемые роботы Делла, или деллиане, и шестьдесят — обычные люди, или нон-деллиане.

Физически и психически деллиане превосходили людей, однако были совершенно не способны к творчеству. Именно поэтому в исследовательских лабораториях преобладали нон-деллиане. Сорок девять остальных солнц, вокруг которых располагались обитаемые планеты, были названы в алфавитном порядке: Ассора, Атмион, Бресп, Бурако, Кассидор, Кораб... Указывались и их координаты:

(1) Ассора — широта 931, долгота 27, центр в 201 парсеке;

(2) Атмион...

И так далее, и так далее.

Незадолго до полудня главный капитан с холодным весельем обнаружила, что из метеорологической службы не поступает никакой информации о бурях. Она набрала нужный номер и с ходу обрушилась на ответившего офицера:

— В чем дело, лейтенант Кэннонс? Ваши люди копируют кайдерианские карты — неужели все впустую?

Пожилой метеоролог покачал головой:

— Вспомните, благородная леди, когда мы захватили того робота на метеостанции, ему хватило времени предупредить своих. Все метеокарты на всех планетах Пятидесяти Солнц были немедленно уничтожены; с торговых кораблей сразу же сняли аппаратуру для подпространственной связи, и они получили приказ направиться к ближайшим планетам, чтобы ожидать там дальнейших распоряжений. Насколько я понимаю, все это было сделано прежде, чем стало ясно, что их флот не имеет против нас никаких шансов. Теперь они предоставят нам метеоролога, но каждое его слово придется проверять на детекторе лжи.

— Понимаю,— улыбнулась леди Глория.— Однако бояться нечего. Открыто выступить против нас они не посмеют. Не сомневаюсь, что готовятся какие-то козни, но изменить положение дел уже никому не под силу. Кого бы они нам ни прислали, он вынужден будет говорить правду. Как только он явится — дайте мне знать.

Настало время обеда, который Глория проглотила прямо за письменным столом, вглядываясь в сверкающую на экране астровизора панораму, прислушиваясь к приглушенному гулу голосов и мысленно складывая разрозненные факты в единую картину.

— Несомненно, капитан Тэджесс,— взбешенно заявила она прибывшему офицеру,— все они врут без зазрения совести. Что ж, пусть будет так. Для проверки всех существенных подробностей мы можем прибегнуть к психологическим тестам. А пока важнее всего успокоить каждого, кого вы считаете необходимым допросить. Мы должны убедить этих людей, что Земля признает их равными — без каких бы то ни было предрассудков, пусть даже по природе своей они являются робо...— Глория закусила губу.— Паршивое слово, худший из всех видов пропаганды. Нам нельзя допускать его даже в мыслях.

— Боюсь, над мыслями мы не властны,— пожал плечами офицер.

Сузив глаза, леди Глория посмотрела на капитана Тэджесса и сердито отослала его прочь. Минутой позже она уже обращалась к экипажу по сети общего оповещения:

— Слово «робот» изымается из употребления... никто из членов экипажа... под угрозой штрафа...

Дав отбой, она заблокировала резервную линию связи, а по основной вызвала психологическую службу. На экране появилось лицо лейтенанта Неслор.

— Я только что выслушала ваш приказ, благородная леди,— сказала психолог.— Боюсь, однако, что мы имеем дело с глубинными инстинктами человеческой натуры — страхом или ненавистью ко всему неизвестному и чуждому. Ваше сиятельство, у нас есть вереница предков, в свое время считавших себя лучше других лишь в силу обладания чуть более светлой пигментацией кожных покровов. Сохранились свидетельства о том, что порой даже цвет глаз человека влиял на принятие исторических решений. Мы вошли в очень глубокие воды, и если сумеем благополучно добраться до берега — это станет венцом наших достижений.

В голосе психолога было столько живости и нетерпения, что главный капитан ощутила в душе ответный трепет. Если она и ценила что-то в людях, так это уверенный взгляд на мир, способность встречать любые препятствия с юношеским запалом и волей к победе и не признавать невозможного. Тихо рассмеявшись, леди Глория отключила связь.

Порыв бурной радости прошел. Она осталась один на один со своими заботами. Впрочем, так и должно было быть. Офицеры-аристократы потому и располагали практически неограниченной властью, что обязаны были разрешать любые, даже самые запутанные проблемы в масштабах планетарных систем.

Минутой позже леди Глория вновь вызвала метеорологическую службу.

— Лейтенант Кэннокс, когда явится офицер-метеоролог флота Пятидесяти Солнц, примените, пожалуйста, следующую тактику...

Мэлтби жестом отпустил водителя. Машина развернулась и укатила, оставив капитана хмуро созерцать огни энергетического барьера, перегораживающего улицу недалеко впереди. Потом он задрал голову и посмотрел на земной корабль.

Чтобы увидеть корабль прямо над собой, Мэлтби пришлось проехать немало миль и пересечь почти весь город. «Звездный рой» завис невообразимо высоко — длинная черная торпеда, почти растворяющаяся в небесной мгле. Но даже на такой высоте он был заметно крупнее всего созданного руками человека и когда-либо виденного в мире Пятидесяти Солнц — неправдоподобное металлическое порождение мира столь далекого, что он казался едва ли не мифическим. Но корабль над головой отнюдь не был мифом.

Мэлтби подумал, что земляне постараются вывернуть его наизнанку своими тестами, прежде чем примут хоть одну из рассчитанных им орбит. Не то чтобы он сомневался в способности своего двойного разума выйти победителем из подобной ситуации; но не следовало и забывать об ужасающем временном разрыве, отделявшем науку Пятидесяти Солнц от достижений земного знания, уже успевшего неприятно поразить соотечественников Мэлтби. Мезоделлианин вздрогнул и сосредоточил внимание на улице перед собой. Из двух аппаратов, стоявших посреди улицы, разворачиваясь, взмывали веера ярко-розового, совершенно прозрачного пламени. Выглядело оно электронным и смертоносным. За ним виднелись люди в блестящих мундирах. Непрерывным потоком они вливались в здания и выходили из них. Тремя кварталами дальше сиял второй занавес розового огня.

По сторонам улицы никакой видимой охраны не было. Люди, которых мог разглядеть Мэлтби, казались непринужденными и уверенными в себе. До него доносился приглушенный гул голосов и негромкий смех. Как и на борту «Звездного роя», здесь были не только мужчины. Когда Мэлтби направился вперед, из ближайшего реквизированного землянами здания вышли две очаровательные женщины. Один из стоявших подле барьера охранников окликнул их — в ответ прозвенел двойной колокольчик серебристого смеха. Улыбаясь, они зашагали вниз по улице.

Внезапно Мэлтби охватило возбуждение. Этих людей из дальних краев, из миров огромных и чудесных, лежавших

невообразимо далеко за горизонтом размеренной жизни Пятидесяти Солнц, окружала какая-то особая атмосфера. Мэлтби похолодел, потом его бросило в жар, а когда он вновь посмотрел на фантастически громадный корабль, озноб вернулся.

«Единственный линкор,— подумал он,— но столь гигантский, столь могущественный, что флот, созданный усилиями тридцати миллиардов людей, оказался против него беспомощным. Они...»

Мэлтби заметил, что один из часовых в странном сверкающем облачении наблюдает за ним. Охранник поднес к губам наручную рацию, произнес несколько слов — и мгновение спустя другой землянин, прервав беседу с каким-то солдатом, приблизился к барьеру и сквозь пламя посмотрел на Мэлтби.

— Вам что-то нужно? Или просто хотите посмотреть?

Голос был мягким, добрым, интеллигентным; человек держался просто и располагал к себе. Мэлтби почувствовал, что не испытывает перед этими людьми ни малейшего страха. Он спокойно представился.

— О да,— человек кивнул,— мы вас ждем. Сейчас я провожу вас в метеорубку корабля. Минуточку...

Огненный барьер исчез, и Мэлтби провели в одно из помещений. Они двинулись по длинному коридору, в котором, очевидно, был установлен трансмиттер, поскольку Мэлтби очутился вдруг посреди просторного зала. Вокруг в антигравитационных держателях плавало с полдюжины карт. Свет исходил из множества точечных источников, расположенных на стенах. Кое-где были установлены табло, на которых замерли плавные кривые, обозначенные не яркими, но отчетливыми световыми линиями.

Провожатого нигде не было видно. Зато глазам Мэлтби предстал высокий, изящный пожилой человек. Он шел навстречу, протягивая руку.

— Меня зовут Кэннонс, я старший судовой метеоролог. Если вы присядете, мы сможем рассчитать курс, и тогда корабль отправится в путь не позже чем через час. Главный капитан всерьез озабочена тем, чтобы стартовать поскорее.

Мэлтби небрежно кивнул. Твердый, собранный, он неподвижно стоял, пытаясь при помощи своего острого мезодел-

лианского разума обнаружить то энергетическое давление, которым неизбежно сопровождается любая попытка тайно взять человеческое сознание под наблюдение или контроль.

Но ничего похожего не ощущалось. Мэлтби непроницаемо улыбнулся. Неужели все и дальше пойдет так же легко? Не может быть!

Глава 10

Опустившись на предложенный Кэннонсом стул, он ощутил поднимающееся внутри возбуждение. Радость бытия разгоралась в нем, словно пламя. Пожалуй, это чувство походило на «ликование в бою», и Мэлтби был счастлив, что на сей раз сможет дать ему какой-то выход.

На протяжении своей долгой службы на флоте Пятидесяти Солнц ему приходилось сталкиваться с враждебностью и подозрительностью, ибо он был мезоделлианином. И всякий раз он чувствовал полную беспомощность. Но здесь и теперь ощущалось куда больше и враждебности, пусть даже тщательно скрытой, и испепеляющей подозрительности. Однако на этот раз он мог бороться. Мог честно смотреть в глаза этому велеречивому, дружелюбному пожилому землянину — и...

Дружелюбному?

— Порой мне делается смешно,— говорил тем временем Кэннонс,— когда я думаю о вненаучных аспектах предстоящей работы. Например, с каким опозданием поступает информация о бурях?

Мэлтби не мог скрыть улыбки. Итак, лейтенант хочет знать все? Что ж, надо отдать ему должное: он умеет взять быка за рога. Впрочем, есть один способ задать вопрос — спросить прямо.

— Три-четыре месяца,— ответил Мэлтби.— Ничего особенного. Любому космометеорологу нужно не меньше времени, чтобы определить реальные границы шторма, проходящего через его регион, и лишь потом он передает нам данные, на основании которых корректируются карты. К счастью,— тут Мэлтби наглухо закрыл свое деллианское сознание, прежде чем спокойно произнести великую основополагающую неправду,— между Кайдером и Кассидором сильных штор-

мов нет. Однако,— продолжал он, скользя по собственной лжи, как угорь по мокрым камням,— несколько солнц препятствуют прямолинейному движению. Так что, если вы покажете мне несколько траекторий, уже рассчитанных для отрезка в две с половиной тысячи световых лет, я смогу выбрать из них наиболее подходящие.

Тотчас же Мэлтби понял, что в этом главном вопросе провести землянина совсем не так просто.

— Нет штормов? — переспросил старик и поджал губы. На его продолговатой физиономии отразилось неподдельное замешательство; сеть покрывавших лицо землянина морщин, казалось, стала глубже; не подлежало сомнению, что лейтенант Кэннонс не ожидал столь откровенного заявления.— Хм-м-м, нет штормов. Это упрощает дело, не так ли? — Он выдержал паузу.— Знаете ли, это важно для двух...— судовой метеоролог запнулся на слове, но тут же продолжил: — Двух человек, взращенных различными культурами, двух последователей несхожих научных школ — для того чтобы они могли рассуждать о чем-либо, исходя из единой точки зрения. Космос так необъятен! Размер даже этой сравнительно небольшой галактики, Большого Магелланова Облака, огромен и недоступен нашему разуму. Десять лет мы бороздим Облако на своем «Звездном рое» и теперь можем пространно рассуждать о том, что оно охватывает двести шестьдесят миллиардов кубических световых лет и включает в себя сто миллионов солнц. Мы обнаружили магнитные полюса Облака, наметили нулевую линию, исходящую из центра масс через самую крупную и яркую звезду скопления — S Дорады; и теперь, полагаю, среди нас найдется немало людей достаточно глупых, которые думают, будто все скопление уже уместилось в наши мозги.

Мэлтби молчал, поскольку был именно таким дураком. Слова Кэннонса прозвучали предостережением. Они определенно указывали, что любой рассчитанный для них Мэлтби курс земляне в состоянии проверить относительно всех расположенных в его направлении звезд.

За этими словами стояло и большее: Земля явно находилась накануне распространения своей — и без того невообразимой по масштабам — власти на Большое Магелланово

Облако. В конце концов придут другие корабли; в своем неумолимом натиске гигантская популяция галактики Млечного Пути будет захватывать все новые и новые космические пространства. Заботливо опекаемые множеством могучих, непобедимых линкоров, огромные транспорты хлынут в Облако — и вскоре каждая, даже самая незначительная планета вынуждена будет признать власть Земли. А Земная империя не потерпит какой бы то ни было независимости отдельных народов.

Следовательно, уничтожив теперь их корабль, Мэлтби предоставит Пятидесяти Солнцам драгоценное время, в течение которого можно будет решить, что же делать дальше. Ведь деллианам, нон-деллианам и мезоделлианам дорог каждый лишний день, каждый час; к счастью, Мэлтби строил план уничтожения земного корабля не на том, чтобы рассчитанная им орбита привела «Звездный рой» в недра какой-либо звезды — магнитологические исследования позволили землянам определить местоположение всех звезд на этой трассе.

Однако обо всех штормах они знать не могли. Ни за десять, ни даже за сто лет одному кораблю не под силу обнаружить все возможные бури в ареале, охватывающем две с половиной тысячи световых лет. Если только земные психологи не докопаются до специфических свойств его двойного мезоделлианского разума, Мэлтби в состоянии выполнить то, чего ждет от него правительство Пятидесяти Солнц. В возможности этого Мэлтби не сомневался.

Тем временем лейтенант Кэннонс манипулировал ручками орбитографа; световые линии на табло извивались и мерцали, пока не замерли, подобно шарам в лотерейном барабане. Из них Мэлтби выбрал шесть, ведших глубоко в область великой бури. Десять минут спустя он ощутил легкую вибрацию — корабль пришел в движение. Нахмурившись, Мэлтби поднялся на ноги. Странно, что они приступили к действиям без какой бы то ни было проверки...

— Сюда,— сказал старик.

«Так не может кончиться,— мгновенно сообразил Мэлтби.— Сейчас они примутся за меня...»

Мысль его прервалась.

Он очутился в космосе. Далеко-далеко внизу виднелась удаляющаяся планета Кайдер-Три. С одной стороны поблес-

кивал громадный темный корпус линкора; со всех остальных сторон, сверху и снизу, были только звезды да беспредельный мрак космоса. Несмотря на свою железную волю, Мэлтби ощутил неописуемое потрясение. Его действующее сознание свело судорогой; он пошатнулся и, вероятно, упал бы, подобно внезапно ослепшему человеку, если бы, попытавшись удержаться на ногах, не обнаружил, что стоит достаточно твердо.

Он оцепенел. Инстинктивно разум его переключился на второе — деллианское — сознание. Его точность и силу Мэлтби поставил между своим вторым «я» и тем, что могли бы противопоставить ему земляне.

Сквозь пронизанную сверканием звезд тьму откуда-то донесся ясный и звучный женский голос:

— Итак, лейтенант Неслор, какие же плоды психологического познания взросли на дереве удивления?

В ответ прозвучал второй голос, принадлежавший женщине постарше:

— За три секунды, благородная леди, его сопротивляемость подскочила до уровня, соответствующего ай-кью девятьсот, что является средним значением для деллиан. А ведь помнится, ваше сиятельство, вы специально просили, чтобы их представитель не был деллианином.

— Вы глубоко заблуждаетесь,— поспешно произнес Мэлтби в окружавшую его ночь.— Я не деллианин. Это просто естественная реакция на удивление. Уверяю вас, если требуется, я снижу свою сопротивляемость до нуля.

Щелчок — и сразу же иллюзорный космос со всеми его звездами прекратил существование. Мэлтби убедился в том, о чем начал уже подозревать: он не покидал метеорубки. Рядом стоял лейтенант Кэннонс, с тонкой улыбкой на иссеченном морщинами лице. На приподнятом помосте, полускрытая длинной приборной доской, сидела красивая женщина.

— Вы находитесь в присутствии главного капитана, ее сиятельства Глории Сесилии, леди Лорр из благородных Лорров,— исполненным достоинства голосом произнес старик.— Держите себя подобающим образом.

Мэлтби молча поклонился. Сдвинув брови, главный капитан смотрела на него, пораженная обликом мезоделлиа-

нина. Высокий, прекрасно сложенный, сильный, с умным, одухотворенным лицом — в мгновение ока она отметила все эти черты, свойственные лучшим представителям человеческой расы... и роботам.

Эти люди были гораздо опаснее, чем она предполагала.

— Сами понимаете, мы обязаны допросить вас,— произнесла леди Глория с несвойственным ей раздражением.— Но мы предпочли бы, чтоб вы не чувствовали себя обиженным. Вы утверждаете, что Кассидор-Семь, главная планета Пятидесяти Солнц, находится в двух с половиной тысячах световых лет отсюда. Обычно мы тратим много лет, нащупывая дорогу через столь необъятные пространства, насыщенные не нанесенными на карты звездами. Вы предложили нам оптимальные траектории полета. Однако мы должны быть уверены, что эти траектории отобраны честно, без вероломства и коварных намерений. Исходя из этих соображений, мы просим вас открыть свой разум и отвечать на предложенные вопросы под непрерывным психологическим контролем.

— Мне приказано сотрудничать с вами во всем.

Мэлтби гадал, что же он почувствует теперь, когда настал решающий час. Но ничего необычного не ощутил. Тело слегка одеревенело, зато разум... Мэлтби приказал своему «я» отступить на задний план. Он предоставил поединок со всеми вопросами, какие будут предложены, своему деллианскому сознанию, до сих пор удерживаемому от собственных мыслей. Этот странный, не имевший собственной воли разум был направляем со стороны, однако проявлял сопротивляемость, соответствующую ай-кью сто девяносто один.

Временами это второе сознание восхищало Мэлтби: не обладая творческими способностями, оно отличалось компьютерной памятью и сопротивляемостью внешнему давлению, которая — как быстро установила эта женщина-психолог — соответствовала ай-кью, превышающему девятьсот; если быть абсолютно точным, то его значение было равно девятистам семнадцати.

— Как вас зовут?

Вот и началось: фамилия, звание и множество других деталей, с самых разных сторон характеризующих его личность... Мэлтби отвечал спокойно, уверенно, без утайки. Когда он

закончил, клятвенно подтвердив достоверность сведений о штормах, воцарилась мертвая тишина. Затем из ближней стены появилась женщина средних лет и жестом указала Мэлтби на стул. Когда он уселся, она наклонила его голову и приступила к обследованию — осторожно, почти любовно лаская череп Мэлтби пальцами. Однако когда она подняла глаза, слова ее прозвучали резко:

— Вы не деллианин или нон-деллианин. И молекулярная структура вашего тела и мозга удивительнее всего, что я когда-либо видела. Все молекулы соединены в пары. С чем-то подобным я столкнулась однажды в электронной схеме, когда мы пытались уравновесить нестабильную структуру. Аналогия не точна, но... м-м-м... Мне надо попытаться припомнить, чем кончился тот эксперимент.— Она помолчала.— Как вы это объясните? И что вы собой представляете?

Мэлтби вздохнул. Он давно решил солгать лишь в одном — в главном. Для его двойного сознания это не имело ни малейшего значения, однако ложь порождала легкие колебания артериального давления, вызывала нервные спазмы и нарушения в работе мышц. Рисковать же Мэлтби не имел права — за исключением тех случаев, когда это было совершенно необходимо.

— Я мезоделлианин,— ответил он и сжато рассказал, как смешанные браки между деллианами и нон-деллианами, долгое время бесплодные, в конце концов стали возможными несколько сот лет назад. Использование холода и давления...

— Подождите,— попросила психолог и исчезла; когда она вновь появилась из стены трансмиттера, то казалась погруженной в размышления.

— По-моему, он говорит правду,— едва ли не через силу призналась она.

— Что это значит? — вскинулась леди Глория.— С тех самых пор, как мы столкнулись с первым гражданином Пятидесяти Солнц, служба психологии стала меньше доверять собственным выводам? А я-то считала психологию единственной идеальной наукой! Одно из двух — либо он говорит правду, либо нет.

Немолодая женщина выглядела подавленной. Она твердо и пристально разглядывала Мэлтби в упор, а потом, придя

в явное замешательство под его невозмутимым взглядом, повернулась к своему командиру:

— Эти двойные молекулярные структуры в его мозгу... Но я не вижу причин, препятствующих вам приказать развить полное ускорение.

«Вот оно — то, что я искала,— подумала Глория.— Это действительно плод смешанного брака деллианина и нон-деллианина».

Она и сама толком не понимала, что имела в виду. И потому, прикрывшись легкой улыбкой, произнесла вслух:

— Приглашаю капитана Мэлтби пообедать. Уверена, что он будет сотрудничать с нами и во всех дальнейших исследованиях, которые вы, лейтенант Неслор, тем временем подготовите. А пока пусть кто-нибудь проводит капитана в отведенную ему каюту.— Она обернулась и проговорила в коммуникатор: — Главным двигателям увеличить скорость до половины светового года в минуту, следуя курсом...

Мэлтби слушал, прикидывая в уме. Половина светового года в минуту. Чтобы развить такую скорость, потребуется некоторое время... А к восьми часам «Звездный рой» уже войдет в зону шторма.

В восемь часов Мэлтби будет обедать с главным капитаном.

Восемь часов!

После ухода Мэлтби леди Лорр невесело спросила подругу:

— Ну и что вы об этом думаете?

— Трудно поверить, что они осмелятся сыграть с нами какую-нибудь шутку на этом этапе.— В голосе психолога звучала гневная растерянность.

— У них здесь на редкость запутанная система,— медленно проговорила главный капитан.— Все мало-мальски стоящие карты находятся на планетах, а люди, способные их читать,— на кораблях. Астрогаторы строят свои расчеты на основании шифровок, отправленных людьми, не способными интерпретировать полученные ими данные наблюдений. Узнать, говорит ли капитан Мэлтби правду, мы можем только при помощи психологических тестов. Как и прежде, я делаю ставку лишь на ваше профессиональное мастерство. Несомненно, они что-то замышляют, но мы не можем позволить страху парализовать нас. Мы должны исходить из предположения,

что сумеем выбраться из любых расставленных нам ловушек — даже при помощи одних только простейших машин, если ничего другого не останется. А пока пустите в ход все возможные средства. Не сводите с этого человека глаз. Необходимо выяснить, каким образом «Атмиону» удалось уйти.

— Сделаю все, что в моих силах,— сурово промолвила лейтенант Неслор.

Глава 11

Целые потоки антиматерии, изверженной Новой, вторглись в глубь облака межзвездных газов, и без того уже бушевавших в яростном безумии,— это была великая буря.

Взорвавшись, гигантское солнце подстегнуло бешеную пляску разреженного газа, добавив к ней нечто еще более смертоносное — скорость. Причем скорость взбесившегося газа нарастала скачкообразно. Материя шторма плясала и пылала все быстрее, уже с поистине адским неистовством. Действия сменяли друг друга со стремительностью, чреватой едва ли не полным разрушением материи. Впереди со скоростью свыше ста восьмидесяти шести тысяч миль в секунду мчался свет Новой — сверкающее предостережение всем, кто понимал, что вспыхнуло оно на границе межзвездного шторма.

Но смысл предупреждения, которое нес этот ослепительный свет, сводился к нулю из-за колоссальной скорости шторма. Недели и месяцы мчался он сквозь безбрежную ночь, лишь немного отставая от света.

Обеденная посуда была уже убрана.

«Через полчаса,— подумал Мэлтби.— Полчаса!»

Он с содроганием попытался представить себе, что именно произойдет, когда линкор внезапно столкнется с тысячами g торможения. Вслух он произнес:

— Чем я занимался весь день? Сидел в библиотеке. Меня интересовала новейшая история земной межзвездной экспансии. Мне была любопытна судьба сообществ, подобных мезоделлианам. Я уже упоминал, что после войны, проигранной главным образом из-за нашей малочисленности, мезоделлиане скрылись от Пятидесяти Солнц. Я был одним из попавших в плен детей, которые...

Его слова были прерваны воплем, донесшимся из коммуникатора:

— Благородная леди, я нашла решение!

Мгновением позже Мэлтби узнал возбужденный голос женщины-психолога. Он почти забыл, что она, должно быть, наблюдала за ним. Следующие ее слова заставили Мэлтби похолодеть.

— Два разума! Я додумалась до этого совсем недавно и сразу же соорудила двойное наблюдательное устройство. Спросите! Спросите его о штормах. А тем временем остановите корабль. Немедленно!

Пристальный взгляд темных глаз Мэлтби встретился со стальными прищуренными глазами главного капитана. Не скрываясь, он сконцентрировал на ней усилия обоих разумов, заставив сказать:

— Глупости, лейтенант. Один человек не может обладать двумя разумами. Объясните толком.

Мэлтби надеялся протянуть время. На протяжении десяти минут земляне еще могли спастись. Он должен был заставить их потерять каждую минуту этого времени, сопротивляться любым их попыткам овладеть ситуацией. Если бы только его особый трехмерный гипноз мог действовать и через коммуникатор...

Но он не действовал.

Световые лучи вырвались из стены и оплели тело Мэлтби, удерживая его в кресле, подобно множеству неразрывных пут. Когда он оказался связанным по рукам и ногам, перед лицом воздвигся силовой экран, препятствующий мысленному воздействию на главного капитана, а над головой — конус, напоминающий дурацкий колпак*.

Мэлтби был схвачен так же крепко, как если бы дюжина человек всеми силами и весом навалились на него. Он расслабился и рассмеялся.

— Слишком поздно,— насмешливо проговорил он.— Потребуется не меньше часа, чтобы сбавить ход корабля до безо-

---

* Дурацкий колпак — конический, иногда еще и разрисованный бумажный колпак, который в американских — и некоторых европейских — школах раньше надевали на голову самому нерадивому в классе ученику; провинившийся не имел права снимать его до конца урока, порой — и до конца дня. *(Прим. перев.)*

пасных пределов, а на такой скорости вы не успеете вовремя повернуть, чтобы избежать шторма — величайшего в этой части вселенной.

Это не совсем соответствовало истине. Еще было достаточно и времени, и пространства для маневра, чтобы уйти с опасного курса и избежать столкновения со штормом, двигаясь в направлении его движения. Нельзя было поворачивать лишь в сторону хвоста шторма или его огромных, разбухших крыльев.

Размышления Мэлтби были прерваны пронзительным криком леди Лорр:

— Главные двигатели! Сбавить ход! Тревога!

Последовало сотрясение, от которого содрогнулись стены, и Мэлтби ощутил разрывающее мышцы давление отрицательного ускорения. Он напрягся, противодействуя этой силе, и через стол взглянул на главного капитана. Она улыбалась, но это была застывшая маска.

— Лейтенант Неслор,— сквозь зубы выдавила она.— Примените психологические или любые иные средства, но заставьте его говорить. Надо что-то делать.

— Ключ ко всему — его второй разум,— отозвался голос психолога.— Он не деллианский по природе и потому обладает всего лишь обычной сопротивляемостью. Я подвергну его самому концентрированному воздействию, какое когда-либо сосредоточивалось на человеческом мозге, опираясь на два базиса — логику и секс. В качестве предмета его страсти я использую вас, благородная леди.

— Поспеши! — приказала молодая женщина, и в голосе ее прозвучал металл.

Мэлтби пребывал во мгле — физической и психической. В глубине души он сознавал, что реально существует и что неодолимые силы пытаются формировать его мысли. Он сопротивлялся, вкладывая в эту борьбу всю силу жизни, все миллиарды и квадриллионы импульсов, которые некогда творили его самого.

Однако давление внешней мысли росло.

«Как глупо с моей стороны сопротивляться Земле, когда эта восхитительная землянка любит меня, любит, любит... Великолепна цивилизация Земли и галактики Млечного Пути. Триста квадриллионов людей. Даже самый первый контакт

с ними может преобразить Пятьдесят Солнц. Как она привлекательна; я должен ее спасти. В ней для меня средоточие мира...»

Откуда-то очень издалека Мэлтби услышал собственный голос, объяснявший, что надо предпринять, на какой именно курс положить корабль, сколько времени у них в распоряжении. Он попытался остановиться, но голос его не умолкал, неумолимо произнося слова, означавшие второе поражение Пятидесяти Солнц.

Мгла начала редеть. Ужасное давление на его напряженный мозг ослабло. Проклятый словесный поток прекратил изливаться из его губ. Мэлтби выпрямился на стуле, дрожа и ощущая, что энергетические путы и силовой колпак отпустили его. Он услышал, как главный капитан говорит в коммуникатор:

— Произведя поворот в точке ноль-один — ноль-ноль, мы минуем шторм в семи световых неделях. Допускаю, что это слишком крутая дуга, но чувствую, что это наименьшее из возможных отклонений от курса.— Она обернулась и посмотрела на Мэлтби.— Приготовьтесь. При скорости в половину светового года в минуту поворот даже на сотую долю градуса вызывает у людей затемнение сознания.

— Но не у меня,— отозвался Мэлтби, напрягая деллианские мышцы.

На протяжении следующих четырех минут она, как заметил Мэлтби, трижды теряла сознание, но всякий раз через несколько секунд приходила в себя.

— Нам, людям,— вымученно произнесла она,— выпал жалкий жребий. Но мы умеем это переносить.

Ужасные минуты все тянулись и тянулись. Мэлтби начал ощущать напряжение, порожденное всего лишь бесконечно малым поворотом.

«Как эти люди могли надеяться выжить, попав под прямой удар шторма?» — подумал он.

Внезапно все кончилось. Мужской голос спокойно произнес:

— Корабль на расчетном курсе, благородная леди, и теперь мы находимся вне опа...

Его прервал чей-то возглас:

— Капитан, точно по курсу шторма вспыхнула Новая!

Глава 12

В эти последние минуты перед надвигающейся катастрофой линкор «Звездный рой» сиял, подобно огромному и великолепному драгоценному камню. Предостерегающее сверкание Новой наполнило все сто двадцать его палуб непрекращающимся ревом колоколов громкого боя. Повсюду — от носа до кормы — загорались огни; ряд за рядом их полыхающие полосы пересекали четырехтысячефутовый в диаметре корпус корабля, пламенея, как ограненные самоцветы. В отблесках этих огней подобный черной горе линкор походил на сказочную планету Кассидор, к которой стремился,— такой видится она по ночам из глубокого мрака космоса, усеянная бриллиантами сверкающих городов. Безмолвный, словно призрак, невообразимо огромный, великолепный в своей мощи корабль скользил сквозь тьму вдоль той особой реки пространства и времени, которая и была его расчетным курсом.

И даже когда он влетел в зону шторма, никаких видимых изменений не произошло. Космическое пространство впереди выглядело чистым, как и подобает вакууму. Столь разреженными были образующие шторм газы, что корабль не ощутил бы их присутствия, даже двигаясь со скоростью элементарных частиц. Яростное разрушение материи в этом шторме могло служить лишь источником жесткого космического излучения, а причина грозившей «Звездному рою» катастрофы таилась в чудовищной стремительности его собственного движения.

При скорости в половину светового года в минуту столкновение с массой газа было подобно удару о бесконечно твердую стену. Гигантский корабль содрогнулся каждой плитой обшивки, когда его циклопическая сила встретилась с энергией торможения. В несколько секунд был исчерпан ресурс всех систем, которые по замыслу конструкторов и проектировщиков должны были обеспечивать существование корабля как единого целого.

И «Звездный рой» стал разваливаться.

Однако все происходило в соответствии с оригинальным замыслом его создателей. Исчерпав пределы допустимых напряжений, корабль разлетелся на девять тысяч изолированных отсеков.

Эти отсеки — обтекаемые металлические иглы четырехсот футов длины и сорока футов в диаметре каждая — извилистой стайкой серебристых рыб нырнули в облако газов, предоставляя их напору скатываться со своих гладких боков. Но и этого было недостаточно. Металл стонал, пытаемый торможением. Люди лежали в антиперегрузочных камерах, балансировали на самой грани потери сознания и терпели страдания, казавшиеся непереносимыми. Сотни отсеков кувыркались в пространстве, избегая столкновений друг с другом с помощью автоматических экранов.

Однако вопреки все еще сохранявшейся скорости массы газов не были пока преодолены; слой толщиной в целые световые годы по-прежнему отделял отсеки от чистого космоса.

И вновь все пределы человеческих возможностей были исчерпаны.

Но чтобы печься о благе этих несчастных, хрупких человеческих существ, погибавших под прессом даже меньшим, чем пятнадцать g, были задуманы и созданы удивительные спасательные устройства. Еще в первые минуты, когда корабль только начал распадаться, эти автоматы раздвинули в каждом из отсеков палубный настил и поместили людей в антиперегрузочные камеры. За механическим действием последовало химическое: в камеры, обеспечивавшие безопасность тридцати тысяч человек, хлынул особый газ.

Он был влажным и липким; толстым слоем оседал на одежде, просачивался сквозь нее, достигая кожи, и дальше, сквозь кожу, проникал во все уголки человеческого организма. Люди погрузились в спокойный сон, с которым пришло и чудесное облегчение. Кровь обрела способность сопротивляться давлению; мышцы, за минуту перед тем мучительно напряженные, расслабились; мозг пропитался живительным препаратом, растворившим боль и превратившим ее в сладостную грезу. Человеческий организм легко приспособился к гравитационному гнету: при ста, даже полутораста g отрицательного ускорения жизнь не покидала его.

Огромное сердце вселенной пульсировало. Шторм мчался по его безвозвратным путям, созидая сверкание жизни, очищая мрак от накопившихся ядов. И наконец крошечные кораблики каждый своим курсом вырвались из его пределов.

Сразу же они начали собираться вместе, разыскивая друг друга, словно ими владела непреодолимая страсть, потребность слиться воедино. Автоматически они заняли свои прежние позиции; линкор «Звездный рой» вновь стал обретать форму. Однако в нем зияли бреши — несколько отсеков было потеряно.

На третий день исполняющий обязанности главного капитана Рутгерс вызвал уцелевших капитанов на носовой мостик, где временно расположился штаб. В ходе совещания было выработано следующее заявление, доведенное до сведения экипажа:

«Сегодня в восемь часов утра получено сообщение от главного капитана, ее сиятельства Глории Сесилии, леди Лорр из благородных Лорров, И. К., З. К., О. П. Л.* Она совершила вынужденную посадку на планете желто-белого солнца. При посадке ее корабль потерпел крушение и уже не может быть восстановлен. Поскольку связь с ней осуществляется только при помощи ненаправленного подпространственного радио, а локализация столь распространенного типа солнца среди миллионов других звезд совершенно невозможна, капитаны, посовещавшись, вынуждены с прискорбием сообщить, что имя нашей благородной леди пополнило длинный список жертв космических катастроф — список тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей.

Адмиралтейские огни впредь до особого распоряжения будут гореть голубым светом».

Глава 13

Когда Мэлтби подошел, она стояла к нему спиной. Поколебавшись, он напряг разум и удержал ее возле отсека, служившего некогда капитанским мостиком «Звездного роя».

Длинная металлическая сигара лежала, наполовину зарывшись в болотистый грунт долины; нижний ее конец был

---

* Такими помещаемыми после имени аббревиатурами обозначаются награды. В данном случае первые два вымышленные, но по образу и подобию существующих: И. К.— Имперский крест (прототип — Крест Британской империи); З. К.— Звездный крест (прототип — британский же Морской крест); О. П. Л.— орден Почетного легиона (существующий во Франции с наполеоновских времен). *(Прим. перев.)*

погружен в глубокие мерцающие темно-желтые воды медлительной реки. Мэлтби остановился в нескольких футах от высокой стройной женщины и, по-прежнему не выдавая своего присутствия, вновь осмотрелся по сторонам, внимательно изучая мир, который стал теперь их жизнью. Слепой дождь, мелкой водяной пылью посыпавший Мэлтби на всем протяжении рекогносцировки, сейчас удалился за край долины на западе. Маленькое желтое солнце выглянуло из-за занавеса темных охристых облаков и теперь заливало ослепительным сиянием джунгли, чуждо отблескивавшие коричневым и зеленым. Все вокруг было темно-коричневым и насыщенным ярко-желтым.

Мэлтби вздохнул и вновь сосредоточил внимание на женщине и заставил леди Лорр не ощущать его присутствия до тех пор, пока, обойдя вокруг, он не очутился прямо перед ней. За время прогулки он много думал о ее сиятельстве Глории Сесилии. В основном, конечно, проблема мужчины и женщины, обреченных провести остаток своей жизни вдвоем на далекой планете, была чрезвычайно проста. Особенно если учесть тот факт, что один из них был подготовлен любить другого. Мэлтби мрачно улыбнулся. Он отдавал себе отчет в искусственном происхождении этой любви, что, однако, ничуть не уменьшало глубину чувства.

Гипногенератор ударил его в самое сердце. К несчастью, ее это не коснулось совсем; и двое суток их совместного пребывания выявили жестокую действительность: леди Лорр из благородных Лорров и в мыслях не имела уступать естественным требованиям сложившейся ситуации. Времени для размышлений ей хватило уже с избытком; срочно принимать решение не было ни необходимости, ни даже желания. Однако должна она все-таки отдавать себе отчет в том, что проблема существует! Мэлтби сделал шаг вперед и обнял ее.

Высокая грациозная Глория скользнула в его объятия, как если бы это было ее естественным местом; и поскольку он все еще контролировал ее сознание, поцелуй, который она ему вернула, оказался страстным в точном соответствии с его намерениями. Мэлтби собирался освободить ее сознание посредине поцелуя.

Но не освободил.

Когда он выпустил Глорию из объятий, это было лишь физическое освобождение. Разум леди все еще оставался полностью подвластным ему.

Возле одного из люков стоял металлический стул. Мэлтби опустился на него и пристально посмотрел на главного капитана. Он ощутил дрожь. Пламя желания, взметнувшееся в нем, свидетельствовало о том, насколько успешным оказалось кондиционирование его психики. Это не укладывалось в прежние представления о силе внушенных чувств. Он полагал, будто полностью владеет собой, но все оказалось не так. Забавно, что объективность, с которой он полубеспристрастно пытался осмыслить собственное отношение к сложившейся ситуации, оказалась совершенно бессильна. Гипногенератор был чрезвычайно эффективен.

Мэлтби любил эту женщину с таким неистовством, что одного ее прикосновения хватило, чтобы его действия тотчас же разошлись с намерениями. Сердце его понемногу успокаивалось, пока он с видимой бесстрастностью рассматривал Глорию. Она была по-своему красивой и статной, хотя все женщины деллианской расы выглядели эффектнее; губы не слишком полные, но выдававшие некоторую жестокость, и еще нечто особенное во взгляде, что подчеркивало жестокость. В этой женщине, которой будет нелегко примириться с необходимостью вести жизнь робинзона на неизвестной планете, придется созидать чувства. Это надо обдумать. А пока...

Со вздохом Мэлтби освободил Глорию от чар трехмерного гипноза, наложенных его двойным разумом, из предосторожности заставив сначала отвернуться от него. С любопытством он наблюдал за тем, как она постояла мгновение — не оборачиваясь, совершенно неподвижно, а затем направилась вверх по склону к небольшим зарослям деревьев. Она размеренно шагала по пружинящей под ногами, насквозь пропитанной влагой топкой земле. Поднявшись туда, она остановилась и взглянула в сторону, откуда несколькими минутами раньше пришел Мэлтби. Она явно высматривала его. Наконец Глория обернулась, заслоняя глаза от лучей заходящего желтого солнца; затем спустилась с холмика и увидела Мэлтби.

Она остановилась, прищурясь, неспешно приблизилась и произнесла с излишней резкостью в голосе:

— Вы подобрались очень тихо. Должно быть, описали круг и зашли с запада.

— Нет,— проговорил он неторопливо.— Я задержался на востоке.

Казалось, леди Глория задумалась, хмуро и с пренебрежением рассматривая Мэлтби. Она плотно сжала губы, которые припухли и, должно быть, болели, потому что Глория вздрогнула.

— Что вы обнаружили? — спросила она.— Нашли что-нибудь?..

Она смолкла, внезапно осознав, что с губами не все в порядке. Глория легко коснулась их пальцами, и в яростном взгляде отразилась осенившая ее догадка. Прежде чем она успела произнести хоть слово, Мэлтби сказал:

— Да, вы совершенно правы.

Она разглядывала его, с трудом сдерживая гнев. Справившись с собой, произнесла каменным голосом:

— Попробуйте еще раз — и я со спокойной совестью застрелю вас.

Мэлтби без улыбки покачал головой.

— И в одиночестве проведете здесь остаток жизни? Вы сойдете с ума.— Он тотчас же понял, что для логических выводов гнев ее слишком велик, и поспешно добавил: — К тому же вам пришлось бы стрелять мне в спину. Не сомневаюсь, что вы могли бы это сделать по долгу службы. Но не по личным мотивам.

К удивлению Мэлтби, на глазах у нее выступили слезы. Разумеется, слезы гнева — но все-таки слезы! Быстро шагнув вперед, она дала ему пощечину.

— Ты, робот! — всхлипнула она.

Мэлтби посмотрел на нее, потом насмешливо улыбнулся.

— Если память мне не изменяет, леди, высказавшая это справедливое замечание, является той самой особой, которая в своем циркулярном радиопослании всем планетам Пятидесяти Солнц клятвенно заверяла, что за пятнадцать тысяч лет земляне забыли о своем предубеждении против роботов.

Возможно ли,— закончил он,— что при ближайшем рассмотрении проблема оказалась куда более сложной?

Ответа не последовало. Сиятельная Глория Сесилия прошмыгнула мимо и скрылась внутри корабля. Когда несколько минут спустя она появилась вновь, лицо ее выражало безмятежность, а следы слез, как заметил Мэлтби, исчезли.

— Что вам удалось обнаружить за время моего отсутствия? — мирно поинтересовалась она.— Я откладывала связь с кораблем до вашего возвращения.

— Я полагал, они просили вас выйти на связь в десять часов,— заметил Мэлтби.

Она пожала плечами, и в голосе ее зазвучали высокомерные нотки:

— Они ответят, когда я вызову. Удалось вам обнаружить следы разумной жизни?

Мэлтби ощутил прилив сочувствия к человеку, на долю которого выпало столько потрясений, сколько пережила главный капитан Лорр.

— Долина представляет собой сплошное болото,— сказал он.— И джунгли очень древние. Ни одного следа пилы или топора. Удалось заметить несколько странных зверей, а также двурукое и четвероногое существо, издали наблюдавшее за мной. Оно было вооружено копьем, но находилось слишком далеко, чтобы я мог воспользоваться гипнозом. Должно быть, деревня неподалеку. Возможно, на краю долины. Я собираюсь в течение ближайших нескольких месяцев разобрать отсек и по частям перенести на твердую землю. Специалистам вашего корабля я передал бы следующее: мы находимся на планете, обращающейся вокруг звезды спектрального класса G; это солнце крупнее типичного желто-белого и имеет более высокую температуру поверхности — оно более горячее, потому что, даже будучи очень удаленным, дает достаточно тепла для поддержания в северном полушарии планеты субтропического климата. В полдень солнце стояло чуть к северу, а сейчас вновь повернуло на юг. Наклон оси планеты я навскидку определил бы градусов в сорок, а значит, можно ожидать холодной зимы, хотя это и не подтверждается возрастом и характером растительности.

Леди Лорр нахмурилась.

— Эти сведения не кажутся мне полезными,— проговорила она.— Впрочем, я всего лишь администратор.

— А я всего лишь метеоролог.

— Верно. Пойдемте — возможно, мой астрофизик сумеет извлечь из этого что-нибудь.

«Ваш астрофизик»,— подумал Мэлтби, но вслух этого не сказал.

Он последовал за Глорией внутрь корабельного отсека и закрыл за собой крышку люка.

С кривой усмешкой он разглядывал интерьер капитанского мостика, пока Глория усаживалась перед астровизором. Впечатляющее сверкание пульта управления, занимавшего целую стену, казалось теперь насмешкой. Вся управляемая отсюда машинерия осталась далеко в космосе. Некогда она царила над Большим Магеллановым Облаком; теперь же его пистолет был гораздо более могущественным орудием. Он ощутил на себе взгляд капитана Лорр.

— Не понимаю,— сказала она.— Они не отвечают.

— Возможно,— Мэлтби не смог сдержать легкой насмешливой интонации, отчетливо прозвучавшей в его голосе,— у них были веские причины ждать вашего вызова именно в десять часов.

Мускулы на ее лице чуть заметно вздрогнули, выдавая сдерживаемое раздражение, но вслух леди Глория не произнесла ни слова. Мэлтби холодно продолжал:

— В конечном счете это не так уж важно. Они лишь осуществляют стандартную процедуру, отыскивая ту спасительную уловку, при помощи которой нас можно было бы вытащить отсюда,— и не находят ее. Лично у меня не хватает воображения представить себе чудо, которое позволило бы нас отыскать.

Женщина словно не слышала его слов.

— Почему мы ни разу не поймали радиопередач Пятидесяти Солнц? — хмурясь, спросила она.— За все десять лет пребывания в Облаке не было даже шепота.

— Все радиопередачи ведутся на крайне сложной плавающей волне, длина которой меняется чаще двадцати раз в секунду.— Мэлтби пожал плечами.— Ваши приемники зарегистрировали бы только регулярное пощелкивание — каждые десять минут. И...

Его прервал голос, раздавшийся из астровизора; на экране появилось лицо исполняющего обязанности главного капитана Рутгерса.

— Ох, это вы, капитан,— воскликнула леди Глория.— Что вас задержало?

— Мы осуществляем высадку на Кассидор-Семь,— прозвучал ответ.— Вы же знаете, устав требует, чтобы главный капитан...

— Да, конечно. Но теперь вы свободны?

— Нет. Я улучил момент, чтобы убедиться, что с вами все в порядке, и теперь переключу вас на капитана Плэнстона.

— Как происходит высадка?

— Отлично. Контакт с правительством установлен. Похоже, они смирились. А теперь я должен идти. До свидания, леди.

Лицо его мелькнуло и исчезло; экран опустел. Это было едва ли не самое краткое из когда-либо произносившихся приветствий. Но погруженный в уныние Мэлтби почти не обратил на него внимания.

Итак, все кончилось. Отчаянная затея лидеров Пятидесяти Солнц, его собственная попытка уничтожить гигантский линкор наглядно показали тщетность борьбы с непобедимым противником. Его охватило безысходное чувство поражения — в полном смысле слова. А с ним — и осознание того, что больше никакой борьбы в его жизни не будет. Но и это не изменило его угрюмого настроения.

На строгом утонченном лице ее сиятельства Глории Сесилии Мэлтби заметил смешанное выражение радости и досады. Не было ни малейших сомнений, что она не ощущала оторванности от главных событий, происходивших где-то далеко в космосе. Не упустила она и значения внезапного прекращения разговора.

Экран астровизора вновь засветился, но появившегося на нем лица Мэлтби никогда прежде не видел. Это был пожилой человек с тяжелым подбородком. Человек сказал тягучим голосом:

— Позвольте заверить вашу светлость, что мы надеемся отыскать способ спасти вас. А надежды нельзя терять до тех пор, пока, как говорится, последний гвоздь не забит в крышку гроба.— Он захихикал.

— Капитан Мэлтби доведет до вашего сведения всю информацию, которой мы располагаем,— сказала леди Глория.— После чего вы, несомненно, сможете изложить ему свои рекомендации, капитан Плэнстон. К сожалению, мы оба не астрофизики.

— Невозможно быть специалистом во всех областях,— пропыхтел капитан Плэнстон.— Э-э... капитан Мэлтби, что же вы узнали?

Мэлтби сжато изложил свои соображения, после чего ему пришлось подождать инструкций. Их было слишком много.

— Выясните продолжительность времен года. Интересно также, чем объясняются этот желтый солнечный свет и насыщенный коричневый цвет окружающего. Сделайте снимки, используя ортохромную пленку и три светофильтра — красный, синий и желтый. Сделайте спектрограммы — я хочу проверить, не окажется ли ваше солнце голубой звездой, фиолетовое излучение которой задерживается плотной атмосферой, а тепло и свет достигают поверхности, сдвинувшись в желтую область. Я не питаю особой надежды. Видите ли, Большое Магелланово Облако переполнено голубыми звездами, пятьсот тысяч из которых ярче Сириуса. И последнее: порасспросите туземцев о временах года. Сделайте на этом упор. До свидания!

Глава 14

Туземец был осторожен. Неуловимыми движениями он упорно продолжал отступать в глубь джунглей; четыре ноги давали ему очевидное преимущество в скорости, которое он прекрасно сознавал, поскольку то и дело останавливался и вновь приближался немного, дразня и заманивая. Леди Глория наблюдала за ним — сначала забавляясь, а потом с раздражением.

— Может быть,— предложила она,— мы разделимся и я погоню его на вас?

Мэлтби нахмурился и неохотно кивнул. Голос его прозвучал напряженно и строго:

— Он заманивает нас в ловушку. Включите датчики на шлеме и держите оружие наготове. Без нужды не стреляйте,

но и не мешкайте в критической ситуации. Копье может нанести ужасающую рану, для лечения которой у нас ничего нет.

Его приказной тон немедленно вызвал гнев леди Лорр. Он словно не понимал, что она не хуже его разбирается в ситуации. Ее сиятельство Глория вздохнула. Если им придется остаться на этой планете, без серьезной психологической перестройки не обойтись.

«Причем,— подумала она непреклонно,— это коснется не только меня».

— Пора! — прозвучал рядом с ней голос Мэлтби.— Обратите внимание: лощина раздваивается. Я побывал здесь вчера и знаю, что ярдов через двести ее части вновь соединяются. Он побежал по левому ответвлению, я направлюсь по правому. Оставайтесь здесь; пусть он вернется посмотреть, что произошло, и тогда гоните его на меня.

Мэлтби тенью скользнул по темной тропинке, вившейся под плотным пологом листвы. Воцарилась тишина.

Глория ждала. Уже через минуту ее охватило чувство затерянности в этом черно-желтом мире, безжизненном с начала времен.

«Так вот что подразумевал вчера Мэлтби, утверждая, будто я не отважусь застрелить его и остаться в одиночестве»,— подумала леди Лорр.

Тогда это не дошло до ее сознания, но сейчас она поняла. Одинокая женщина, заброшенная на безымянную планету под ничем не примечательной звездой, каждое утро просыпается в рассыпающемся корабле, безжизненные металлические останки которого лежат на темной, теплой, желтой, болотистой земле...

Она стояла, погрузившись в размышления. Не было сомнений, что проблема деллиан, мезоделлиан и нон-деллиан могла быть решена здесь с тем же успехом, что и в любом другом месте.

Из задумчивости ее вырвал какой-то звук. Внезапно насторожившись, в сотне ярдов от себя Глория увидела кошачью голову, осторожно выглядывавшую из кустарника на противоположном краю прогалины. Интересная голова — ее свирепость не уступала ее красоте. Желтоватое туловище сейчас

было почти полностью скрыто зарослями, однако мельком замеченного ранее оказалось достаточно, чтобы Глория распознала в животном представителя СС-типа, принадлежавшего к почти повсеместно распространенному семейству кентавров. В движении эти четвероногие существа демонстрировали идеальную сбалансированность.

Кентавр изучающе разглядывал Глорию большими блестящими черными глазами, округлившимися от удивления. Голова его поворачивалась из стороны в сторону, явно высматривая Мэлтби. Глория взмахнула пистолетом и пошла вперед. Существо мгновенно исчезло. Благодаря чувствительным микрофонам леди Лорр даже отсюда могла слышать, как оно мчится все дальше и дальше. Внезапно кентавр замедлил бег, и больше от него не донеслось ни звука.

«Поймал,— подумала Глория; это произвело на нее впечатление.— Выходит, мезоделлиане с их двойным разумом восприимчивы и одаренны. Жаль будет, если предрассудки не позволят им вписаться в галактическую цивилизацию Земной империи».

Несколько минут спустя она увидела Мэлтби — с помощью блок-коммуникатора тот пытался объясниться с туземцем. Подняв глаза, Мэлтби заметил ее и недоуменно покачал головой.

— Он утверждает, что всегда было так же тепло, как сейчас, и что живет он уже тринадцать тысяч лун. Луна — это сорок солнц, то есть сорок дней. Он предлагает нам пройти немного дальше вдоль долины, но это явно звучит чересчур заманчиво. Наш ход — это сделать осторожный дружеский жест и...— Он смолк на полуслове.

Прежде чем Глория смогла хотя бы осмыслить угрозу, разум ее уже был скован, а мышцы возбуждены. Ее швырнуло в сторону и вниз с такой скоростью, что удар о землю причинил ей невероятную боль. Уже лежа, оглушенная, она краем глаза успела заметить копье, пропоровшее воздух там, где она только что стояла. Глория повернулась, перекатилась — воля ее была вновь свободна — и выбросила руку с пистолетом в том направлении, откуда прилетело копье. По голому склону мчался галопом второй кентавр. Палец леди Лорр лег на спусковой крючок; и вдруг...

— Нет! — Голос Мэлтби был тих.— Они выслали разведчика — посмотреть, что происходит. Свое дело он сделал. Все кончилось.

Глория опустила пистолет, отметив с досадой, что руки у нее трясутся, да и всю ее била дрожь. Она уже открыла рот, чтобы сказать: «Спасибо, вы спасли мне жизнь!» — но тут же вновь плотно сжала губы, потому что ее голос тоже дрожал. И еще потому, что Мэлтби спас ей жизнь! Потрясенный этой мыслью, разум благородной леди балансировал на краю бездны. Невероятно! Никогда прежде Глория не подвергалась личной опасности от конкретного живого существа. Однажды ее линкор нырнул в хромосферу звезды; еще не изгладился из памяти и космический катаклизм недавнего шторма. Но этим безликим опасностям можно было противопоставить изощренную технику и хорошо обученный экипаж. На сей раз все было совершенно иначе.

В продолжение обратного пути к корабельному отсеку Глория пыталась постичь сущность этого различия. И это ей, кажется, удалось.

— Спектр типичный,— говорил Мэлтби в микрофон астровизора.— Линий поглощения нет совсем; зато две желтые полосы интенсивны до рези в глазах. Как вы и предполагали, мы, по-видимому, имеем дело с голубым солнцем, фиолетовое излучение которого задерживается атмосферой. Так или иначе,— закончил он,— уникальность этого эффекта обязана своим происхождением плотности здешней атмосферы. Еще вопросы?

— Пока нет...— Астрофизик казался погруженным в размышления.— И вообще, мне больше нечего вам посоветовать. Надо еще осмыслить все это. Не могли бы вы пригласить к астровизору леди Лорр? С вашего позволения, мне хотелось бы поговорить с ней наедине.

— Разумеется.

Уступив место Глории, Мэлтби вышел наружу, сел в кресло и стал наблюдать за восходящей луной. Тьма — это он подметил еще прошлой ночью — словно была пропитана какой-то неуловимой, вездесущей фиолетовой дымкой. Ну, теперь это понятно!

При том расстоянии от центрального светила, на которое указывал его угловой размер, вместо восьмидесятиградусной

жары здесь должен был бы царить ставосьмидесятиградусный мороз*, если, конечно, видимый цвет солнца соответствовал действительному. Голубое солнце, одно из полумиллиона... Все это интересно, однако... Мэлтби невесело усмехнулся. «Мне больше нечего вам посоветовать» капитана Плэнстона звучало признанием безысходности положения, в котором... Он невольно поежился.

Мгновение спустя Мэлтби попытался нарисовать в своем воображении картину: себя самого, точно так же сидящего здесь через год, любуясь восходящей луной. И через десять лет... И через двадцать...

И тут он ощутил присутствие Глории — она стояла в проеме люка, пристально глядя на него. Он поднял взгляд. Поток белого света, лившийся изнутри корабля, придавал ее лицу странное выражение: оно казалось отбеленным — после той желтизны, которую взгляд уже привык считать естественной.

— Больше вызовов с корабля не будет,— сказала она и, повернувшись, исчезла.

Мэлтби равнодушно кивнул. Прекращение вызовов было безжалостно и жестоко, однако в данной ситуации полностью соответствовало уставу. Робинзоны не должны питать ложных надежд и строить волшебных иллюзий, порожденных наличием связи. Им следует с полной ясностью осознать, что они отрезаны навеки. Отныне и навсегда.

Что ж, пусть так. Факт есть факт, и с ним следует смириться. В одной из книг, прочитанных Мэлтби на борту линкора, была глава о потерпевших кораблекрушение. Оттуда он почерпнул сведения о зафиксированных в истории девятистах миллионах человек, заброшенных судьбой на неведомые планеты. Большинство из этих планет в конце концов были найдены; и не меньше чем на десяти тысячах из них возникли целые общества, образованные потомками жертв космических катастроф. По закону каждый — и мужчины, и женщины, независимо от положения, занимаемого ранее в обществе,— в первую очередь должен был содействовать умножению населения. Потерпевший крушение обязан отринуть все личное, забыть

---

* По Фаренгейту; по шкале Цельсия это +26,6° и −117,7° соответственно. *(Прим. перев.)*

о собственных чувствах и думать о себе исключительно как об орудии космической экспансии человеческой расы. Для нарушителей этого кодекса предусматривались наказания. Разумеется, их некому было приводить в исполнение, если поселение робинзонов не находили; но к обнаруженным они применялись со всей строгостью. Конечно, суд может решить, что человек и робот... что ж, робот — это особый случай.

Прошло уже полчаса, как Мэлтби сидел здесь. Он поднялся и почувствовал, что голоден. Он совсем забыл об ужине. Мэлтби разозлился на себя. Черт возьми, нынешняя ночь — не время оказывать давление на Глорию. Рано или поздно ей все равно придется понять, что обязанности кока отныне лежат на ней.

Только не нынешней ночью.

Мэлтби поспешно вернулся на кораблик и направился в компактный камбуз, каким был оснащен каждый отсек «Звездного роя». Однако в коридоре он остановился. Из неплотно закрытых дверей струился свет. Внутри кто-то насвистывал — нежно, весело, хотя и немелодично; и оттуда распространялся аромат, который может источать только настоящее рагу.

Они чуть было не столкнулись на пороге.

— Я как раз шла позвать вас,— сказала Глория.

Ужин прошел в молчании и быстро закончился. Сунув посуду в автомат, они уселись на просторный диван. Наконец Мэлтби заметил, что Глория изучающе смотрит на него насмешливым взглядом.

— Есть ли шанс,— спросила она вдруг,— что земная женщина и мезоделлианин смогут иметь детей?

— Честно говоря,— признался Мэлтби,— я в этом сомневаюсь.

Он пустился в описание процесса холодного давления, формирующего протоплазму мезоделлианского зародыша. И все время, пока он говорил, Глория продолжала рассматривать его все тем же веселым взглядом. Когда же она наконец заговорила, голос ее звучал необычно.

— Со мной сегодня приключилась странная история — после того, как этот туземец метнул копье. Я поняла...— Глория с трудом подбирала слова.— Я поняла, что проблема роботов решена — по крайней мере лично для меня. Есте-

ственно,— спокойно закончила она,— я в любом случае не стала бы противиться. Но мне приятно сознавать, что вы нравитесь мне,— она улыбнулась,— и нравитесь беспредельно.

Глава 15

Голубое солнце, которое кажется желтым... На следующее утром Мэлтби, сидя в кресле, ломал над этим голову. Сегодня он поджидал визита туземцев и потому решил остаться у корабля. Он не спускал глаз с краев прогалины, с границы долины, с опушки джунглей, но...

Существует закон, вспомнил он, определяющий сдвиг цветовых компонентов светового луча в другие части спектра — например, в желтую часть. Закон довольно сложен, но поскольку все оборудование капитанского мостика сводилось к репитерам и аппаратуре дистанционного управления и не включало в себя собственно измерительных и наблюдательных приборов, Мэлтби приходилось полагаться на математику, если он хотел представить себе, к какому спектральному классу относится здешнее солнце и насколько оно удалено от планеты. Большая часть солнечной радиации, вероятно, достигала планеты в виде ультрафиолетового излучения. Однако проверить предположение было невозможно. Так что оставим это на будущее и вернемся к желтому.

Он вошел в кораблик. Глории нигде не было видно, но дверь ее спальни была закрыта. Мэлтби отыскал блокнот, вернулся в свое кресло и погрузился в расчеты. Через час ответ был готов: триллион триста миллиардов миль. Почти одна пятая светового года. Он отрывисто рассмеялся. Так вот оно что! Хорошо бы иметь более полные данные или...

Или?..

Разум его воспарил. Вспышка озарения выжгла пелену, застилавшую мысленный взор, и грандиозная истина открылась Мэлтби. С криком он вскочил на ноги и уже метнулся к входному люку, когда над ним скользнула длинная черная тень. Тень была столь огромна, что мгновенно закрыла собой всю долину. Мэлтби невольно остановился и посмотрел вверх.

Линкор «Звездный рой» завис невысоко над желто-коричневыми джунглями планеты; из его чрева уже выдвинулся,

сверкнув желтоватым серебром в солнечных лучах, спасательный катер и сразу же стартовал вниз. У Мэлтби оставались считаные минуты, чтобы поговорить с Глорией, прежде чем катер приземлится.

— Подумать только,— сказал он,— я как раз докопался до истины.

...Глория не смотрела на него. Взгляд ее был устремлен вдаль.

— В конце концов,— продолжал Мэлтби,— я не могу представить себе ничего лучше, чем посадить меня в камеру гипногенератора и...

— Не будьте смешным,— прервала она, по-прежнему не глядя на Мэлтби.— Не воображайте, что я приду в замешательство, как из-за того поцелуя. Позже я приму вас в своей каюте.

Ванна, чистый костюм — и Мэлтби через трансмиттер шагнул в помещение астрофизической службы. Первое представление об открывшейся ему потрясающей истине, в общих чертах правильное, нуждалось в уточнении некоторых фактов.

— А-а, Мэлтби! — Главный астрофизик шагнул ему навстречу и пожал руку.— Это солнце, которые вы выискали... Уже на основании первых ваших описаний желтизны и черноты у нас зародились подозрения. Но мы, естественно, не могли преждевременно обнадеживать вас... Да это и запрещено, вы же знаете. Наклон оси, судя по всему, вызывает очень долгое лето, в продолжение которого у гигантских деревьев здешних джунглей не образуется годичных колец... Все это наводило на размышления. А невыразительный спектр, в котором полностью отсутствуют линии поглощения,— это уже почти решающий аргумент. Последним доказательством послужил фильм, снятый вами на ортохромной пленке; он оказался передержанным, в то время как отснятые с использованием голубого и красного светофильтров — сильно недодержанными. Звезды этого типа так непомерно горячи, что практически вся излучаемая ими радиация лежит вне видимой части спектра. А вторичная радиация — нечто вроде свечения в атмосфере звезды — порождает видимый эффект желтизны, когда незначительная часть губительного ультрафиолета переходит в излучение с длиной волны большей, чем у атома

гелия. Нечто вроде люминесцентной лампы, по космическим масштабам довольно мощной. Общее количество солнечной радиации, достигающей планеты, разумеется, огромно; однако, проходя сквозь многомильную толщу поглощающих ее озона, водяных паров, двуокиси углерода и других газов, поверхности она достигает, претерпев сильные изменения. Ничего удивительного, что туземец рассказывал вам о постоянной жаре — лето здесь длится уже четыре тысячелетия. Обычная радиация звезд этой отвратительной разновидности — из века в век излучаемая норма — приблизительно соответствует Новой в катастрофическом максимуме ее неистовства. Только у Новой этот период длится всего несколько часов, в течение которых в пространство изливается мощь, приблизительно соответствующая суммарному излучению ста миллионов обычных солнц. Новая-О, как мы назвали ярчайшую из звезд,— единственная в своем роде в Большом Магеллановом Облаке, это огромная и великолепная S Дорады. Разговаривая с главным капитаном Лорр, я заметил, что из сотни миллионов звезд она выискала...

— Постойте,— перебил его Мэлтби,— вы хотите сказать, что сообщили об этом леди Лорр прошлой ночью?

— Так у вас там была ночь? — заинтересовался капитан Плэнстон.— Ну... Что ж... Да, попутно, пока не забыл: все эти женитьбы и замужества не кажутся мне столь важными теперь, когда я состарился,— но все равно примите поздравления.

Мэлтби не поспевал за течением разговора. Мысли его зациклились на одном — так она все знала! Вновь он сосредоточился лишь перед последними словами астрофизика.

— Поздравления? — переспросил он.

— Самое время ей выйти замуж,— проворчал капитан.— Она деловая женщина, вы же знаете. Вдобавок это воодушевит остальных роботов... прошу прощения! Уверяю вас, название не имеет для меня ни малейшего значения. Как бы то ни было, леди Лорр сама объявила об этом несколько минут назад. Заходите еще — рад буду повидаться...— И он отвернулся, помахав на прощание пухлой рукой.

Мэлтби направился к ближайшему трансмиттеру. Вероятно, Глория уже ждет его.

Не стоит ее разочаровывать.

Глава 16

Тускло светящийся шар имел около трех футов в диаметре. Он висел в воздухе почти посредине каюты; нижний его полюс находился на уровне подбородка Мэлтби. Хмурясь и напрягая свой двойной разум, Мэлтби поднялся с постели, сунул ноги в тапочки и медленно обогнул светильник. Стоило оказаться с противоположной стороны шара, как тот исчез. Мэлтби поспешно вернулся на прежнее место, и шар появился вновь. Как он и предполагал, это оказалось изображением, проецируемым из подпространства и в реальности пространства каюты не существующим. Потому шар и не был виден с тыла. От замешательства брови Мэлтби сдвинулись еще ближе. Не будь он уверен в отсутствии у них подобных коммуникаторов, то мог бы предположить, что его извещают о наступлении времени действий.

Мэлтби горячо надеялся, что это не так. Он оставался все так же далек от решения. Но кто еще мог предпринять попытку связаться с ним? Мэлтби чуть было не нажал кнопку устройства, соединяющего каюту с капитанской рубкой огромного космолета. Не хотелось бы, чтобы Глория подумала, будто он поддерживает с кем-то тайную связь. Если у леди Лорр зародятся подозрения, даже положение мужа не спасет двойной разум Мэлтби от вмешательства лейтенанта Неслор.

Однако помимо супружеских у него были и другие обязанности. Мэлтби сел на кровать и, сердито глядя на шар, произнес:

— Предположим, я догадываюсь, кто вы. Что вам угодно?

Раздавшийся в ответ голос — властный, уверенный — пришел сквозь шар:

— Догадываетесь, кто связался с вами, невзирая на необычность посредника?

Голос был знаком Мэлтби. Глаза его сузились, он с трудом сглотнул, но сразу взял себя в руки. Здесь могли оказаться непрошеные слушатели, которые многое извлекут из самого факта того, что он сразу же узнал голос. Именно для них он сказал:

— Логика самоочевидна: я — мезоделлианин, находящийся на борту земного линкора «Звездный рой», крейсирующе-

го внутри Большого Магелланова Облака в регионе Пятидесяти Солнц. Кто, кроме моих скрывающихся соплеменников, может искать со мной связи?

— И, зная об этом,— многозначительно произнес голос,— вы не предприняли ни единой попытки выдать нас?

Мэлтби смолчал. Он отнюдь не был уверен, что ему по вкусу такая формулировка. Он понимал, что эти слова, подобно его собственным, адресованы возможным непрошеным слушателям. Однако то, что его собеседник таким образом обращал внимание на желание Мэлтби сохранить этот разговор в тайне, вряд ли можно было посчитать дружественным жестом. Отчетливее прежнего он осознал, что не следует забывать о своей политической позиции — как здесь, на корабле, так и за его пределами. Надо взвешивать каждое произносимое слово. Он разглядывал светящуюся штуковину, прикидывая, каким способом легче заставить раскрыться спрятавшегося за ней человека. И попросту спросил:

— Кто вы?

— Ханстон.

— О! — вырвалось у Мэлтби.

Удивление не было полностью притворным. Существовала разница между догадкой и ее словесным подтверждением. Прямое опознание личности собеседника как-никак еще глубже затягивало его в эту историю.

Ханстон был освобожден сразу же после того, как «Звездный рой» нашел Пятьдесят Солнц. Мэлтби в силу обстоятельств был фактически лишен связи с остальным миром. Он мягко повторил прежний вопрос:

— Что вам угодно?

— Ваша политическая поддержка.

— Моя... чего? — опешил Мэлтби.

В голосе Ханстона зазвучали нотки не столько гордости, сколько гордыни:

— В соответствии с нашей убежденностью в том, что мезоделлиане, невзирая на свою малочисленность, должны принимать равноправное участие в управлении Пятьюдесятью Солнцами,— не сомневаюсь, вы разделяете эту точку зрения,— сегодня мною отдан приказ захватить власть на всех планетах сообщества. В настоящий момент армии мезоделлиан, осна-

щенные самым обширным арсеналом всего известного галактике сверхоружия, проводят операцию по высадке десантов, и вскоре власть окажется в наших руках. Вы...— Голос на мгновение смолк, затем спокойно продолжил: — Вы слушаете меня, капитан Мэлтби?

Вопрос был подобен тишине, наступающей после удара грома. Оглушенный новостью, Мэлтби медленно приходил в себя. Он поднялся на ноги, но сразу же снова сел. Хотя мир разом изменился, здесь все осталось по-прежнему — каюта, светящийся шар и он сам.

Гнев взметнулся в душе Мэлтби, как пламя.

— Вы отдали этот приказ?! — яростно рявкнул он и осекся. Мозг молниеносно переключился на режим восприятия и анализа больших объемов информации. Наконец, придя к выводу, что в его положении невозможно возражать по существу, Мэлтби произнес: — Вы рассчитываете на одобрение свершившегося факта. Насколько я понимаю неизменную политику Земной империи, эти надежды напрасны.

— Напротив,— последовал быстрый ответ.— Необходимо убедить лишь главного капитана леди Лорр. Она уполномочена поступать по собственному усмотрению. И она ваша жена.

Мэлтби все еще колебался, хотя и чувствовал себя заметно спокойнее. Странно, что Ханстон, начав действовать по собственному почину, ищет теперь его поддержки. Впрочем, ничего особенно странного в этом не было. Неожиданно Мэлтби понял, что ждал чего-то подобного — ждал с того самого момента, когда месяц назад распространилась новость об открытии земным линкором цивилизации Пятидесяти Солнц. Ждал — и именно поэтому хранил молчание. Через пять—десять лет, а может быть, уже через год печать земного одобрения навсегда закрепит демократическое устройство общества Пятидесяти Солнц — таким, каково оно есть. А существующее законодательство полностью исключало мезоделлиан из управления государством. Сейчас представлялся шанс сделать это возможным. Потом...

Было очевидно, что сам Мэлтби слишком замешкался с принятием решения. Обуревавшая остальных его соплеменников жажда активных действий все-таки претворилась в действие. Мэлтби придется изыскать способ покинуть корабль,

чтобы выяснить, что же происходит на планетах. Однако сейчас его девиз — осторожность.

— Я не прочь изложить ваши аргументы жене. Однако некоторые положения не произвели на меня ни малейшего впечатления. Вы упомянули о «самом обширном арсенале всего известного галактике сверхоружия». Согласен, примененный вами способ подпространственной связи является для меня новинкой, однако в целом это ваше утверждение совершенно нелепо. Вы понятия не имеете даже о вооружении одного-единственного линкора — несмотря на предоставленные мне возможности, оно остается тайной и для меня. К тому же можно утверждать, что ни один корабль не способен нести столько вооружения, сколько Земля сумеет в короткий срок сосредоточить в любом уголке изученной вселенной. Пребывая в постоянной самоизоляции, вы не можете знать, что это за оружие, и потому не имеете права говорить о превосходстве. В связи с этим я спрашиваю: зачем прибегать к подобным угрозам? Такой аргумент меньше всех прочих способен пробудить энтузиазм по отношению к вашему предприятию. Не так ли?

На капитанском мостике гигантского корабля ее сиятельство Глория Сесилия отвернулась от видеоэкрана, показывавшего каюту Мэлтби. Ее красивое лицо казалось озабоченным.

— Что вы об этом думаете, лейтенант Неслор? — тихо спросила она.

— По-моему, благородная леди,— твердо ответила психолог,— именно это мы обсуждали в тот раз, когда вы впервые поинтересовались у меня психологическим эффектом, который произведет ваше замужество на Питера Мэлтби.

Главный капитан удивленно воззрилась на свою подчиненную.

— Вы сошли с ума? Его реакция естественна — вплоть до мелочей. Он подробно рассказывал мне о ситуации, сложившейся в мире Пятидесяти Солнц. И каждое его слово соответствует...

Мягко прозвенел интерком, и на экране возникло мужское лицо.

— Дрейдон,— представился он,— начальник службы связи. Относительно вашего запроса об ультраволновом излучении, сфокусированном сейчас в спальне вашего мужа, докла-

дываю, что подобное устройство в галактике Млечного Пути было изобретено около ста девяноста лет назад. Было принято решение оборудовать им все заложенные и уже построенные корабли рангом выше крейсера, однако массовое производство началось, когда мы уже находились в пути. Следовательно, в этой области мезоделлиане достигли уровня изобретений, созданных человеческим гением, хотя трудно понять, как им это удалось. Весьма вероятно, что лишь очень и очень немногие из них представляют себе возможности нашей техники, мгновенно регистрирующей любое постороннее энергетическое проявление. Вряд ли они обнаружили и все побочные эффекты своего изобретения. Что еще вас интересует, благородная леди?

— Как это действует?

— Энергия, чистейшая энергия. Конусовидный пучок ультраволн направляется на обширный сектор космического пространства, где предположительно находится искомый корабль. Все генераторы ведущего передачу корабля работают только на излучение. Насколько я помню, во время экспериментов удавалось устанавливать контакт на расстоянии больше трех с половиной тысяч световых лет.

— Понятно,— нетерпеливо перебила леди Лорр.— Но каков принцип действия? Как, например, они отыскали «Звездный рой» среди сотни других кораблей?

— Как вам известно,— последовал ответ,— наш корабль на определенной волне постоянно посылает в космос ненаправленные опознавательные сигналы. Ультралучи настроены на эту длину волны и, встречаясь с ней, мгновенно фокусируются на центре источника опознавательных сигналов и удерживают его в фокусе независимо от изменения направления и скорости движения. После того как волна-носитель сфокусирована, передать с ее помощью голос или изображение, естественно, проще простого.

— Понимаю...— Глория казалась погруженной в размышления.— Благодарю вас.

Она переключила интерком, вернув на экран изображение каюты Мэлтби.

— Очень хорошо,— говорил в это время ее муж.— Я представлю ваши соображения жене.

Вместо ответа светящийся шар исчез. Пропущенная часть разговора не интересовала главного капитана: вся беседа была записана, и воспроизвести впоследствии любую ее часть не составило бы труда. Глория повернулась к лейтенанту Неслор и высказала мысль, не покидавшую ее все это время:

— Как вы можете аргументировать свое утверждение, высказанное прежде, чем нас прервали?

— Произошло нечто судьбоносное для Пятидесяти Солнц в целом,— холодно ответила психолог.— Это слишком важно, чтобы мы могли позволить себе какое-либо вмешательство. Следовательно, необходимо удалить вашего мужа с корабля, а вам надлежит добровольно подвергнуться изъятию из памяти любви к нему — до тех пор, пока это дело не будет доведено до конца. Вы понимаете, не правда ли?

— Нет! — упрямо возразила леди Лорр.— Не понимаю. Почему вы так считаете?

— По нескольким причинам. Во-первых, потому что вы вышли за него замуж. А заурядного человека вы бы никогда не выбрали себе в мужья, мадам.

— Естественно,— с гордостью произнесла главный капитан.— Вы сами установили, что ай-кью каждого из его разумов больше моего.

— С каких это пор вы придаете ай-кью такое значение? — саркастически рассмеялась лейтенант Неслор.— Будь он критерием признания превосходства, королевская и все аристократические фамилии уже давным-давно кишели бы профессорами и академиками. Нет, мой капитан, высокородные особы обладают врожденным величием, не имеющим ничего общего с интеллектом или талантом. Менее удачливые смертные могут воспринимать это как несправедливость, но не в состоянии ничего поделать. Когда в комнате появляется его светлость, мы можем его не любить, даже ненавидеть, можем игнорировать его или, наоборот, склониться перед ним в поклоне, но никогда не останемся к нему равнодушны. Капитан Мэлтби окружен такой же атмосферой. Выходя за него замуж, вы могли не осознавать этого, но подсознательно чувствовали.

— Но он всего лишь капитан флота Пятидесяти Солнц,— запротестовала главный капитан,— и к тому же сирота, воспитанный государством.

Но эти слова не поколебали уверенности лейтенанта Неслор.

— Ему известно, кто он на самом деле, известно безошибочно. Жаль только, что ваше замужество оказалось столь поспешным и воспрепятствовало детальному исследованию его двойного разума. Мне чрезвычайно любопытна его история.

— Он рассказывал мне обо всем.

— Благородная леди,— резко сказала психолог,— подумайте, что вы говорите. Мы имеем дело с человеком, нижний предел ай-кью которого выше ста семидесяти. В каждом вашем слове сквозит пристрастность женщины к любимому человеку. Я не ставлю под сомнение вашего права доверять ему — насколько я понимаю, он человек талантливый и честный. Но решение проблемы Пятидесяти Солнц должно быть принято вне зависимости от личных чувств. Вы согласны?

Последовала томительная пауза; затем леди Лорр чуть заметно кивнула.

— Высадите его на Атмионе,— произнесла она тусклым голосом.— Мы должны вернуться на Кассидор.

Глава 17

Мэлтби стоял и наблюдал, как «Звездный рой» постепенно растворялся в бездонной небесной голубизне. Затем он поймал такси и поехал в ближайший отель, откуда сделал первый телефонный звонок. Часом позже прибыла молодая женщина; едва завидев Мэлтби, она чопорно приветствовала его. Однако под внимательным взглядом Мэлтби вся ее натянутость испарилась; женщина шагнула вперед, преклонила колено и коснулась губами его руки.

— Можете подняться,— разрешил Мэлтби.

Женщина выпрямилась и отступила, настороженно разглядывая его смешливым и чуть вызывающим взглядом. Мэлтби и сам осознавал нелепость ситуации. Наследственная власть, многими поколениями мезоделлиан почитавшаяся единственно возможной формой правления великим множеством столь талантливых людей, неожиданно породила довольно сложную ситуацию: Питер Мэлтби, сын последнего наследного вождя, был захвачен в плен деллианами в том самом

сражении, в котором погиб его отец. После долгих дебатов остальные мезоделлианские лидеры решили подтвердить его права. Они даже начали верить, что воспитание, полученное их вождем в среде народа Пятидесяти Солнц, пойдет на благо всему сообществу мезоделлиан. В высшей степени лояльное поведение самого Мэлтби и других, некогда плененных, а теперь уже повзрослевших детей, могло заставить остальных граждан Пятидесяти Солнц пересмотреть свое мнение о мезоделлианах. Кое-кто из политиков старшего поколения считал это единственной надеждой своей расы. Показательно, что, несмотря на авантюру Ханстона, женщина признавала обретенный Мэлтби по праву рождения высокий статус.

— Положение осложняется тем,— сказал Мэлтби,— что весь мой гардероб наверняка нашпигован устройствами, при помощи которых земляне могут следить за моими передвижениями, не покидая борта «Звездного роя». Хотелось бы, чтобы кто-нибудь погулял здесь в моем костюме, пока я отправлюсь в тайный город.

— Уверена, что это можно организовать,— отозвалась женщина.— Корабль за вами придет завтра к полуночи. Вас это устраивает?

— Буду ждать.

Она поколебалась.

— Что-нибудь еще?

— Да,— сказал Мэлтби.— Кто поддерживает Ханстона?

— Молодые мужчины,— не задумываясь ответила она.

— А как насчет молодых женщин?

— Я ведь здесь, не правда ли? — улыбнулась она.

— Да, но только половиной сердца.

— Вторая половина,— произнесла она теперь уже без улыбки,— сопровождает человека, сражающегося в одной из ханстоновых армий.

— Так почему же не все ваше сердце находится там?

— Потому что я не считаю возможным при первом же кризисе отвергать систему правления. Мы сами решили, что на определенный период нам необходима наследственная власть. Далеко не все мы, женщины, одобряем необдуманные и рискованные действия, направляемые авантюристами вроде Ханстона, хотя и понимаем, что наступил переломный момент.

— Многим придется заплатить за эту авантюру жизнью, прежде чем она завершится,— печально вздохнул Мэлтби.— Надеюсь, среди них не окажется вашего молодого человека.

— Благодарю вас,— проговорила она и удалилась.

На девяти безымянных планетах существовало девять тайных городов, населенных мезоделлианами. Подобно планетам, города не имели названий и различались только по неуловимым нюансам в произношении самого слова «город». Все они были подземными; три из них скрывались под толщей вод огромных бурных морей, два других — в недрах горных хребтов; местонахождение остальных четырех было никому не известно.

Во время одного из своих путешествий Мэлтби удалось открыть это никому не известное. Выходы располагались вдали от самих городов и соединялись с ними туннелями настолько извилистыми, что крупные космические корабли были вынуждены продвигаться здесь самым малым ходом.

Присланный за Мэлтби корабль опоздал всего на десять минут. Экипаж его состоял в основном из женщин. Было там, однако, и несколько пожилых мужчин, в том числе трое советников его покойного отца — Джонсон, Сондерс и Коллинз. Последний и выступил от имени всех.

— Не уверен, сэр,— сказал он,— что вам следует отправляться в город. Народ настроен определенно враждебно, даже женщины. Они боятся за своих сыновей, мужей и возлюбленных, однако верны их выбору. Все действия Ханстона и его шайки окружены тайной. Мы представления не имеем, что происходит. В тайном городе неоткуда получать информацию.

— Иного я и не ожидал,— отозвался Мэлтби.— Я хочу обратиться к народу и обрисовать ситуацию в целом — так, как я ее понимаю.

Когда Мэлтби предстал перед слушателями, аплодисментов не было. Двадцать тысяч человек, собравшихся в гигантской аудитории, внимали его словам в тишине, которая, казалось, стала еще глубже, когда Мэлтби принялся описывать вооружение «Звездного роя».

После того как он обрисовал принципы политики Земной империи по отношению к затерянным колониям вроде

Пятидесяти Солнц, неодобрение слушателей стало еще очевиднее, но Мэлтби все же закончил с мрачной решимостью:

— Если мезоделлиане не смогут прийти к взаимному соглашению с Землей или не найдут способа нейтрализовать ее мощь — все предварительные победы окажутся тщетными, бессмысленными и неизбежно обернутся всеобщим бедствием. У Пятидесяти Солнц нет сил успешно справиться с одним-единственным земным линкором, что ж говорить о других кораблях, которые Земля сможет направить сюда в случае необходимости. Следовательно...

В этот момент микрофон отключили. Все динамики в огромном зале заревели в унисон:

— Он шпионит для землянки-жены! Он никогда не был одним из нас!

Мэлтби мрачно улыбнулся. Итак, дружки Ханстона сочли, что его трезвая аргументация может оказаться результативной,— и вот их ответ. Он ждал, когда же кончится этот бедлам, но шли минуты, а гвалт в зале все не ослабевал, даже усилился. Однако собравшиеся здесь не относились к числу тех, кто способен принять истерические вопли за форму разумной аргументации. На глазах у Мэлтби разозленные женщины срывали со стен динамики, до которых в состоянии были дотянуться, что не решало проблемы, поскольку в большинстве своем репродукторы были вмонтированы в потолок. Беспорядок возрастал.

«Ханстон и его люди должны понимать,— напряженно размышлял Мэлтби,— что таким образом они лишь раздражают своих сторонников. Зачем же они идут на этот риск?»

Лишь один ответ представлялся разумным: они хотят выиграть время. Очевидно, прячут за спиной нечто очень значительное, способное разом перевесить всякое противодействие и раздражение.

Кто-то тронул его за рукав. Обернувшись, Мэлтби увидел Коллинза. Старик выглядел озабоченным.

— Мне это не нравится.— Слова его с трудом пробивались сквозь царящее в зале звуковое безумие.— Раз уж они зашли так далеко, то могут и организовать покушение. Возможно, вам стоит немедленно вернуться на Атмион, Кассидор или куда угодно еще.

Мэлтби задумался.

— На Атмион,— произнес он наконец.— Не хочу, чтобы люди со «Звездного роя» заподозрили о моей отлучке. С одной стороны, у меня больше нет перед ними никаких обязательств, но думаю, что контакт с ними может еще пригодиться.

Он криво усмехнулся собственной недомолвке: правда, Глория внушением была избавлена от любви к нему, но он-то по-прежнему оставался преисполнен внушенной любви к ней, как бы ни старался избавиться от этого чувства.

— Вы знаете, как меня найти,— проговорил Мэлтби,— в случае, если произойдет что-нибудь неожиданное.

Это было даже не смешно. Мэлтби был достаточно проницателен, чтобы понимать — Ханстон сделает все возможное, лишь бы никакая информация не просочилась в тайный город на безымянной планете. Другое дело, что сам он рассчитывал получать отсюда информацию.

Внезапно к нему пришло ощущение собственной отверженности. Чувствуя себя парией, Мэлтби покинул трибуну. Шум постепенно замирал за его спиной.

Шли дни; Мэлтби пребывал в недоумении по поводу отсутствия каких бы то ни было известий о «Звездном рое». Целый месяц он бесцельно переезжал из города в город, и единственными доходившими до него новостями были сообщения об успехах мезоделлиан. Новости эти явно были сильно приукрашены. Естественно: победители повсеместно захватывали радиостанции, и те сразу же принимались посылать в эфир ликующие реляции о том, как обитатели Пятидесяти Солнц бурно приветствуют новых властителей и провозглашают их вождями в борьбе против корабля Земной империи, против людей, чьи предки пятнадцать тысячелетий назад вырезали всех роботов, которых смогли обнаружить, а уцелевших вынудили искать спасения в этой далекой галактике.

Тема эта варьировалась снова и снова. Ни один «робот» — использовалось именно это слово — не может доверять людям после того, что случилось в прошлом. Мезоделлиане спасут мир «роботов» от вероломных людей и их линкора.

Триумфальный тон, которым наполнялись передачи при всяком упоминании о линкоре, выбивал Мэлтби из колеи, заставляя хмуриться и зябко поводить плечами. И лишь на

тридцать первый день, обедая на открытой террасе ресторана, он впервые задумался, что же это могло означать. Из репродуктора, проплывая над головой Мэлтби, лилась негромкая, нежная, хотя и чуть дребезжащая музыка; именно «над головой» — ибо он был настолько погружен в собственные мысли, что посторонние звуки почти не задевали его сознание.

Один вопрос не давал ему покоя: что случилось со «Звездным роем»? Где может он находиться сейчас?

Глория говорила: «Мы немедленно приступим к действиям. Равноправие мезоделлиан будет признано, их гражданские права и свободы будут соблюдаться, как и полагается в демократическом обществе, однако господство их недопустимо — Земля никогда не признает власти меньшинства. Это окончательное решение».

Мэлтби признавал разумность такой позиции — если люди действительно изжили предрассудки против так называемых роботов. Это было огромное «если»; и то, как проворно спровадили его с корабля, лишь доказывало, что проблема еще ни в коей мере не решена. Мэлтби довел мысль до конца как раз к тому моменту, когда звучавшая над ним музыка медленно истаяла на высокой ноте. Наступившую тишину прервал легко узнаваемый голос Ханстона:

— Граждане Пятидесяти Солнц! Слушайте важное сообщение! Земной линкор больше не представляет опасности. Он захвачен благодаря искусной военной хитрости мезоделлиан и находится на Кассидоре, где раскрывает теперь свои многочисленные секреты нашим техническим специалистам. Граждане Пятидесяти Солнц, дни ожидания и неопределенности остались позади. В дальнейшем во всех делах вам станут помогать ваши сородичи и защитники — мезоделлиане. Я, в качестве их вождя, настоящим призываю тридцать миллиардов обитателей семидесяти планет начать подготовку к предстоящим визитам из галактики Млечного Пути. Я заверяю, что отныне ни один военный корабль больше не рискнет вторгнуться в пределы Большого Магелланова Облака, которое я торжественно провозглашаю нашим жизненным пространством, священным и неприкосновенным на вечные времена. Но это в будущем. А сегодня мы, граждане Пятидесяти Солнц, успешно избежали величайшей из опасностей, когда-либо

встречавшихся на всем протяжении нашей истории. В честь такого события я объявляю трехдневные торжества. И пусть они будут полны музыки, наслаждений и смеха.

Поначалу Мэлтби казалось, что здесь не о чем размышлять. Он брел вдоль бульвара, не обращая внимания на деревья, цветы и красивые дома; однако постепенно в его воображении стала складываться картина: непобедимый линкор, захваченный вместе со всеми, кто находился на борту... Если, конечно, они остались в живых. Как могло это произойти? Во имя мрака вселенной, как?

Благодаря гипнотической мощи своего двойного разума подобный захват могли бы осуществить мезоделлиане, если бы их допустили на борт корабля в количестве, достаточном для того, чтобы взять под мысленный контроль всех высших офицеров.

Но кто мог оказаться столь безумным, чтобы предоставить такой группе возможность проникнуть на корабль? Еще месяц назад «Звездный рой» располагал как минимум двойной защитой от столь бедственного финала своего долгого межзвездного рейса. Во-первых, там была лейтенант Неслор — искусный психолог, способный без тени колебаний вторгнуться в глубь мозга любого попавшего на корабль человека. Вторым гарантом безопасности был капитан Питер Мэлтби, чей двойной разум мгновенно распознал бы присутствие на борту другого мезоделлианина.

Однако Питер Мэлтби не находился на борту «Звездного роя», а брел вдоль этой спокойной прекрасной улицы, снедаемый удивлением и унынием. Он был здесь потому... Мэлтби вздрогнул — его внезапно озарило. Так вот зачем был явлен ему этот светящийся шар; вот почему Ханстон так старался внушить доверие! Слова этого человека не имели ничего общего с подлинными намерениями. Вся сцена была задумана лишь затем, чтобы удалить с борта линкора единственного человека, способного мгновенно ощутить присутствие мезоделлиан. Трудно сказать, что предпринял бы Мэлтби, обнаружив их. Из любви к чужеземной женщине обречь на смерть сородичей — это совершенно немыслимо. Но он не допустил бы и ее пленения. Однако он мог бы порекомендовать возможным захватчикам держаться подальше — и нашел бы для

этого достаточно весомые аргументы. Однако окажись Мэлтби перед выбором в самый момент атаки, логические способности его мозга подверглись бы тяжкому испытанию.

Впрочем, теперь это не имело значения. События развивались своим чередом, отнюдь не спрашивая разрешения Мэлтби, и он больше не имел возможности влиять на их ход. Свержение законного правительства Пятидесяти Солнц, захват могущественного линкора — что в состоянии противопоставить всему этому человек, которому сама судьба доказала ошибочность его поступков и который теперь в любой момент мог оказаться убитым, как и опасались его старые сподвижники? К тому же в этот час торжества Ханстона нечего было и думать о связи с тайным городом.

И все-таки кое-что он еще мог предпринять. Если «Звездный рой» действительно захвачен, то вместе с ним в плену и ее сиятельство Глория Сесилия. А к длинному списку титулов леди Лорр из благородных Лорров недавно прибавился еще один — миссис Питер Мэлтби. Это была та реальность, из которой и вырастала первая сугубо личная цель его жизни.

Глава 18

Перед ним была база флота. Не доходя сотни футов до главной офицерской проходной, Мэлтби остановился посреди тротуара и небрежно закурил. Вообще-то курение являлось нон-деллианской привычкой, ни в коей мере не свойственной Мэлтби. Но человек, стремящийся попасть с четвертой планеты Атмиона на Кассидор-Восемь без помощи регулярных пассажирских линий, вынужден пользоваться достаточно обширным набором маленьких хитростей, когда ему требуется маскировка.

Прикуривая, Мэлтби успел внимательным взглядом окинуть ворота и начальника караула, а потом легкой походкой человека с чистой совестью двинулся вперед. Пока офицер-деллианин изучал его абсолютно подлинные документы, Мэлтби преспокойно стоял, попыхивая сигаретой. Это небрежное спокойствие было маской — на самом деле мозг его напряженно работал. Угораздило же нарваться на деллианина! В большинстве своем они совершенно не поддавались гипнотиче-

скому воздействию — за исключением редчайших случаев, когда их заставали врасплох.

— Пройдите в боковую дверь, капитан,— прервал молчание офицер.— Я хочу потолковать с вами.

Основное, нон-деллианское сознание Мэлтби сжалось и ушло вглубь, но второй разум был уже наготове, словно стремительно обнаженная шпага. Неужели его опознали? Мэлтби колебался, уже почти готовый обрушить удар.

«Погоди! — предостерег он себя.— Всегда успеется, если дежурный попытается поднять тревогу».

Мэлтби должен был проверить правильность своей догадки о том, что Ханстону не хватило времени захлопнуть перед ним все ворота.

Он окинул собеседника быстрым проницательным взглядом. Но типичное красивое лицо офицера хранило характерное безмятежное выражение. Если он опознал Мэлтби, применять трехмерный гипноз уже поздно.

Понизив голос, деллианин без предисловий начал:

— Мы получили приказ задержать вас, капитан.

Он умолк и с любопытством посмотрел на Мэлтби, который, попытавшись своим двойным разумом осторожно прозондировать мозг собеседника, встретил непреодолимый барьер и, признав поражение, в замешательстве отступил. Однако пока ему ничто не угрожало.

— Да? — осторожно произнес Мэлтби, внимательно разглядывая деллианина.

— Если я дам вам войти,— продолжал тот,— а потом что-нибудь случится — скажем, исчезнет корабль,— мне придется держать ответ. Если же я не пущу вас и вы попросту уйдете, то никому и в голову не придет, что вы были здесь.— Он пожал плечами и улыбнулся.— Просто, не так ли?

Устремленный на собеседника взгляд Мэлтби помрачнел.

— Спасибо,— сказал он.— Но как это понимать?

— Мы в нерешительности.

— Из-за чего?

— Из-за мезоделлиан. Они захватили власть — прекрасно. Но флот Пятидесяти Солнц не отрекается и не присягает в пять минут. Кроме того, мы не уверены в неискренности предложений землян.

— Зачем вы говорите мне это? В конце концов, биологически я мезоделлианин.

— В кают-компаниях вам основательно перемыли кости, капитан,— улыбнулся офицер.— Мы не забыли, что пятнадцать лет вы были одним из нас. Хотя вы могли и не заметить этого, но мы подвергали вас многим проверкам.

— Я заметил.— Лицо Мэлтби омрачилось воспоминаниями.— И у меня сложилось впечатление, что результаты были не в мою пользу.

— Вы ошибаетесь.

Воцарилось молчание. Мэлтби чувствовал растущее возбуждение. Он был так погружен в собственные заботы, что реакция обитателей Пятидесяти Солнц на катастрофические политические изменения едва затронула его. Начав анализировать ситуацию, Мэлтби подметил у гражданского населения ту же неуверенность, которая звучала сейчас в словах офицера-деллианина.

Казалось несомненным, что мезоделлиане приурочили захват власти к самому подходящему с точки зрения психологии моменту. Но победа их не была окончательной. У других по-прежнему оставались шансы достичь собственных целей.

— Мне надо попасть на Кассидор, чтобы выяснить судьбу жены,— просто сказал Мэлтби.— Как мне осуществить это?

— Так главный капитан «Звездного роя» действительно ваша жена? Это не пропаганда?

— Действительно,— кивнул Мэлтби.

— И, выходя замуж, она знала, что вы робот?

— Я неделями сидел в библиотеке линкора, изучая земную версию той резни роботов, что была учинена пятнадцать тысячелетий назад,— сказал Мэлтби.— Их трактовка событий сводится к тому, что это было кратковременное возрождение в массовом сознании древних расовых предрассудков, которые, как вам известно, коренятся в страхе перед чужеземным и, конечно, в стихийной неприязни. Деллиане с их прекрасным и величественным внешним обликом, со своей удивительной физической и психической мощью, казалось, настолько превосходили обычных людей, что страх одним прыжком перешел в паническую ненависть и начались линчевания.

— А что насчет нон-деллиан? — поинтересовался офицер.— Тех, о ком мы все еще так мало знаем, хотя именно они сделали бегство возможным.

— В этом вся соль.— Мэлтби мрачно рассмеялся.— Слушайте...

Когда его рассказ подошел к концу, офицер беспомощно спросил:

— А люди со «Звездного роя» знают об этом?

— Я рассказал им,— ответил Мэлтби.— Они намеревались предать это гласности перед своим возвращением на Землю.

— Что вы думаете об этом мезоделлианском перевороте и подготовке к войне? — после паузы спросил деллианин.

— Еще не решил.

— Как и большинство из нас.

— Что меня действительно тревожит, так это перспектива прилета других земных кораблей, которыми не удастся овладеть хитростью.

— Да,— согласился деллианин,— такое и нам приходило в голову.

Вновь наступило молчание, и прошло довольно много времени, прежде чем Мэлтби высказал просьбу:

— Существует ли для меня какой-нибудь способ попасть на Кассидор?

Прикрыв глаза, деллианин замер в нерешительности. Наконец он вздохнул.

— Есть корабль, стартующий через два часа. Не думаю, чтобы капитан Терда Лэйрд стал возражать против вашего присутствия на борту. Следуйте за мной, капитан.

Мэлтби прошел сквозь ворота и оказался в тени расположенных за ними огромных ангаров. Он ощущал странную внутреннюю расслабленность. И нужно было побывать в космосе, чтобы теперь правильно понять ее значение: у Мэлтби исчезло мучительное чувство одиночества во враждебной вселенной.

Глава 19

Вид простиравшейся за иллюминатором черноты успокаивал напряженные нервы Мэлтби. Он сидел, устремив взгляд в чернильную тьму, искрящуюся сверкающими точка-

ми звезд, и болезненно ощущал собственное одиночество. Нахлынули ностальгические воспоминания о тех часах, которые в бытность флотским метеорологом он провел, вот так же вглядываясь в космические бездны. В то время окружающее казалось ему враждебным; он едва ли не физически ощущал непреодолимую подозрительность, отделявшую его от всех деллианских и нон-деллианских роботов.

На самом же деле это он, Мэлтби, по всей видимости, держал себя настолько отчужденно, что никто не отваживался приблизиться к нему. Теперь стало ясно, что подозрительность развеялась — давно и почти бесследно. Так или иначе, но проблема Пятидесяти Солнц вновь стала его проблемой.

«Подход к освобождению Глории должен быть необычным»,— подумал он.

За несколько часов до посадки Мэлтби послал капитану Лэйрду визитную карточку с просьбой о встрече.

Командир оказался худощавым, седым, преисполненным чувства собственного достоинства нон-деллианином. Он согласился с каждым словом, с каждой деталью предложенного Мэлтби плана.

— Несколько недель назад, вскоре после мезоделлианского переворота, эти события стали предметом всестороннего обсуждения,— сказал он.— Оценивая численность боевых кораблей, которыми располагает Земная империя, мы получили до бессмысленности огромное количество. Нас ничуть не удивило бы,— серьезно продолжал офицер,— если бы Земля смогла выставить по боевому кораблю против каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка, обитающего под пятьюдесятью солнцами, причем без заметного ущерба для обороны галактики Млечного Пути. Мы на флоте с тревогой ждали, когда же Ханстон выступит с заявлением на эту тему, в публичной декларации или секретном меморандуме. Но Ханстон хранил молчание, что встревожило нас еще больше, поскольку логика подсказывала: первые вылазки в новые звездные системы, подобные Большому Магелланову Облаку, могут предприниматься лишь по приказу центрального правительства.

— Это была экспедиция,— вставил Мэлтби,— предпринятая по приказу Имперского совета.

— С ума сойти,— пробормотал капитан.— Нет, наши новые лидеры все-таки свихнулись! — Он выпрямился и тряхнул

головой, как бы отметая всякие колебания и сомнения.— Капитан Мэлтби,— продолжил он официальным тоном,— полагаю, что могу гарантировать всемерную поддержку флота в деле освобождения вашей жены. Если... если она еще жива.

Часом позже, падая во тьму — все глубже, глубже и глубже,— Мэлтби силился согреть душу обещанием капитана, как бы отгораживаясь им от жесткого смысла последних слов. И вдруг прежнее горькое чувство полыхнуло в душе, как вздутый ветром костер.

«Просто не верится,— с иронией подумал он,— что лишь несколько месяцев минуло с тех пор, как обстоятельства вынудили корабельного психолога, лейтенанта Неслор, навязать мне пылкую любовь к леди Лорр. Страсть, которая с тех пор стала главной движущей силой моей жизни. Зато любовь Глории родилась сама собой — и это одна из причин, почему наши отношения мне так дороги».

Планета внизу росла и становилась все ярче. Ее полумесяц спокойно висел в пространстве; затемненная часть диска искрилась серебристыми блестками огней десятков тысяч городов и поселков. Именно туда он и направлялся — к мерцающей темной стороне. Мэлтби приземлился посреди рощи и уже закапывал под тщательно помеченным деревом свой скафандр, когда на него внезапно обрушилась полная тьма.

Он почувствовал удар и отключился, успев, однако, понять, что впадает в беспамятство.

Очнувшись, он изумленно огляделся по сторонам. Было по-прежнему темно. Две из трех лун Кассидора стояли высоко над горизонтом; в момент приземления Мэлтби они еще не взошли. Бледный лунный свет заливал прогалинку.

Это была та же роща. Мэлтби пошевелил руками — они повиновались и не были связаны. Он сел, потом поднялся на ноги. Вокруг никого не было.

До слуха не доносилось ни звука, если не считать легкого шепота ветра в ветвях. Мэлтби постоял, настороженно вглядываясь в окружающую темноту прищуренными глазами, потом постепенно расслабился. Внезапно он вспомнил, что ему приходилось слышать о подобных обмороках — они случались у нон-деллиан в результате долгого свободного падения сквозь космическое пространство. Деллиане не были подвер-

жены этому; до сих пор Мэлтби полагал, что иммунитет распространяется и на его соплеменников. Теперь не оставалось сомнений, что он ошибся.

Пожав плечами, Мэлтби забыл об этом. Чтобы добраться до ближайшей стоянки аэрокаров, ему понадобилось десять минут. А еще десять минут спустя он уже оказался в Летном центре. Теперь он знал, что делать. Мэлтби постоял возле одного из сорока входов и после серии произведенных его двойным разумом коротких проверок сознания людей, во множестве поднимавшихся по эскалаторам, убедился в отсутствии среди них мезоделлиан. Это было в лучшем случае небольшое удовлетворение, поскольку Мэлтби и так знал, располагал ли Ханстон резервами для организации патрульной службы. Лидер мезоделлиан волен велеречиво распространяться о своих армиях, однако — Мэлтби мрачно усмехнулся — они отнюдь не так могущественны.

Государственный переворот, приведший Ханстона к власти над Пятьюдесятью Солнцами, оказался куда более дерзким и рискованным предприятием, чем могло показаться на первый взгляд. Решаясь на свою авантюру, он располагал не более чем сотней тысяч человек. Таким образом, опасность могла ждать Питера Мэлтби лишь по прибытии в Делл — великолепную столицу Пятидесяти Солнц.

Он уже купил билет и размашистым шагом направился к ведущему наверх эскалатору, когда женская рука тронула его за локоть. Не оборачиваясь, Мэлтби в долю секунды исследовал мозг незнакомки и облегченно вздохнул. Его изумленному взгляду предстала лейтенант Неслор, главный психолог «Звездного роя».

Мэлтби отставил чашку и пристально, без улыбки посмотрел через стол на женщину-психолога.

— Признаться,— сказал он,— меня не интересует, что за план освобождения корабля вы вынашиваете. В моем положении невозможно с чистой совестью принять чью-либо сторону.

Мэлтби смолк, с любопытством разглядывая собеседницу; в голове у него не было ни единой дельной мысли. Эмоциональный мир этой немолодой женщины временами приводил его в замешательство. Мимоходом ему вспомнилось,

что в прошлом он даже всерьез раздумывал, не использует ли она оборудование своей лаборатории для того, чтобы сделать себя неподвластной любым человеческим чувствам. Мэлтби отогнал воспоминания: сейчас его интересовала информация, а вовсе не характер лейтенанта Неслор.

— По моему разумению,— холодно произнес Мэлтби,— именно вы несете ответственность за захват «Звездного роя». Во-первых, это вы с вашей премудростью удалили с корабля меня — единственного человека, способного гарантировать его безопасность; во-вторых, именно в ваши обязанности входило изучение разума всякого, кому дозволено подняться на борт. Я не могу взять в толк, каким образом вы умудрились так промахнуться.

Женщина не отвечала. Худощавая, отмеченная зрелой красотой, хотя и с сединой в волосах, она сидела, мелкими глотками прихлебывая кофе. Наконец, встретив его взгляд, она произнесла:

— Не стану пытаться объяснять. Поражение говорит сама за себя.— Психолог запнулась, лицо ее вспыхнуло.— Думаете, наша благородная леди бросится в ваши объятия, благодаря за спасение? Не забывайте, она избавлена от любви к вам, и только корабль имеет для нее значение.

— Тем не менее я рискну,— ответил Мэлтби,— и рискну один. И если когда-нибудь мы окажемся под юрисдикцией Земли, я воспользуюсь своими законными правами.

Глаза лейтенанта Неслор сузились.

— О-о,— протянула она,— так вы знаете об этом? Вы провели в библиотеке немало времени, не правда ли?

— О земных законах я, пожалуй, знаю больше, чем кто-либо на «Звездном рое»,— спокойно заметил Мэлтби.

— И не хотите даже выслушать мой план, заранее отказываетесь от помощи тысячи уцелевших членов экипажа?

— Я уже говорил вам, что не могу принимать участие в грандиозных затеях.

Женщина поднялась.

— Но вы собираетесь спасти леди Глорию?

— Да.

Она повернулась и ушла без единого слова. Мэлтби смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась в дальних дверях.

Глава 20

Главный капитан, ее сиятельство Глория Сесилия, леди Лорр из благородных Лорров, восседала на троне в приемном зале, без тени улыбки слушая психолога. И только когда лейтенант Неслор закончила доклад, напряженное внимание леди Глории заметно ослабло. Когда главный капитан заговорила, голос ее звучал резко.

— Так он действительно не подозревает истины? Не понял, что «Звездный рой» никогда не был захвачен? Не догадался, что это вы оглушили его там, в роще?

— О, подозрений у него предостаточно,— отозвалась лейтенант Неслор.— Но как он мог догадаться об истине во всей ее полноте? Памятуя о нашем молчании, как мог он заподозрить, что триумфальное заявление Ханстона — лишь часть той смертельной игры, которую мы ведем в попытке уничтожить друг друга? Уже сам по себе факт, что Ханстон завладел земным линкором, делает истину практически непостижимой.

Молодая леди улыбнулась и кивнула. Мгновение она сидела, задумчиво сощурив глаза; меж неплотно сжатых губ виднелись сверкающие белые зубы. Это лицо выражало совсем иные чувства, когда Глория впервые услышала о захвате мезоделлианами земного линкора. Линкор был кораблем изумительной новой модели, прототип которого много лет находился в стадии разработки. Перед мысленным взором Глории мгновенно промелькнуло все, что было известно об этом «громоносце», как называли его на верфи. Девятьсот миллиардов отдельных частей запущены в производство семьдесят пять лет назад в предвидении того, что сборка первого корабля завершится через семьдесят лет, после чего начнется серийное строительство. Лишь считаные единицы кораблей этого класса уже вступили в строй — и вот один из них захвачен.

Чувства, испытанные Глорией при известии о том, что мезоделлиане овладели этим линкором, колебались между облегчением и тревогой. Облегчением — потому что все сверхизобретения мезоделлиан в конечном счете оказались всего лишь похищенными достижениями галактики Млечного Пути; тревогой — потому что такой захват подразумевал очень многое.

Каковы намерения Ханстона? Неужели он не учитывает того, что имперский флот численно превосходит население Пятидесяти Солнц — считая и мужчин, и женщин, и детей?

— Несомненно, мезоделлиане послали корабль в галактику Млечного Пути, как только услышали о нашем появлении,— медленно проговорила леди Глория.— И конечно, если они в достаточном числе попали на борт одного из наших кораблей, их уже ничто не могло остановить. Меня радует,— продолжала она уже веселее,— что капитан Мэлтби не заинтересовался, каким образом вы и еще тысячи членов экипажа скрылись, когда Ханстон совершил так называемый захват «Звездного роя». Не удивлюсь, что он не захотел иметь ничего общего с вашим безрассудным планом освобождения корабля. Главное же — в этой прелестной маленькой новелле прозвучало то, что мы и хотели узнать: внушенная ему любовь ко мне заставит Мэлтби проникнуть на борт захваченного Ханстоном линкора. Как только индикатор, который мы спрятали на нем, когда капитан покидал «Атмион», покажет, что Мэлтби находится на корабле, мы приступим к действиям.— Она рассмеялась.— Этот человек придет в немалое удивление, узнав, какого рода на нем костюм.

— Его могут убить,— заметила лейтенант Неслор.

Смех затих, лишь легкая улыбка застыла на утонченном лице леди Лорр.

— Не забывайте,— быстро проговорила лейтенант Неслор,— что ваша нынешняя неприязнь к капитану Мэлтби — лишь следствие осознания глубины чувства, которое вы испытывали к нему раньше.

— Возможно,— согласилась главный капитан,— вы и переусердствовали в своем рвении. Однако независимо от причин, я не желаю испытывать никаких других чувств, кроме тех, которые владеют мною сейчас. Вы можете принять к сведению следующее: при любых обстоятельствах я восстановлю свой прежний гражданский статус; мой развод с капитаном Мэлтби — дело окончательно решенное. Вам понятно?

— Да, благородная леди.

Повсюду стояли корабли, корабли, корабли — больше, чем Мэлтби когда-либо приходилось видеть на космодромах Кассидора. Флот Пятидесяти Солнц, несомненно, был демобили-

зован — настолько стремительно, насколько мезоделлианам удалось это организовать. Шеренги кораблей тянулись на север, на юг, на восток — насколько хватало глаз. Они лежали на опорах длинными, геометрически правильными рядами. Здесь и там, ломая мерный мертвый ритм ровных линий, возвышались ангары и ремонтные мастерские. Однако большинство сооружений были подземными или, вернее, размещались под выложенной тонкими металлическими плитами равниной, напоминавшей море, подернутое легкой рябью блестящего стального сплава.

Земной линкор лежал приблизительно в четырех милях от западных ворот. Расстояние, казалось, не уменьшало его. Колоссальный корабль угрожающе вздымался над горизонтом, господствуя в небе над планетой. В его тени тонули меньшие суда и даже районы простирающегося позади города. Ни на Кассидоре, ни где бы то ни было под Пятьюдесятью Солнцами не существовало ничего, способного хоть приблизительно сравниться с этим могущественным кораблем по размерам, сложности и нескрываемой мощи.

Даже сейчас Мэлтби все еще не верилось, что столь несравненная боевая машина, способная уничтожать целые планеты, захвачена хитростью, целой и невредимой попала в руки мезоделлиан. А ведь даже способ, примененный им самим при освобождении «Атмиона», доказывал, что это вполне осуществимо. Мэлтби с трудом отвлекся от бесполезных размышлений и двинулся вперед — холодный, решительный, целеустремленный. Дежуривший у ворот офицер — симпатичный нон-деллианин — проводил его на территорию космодрома со словами:

— В дверях этого здания установлен электронный трансмиттер материи, сфокусированный на корабельный трюм.— Он жестом указал на сооружение, находившееся в сотне ярдов впереди и немного в стороне, и продолжил: — Так вы попадете на линкор. А теперь суньте в карман этот сигнализатор тревоги.

Мэлтби с любопытством взял в руки крохотный приборчик — простенькое устройство, сочетавшее принимающую и передающую лампы со снабженной предохранителем кнопкой, включающей сигнал.

— Зачем? — спросил он.

— Вы направляетесь на капитанский мостик, не правда ли?

Мэлтби кивнул; у него зародилась некая догадка, однако, не доверяя себе, он выжидательно молчал. Офицер продолжал:

— Постарайтесь как-нибудь добраться до контрольного пульта и отключить источники энергии, прервать связь, снять автоматические экраны и так далее. И нажмите на кнопку.

Догадка Мэлтби превратилась в уверенность. Он внезапно почувствовал, что идет по краю пропасти.

— Но к чему все это? — безучастно поинтересовался он.

— Решено,— последовал спокойный, почти холодный ответ молодого офицера,— попытаться захватить корабль. Мы располагаем несколькими резервными трансмиттерами и готовы в течение часа перебросить на борт сто тысяч человек, уже сконцентрированных в нескольких районах сосредоточения. Независимо от исхода предприятия, в неразберихе боя ваши шансы скрыться вместе с женой возрастут.— Он помолчал и твердо закончил: — Инструкции понятны?

Инструкции! Вот оно как! Мэлтби по-прежнему числился в списках флота Пятидесяти Солнц, и считалось само собой разумеющимся, что он беспрекословно подчинится любым приказам. Чему, разумеется, не бывать. Лояльность наследного вождя мезоделлиан, присягнувшего на верность Пятидесяти Солнцам и женатого на представительнице Земной империи, являла собой проблему прежде всего этическую. В голову Мэлтби пришла нелепая мысль: теперь не хватает только атаки уцелевших землян со «Звездного роя». Прибытие их отряда под предводительством лейтенанта Неслор создало бы окончательно подходящую ситуацию для человека, чья голова и так идет кругом, причем с каждой минутой все быстрее и быстрее. Нужно подумать и принять какое-то решению. К счастью, время есть. Нет необходимости принимать это решение сейчас и здесь. Мэлтби возьмет этот сигнализатор тревоги, а включать его или нет — решит по обстоятельствам. Он сунул прибор в карман и спокойно произнес:

— Да, инструкции понятны.

Две минуты спустя он уже был на борту линкора.

Глава 21

Мэлтби очутился в пустой кладовой. Его охватило радостное возбуждение. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Он быстро оглядел помещение. Он не помнил, чтобы за время пребывания на борту «Звездного роя» хоть раз оказывался здесь. Впрочем, у него не было причин бродить по закоулкам огромного корабля. Да и времени на это не было.

Мэлтби быстро пересек переходную камеру трансмиттера и потянулся к клавише, нажатие на которую перенесло бы его из корабельного трюма на капитанский мостик. Но в последний момент, когда палец его уже лег на нее, заколебался.

Конечно, разумнее всего действовать смело. Вся история войн учит, что сознательная смелость в соединении с бдительностью от века перевешивала на весах победы. Однако Мэлтби ничего сознательно не планировал. Он бросил в бой — вперед! — свое второе, деллианское сознание. И замер, мысленно анализируя собственные поступки — с того самого момента, как Ханстон спроецировал в его спальню энергетический шар, через полет на Кассидор, разговор с лейтенантом Неслор и вплоть до внезапно объявленного решения флота Пятидесяти Солнц атаковать захваченный мезоделлианами земной линкор.

Пока Мэлтби размышлял над этим, его вдруг осенило: неразрешимость проблемы в целом вытекала из ее многофакторной сложности. Деллианская часть мозга Мэлтби со свойственной ей отточенной логикой обычно без труда выстраивала факты в естественной для них последовательности. Но сейчас она слишком медленно анализировала детали — и Мэлтби мгновенно понял почему. Каждая из этих деталей, любой из разрозненных фактов сам по себе являлся конгломератом из фактов меньших, менее значительных; суть и связь одних можно было постичь дедуктивно, другие же отказывались являться из тумана, хотя, несомненно, были там. Но сейчас не время раздумывать. Мэлтби решил проникнуть в каюту главного капитана, и осуществить это можно одним-единственным способом. Резким движением он вдавил клавишу — и ступил в ярко освещенное помещение. В нескольких шагах, пристально глядя на выход трансмиттера, стоял высокий чело-

век с лучевым пистолетом в руке. Мэлтби узнал его, лишь когда прозвучали первые слова.

— Добро пожаловать, капитан Мэлтби,— звонким голосом произнес Ханстон.— Я ждал вас.

На этот раз сознательная смелость потерпела поражение. Мэлтби собрался выхватить из кобуры собственное оружие, однако намерением все и ограничилось. И прежде всего потому, что Мэлтби успел бросить взгляд на пульт управления, точнее — на сектор, ведавший автоматикой защиты внутренних помещений корабля. Там светился единственный отсек. Мэлтби осторожно шевельнул рукой — огонек замерцал, реагируя на его движение. Нечего было и думать воспользоваться пистолетом. Мерцающая на пульте лампочка лучше всяких слов указывала на крайнюю неблагоразумность появления здесь с оружием в руках.

Вздохнув, Мэлтби сосредоточил внимание на вожаке мезоделлиан. Прошло несколько месяцев с их последней встречи. Подобно всем, в чьих жилах (как и у самого Мэлтби) текла деллианская кровь, Ханстон обладал фигурой атлета и величественной осанкой. Видимо, его мать была блондинкой, а отец — жгучим брюнетом, поскольку шевелюра лидера мятежа являла странную смесь черного с золотом — извечный итог подобных союзов. Глаза у него оказались серо-голубыми. Во время их последней встречи Ханстон выглядел слабым и каким-то незрелым, несмотря на всю напыщенную самоуверенность. Теперь все это ушло. Он выглядел решительным и гордым — вождем до мозга костей.

— Вкратце ситуация такова,— начал он без предисловий.— Это не «Звездный рой». Мое заявление было политическим маневром. Мы захватили данный линкор на одной из верфей галактики Млечного Пути. Сейчас осуществляется захват второго, и вскоре он будет здесь. Как только он прибудет, мы предпримем неожиданную атаку на «Звездный рой».

Из спасителя Мэлтби мгновенно превратился в простофилю. Еще миг назад он был преисполнен решимости сразиться с любой опасностью, теперь же вдруг стал ослом, погнавшимся за морковкой.

— Н-но...— с трудом выговорил он.

Это был лишь звук, а не осмысленная реакция; он выражал смущение, бездумное состояние, предшествовавшее тому

шквалу мыслей, в котором рождается понимание. Прежде чем дар речи возвратился к Мэлтби, Ханстон снова заговорил:

— Кое-кто известил нас о вашем появлении. Допускаем даже, что это была ваша жена. Мы полагаем, что за всеми ее поступками скрываются враждебные намерения. Соответственно, мы готовы к любым неожиданностям. Здесь на борту находятся десять тысяч мезоделлиан. Если ваше появление призвано послужить сигналом к атаке, это должно быть воистину прекрасно организовано, чтобы застать нас врасплох.

И вновь на Мэлтби обрушилось слишком много нового. Однако мгновением позже он вздрогнул, вспомнив о бойцах флота Пятидесяти Солнц, ожидающих сигнала ворваться на корабль. Он уже собрался было заговорить, но вновь сомкнул губы, когда деллианская память спроецировала на нон-деллианское сознание подробности встречи с лейтенантом Неслор. Логические способности деллианского разума достигали недоступных человеку высот. Он мгновенно установил связь между встречей с психологом и беспамятством, в которое впал вскоре после высадки на Кассидор. В долю секунды этот удивительный второй мозг изучил тысячи вероятностей, получив наконец нужный ключ, и сразу же сформулировал ответ.

Мэлтби носил его на себе! Его должны были оглушить, чтобы переодеть. И в любую минуту, в любую секунду нечто скрытое в его нынешнем облачении может сработать. Мэлтби бросило в пот, когда он представил себе последнюю схватку титанов — десять тысяч мезоделлиан против превосходящих сил экипажа «Звездного роя» и сотни тысяч бойцов флота Пятидесяти Солнц.

Если эти последние дожидаются его сигнала, Мэлтби сможет спасти их уже тем, что не нажмет на кнопку врученного ему устройства. Он четко понимал, что сейчас нужны слова, но сначала...

Сначала он должен убедиться, что костюм энергетически активен.

Мэлтби завел руку за спину и осторожно нажал — она вошла на четыре... шесть дюймов внутрь тела, ощущая при этом лишь пустоту. Он убрал руку.

Костюм был активирован прекрасно.

— Мы планируем,— продолжал тем временем Ханстон,— уничтожить «Звездный рой», а затем — и саму Землю.

— Что-о? — вырвалось у Мэлтби.

Он уставился на собеседника, внезапно ощутив, что со слухом у него явно творится неладное — в ушах громким эхом отдавался собственный голос, повторявший: «Уничтожить Землю!»

Ханстон холодно кивнул.

— Это логично. Если будет уничтожена единственная планета, обитатели которой знали о рейде «Звездного роя» в Большое Магелланово Облако, в нашем распоряжении окажется достаточно времени для развития своей цивилизации. И после нескольких сот лет интенсивного роста популяции мезоделлиан окажется достаточно, чтобы взять в свои руки власть над галактикой Млечного Пути.

— Но Земля — это центр галактики Млечного Пути,— запротестовал Мэлтби.— Резиденция правительства, имперский символ, мозг всех планет трех миллиардов солнц... Это...— Он замолчал. Его охватил страх — тем больший, что речь шла не о нем.— Вы с ума сошли! Вы не сможете осуществить ничего подобного! Это дезорганизует всю галактику!

— Именно,— Ханстон удовлетворенно кивнул.— Это даст нам нужное время. Даже если где-нибудь еще и знали о рейде «Звездного роя», никто не свяжет его с катастрофой и другая экспедиция не будет послана.— Он помолчал и продолжил: — Как видите, я с вами вполне откровенен. Вы, несомненно, заметили, что осуществление всего плана зависит от того, удастся ли уничтожить «Звездный рой». И в этом,— спокойно закончил Ханстон,— мы рассчитываем на помощь наследного вождя мезоделлиан.

Глава 22

В огромном зале царила тишина. Неподвижно замерли многорядные шкалы контрольного пульта; лишь единственный огонек антисвета рдел в глубоко утопленном тубусе, как проблеск далекого маяка. Мэлтби стоял неподвижно, прислушиваясь к постепенно завладевающей его сознанием мысли. Она была не нова и к требованию, только что высказанному Ханстоном, имела косвенное отношение. Мэлтби старался отогнать ее, но мысль разрасталась, заполняя разум: это была уверенность, что рано или поздно ему придется занять чью-

то сторону в борьбе трех могущественных групп. Но чью бы сторону ни занял Мэлтби, он не позволит уничтожить Землю.

С огромным трудом ему удалось наконец отделаться от этой мысли. Он посмотрел на Ханстона и вздрогнул от удивления, встретив полный тревоги пристальный взгляд напряженно сузившихся глаз. Мэлтби открыл было рот, чтобы высказать язвительное замечание в адрес узурпатора, взывающего о помощи к человеку, чье место он занял. Но Ханстон опередил его:

— Откуда исходит опасность, Мэлтби? Как они собираются воспользоваться вашим появлением здесь? Вы должны знать!

Мэлтби едва не забыл об этом. Он опять собрался заговорить, но и на сей раз сдержался; новая мысль зародилась в глубине мозга. Собственно, зародилась она много месяцев назад. Это было его решением проблемы Пятидесяти Солнц — решением, учитывавшим многие аспекты. Тогда Мэлтби не воспринял собственную идею всерьез — она показалась ему смехотворной и нелепой, ибо исходила из предпосылки, что один человек в состоянии убедить три враждующие группировки, навязать им на время свою волю.

Но сейчас пришло озарение: Мэлтби понял, как этого добиться. Но время, время! В любой момент может сработать устройство, которое на него напялили.

— Это помещение! — выкрикнул он.— Если вам дорога жизнь — бегите отсюда! Сейчас же!

Ханстон уставился на него, сверкая глазами. Он не казался испуганным.

— Здесь опасно из-за вашего присутствия? — поинтересовался он.

— Да,— произнес Мэлтби, слегка разведя руки и вытянув шею, чтобы луч Ханстонова пистолета не мог поразить его. Он подобрался, готовясь рвануться вперед.

Но Ханстон не стрелял.

— Что-то здесь не так,— нахмурившись, сказал он.— Разумеется, я не могу позволить, чтобы командирская рубка этого линкора осталась в ваших руках. Следовательно, на практике ваши слова равносильны предложению убить вас. Несу-

щий в себе опасность должен умереть. Это очевидно — даже слишком.— И резко добавил: — В тот миг, когда я выстрелю, действие следящего за вами антисвета будет нейтрализовано и вы также сможете воспользоваться оружием. Вы этого добиваетесь?

Так оно и было.

— Беги отсюда, идиот! Беги! — вот и все, что смог выговорить Мэлтби.

Ханстон не двинулся, лишь лицо его слегка побледнело.

— Единственная опасность, какую мы в состоянии представить себе, заключается в том, что они как-то ухитрились доставить сюда выход одного из трансмиттеров «Звездного роя».— Он пристально посмотрел на Мэлтби.— Мы пока еще не в силах понять, как именно работают эти трансмиттеры, но одно знаем точно: трансмиттеры разных кораблей между собой не связаны. Они по-разному настроены и направлены, и эта изначальная настройка не поддается изменениям. Но у вас была возможность узнать секрет их действия. Откройте его мне!

«Откройте мне!»

Мэлтби стало окончательно ясно, что придется напасть на Ханстона, невзирая на антисвет. Поскольку рассчитывать приходилось лишь на собственные мышцы, необходимо было хоть частично отвлечь внимание противника. А для этого следовало начать разговор.

Но какая ирония! Сумев при помощи своих технических специалистов правильно оценить природу грозящей опасности, Ханстон теперь, ничего не подозревая, стоял перед человеком, костюм которого являл собой выходную камеру трансмиттера.

— В основном нынешние трансмиттеры мало отличаются от тех, при помощи которых некогда появились на свет первые деллианские роботы,— сказал Мэлтби,— разве что в них используются некоторые оригинальные детали. Создатели роботов взяли за основу электронный образ человека и сотворили из органической материи его точное — в их представлении — подобие. Разумеется, где-то крылась ошибка, потому что деллиане никогда не были точными копиями людей, отличались от них даже физически. Из этих-то различий

и выросла ненависть, пятнадцать тысяч лет назад приведшая к резне «роботов». Впрочем, это все история. Ныне трансмиттеры материи сначала превращают тело в поток электронного излучения, а затем воссоздают его, используя процесс восстановления тканей. Сейчас осуществить этот процесс не сложнее, чем зажечь свет, щелкнув выключателем, и...

В этот момент Мэлтби бросился на Ханстона. Страх, рожденный сознанием того, что Ханстон держит его под прицелом, исчез, потому что лидер мятежников, подобно миллиардам людей до него, поколебался в критическую минуту — и проиграл. Выстрел лучевого пистолета прозвучал в тот миг, когда Мэлтби уже выкручивал сжимавшую его руку. Огонь бессильно рассыпался по неуязвимому палубному настилу. Затем оружие выпало из рук Ханстона.

— Подлец! — прохрипел он.— Вы знали, что я не смогу выстрелить в наследного правителя. Предатель!..

Мэлтби ничего этого не знал. И не мог тратить время на болтовню. Голос Ханстона пресекся, потому что Мэлтби ухватил его голову, сжал ее, как в тисках, и притягивал к своей груди — дальше... дальше... дальше... внутрь. Ханстон был настолько сбит с толку, что в решающий момент прекратил сопротивление. В этот миг Мэлтби и протиснул его сквозь трансмиттер — со стороны могло показаться, что прямо в собственное тело.

Еще не успели исчезнуть из глаз извивающиеся ноги, а Мэлтби уже нетерпеливо рвал застежки костюма, сбросил его и сложил, следя, чтобы поверхности трансмиттера прилегали друг к другу. Подбежав к пульту управления, он отрегулировал антисвет, чтобы тот работал на него, и произвел еще несколько корректировок, о необходимости которых знал. Минутой позже корабль принадлежал ему.

Оставалось только сообщить всем трем группировкам о своем решении.

И еще оставалась Глория.

Глава 23

Десять дней спустя на борту «Звездного роя» заседал капитанский совет. Очевидно, появлению Мэлтби предшествовала какая-то сцена, потому что к его приходу Глория сидела

с натянутой улыбкой на непреклонном лице, устремив взгляд прямо перед собой. Глядя на нее, Мэлтби догадался, что в последнюю минуту она попыталась предотвратить слушание — и не преуспела.

Заняв указанное ему одним из офицеров место, он стал ждать вызова, чувствуя некоторое напряжение, но отнюдь не ощущая себя несчастным. Мэлтби понимал, что лишь очень весомые аргументы могут обеспечить ему выигрыш, однако ставка в игре была столь высока, что заведомо стоила всех усилий — и уже вложенных в борьбу, и тех, которые предстояло вложить. Он украдкой посмотрел на эту «ставку» — и поспешно отвел взгляд, встретившись с глазами, метнувшими в него сверкающий отблеск льда. Леди Глория поднялась и подошла к нему.

— Капитан Мэлтби,— сказала она тихим голосом,— прошу вас не давать хода этому иску.

— Ваше сиятельство,— отозвался Мэлтби,— для меня вы равно привлекательны и в гневе, и в постели.

— До чего же вульгарно! — пылко воскликнула она.— Никогда вам этого не забуду!

— Жаль, если мои слова показались вам вульгарными,— произнес Мэлтби.— Однако припомните — вы не всегда воспринимали их так.

Щеки леди Глории залились румянцем.

— Не желаю вспоминать то, что сейчас мне неприятно,— чопорно проговорила она.— Если вы джентльмен, то не дадите этому иску хода.

— Надеюсь, вы по-прежнему считаете меня джентльменом в общепринятом смысле этого слова. Но не понимаю, какое это имеет отношение к нашей любви.

— Джентльмен не может принуждать к любви женщину, не испытывающую ответных чувств.

— Я хочу лишь возвращения естественной любви, от которой вы были искусственно избавлены.

Вперив в него взгляд, Глория сжала кулаки, словно собираясь ударить.

— Проклятый космический крючкотвор,— отрывисто произнесла она.— Хотела бы я... Хотела бы я никогда не пускать вас в нашу библиотеку!

Мэлтби улыбнулся.

— Глория, дорогая моя,— доверительно сказал он,— я слышал, вы сами — знаток космического права. Готов держать пари...

— Я не участвую в азартных играх,— холодно перебила она.

После всего случившегося ее слова звучали столь оскорбительно, что на мгновение Мэлтби утратил дар речи, потрясенный их явной нелепостью. Затем вновь улыбнулся — еще шире.

— Дорогая моя,— сказал он,— вы прекрасно знаете, как можно выиграть дело. Держу пари, что в глубине души вы желаете мне успеха и потому подсознательно не хотите припомнить некоего исключительно важного аргумента, способного принести победу вам.

— Никаких аргументов не существует,— возразила она.— Мы оба знаем закон. Так что вы умышленно мучаете меня этим разговором.

Внезапно на глазах у нее выступили слезы.

— Пожалуйста, Питер,— умоляюще попросила она,— оставьте это дело. Не невольте меня.

Мэлтби заколебался, пораженный страстностью мольбы. Однако он не собирался отказываться от своих намерений. Эта женщина безоговорочно вверилась ему на планете S Дорады. Если после избавления от последствий искусственного воздействия на психику она не захочет его, то будет свободна.

— Дорогая моя,— произнес он серьезно и искренне,— чего вы бойтесь? Себя? Не забывайте: последнее слово остается за вами. Право же, вы сознаете, что выберете меня, и мысль эта кажется вас сейчас отвратительной. Однако, освободив свою психику от следов искусственного вмешательства, вы можете пожелать сохранить наш брак.

— Никогда. Неужели вам не ясно, что у меня сохранятся воспоминания об этом времени, о том, что меня вынудили... Можете вы это понять?

И вдруг Мэлтби осознал, что до сих пор смотрел на дело с чисто мужской точки зрения. Женщинам все представляется иначе. Им необходимо выбирать спутника жизни без малейшей тени принуждения. Это открытие поколебало его непреклонную целеустремленность, однако он по-прежнему не

мог заставить себя произнести слова, которые освободили бы Глорию.

Он мысленно перебирал события последних десяти дней. Для него они были великими. Миллиарды людей пришли к соглашению, основываясь на предложенном им решении проблемы. Первыми примирились с новой реальностью деллиане и нон-деллиане. Когда распространилась весть о том, что «Звездный рой» не был захвачен мезоделлианами, а Земля с незначительными оговорками подтверждает свои прежние гарантии, правительство Пятидесяти Солнц публично заявило о согласии.

Мэлтби был слегка разочарован реакцией на то, что сам искренне считал сенсационным открытием. Его сообщение, что нон-деллиане не являются ни загадочными гуманоидами, ни роботами даже в самом широком смысле слова, а представляют собой прямых потомков людей, которые некогда помогли бегству первых деллиан,— это сообщение не произвело видимого впечатления. Мэлтби оставалось лишь удивляться; впрочем, внимание людей было слишком привлечено к другим проблемам. Однако Мэлтби не без оснований надеялся, что со временем это известие вызовет более благоприятную реакцию. Нон-деллиане ощутят большее родство с остальными человеческими существами. Деллиане поймут, что люди, которые ради грядущих поколений так долго позволяли считать себя роботами, прекрасно зная, кем являются на самом деле, достойны уважения.

Решение проблемы мезоделлиан представлялось более трудным. Поскольку их порывистый лидер Ханстон находился под арестом, подавляющее большинство их как будто смирилось с поражением и приняло предложение Мэлтби. В своем обращении к обитателям тайных городов он говорил без обиняков. Они развязали войну и теперь должны быть счастливы, получив равноправие и пропорциональное представительство в правительстве Пятидесяти Солнц. Все корабли галактики Млечного Пути предупреждены об их тактике, а сами мезоделлиане долгие годы будут обязаны носить идентификационные значки. Тем не менее деллиане могут заключать браки с нон-деллианами, и родителям отныне не запрещается использование метода холодного давления для продолжения рода.

Поскольку их дети будут мезоделлианами, на протяжении нескольких поколений численность этой расы неизбежно возрастет. Если в ходе естественного развития общества мезоделлиане законным путем займут главенствующее положение в мире Пятидесяти Солнц, Земля готова согласиться с этим. Законы, регулирующие подобные процессы, весьма либеральны и прозорливы. И только любая агрессия запрещается безоговорочно.

Вспомнив обо всем этом, Мэлтби горько улыбнулся. Решены все проблемы — кроме его собственной. Он все еще пребывал в нерешительности, когда заседание было открыто.

Три часа спустя, после непродолжительной дискуссии, развернувшейся между судьями, капитан Рутгерс озвучил решение. Звонким голосом офицер читал поспешно составленный документ.

— Закон относительно снятия искусственно наложенного психологического воздействия не распространяется на капитана Мэлтби, поскольку в момент применения к нему вышеуказанного воздействия последний не являлся гражданином Земной империи. Однако он распространяется на леди Глорию, гражданку по праву рождения. Поскольку капитан Мэлтби,— продолжал он,— назначен постоянным представителем Пятидесяти Солнц на Земле, а для леди Глории эта экспедиция на боевом корабле является последней, географические обстоятельства не препятствуют их браку. Исходя из вышеизложенного,— заключил он,— суд постановил, что леди Глория должна быть подвергнута процедуре принудительного возвращения ей чувства любви к мужу.

Мэлтби бросил на Глорию быстрый взгляд, заметил слезы у нее на глазах и поднялся.

— Ваша честь, разрешите обратиться с просьбой.

Капитан Рутгерс предложил ему выйти вперед. Несколько мгновений Мэлтби молчал; наконец, с трудом проглотив застрявший в горле комок, заговорил:

— Я хочу избавить свою жену от необходимости подвергнуться этой процедуре, но при одном условии.

— При каком условии? — быстро спросила одна из женщин-капитанов.

— При условии, что она согласится провести в указанном месте сорок восемь часов, в течение которых я вновь попыта-

юсь завоевать ее любовь. Если к исходу этого срока ее нынешние чувства не изменятся, я буду просить отложить исполнение приговора на неопределенный срок.

Женщина посмотрела на своего командира.

— По-моему, это достаточно честно, Глория.

— Это верх нелепости,— залившись румянцем, произнесла главный капитан «Звездного роя».

Тем временем Мэлтби подошел к Глории и, наклонившись, тихонько проговорил:

— Это ваш второй шанс. Ведь первым, как я и предсказывал, вы не воспользовались.

— Не было никакого первого. Приговор был неизбежен, и вы это прекрасно знаете.

Она избегала его взгляда; по крайней мере так казалось Мэлтби.

— Это основной закон супружеских отношений. Он старше космических путешествий, он стар, как сама история человечества.

Глория уже не старалась смотреть мимо. Она устремила на Мэлтби взгляд, в котором медленно разгоралось понимание.

— Конечно же,— проговорила она.— Как я могла об этом забыть?

Леди Лорр привстала, как бы собираясь продолжить спор,— и медленно опустилась обратно.

— Почему вы считаете, что у нас не может быть детей? — спросила она.

— От брака человека и мезоделлианина еще ни один ребенок не родился без искусственной помощи.

— Но используя процесс холодного давления...

— Никого нельзя принудить воспользоваться этим,— ответил Мэлтби и терпеливо продолжал: — Глория, вам придется признать, что все время, пока суд не огласил приговор, этот довод оставался в вашем распоряжении. Это самая старая, а в иные времена — и единственная причина расторжения брака. Против нее нечего возразить. Это конец. И все же, сидя здесь и добиваясь расторжения нашего брака, вы не подумали о ней. Лучшего подтверждения тому, что в глубине души вы нуждаетесь во мне и хотите остаться моей женой,

не отыскать. Все, чего я добиваюсь,— это возможности остаться с вами наедине. И теперь я имею на это право.

— Эти сорок восемь часов, которые вы хотите провести вместе со мной...— медленно начала она.— Где...

Глория осеклась; глаза ее расширились, она с трудом перевела дыхание.

— Но это же просто смешно! Я отказываюсь участвовать в столь наивной романтической затее. К тому же S Дорады находится далеко в стороне от нашего курса.

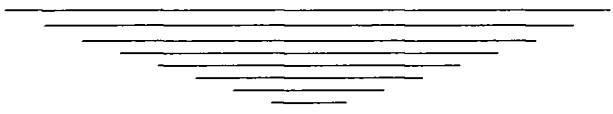
Поверх ее плеча Мэлтби заметил, что в зал вошла лейтенант Неслор; глаза их встретились. В ответ на короткий вопросительный взгляд Мэлтби женщина почти незаметно кивнула. Мэлтби вновь посмотрел на Глорию. Он не испытывал ни малейших угрызений совести из-за того, что уговорил психолога произвести коррекцию чувств Глории в момент оглашения приговора. Сдержанная, гордая молодая женщина нуждалась в естественной любви — нуждалась больше, чем кто бы то ни было другой на корабле. Лейтенант Неслор понимала это не хуже и потому немедленно и безоговорочно согласилась помочь. Зная, что Глория уже избавлена от неприязни к нему (хотя для достижения полного эффекта и требовалось еще некоторое время), Мэлтби сказал:

— Планета S Дорады, на которую нас забросил шторм, находится всего в восемнадцати часах пути отсюда. Мы можем взять спасательный катер, а позже догнать «Звездный рой», не заставляя его отклоняться от курса.

— Уж не ждете ли вы, что там я сразу же брошусь к вам в объятия? — язвительно поинтересовалась Глория.

— Да,— непререкаемо произнес Мэлтби.— Именно этого я и жду.

Слан



Моей жене Эдне Мэйн Халл

Глава 1

Он почувствовал, как ледяная ладонь матери сжала его кисть. Они очень быстро шли по улице, и волны страха мощными валами катились от мозга матери в его мозг. Одновременно в него врывались тысячи мыслей прохожих и обитателей домов, мимо которых они проходили. Но только мысли матери были понятными и четкими, хотя их наполнял страх.

«Они идут за нами, Джомми,— передавал мозг матери.— У них нет уверенности, но они полны подозрений. Возвращение в столицу было ошибкой. Но мне хотелось показать тебе древний вход сланов в катакомбы, где твой отец спрятал секретные документы. Джомми, раз уж приключилось самое худшее, ты знаешь, что делать. Мы с тобой часто проигрывали, как поступить в таком случае. Не бойся и не нервничай. Тебе всего девять лет, но по развитию ты не уступаешь пятнадцатилетнему человеку».

Легко говорить, не бойся, подумал Джомми, пытаясь скрыть от матери возникшую мысль. Ему не нравилось это делать — мать не любила, когда между ними возникал экран. Ей не следовало знать, что он тоже боится.

И все же приключение было увлекательным. Каждый раз, когда они покидали тихий пригород, где жили, чтобы попасть в сердце Центрополиса, его охватывало невероятное возбуждение. Огромные парки, километры небоскребов, толпы на улицах — все это выглядело лучше наяву, чем представлялось в мыслях, хотя можно ли ожидать иного от столицы мира? Именно здесь располагалось правительство. Здесь жил Кир

© Перевод А. Григорьева и К. Кузнецова (гл. 1–6, 8–18), Б. Жужунавы (гл. 7).

Грей, абсолютный властитель планеты. Некогда — несколько веков назад — сланы, во время короткого своего правления, были хозяевами Центрополиса.

«Джомми, ощущаешь их враждебность? Можешь прочесть их мысли на расстоянии?»

Он напрягся. Смутный поток волн, исходящий от толпы, усилился и стал более четким. Он ощутил глухой ропот:

«Похоже, несмотря на все предосторожности, в городе еще есть сланы. Хотя существует приказ стрелять по ним без всякого предупреждения».

— А это не опасно? — спросил кто-то вслух, хотя Джомми воспринял вопрос телепатически.— Ведь по ошибке можно убить совершенно невинного человека.

— Поэтому по ним часто и не стреляют сразу, как увидят. Сначала стараются поймать и осмотреть. Их внутренние органы отличаются от наших, к тому же у них на голове...

«Джомми, ощущаешь их в квартале позади нас? В большом черном автомобиле! Они ждут подкрепления, чтобы перерезать нам путь. Они действуют быстро. Можешь прочесть их мысли?»

Никак! Он предпринял отчаянные усилия, пытаясь сконцентрировать мысли и обливаясь потом. Способности матери превосходили его собственные — она могла ощущать на расстоянии и формировать четкие образы из долетающих издали волн.

Ему хотелось обернуться и посмотреть, но он не осмеливался. Его маленькие, но уже длинные ножки дрожали, он почти бежал, едва поспевая за ее нетерпеливыми шагами. Как ужасно быть маленьким и беспомощным, лишенным опыта, в момент, когда жизнь требовала от тебя зрелости и проворства взрослого слана.

Мысли матери прервали ход его размышлений.

«Теперь, Джомми, и впереди нас несколько человек. Подходят подкрепления сбоку. Милый, тебе пора уходить. Не забудь моих наставлений. Ты обязан выжить ради одного — обеспечить сланам возможность нормального существования. Думаю, тебе надлежит убить нашего главного врага Кира Грея, даже если придется преследовать его по всем закоулкам громадного дворца. Помни, сейчас начнутся крики и сутолока, но не теряй головы. Успеха тебе, Джомми».

Она в последний раз сжала ему руку и выпустила ее. Джомми тут же ощутил, как изменилась тональность ее мыслей. Она перестала чувствовать страх. Мозг матери излучал ласку и успокаивал натянутые нервы сына, усмиряя бешеное биение его двух сердец.

Джомми скользнул за спину обогнавшей их парочки и заметил, как две группы людей окружают его высокорослую мать. Она выглядела, как всегда, спокойно — обычная женщина в габардиновых брюках и розовой блузке, с черным шарфом вокруг головы. Мужчины в штатском переходили дорогу с мрачным видом людей, которых ждет грязная, но необходимая работа. Джомми сразу ощутил враждебность, ненависть, облаком застилавшую их души. Он напрасно пытался скорее бежать прочь, спрашивая себя, почему должен умереть? И почему должна умереть его прелестная, чуткая, умная мама! Во всем этом была ужасная несправедливость.

Из-за угла вывернула огромная сверкающая машина. Позади Джомми кто-то крикнул:

— Стойте! Держите ребенка! Не дайте мальчишке смыться! Держите его!

Удивленные люди застыли на месте. Джомми ощутил их легкое замешательство. И тогда он свернул за ближайший угол и бросился вдоль улицы. От тротуара отъезжал автомобиль. Джомми рванулся за ним. Его не по возрасту сильные пальцы вцепились в бампер. Он успел прижаться к багажнику, пока машина не вклинилась в сутолоку транспортного потока. Откуда-то издалека до него донеслась последняя мысль.

«Удачи тебе, Джомми».

Девять лет она готовила его к этому мгновению, и все же он ответил, едва сдерживая слезы:

«Удачи тебе, мама».

Машина неслась с бешеной скоростью, глотая километр за километром. Прохожие останавливались и оборачивались, глядя на мальчугана, с опасностью для жизни висевшего на ее сверкающем бампере. Джомми осознавал их ошарашенные взгляды, воспринимал мечущиеся в головах мысли, что искажали их рты в пронзительном крике. Крики предназначались водителю, но тот ничего не слышал.

Джомми перехватывал обрывки мыслей тех, что бросались к телефонным кабинам, чтобы предупредить полицию о пар-

нишке, висевшем на бампере машины. Он буквально вжался в кузов, ожидая, что сзади вот-вот появится патрульный автомобиль и остановит машину, к которой он прицепился. В полной растерянности мальчик не сразу обратил внимание на ее пассажиров.

Но когда волны их мыслей долетели до Джомми, мальчуган содрогнулся. Он сжался, готовясь спрыгнуть на дорогу. Опустил глаза, но тут же вскинул голову — слишком быстро убегала назад мостовая.

Он против воли восстановил контакт с мозгом тех двоих, что сидели в машине. Мысли водителя были заняты только дорогой. На мгновение мелькнула мысль о револьвере в кобуре под мышкой. Его звали Сэм Эндерс, и он был водителем и телохранителем человека, сидевшего рядом. А пассажиром был Джон Петти — начальник тайной полиции всемогущего Кира Грея.

Джомми показалось, что на него обрушился сильнейший электрический разряд, когда он узнал начальника полиции. Заклятый враг сланов сидел, удобно развалясь на сиденье, и, несмотря на скорость, лениво мечтал.

Потрясающий ум! В нем ничего нельзя было прочесть, за исключением каких-то поверхностных отголосков мысли. Джомми удивился не тому, что Петти сознательно контролировал себя. В голове человека стоял экран, скрывавший его подлинные мысли, как у слана. И все же это было совсем не то. Сквозь заслон чувствовалось, что этот человек беспощаден и обладает блестящим, исключительно дисциплинированным умом. Вдруг на поверхность всплыл обрывок мысли, обнаруживший эмоции хозяина:

«...надо убить эту сланку Кэтлин Лейтон. Только так я могу подорвать авторитет Кира Грея...»

Джомми отчаянно попытался уследить за этой мыслью, но она уже ушла в тень, стала недоступной. Однако он уловил главное. Чтобы сбросить Кира Грея, собирались убить девушку-слана по имени Кэтлин Лейтон.

— Шеф,— произнес Сэм Эндерс,— поверните выключатель. Только что замигала красная лампочка. Похоже, объявлена общая тревога.

Джон Петти равнодушно махнул рукой.

— Вот пусть они и тревожатся,— проворчал он.— Это для обывателей.

— Стоит послушать, о чем идет речь,— возразил Сэм Эндерс.

Когда водитель протянул руку к дальней кнопке на приборном щитке, машина слегка притормозила и Джомми, осторожно переползший к краю бампера, приготовился спрыгнуть. Но прыгать было еще нельзя — серая лента асфальта и никакого кустарника или травы на обочине. Прыжок означал верную смерть. Он опять проник в мысли Эндерса, который внимательно слушал сообщение:

— Всем автомобилям, патрулирующим в районе Большого проспекта и прилегающих улиц: ведите поиск мальчика, предположительно слана, по имени Джомми Кросс, сына Патриции Кросс. Миссис Кросс была убита десять минут назад на перекрестке Главной улицы и Большого проспекта. По словам очевидцев, мальчуган вскочил на бампер быстро уехавшей машины.

— Слышите, шеф? — воскликнул Сэм Эндерс.— Мы едем по Главной улице. Может, остановимся и поможем поискать? За каждого слана положена премия в десять тысяч долларов.

Завизжали тормоза. Машина резко замедлила бег, и Джомми прижало к багажнику. Ему удалось оттолкнуться и соскочить до полной остановки. Он бросился прочь. Проскочил мимо старухи, пытавшейся схватить его,— голова ее была полна жадных мыслей. Он вылетел на пустырь, на его противоположном краю торчали унылые строения из бетона и почерневшего кирпича — там начинался рабочий район.

Со стороны машины долетела мысль, жгучая, как удар плетью.

— Эндерс, мы же были десять минут назад на этом перекрестке! Этот парнишка... Вон он! Стреляй живее, дурак!

Джомми ощутил, как Эндерс выхватывает оружие,— его мозг воспринял скрип металла о кожу кобуры. Он словно видел, как человек целится в него, настолько ярким был долетевший мысленный образ, хотя их разделяло с полсотни метров.

Он отпрянул в сторону в ту самую секунду, когда раздался приглушенный выстрел. У него возникло неясное ощущение,

что его задело, потом он перемахнул несколько ступенек и оказался в огромном, плохо освещенном складском помещении. До него долетели слова:

— Не беспокойтесь, шеф, мы доведем эту маленькую тварь до изнеможения.

— Идиот, когда это человеку удавалось довести до изнеможения слана?

В микрофон посыпались приказы: «Окружить район 57-й улицы... Выслать все патрульные машины и направить все свободные подразделения в...»

Все смешалось! Джомми спотыкался в темноте, думая, что даже при его выносливых мышцах он бежал вдвое медленнее любого взрослого человека. Сумрачный гигантский склад был заполнен ящиками и штабелями досок. Дважды мысли людей, передвигавших ящики, задели мозг Джомми. Но рабочие не знали о его присутствии и не подозревали о царящей на улице суматохе. Справа, в глубине здания, светлел прямоугольник открытой двери. Он бросился туда. И поразился, как устал, когда достиг ее. Что-то горячее и липкое жгло бок. Болели мышцы. Мысли путались. Он остановился и выглянул наружу.

Картина была совершенно иной, чем на Большом проспекте. Перед ним протянулся грязный проулок с потрескавшейся мостовой. Вдоль противоположного тротуара жались пластиковые дома, которым исполнилась добрая сотня лет. Они были практически из вечного материала, а потому цвета их оставались такими же яркими, как и в первый день, и все же время наградило их своими отметинами. Пыль и копоть въелись в некогда сверкавшие панели. Лужайки были плохо подстрижены, и всюду виднелись кучи мусора.

Улица выглядела пустынной. Из домов долетали неясные мысли, но Джомми слишком устал, чтобы проверить, были ли мысли и вне домов.

Он доковылял до разгрузочной платформы какого-то склада и опустился на тротуар. Бок терзала нещадная боль. Тело потеряло врожденную гибкость и не могло выполнить даже простой прыжок. Удар об асфальт отзывался ломотой в каждой косточке.

Он вскочил, сделал несколько быстрых шагов, и ему показалось, что мир потемнел. Он тряхнул головой, чтобы в

ней прояснилось, но тщетно. Он поплелся по улице, ноги налились свинцом, потом скользнул в проем между двухэтажным домом и высоким синим зданием. Он не заметил женщины на веранде под собой, даже не ощутил ее присутствия, пока она не замахнулась на него тряпкой. Женщина промазала — он уловил тень и увернулся.

— Десять тысяч долларов! — завопила она на всю улицу.— По радио сказали десять тысяч долларов, и они мои, слышите?!! Пусть никто его не трогает. Он мой! Я первая его увидела.

Он смутно ощущал, что она обращается к другим женщинам, которые скопом выскакивали из дверей. К счастью, мужчины были на работе.

Ужасающая жадность этих умов преследовала его, пока он, подстегиваемый страхом, бежал по узенькому тротуарчику вдоль здания. Он дрожал от контакта с этими гнусными мыслями. Мужество на мгновение изменило ему, когда он услышал самый отвратительный шум: вопли бедняков, толпой ринувшихся в погоню за состоянием, которое превышало их самые безудержные мечты.

Он испугался, что его забьют метлами, лопатами, граблями, что ему проломят череп, переломают кости, растерзают тело. Покачиваясь, он завернул за угол. Толпа ревела позади. Он ощущал нарастающее возбуждение преследователей. Они вспоминали все, что говорилось о сланах, и воспоминания эти почти заслоняли желание заработать десять тысяч долларов. Но каждого успокаивало то, что рядом бегут другие. Еще немного — и они настигнут его.

Он влетел в маленький дворик и увидел в глубине его груду пустых ящиков. Они закрывали всю стену дома. Его воспаленный мозг бешено заработал, и он принялся карабкаться вверх.

От усилий заломило бок. Он взобрался по ящикам, застывшим в хрупком равновесии, потом нырнул в щель между ними. Щель тянулась до самой земли. В полутьме он различил в пластиковой стене дома черное отверстие.

Он скользнул туда и через мгновение без сил лежал на влажной земле. Камни впивались в тело, но он слишком устал, чтобы ощущать неудобство. Он едва осмеливался дышать, пока остервеневшая толпа продолжала яростные поиски.

Темнота в убежище успокоительно подействовала на него, словно мысли матери в момент расставания. Кто-то взбежал по ступенькам над ним, и он понял, где находится — в крохотном закутке под черным ходом. Он удивился, как случилось, что в этом месте стены разрушился удивительно прочный пластик.

Он подумал о матери — она была мертва, как объявили по радио. Мертва! Она приняла смерть без страха. Он знал, как она ждала момента, когда воссоединится с отцом в ином мире. «Но я должна воспитать тебя, Джомми. Было бы так легко и приятно отказаться от жизни, но необходимо дождаться, пока ты не выйдешь из детства. Мы с отцом всю жизнь работали над его великим изобретением, но оно окажется ненужным, если не подхватишь эстафету ты».

Он отогнал прочь эту мысль, ибо горло его внезапно сжалось. В голове просветлело. Маленькая передышка пошла на пользу. Теперь ему мешали камни. Он попытался сменить положение, но убежище было слишком тесным.

Он ощупал рукой землю и сделал неожиданное открытие — он лежал не на камнях, а на острых обломках пластика. Куски его упали внутрь, когда кто-то выламывал отверстие, где он спрятался. Странно... Вдруг он ощутил, что кто-то, кто был снаружи, думает как раз об этой щели.

Он в ужасе попытался изолировать эту мысль и мозг, из которого она исходила. Но вокруг толпилось слишком много возбужденных людей, слишком накалена была обстановка. Проулок кишел солдатами и полицейскими, они обыскивали каждую квартиру каждого дома. В какое-то мгновение он ясно различил вопрос Джона Петти:

— Говорите, что именно здесь его видели в последний раз?

— Он повернул за угол,— ответила женщина,— а потом пропал.

Дрожащей рукой Джомми принялся собирать с влажной земли обломки пластика. Он заставил себя успокоиться и стал закрывать пролом, используя землю в качестве цемента, скрепляющего обломки, хотя знал, что его конструкция не выдержит серьезного осмотра.

Работая, он постоянно ощущал мысль человека во дворе, мысль хитрую и ловкую, которая смешивалась с мыслями всего

скопления людей и атаковала его мозг. Ни на мгновение этот человек не переставал думать о щели, где прятался слан. Джомми никак не мог понять, кто это был — мужчина или женщина. Но ощущал его присутствие, ощущал импульсы, посылаемые злокозненным, извращенным умом.

Они витали в воздухе угрожающей тенью, пока мужчины передвигали ящики, чтобы посмотреть, не спрятался ли беглец под ними. Потом этот человек удалился. Вскоре крики затихли, все успокоилось, и чужие мысли исчезли вдали. Охотники приступили к поискам жертвы в другом месте. Наступила ночь.

Но воздух словно еще дрожал от дневного возбуждения. Из домов и квартир доносились мысли людей, обсуждавших случившееся.

Наконец он решил выбраться наружу. В окрестностях бродил обладатель того самого ума, который *знал,* что он спрятался в этой щели, но промолчал. Это был злой ум, вызывавший дурные предчувствия, а потому Джомми спешил удалиться. Он обрушил обломки пластика, которыми заложил отверстие. Затем осторожно выбрался наружу. Тело ломило от долгого лежания в неудобной позе. При каждом движении в боку отдавалась боль, а мозг захлестывали волны слабости, но он не отступал. Он не торопясь выбрался на вершину ящиков и хотел было уже соскочить на землю, как вдруг услышал поспешные шаги и ощутил присутствие человека, который давно ждал его.

Костлявая кисть ухватила мальчугана за щиколотку, и голос старой женщины, не скрывавшей своего торжества, произнес:

— Слезай-ка к Бабусе, негодник. Можешь быть спокоен. Бабуся займется тобой. Ох и хитра эта Бабуся. Она знала, что ты спрячешься в этой щели, а эти идиоты даже не подозревали о ней. Ох уж как хитра эта Бабуся! Она ушла, потом вернулась, но ведь знала, что сланы умеют читать мысли, а потому думала только о своей кухне. И ты попался в ловушку, не так ли? Она знала, что все сработает. Бабуся займется тобой. Она тоже не любит полицию.

В смятении Джомми узнал ту старуху, что пыталась схватить его, когда он спрыгнул с машины Джона Петти. Тот краткий контакт оставил у него неприятное ощущение. Те-

перь оно вернулось. От женщины исходил такой пакостный запах, а мысли были столь отвратительны, что он издал слабый крик и пнул ее ногой.

Тяжелая палка обрушилась на его голову раньше, чем он успел сообразить, что старуха вооружена. От сильного удара сознание его помутилось, мышцы свело судорогой, и Джомми рухнул на землю.

Он ощутил, как ему связали руки, протащили несколько метров и затолкали в расхлябанную повозку с тряпьем, пахнущим лошадиным потом, маслом и старыми консервными банками.

Повозка, подпрыгивая на камнях мостовой, покатила прочь, и сквозь скрип колес Джомми расслышал бормотание старухи.

— Дурой была бы Бабуся, позволь она им схватить тебя. Десять штук премии... Ба! Да мне бы и ломаной монеты не дали. Бабуся знает толк в жизни. Когда-то она была великой актрисой, а теперь стала старьевщицей. А старой бродяге вроде меня не дали бы и сотни долларов, а про десять тысяч и говорить не стоит. Ну да ладно! Бабуся покажет им, что можно сделать из юного слана. Бабуся заработает на этом маленьком дьяволе целое состояние...

Глава 2

Опять этот мальчишка. Когда-то он относился к ней дружески, а теперь вел себя гнусно. Кроме того, она чувствовала, что за ним следуют его дружки!

Кэтлин Лейтон настороженно замерла, потом расслабилась. Она не могла спрятаться от них здесь, на верхних галереях дворца на высоте ста пятидесяти метров над землей. После стольких лет жизни, которые она, единственный слан, провела среди врагов, не стоило испытывать страха даже перед тем, во что превратился одиннадцатилетний Дейви Динсмор.

Она не обернется. Она и вида не подаст, что знает, кто идет по длинному застекленному коридору. Она отключилась, поддерживая с мальчишкой лишь тот уровень контакта, который не позволил бы ему захватить ее врасплох. Следовало по-прежнему смотреть на город, словно она была одна.

Город с его многоцветными домами и кварталами, которые тускнели в наступающих сумерках, лежал у ее ног. Зеленая равнина вдали казалась черной, а обычно голубая река, обегавшая город, выглядела темной петлей на фоне тонувшего в ночной тьме ландшафта. Даже горы на горизонте окрасились в унылые печальные цвета, которые соответствовали подавленному настроению Кэтлин.

— Ага-а-а! Смотри, смотри получше. Смотришь в последний раз!

Визгливый голос противно царапнул по нервам. На мгновение ощущение дискомфорта было столь сильным, что смысл слов вначале ускользнул от ее сознания. Потом, против воли, она резко повернулась к нему.

— Последний раз? Что ты хочешь сказать?

И тут же пожалела о вопросе. Дейви Динсмор стоял в нескольких шагах от нее, окруженный своими дружками. На нем были брючки из зеленого шелка и расстегнутая у ворота желтая рубашка. На его детском лице появилось новое самоуверенно-хитрое выражение, губы кривила мерзкая усмешка. Она снова удивилась: что же с ним произошло? Когда они еще дружили, она сказала ему, что не будет читать его мысли без разрешения. И все же нарушила свое обещание, когда образ его мыслей изменился. Но сейчас ей не хотелось знать, кем он стал. Остальные всегда были не в счет.

Давным-давно, месяцы и месяцы, долгий год тому назад, она сознательно прервала контакт с потоком людских мыслей, людских надежд и людской ненависти, отравлявшим атмосферу дворца. Лучше было обращаться к мальчишке с таким же презрением, как и он к ней. Она повернулась к нему спиной, но контакт с его мозгом позволил ощутить волну ярости, которую вызвал ее поступок. И он снова проскрипел:

— Вот-вот, в последний раз! Как я и сказал. Тебе же завтра исполнится одиннадцать?

Кэтлин не ответила, сделав вид, что не слышит. Но в ее душу закралось предчувствие беды. Слишком радостным и уверенным был голос Дейви. Неужели за те месяцы, что она не поддерживала контакт с мыслями окружающих людей, они приготовили для нее нечто ужасное? Не совершила ли она непростительной ошибки, замкнувшись в собственном

мирке? Что делать, если жестокая реальность разрушит ту стену, которую она возвела вокруг себя?

— Думаешь, ты хитрая? — хихикнул Дейви Динсмор.— Посмотрим, как ты запоешь завтра, когда они придут тебя убивать. Ты, наверное, не знаешь, но мамаша сказала, что, когда ты здесь появилась, Кир Грей обещал Совету прикончить тебя, как только тебе исполнится одиннадцать. И не думай, что они этого не сделают. На днях они прикончили одну женщину-слана прямо на улице. Что ты на это скажешь, хитрюга?

— Ты... ты с ума сошел! — выпалила она.

Она едва сообразила, что произнесла эти слова, поскольку думала о другом. Не зная почему, она была уверена, что он сказал правду. Новые проявления коллективной ненависти? Все встало на свои места, и ей показалось — она всегда об этом знала.

Кэтлин удивилась лишь тому, что Дейви узнал новость от своей матери. Она вспомнила, как однажды, три года назад, парнишка напал на нее при ее благожелательной поддержке, ибо думал, что имеет дело с обычным ребенком. Но какой ужасный крик он поднял, когда Кэтлин дала сдачи. Мать его вышла из себя и бросилась на нее со страшными угрозами в адрес «гадюки-слана».

Именно в это мгновение возник огромный и мрачный Кир Грей. Миссис Динсмор едва не плюхнулась на брюхо перед ним.

— Мадам,— обронил он,— на вашем месте я бы поостерегся трогать этого ребенка. Кэтлин Лейтон принадлежит государству, которое найдет ей применение в надлежащее время. Я был свидетелем поведения вашего сына. Он получил отпор, которого заслуживает любой негодяй, нападающий на других, и, надеюсь, урок пойдет ему на пользу.

Как ни странно, именно после этого случая почти трехлетней давности Дейви стал искать ее дружбы. С тех пор он был ее единственным другом, пока два месяца назад его отношение к ней резко не изменилось.

Она отбросила горькие мысли и заметила, что лежащий у ее ног город изменился. Теперь он блистал миллионами огней. Это был город мечты, выглядевший огромным драго-

ценным камнем, сверкающим множеством граней. Ей всегда хотелось посетить этот таинственный город, наяву увидеть те тайны, которые она сама придумала. Теперь ей никогда не придется его увидеть. Она никогда не окунется в этот сверкающий мир, никогда не насладится его красотой.

— Давай, давай,— снова визгливо забубнил Дейви.— Смотри получше. Ведь смотришь в последний раз.

Кэтлин вздрогнула. Она была не в силах терпеть дальше присутствие мерзкого мальчишки. Не сказав ни слова, она повернулась и спустилась во дворец, чтобы укрыться в тишине своей комнаты.

Хотя было уже поздно, сон не шел. Кэтлин знала, что ночь вступила в свои права, поскольку ослабел поток мыслей — все, кроме охраны и тех, кто страдает бессонницей, отправились спать. Она удивлялась, что не может заснуть. Хотя чувствовала себя лучше, ибо теперь все знала. Жизнь при постоянном неведении того, что случится завтра, когда тебя окружает ненависть слуг и почти всех людей, была просто ужасной. Она жила в постоянном напряжении и едва выносила его.

Наверно, в конце концов она задремала, но тут в ее сон ворвалась враждебная мысль.

Кэтлин заворочалась. Ее усики слана — крохотные жгутики цвета старого золота, поблескивавшие в копне черных волос, обрамлявших тонкое личико,— приподнялись и задрожали, как травинки под легким дуновением ветра. В их подрагивании была напряженность.

Несущая угрозу мысль, которую уловили в окутанном ночью дворце Кира Грея антенны Кэтлин, наконец дошла до ее сознания. Она вздрогнула и проснулась.

Мысль на мгновение задержалась в ее мозгу — четкая, жестокая, кровожадная. Сон улетел прочь, словно ее облили ледяной водой. И тут же мысль исчезла, будто никогда и не существовала. Осталась только мешанина образов, долетавших из разных уголков дворца.

Кэтлин застыла, из глубины ее сознания постепенно пришло объяснение тому, что произошло. Кому-то не хотелось ждать завтрашнего дня. Кто-то сомневался, что казнь состоится, и решил поставить Совет перед свершившимся фактом. Существовал лишь один человек, достаточно могуществен-

ный, чтобы взять на себя убийство. Это был Джон Петти, начальник тайной полиции, фанатичный ненавистник сланов... Джон Петти так ненавидел ее... Убийцу послал он.

Невероятным усилием она успокоила нервы и до предела напрягла мозг. Секунды текли, а она продолжала искать тот мозг, где мгновением раньше пронеслись мысли об убийстве. Шорох внешних мыслей превратился в ревущий поток, потрясший ее. Она уже давно не исследовала этот мир, лишенный способности контролировать свои мысли. По ее воспоминаниям, в нем было много грязи, но действительность оказалась куда хуже. Сжав зубы, она противостояла потоку, пытаясь изолировать каждую отдельную мысль. В мозгу возникла фраза:

«Боже, надеюсь, никто не заметит, что он сегодня смошенничал на овощах!»

Должно быть, жена второго повара, жалкое богобоязненное существо, жившее в постоянном страхе, что вскроется мелкое воровство ее мужа.

Кэтлин на мгновение испытала симпатию к этой женщине, которую мучила совесть. Но тут же изгнала жалость — ведь та же самая женщина однажды просто по злобе влепила Кэтлин пощечину и без всякого мысленного предупреждения.

Кэтлин продолжала поиск с торопливой настойчивостью. Образы мелькали в ее мозгу с калейдоскопической быстротой, принимались и тут же отбрасывались, поскольку не имели ничего общего с разбудившей ее угрозой. Во дворце существовал свой собственный мир интриг, амбиций и личных трагедий. Она подсматривала тяжелые сны, ворочающихся в кроватях людей. И планы тех, кто не спал, а оттачивал свои замыслы.

И вдруг она наткнулась на безжалостную мысль, на твердое намерение убить ее! И опять эта мысль мгновенно исчезла. Но Кэтлин ощутила непосредственную опасность, ибо мысль обрела мощь из-за близости ее хозяина.

Странно, почему она с таким трудом обнаружила убийцу. Мозг ее буквально испытывал боль от смены жары и холода: мысль возникла и в третий раз. Теперь она знала, кто это. И поняла, почему ей было так трудно обнаружить враждеб-

ный мозг. Он тщательно пытался не сосредоточиваться, намеренно порхал с одного образа на другой, а потому его мысли почти не отличались от тех, что носились по дворцу.

Он, похоже, много тренировался, но все же не был Джоном Петти или Киром Греем, которые могли думать, не выдавая себя другим. Ее будущий убийца все же обнаружил себя, несмотря на все ухищрения. Стоит ему только проникнуть в комнату, и она...

Она замерла. Ее на мгновение охватила паника, когда истина вдруг предстала перед ней. Человек уже находился в комнате и на четвереньках подползал к кровати.

Кэтлин показалось, что время застыло. Она целиком, даже руки, была укрыта одеялом. Она знала, что от малейшего движения крахмальные простыни зашуршат. Тогда человек прыгнет на нее, зажмет под одеялом и она окажется в его власти.

Она не могла двинуться. Ничего не видела. Но только чувствовала растущее возбуждение убийцы. Ритм его мыслей ускорялся, и он уже не отвлекал себя тысячами других образов. Его кровожадные намерения сияли, как огонь маяка, резко и жарко,— ей даже пришлось изолировать часть мозга, столь сильна была почти физическая боль.

В то мгновение, когда человек перестал скрывать свои намерения, Кэтлин прочла план нападения. Этого человека назначили часовым у ее комнаты. Но это был не тот часовой, который обычно находился здесь. Она удивилась, что не заметила подмены. Часового, похоже, сменили, когда она спала. Или была слишком сильно занята собственными переживаниями, чтобы обратить внимание на такую деталь.

Она почувствовала, что убийца привстал и склоняется над кроватью. Заметила сверкнувшее лезвие кинжала.

Ей оставалось лишь одно: она резким движением набросила одеяло на голову и плечи захваченного врасплох человека. Затем спрыгнула с постели, тенью скользнула в сторону, смешавшись с тенями комнаты.

Человек, барахтавшийся в одеяле, которое на него набросили сильные руки Кэтлин, сдавленно закричал. В его крике звучали удивление и страх перед тем, что означал для него этот провал.

Кэтлин ощутила все это, услышала, как он выпрямился и замахал руками, пытаясь разглядеть ее во тьме комнаты. Ее вдруг посетила странная мысль, а стоило ли вылезать из постели? Если смерть должна была прийти, какой смысл откладывать неизбежное? За нее ответил инстинкт самосохранения. Пришла мысль, что, если кто-то хотел убить ее сегодня, значит, завтра казни не будет.

Она глубоко вздохнула. Первый приступ тоскливого ожидания миновал. Теперь она испытывала глубокое презрение, видя жалкие потуги убийцы.

— Дурак,— с презрением сказала она, и еще никогда не был столь жестким ее детский голосок,— думаешь, можешь справиться со сланом в темноте?

Было жалко смотреть, как человек, размахивая рукой, бросился на голос. Жалко и ужасно, ибо мысли его были пропитаны животным страхом. Кэтлин, стоя босиком на холодном полу в другом углу комнаты, вздрогнула от отвращения. И добавила звонким девичьим голоском:

— Будет лучше, если вы удалитесь. Если уйдете тут же, я ничего не скажу мистеру Грею.

Но человек ей не поверил. Он слишком боялся и ничему не верил! Ругаясь, он бросился к двери, к выключателю. Она ощутила, что он одной рукой выхватил револьвер, а вторая нащупывает выключатель. Он предпочел рискнуть, попытавшись скрыться от охраны, которую привлечет звук выстрела, чем признаться начальнику в поражении.

— Глупый дурак! — снова крикнула Кэтлин.

Она знала, что делать, хотя и делала это впервые. Бесшумно скользнув вдоль стены, она ощупала панели. Открыла потайную дверцу, нырнула в отверстие, задвинув панель на место, и побежала по скупо освещенному коридорчику. В конце его была вторая дверь. Кэтлин распахнула ее и оказалась в богато обставленном кабинете.

Вдруг напуганная собственным поступком, Кэтлин замерла на пороге, не сводя глаз с мощной фигуры человека, что сидел за столом и писал при свете рабочей лампы. Кир Грей не сразу поднял голову. Девочка быстро сообразила, что он знает о ее присутствии, и воспользовалась передышкой, чтобы рассмотреть его.

В главе государства было нечто величественное, что вызывало восхищение даже в тот момент, когда она была подавлена страхом перед ним. Резкие черты Кира Грея выдавали благородное происхождение. Казалось, он целиком поглощен письмом, которое писал.

Она могла прочесть лишь лежащие на поверхности мысли, и ничего больше. Кир Грей — она уже давно сделала это открытие,— как и Джон Петти, обладал отвратительным преимуществом думать в ее присутствии таким образом, что она не могла прочесть его мыслей. Сейчас она воспринимала лишь слова письма. Ей не хватило терпения, письмо ее не интересовало, и она воскликнула:

— В моей комнате человек. Он пытался меня убить!

Кир Грей вскинул голову. Его лицо с волевым подбородком приобрело суровое выражение. Хозяин планеты холодно вгляделся в Кэтлин. Когда он заговорил, его мозг работал с такой четкостью и так тесна была связь голоса и мысли, что девочка не сообразила, говорит он или нет.

— Говоришь, убийца? Продолжай.

Кэтлин дрожащим голосом пересказала все, что случилось, не опустив ни единой детали с того момента, когда Дэйви Динсмор пытался ерничать перед ней.

— Так ты думаешь, за попыткой убийства стоит Джон Петти? — спросил он.

— Он один мог бы убить меня таким способом. Людей к моей комнате назначает тайная полиция.

Грей кивнул, и она почувствовала едва заметное напряжение. Но течение его мыслей оставалось спокойным и ровным.

— Итак, приехали,— медленно процедил он.— Джон Петти рвется к власти. Мне даже жаль его, он просто не способен видеть собственные ошибки. Никогда и нигде начальник тайной полиции не пользовался доверием народа. Меня почитают и боятся, а его только боятся. И он считает, что этого достаточно.

Карие глаза Кира Грея вонзились в глаза Кэтлин.

— Он хотел убить тебя до назначенной даты, чтобы мне ничего не оставалось делать, как согласиться. И моя беспомощность повредила бы моему престижу в Совете.

Он почти шептал, словно забыв о присутствии Кэтлин и думая вслух.

— И он был прав. Совет проявил бы непонимание, попытайся я возразить по поводу смерти слана. С другой стороны, промолчи я, молчание выглядело бы признаком слабости. И это было бы началом конца. Распад. Началось бы формирование враждебных друг другу кланов. Реалисты анализировали бы ситуацию, чтобы примкнуть к вероятному победителю, или затеяли бы бесконечную игру, спасая и козу и капусту.

Он помолчал некоторое время, потом снова заговорил:

— Как видишь, Кэтлин, ситуация весьма щекотливая и опасная. Ибо Джон Петти, дабы дискредитировать меня в глазах Совета, упорно распространяет слухи, что я собираюсь оставить слана в живых. А значит, это касается и тебя.— По его хмурому лицу впервые пробежала улыбка.— Следовательно, мой престиж и мое положение зависят теперь от возможности спасти тебе жизнь, как бы ни хотел обратного Джон Петти. Что ты думаешь о новой политической ситуации?

Кэтлин презрительно раздула ноздри.

— Глупо выступать против вас — вот что я думаю. И помогу вам всем, чем смогу. А я могу вам помочь. Вы же знаете, я умею читать мысли.

Вся суровость исчезла с лица Кира Грея, когда он широко улыбнулся.

— Знаешь, Кэтлин, со стороны может показаться, что мы, люди, часто ведем себя весьма странно по отношению к сланам. Возьмем, к примеру, отношение к тебе. Знаешь его причину?

Кэтлин отрицательно покачала головой.

— Нет, мистер Грей. Я часто читала в головах людей, но никто, похоже, не знает, почему нас ненавидят. Существует древняя легенда о войне между людьми и сланами, но и до этого бывали войны, и люди переставали смертельно ненавидеть друг друга, когда они кончались. Есть еще какие-то ужасные рассказы, но они слишком абсурдны и, скорее всего, являются просто выдумкой.

— Ты слыхала, что сланы делают с детьми людей?

— Еще одна глупая ложь.— В голосе Кэтлин звучало презрение.— Все это разговоры.

— Вижу, ты в курсе дела,— усмехнулся он.— Но даже если это тебя шокирует, слухи по поводу детей правдивы. Что ты

знаешь об образе мыслей взрослого слана, чей интеллектуальный уровень в два-три раза превышает уровень обычного человека? Тебе известно, что этого не сделаешь ты, но ты еще ребенок. К тому же сейчас вопрос не в этом. Нам обоим надо спасать свои жизни. Убийца, вероятно, уже удрал из твоей комнаты, но тебе легко его идентифицировать, прочитав мысли. Мы выложим свои карты немедленно. Я сейчас же вызову Петти и приглашу членов Совета. Им не понравится, что мы прервали их сладкие сны, но тем хуже для них! Оставайся здесь. Я хочу, чтобы ты читала их мысли во время разбирательства, а потом пересказала их мне.

Он нажал кнопку на столе и сухим тоном произнес в интерком:

— Попросите начальника моей личной охраны зайти ко мне в кабинет.

Глава 3

Сидеть под слепящим светом всех ламп было неприятно. Мужчины слишком часто поглядывали на нее, в их мыслях к нетерпению примешивалась ненависть, но ни разу не возникло чувства жалости. Их ненависть подавляла, лишала воли. Они действительно ненавидели ее. Они хотели ее смерти. Удрученная Кэтлин закрыла глаза и отключила мозг, пытаясь превратиться в песчинку на своем кресле, словно могла силой воли стать невидимкой.

Но ставка была слишком высока, и она не могла позволить себе упустить даже беглую мысль. Она снова открыла глаза, сосредоточилась, и все встало на место — комната, мужчины, напряженная ситуация.

Джон Петти вдруг поднялся и заявил:

— Я против присутствия слана на заседании — ее возраст и невинный вид могут заставить кое-кого проявить жалость.

Кэтлин удивленно уставилась на него. Начальник тайной полиции был плотным крепышом среднего роста с головой ворона. На его оплывшем лице не было и следа доброты. Неужели он и вправду верит, подумала Кэтлин, что кто-то может проявить жалость? Хоть кто-нибудь, хоть по какой-нибудь причине?

Она попыталась проникнуть в его мысли, но мозг Петти был закрыт, а лицо лишено малейшего выражения. Однако она подметила нотку иронии и поняла, что у него очень ясное понимание сложившейся ситуации. Это была заявка на власть, и каждая частичка его тела и мозга находилась в состоянии тревожного ожидания.

Кир Грей сухо рассмеялся, и Кэтлин вдруг ощутила невероятный магнетизм, исходивший от него,— в диктаторе чувствовалось что-то тигриное, наличие кипучих жизненных сил, выделявших его среди прочих.

— Вряд ли,— возразил он,— стоит беспокоиться о том, что наши... благородные порывы перевесят здравый смысл.

— Конечно нет,— подхватил Мардью, министр транспорта.— Судья должен заседать в присутствии обвиняемого.— Он замолчал, но про себя продолжил: «...особенно если судья заранее знает, что вынесет смертный приговор». Он внутренне усмехнулся, хотя глаза его оставались холодными.

— Тогда,— возвысил голос Джон Петти,— я требую, чтобы она покинула комнату. Я не желаю находиться в одном помещении со сланом.

Реакция присутствующих на призыв к самым низменным страстям поразила Кэтлин, словно ее ударили. Послышался нарастающий ропот:

— Верно, черт побери!

— Пусть она выйдет!

— И ради этого будить нас среди ночи.

— Совет решил эту проблему одиннадцать лет назад. Я недавно узнал об этом!

— Разве Совет не проголосовал за смертную казнь?

На губах Петти появилась злая усмешка. Он посмотрел на Кира Грея. Их взгляды скрестились, как шпаги двух дуэлянтов перед смертельным выпадом. Кэтлин видела, что Петти сознательно нагнетает обстановку. Но если диктатор и проигрывал партию, лицо его ничего не выражало, впрочем, и в его мыслях не возникло и тени беспокойства.

— Господа, вы — жертвы недоразумения. Речь не идет о процессе над сланом Кэтлин Лейтон. Она находится здесь, чтобы свидетельствовать против Джона Петти, и мне понятно его желание удалить ее из комнаты.

Кэтлин ощутила, что удивление начальника полиции было наигранным. Мозг его был слишком спокоен, хотя в голосе звенело возмущение.

— Вот те раз! Вы будите всех в два часа ночи, чтобы устроить процесс, где я оказываюсь обвиняемым по свидетельству слана! Что за выходки, Грей. Кажется, надо раз и навсегда решить, можно ли придавать хоть какое-то значение слову слана.

Опять призыв к инстинктивной ненависти. Кэтлин вздрогнула, ощутив, с какой страстью отвечают остальные. У нее не было надежды на спасение — смерть ее была предрешена.

Кир Грей твердо возразил:

— Петти, вы должны отдавать себе отчет в том, что в данный момент обращаетесь не к толпе напичканных пропагандой крестьян. Ваши слушатели — реалисты, и, несмотря на ваши усилия запутать ситуацию, они понимают, что их политическая жизнь, а быть может, и просто жизнь, зависит от разрешения кризиса, который ускорили вы и только вы.

Лицо его посуровело, а голос стал жестким.

— Надеюсь, каждый из вас преодолеет желание выспаться, свое нетерпение или страсть, чтобы понять следующее: Джон Петти собирается совершить государственный переворот, он бросил мне вызов, но кто бы из нас ни одержал верх, кое-кто из вас не доживет и до утра.

Теперь они перестали смотреть на нее. Во внезапно обрушившейся тишине Кэтлин показалось, что она вдруг стала невидимкой. У нее было ощущение, что с мозга сняли какой-то груз и она впервые смогла ясно видеть, чувствовать и думать.

Тишина, царившая в комнате с дубовыми панелями, была не только физической, но и мысленной — на мгновение мысли присутствующих смешались, утратили свою силу. Словно между мозгом Кэтлин и их разумом возник барьер, ибо их мысли ушли вглубь, взвешивая шансы, анализируя элементы обстановки, готовясь встретить смертельную опасность, о близости которой им сообщили.

Вдруг Кэтлин осознала, что мысленную тишину комнаты взорвала одна мысль, короткий и резкий приказ: «Сядь в кресло, что в углу, чтобы им надо было повернуть голову, когда они будут смотреть на тебя. Быстро!»

Кэтлин метнула взгляд на Кира Грея. Глаза его горели от внутреннего напряжения. Не издав ни звука, она выскользнула из кресла, подчиняясь приказу.

Никто не обратил внимания на ее перемещение. Казалось, они даже не осознавали ее присутствия. Кэтлин ощутила прилив радости — Кир Грей и в этот момент наивысшего напряжения вел свою партию. Он громко объявил:

— Кроме того, я не вижу надобности приводить в исполнение приговор, конечно, если Джон Петти раз и навсегда откажется от сумасшедшего желания сесть на мое место.

Теперь прочесть мысли мужчин, с подозрением уставившихся на Кира Грея, она не могла. Каждый находился в состоянии крайнего напряжения: сейчас они стали контролировать свои мысли так же, как Джон Петти и Кир Грей, все их сознание сконцентрировалось лишь на том, что следует сказать и что следует сделать.

Кир Грей заговорил, голос его дрожал от сдерживаемых чувств:

— Я не зря назвал намерения Петти сумасшедшими, поскольку речь идет не только о борьбе за власть между двумя лидерами. Человек, обладающий верховной властью, олицетворяет собой стабильность и порядок. Человек, собирающийся захватить власть, как только это произойдет, должен заняться укреплением своих позиций. Значит, будут казни, ссылки, конфискации имущества, тюрьмы и пытки для неугодных, а жертвами, конечно, будут и те, кто выступал против нового властителя, и те, в ком он не уверен.

Прежний лидер не может просто спуститься ступенью ниже и играть роль подчиненного. На самом деле престиж никогда не исчезает — вспомните Наполеона и Сталина. Падший лидер остается постоянной угрозой. А вот человека, собирающегося узурпировать власть, можно просто приструнить и заставить работать на прежнем месте. Как я и собираюсь поступить с Джоном Петти.

Кэтлин поняла, он обращался к их инстинкту самосохранения, к их страху перед грядущими переменами. Джон Петти буквально выпрыгнул из кресла, прервав ход ее размышлений. На мгновение он потерял контроль над собой, но ярость его была так сильна, что прочесть его мысли было так же трудно, как если бы он контролировал свой разум.

— Думаю,— взорвался он,— я еще никогда не слышал столь бессмысленного заявления из уст якобы здравомыслящего человека. Он обвинил меня в том, что я путаю его карты. Вы обратили внимание, господа, что пока он не выдвинул ни единого доказательства в подтверждение своих слов? Мы слышим лишь рассуждения, присутствуя на импровизированном процессе в самый разгар ночи, поскольку он знает, большинство из нас еще не отошли ото сна. Должен признаться, что и я сам не совсем проснулся, но у меня достаточно разумения, и я отдаю себе отчет в том, что Кир Грей стал жертвой болезни, настигающей диктаторов всех времен,— мании преследования. Уверен, с некоторых пор он видит в каждом нашем слове и поступке угрозу себе.

Мне не хватает слов, чтобы выразить свое смятение от мысли, что за этим стоит. Как он мог подумать, что в тот момент, когда проблема сланов достигла критической точки, как он мог только предположить, что кто-то из нас послужит причиной раскола? Повторяю вам, господа, в данный момент мы не можем себе позволить и намека на раскол. Общественное мнение раздражено чудовищной деятельностью сланов по отношению к человеческим детям. Их попытки превратить расу людей в расу сланов и, как результат, жестокие последствия ставят перед правительством самые серьезные проблемы, которые когда-либо у нас возникали.

Он повернулся к Киру Грею, и Кэтлин вздрогнула, увидев, с каким совершенным мастерством играет он в искренность.

— Кир, мне хотелось бы забыть ваш поступок. Прежде всего мы должны забыть этот процесс и угрозы в отношении кое-кого из нас еще до того, как наступит утро. Учитывая сложившиеся обстоятельства, я могу вам предложить лишь одно — уйти в отставку. Во всяком случае, я вам больше не доверяю.

— Вы видите, господа,— слегка усмехнулся Кир Грей,— мы коснулись сути проблемы. Он требует, чтобы я сложил полномочия.

Высокий молодой человек с лицом хищной птицы хрипло произнес:

— Я согласен с Петти. Ваше поведение, Грей, показывает, что вас нельзя уже считать человеком, отвечающим за свои поступки. Уходите в отставку!

— В отставку! — крикнул кто-то еще.

И вдруг со всех сторон послышались беспорядочные крики:

— В отставку! В отставку!

Все эти крики и сопровождающие их враждебные мысли показались Кэтлин сигналом начала конца. До этого все ее внимание было сосредоточено лишь на Джоне Петти, и она не сразу сообразила, что весь шум производили всего лишь четверо из десяти присутствующих.

Ее мозг болезненно напрягся. Так вот оно что!

Своим криком «в отставку!» они надеялись увлечь за собой колеблющихся и трусов, хотя вскоре стало ясно, что им это не удается. Она посмотрела на Кира Грея, присутствие которого уже само по себе удерживало от паники остальных. Один только взгляд на него вернул ей надежду. Грей по-прежнему уверенно сидел в кресле, может быть, чуть напряженный, но еще более сильный и внушительный. На его лице играла ироничная улыбка.

— Не странно ли,— сказал он, не повышая голоса,— что только четверо самых молодых членов Совета присоединились к предложению молодого Петти? Очевидно, люди постарше сообразили, что здесь находится лишь авангард, а завтра утром уже вовсю заработают расстрельные команды, ибо этим сорвиголовам надоело подчиняться нам, старикам. И хотя им примерно столько же лет, сколько и мне, они и меня считают замшелым старцем. Они спешат сбросить с себя нашу власть и, конечно же, уверены, что, расстреляв тех, кто старше их, на несколько лет приблизят то, что природа и так сделает через несколько лет.

— Расстрелять их! — прорычал Мэрдью, старейшина Совета.

— Чертовы молокососы! — подхватил министр авиации Харлихэн.

Реплики более пожилых членов Совета успокоили бы Кэтлин, если бы она ясно не читала их побуждений, скрытых завесой слов. Ненависть, страх, сомнение, наглость, злоба, непреклонность смешивались в их душах в одно неясное целое.

Джон Петти, слегка побледнев, стоя следил за происходящим. Но тут поднялся Кир Грей. Он сжал кулаки, глаза его сверкали.

— Сядьте, вы, безмозглый кретин! — обратился он к Петти.— Как вы осмелились вызвать кризис именно в тот момент, когда нам, быть может, надо пересмотреть всю политику в отношении сланов? Вы понимаете, что мы проигрываем? У нас ни один ученый и в подметки не годится суперученым сланов. Я готов многое отдать за то, чтобы хотя бы один из них был на нашей стороне! К примеру, такой как Питер Кросс, убитый нашими полицейскими три года назад из-за глупых предрассудков черни.

Именно черни. Сегодня масса народа находится на этом уровне. Толпа с животным сознанием, сформированным нашей пропагандой. Люди боятся, безумно боятся за своих детей, а у нас нет даже ученого, чтобы найти объективный подход к проблеме. По правде говоря, у нас нет ни одного ученого, достойного этого звания. Какой смысл человеку посвящать свою жизнь исследованиям, если ему с раннего детства вдолбили, что всякое открытие, какое он может сделать, уже давно сделано сланами. Когда его уверяют, что эти открытия дожидаются в тайниках того дня, когда сланы снова предпримут попытку завладеть Землей.

Наша наука — сплошной фарс, наше образование — паутина лжи. И с каждым годом вокруг нас все выше растет стена из обломков надежд и устремлений людей. С каждым годом усиливается дезориентация, углубляется бедность, растет нищета. Нам остается только ненависть, а для дела этого мало. Нам надо либо полностью уничтожить сланов, либо заключить с ними соглашение и положить конец бессмысленной борьбе.

Страсть, с которой говорил Кир Грей, отражалась на его лице. Но Кэтлин ощущала, что разум диктатора оставался спокойным, внимательным и бдительным. Когда этот искусный демагог, вершитель человеческих судеб заговорил снова, его великолепный чистый баритон был почти ровным и спокойным.

— Джон Петти обвинил меня в том, что я намерен сохранить жизнь этому ребенку. Хотел бы вам напомнить, как начальник полиции вел себя последние месяцы. Сколько раз Петти внушал вам, быть может, в шутливом тоне, что я не собираюсь ее убивать? Я знаю, что именно так он и поступал,

об этом мне неоднократно доносили. И теперь вам понятна его игра, вы видите, с какой нежностью он расточает вокруг свой яд. Вы достаточно опытные политики, чтобы видеть, в какое положение он меня поставил: отдав приказ о казни этой девочки-слана, я уступлю давлению, а следовательно, утрачу свой престиж.

Поэтому я решил опубликовать коммюнике о том, что Кэтлин Лейтон не будет казнена. И поскольку мы очень мало знаем о сланах, то оставим ей жизнь, чтобы изучать ее. Я, со своей стороны, решил извлечь всю выгоду из присутствия Кэтлин, наблюдая за ее развитием до полной зрелости. Я уже собрал огромное количество наблюдений.

Джон Петти так и сел на место.

— Не пытайтесь заткнуть мне рот! — прорычал он.— Вы зашли слишком далеко. Дай вам волю, вы отдадите сланам целый континент, где они смогут разрабатывать эти свои пресловутые суперизобретения, о которых мы так много слышали, но ни разу не видели. Что касается Кэтлин Лейтон, вам придется переступить через мой труп, чтобы оставить ее в живых. Женщины-сланы особенно опасны. Они — продолжатели рода и отлично знают свое дело, мерзавки!

Но Кэтлин уже не слушала его. Кир Грей во второй раз мысленно задал ей вопрос: «Сколько присутствующих полностью согласны со мной? Покажите на пальцах».

Она ошарашенно глянула на него, потом окунулась в поток неясных мыслей и эмоций, исходящих от этих людей. Задача была невероятно трудной — мыслей было множество, они накладывались друг на друга и создавали помехи. Но по мере того как истина открывалась перед ней, мозг ее испытывал все большую растерянность. Она думала, что более пожилые члены Совета на стороне диктатора, но это было не так. Их терзал страх, а кроме того, росла уверенность, что дни Кира Грея сочтены и им следует делать ставку на молодых.

Наконец она в растерянности подняла три пальца. Трое из десяти за Кира Грея, четверо откровенно против и за Петти, трое проявляли нерешительность.

Она не могла сообщить ему последние две цифры, но он их и не требовал. Все его внимание было сосредоточено на

трех пальцах Кэтлин. В его чуть расширившихся глазах блеснуло беспокойство. На мгновение ей показалось, что в его мыслях мелькнул страх. Потом он снова стал невозмутимым. Он застыл в кресле, как каменное изваяние, холодный, беспощадный, смертельно опасный.

Она не могла отвести от него взгляда.

Она была в полной уверенности, что перед ней загнанный в угол человек, который, мобилизовав весь свой опыт, судорожно пытается найти средство обратить неминуемое поражение в победу. Она попыталась проникнуть в его мозг, но железный контроль над мыслями, невозмутимое течение его размышлений вставали между ними неодолимым барьером.

А вот в поверхностных мыслях она прочла сомнения, странную неуверенность, впрочем, не содержащую страха, какое-то колебание относительно того, что он теперь должен сделать из того, что может. Похоже, он не предвидел, что кризис будет столь острым, что оппозиция выступит столь организованно и вспышка ненависти к нему ждала только часа, когда появится возможность сбросить и уничтожить его.

Джон Петти прервал ее размышления, вновь взяв слово:

— Мне кажется, мы должны провести голосование по этому вопросу.

Кир Грей расхохотался. Смех его звучал громко, заливчато и цинично. Он окончился на звонкой ноте, неожиданно обнаружив доброе расположение духа.

— Иными словами, вы хотите поставить на голосование вопрос, который, как вы сами только что заявили, вообще не подлежит сомнению! Я, конечно, отказываюсь долее взывать к вашему разуму. У тех, кто глух к его голосу, разум отсутствует. Но мне хотелось бы обратить внимание на то, что требовать постановки вопроса на голосование означает лишь одно: признаться в вине, которую теперь уже и не скрывают, ибо есть уверенность в поддержке пяти, если не больше, членов Совета. Позвольте мне открыть еще одну карту — я уже давно знаю о неминуемости этого мятежа, и он не застал меня врасплох.

— Ба! — воскликнул Петти.— Да он блефует! Я следил за каждым вашим движением. Когда мы создавали Совет, то из-за боязни, что кто-то из членов будет несогласен с други-

ми, именно на этот случай предусмотрели меры предосторожности. У каждого из нас есть своя личная армия. Мои охранники здесь, они патрулируют коридор, как, впрочем, и охранники остальных членов Совета. Они растерзают всякого, как только получат приказ. И мы готовы отдать такой приказ, рискуя погибнуть в завязавшейся борьбе.

— Ах-ах,— пробормотал Кир Грей,— по крайней мере теперь мы играем в открытую.

Присутствующие заерзали на креслах, их обуревали разноречивые мысли. И вдруг, к удивлению Кэтлин, Мэрдью, один из трех, кого она считала сторонником Кира Грея, прочистил горло. Он еще не заговорил, но она уже ощутила его нерешительность.

— Кир, вы на самом деле не правы, считая себя диктатором. Вы только избраны Советом, и мы имеем полное право избрать кого-то другого на ваше место. Кого-то, кто, возможно, успешнее организует уничтожение сланов.

Какое внезапное изменение обстановки! Крысы побежали с корабля, делая отчаянные попытки, Кэтлин это видела, убедить новых хозяев в своей лояльности. Да и в голове Харлихэна ветер подул в другую сторону.

— Я согласен. Ваш проект заключить договор со сланами является предательством, да, чистой воды предательством по отношению к чер... ну, к населению. Эту тему лучше не затрагивать. Мы должны сделать усилие, чтобы уничтожить сланов. Быть может, повести более активную борьбу под руководством более активного человека...

Кир Грей горько усмехнулся; Кэтлин по-прежнему ощущала на поверхности его мыслей какую-то неуверенность: что делать, что делать? Она смутно ощущала и другое — напряжение, все более и более четкую решимость рискнуть. Но ничего яснее прочесть так и не смогла.

— Итак,— по-прежнему спокойным голосом заговорил Кир Грей,— вы доверите председательское место в Совете человеку, который всего несколько дней назад упустил мальчишку Джомми Кросса, девятилетнего мальчишку, самого опасного на данный момент слана. Более того, тому удалось удрать на автомобиле начальника полиции.

— Во всяком случае,— возразил Джон Петти,— мне известен слан, которого я не упущу.

Он зло глянул на Кэтлин, потом с торжествующим видом повернулся к остальным.

— Вот что мы можем сделать: казнить эту девочку завтра и тут же опубликовать коммюнике об отставке Кира Грея в связи с тем, что он заключил тайный договор со сланами, о чем свидетельствует его нежелание казнить Кэтлин Лейтон.

Было очень странно сидеть здесь, слушать смертный приговор самой себе и при этом не испытывать никаких эмоций, словно говорили о ком-то другом. Ее мысли гуляли далеко, и шепот согласия, всколыхнувший присутствующих, также донесся до нее как бы издалека.

Улыбка на лице Кира Грея угасла.

— Кэтлин,— резко произнес он,— пора кончать комедию. Сколько против меня?

Она устремила на него рассеянный взгляд и услышала свой ответ. Голос ее дрожал:

— Все против вас. Они вас всегда ненавидели, поскольку вы превосходили их умом. Они убеждены, что вы их сознательно притесняете, что их заслоняет ваша тень, что вы превратили их в незначительных людей.

— Итак, он пользуется ею, чтобы шпионить за нами! — с кривой усмешкой и нескрываемым триумфом воскликнул Петти.— Слава богу, утешением будет знать, что в одном мы едины — диктатуре Кира Грея пришел конец.

— Вовсе нет! — Голос правителя был почти сладок.— Я настолько не согласен с вами, что через десять минут все вы окажетесь у стенки перед взводом стрелков. Я колебался, принимать ли столь радикальные меры, но у меня нет иного выхода. Я даже не могу вернуться назад, ибо совершил необратимый поступок. Я включил звонок, который предупредил одиннадцать офицеров охраны, командующих вашей личной охраной, ваших верных заместителей и ваших *наследников,* что час пробил.

Они смотрели на него, ничего не понимая. Он продолжил:

— Видите ли, господа, вы не учли опасного инстинкта человеческой натуры — жажда власти обуревает ваших подчиненных не меньше, чем вас самих. Идея принять такое решение пришла мне в голову некоторое время назад, когда ко мне явился заместитель Петти и сообщил, что готов его заме-

нить. Я должным образом, с особой тщательностью изучил вопрос. Результаты оказались обнадеживающими. Я решил, что эти люди должны находиться во дворце в день одиннадцатилетия Кэ... Кстати, вот и новые советники!

Двери распахнулись, и в комнату ворвались одиннадцать молодых людей с револьверами в руках.

— К оружию! — закричал Джон Петти.

— А я не захватил своего,— простонал кто-то.

Комнату наполнил грохот выстрелов.

Люди корчились на полу в лужах крови. Кэтлин словно в тумане увидела человека, который стоял посреди зала, сжимая в руке дымящееся оружие. Она узнала Джона Петти. Человек, который должен занять его место, безжизненной куклой лежал на ковре. Начальник тайной полиции держал под прицелом Кира Грея.

— Я убью вас раньше, чем они пристрелят меня,— произнес он,— если вы не согласитесь заключить со мной договор. Теперь, после того как вы столь блестяще изменили ситуацию в свою пользу, можете рассчитывать на мою поддержку.

Старший офицер бросил на Кира Грея вопросительный взгляд.

— Убить его? — спросил он.

Это был худой брюнет с орлиным профилем и низким голосом. Кэтлин иногда встречала его во дворце. Его звали Джем Лорри. Она еще ни разу не пыталась прочесть его мысли, но сегодня поняла, что он полностью контролирует их, не позволяя проникнуть в свое сознание. Однако она все же сумела мысленно ощутить поверхность его разума — это был человек тщеславный, полный амбиций, никогда не испытывающий упреков совести.

— Нет...— задумчиво произнес Кир Грей.— Джон Петти будет нам весьма полезен. Он сможет объявить, что остальных казнили после полицейского расследования по тайному сговору со сланами. Объяснение будет именно таким,— продолжал диктатор,— подобное проходит лучше всего. Кстати, это была идея Петти, хотя мы и сами до нее додумались. Однако его свидетельство в подтверждение версии происшедшего будет особенно ценным. Думаю даже,— цинично добавил он,— пусть слава за расстрел принадлежит Петти. Якобы

он был так поражен злокозненностью своих коллег, что решил действовать сам, а затем явился во дворец вымаливать у меня прощение, которое и было ему даровано после того, как он предъявил все доказательства заговора. Что вы скажете на это?

— Великолепно,— согласился Джем Лорри.— Только хотелось бы уточнить один момент — я говорю от имени всех новых советников. Мы нуждаемся в вас, в вашем авторитете, в вашем уме и готовы превратить вас в глазах народа в бога. Иными словами, упрочить ваше положение и сделать его неколебимым. Но это не значит, что мы допустим ваш сговор с нашими заместителями. Во второй раз ваша хитрость не пройдет.

— Не стоило подчеркивать столь очевидную истину,— сухо ответил Кир Грей.— Освободите кабинет от этой падали, затем нам надо будет принять ряд мер. А ты, Кэтлин, отправляйся спать. Теперь ты нам будешь мешать.

Возвращаясь к себе в спальню, еще не оправившаяся от переживаний, Кэтлин повторяла про себя: «Теперь ты нам будешь мешать». Что он хотел этим сказать? Что... Или это означало... После всех убийств, происшедших у нее на глазах, она уже не могла быть уверенной ни в нем, ни в чем остальном. И долго-долго не могла заснуть.

На следующий день она все еще оставалась в живых. И на следующий день. На третий день, проходя по коридору, она осознала, что за ней следует Дени Динсмор. Она почувствовала какое-то мысленное отвращение к себе и остановилась.

Он подбежал к ней и, сдерживая дыхание, произнес:

— Все в порядке. Мы снова можем быть друзьями.

Кэтлин взглянула на него, но ничего не сказала.

— Ты должна меня простить,— продолжал Деви после легкой заминки.— Когда я услышал о том, что должно произойти после твоего дня рождения — отец предупредил меня,— я испугался. Он сказал, чтобы я сделал вид, будто настроен против тебя. Я пытался что-то придумать, как-нибудь тебя предостеречь. Но ты не стала бы читать мои мысли. Я видел, что не стала бы.

Его рассказ и поведение сделали происшедшее три дня назад настолько очевидным, что Кэтлин воскликнула:

— Ох!

После этого она сделала шаг в его сторону, порывисто обняла и со слезами поцеловала в щеку.

— Ты спас мне жизнь,— прошептала она.— Если бы я не знала заранее, не представляю, что бы тогда было.

Глава 4

Джомми Кросс все еще ощущал полную пустоту в голове, затем в сером полумраке замелькали смутные мысли. Он открыл глаза, ощущая невероятную слабость.

Он лежал в крохотной каморке — потолок в грязных потеках с отвалившейся местами штукатуркой. Замшелые стены покрыты слоем многолетней грязи. Через растрескавшееся стекло единственного окна с трудом пробивался свет, который позволял разглядеть походную койку.

Лохмотья на ней служили одеялом. Из матраса торчала солома. В комнатушке пахло затхлостью и прогорклым маслом. Несмотря на недомогание, Джомми отбросил подобие одеяла и попытался встать. Послышался звон, и Джомми вдруг ощутил острую боль в правой щиколотке. В полном отчаянии упал на постель, силы словно покинули тело. Оказывается, его цепью приковали к этому грязному ложу!

Тяжелые шаги вывели Джомми из забытья. Открыв глаза, он увидел на пороге высокую худую женщину, одетую в серый бесформенный балахон. Ее черные гагатовые глаза в упор смотрели на него.

— А,— хмыкнула она,— новый пансионер Бабуси излечился от лихорадки: теперь можно и познакомиться. Вот так-то! Хорошо! — Она потерла ладонью о ладонь, послышался сухой шорох.— Мы договоримся, не так ли? Но тебе придется зарабатывать на хлеб. Бабуся лентяев не держит. Нет, сэр! Мы обо всем этом поговорим по душам! Да-да,— добавила она, бросив на него ироничный взгляд,— по душам.

Джомми смотрел на старуху, испытывая одновременно восхищение и отвращение. Тощее существо со стонами наклонилось к ножке кровати, и он поджал под себя ноги, насколько позволяла ему цепь. Еще ни разу он не видел лица, на котором даже морщинистая кожа была прямо-таки пропитана злобой. Со все возрастающим отвращением он сравни-

вал маленькую встрепанную яйцеобразную головку с населявшими ее мыслями — каждая морщина на истерзанном лице имела свою сестру в извращенном мозгу. Под ее черепом прятался гнуснейший мир образов.

Она прочла отразившиеся на его лице мысли и внезапно проговорила:

— Да-да, глядя на Бабусю, не скажешь, что она была известной красоткой. Не сомневайся, мужчины валялись у ее ног. Но не забывай, эта старая развалина спасла тебя. Не забывай об этом никогда, иначе Бабуся сдаст неблагодарного негодника полиции. Они будут очень довольны! Но знай, Бабуся всегда любезна с теми, кто любезен с ней, и делает то, что она хочет.

Бабуся! И как только эта старая продажная колдунья могла называть себя так! Бабуся!

Он обшарил мозг старухи, пытаясь узнать ее подлинное имя. Но увидел лишь теснящиеся там неясные образы — глупая, стремящаяся к сценической карьере девочка, единственным богатством которой была природная прелесть, погубленная и растоптанная. Ее выбросили на обочину, и она возненавидела весь мир. Даже ее имя оказалось погребенным под тем злом, которое она совершила и совершала. Это было долгое прошлое воровки. Калейдоскоп мерзких преступлений. На ее совести было убийство...

Дрожа и испытывая невероятную усталость от того, что он разглядел в старухе, Джомми отстранил от себя ужасную картину ее сознания. Старая колдунья наклонилась над ним, глаза ее сверкали.

— Это правда, что сланы могут читать мысли?

— Да,— признался Джомми,— и я прочел ваши, но вы напрасно теряете время.

Они зловеще скривилась.

— Значит, ты не все прочел в мыслях Бабуси. Бабуся не сумасшедшая. Бабуся хитрая, и она знает, что нельзя заставить слана служить себе. Он должен быть свободен, чтобы делать то, что ей надо. Надо, чтобы слан понял: ему не найти лучшего убежища, пока он не станет взрослым. Послушай, разве Бабуся не хитроумна?

Джомми вздохнул и сонным голосом ответил:

— Я вижу ваши мысли, но пока не могу говорить с вами.

Когда сланы болеют — а это случается не часто,— им необходим сон, они должны много спать. Я проснулся только потому, что мое подсознание забило тревогу и пробудило меня, почувствовав, что мне грозит опасность. У сланов много таких механизмов защиты. Но теперь я должен спать, чтобы обрести прежнюю форму.

Черные глаза старухи вспыхнули. Хищный разум отказался от возможности извлечь немедленную выгоду. Алчность на мгновение уступила место любопытству, но она вовсе не собиралась оставлять Джомми в покое.

— Правда, что сланы превращают людей в чудовищ?

Волна гнева пронеслась в голове Джомми. Он сбросил оцепенение и в ярости сел на своем нищенском ложе.

— Ложь! Ужасная ложь, которую люди распространяют про нас, чтобы лишить нас человеческих черт, чтобы возбудить против нас ненависть и чтобы убивать. Это...

Он без сил откинулся на подушку. Ярость его утихла.

— Мой отец и мать были замечательными,— тихо произнес он,— но были очень несчастны. Они встретились однажды на улице и прочли в мыслях друг друга, что они сланы. До этого они оба жили в невероятном одиночестве, но никогда никому не причинили зла. Преступниками являются люди. Папа не стал защищаться так, как мог, когда они преследовали его и убили из-за угла. А он мог защититься. И должен был это сделать! У него было самое ужасное оружие из всего, что когда-либо было изобретено... Такое ужасное, что он не носил его при себе, опасаясь, что при каких-то обстоятельствах воспользуется им. Когда мне исполнится пятнадцать, я должен буду...

Он замолчал, ужаснувшись собственной неосторожности. На мгновение он почувствовал себя таким больным и усталым, что подумал — ему не хватит сил вынести груз собственных мыслей. Он повторял себе, что выдал самую главную тайну сланов и что все будет потеряно, если эта хищная старуха сдаст его полиции в ослабленном состоянии.

Но понемногу Джомми успокоился. И понял, что старуха не придала значения его словам. Когда он заговорил об оружии, она уже не слушала его — он слишком отклонился от темы, которая ее интересовала. И теперь она, будто стервят-

ник, кружила вокруг своей добычи, зная, что добыча эта на грани истощения.

— Бабуся довольна тем, что Джомми такой славный мальчик. Бедная Бабуся умирает с голоду, и ей нужен молодой слан, чтобы он кормил ее. И ведь ты не станешь лениться, будешь работать на старую бедную Бабусю? Ты хорошо знаешь — у тебя нет выбора,— скрипучим голосом добавила она.

Сообразив, что тайна его осталась при нем, он расслабился. Глаза его закрылись.

— Уверяю вас,— прошептал он,— я не могу разговаривать сейчас, я должен спать.

Он понимал, старуха не оставит его в покое. Она уже знала, что его раздражает, и настойчиво приступила к расспросам, хотя это ее и не интересовало. Она просто-напросто мешала ему заснуть.

— Кто такие сланы? Чем вы отличаетесь от нас? И откуда взялись эти сланы? Их производят, как роботов?

Почему он позволил себе прийти в ярость, хотя знал, что старуха добивалась именно этого?

Он смутно сознавал, что слабость снижает контроль над мозгом, который он мог поддерживать должным образом только в нормальном состоянии.

— Еще одна ложь! — едва сдерживая гнев, сказал он.— Я родился, как и все. Как и мои родители. Ничего больше я не знаю.

— Твои родители должны были знать! — настаивала Бабуся.

Джомми тряхнул головой. Он буквально засыпал.

— Нет, мама говорила, что отец был слишком занят, чтобы заниматься раскрытием тайны сланов. Теперь оставьте меня в покое. Я знаю, что вы хотите сделать, но это бесчестно, и я этим заниматься не буду.

— Идиот! — взвыла старуха.— Неужели ты думаешь, что бесчестно обкрадывать людей, которые сами живут за счет воровства и мошенничества? Неужели Бабусе и тебе надо питаться хлебными корками, когда мир так богат, а сейфы ломятся от золота, когда амбары переполнены зерном, а по улицам текут медовые ручьи? К черту твою честность! Так считает Бабуся. Неужели загнанный как крыса слан может говорить о честности?

Джомми не ответил. И не потому, что хотел спать.

Подобные мысли приходили в голову и ему. А старуха продолжала:

— Куда ты пойдешь? Что будешь делать? Спать под мостами? А зимой? Скажи-ка мне, куда может отправиться маленький слан?

Она попыталась придать своему голосу нотку сострадания.

— Твоя бедная дорогая мамочка захотела бы, чтобы ты делал то, о чем тебя просят. Она не любила людей. Я сохранила газету, чтобы показать тебе. Сам увидишь — они прикончили ее, как собаку, когда она пыталась скрыться от них. Принести тебе?

— Нет! — в отчаянии закричал Джомми.

Скрипучий голос продолжал:

— Ты не хочешь причинять зла миру, который так безжалостно поступил с тобой? Не хочешь, чтобы они заплатили за все? Не хочешь, чтобы они раскаялись в своей злобе? Тебе не страшно?

Он упрямо молчал. Старуха захныкала:

— У Бабуси слишком тяжелая жизнь для старухи... слишком тяжелая. Если ты не поможешь, ей придется вновь заняться погаными делишками. Ты прочел в ее мозгу, чем она занималась. Но она обещает отказаться от непотребных делишек, если ты согласишься помогать ей. Подумай об этом! Она забудет обо всех своих способах выжить в этом жестоком мире.

Джомми понял, что проиграл.

— Вы — старая грязная мерзавка! — медленно процедил он.— И когда-нибудь я вас прикончу!

— Значит, до того времени остаешься! — Бабуся не скрывала торжества.

Она потирала руки, пальцы шуршали, словно змеиная кожа.

— Ты будешь делать все, что скажет Бабуся, иначе она тут же сдаст тебя полиции... Добро пожаловать в мой скромный дом, Джомми. Добро пожаловать. Ты будешь чувствовать себя лучше, когда проснешься. Бабуся надеется на это.

— Да,— голос Джомми слабел,— мне будет лучше.

Он заснул.

Через трое суток Джомми прошел вслед за старухой на кухню. Это была пустая комнатенка. Джомми старался не замечать грязи и царящего там беспорядка. Старуха была права. Какой бы ужасной ни представлялась его будущая жизнь здесь, но эта лачуга, затерянная в глубине бедного квартала, была идеальным убежищем для юного слана. А ведь ему надо было ждать целых шесть лет, только тогда он сможет отправиться к тайнику, где отец спрятал свои секреты. К тому же ему еще предстоит долгий путь, пока он сможет заняться теми важными делами, которые ему были предназначены.

Распахнулась задняя дверь, и то, что он увидел, оборвало его размышления. Джомми застыл, глядя на открывшуюся глазам убогость. Такого он не ожидал!

Двор был завален хламом и каким-то искореженным железом. Ни единой травинки, ни единого деревца тут не было — унылый голый клочок земли, обнесенный оградой из ржавой проволоки, протянувшейся от одного полусгнившего столба к другому. В глубине двора чудом уцелел полуразвалившийся сарай. Из открытой двери торчала лошадиная морда.

Но взгляд Джомми уже ушел за пределы двора, почти не замечая неприятных деталей. Он миновал изгородь, прошел сарай. Позади была небольшая рощица, а за ней зеленый луг, полого спускавшийся к большой реке. Она уже не сверкала — заходящее солнце не касалось ее вод своими огненными пальцами.

Но даже луг — походя он отметил, что тот был частью поля для гольфа,— только на мгновение задержал его взгляд. На другом берегу реки начиналась страна мечты, волшебный пейзаж, истинный рай, созданный руками садовника. Деревья заслоняли перспективу, и Джомми различил лишь краешек этого эдема со сверкающими фонтанами, террасами и клумбами. Но через этот кусочек парка тянулась белая аллея.

Аллея! Горло Джомми сжалось. Прямая лента уходила вдаль и исчезала в тумане. Но далеко-далеко, на границе зрения, которое намного превышало остроту зрения обычных людей, Джомми заметил дворец.

Он видел лишь часть этого удивительного здания. Оно вздымалось на три сотни метров, а над ним еще на сто пятьдесят метров взмывала башня. Сказочное творение! Сто пятьде-

сят метров хрупкого кружева сверкали всеми цветами радуги, здание было прозрачным, блестящим, фантастическим. Оно было построено в древние времена, роскошное и утонченное.

Шедевр архитектуры сланов, который пришлось отдать победителям.

Зрелище было слишком прекрасно. От него болели глаза, голову терзали колючие мысли. Девять лет он прожил на окраине города, ни разу не увидев этого чуда, этого творения его расы! Теперь, созерцая дворец, он силился понять, почему мать никогда не хотела ему его показывать. «Тебе будет тяжело, Джомми. Великолепный дворец сланов принадлежит теперь Киру Грею и его проклятым приспешникам. К тому же он находится в той части города, где против нас приняты особые меры предосторожности. У тебя еще будет время увидеть его».

Теперь он сожалел, что мать не привела его сюда раньше. У него было ужасное ощущение потери. В минуты отчаяния этот памятник, воздвигнутый его народом, только бы придал ему мужества.

«Люди,— говорила мать,— никогда не откроют всех тайн этого дворца. Он полон секретов, забытых комнат и ходов, чудес, о которых почти забыли и сами сланы. Кир Грей не подозревает об этом, но все оружие и все машины, которые безуспешно искали люди, спрятаны там».

Скрипучий голос резанул слух. Джомми с сожалением оторвался от созерцания сказочного зрелища и увидел Бабусю. Она впрягала лошадь в расхлябанную тележку.

— Хватит мечтать! — приказала она.— И не забивай башку пустыми мыслями. Дворец и парки не для сланов. А теперь лезь под тряпки и сиди там тихо. В конце улицы стоит шпик, которому пока не стоит знать, что ты здесь. Поехали, надо поспешить!

Взгляд Джомми последний раз остановился на дворце. Значит, это чудо не для сланов! Его охватила странная дрожь. Однажды он явится туда и отыщет Кира Грея. И тогда... Он дрожал от ярости при мысли об этих людях, убивших его отца и мать.

Глава 5

Громыхая, тележка выкатилась в город. Она содрогалась снизу доверху на выбоинах, пока ехали переулками, и Джомми казалось, что от тряски у него отрывается голова. Дважды он пытался привстать, и дважды старуха укладывала его на дно тележки своей клюкой.

— Веди себя спокойно! Бабуся не хочет, чтобы видели, какие на тебе хорошие одежки. Сиди под этой попоной.

Старая залатанная попона воняла лошадиным потом, и Джомми едва не рвало от едкого запаха. Наконец тележка остановилась.

— Вылезай,— сказала Бабуся,— и отправляйся в большой магазин. На подкладку пальто я пришила тебе большие карманы. Набей их товаром, но так, чтобы не было заметно.

Еще ничего не соображая, Джомми ступил на тротуар. Немного постоял пошатываясь. Наконец слабость прошла.

— Вернусь через полчаса,— сказал он.

Она склонила к нему жадное лицо. Черные глаза сверлили.

— Постарайся, чтобы тебя не схватили, и подумай хорошенько, что лучше брать.

— Можете не беспокоиться,— уверенно ответил Джомми.— Прежде чем что-либо взять, я мысленно оглянусь вокруг, проверяя, не смотрят ли на меня. Это не трудно.

— Вот и ладненько! — Морщинистое лицо расплылось в улыбке.— И не волнуйся, если Бабуси здесь не будет, когда вернешься. Я пойду в винную лавку напротив принять лекарство. Теперь Бабуся может и полечиться, ведь о ней заботится юный слан; а лекарство ей очень нужно, чтобы согреть старые косточки. Бабуся отправляется за лекарством.

Он нырнул в толпу у магазина и ощутил, как его сознание затопил страх, необычный гипертрофированный страх. Раскрыв свой разум, он долго вслушивался. Он чувствовал волнение окружающих, их неуверенность, их недомогание, но в основном от людей исходили мощные валы ужаса. Он вздрогнул и прервал контакт.

Но краткое погружение в чужие мысли позволило понять причину всеобщего страха. Во дворце происходили казни! Джон Петти, начальник тайной полиции, раскрыл заговор

десяти советников, которые заключили тайный сговор со сланами, и расстрелял их. Люди не очень верили этой истории. Они просто боялись Джона Петти. И не верили ему.

Внутри магазина было еще хуже, поскольку людей толпилось гораздо больше. Пока Джомми пробирался вдоль ярко освещенных рядов, мысли людей врывались в его мозг. Вокруг лежали немыслимые богатства, и ему удалось кое-чем завладеть с большей легкостью, чем он предполагал.

В ювелирном отделе Джомми опустил в карман подвеску ценой в пятьдесят пять долларов. Хотел походить по отделу еще, но его остановили мысли продавщицы. Она с недовольством, даже враждебно восприняла появление мальчугана. Ей не нравилось, что возле витрин с ювелирными изделиями и драгоценными камнями бродит ребенок.

Джомми повернулся, едва не толкнув высокого красивого мужчину, который продолжил свой путь, даже не бросив на мальчика взгляда. Сделав несколько шагов, мальчик вдруг застыл как вкопанный. Его мозг словно пронзило ножом. Но ощущение не было неприятным. К удивлению примешивалась радость — он обернулся и поискал взглядом незнакомца.

Это был слан, взрослый слан! Открытие было настолько важным, что мозг Джомми, осознав его, буквально вздрогнул от удара. Джомми не потерял спокойствия — оно составляло основу его темперамента слана — и не растерялся от наплыва эмоций, которые возобладали над ним во время болезни. Но почувствовал, как его наполняет живая, бьющая через край энергия.

Он поспешил за незнакомцем, пытаясь мыслью вступить в контакт с мозгом прохожего, но тщетно! Джомми нахмурился. Он понимал, что имеет дело со сланом, но не мог проникнуть внутрь его разума. На поверхностном уровне не ощущалось, что незнакомец заметил присутствие Джомми. Он, похоже, не обладал возможностью читать чужие мысли.

Здесь крылась какая-то тайна. Несколько дней назад он сам не мог прочесть того, что творилось в мозгу Джона Петти. Однако тогда у него ни на секунду не возникло сомнения, что перед ним человек. В чем заключалась разница?

Может быть, подобно его матери незнакомец мог прятать мысли от любого вмешательства, он все же мог войти с ней в контакт, излучая в ее сторону.

Напрашивалось поразительное заключение: он столкнулся со сланом, который не умел читать чужие мысли, но мог воспрепятствовать, чтобы прочли его собственные. Он постоянно держал мозг под контролем, но от кого защищался? От других сланов? И что же это за слан, который не может читать чужие мысли? Они уже вышли на улицу, и было просто в несколько шагов догнать его. Кто обратил бы внимание на бегущего в толпе мальчишку?

Но вместо того чтобы сократить расстояние между ними, он позволил незнакомцу уйти вперед. Логический фундамент, на котором зиждилось сознание Джомми, не мог осилить возникшей проблемы, но гипнотическое воспитание, данное отцом, запрещало принимать поспешные решения.

Через два дома от магазина слан свернул за угол, на широкую боковую улицу. Удивленный Джомми последовал за ним — он догадывался, что улица кончается тупиком и ведет к нежилым кварталам. Они миновали несколько домов, и Джомми понял, что не ошибся.

Слан направлялся к Центру аэронавтики, здания, мастерские и посадочные площадки которого занимали около двух квадратных километров. Это было невероятно. Ведь даже к самолету разрешалось приближаться только с непокрытой головой — под головным убором могли прятаться небольшие подвижные тендрилы сланов.

Незнакомец направился прямо к огромному светящемуся панно с надписью «ЦЕНТР АЭРОНАВТИКИ» и без колебаний миновал вращающуюся дверь.

Джомми остановился перед дверью. Центр аэронавтики контролировал всю авиационную промышленность планеты! Неужели тут работали и сланы? В самом сердце мира людей, яростно ненавидящих сланов? Неужели сланы держали в руках самую мощную транспортную систему планеты?

Толкнув вращающуюся дверь, Джомми оказался в мраморном вестибюле, куда выходили коридоры, вдоль которых тянулись двери кабинетов. Он никого не видел, но до него

доносились обрывки мыслей, наполнявших его удивлением и восторгом.

Центр кишел сланами. Тут их были десятки, сотни!

Распахнулись двери прямо напротив, и ему навстречу двинулись два молодых человека с обнаженными головами. Занятые спокойной беседой, они не сразу заметили Джомми. Он успел ухватить поверхностные мысли — спокойствие, уверенность в себе, удивительное отсутствие всякого страха. Два слана, едва вышедшие из юношеского возраста... и с обнаженными головами!

Обнаженная голова! Именно это поразило Джомми. Обнаженная голова и... отсутствие рожек-тендрил.

На мгновение Джомми показалось, что у него что-то не в порядке со зрением. Его взгляд лихорадочно искал золотистые рожки, которые должны были находиться на их головах! Так вот в чем дело! Вот почему они не могли читать чужие мысли. Молодые люди находились в двух метрах, когда вдруг заметили его.

— Малыш,— сказал один из них,— тебе надо уйти отсюда. Детям вход сюда запрещен. Давай беги!

Джомми затаил дыхание. Он ожидал гнева. Но его успокоило то, что тайна разъяснилась. Как замечательно, что у них отсутствовали рожки, позволяя жить и работать среди заклятых врагов! Широким, почти театральным жестом он сорвал с головы кепку!

— Не бойтесь,— начал он,— я...

Слова застыли у него на губах. Он испуганно смотрел на молодых людей — после мгновенного замешательства они тут же поставили защитный экран. Но лица их хранили любезную улыбку. Один из них произнес:

— Какой приятный сюрприз!

Второй подхватил:

— Удивительно приятный! Добро пожаловать, малыш!

Но Джомми уже не слушал их. Его мозг содрогнулся, приняв мысли, что возникли в мозгу каждого в момент, когда они заметили золотистые рожки в его волосах.

«Боже! — подумал первый.— Гадина!»

«Надо тут же прикончить этого гаденыша!» — Второй был безжалостнее.

Глава 6

С момента, когда Джомми прочел мысли двух сланов, перед ним была только одна проблема — успеет ли он удрать. Ошеломление от их враждебности не повлияло на его рефлексы.

Он знал, что попытка броситься назад по коридору и пробежать несколько сотен метров по сверкающему мраморному полу до входной двери равнозначна самоубийству. Его ноги девятилетнего ребенка не в силах тягаться с ногами двух сланов в расцвете сил. Был лишь один выход, и он тут же отскочил в сторону к одной из сотен дверей, что тянулись вдоль коридора.

К счастью, она не была заперта на ключ. Дверь открылась с удивительной легкостью, но он постарался не распахивать ее широко, а проскользнул в узкую щель. Там оказался новый пустой коридор, и он захлопнул дверь за собой и быстро повернул замок. От щелчка сердце его радостно подпрыгнуло.

Через секунду послышался глухой удар — сланы бросились на дверь, но она даже не дрогнула.

Джомми сообразил, что дверь изготовлена из сплошного металла, чтобы она могла выдержать мощный натиск. На какое-то время он был в безопасности!

Чуть расслабившись, он попытался войти в контакт с мозгом преследователей. Вначале ему показалось, что они по-прежнему строго контролируют свой мозг, но вдруг он ощутил тревожную нотку, пронзившую поверхностные мысли.

— Господи! — пробормотал один из них.— Быстрее включай сигнал тревоги. Если этот гаденыш узнает, что под нашим контролем воздушный транспорт...

Джомми не стал терять ни секунды. Его раздирало желание остаться и узнать тайну такой ненависти безрогих сланов к сланам истинным. Но любопытство уступило место здравому смыслу. Он со всех ног бросился прочь, зная, как должен поступить.

Он понимал, что коридор не долго будет надежным убежищем. В любой момент там мог кто-нибудь появиться, но его предупредят обрывки мыслей, если кто-то выйдет из-за по-

ворота. Он замедлил бег и стал поочередно дергать за ручки дверей. Четвертая открылась, и Джомми поспешно переступил порог. На противоположной стене комнаты было огромное окно. Он распахнул его, выскользнул наружу и на корточках уселся на карнизе. Свет из окон смутно высвечивал нечто вроде прохода между двумя высокими кирпичными стенами.

Он колебался лишь секунду, затем стал карабкаться вверх по стене. Это было нетрудно, его сильные пальцы легко нащупывали малейшую неровность. Густеющая тьма вначале немного мешала ему, но он быстро освоился. Наверху тянулись километры крыш, и, если ему не изменяла память, к зданиям центра с каждой стороны примыкали другие здания. Какой удачей было, что эти сланы не могли читать его мысли,— значит, он избежит их ловушек.

Тридцать первый этаж! Со вздохом облегчения Джомми вскочил на ноги — он стоял на плоской крыше. Ночь уже опустилась, но Джомми различал соседнюю крышу, которая почти примыкала к зданию. Спрыгнуть вниз на два метра не составляло труда. Куранты на соседней башне начали отбивать время — один... два... пять... десять! При десятом ударе Джомми расслышал легкий скрип — в крыше внизу раскрылось черное отверстие. Он замер, сдерживая дыхание.

Из черного отверстия выскользнул торпедообразный аппарат и рванулся в звездное небо. Он быстро набрал скорость, и, прежде чем затеряться вдали, корма его осветилась ослепительной вспышкой. Свет сиял какое-то мгновение, потом исчез, словно погасла звезда.

Джомми не двигался, пытаясь проследить траекторию странной машины. Звездолет. Это был звездолет! Неужели безрогим сланам удалось реализовать древнюю мечту человечества — межпланетные перелеты? Но как им удалось сохранить эту тайну от людей? И что все это время делали истинные сланы?

Снова послышался скрип. Он подполз к краю крыши и вгляделся во тьму. Ему удалось рассмотреть закрывающееся отверстие — две металлические панели скользили навстречу друг другу. Крыша снова приняла обычный вид.

Джомми выждал еще немного и прыгнул. Его заботило сейчас только одно — поскорее отыскать Бабусю. Придется пробираться обходными путями по улочке и проулкам. Легкость, с которой он ускользнул от сланов, вдруг показалась ему подозрительной. Впрочем, быть может, они не решились воспользоваться специальными средствами защиты из боязни открыть свои тайны людям.

Во всех случаях позарез нужно было такое убежище, как лачуга Бабуси. Пока ему не хотелось приступать к исследованию столь сложной и опасной проблемы, какой представлялся треугольник взаимоотношений: истинные сланы — люди — безрогие сланы. Надо было стать взрослым, только тогда можно вступать в борьбу с могущественным разумом, который ежедневно вел беспощадную войну.

Сейчас целью его было скорейшее возвращение к Бабусе, но следовало пройти через большой магазин, чтобы успокоить старую ведьму богатыми подарками. Ведь он был уверен, что опаздывает. Следовало поспешить — магазин закрывался в одиннадцать.

На этот раз Джомми не рискнул появиться в ювелирном отделе — продавщица, которая не любила видеть в своем отделе детей, была по-прежнему на службе. В магазине хватало других отделов, и он без труда набил карманы хорошими и не очень крупными вещами.

Наконец он двинулся к ближайшему выходу. По пути ему встретился вышагивающий с задумчивым видом толстяк лет пятидесяти. Это был главный бухгалтер магазина, он думал сейчас о четырех тысячах долларов, которые сегодня останутся на ночь в сейфе. Джомми прочел одновременно в его мозгу и номер кода.

Он удалился, досадуя на себя, что не подумал об этой возможности раньше. Какой смысл воровать товары, которые надо перепродавать с риском для себя, когда проще взять деньги.

Бабуся была на том же месте, где они расстались, но находилась в таком возбуждении, что ему пришлось ждать, когда она успокоится, чтобы понять ее.

— Лезь скорее под тряпки,— прохрипела она.— Полицейский только что велел мне убираться отсюда.

Метров через пятьсот она остановила тележку и приподняла тряпки, под которыми прятался Джомми.

— Где ты шатался, грязный и неблагодарный мальчишка? — проворчала она.

Джомми не стал терять времени на объяснения. Он слишком презирал ее, чтобы произносить больше слов, чем следовало. Видя, с какой жадностью она разглядывает разложенную на коленях добычу, он содрогнулся от отвращения.

Старьевщица быстро оценила стоимость краденого и упрятала все в двойное дно тележки.

— Не меньше пары сотен долларов для Бабуси! — восхищенно пробормотала она.— Столько даст старина Финн. Ах, как права была Бабуся, когда изловила юного слана! Он принесет ей к концу года не десять тысяч, а целых двадцать тысяч долларов! Надо было назначать за его поимку миллион!

— Я могу сделать и кое-что получше! — предложил Джомми. Он решил сразу сказать ей о сейфе, чтобы какое-то время не заниматься мелкими кражами.— В сейфе лежит около четырех тысяч долларов. Могу их взять сегодня ночью. Заберусь по задней неосвещенной стене. Вырежу стекло из окна... У вас есть алмаз для резки стекла?

— Бабуся раздобудет тебе алмаз! — прошипела старуха. Ей хотелось плясать от радости.— Ох, как довольна Бабуся! Теперь она понимает, почему люди убивают сланов. Сланы слишком опасны. Честное слово, они могут обобрать всю Землю. Что они когда-то и попытались сделать. Тебе известно об этом?

— Я почти ничего про это не знаю,— медленно проговорил Джомми.

Ему и хотелось, чтобы Бабуся знала чуть побольше, но он видел, что голова ее пуста. В ней витали лишь обрывки неясных представлений о том далеком периоде, когда сланы попытались завоевать Землю. Она знала не больше его самого и не больше остальной массы людей.

В чем крылась истина? Происходила ли когда-нибудь война между сланами и людьми? Или все было делом рук пропаганды, которая распространяла кошмарные слухи о том, как сланы обращались с человеческими детьми? Джомми вдруг ощутил, что Бабуся снова думает о деньгах магазина.

— Только четыре тысячи долларов! — вдруг воскликнула она.— Они ежедневно должны получать сотни тысяч... миллионы долларов!

— Они не хранят такие суммы в магазине,— сказал Джомми и с облегчением вздохнул: старуха без возражений приняла его ложь.

Тележка покатила дальше, и Джомми удивился, с какой легкостью солгал. Но через некоторое время сообразил, что у него сработал инстинкт самосохранения: если старухе сразу принести слишком большие деньги, она тут же предаст его.

А ему надо было провести целых шесть лет в надежном убежище, каким была лачуга Бабуси. Проблема состояла в том, чтобы знать, каков потолок запросов, чтобы найти золотую середину между истинными нуждами и природной жадностью старухи.

В этом крылась новая опасность. Эту женщину отличали невероятный эгоизм и трусость, а потому она могла в любой момент поддаться панике, жертвой которой он станет, не успев сообразить, какая опасность ему угрожает.

Сомнениям тут не должно быть места. Среди всех опасностей, которые будут грозить ему в течение шести лет до того дня, когда он овладеет знанием своего отца, эта колдунья представляла собой главную опасность.

Глава 7

Бабусю портили деньги. Порою она исчезала на несколько дней, и впоследствии из ее бессвязной болтовни становилось ясно, что старая женщина предавалась удовольствиям, которых так жаждала. Вернувшись домой, она практически не расставалась с бутылкой. Нуждаясь в том, чтобы Бабуся была все время под боком, Джомми готовил для старухи еду; только благодаря этому она и оставалась жива, несмотря на свои излишества. В силу необходимости — когда она оказывалась без денег — он принимал участие в ее случайных набегах, а в остальном старался не мешаться у нее под ногами.

Свободное время — которого у него было более чем достаточно — Джомми тратил на приобретение новых знаний, что было нелегко. В основном вокруг обитали бедные люди, не-

образованные, даже неграмотные, но и среди этих людей попадались наделенные живым умом. Расспрашивая их и о них, Джомми выяснял, кто они, чем занимаются и много ли знают. Для этих людей он был просто внуком Бабуси. Стоило им принять это родство как данность, и множество трудностей отпали сами собой.

Были и такие, конечно, кто не слишком верил в то, что у торговки старьем вдруг объявился родственник; они не доверяли ему. Однако враждебно относились к Джомми не многие; главным образом те, кто пострадал от острого языка Бабуси. Однако и их реакция сводилась к тому, что они просто не замечали его. Остальные были чересчур заняты, чтобы забивать себе головы мыслями о Бабусе или мальчишке.

Внимания некоторых он добивался настойчиво, но по возможности ненавязчиво. Студент, изучающий инженерное дело и называющий Джомми не иначе как «чертов приставала», тем не менее излагал ему основы своей науки. При этом он прояснял собственные мысли и собственное непонимание предмета, а временами хвастался, что знает предмет настолько хорошо, что в состоянии объяснить принципы инженерной науки даже десятилетнему мальчику; все это Джомми прочел в его мыслях.

Студент даже не догадывался, с каким не по годам развитым мальчиком имел дело.

В половине квартала дальше по улице жила женщина, ныне оказавшаяся в стесненных обстоятельствах, но до замужества много путешествовавшая по миру. Время от времени она угощала Джомми булочками, с горящими глазами рассказывая ему о мире и людях, которых встречала в нем.

Джомми не мог отказаться от угощения, потому что она этого не поняла бы. Однако кроме миссис Харди, ни один рассказчик на всем белом свете не мог похвастаться таким внимательным слушателем, как мальчик. Женщина с худым, измученным лицом, чей муж проиграл в азартные игры все ее состояние, она объездила Европу и Азию, и ее проницательный взгляд подмечал невероятное количество деталей. Она даже знала кое-что о прошлом стран, где побывала, хотя и довольно смутно.

Когда-то — так она слышала — в Китае жило очень много людей. Однако целая серия прокатившихся много лет назад кровавых войн выкосила наиболее населенные районы страны. Похоже, первопричиной этих войн были не сланы. Только в последние сто лет сланы обратили свое внимание на младенцев из Китая и прочих восточных стран — в результате люди, до этого терпимо относившиеся к существованию сланов, оказались настроены против них.

По словам миссис Харди получалось, что это было еще одно бессмысленное деяние сланов. Джомми слушал и запоминал информацию, но не верил в данное ему объяснение. Он спрашивал себя, какова истина на самом деле, и был полон решимости в один прекрасный день разоблачить ужасную ложь.

Студент-инженер, миссис Харди, бакалейщик, который когда-то водил реактивные самолеты, ремонтный мастер по радио и ТВ, старик Даррет — вот те, кто, не догадываясь об этом, пополняли знания Джомми на протяжении двух первых лет его жизни с Бабусей. Среди них мальчику больше всего повезло с Дарретом. Крупный, приземистый, одинокий, циничный человек семидесяти с лишним лет, когда-то он был профессором истории — однако история была лишь одним из множества предметов, касательно которых он представлял собой неистощимый кладезь знаний.

Ничего удивительного поэтому, что рано или поздно старик затронул тему войны со сланами. Ничего удивительного также, что Джомми сделал вид, что пропустил мимо ушей сказанное, будто ему это неинтересно. Однако однажды зимним днем эта тема возникла снова, как он и рассчитывал. И на этот раз Джомми сказал:

— Вы уже не первый раз упоминаете о каких-то войнах. Не может быть никаких войн. Эти люди просто преступники. С преступниками не воюют; их просто истребляют.

Даррет окаменел.

— Преступники... Юноша, то были великие дни. Говорю тебе, сто тысяч сланов практически захватили власть над миром. Они все прекрасно спланировали и действовали невероятно смело. Пойми, люди в массе своей всегда играют в чужую игру, не в свою собственную. И в итоге оказываются

в ловушке, из которой не могут выбраться. Все они прочно связаны с теми или иными группами и организациями; все они преданы идеям и другим людям, привязаны к географической местности. Достаточно захватить учреждения, которые они поддерживают... вот тебе и метод.

— И сланы сделали *это?* — спросил Джомми так взволнованно, что сам испугался; это могло выдать его чувства. Он тут же добавил более сдержанно: — Это звучит как сказка. Ну, или пропаганда, чтобы напугать нас... вы уже рассказывали о таких приемах.

— Пропаганда! — запальчиво воскликнул Даррет. И надолго смолк, наполовину прикрыв большие выразительные глаза темными веками. Наконец он медленно заговорил снова: — Попробуй отчетливо представить себе это, Джомми. Мир оказался поставлен в тупик, сбит с толку. Повсюду младенцы стали субъектами ужасной кампании сланов, целью которой было создавать новых сланов. Цивилизация начала распадаться. Многие сходили с ума. Самоубийства, убийства, преступность... Хаос разросся до невиданных размеров. И однажды утром, не имея ни малейшего понятия, как это было сделано, человеческая раса проснулась и обнаружила, что ночью враг захватил власть. Действуя изнутри, сланы сумели подчинить себе все ключевые организации. Когда ты осознаешь, насколько жестки системообразующие структуры нашего общества, тебе станет ясно, до какой степени беспомощны поначалу были люди. Мое личное мнение, что, провернув все это, сланы смогли бы выйти сухими из воды — если бы не одна вещь...

Джомми ждал, не произнося ни слова, но имея скверное предчувствие насчет того, что сейчас услышит.

Старик Даррет заговорил снова:

— Они безжалостно продолжали делать сланов из человеческих младенцев. В ретроспективе это представляется даже отчасти глупым.

Даррет и остальные «учителя» — это было только начало. Джомми выискивал осведомленных людей на улицах, поверхностно обшаривая их сознание. Он тайком пробирался на территорию университета, прятался где-нибудь и телепатически «слушал» лекции. Книг в его распоряжении было сколь-

ко угодно, но книг оказывалось недостаточно. Кто-то должен был их интерпретировать, объяснять. Его интересовало все — математика, физика, химия, астрономия. Его желаниям не было предела.

За шесть лет, прошедших между его девятым и пятнадцатым днем рождения, он подошел к началу того, что, по словам его матери, можно было охарактеризовать как основные познания взрослого слана.

На протяжении всех этих лет он осторожно, с расстояния, наблюдал за сланами из Центра аэронавтики. Каждый вечер ровно в десять их космический корабль уходил в небо. Каждую ночь в два тридцать из космоса появлялся другой, похожий на акулу монстр, темный и молчаливый, и, словно призрак, опускался на крышу того же здания. Все было организовано с неукоснительной точностью.

Только дважды за эти годы в трафике был сделан перерыв, каждый раз на месяц и каждый раз, когда Марс, следуя по своей эксцентрической орбите, оказывался на самой дальней стороне от Солнца.

Джомми держался от Центра подальше, поскольку практически с каждым днем его уважение к могуществу сланов возрастало. И с каждым днем становилось яснее, что только случай спас его в тот день, когда он выдал свой секрет двум взрослым. Случай и момент неожиданности: им и в голову прийти не могло, что они встретят там Джомми.

Что касается главных секретов сланов, он не узнал ничего. Чтобы скоротать время, мальчик развил бурную практическую деятельность. Прежде всего ему нужен был тайный способ сбежать — тайный не только от всего остального мира, но и от Бабуси; и во-вторых, он не мог больше жить в такой жалкой лачуге. Месяцы потребовались на прокладку сотен ярдов туннеля и еще месяцы на то, чтобы переделать их дом изнутри, превратив его в жилище с покрытыми прекрасными панелями стенами, великолепным потолком и пластиковым полом.

По ночам Бабуся воровала мебель, но заваленный хламом двор и внешний вид лачуги не претерпели никаких изменений. На все это ушло около года — главным образом из-за пристрастия Бабуси к бутылке.

Его пятнадцатый день рождения... В два часа дня Джомми отложил книгу, которую читал, снял домашние тапочки и надел ботинки. Настал час решительных действий. Сегодня он должен отправиться в катакомбы и проникнуть в секрет отца. И поскольку тайные пути сланов ему неизвестны, придется рискнуть и войти через общедоступный вход.

Мысль о возможной опасности прошла лишь по краю сознания. Эта дата была гипнотически внедрена отцом в его разум много лет назад. Казалось важным, однако, суметь выскользнуть из дома таким образом, чтобы старая женщина не заметила его ухода.

Он без малейшего чувства отвращения слегка коснулся потока ее мыслей, сумбурных, потрясающе злобных.

Джомми Кросс нахмурился. Посреди кромешного ада старушечьих воспоминаний (поскольку, будучи под хмельком, она жила исключительно в своем изумительном прошлом) мелькнула быстрая хитренькая мыслишка: «Нужно избавиться от этого слана... сейчас, когда у Бабуси есть деньги, он опасен. Нельзя, чтобы он заподозрил... не думай об этом...»

Джомми Кросс нерадостно улыбнулся. Уже не в первый раз он наталкивался в ее сознании на такие вероломные мысли. С внезапной целеустремленностью он закончил шнуровать ботинки, встал и вошел к ней в комнату.

Бабуся лежала, развалившись под простынями, заляпанными коричневыми пятнами алкоголя. С похожего на сморщенный пергамент лица тупо таращились глубоко запавшие черные глаза. Глядя сверху вниз на нее, Джомми Кросс ощутил дрожь сострадания. Прежняя Бабуся была ужасная, злобная, и все же она не шла ни в какое сравнение с этой ослабевшей старой пьяницей, которая лежала, словно какая-нибудь средневековая ведьма, таинственным образом перенесенная в голубую с серебром постель будущего.

Ее глаза, казалось, только сейчас ясно разглядели его, с губ вереницей срывались злобные проклятия.

— Чего тебе? Бабуся хочет побыть одна,— услышал Джомми.

Сострадание испарилось. Он холодно посмотрел на нее.

— Просто хочу тебе предостеречь. Совсем скоро я оставлю тебя, и тебе не придется больше тратить время, придумы-

вая способы выдать меня. Учти, безопасных способов не существует. Твоя бесценная старая шкура не будет стоить и никеля, если меня схватят.

В черных глазах старухи блеснуло коварство.

— Думаешь, ты умный, ага,— забормотала она.

Какая-то новая мысль стояла за этими словами, но отследить ее Джомми не смог.

— Умный, да,— злорадно повторила она.— Бабуся, вот кто был самый умный, когда она поймала юного слана. Хотя теперь он опасен... надо избавиться от него...

— Ты старая дура,— спокойно сказал Джомми Кросс.— Не забывай — человек, давший приют слану, автоматически подлежит смертной казни. Твоя черепашья шея хорошо смазана грязью, так что визжать ты не сможешь, когда они тебя повесят, но будешь долго дрыгать своими тощими ногами.

Произнеся эти жестокие слова, Джомми повернулся и покинул комнату, а затем дом. В автобусе он думал: «Нужно хорошенько приглядывать за ней и как можно быстрее совсем уйти. Никто, имеющий серьезные намерения, не станет доверять *ей*».

Даже в центре города улицы были пусты. Выбравшись из автобуса, Джомми Кросс обнаружил, что там, где обычно было не протолкнуться, сейчас царит тишина. Никакой жизни, никакого движения. Он растерянно стоял на обочине, и думать позабыв о Бабусе. Распахнул пошире сознание, но поначалу улавливал лишь незначительные обрывки мыслей полупустого разума водителя автобуса, удаляющегося по улице, обычно забитой машинами. Солнце яростно освещало мостовую. Мимо поспешно пробежали несколько человек, но их сознание было настолько отравлено ужасом, что пробиться сквозь этот блок Джомми не удалось.

По мере того как тишина углублялась, его все сильнее охватывала тревога. Он обследовал дома вокруг, но и в них не обнаружил никаких признаков разума. Внезапно в боковой улочке послышался громкий шум двигателя, и на расстоянии двух кварталов оттуда вынырнул трактор, таща за собой огромную пушку, нацеленную в небо. Трактор протарахтел на середину улицы и после того, как от него отцепили пушку, скрылся в той же боковой улочке, откуда появился. Вокруг пушки за-

суетились люди, готовя ее к стрельбе; потом они замерли рядом наготове, глядя в небо и напряженно ожидая чего-то.

Джомми Кросс хотел подойти поближе, чтобы прочесть их мысли, но не осмелился. Болезненное чувство, что он выставлен на всеобщее обозрение и что это очень опасно, становилось все сильнее. В любую минуту мимо могла проехать военная или полицейская машина, и те, кто сидит в ней, наверняка спросят его, что он делает на улице. Его могли арестовать или приказать снять головной убор и продемонстрировать волосы на предмет обнаружения в них золотистых прядей, усиков-тендрил.

Затевалось что-то важное, и лучшим местом для Джомми были бы катакомбы, где он оказался бы не на виду, хотя и подвергся бы опасности иного рода. Он торопливо зашагал в сторону входа в катакомбы, что, собственно, и намеревался сделать, покидая дом. Свернул в боковую улицу... и тут ожил громкоговоритель на углу. Охрипший мужской голос громко проревел:

— Последнее предупреждение... Покиньте улицы! Расходитесь по домам! В настоящую минуту к городу на огромной скорости приближается неизвестный воздушный корабль сланов. Есть мнение, что он направляется в сторону дворца. Чтобы предотвратить вещание сланами очередной лжи, все радиоволны заглушаются. Покиньте улицы! *Корабль приближается!*

Джомми замер. В небе возникла серебристая вспышка, и потом прямо над головой пронеслась металлическая крылатая торпеда. Послышалось стаккато разрывов — это заработала пушка; в отдалении загрохотали другие орудия. И потом корабль превратился в далекую сверкающую точку, устремившуюся в сторону дворца.

Странно, но от ослепительного солнечного света заболели глаза. Джомми стоял в растерянности. *Крылатый корабль!* На протяжении последних шести лет он провел множество ночей, наблюдая за космическими кораблями, воспаряющими с крыши Центра аэронавтики. И всегда это были бескрылые суда на реактивных двигателях, ничего больше. Причем двигатели использовались только для начального толчка, а потом следовал свободный полет, как будто корабли подбра-

сывала вверх центробежная сила; скорее всего, они использовали антигравитацию! А здесь корабль был крылатый, со всем, что из этого вытекает: реактивные двигатели, жесткие ограничения, накладываемые земной атмосферой; в общем, ничего необычного. Если это лучшее, что в состоянии создать истинные сланы, тогда...

Испытывая острое разочарование, Джомми повернулся и начал спускаться по длинной лестнице, ведущей к общественному туалету. Здесь было так же тихо и пусто, как наверху, на улице. И для Джомми, прошедшего через огромное множество запертых дверей, не составило никакого труда отпереть состоящую из стальных полос дверь в катакомбы.

Он стоял, глядя по ту сторону двери и чувствуя, как нарастает напряженность внутри. Там была видна бетонная площадка, обрывающаяся во тьму; по-видимому, новые ступени. Горло перехватило, дыхание замедлилось, стало глубже. Пригнувшись, словно бегун на старте, он вошел внутрь и со всей возможной скоростью помчался вниз по темной сырой лестнице.

Где-то впереди монотонно зазвонил колокол, приведенный в действие фотоэлектрическим элементом, чей луч Джомми, видимо, пересек, когда входил в дверь,— установленная много лет назад защита от сланов и других нарушителей.

Колокол явно находился поблизости, и пока в открывшемся перед Джомми коридоре никакого присутствия разума не ощущалось. Возможно, все, кто охранял катакомбы, в данный момент находились так далеко, что не могли слышать звон. Вскоре Джомми увидел колокол, высоко на стене, блестящий, металлический, издающий свое громкое, размеренное «Бим! Бом!». Стена оказалась гладкой, как стекло; колокол висел на высоте больше двенадцати футов от пола. Он продолжал звонить, однако по-прежнему никаких, даже самых слабых признаков приближающегося разума не ощущалось.

«Это еще не факт, что никто не идет сюда,— подумал Джомми.— Каменные стены хорошо рассеивают мысленные волны».

Он подбежал к стене и с отчаянным усилием подпрыгнул, протянув руку к колоколу. Пальцы процарапали мраморную стену всего в футе под колоколом. Джомми отступил, при-

знав свое поражение. Когда он завернул за угол, колокол продолжал звонить, но звук становился все слабее и слабее по мере того, как Джомми удалялся от него. Но даже когда наступила тишина, призрачный звук продолжал звучать в его сознании, настойчиво напоминая об опасности.

Странно, но ощущение, что надо быть настороже, зудело в голове все сильнее, и Джомми внезапно показалось: колокол зазвонил опять, еле слышный издалека. А потом он осознал, что колокол действительно был, но это был другой колокол, и звонил он так же громко, как первый. Это означало (отчего страх лишь усилился), что, наверное, существовала целая цепь таких колоколов, посылающих тревожные сигналы, и где-то в разветвленной сети туннелей, услышав их, люди замирают и, многозначительно прищурившись, смотрят друг другу в глаза.

Джомми Кросс ускорил шаги. Сознательно он понятия не имел, куда идти; знал лишь, что отец с помощью гипноза запечатлел маршрут в его голове и ему остается лишь следовать указаниям подсознания. Они вспыхивали в мозгу резко, эти ментальные команды, вот как сейчас: «Вправо!»

На развилке Джомми свернул в более узкий из двух коридоров... и тот в результате привел его к потайному месту. Дальше все было достаточно просто: осторожно вынуть кусок мраморной стены, скользящий под его сильными пальцами. За ним обнаружилось темное пространство. Просунув туда руку, он нашарил металлический ящик и вытащил его. Сейчас Джомми вздрагивал, пальцы тряслись. На мгновение он замер, изо всех сил стараясь снова обрести самообладание. Перед его внутренним взором возник отец; он тоже стоял перед этим темным провалом в стене, пряча в него тайные вещи, которые когда-нибудь найдет его сын, если с ним самим что-то случится.

У Джомми возникло ощущение, что, возможно, это момент огромной важности в истории сланов; момент, когда дело погибшего отца переходит к пятнадцатилетнему сыну, который столько минут, столько часов и дней ждал наступления этого мгновения.

Ностальгические настроения внезапно растаяли; он услышал шепот чужой мысли.

«Проклятый колокол! — донеслось до Джомми.— Наверное, его задел кто-нибудь, когда бросился вниз при появлении корабля сланов в надежде спрятаться там от бомб».

«Да, но не стоит рассчитывать на это. Ты знаешь, какой жесткий приказ дан в отношении этих катакомб. Кто бы ни задел колокол, он все еще внутри. Лучше связаться с полицейской штаб-квартирой и поднять тревогу».

Джомми ощутил третью вибрацию:

«Может, парень заблудился».

«Вот пусть и объяснит это,— ответили ему.— Пошли к первому колоколу, с оружием наготове. Никогда не знаешь, что это может быть. По всему, что нам известно, сейчас, когда сланы летают по небу, они могли заслать некоторых своих сюда».

Джомми принялся осматривать ящик, пытаясь понять, как его открыть. Согласно полученной под гипнозом команде, следовало достать содержимое ящика, а сам ящик сунуть обратно в стену. Повинуясь этой команде, он даже не подумал о том, что можно просто унести ящик с собой.

На вид не было ни замка, ни защелки. И тем не менее что-то держало крышку снизу... скорее, скорее! Всего через несколько минут люди пройдут рядом с тем местом, где он стоял.

Бетонная площадка, тусклые мраморные коридоры, запах сырости, провода над головой, по которым течет питающее город электричество, мир вокруг катакомб и даже воспоминания прошлого — все эти образы вихрем проносились в сознании Джомми, пристально разглядывающего металлический ящик. Тут присутствовали и мысли о пьяной Бабусе, и загадка сланов — и все это смешивалось со стуком приближающихся шагов. Сейчас он слышал их совершенно отчетливо; трое мужчин, направляющихся в его сторону.

Чувствуя, как от усилия напрягаются мышцы, Джомми Кросс попытался сорвать с ящика крышку. И при этом едва не потерял равновесие, с такой легкостью она поддалась.

Внутри на груде бумаг лежал толстый металлический стержень. Это не удивило Джомми; напротив, он почувствовал облегчение, поскольку обнаружил то, что, как он *знал,* и долж-

но было находиться здесь. Ясное дело, гипноз отца продолжал действовать.

Металлический стержень с выпуклостями с обеих сторон имел около двух дюймов в ширину в центральной части, но сужался к концам. Одна выпуклость ощущалась как шероховатая; очевидно, чтобы удобнее было держать стержень. У основания этой выпуклости имелась небольшая кнопка, расположенная таким образом, что на нее было удобно давить большим пальцем. Все орудие испускало собственный слабый свет. Его, а также рассеянного освещения из коридора хватило, чтобы прочесть надпись на листе бумаги, лежащем сразу под стержнем.

«Это оружие. Используй его только в случае крайней необходимости».

Джомми Кросс настолько углубился в изучение стержня и надписи, что не заметил подошедших людей. Вспыхнул фонарик.

— Какого черта...— воскликнул один из них.— Руки вверх, эй, ты!

Впервые за шесть лет Джомми столкнулся с настоящей, угрожающей лично ему опасностью, но она ощущалась как нечто нереальное. В сознании медленно проползла мысль, что в своих рефлекторных реакциях человеческие существа не слишком-то быстры. А потом он достал лежащий в ящике стержень и без всякой спешки нажал на кнопку.

Если кто-то из людей и выстрелил, это потерялось в реве белого пламени, с невероятной силой вырвавшегося из конца стержня. Только что люди стояли здесь, угрожая ему — грубовато сложенные, неясно вырисовывавшиеся в полумраке фигуры; и в следующее мгновение под воздействием пламени от них не осталось ничего.

Джомми перевел взгляд на свою руку. Она дрожала. Да и внутри было неприятное ощущение. Еще бы! Он только что уничтожил троих людей. Постепенно глаза оправились от воздействия яростного сверкания, и зрение восстановилось. Коридор перед ним был совершенно пуст. Не осталось ни костей, ни кусков плоти или одежды, подтверждающих, что

совсем недавно тут стояли живые существа. Только в полу образовалась выемка, там, где его коснулось обжигающее пламя. Однако вряд ли это небольшое, с ровными краями углубление кто-нибудь заметит.

Он с усилием заставил пальцы перестать дрожать; тошнотворное чувство внутри тоже начало рассасываться. Никакого смысла переживать не было. Убийство — скверное дело, но эти люди расправились бы с ним без всякого сожаления, как когда-то другие обошлись с его родителями. И с бессчетным множеством сланов, умерших ужасной смертью из-за лжи, которую люди скармливали друг другу и глотали без малейшего сопротивления. Будь все они прокляты!

На него нахлынула волна неистовых эмоций. Он думал: возможно ли, что, становясь старше, сланы ожесточались и переставали испытывать сожаление, убивая людей? В точности как и люди, убивая сланов?

Взгляд Джомми упал на лист бумаги, на котором рукой отца было написано:

«... оружие. Используй его только в случае крайней необходимости».

Воспоминания нахлынули на него. Джомми вспомнил тысячи примеров благородства родителей и их выдающейся способности понимать других. Он не забыл ночь, когда отец сказал:

«Помни: как бы сильны ни стали сланы, проблема того, что делать с человеческими существами, остается препятствием на пути завоевания этого мира. И пока эта проблема не будет решена по законам справедливости и здравого смысла, использование силы было бы в высшей степени преступно».

Джомми почувствовал себя лучше. Вот оно, доказательство. Отец даже не носил с собой дубликат этого оружия, а ведь оно могло спасти ему жизнь. Он предпочел погибнуть от руки врагов.

Джомми Кросс задумался. Благородство — это, конечно, хорошо, и, возможно, он слишком долго прожил среди людей, чтобы быть настоящим сланом; и все же его не покидала убежденность, что сражаться лучше, чем умирать.

Эта мысль сменилась ощущением тревоги. Нельзя впустую тратить время. Нужно выбираться отсюда, и побыстрее! Он сунул оружие в карман куртки, достал из ящика бумаги и тоже рассовал по карманам. Потом засунул бесполезный, опустевший ящик в дыру в стене, задвинул на место каменную плиту, побежал по коридору, тем же путем, каким пришел, вверх по лестнице, и остановился только перед туалетом. Совсем недавно там было пусто и тихо; сейчас помещение было просто набито людьми. Джомми замер в нерешительности, надеясь, что толпа рассеется.

Однако люди входили, люди выходили, но общее их количество не уменьшалось, как не стихал поднимаемый ими шум и не унималась суматоха в их мыслях. Волнение, страх, беспокойство; были и те, в чьих головах билось осознание важности происходящих событий. И эхо этих мыслей изливалось туда, где в полумраке притаился Джомми. В отдалении все еще звонил колокол. Именно его безжалостное «Бим! Бом!» в конце концов и продиктовало, что нужно делать. Одной рукой сжимая в кармане оружие, Джомми осторожно сделал шаг вперед и открыл дверь. Закрывая ее за собой, он напряженно вслушивался, не появятся ли признаки тревоги.

Однако никто из набившихся в комнату людей не обратил на него ни малейшего внимания, когда он, проталкиваясь сквозь толпу, прокладывал себе путь к выходу. На улице было полно народу. Люди теснились вдоль тротуаров и даже на проезжей части. Полицейские свистели, громкоговорители ревели, но анархия толпы оказывалась сильнее. Ругаясь, вспотевшие водители бросали свои машины прямо посреди улицы и присоединялись к тем, кто слушал радио, вокруг которого стояло заграждение из пулеметчиков.

«Пока ничего точно не известно, даже то, сел ли корабль сланов на территории дворца или же лишь оставил сообщение и исчез. Никто не видел, как он приземлялся; никто не видел, как он улетел. Возможно, что он был сбит. В то же время вполне возможно, что в данный момент сланы совещаются во дворце с Киром Греем. Слухи об этом уже широко распространились, несмотря на заявление, сделанное несколько минут назад самим Киром Греем. Для тех, кто не слышал это заявление, я повторю его. Итак, леди и джентльмены,

вот текст заявления Кира Грея: "Оставьте волнения и тревоги. Экстраординарное появление корабля сланов ни в малейшей степени не влияет на позиции сланов и людей по отношению друг к другу. Мы полностью контролируем ситуацию. Они могут делать только то, что делали прежде, и в тех же жестких пределах. Количественное превосходство людей над сланами примерно миллион к одному; и, учитывая это обстоятельство, они никогда не осмелятся выступить против нас в открытую. Итак, успокойтесь..." Это, леди и джентльмены, было заявление Кира Грея, связанное с важнейшим событием сегодняшнего дня. Сессия Совета началась сразу же после того, как было сделано заявление. Повторяю, пока ничего точно не известно. Никто в городе не видел, как корабль приземлялся; никто не видел, как он исчез. Только властные структуры в курсе того, что происходит. Вы только что прослушали заявление самого Кира Грея. Сбит был корабль сланов или...»

Громкоговоритель вещал и вещал, без конца повторяя и заявление Кира Грея, и прочую сопутствующую однообразную информацию. В результате в голове Джомми все слилось в жужжание, бессмысленный рев, монотонный шум. И все же он не уходил, надеясь услышать что-нибудь новое, сгорая от зревшего в нем на протяжении всех пятнадцати лет страстного желания узнать побольше о других сланах.

Однако постепенно пламя его возбуждения начало медленно гаснуть. Ничего нового не сообщалось, и наконец он сел в автобус и поехал домой. Темнело; теплый весенний день заканчивался. Башенные часы показывали семнадцать минут восьмого.

В заваленный хламом двор он вошел с обычными мерами предосторожности. Мысленно проникнув внутрь обманчиво жалкой лачуги, он прикоснулся к сознанию Бабуси. И вздохнул. Все еще пьяна! Как, черт побери, эта полуразложившаяся карикатура на тело выдерживает такое? Столько спиртного! Ее организм уже давно должен был подвергнуться полному обезвоживанию. Он открыл дверь, вошел, закрыл ее за собой... и замер!

Его сознание, все еще контактирующее с разумом Бабуси, уловило некую мысль. Старая женщина слышала, как дверь

открылась и закрылась, и эти звуки ненадолго всколыхнули ее разум.

«Только бы он не узнал, что я позвонила в полицию. Выкинь это из головы... нельзя, чтобы слан болтался поблизости... это опасно... полиция перекроет все улицы...»

Глава 8

Семнадцатилетний Дэви Динсмор приближался к ней.

Кэтлин Лейтон прочла его мысли и сразу поняла, насколько важное решение предстоит ей принять. Он подошел к мраморному парапету, откуда она смотрела на окутанный легкой дымкой жаркого весеннего дня город.

Полосы тумана то и дело смещались. Они походили то на ватные облачка, скрывавшие дома, то на голубоватый дымок.

Глаза устали, зрелище утратило свою прелесть. Из открытых дверей тянуло прохладой, смягчавшей ярость солнца.

Она повернулась к Дэви. Его темные глаза впились в ее лицо.

— Вы прочли мои мысли? — спросил он. Дэви уже давно знал о ее способностях.— Я рад этому,— сказал он.— И считаю вас здесь самой красивой.

Она знала, что он действительно так думает. Время объяснения пришло. Она удивилась, что он совсем не испытывает смущения. Он ей даже немного нравился за то, что не противился, когда она занималась его воспитанием. Она кивнула:

— Да, я прочла вашу мысль.

Он самодовольно улыбнулся.

— Не сердитесь, но вы единственная желанная для меня девушка. И я не могу не добавить, что мой отец не прав.

Кэтлин ответила не сразу. Уильям Динсмор сделал отличную административную карьеру в правительстве. Он не был политиком, но как человек старой закалки имел собственное представление о том, как должен вести себя юноша. Он решил, что Дэви пора иметь любовницу.

А Дэви желал ее, Кэтлин. И хорошего в этом ничего не было. Истина крылась в том, что по своему умственному развитию и поведению она ощущала себя не стройной и гиб-

кой девушкой, а нормальной женщиной лет тридцати. Уже не первый год она пыталась найти замену Дэви. Он развивался по законам человека и был молод, а она по человеческим меркам уже достигла умственной зрелости.

Когда-то она сделала его своим другом. И пыталась развеять в нем заблуждения и ошибочные оценки. Она стала для него своеобразным воспитателем. Для слана это было удивительной возможностью попытаться воздействовать на человеческое поведение. Однако она долгое время поддерживала в нем убеждение, что была девушкой того же уровня развития, хотя на самом деле они уже давно жили в разных мирах. И поэтому его мечта превратить ее в свою подружку оказалась весьма не к месту.

Она решила сразу же поставить точку над «i» и спросила:

— Значит, ваш отец решил сделать из вас мужчину?

Дэви усмехнулся:

— Он хочет, чтобы это была взрослая женщина, но я сказал, что мне никого не надо, кроме вас. В конце концов он согласился с моими доводами.

Она видела, какую борьбу ему пришлось выдержать, и ее уважение к нему возросло. С его стороны это было проявлением истинных чувств.

Ей была понятна и философия мужчины в расцвете лет. Из истории было известно, что знатная молодежь с юных лет вовлекалась в любовные дела. Каждый желал получить власть над женщиной в мире, где — при равных возможностях — большинство женщин через своих мужей осуществляло собственную непреклонную волю. Отец Дэви хотел, чтобы сын получил первый урок от опытной женщины, а затем собирался подобрать ему вторую. Он полагал, что таким образом закалит сына, чтобы тот впоследствии не сломался.

С его точки зрения, мысль была разумной. Он не видел ничего особенного в любовных взаимоотношениях взрослой женщины с юнцом. Впрочем, он брал за основу невротическое поведение женщин, которые, не смущаясь, брали в любовники тинейджеров. Для слана это было невозможно.

— Я должна сообщить об этом мистеру Грею,— сказала Кэтлин.

Она следила за тем, как Дэви воспримет ее слова. Мысли его на мгновение смешались, лицо побледнело. Но он тут же тряхнул головой, как бы отбросив страх, и улыбнулся.

— Я против того, чтобы вы делали это. Но если он захочет со мной поговорить, я готов к встрече, коленопреклонениям и прочему.

Кэтлин сдержала улыбку. Он нравился ей за мужество, но она немного удивилась его здравому смыслу. Хотя он не первый рисковал собственной головой ради женщины. Ее вдруг охватило теплое чувство к нему, но одновременно и печаль — она теряла друга.

Кэтлин неожиданно сделала к нему шаг и поцеловала в щеку. Он обнял ее и подставил для поцелуя губы.

Она попыталась отступить. Но он был в таком напряжении, что она побоялась оскорбить его. Кэтлин подумала, что со стороны может показаться, будто ее целуют против воли. Вдруг сзади послышался резкий мужской голос, повелительный и резанувший по нервам:

— Это что еще за дела?!

Она отдала должное Дэви — тот не сразу отпустил ее и отступил. Он только на мгновение ощутил беспокойство, но тут же пришел в себя. Кэтлин повернулась и встретила разъяренный взгляд стоявшего в нескольких шагах мужчины.

Позади нее раздался голос Дэви:

— Дела? Я не понимаю вас, мистер Лорри.

Но голос его звучал не совсем обычно, он был глуховат и сдержан в присутствии могущественного советника Кира Грея.

Кэтлин едва успела схватить замешательство, скользнувшее по поверхности мозга Лорри,— Дэви явно не испытывал страха перед ним. Джем Лорри заколебался и нерешительно спросил:

— Вы сын Уильяма Динсмора?

— Да, сэр.

Лорри помолчал, потом сказал, явно не желая спорить:

— Мне хотелось бы поговорить с мисс Лейтон наедине.

— Хорошо, сэр,— кивнул Дэви, повернулся и пошел прочь. Но до Кэтлин долетела его мысль: «Увидимся позже».

Она уже решила для себя, что новой встречи не будет. Впредь все сложится по-иному.

Как только они остались одни, Лорри с сарказмом процедил:

— Полагаю, что умственное развитие слана-тинейджера выше, чем у человека того же возраста.

Он явно ревновал. Она отвернулась и поглядела на огромный город. Лорри был одним из самых привлекательных членов Совета, и она часто думала о нем. Но его философия восхождения к вершинам власти была так отравлена интригами, что Кэтлин чувствовала себя оскорбленной, когда вступала в контакт с ним. Словно не расслышав его реплики, она сказала:

— Я чувствую, вы намерены в ближайшие дни взять меня силой.

Он помолчал, потом спокойно подтвердил:

— Да.

— Я вас не понимаю,— сказала Кэтлин, глядя на него.— Вероятно, в окружении мистера Грея вы самый честный и порядочный человек, а строите такие планы.

— Слова «честь» и «порядочность»,— возразил Джем Лорри,— лишены смысла. Я удивлен, что вы пользуетесь ими. В нашем мире они лишены смысла. Мы, люди, действуем в таком окружении, где единственной опасностью являются предрассудки и эмоциональная реакция других человеческих существ. У меня есть намерение, желание сделать вас своей любовницей. До тех пор пока я не найду возможности обойти людские предрассудки, наше с вами положение останется неизменным, потом вы станете моей.

Он схватил ее за плечо и крепко сжал.

— Неужели вы станете отрицать, что я прав? И будете упорствовать, утверждая, что мои слова бессмысленны?

— Помните, что Ньютон сказал о законе гравитации? — спросила она.

Джем Лорри отпустил ее плечо и добродушно возразил:

— Ньютон давно умер.

— Он сказал,— продолжала Кэтлин,— а я цитирую: «Я не способен открыть особенности гравитации из самого явления, а потому не строю гипотез». Перефразируя его, мистер Лорри, скажу, что не способна открыть особенности жизни из

явления, а потому не строю гипотез. Но должна заметить, что люди действуют так, словно жизнь имеет смысл.

— Вы цитируете Ньютона? — недоуменно спросил Лорри.

— Слово за словом, страница за страницей, книга за книгой.

— И все понимаете?

— Лучше, чем он сам.

Джем Лорри за ее спиной глубоко вздохнул.

— Женщина, которая так много знает и которая обещает стать красавицей, очень желанна.

— Не понимаю.— Кэтлин улыбнулась.— В конце концов, во мне не больше привлекательности, чем в любой женщине. Вы можете получить от меня физически не больше, чем от своих трех женщин, которые вовсе не уступают мне в красоте. Но они любят вас.

— Любят? — Он выглядел удивленным.— Все три?

Она снова улыбнулась.

— А почему они уделяют вам столько времени, если не любят? Ответ очевиден. Каждая знает о соперницах, каждая злится и ревнует. Но каждая надеется, что именно она станет единственной избранницей вашего сердца.

— Эти женщины не способны понять такого мужчину, как я,— усмехнулся Джем Лорри.— В том мире, где я вращаюсь, мне желанна каждая красивая женщина. Я считаю, что это характерно для поведения всякого мужчины в жизни, и не собираюсь тут строить никаких гипотез. Что может быть для меня желаннее девушки-слана, обладающей к тому же более развитым интеллектом, чем обычные женщины.

Именно в этот момент он ослабил контроль над собой. Перед ней промелькнул калейдоскоп картин. Барьер рухнул, и она увидела... маленького, лишенного любви мальчугана, которому хотелось недостижимой любви родителей... Родителей, поглощенных своими чувствами. Позже они попытались завоевать сердце ребенка. Но он уже изменился. Он уже ничего не хотел от них. Когда ему исполнилось пятнадцать, его неумеренные желания развратили его, он нашел удовлетворение в любви, соблазнив девушку, потом женщину, снова девушку. Вначале ему было безразлично, кого любить, но со временем он стал разборчив. И с тех пор занимался лю-

бовью только с теми женщинами, которые могли ему помочь в восхождении к власти, в достижении определенного положения. Одной из его любовниц была жена главнокомандующего вооруженными силами планеты. Второй — супруга еще одного советника. Он использовал женщин, чтобы шпионить за мужьями. Третьей была молодая вдова, которую он убеждал выйти замуж за крупного правительственного чиновника, но та отчаянно сопротивлялась, желая видеть своим мужем его.

Кэтлин вдруг отчаянно захотелось прочесть все, о чем он думал, она посмотрела ему в лицо.

— Я не вижу, какое счастье может составить холодная, противоположная вам по темпераменту женщина.

Джем Лорри улыбнулся, его лицо осветилось и стало необычайно привлекательным.

— Кэтлин, вы удивляете меня. Мне трудно представить мужчину, который не испытал бы торжества, завоевав женщину-слана. Это то же самое, что соблазнить королеву.

— Мне казалось, люди ненавидят сланов,— возразила Кэтлин.

— Только чернь,— безапелляционно заявил он.— Те, кто не способен думать. Иное дело мы. Но вы попали в самую больную точку конфликта между людьми и сланами. Если сланы обретут свободу, люди станут ничем. Безвыходная ситуация. Поэтому, когда ничего другого сделать нельзя, мы вынуждены их убивать.

Пора было кончать бесполезный разговор.

— У женщин, сланы они или люди, есть право выбирать любимого,— твердо сказала Кэтлин.— Я отношусь к числу тех женщин, на которых не должен падать ваш выбор. Вы человек, к которому я не испытываю ни малейшего уважения, тем более в интимном отношении. К тому же Кир Грей взял меня под свою защиту. Вы не боитесь выступить против него?

Джем Лорри взвесил ее слова и возразил:

— Согласен, он ваш защитник. Но при чем тут его мораль и порядочность в отношении женщин? Не думаю, что он станет возражать, если я сделаю вас своей любовницей, его возражения будут касаться пропаганды, он будет требовать веских доводов в пользу подобного поступка. За последние годы

он стал ярым антислановцем. Раньше было наоборот. Сегодня он настроен решительно против сланов. Они прямо-таки спелись с Джоном Пэтти. Странно даже! — Он подумал и добавил: — Не беспокойтесь, я найду средство...

Мощный рев динамика перекрыл голос Лорри.

«Внимание! Внимание! Общая тревога! Несколько минут назад над Скалистыми горами замечен неопознанный летательный аппарат, направляющийся к востоку. Наши самолеты-перехватчики отстали от него. Неопознанный аппарат предположительно направляется в сторону Центрополиса. Всем жителям приказано немедленно разойтись по домам, поскольку аппарат — есть подозрение, что он принадлежит сланам,— примерно через час пролетит над городом. Улицы должны быть свободны для установки зенитных батарей. Приказываем разойтись по домам!»

Голос замолк. Джем Лорри с улыбкой повернулся к Кэтлин:

— Только не мечтайте об освобождении. Один аппарат не может нести на борту достаточно оружия, к тому же для его производства нужны заводы. В свое время атомную бомбу нельзя было изготовить в подвале, а если быть до конца откровенным, сланы так и не использовали ее в последней войне. Именно сланы виновны в катастрофах и бедах, обрушившихся на человечество, но атомная бомба не играла здесь никакой роли...— Он помолчал и продолжил: — Все думали, что первые бомбы помогут открыть тайну атомной энергии...

Он вдруг остановился, потом пробормотал:

— Интересно, а не задуман ли этот рейд для устрашения неграмотной людской массы и не попытка ли это завязать переговоры.

Кэтлин продолжала стоять рядом с Джемом Лорри и через час, когда серебристая торпеда нырнула в сторону дворца. Она приближалась с невероятной скоростью. Кэтлин открыла свой разум, пытаясь вступить в контакт со сланами-пилотами.

Аппарат спускался, но она не ощущала мыслей ее пассажиров. От аппарата отделилась металлическая капсула, упавшая в парк метрах в восьмистах от дворца. Она лежала на газоне, сверкая на солнце, словно драгоценный камень.

Кэтлин подняла глаза — торпеда исчезла. Нет. Она еще не исчезла. Она превратилась в сверкающую звездочку высоко над дворцом. И только потом пропала из виду. Кэтлин опустила глаза, мысли ее вернулись на землю, и она снова ощутила присутствие Джема Лорри. Тот ликовал:

— Не знаю, что за этим стоит, но я уже давно ждал подобной оказии. Теперь у меня есть предлог, чтобы получить разрешение и уже сегодняшней ночью перевести вас к себе в апартаменты. Думаю, Совет соберется немедленно.

Кэтлин вздрогнула. Она видела, каким образом он будет действовать: значит, наступил момент использовать в борьбе все доступные ей средства. Она вскинула голову и надменно произнесла:

— Я потребую присутствия на Совете под предлогом того, что вступила в телепатический контакт с командиром ракеты сланов.— И, чтобы подкрепить ложь, добавила: — Я даже могу разъяснить некоторые пункты послания.

Мысли ее неслись вихрем. Она смутно уловила суть послания, хотя пассажиры аппарата думали о другом, и могла на этой основе придумать правдоподобную историю и диалог между нею и командиром-сланом. Если ее уличат во лжи, ярые антислановцы могут одержать верх, но следовало пойти на риск, чтобы вырваться из лап Лорри.

Войдя в зал Совета, Кэтлин сразу ощутила, что терпит поражение. В зале вместе с Киром Греем было всего семь человек. Она оглядела каждого из них и прочла по возможности их мысли — это не принесло ей успокоения.

Четверо, самые молодые, были друзьями Джема Лорри. Джон Пэтти бросил на нее ненавидящий взгляд и равнодушно отвернулся.

Наконец взгляд Кэтлин остановился на Кире Грее. Она вздрогнула от неприятного ощущения, заметив его саркастически-вопросительный взгляд. Он первым нарушил молчание.

— Итак, ты была в телепатическом контакте с командиром-сланом? — хмыкнул он.— Мы вернемся к этому позже.

Его голос и слова выражали такое неверие, а от него самого исходила такая враждебность, что Кэтлин испытала об-

легчение, когда он перевел свой холодный взгляд на других и заговорил:

— Весьма сожалею, что в такой момент пятеро советников находятся в командировках в отдаленных районах. Я не разделяю увлечения подобными экспедициями. Пусть путешествуют подчиненные. Мы не можем отложить на более поздний срок обсуждение не терпящей отлагательства проблемы. Если все мы, ввосьмером, придем к общему решению, отсутствующие нам не нужны. В противном случае придется вести радиопереговоры. В послании, сброшенном с ракеты сланов, утверждается, что в мире есть организация сланов, насчитывающая миллион членов...

— Мне кажется,— с презрительной усмешкой перебил его Джем Лорри,— что, несмотря на легендарную ненависть к сланам, наш начальник тайной полиции допускает в борьбе с ними слабину.

Петти, вскочив с места, испепелил его взглядом.

— Мы могли бы, если желаете, на годик поменяться постами, чтобы посмотреть, что сделаете вы. Мне давно хотелось иметь, хотя бы ненадолго, такую синекуру, как должность государственного министра.

Голос Кира Грея разорвал тишину, наступившую после слов Петти.

— Позвольте мне закончить. В послании указывается, что кроме организованных сланов в мире живет еще десять миллионов сланов, мужчин и женщин. Что вы на это скажете, Петти?

— Несомненно, независимые сланы существуют,— осторожно ответил начальник тайной полиции.— Ежемесячно мы арестовываем во всем мире сотню сланов, которые не принадлежат к организации. В отдаленных районах Земли очень трудно вызвать антипатию людей к сланам: по правде сказать, там их считают человеческими существами. В некоторых местах, в частности в Африке, Азии, Южной Америке и Австралии, могут существовать крупные колонии сланов. Уже долгие годы мы не можем их отыскать, но они, несомненно, существуют. За это время им удалось разработать эффективные защитные приспособления. Однако деятельность этих сланов я считаю незначительной. Цивилизация и прогресс —

коллективный успех, основанный на сотрудничестве сотен миллионов индивидуумов. Как только сланы удалились от мира, они обрекли себя на поражение, поскольку потеряли доступ к библиотекам и связь с просвещенными людьми, а это необходимое условие для развития. Так что эти сланы в изгнании опасности никогда не составляли. Опасность исходит от живущих в метрополии, от тех, кто поддерживает контакт с наиболее образованной частью людей и, несмотря на принятые меры предосторожности, может черпать знания в библиотеках. Вне всякого сомнения, аппарат, который мы сегодня видели, создан сланами, чье присутствие в очагах цивилизации является постоянной опасностью.

Кир Грей кивнул:

— Вы во многом правы. Но если вернуться к посланию, становится ясно, что эти миллионы сланов только спят и видят, как покончить с этим периодом напряженности, воздвигшим барьер между ними и людьми. Они осуждают жажду власти над миром, которая двигала первыми сланами. Их амбиции, как утверждается, были связаны с ошибочным пониманием собственного превосходства. Они пересмотрели свою позицию позже — опыт показал, что они не превосходили людей, а просто были другими. Они также обвиняют человека по имени Сэмюель Ланн, биолога, создавшего первых сланов и давшего им свое имя — Сэмюель Ланн — С. Ланн — слан,— который внушил им, что они должны править миром. Именно эта ошибочная мысль, а вовсе не врожденное желание властвовать и была причиной разрушительных амбиций первых сланов. Развивая этот тезис, они обратили внимание на то, что первыми изобретениями сланов были незначительные улучшения уже известных открытий. Сланы, утверждают авторы послания, вовсе не оказались творцами в науке. Более того, согласно выводам их философов, сланы почти лишены подлинно научного склада ума, и в этом отношении они отличаются от современных людей не меньше, чем древние греки отличались от римлян, у которых не было науки в том смысле, как мы ее понимаем сейчас.

Он еще продолжал говорить, но Кэтлин слушала его вполуха. Неужели это правда? Неужели у сланов отсутствует научный склад ума? Ну нет! Наука есть простое накопление фак-

тов и комплекс выводов из них. А кто приспособлен лучше взрослого слана с его гигантскими интеллектуальными возможностями, чтобы установить порядок в хаосе? Она заметила, что Кир Грей взял со стола лист серой бумаги, и снова сосредоточилась на его речи.

— Я прочту вам последнюю страницу,— бесцветным голосом сказал он.— «Не стоит останавливаться на важности этого заключения. Главное состоит в том, что сланы не представляют серьезной угрозы для военного могущества людей. Несмотря на прогресс, достигнутый нами в этой области, мы не можем решительным образом повлиять на исход войны, если такое бедствие еще раз обрушится на Землю. На наш взгляд, нет ничего более бесполезного, чем нынешнее состояние дел, а именно: поддержание нестабильности во всем мире, постепенное скатывание к катастрофическому экономическому положению, от которого человечество страдает все больше. Мы предлагаем заключить почетный мир и немедленно приступить к переговорам при единственном условии, что сланы должны получить право на свободную и счастливую жизнь».

Кир Грей положил листок на стол и поочередно всмотрелся в лицо каждого из советников, потом заговорил резким голосом:

— Я категорически против любого компромисса. Некогда я верил в возможность согласия, сейчас нет! Нам нужно истребить всех сланов, живущих на этих территориях.— Он махнул в сторону карты, указывая на половину земного шара.

Кэтлин показалось, что в комнате потемнело, словно ее глаза застлала пелена. Было тихо, ее мысли сталкивались в голове с негромким шорохом, напоминающим плеск волн на песчаном берегу. Она испытала такое потрясение, что мысли ее лишились смысла; и это потрясение было вызвано изменениями в Кире Грее.

Действительно ли он изменился? Не был ли диктатор всегда таким же безжалостным, как и Джон Петти? Он сохранил ей жизнь, чтобы изучать. Однажды, ошибочно или правомерно, он решил, что его политическое будущее связано с жизнью девочки-слана. Но дальше этого не пошло. У него не было ни сострадания, ни интереса к несчастному беззащит-

ному созданию. Его взгляд на существование был сугубо прагматическим. Таким был этот предводитель людей, которого она обожала, едва ли не боготворила все эти годы. Таким был ее защитник!

Конечно, сланы лгали. Но как они могли поступить иначе с людьми, которые умели лишь ненавидеть их и обливать ложью? Все же они предлагали мир, а не войну, и вот этот человек без всяких сомнений отвергал предложение, которое могло положить конец четырем векам преследований.

Она вздрогнула, заметив, что взгляд Кира Грея остановился на ней. Губы его змеились сардонической усмешкой.

— А теперь послушаем так называемое сообщение, которое ты... уловила при телепатической связи с командиром-сланом.

Кэтлин бросила на него отчаянный взгляд. Он ни на йоту не верил ей, и надо было обдумывать каждое слово, видя столь неколебимый скептицизм. Она попыталась выиграть время.

— Я...— начала она.— Вот...

Вдруг Лорри с решительным видом вскочил с места.

— Кир,— сказал он,— вы избрали слишком решительную тактику. Вы без всяких обоснований, категорически накладываете вето на предложение сланов начать переговоры, не оставляя возможности Совету даже обсудить его. Я позволю себе высказать собственное мнение — у меня есть все основания принять это предложение. И вот что я предлагаю: сланы должны согласиться на свою ассимиляцию человеческой расой. Чтобы достичь этого, следует запретить им браки между собой. Они должны сочетаться браком только с людьми.

Кир Грей спокойно, без всякой враждебности посмотрел на него.

— Что заставляет вас думать, что скрещивание сланов с людьми даст положительный результат?

— Именно это я и хочу выяснить,— небрежно продолжил Джем Лорри. И только Кэтлин ощутила, какое пламя бушевало за этой показной легкостью.

Она наклонилась вперед и затаила дыхание.

— Я решил сделать Кэтлин своей любовницей, а там посмотрим. Надеюсь, никто возражать не будет.

Самые молодые члены Совета лишь пожали плечами. Кэтлин не надо было читать их мысли, чтобы понять — им было все равно. Джон Петти совсем потерял интерес к разговору, а Кир Грей погрузился в глубокие размышления и словно не слышал Лорри.

Она открыла было рот, чтобы заговорить, потом опомнилась. Ее поразила одна мысль: а если эти смешанные браки единственный выход, позволяющий решить проблему сланов? Она-то знала, что он движим лишь желанием обладать ею, и в случае чего могла отказаться, ну а если другие сланы будут согласны на подобное предложение и тем самым прекратятся вековые несчастья и убийства?

Она откинулась на спинку кресла и по достоинству оценила иронию ситуации. Ей хотелось присутствовать на Совете, чтобы защищать себя, а теперь она не осмеливалась и слова молвить. Но снова заговорил Кир Грей:

— В предложении Джема нет ничего нового. Сэмюель Ланн интересовался результатом такого союза и убедил одну из внучек выйти замуж за человека. Этот брак не дал детей.

— Я должен сам получить доказательство! — воскликнул Джем Лорри.— Речь идет о слишком важных вещах, чтобы можно было доверять единственному опыту.

— Их было много,— тихо возразил Кир Грей.

Еще один советник нетерпеливо вмешался в разговор:

— Главное заключается в том, что ассимиляция путем брака дает решение, в котором человеческая раса одержит верх. Нас более трех с половиной миллиардов, а их, по моим расчетам, всего пять миллионов. Даже если браки окажутся стерильными, мы достигнем нашей цели уже через пару сотен лет — если основываться на среднем долголетии сланов в сто пятьдесят лет. Не останется в живых ни одного слана.

Кэтлин с ужасом видела, что Лорри выходит победителем. Она прочла на поверхности его мозга, что он не собирается продолжать дебаты на эту тему. Вечером он пришлет за ней солдат, и никто не сможет сказать, что Совет высказался против. Молчание — знак согласия.

Какое-то время она воспринимала лишь шум неясных голосов и мыслей. Вдруг ее поразила одна фраза. Она с усилием сосредоточилась и снова стала слушать советников. Сло-

ва «их можно уничтожить таким способом» вдруг открыли ей, какой путь они проделали за несколько минут.

— Итак, подведем итог,— заявил Кир Грей.— Идея пойти на видимость договора со сланами, чтобы успешнее их уничтожить, похоже, нашла благожелательный отклик, а значит, отбрасывается мысль об истинном согласии, основанном, к примеру, на принципе ассимиляции.

Вот вкратце предложенные варианты.

Первый план — позволить сланам свободно смешаться с людьми, пока все они не будут идентифицированы, затем закрутить гайки, схватить их, воспользовавшись неожиданностью, и быстро завершить уничтожение уцелевших.

План второй — вынудить всех сланов собраться на одном острове, к примеру, на Гавайях, а когда они окажутся там, окружить остров боевыми кораблями и самолетами и уничтожить их.

План третий — изначально никакого снисхождения; заставить сланов сдать отпечатки пальцев, сфотографировать, принудить регулярно отмечаться в полиции, что будет выглядеть как суровое, но справедливое отношение. Именно этот план может понравиться сланам, поскольку, если его растянуть на достаточно долгий срок, он как бы будет гарантировать им спасение, за исключением того небольшого процента, который будет обязан ежедневно являться в полицию. Строгость такого пути будет иметь и еще одно преимущество: у сланов создастся впечатление, что мы ведем себя сурово и осторожно, и, как ни странно это покажется, такие меры их понемногу успокоят.

Голос невозмутимо продолжал перечисление мер, но вся сцена выглядела в глазах Кэтлин нереальной. Как они могли готовить убийство и предательство в таком масштабе — семь человек решали вопросы жизни и смерти за все человечество!

— Какие же вы глупцы! — Голос ее звучал с непривычной резкостью.— Неужели вы можете хоть на мгновение поверить, что сланы попадут в вашу дурацкую ловушку? Сланы умеют читать мысли, к тому же ваши планы столь прозрачны и смехотворны, что мне удивительно, как я могла считать вас ловкими и умными людьми.

Они не возражали, только тяжелые враждебные взгляды уперлись в нее. На губах Кира Грея мелькнула легкая улыбка.

— Боюсь, в данном случае ошибаешься именно ты. Мы исходим из того, что они умны и недоверчивы, а потому и не строим сложных планов. Именно в этом состоит секрет успешной пропагандистской кампании. Что касается телепатии, то у нас не будет контакта с руководителем сланов. Мы передадим инструкции большинства отсутствующей пятерке. Они и приступят к переговорам, будучи твердо уверены, что ведется честная игра. А у подчиненных будет приказ лояльно вести себя во время переговоров. Видишь...

— Минуточку,— сказал Джон Петти, и в его голосе звучало такое торжество, что удивленная Кэтлин повернулась к нему.— Самая большая опасность исходит не от нас, а от этой девушки, знающей наши замыслы. Она заявила, что вступила в мысленный контакт с командиром ракеты. Иначе говоря, сланам известно о ее присутствии здесь. Представьте себе, что появится еще один летательный аппарат. Тогда она сможет информировать наших врагов. Поэтому ее нужно казнить на месте.

Кэтлин почувствовала, как на нее обрушилась волна отчаяния. Оспаривать логику подобного рассуждения было глупо. Она видела, что и остальные поняли это. Ее усилия избежать участи стать любовницей Джема Лорри загнали ее в западню, из которой можно было выбраться только мертвой.

Она не сводила глаз с Джона Петти. Тот прямо-таки светился от нескрываемого удовольствия. Он никак не ожидал столь полной победы. И удивление только увеличивало радость.

Кэтлин постаралась сконцентрировать внимание на остальных. В каждом из них она теперь читала те мысли, которые только что были скрыты от нее. Сомнений быть не могло — самые молодые, те, кто не проявлял личного интереса к ее судьбе, как Джем Лорри, соглашались с мнением Джона Петти, даже не разделяя его ненависти. Они проголосуют за смерть.

Выражение лица Джема Лорри было красноречивым. Он не скрывал разочарования.

— Индюшка! — воскликнул он, поворачиваясь к ней. Потом откинулся в кресле и уставился в потолок, покусывая верхнюю губу.

Кэтлин была потрясена. Она долго смотрела на Кира Грея, не видя его. Наконец разглядела глубокую борозду на лбу, подметила озабоченный взгляд. В выражении его лица она почерпнула капельку мужества. Он не желал ее смерти, иначе не выглядел бы столь озабоченным.

Но ее тут же охватило волнение. Беспокойство диктатора свидетельствовало, что он не видит выхода из внезапно возникшей ситуации. Он постепенно обрел привычную невозмутимость, но надежда вернулась к ней только с его словами.

— Смерть действительно была бы единственным решением, будь правдой то, что она вошла в контакт со сланом. К счастью для нее, она солгала. На борту ракеты сланов не было. Ее вели роботы.

— Я думал,— произнес кто-то,— что ракеты, управляемые роботами, могут быть перехвачены, если перекрыть канал радиоуправления.

— Вы правы! Может быть, вы помните, что ракета свечой взмыла вверх и исчезла? Операторы пытались сохранить над ней контроль, заметив, что мы можем повлиять на ее полет. Мы посадили ракету в болото в ста пятидесяти километрах к югу от столицы. По предварительным докладам, она сильно повреждена и ее пока не извлекли из трясины. Но как только это будет сделано, ее перевезут на завод, чтобы разобраться в механизме. Если мы потратили столько времени на ее перехват, то только потому, что устройство управления действовало по несколько иному принципу и пришлось применять новую комбинацию радиоволн.

— Все это не имеет ни малейшего значения! — нетерпеливо проговорил Джон Петти.— Важно то, что она присутствовала в зале Совета, знакома с нашими планами по уничтожению расы сланов, а потому представляет опасность, поскольку может предупредить о них сородичей. Ее надо казнить.

Кир Грей встал и окинул Джона Петти ледяным взглядом. Когда он заговорил, голос его отдавал металлом:

— Я вам уже неоднократно говорил, что с помощью этой девушки-слана занимаюсь социологическими исследованиями, а потому буду вам весьма признателен, если отныне раз и навсегда вы забудете о ее казни. Вы заявили, что ежемесячно ловите и расстреливаете сотню сланов; сланы, со своей

стороны, утверждают, что их одиннадцать миллионов. Надеюсь,— добавил он саркастически,— мне позволено иметь привилегию держать живым одного слана, являющегося предметом научных исследований. Не знаю почему, но именно этого слана вы ненавидите больше, чем всех остальных, вместе взятых...

— Все это прекрасно, Кир,— сухо прервал его Джон Петти.— Но мне хотелось бы знать, почему Кэтлин Лейтон солгала, утверждая, что вступила в телепатическую связь со сланами.

Кэтлин набрала в легкие побольше воздуха. Невероятное напряжение нескольких минут в ожидании приговора начало спадать, но ее еще била дрожь. Она произнесла как можно тверже:

— Потому что Джем Лорри собирался сделать меня своей любовницей, а я должна была сообщить, что моего согласия на это нет.

Она ощутила шорох мыслей присутствующих, они отразились на лицах — понимание быстро сменилось нетерпением.

— Черт побери, Джем,— воскликнул один из них,— разве нельзя заниматься сердечными делами за пределами Совета?

Второй заметил:

— При всем уважении к Киру Грею считаю невозможным, чтобы слан противостоял воле человека, наделенного определенной властью. Мне очень любопытно знать результат такого союза. Возражения Кэтлин Лейтон не имеют под собой должного обоснования. Пусть Джем хоть сейчас ведет ее к себе в апартаменты. Надеюсь, дискуссия на этом завершится.

Впервые за семнадцать лет Кэтлин поняла, что и сланы имеют границу нервного напряжения. Ей показалось, что внутри ее сейчас лопнет что-то жизненно важное. Она потеряла способность мыслить. И застыла в кресле, сжав пальцами подлокотники. Вдруг в ее голове вспыхнула мысль, гневная мысль Кира Грея.

— Идиотка! Как ты влипла в такую ситуацию?

Она глянула на него и впервые увидела, что он откинулся в кресле, прищурив глаза и плотно сжав губы.

— Было бы весьма интересно,— процедил он,— экспериментально проверять результаты подобных союзов. Но в этом нет нужды. Вы найдете в библиотеке, в разделе «Аномальные браки», отчеты о сотне попыток добиться скрещивания сланов и людей.

Кстати, трудно определить причины их стерильности. Люди и сланы практически не отличаются друг от друга. Невероятно мощная мускулатура сланов объясняется не разницей в тканях, а ускоренными электрическими импульсами, которые вызывают сокращения мышц. Кроме того, сланы наделены большим количеством нервов, чем люди, а это повышает их чувствительность.

А двойное сердце на самом деле не является двойным. Это комбинация двух органов, способных работать независимо друг от друга. Вместе они почти не превышают размеров обычного человеческого сердца. Это просто более усовершенствованные насосы.

То же относится к тендрилам, которые воспринимают и излучают мысли. Это всего-навсего гипертрофированные нервные окончания, расположенные в верхней части мозга. Они мало изучены. Именно эти окончания, по-видимому, и имели отношение к случаям телепатии у людей. Примеров телепатии много и сейчас.

Мутационная машина, действию которой Сэмюель Ланн подверг свою жену шестьсот лет назад, ничего не добавила к человеческому телу, а просто вызвала мутацию тех органов, которые уже существовали. Его опыт дал жизнь первым трем детям-сланам — мальчику и двум девочкам.

У Кэтлин было ощущение, что он говорит, пытаясь выиграть время. За короткий миг, когда он послал ей свою мысль, она успела понять, насколько серьезна ситуация. Он знал, что никакие аргументы не переломят такого человека, как Джем Лорри. Диктатор продолжал:

— Приходится все это объяснять вам, поскольку, похоже, ни один из вас не потрудился выяснить истину и отделить ее от народных предрассудков. Возьмем, к примеру, так называемое интеллектуальное превосходство сланов, о котором говорится в полученном нами послании. За долгие годы был забыт важнейший факт — опыт, проведенный самим Сэмюе-

лем Ланном. Он воспитал в абсолютно одинаковых условиях обезьяну, человека и слана. Быстрее начала развиваться обезьяна, усвоив за несколько месяцев то, на что человеку и слану потребовалось куда больше времени. Но как только человек и слан научились говорить, обезьяна безнадежно отстала. Человек и слан развивались примерно одинаково до четырех лет, когда начали проявляться телепатические способности слана. С этого момента слан не уступил первенства. Однако потом доктор Ланн открыл, что, интенсифицировав обучение человека, можно было ликвидировать отставание и вывести его практически на уровень слана хотя бы в живости мысли. Огромное преимущество слана состоит в возможности читать мысли, что помогает развивать интуицию и лучше обучаться. Дети человека, к сожалению, могут делать это только с помощью слуха и зрения.

Джон Петти прервал Грея:

— Вы повторяете то, что уже давно известно и что, на мой взгляд, препятствует каким-либо переговорам со сланами. Чтобы сравняться со сланом, человеку нужны годы упорного труда. Иными словами, лишь крохотная часть человечества займет место выше, чем раб слана. Отныне, господа, и речи не может идти о мире. Надо только совершенствовать методы уничтожения сланов. Мы не можем позволить себе риск, используя один из наших хитроумных планов, поскольку слишком велика опасность их срыва.

— Он прав! — поддержал Джона Петти один из советников.

Его поддержали остальные; сомнений в исходе дебатов не было. Кэтлин видела, как Кир Грей внимательно всматривается в их лица.

— Если Совет примет такое решение, я сочту непростительной ошибкой чью-либо попытку сделать Кэтлин своей любовницей. Это может вызвать неблагоприятное впечатление.

Молчание было красноречивым, и Кэтлин глянула на Джема Лорри. Он выдержал ее взгляд и, когда она направилась к двери, встал и пошел следом. Открыв ей дверь, он тихо проговорил:

— Я буду помнить то, что вы сказали о выборе. Если я стану скромнее, вы не оттолкнете меня?

— Но вы не принадлежите к числу скромных людей, мистер Лорри,— ответила Кэтлин.

— А вам нужен слабовольный человек?

— Есть разница между силой и наглостью.

— По сравнению с человеком вы уже в возрасте женщины. Вы что же, рассчитываете устроить свою любовную жизнь вне дворца?

— Вы предлагаете любовь? — спросила она.

Он заколебался — внезапные обертоны в его мозгу свидетельствовали о растерянности. Наконец он произнес:

— Надеюсь, вы хотя бы благодарны мне, что я отвадил других.

Разговор возвращался к смертельно опасной борьбе, которую ей пришлось выдержать в течение часа, чтобы освободиться от его притязаний. Она сказала:

— Вам не кажется, что этот разговор лишен смысла? Благодарна я или нет, это не имеет отношения к делу. Вы не должны иметь связи со сланом. Вот что важно.

Все постепенно разошлись. Попрощавшись с министрами, Кир Грей деликатно отошел к окну. Казалось, Джем Лорри не замечал ничего вокруг. Выпрямившись, он уставился в какую-то точку поверх ее головы. Потом хрипло пробормотал:

— Я только что подумал, как хорошо было бы полюбить женщину-слана. Однако таким образом я рискую испортить себе жизнь и карьеру. Но так ли это плохо?

Он перевел взгляд на ее лицо. В глазах его притаилась злоба. Она не ответила. Лорри бил озноб, словно его прохватило ледяным ветром. Это, похоже, отрезвило Лорри. На лицо снова вернулось насмешливое выражение.

— Вижу, что могу вернуться к своей прежней философии,— сказал он.— Я не могу овладеть душой и разумом, но смогу добиться тела. Так что не питайте ложных надежд.

Он улыбнулся и удалился.

Кэтлин подошла к Киру Грею и рассказала ему о планах Уильяма Динсмора в отношении своего сына и о своем нежелании участвовать в них.

— Но мне не хочется, чтобы пострадал Дэви,— закончила она,— поэтому отказ не должен исходить от меня.

Диктатор ответил не сразу. Он подошел к столу и нажал на кнопку внутренней связи.

— Соедините меня с Уильямом Динсмором.

Кэтлин направилась к двери. Уже отворив ее, она услышала слова Кира Грея:

— ...очень неблагоразумно... скомпрометировать будущее вашего сына...

Она осторожно прикрыла за собой створку. Опасность миновала... на некоторое время.

Глава 9

Джомми Кросс вгляделся в оплывшую развалину, которой стала Бабуся. Он не испытывал гнева за ее предательство, хотя оно и означало для него неуверенность в будущем, отсутствие убежища.

Главным было решить, что делать со старухой.

Она сидела в кресле. Бесформенная фигура, закутанная в яркий халат. Она подняла глаза и захихикала.

— Бабуся кое-что знает. Да-да, Бабуся знает...— довольно закудахтала она.— Денег — во! Бабуся знает, что ей нужно на старости лет. Смотри!

С наивностью пропойцы она извлекла из-под халата черную сумку и снова спрятала ее под халат.

Джомми Кросса охватила ярость. Он впервые видел деньги Бабуси, хотя знал множество тайников, куда она их прятала. Но она хвастала ими в момент, когда полиция готовилась к облаве, а это заслуживало наказания.

И все же он пребывал в нерешительности, напряжение его росло, по мере того как полицейские окружали лачугу и давление их мыслей становилось все явственней. Выставив перед собой смертоносные рыла автоматов, приближались десятки людей. Он был вправе бросить ее на растерзание яростной своре разочарованных охотников — закон гласил, что любой гражданин, давший приют слану, должен умереть.

Ему представились кошмарные картины: вопящую и рыдающую Бабусю тащат к виселице; Бабуся уворачивается от петли, которую ей набрасывают на шею; Бабуся отбивается от своих палачей ногами, кулаками, пускает в ход ногти.

Он наклонился и схватил ее за голые плечи, с которых сполз халат. Потом встряхнул с холодной яростью так, что

лязгнули остатки ее зубов. Она разревелась, в глазах ее вспыхнул огонек понимания.

— Если вы останетесь здесь, вас ждет смерть,— сурово произнес он.— Вам известен закон?

— Какой закон? — Она удивленно привстала, потом снова впала в оцепенение.

«Быстрее! Быстрее!» — подумал он и заставил себя нырнуть в эту клоаку мыслей, пытаясь разобраться, дошли до нее его слова или нет. Он хотел было махнуть на нее рукой, но обнаружил комочек здравого смысла, всплывающий на поверхность хаоса.

— Нечего мне бояться! — пробормотала она.— У Бабуси полно денег. А богатых не вешают!

Джомми в нерешительности отступил. Мысли полицейских все сильнее давили на его разум. Они приближались, круг сужался. Он был поражен, что их так много. Даже страшное оружие, которое лежало у него в кармане, будет бесполезным, когда тучи пуль с разных сторон прошьют стены лачуги. А ведь достаточно и одной пули, чтобы обречь на провал планы его отца.

— Боже! — не удержался он от восклицания.

«Что же мне делать со старухой,— лихорадочно думал Джомми,— даже если я выберусь с ней отсюда? Все улицы перекрыты. Есть лишь одна надежда, но и без старой пьянчуги ее едва ли удастся осуществить. Не могу же я взбираться на тридцатиэтажное здание, держа ее на спине!»

Логика подсказывала, что старуху следует бросить. Он уже было повернулся, чтобы исчезнуть, как вдруг уловил ее мысль, поразившую его своей справедливостью. Действительно, несмотря на все ее пороки, она помогла ему выжить. Он был у нее в долгу.

Джомми быстро выхватил из-под халата Бабуси черную сумку. Старуха заворчала, но все же задвигалась, когда он потряс сумкой перед ее носом.

— Смотрите,— он говорил как искуситель,— вот все ваши деньги, все ваше будущее. А вы хотите умереть с голоду. Ведь они заставят вас мыть полы в приюте для бедных. Вас будут стегать кнутом...

Она протрезвела в считаные секунды и оценила ситуацию, как закоренелая преступница.

— Бабусю повесят! — задохнулась она.

— Наконец-то! — воскликнул Джомми Кросс.— Держите свои денежки!

Его губы скривила презрительная усмешка, когда она вырвала сумку из его рук.

— У нас есть туннель, что ведет из моей комнаты в гараж на 470-й улице. Ключи от машины у меня в кармане. Доберемся до Центра аэронавтики, а потом улетим...

Он замолчал, вдруг оценив всю хрупкость своего плана. Вряд ли безрогие сланы так плохо организованы, что позволят ему захватить один из чудесных звездолетов, которые ежевечерне взмывали в ночное небо. Однажды он удрал от них на удивление легко, но...

Тяжело дыша, Джомми уложил старуху на крышу здания, где находился звездолет. Несколько минут он лежал рядом с ней, жадно вдыхая воздух.

Черт возьми, кто бы мог подумать, что старушенция такая тяжелая?

Она все еще дрожала от страха, вспоминая о головокружительном восхождении. Джомми ощутил рождающийся на ее губах вопль, мышцы его обрели привычную силу, и он зажал ей рот ладонью.

— Помолчите! — приказал он.— Или я сброшу вас вниз, как мешок картошки. Вы сами виноваты в наших бедах, и вам расхлебывать их последствия.

Его слова подействовали на нее словно ледяной душ. Джомми был поражен, как быстро она отделалась от своих страхов. Старуха была крепким орешком. Она оттолкнула его руку и мрачно спросила:

— Что теперь?

— Нам надо побыстрее придумать, как проникнуть внутрь...

Он бросил взгляд на часы и вскочил на ноги. Без двенадцати десять. Звездолет стартует через двенадцать минут. Надо было за двенадцать минут завладеть ракетой!

Он схватил Бабусю, вскинул себе на плечо и побежал к центру крыши. Уже не было времени искать двери, которые к тому же наверняка снабжены сигнальными устройствами,

разбираться в этих устройствах и выводить их из строя. Оставался лишь один выход. Где-то здесь должна быть стартовая площадка, откуда звездолеты уходили в межпланетное пространство.

Ноги его ощутили едва заметный выступ. Он застыл на месте, стараясь не потерять равновесия. Потом прошел вдоль выступа — именно здесь должна находиться стартовая установка. Он извлек из кармана оружие отца и направил разрушительное пламя себе под ноги.

Сквозь метровое отверстие, которое он мгновенно проделал, показался туннель, уходящий в глубь здания под углом в шестьдесят градусов. Когда глаза Джомми привыкли к полумраку, он различил метрах в тридцати ниже темный силуэт. Нос в виде торпеды и выступающие гондолы двигателей. Было ощущение, что неподвижная и бесшумная машина обладает ужасающей мощью.

Джомми казалось, что он смотрит в жерло гигантской пушки, откуда вот-вот вырвется снаряд. Его так поразил этот образ, что он не сразу сообразил, как следует поступать дальше. Его охватило сомнение. Рискнет ли он проскользнуть в этот гладкий туннель, если ракета может через мгновение рвануться вверх и попросту раздавить его?

Он покрылся холодным потом и не без труда отвел взгляд от сияющей бездны, потом посмотрел в сторону, на вызывающий силуэт дворца, что высился вдали. Он отбросил всякие мысли, мышцы его расслабились. На несколько секунд он замер, захваченный феерическим зрелищем дворца в ночи.

Отсюда его хорошо было видно между двумя небоскребами. Он не сверкал, а мягко лучился, то и дело меняя цвет.

Светился, жил! Какое-то время стопятидесятиметровая башня его излучала бирюзовый свет. А нижняя часть горела жарким рубином. Потом краски рассыпались фейерверком, образуя новые оттенки.

Тысячи ночей Джомми любовался этим зрелищем и не мог насытиться. Он ощутил, как в него вливаются новые силы. Мужество вернулось к нему. Он сжал зубы и снова заглянул в туннель, где на дне стальной пушки готовился к старту гигантский снаряд.

Скрытая опасность, исходившая от него, была символом его будущего. Совершенно непредсказуемого будущего, которое ожидало его. Здравый смысл подсказывал — безрогие сланы предполагали, что он находится на крыше. Сигнальные устройства должны были существовать — *должны* были существовать.

— Что ты уставился в эту дыру? — застонала Бабуся.— Где дверь? Время...

— Время! — воскликнул Джомми Кросс.

На его часах было без четырех минут десять — открытие всколыхнуло его. Восемь минут растаяли как дым. У него оставалось *всего четыре минуты,* чтобы завладеть крепостью. Он ощутил мысль Бабуси, которая вдруг поняла, что он намерен сделать. Он зажал ей рот, подавив вопль ужаса. Через секунду они падали вниз.

Они довольно мягко коснулись стенки туннеля, как бы вдруг проникнув в мир замедленного движения. Стенки не показались Джомми жесткими, они как бы прогибались под ним. Но глаза и разум не обманывали. Нос ракеты приближался. Иллюзия взмывающего вверх в реве двигателей снаряда была так сильна, что на мгновение его охватила паника.

— Быстрее! — шепнул он Бабусе.— Тормозите ладонями!

Старуха уже все поняла. Из всех инстинктов, еще теплившихся в ее тощем теле, инстинкт самосохранения был самым сильным. Онемев от ужаса, с дрожащими губами, с безумным взглядом, она боролась. Она вцепилась в гладкий металл исхудавшими руками и ногами, и как ни мал был результат, он ощутил его.

Вдруг нос ракеты оказался перед Джомми. Он вытянул руки, схватился за реактор, пальцы его вцепились в металл, но сорвались.

Он падал, однако ему помогала невероятная сила, которой были наделены сланы. Его пальцы уцепились за второй реактор, так что падение прекратилось. Он уселся на гондолу двигателя и едва перевел дух, как увидел под гигантским телом ракеты яркое сияние.

Ракета накренилась к стенке туннеля. Хотя бы за несколько секунд, что остаются до старта, отыскать открытый люк. А вот и он! Отверстие в шестьдесят сантиметров в стенке толщиной

в двадцать пять. Не колеблясь, он скользнул туда с оружием наготове и втащил за собой старуху.

Внутри никого не оказалось.

С первого же взгляда он понял, что попал в рубку управления. Перед невероятно сложным пультом стояли кресла, по сторонам светились огромные изогнутые панели. Открытая дверь вела в заднюю часть звездолета. Джомми решительно переступил порог, волоча за собой перепуганную Бабусю.

Он остановился и внимательно оглядел помещение. Здесь находились такие же удобные кресла, как и в рубке управления. Но половину остального пространства занимали прикрепленные к полу коробки. Он увидел еще две двери. Одна вела дальше, в глубь корабля. Через эту приоткрытую дверь виднелось забитое коробками помещение, а потом — еще одна дверь в четвертый отсек. Но внимание Джомми привлекла другая дверь.

Она пряталась за креслами и была распахнута. Через нее в звездолет вливался ослепительный свет, а на этом слепящем фоне вырисовывались силуэты людей. Джомми настроил свой разум. На него обрушился целый сонм мыслей — ему показалось, что десятки безрогих сланов чего-то ждут.

Он оборвал телепатический контакт и бросился к пульту в рубке управления. Там светились ряды лампочек, сверкало множество кнопок, торчали рычажки управления. До любой кнопки и рычажка можно было легко дотянуться из стоящего перед пультом кресла.

По сторонам мягко сияли дугообразные панели. Джомми не надеялся за считаные секунды понять принцип работы корабля. Он без колебаний сел в кресло, решительно перевел все рычажки в противоположное положение и нажал все кнопки.

Щелкнула закрывшаяся дверь. Джомми вдруг ощутил восхитительную легкость. Послышался рев двигателей, ускорение вдавило его в спинку кресла. Панели оказались экранами. На правом появилось изображение неба впереди. В нижней его части виднелись огни, но корабль удалялся слишком быстро, и Земля казалась бесформенным пятном.

На левом открывалось сказочное зрелище моря света, которое трудно было охватить разом. Оно быстро таяло вда-

ли. В углу экрана еще можно было различить сверкающую громаду дворца во всем его ночном великолепии.

Город быстро исчез из виду. Джомми по одному отключил все механизмы, внимательно наблюдая за результатами каждой операции. Через две минуты ему стали ясны все тайны пульта управления. Он понял принцип работы корабля. Лишь четыре кнопки оставались для него непонятными, но они могли подождать.

Джомми перестал набирать высоту, не собираясь улетать в межпланетное пространство. Сначала надо было до тонкостей изучить звездолет — пока он только приобрел надежную базу для будущих действий. Затем этот корабль доставит его туда, куда ему захочется попасть...

Мозг его кипел. Джомми вдруг ощутил в себе невероятное могущество. Оставалось еще проделать тысячи дел, но на сегодня ему удалось убежать из тюрьмы, он был уже достаточно взрослым и сильным, физически и умственно, чтобы не погибнуть. От зрелости его отделяли еще долгие годы, которые следовало потратить на усвоение науки отца. Прежде всего надо было вступить в контакт с истинными сланами и подготовиться к первым исследованиям.

Мысль Бабуси прервала бег его размышлений. Он все время не терял контакта с ней. Она перешла в соседний отсек, и он прочел в ее мыслях то, что она увидела. Но почти тут же мысленное изображение исчезло, словно старуха внезапно зажмурилась.

Джомми выхватил оружие, обернулся и мигом отпрянул в сторону. Из открытой двери вылетела струя пламени и ударила в пульт управления, прошив кресло, в котором он сидел мгновение назад. На пороге возник силуэт женщины-слана. Она направила в его сторону дуло небольшого серебристого пистолета... и тут же застыла на месте, увидев, что он держит ее под прицелом. Они долгое время разглядывали друг друга. Глаза женщины метали искры.

— Грязный гаденыш!

Ярость придавала такую красоту ее вибрирующему голосу, что Джомми вдруг ощутил себя побежденным. Облик женщины, тембр ее голоса напомнили ему мать, и он понял,

что не сможет испепелить это великолепное существо. Держа женщину под прицелом своего страшного оружия, он ощущал себя в ее власти. В ее серых глазах горела решимость расправиться с ним, ведь она только что стреляла ему в спину. Ее через край переполняла жестокость безрогих сланов, ненавидящих сланов истинных.

Джомми внимательно разглядывал женщину. Худощавая стройная фигура чуть наклонилась вперед, словно готовясь к старту. В правой руке, тонкой и загорелой, она сжимала пистолет. Левую прятала за спиной.

На ней была простенькая туника, перехваченная в талии. Под шапкой темных волос светлело худое скуластое лицо с бархатистой кожей, полными губами и небольшим красивым носом. Но под мягкой внешностью угадывались мощь и сила разума.

Нет, он не сможет выстрелить, не сможет уничтожить это очаровательное существо. И все же... ей следовало внушить, что именно таково его намерение. Он скользнул по поверхности ее мозга и воспринял беглые мысли. Как и остальные безрогие сланы, она не владела абсолютным контролем над мозгом. Безрогие сланы не могли читать чужие мысли, а следовательно, не знали, что такое совершенный контроль.

Он не мог позволить себе стать жертвой воспоминаний. Не следовало забывать, что против него опасная женщина. Каждый из них держал другого под прицелом и был натянут как струна, готовясь к сражению.

Женщина заговорила первой.

— Смешно,— произнесла она.— Нам надо сесть, положить оружие на пол и побеседовать. Если даже ничто не изменится, все же напряжение немного спадет.

Джомми Кросс был удивлен. Ее слова свидетельствовали о том, что она спасовала перед опасностью, хотя это не отражалось на ее энергичном лице. Собственное положение не казалось ему надежнее, он сохранял некоторое недоверие — предложение могло таить в себе неведомую опасность.

— Преимущество останется за вами,— ответил он.— Вы — взрослый слан, и у вас лучше координация движений. Вы сможете схватить оружие быстрее меня.

— Верно,— согласилась она.— Но у вас иное преимущество — вы можете отчасти прочесть мои мысли.

— Напротив,— солгал он с легкостью,— когда вы осуществляете ментальный контроль, я с опозданием могу определить ваши намерения.

Говоря это, он понимал, насколько слаб этот контроль. Он уже успел прочесть достаточно.

Ее звали Джоанна Хиллори. Она была пилотом на линии Земля—Марс, это был ее последний полет в этом году. Она вышла замуж за инженера, живущего на Марсе, и ждала ребенка. Ей подбирали такую работу, чтобы ее организм не подвергался постоянным перегрузкам.

Джомми Кросс почувствовал себя уверенней. Молодая жена, будущая мать, не станет особенно рисковать.

— Хорошо,— сказал он,— давайте положим оружие на пол и сядем.

Когда они положили оружие, Джомми, глянув на женщину, удивился ее насмешливой улыбке.

— А теперь, когда вы безоружны, готовьтесь к смерти!

Джомми с недоверием впился взглядом в пистолет, что поблескивал в левой руке женщины. Все это время она держала его за спиной, ожидая случая воспользоваться им. Она снова заговорила мелодичным голосом:

— Итак, вы сглотнули историю бедной молодой жены, ожидающей ребенка и спешащей к мужу! Взрослый слан никогда бы не поверил в подобное. Но юному гаденышу придется заплатить за свою невероятную глупость жизнью.

Глава 10

Джомми Кросс не сводил глаз с пистолета, который женщина твердо держала в руке. Несмотря на опасность, он ощущал, как плавно движется звездолет. Ни ускорений, ни торможения — только бесшумное скольжение, не позволявшее понять, покинули они земную атмосферу или нет.

Его захватили врасплох. Страха он не испытывал, но пока не мог составить плана действий. И еще не оправился от внезапного потрясения, что его обманули. Женщина использовала свои недостатки, чтобы выиграть схватку.

Она знала, ее ментальный контроль недостаточен, а потому с дьявольской хитростью сформировала в сознании трогательную историю, чтобы он поверил, что у нее не хватит мужества бороться до конца. Сейчас он видел, что мужества ей достанет на любой поступок, а значит, ему не следует ждать пощады.

Он послушно отошел в сторону, наблюдая, как она наклонилась, подобрала его и свое оружие, ни на мгновение не спуская с него глаз и держа под прицелом.

Она спрятала запасное оружие, оставив то, с которым вошла в рубку. И даже не глянула на пистолет Джомми, а просто сунула его в ящик пульта управления.

Не стоило надеяться на нечаянную возможность оказаться вне пределов ее выстрела. Но если она не прикончила его сразу, это означало, что ей хочется побеседовать с ним. В этом все же следовало убедиться. И он хрипло спросил:

— Вы позволите задать вам несколько вопросов, прежде чем вы меня убьете?

— Допрашивать буду я.— Она говорила ровным голосом.— Не вижу пользы в том, чтобы удовлетворять ваше любопытство, Сколько вам лет?

— Пятнадцать.

— Значит, вы достигли того возраста, когда любая отсрочка, даже в несколько минут, имеет для вас смысл; думаю, вам следует знать — пока вы будете отвечать на мои вопросы, я не нажму на спусковой крючок. Однако наша беседа завершится вашей смертью.

Джомми Кросс не стал терять времени на обдумывание ее слов.

— Как вы узнаете, говорю я правду или нет?

Она улыбнулась с уверенным видом:

— Истина высвечивается даже в самой искусной лжи. Мы, безрогие сланы, лишены способности читать чужие мысли, но наш недостаток вынудил нас самым серьезным образом заняться психологией. Однако проблема не в этом. Вас послали завладеть звездолетом?

— Нет!

— Тогда кто же вы?

Он вкратце поведал ей свою жизнь. По мере рассказа ее лицо становилось все более удивленным.

— Вы утверждаете,— внезапно спросила она,— что вы и есть тот самый мальчишка, который шесть лет назад проник в помещение Центра аэронавтики?

Он кивнул.

— Для меня было потрясением встретить существ, в такой мере обуреваемых жаждой смерти, готовых убить даже ребенка. Я...

Он остановился. Глаза женщины метали молнии:

— Так вот в чем дело.— Голос ее дрожал от ярости.— А мы шесть лет обсуждаем, правильно ли поступили, позволив вам скрыться.

— Позволив... скрыться?! — воскликнул Джомми.

Женщина словно не слышала.

— И с тех пор с нетерпением ждем нового появления истинных сланов. Мы понимали, они не станут выдавать нас, ибо не в их намерениях, чтобы наше важнейшее изобретение, звездолет, попало в руки людей. Нас волновал лишь один вопрос — что означало то происшествие? Ваша попытка угнать звездолет дала ответ.

Джомми Кросс слушал ее с тяжестью на душе. Не из-за опасности, которой подвергался сам, а из-за абсурдности братоубийственной войны между сланами. Джоанна Хиллори говорила теперь с едва скрываемым торжеством:

— Мы сделали большой шаг вперед, обретя уверенность в том, что раньше только подозревали. Мы изучили Луну, Марс, Венеру. Добрались до лун Юпитера, не встретив ни единого чужого звездолета, ни единого истинного слана — гадюк, как мы их называем. Вывод напрашивается сам собой. Не знаю, по какой причине, возможно потому, что тендрилы заставляют вас скрываться, вы так и не открыли законов антигравитации, позволяющих путешествовать в пространстве. Следовательно, гадюки не имеют звездолетов.

— Вы раздражаете своей логикой,— перебил ее Джомми.— Не могу поверить, чтобы слан мог до такой степени заблуждаться. Попробуйте хоть на секунду представить себе, только представить, что я рассказал вам правду.

Улыбка едва тронула ее губы.

— Всегда существуют лишь две возможности. Первой я поделилась с вами. Вторая, по которой вы никогда не были в контакте со сланами, волнует нас уже долгие годы. Если вас послали сланы, значит, им известно, что мы давно являемся хозяевами Центра аэронавтики. Но если вы слан-одиночка, то обладаете тайной, которая приведет к нашему разоблачению, когда вы вступите в контакт с гадюками. Короче, если ваша история правдива, мы должны с вами покончить, чтобы помешать вам в более или менее отдаленном будущем рассказать о нас. Кроме того, наша политика состоит в том, чтобы избегать малейшего риска при общении с гадюками. В любом случае можете считать себя покойником.

Она говорила твердо, ледяным тоном. Но не тон беспокоил Джомми. Его тревожило, что ее вовсе не интересовало, права она или нет. Ведь его внутренний мир был готов рухнуть — он повторял себе, что если сланы столь аморальны, то им нечего предложить миру, у самых скромных людей он видел больше сочувствия, терпимости и всепоглощающей доброты. Если все взрослые сланы подобны этой женщине, надежды нет.

Он подумал о бессмысленной войне между истинными сланами, людьми и безрогими сланами, и мысли его были чернее ночи. Неужели из-за братоубийственной войны мечты его отца канут в вечность? Взятые в катакомбах бумаги с записями отца лежали у него в кармане. Если эта безжалостная женщина убьет его, безрогие сланы используют их, но в каких целях? Вопреки логике Джомми следовало остаться в живых, чтобы избежать подобной катастрофы.

Женщина снова заговорила:

— Я рассмотрела ваш случай. У меня есть полное право казнить вас, не спрашивая разрешения Совета. Меня волнует лишь одно — заслуживает ли их внимания вставшая в связи с вами проблема. Или им будет достаточно простого отчета? Во всяком случае, не может идти и речи о пощаде. Так что не питайте тщетных надежд.

Однако надежда не оставляла его. Потребуется время на то, чтобы предстать перед Советом. Он выиграет время, а

значит, и какие-то мгновения собственной жизни. Понимая, что должен сохранять спокойный тон, он поспешно сказал:

— Должен признаться, меня просто убивает ненависть между безрогими и истинными сланами. Неужели ваши собратья не понимают, что при общем положении дел только выиграют от сотрудничества с гадюками, как вы нас называете? Гадюки! Эта кличка весьма показательна — пропаганда, использующая самые низменные инстинкты, привела вас в состояние невероятного отупения.

Ее серые глаза еще метали молнии, но тон стал саркастическим:

— Быть может, немного истории просветит вас в отношении сотрудничества между сланами. Безрогие сланы существуют уже четыре столетия. Они образуют отдельную расу, но их единственное отличие от истинных сланов состоит в том, что они родились без тендрил. По соображениям безопасности они вначале жили в отдаленных районах. Были готовы стать друзьями истинных сланов в борьбе с общим врагом — людьми! Но каков был их ужас, когда на них напали и принялись уничтожать, когда их терпеливо созданная цивилизация затрещала под огнем и мечом истинных сланов! Они отчаянно пытались установить контакт, чтобы стать друзьями, но тщетно. В конце концов мы поняли, что нашим лучшим укрытием служат города людей. Ибо туда истинные сланы из-за своих тендрил проникать опасались. Настоящие гадюки! — Сарказм уступил место горечи.— Какая иная кличка подошла бы лучше? Дело не в ненависти, мы просто испытываем по отношению к вам врожденное недоверие. Если мы и избрали политику уничтожения, то только в качестве защитного рефлекса, превратившегося со временем в непоколебимую решимость.

— И все же ваши руководители могли бы попытаться пойти на переговоры.

— С кем вести переговоры? За последние три столетия мы не обнаружили ни единого убежища истинных сланов. Нескольких одиночек мы поймали при попытках напасть на нас. Во время схваток приходилось убивать и других. Но мы ничего о них не узнали. Они существуют, но где, как, каковы их

цели — об этом нам ничего не известно. Все покрыто плотной завесой тайны.

— Если это правда, если вы не лжете,— пылко воскликнул Джомми Кросс,— прошу вас, миссис, снимите на мгновение ментальный контроль, чтобы я мог получить уверенность в том, что вы говорите правду! Я считаю абсурдной эту борьбу с того момента, когда узнал о существовании двух ветвей сланов. Если бы я был уверен, что это безумие односторонне, я мог бы...

— Что? — Ее голос стегнул его словно плеткой.— Помочь нам? Вы надеетесь, что мы поверим в искренность ваших намерений и развяжем вам руки? Чем больше вы говорите, тем опаснее я вас считаю. Мы всегда исходили из гипотезы, что гадюка, умеющая читать мысли, превосходит нас, а потому не даем ей времени удрать. Ваша юность сберегла вам десять минут, но теперь, зная вашу историю, я не вижу причины оставлять вас в живых. Не думаю, что ваш случай будет интересен Совету. Еще один вопрос... а потом смерть!

Джомми Кросс метнул в нее разъяренный взгляд. Конец доброму расположению — эта женщина уже ничем не напоминала ему мать. Если она говорила правду, следовало искать союза с безрогими сланами, а не с неуловимыми истинными сланами, действующими с непонятной жестокостью. Но в любом случае все, что она говорила, свидетельствовало, сколь опасно попадание в ее руки самого страшного оружия на Земле. Ему надо было убедить эту женщину, спасти себя. Другого выхода не существовало.

— Прежде чем задать последний вопрос, оцените, какие беспрецедентные возможности открываются перед вами. Неужели вы позволите ненависти омрачить ваши логические способности? Если верить вам, впервые в истории безрогих сланов вы взяли в плен истинного слана, глубоко убежденного в том, что сланы должны сотрудничать, а не сражаться.

— Не будьте глупцом. Все сланы, которых мы брали в плен, были готовы обещать что угодно.

Каждое слово разило как удар, но Джомми Кросс не хотел их слышать. В глубине души он считал взрослых сланов благороднейшими существами, в любых обстоятельствах не

забывающими о своем превосходстве. Но... обещать что угодно! Он быстро заговорил:

— Это же ничего не меняет в сложившейся ситуации. Вы можете проверить каждое мое слово. И смерть моих родителей, и бегство из дома со старухой старьевщицей, которую вы оглушили и с которой я провел все свое детство. Все подтверждает мои слова — я истинный слан, никогда не имевший связи с тайной организацией сланов. Как вы можете сознательно отбрасывать подобную возможность? Для начала вы и вам подобные должны мне помочь найти истинных сланов; дальше я буду действовать как связной и впервые в вашей истории смогу установить контакт. Скажите, вы выяснили, почему истинные сланы вас так ненавидят?

— Нет.— В голосе ее появилась неуверенность.— Мы слышали странные заявления из уст сланов-пленников; они утверждали, будто не могут терпеть существования другой ветви сланов. Должен выжить лишь совершенный продукт машины Сэмюеля Ланна.

— Машины... Сэмюеля... Ланна!

Джомми Кроссу показалось, что все оборвалось у него внутри.

— Вы... говорите, что первые сланы были искусственными существами, созданными с помощью машины?

Женщина внимательно посмотрела на него, лоб ее пересекли морщины.

— Пожалуй, я начинаю верить вашей истории,— медленно произнесла она.— Я думала, всем сланам известно, что Сэмюель Ланн подверг жену воздействию машины. Позже, во времена хаоса, последовавшего за войной со сланами, новое использование мутационной машины дало рождение новой ветви — безрогим сланам. Неужели ваши родители не рассказали вам об этом?

— Мне самому надлежало заниматься исследованиями.— Голос Джомми был печален.— Надо было расчистить завалы, пока папа и мама готовили...

Он замолк, разозлившись на самого себя. Не следовало упоминать о том, что его отец занимался наукой, но сознательно отказался от долгосрочных исследований. Не захочет ли при слове «наука» эта далеко не глупая женщина внима-

тельно рассмотреть его оружие? По всей видимости, она считала, что в ее руки попала одна из разновидностей электроэнергетического пистолета. Он снова заговорил:

— Если эти машины существуют, значит, люди правы, обвиняя сланов в том, что они делают из человеческих детей чудовищ?

— Я видела некоторых из этих чудовищ,— подтвердила Джоанна Хиллори.— Неудачные опыты. Сколько их было!

У Джомми возникло чувство, что впредь ничто его уже не может задеть. Все, во что он так долго верил со всей пылкостью и гордостью юности, рушилось как карточный домик. Ужасная ложь не была ложью. Люди боролись с неким Макиавелли, наделенным нечеловеческой сутью. Он вдруг услышал слова Джоанны Хиллори:

— Должна признать — хотя верю, что Совет выскажется за вашу смерть,— выдвинутые вами аргументы создают совершенно особую ситуацию. Поэтому я решила представить вас Совету.

Он не сразу осознал смысл ее слов. Волна облегчения прокатилась по его телу. Словно она сняла с него громадную тяжесть, мешавшую дышать. Он ощутил невероятную легкость. Наконец он получил то, в чем больше всего нуждался,— время. Располагая временем, можно было надеяться на случай и совершить бегство.

Женщина, соблюдая предосторожности, перешла к пульту управления. Нажала кнопку, раздался щелчок. С первых же слов он буквально рухнул с высот, куда его занесли надежды. Она произнесла:

— Внимание! Прошу членов Совета... Срочно... Соедините меня с 7431, особый случай: необходимо принять немедленное решение по поводу слана!

Немедленное решение! Он разозлился на себя за беспочвенную надежду. Следовало сообразить, что нет нужды доставлять его в Совет — радио позволяло избежать лишних отсрочек. Если члены Совета подчинены той же логике, что и Джоанна Хиллори, судьба его предрешена.

Тишина была кажущейся — по-прежнему гудели двигатели, а легкий свист свидетельствовал, что они не покинули

пределов земной атмосферы. На фоне этих звуков он ощутил и постоянный поток мыслей Бабуси.

И вдруг он сообразил, что мысли Бабуси стали осознанными. Джоанна Хиллори, разоружив его, а потом и подвергнув допросу, вместо того, чтобы сразу убить, позволила Бабусе оправиться от удара, который нанесла ей, чтобы обеспечить себе тыл. Старуха пришла в себя. Джомми открылся навстречу ее мыслям.

— Джомми, она прихлопнет нас обоих. Но у Бабуси есть план. Подай знак, я хочу знать, слышишь ли ты. Топни ногой, Джомми. У Бабуси есть план, чтобы помешать расправе.

Послание настойчиво повторялось, сопровождаясь посторонними мыслями и неконтролируемыми рассуждениями. Нетренированный человеческий мозг не в состоянии был сосредоточиться на одной мысли. Но основная тема была понятной. Бабуся осталась в живых. Она сознавала опасность, грозящую им обоим. И была готова на все, чтобы отвратить ее.

Джомми небрежно начал постукивать ногой по полу. Удары его становились все сильней, пока старуха не передала ему: «Бабуся слышит».

Он прекратил стучать. И в невероятном возбуждении услышал сообщение:

«У Бабуси два плана. Первый — произвести большой шум. Женщина подпрыгнет от неожиданности, и ты успеешь броситься на нее. Бабуся придет тебе на помощь. Второй план — Бабуся подкрадется к двери и прыгнет на женщину, когда та переступит порог. Она растеряется, и ты сможешь напасть на нее. Бабуся подумает: сначала "один", потом "два". Ты топнешь после того номера плана, который нравится больше. Немного подумай».

Ему не надо было думать. Он тут же отбросил первый план. Даже самый сильный шум не подействует на стальные нервы слана. Единственно возможным было нападение, что-то конкретное.

«Один»,— подумала Бабуся. Он ждал, внутренне усмехаясь ее слабой надежде на принятие первого плана, который свел бы к минимуму риск для ее старческого скелета. Но старуха была наделена здравым смыслом и понимала слабость замысла. Наконец она не без сожаления подумала: «Два!»

Джомми Кросс топнул ногой. И тут же услышал, как Джоанна Хиллори произносит в микрофон то, что услышала от Джомми. Она также пересказала его предложение о сотрудничестве с истинными сланами. В заключение сообщила, что сама стоит за немедленную казнь.

Джомми Кросс подумал, что несколькими минутами ранее он с интересом бы прислушивался к ее вопросам и ответам, доносившимся из громкоговорителя. Это были низкие голоса мужчин и горячие вибрирующие голоса женщин. Теперь он едва следил за разговором. Но заметил, что согласие было всеобщим. Одна из женщин хотела знать его имя. Он не сразу понял, что обращались к нему.

— Ваше имя? — донесся голос из громкоговорителя.

Джоанна Хиллори направилась к двери.

— Вы что, оглохли? — сухо спросила она.— Как ваше имя?

— Мое имя? — переспросил Джомми Кросс.

Часть его мозга удивилась. Но ничто не могло отвлечь его внимание в это решающее мгновение. Сейчас или никогда. Он топнул ногой и стал думать только об успехе их плана. Он видел спрятавшуюся за дверью Бабусю. Та стояла наготове, но в последний момент ее охватил страх.

Ей пришлось вспомнить о тысячах проступков, чтобы вернуть себе мужество. Она прыгнула. Сверкая глазами и скрипя зубами, она набросилась на Джоанну Хиллори сзади. Ее хилые руки вцепились в плечи женщины.

Джоанне удалось выстрелить, только выстрел пришелся в пол. Потом она развернулась. Бабуся впилась в нее с силой отчаяния. И тут вступил в действие Джомми.

Бабуся с воплем выпустила Джоанну и рухнула на пол.

Джомми Кросс не стал терять времени на попытки справиться с более сильным противником. Джоанна оглянулась, словно разъяренная тигрица, и он ребром ладони нанес ей сильнейший удар по затылку. Удар был опасным — он требовал совершенной координации мышц и нервов. Такой удар мог убить, но Джомми рассчитал силу — Джоанна потеряла сознание. Он подхватил ее на лету, уложил на пол, одновременно исследуя мозг, поскольку барьер на некоторое время перестал действовать. Но мозг лежащей без сознания женщи-

ны почти не генерировал мыслей, и образы чередовались в нем ужасно медленно.

Он принялся встряхивать ее, наблюдая за мыслями, которые менялись под воздействием тончайших химических реакций. Но у него не было времени продолжать исследования — мысли женщины становились все агрессивней. Поэтому он оставил ее и бросился к радиопередатчику. По возможности нормальным голосом он заявил:

— Я по-прежнему готов продолжать дружескую дискуссию. И могу во многом помочь безрогим сланам.

Ответа не последовало. Он повторил свои слова и поспешно добавил:

— Я только хочу заключить пакт со столь могущественной организацией, как ваша. И даже верну вам звездолет, если мне будет гарантировано, что вы не возьмете меня в плен.

Молчание. Он отключил радио и повернулся к лежащей на полу Бабусе.

— Делать нечего. Эта машина и эта женщина — часть огромной ловушки, где нет места случайности. В данный момент за нами начали охоту семь военных судов-стотысячников. Их детекторы определят нахождение антигравитаторов. Нас ничто не защитит. Мы проиграли.

Ночь медленно подходила к концу. Ситуация становилась все более отчаянной. Из них троих только Бабуся дремала в одном из кресел. Оба слана не сомкнули глаз. Звездолет продолжал свой полет.

Ну и ночь! В любую минуту их мог поразить смертельный выстрел, и все же Джомми Кросс восхищенно наблюдал сквозь иллюминатор за чудесным зрелищем. За стеклом царил мир света, играющий всеми цветами радуги. Огням не было конца — пятна, лужи, пруды, озера, океаны света. Фермы, деревни, городки и города. Оторвавшись от этого феерического зрелища, он повернулся к Джоанне Хиллори, которую связал по рукам и ногам. Молодая женщина вопросительно смотрела на него.

— Ну как,— спросила она, не дожидаясь встречного вопроса,— вы приняли решение?

— Какое решение?

— Убить меня, конечно!

Джомми медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Что меня в вас поражает,— произнес он,— так это ваше понимание сути отношений: либо принять на себя, либо нанести смертельный удар другому. Я не собираюсь вас убивать. Я вас освобожу.

Она ответила не сразу:

— В моем поведении нет ничего удивительного. Десятилетиями истинные сланы уничтожали моих соплеменников. Теперь сотни лет мы им платим тем же. Что же неестественного в моем понимании сути отношений, как вы говорите?

Джомми Кросс пожал плечами. Он слишком мало знал об истинных сланах, чтобы вступать в дискуссию. Сейчас ему нужно было думать о спасении собственной жизни.

— Меня пока не интересует глупая борьба между сланами и людьми. Куда важнее проблема военных звездолетов, охотящихся за нами.

— Жаль, что вы обнаружили их.— Голос женщины был спокоен.— Теперь вы понапрасну будете испытывать мучения. Для вас лучше было бы считать себя вне опасности и умереть в тот момент, когда вы сообразите, что все совершенно иначе.

— Пока я еще жив! — нетерпеливо возразил Джомми.— Не сомневаюсь, для юного слана слишком легкомысленно предполагать, как я делаю это сейчас, что существует средство вырваться из западни. Я очень высоко оцениваю разум взрослых сланов, но не забываю, что ваша раса уже не раз терпела поражение. Почему, к примеру, если вы так уверены, что меня уничтожат, военные звездолеты не нанесли удара? Почему?

Джоанна Хиллори улыбнулась:

— Вы же не надеетесь на мой ответ?

— Почему бы и нет! — На губах Джомми Кросса играла ледяная улыбка.— Видите ли, я очень повзрослел за последние часы. Еще вчера я был слишком наивен, слишком верил в идеалы. В первые минуты нашей встречи, когда мы стояли друг против друга, вы могли убить меня, а я даже не оказал бы сопротивления. Вы принадлежали к расе сланов, а мне казалось, что все сланы должны объединиться. Я был не в состоянии нажать на спусковой крючок. А вы меня не убили только потому, что хотели допросить, а ведь возможность у вас была. Теперь же ситуация изменилась.

Женщина задумчиво поджала губы.

— Кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните.

— Все на удивление просто,— сказал юный слан.— Либо вы отвечаете на мои вопросы, либо я привожу вас в бессознательное состояние и читаю в вашем мозгу.

— Как вы удостоверитесь, что я говорю прав...— начала Джоанна и тут же остановилась, обеспокоенно уставившись на Джомми.— Вы считаете, что...

— Вот именно! — Он смерил ее ироническим взглядом.— Вы снимете ментальный контроль. Конечно, я не требую доступа ко всему мозгу. Я не вижу особых неудобств в том, что вы защищаете свои мысли в определенном секторе, который меня и интересует. Но сейчас я требую немедленного снятия контроля именно в этом секторе!

Она сидела в напряженной позе, и ее серые глаза выражали страх. Джомми Кросс с любопытством наблюдал за ней.

— Я просто поражен,— через некоторое время продолжил он,— какие странные комплексы развиваются в умах, лишенных контактов с другими умами! Неужели безрогие сланы выработали в себе небольшой священный мирок — подобно чувствительному человеку — и испытывают стыд, если позволяют его исследовать? Психологам следует потрудиться, чтобы постичь коренные причины конфликта между двумя ветвями сланов. Но пока речь не об этом. Не забудьте, что я уже проникал в ваши мысли. Помните также, что, как вы утверждаете, через несколько часов я перестану существовать — после залпа электронных излучателей.

— Ваша правда,— согласилась она.— Вы будете мертвы. Хорошо, я отвечу на ваши вопросы.

Разум Джоанны Хиллори походил на невероятной толщины книгу с огромным количеством страниц. Она была удивительно богата впечатлениями и образами, собранными ее любознательным интеллектом. Джомми Кросс ощутил беглые отблески ее недавнего опыта. Ему на мгновение открылась пустынная планета — пески, округлые холмы, ландшафты с застывшими соляными горами. Марс! Он увидел и великолепный город под стеклянным куполом, гигантские машины, вгрызающиеся в землю в свете прожекторов. Где-то шел снег — такого снегопада на Земле не бывало никогда... А через тол-

стое стекло иллюминатора он различал черный звездолет, гигантским драгоценным камнем блестевший в лучах солнца.

Мысли молодой женщины упорядочились, когда она заговорила. Она неторопливо подбирала слова, и он не стал ее подгонять, хотя понимал, что на счету каждая секунда и что смерть может в любой момент выплеснуться из небес. Ее слова и мысли были отточены, словно алмазные грани.

С того самого мгновения, когда он начал карабкаться по стене Центра аэронавтики, безрогие сланы знали, что кто-то пытается проникнуть к ним. Их прежде всего интересовали мотивы лазутчика, поэтому они решили его поймать, хотя без труда могли бы уничтожить. Они оставили свободными несколько подходов к звездолетам, и он воспользовался одним из них — но для сланов осталось загадкой, почему не сработал сигнал тревоги.

Причина нерешительности военных звездолетов крылась в одном — они не хотели использовать излучатели над населенным континентом. Если бы звездолет поднялся выше или оказался над океаном, его бы тут же атаковали. Если же он решит кружить над континентом, запасы горючего иссякнут через двенадцать часов, но еще до этого рассветет и можно будет использовать электронные огнеметы.

— А если я сяду в пригороде крупного города? Мне будет легко скрыться в толпе.

Джоанна Хиллори отрицательно покачала головой.

— Если скорость корабля упадет ниже двухсот миль в час, он будет уничтожен в любом случае. Хотя они будут сожалеть, что не вызволили меня и не захватили звездолет целым и невредимым. Вы видите, я откровенна с вами.

Джомми Кросс молчал. Его подавляла неминуемая опасность. В плане нападения не было никаких хитростей — речь шла лишь о большом количестве крупнокалиберных пушек.

— И все это,— удивился он,— ради одного бедного слана и одного звездолета? Надо испытывать невероятный страх, чтобы рисковать столь многим из-за такого пустяка.

— Гадюки поставлены нами вне закона,— возразила она.

Ее глаза горели чистым огнем, и она изо всех сил старалась думать только о том, что говорит.

— У людей суд не освобождает осужденного на том основании, что его содержание в тюрьме стоит намного меньше украденного. К тому же украденное вами представляет собой такую ценность, что ваше бегство обернется величайшей катастрофой в нашей истории.

Он нетерпеливо повел плечами.

— Вы слишком легко убедили себя, что истинные сланы не знают секретов антигравитации. Я поставил себе задачей в ближайшие годы отыскать их убежище, и могу вас заверить, что не воспользуюсь тем, что вы мне сообщили. Сам факт, что истинные сланы так умело скрылись, лишь подтверждает их возможности.

— Мы рассуждаем очень просто,— сказала Джоанна Хиллори.— Нам никогда не доводилось видеть их ракеты — значит, у них их нет. Даже вчерашний смехотворный облет дворца был выполнен на реактивной тяге — мы уже давно отказались от турбореакторов. Логика, как и наука, является рядом дедуктивных заключений, сделанных на основании наблюдений.

Джомми Кросс помрачнел. Все, что он узнавал об истинных сланах, разочаровывало. Они оказывались насильниками и убийцами. Именно они породили беспощадную братоубийственную войну с безрогими сланами. Они использовали свою мутационную машину на людях, а затем медицинские власти уничтожали рожденных чудовищ. Повсюду бессмысленное, бесцельное уничтожение! Он ничего не понимал!

Это не совпадало с его представлением о благородном характере отца да и с его собственными нравственными началами — даже после шестилетнего пребывания под разлагающим влиянием Бабуси он остался цельным и незапятнанным. Это не совпадало и с тем, что он, юный слан, попал в ловушку, о которой не подозревал, и все же — пока! — сумел уйти от мести безрогих сланов.

А его атомный пистолет! Они не подозревали о нем. Хотя пистолет будет бесполезен в битве с военными звездолетами, которые кружили вокруг. Джомми понадобится не менее года, чтобы создать более мощное оружие, способное уничтожать вражеские крейсеры. Но кое-что сделать он мог. Луч его ору-

жия дезинтегрирует все, чего коснется. Только бы иметь чуточку времени...

Луч света проник сквозь иллюминатор. И в то же мгновение звездолет тряхнуло, будто игрушку, которую пнули ногой. Послышался скрежет металла. Джомми выбрался из кресла, куда сел от толчка, и включил рычаг ускорения.

Звездолет рванулся вперед. Борясь с нарастающей силой тяжести, Джомми добрался до радиопередатчика.

Битва началась, и, если ему не удастся уговорить их, чтобы они отказались от нее, он никогда не сможет осуществить свой план.

Джомми услышал позади ироничный голос Джоанны:

— Что намерены делать? Постарайтесь убедить их отказаться от нападения. Не будьте столь наивны. Уж если они решили пожертвовать мной, то о вашей судьбе даже не станут размышлять!

Глава 11

Безлунное небо было чернильно-черным. Только сияла россыпь звезд. И на безбрежном фоне небесного свода не было ни следа вражеского корабля, ни единой подвижной тени.

Напряженную тишину внутри звездолета нарушил приглушенный крик в соседнем отсеке. Затем донеслись ругательства — Бабуся пришла в себя.

— Что это такое? Что тут делается?

Короткое молчание, потом вдруг гнев уступил место страху. Мозг старухи выплеснул поток испуганных мыслей. Воздух буквально содрогнулся от ругани, которую породил ужас. Бабуся не желала умирать. Пусть перебьют всех сланов, но не Бабусю. У Бабуси есть деньги...

Она была пьяна. Кровь разнесла алкоголь по всем клеткам ее тела, пока она лежала без сознания. Джомми Кросс оборвал контакт с ее мозгом и поспешно произнес в микрофон:

— Вызываю командира крейсеров! Вызываю командира крейсеров! Джоанна Хиллори жива. Я готов освободить ее с

наступлением рассвета при условии, что мне позволят подняться в воздух.

После недолгого молчания из динамика послышался женский голос:

— Джоанна, как вы?

— Нормально, Марианна.

— Прекрасно,— снова зазвучал спокойный голос.— Мы согласны на следующих условиях. Вы информируете нас за час до посадки о месте приземления, но оно должно быть не менее чем в тридцати милях — это значит в пяти минутах, имея в виду ускорение и торможение,— от ближайшего крупного города. Вы надеетесь скрыться. Прекрасно. Даем вам на это два часа. Мы получим взамен Джоанну Хиллори. Обмен мне кажется справедливым.

— Согласен,— сказал Джомми.

— Подождите! — воскликнула Джоанна.

Но Джомми оказался проворнее. Он выключил связь за мгновение до ее возгласа.

— Вам не стоило снова устанавливать ментальный контроль.— Он обернулся к ней.— Это насторожило меня. Хотя в любом случае я был бы в курсе дела: не установи вы ментальный контроль, я бы прочел вашу мысль. Но скажите,— в его глазах появилось недоверие,— что за страсть толкает вас на самопожертвование, неужели вам жалко подаренных мне двух часов жизни?

Она не ответила, но ее серые глаза впервые смотрели на него задумчиво.

— Быть может,— усмехнулся он,— вы на самом деле верите, что мне удастся скрыться?

— Я терзаюсь вопросом,— проговорила она,— почему не сработали средства оповещения в ангаре, где находился звездолет, почему они не указали путь, которым вам удалось пробраться к нему. Похоже, существует некий фактор, который мы не учли. А если вам удастся скрыться вместе со звездолетом...

— Удастся! — уверенно перебил Джомми.— И я останусь в живых вопреки желанию людей, Кира Грея, Джона Петти и этой банды убийц из дворца. Я останусь в живых и вопреки стремлению уничтожить меня, которое обуревает гигантскую

организацию безрогих сланов. И однажды я найду истинных сланов. Не сразу, ибо в моем возрасте не совершить того, что не удалось даже тысячам безрогих сланов. Но я их найду, и в этот день...

Он замолчал, а потом так же серьезно продолжил:

— Мисс Хиллори, должен вас уверить, что этот звездолет, как и всякий другой, никогда не будет использован против вашего народа.

— Вы слишком самонадеянны,— с горечью возразила она.— Как вы можете давать обещания от имени тех безжалостных созданий, что главенствуют в Совете у гадюк?

Джомми Кросс вгляделся в ее лицо. В словах Джоанны была правда. Однако на мгновение он ощутил величие, которое однажды придет к нему, хотя сейчас в кресле пилота перед пультом управления обреченного звездолета сидел лишь мальчик. Но он был наследником гениальных изобретений отца. Со временем в его руках будет безграничное могущество. Он думал именно об этом, когда ответил:

— При всей своей скромности могу с уверенностью сказать, что из всех живущих в данный момент сланов нет ни одного, чья жизнь была бы важнее жизни сына Питера Кросса. Там, куда я ступлю, моя воля будет переделывать мир. В день, когда я отыщу истинных сланов, войне между сланами придет конец. Вы сказали, что мое бегство явится катастрофой для безрогих сланов. Наоборот, это будет одной из самых больших побед. Однажды вы с вашими соплеменниками поймете это.

— А пока,— тон ее был саркастическим,— вы имеете всего два часа, чтобы уйти от семи тяжелых крейсеров, которыми управляют подлинные хозяева Земли. Вы, наверное, не отдаете себе отчета в том, что мы не боимся ни людей, ни гадюк, а наша организация невероятно разветвлена. В каждой деревне, в каждом городе есть своя квота безрогих сланов. Мы знаем собственную силу. Настанет день, когда мы сбросим маски, возьмем власть и...

— Это будет война! — воскликнул Джомми.

— За два месяца,— бесстрастно продолжила она,— мы уничтожим наших противников.

— А потом? Что станет с оставшимися в живых людьми? Вы рассматриваете возможность управлять четырьмя миллиардами рабов?

— Мы слишком их превосходим. Почему именно нам надо бесконечно прятаться и терпеть лишения на ледяных планетах, в то время как мы мечтаем о зеленых лугах Земли, о прекращении борьбы с природой... и с людьми, которых вы так мужественно защищаете? Они принесли нам лишь тьму страданий. Обстоятельства вынуждают нас отплатить им тем же.

— Я предвижу всеобщую катастрофу! — воскликнул Джомми.

Женщина пожала плечами.

— Наша позиция выжидания, которая тогда помогла вам в Центре аэронавтики, больше не сыграет вам на руку, поскольку теперь мы решили уничтожить вас, использовав всю мощь самого современного оружия. За минуту этот звездолет обратится в пепел, который тончайшим прахом осядет на Землю.

— За минуту! — не удержался Джомми, но тут же прикусил язык.

Он не думал, что передышка будет столь короткой. Ему оставалось лишь надеяться, что скорость звездолета усыпит их подозрения.

— Хватит разговоров! — резко сказал он.— Пора перенести вас в соседний отсек. Мне надо установить на носу корабля визир, и я не хочу, чтобы вы видели, как я работаю.

Перед приземлением Джомми заметил к западу от звездолета огни города. Затем их закрыл склон долины. Благодаря антигравитационным пластинам, с управлением которыми Джомми успешно справился, звездолет сел легко, словно перышко, и застыл.

Открыв замок, Джомми развязал Джоанну.

Держа в руке ее электропистолет — собственный Джомми закрепил в переднем визире,— он смотрел на силуэт, застывший в проеме люка. На востоке, за холмами, разгоралась заря, и призрачный свет обрисовал грациозную фигуру женщины-слана. Она соскочила на землю, не произнеся ни слова. Он подошел к люку — ее голова оказалась на уровне пола.

Она обернулась. Лицо ее было серьезно и задумчиво.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Немножко дрожу, но смерть мне кажется далекой и ждущей других, но не меня!

— Я не об этом! — возразила она.— Нервная система слана — почти неприступная крепость. Ему не грозят ни безумие, ни страх. Мы убиваем из соображений политики, к которой пришлось прибегнуть в силу обстоятельств. Когда приближается смерть, мы принимаем сложившуюся ситуацию — боремся до конца в надежде на появление нового фактора, несущего спасение, а когда умираем, то с сознанием, что не зря прожили жизнь.

Он с любопытством смотрел на нее, пытаясь прочесть то, что крылось за ее словами. Его тронуло странное дружелюбие, зазвучавшее в голосе Джоанны и пропитавшее ее мысли. Он спрашивал себя, почему вдруг этот холодный и расчетливый мозг стал мыслить иначе? Она снова заговорила:

— Джомми Кросс, вы, быть может, удивитесь, но я в конце концов поверила в вашу историю и в искренность ваших намерений. Вы первый истинный слан, которого я встретила, и впервые в жизни я ощущаю разрядку, словно верю, что ужасная мгла, в которой мы жили веками, наконец рассеивается. Если вы скроетесь от наших пушек, заклинаю вас сохранить нетронутыми свои идеалы и не предавать нас. Не становитесь слепым инструментом в руках существ, которые столько лет прибегали лишь к убийству и разрушению. Вы проникли в мой мозг и знаете, что я не солгала, говоря о них. Какова бы ни была логика их философии, она ошибочна, поскольку бесчеловечна. Она не может не быть ошибочной, ибо пока привела лишь к бесчисленным бедам.

Если он скроется! Вот в чем дело! Если он скроется, они будут в его власти, и теперь она пыталась спасти хотя бы одну ставку.

— Но не забудьте о том,— продолжала Джоанна Хиллори,— что вам не следует ждать от нас пощады. Ради собственной безопасности мы должны считать вас врагом. От этого зависит судьба многих из нас. Джомми Кросс, не рассчитывайте в будущем на наше прощение из-за того, что я говорила с вами, или потому, что вы меня отпустили. Не рискуйте про-

никать за границы наших владений, поскольку, предупреждаю вас, смерть последует незамедлительно.

Поймите, мы считаем, что интеллект у истинных сланов выше, вернее, они наделены способностью читать мысли, а потому у них и лучше развился разум. Мы уверены, что они способны на любые хитрости и проступки. Они разрабатывают планы, выполнение которых требует тридцати или ста лет. Сроки им безразличны. Поэтому, несмотря на то что я полностью верю вам, меня все же гложут сомнения по поводу вашего последующего развития, и я, наверно, на месте прикончила бы вас, будь это в моей власти. Не испытывайте никогда нашей доброй воли. Нами управляет недоверие, а не терпимость. А теперь — прощайте, и как бы парадоксально это ни звучало, удачи вам!

Он смотрел ей вслед — она шла легким шагом, постепенно растворяясь в сумраке, что все еще царил среди холмов, дорогой, что вела в город... своей дорогой. И скоро исчезла за холмом.

Поспешно закрыв люк, он бросился на склад и взял там два скафандра. Несмотря на протесты старухи, напялил один на нее, а сам облачился в другой. Потом поспешил в рубку управления.

Бросив взгляд на гримасничающее за стеклом шлема лицо Бабуси, он закрыл дверь и сел перед пультом управления, глядя на «небесный» визир. Пальцы передвинули рычажок антигравитатора, но Джомми снедала неуверенность. Неужели его столь нехитроумный план может быть осуществлен?

Джомми видел в небе над головой черточки крейсеров. Солнце, пробившись сквозь облака, высвечивало их торпедообразные силуэты. Туман в долине рассеивался с такой быстротой, что ему показалось, что и время обернулось против него. Он еще находился в тени долины, но через несколько минут наступающий прекрасный день помешает ему использовать единственный шанс для бегства.

Он был так поглощен происходящим, что даже принял за собственные неясные мысли Бабуси.

«Не надо волноваться. Бабуся сумеет удрать от сланов. Чуть-чуть грима — и будет новая голова. Стоило ли быть акт-

рисой, если не умеешь изменить свой облик? Бабуся сделает себе белое тело, как когда-то, а грим скроет морщины. Ба!»

Планы наполняли старуху радостью, и Джомми Кросс изгнал ее образ из сознания. Но ее мысли продолжали звучать в мозгу. Его родители тоже пользовались париками, то и дело стригли собственные волосы. Истинным сланам приходилось прибегать к подобным уловкам, а теперь, когда он достаточно подрос, чтобы сделать то же самое, Джомми не сомневался, что решит эту проблему, особенно с помощью Бабуси.

Теперь, когда он разработал долгосрочный план, колебания его исчезли. Звездолет пушинкой взмыл над землей и рванулся вперед, когда включились реакторы. «Пять минут на ускорение и торможение»,— говорил командир сланов. Джомми сардонически усмехнулся. Он не станет тормозить. Он бросит звездолет к реке, которая темной петлей огибает город, выбранный им именно из-за реки.

Лишь в последний миг Джомми включил полное торможение.

Только когда было уже поздно, сланы, потеряв веру в успех и забыв о своем желании не показывать собственное могущество вблизи города, словно хищные птицы, ринулись на звездолет Джомми Кросса и открыли огонь из всех пушек. Джомми привел в действие атомный пистолет, который установил в носовом визире.

Мощный толчок ускорил движение звездолета. Но он почти не ощутил вражеского обстрела. Все внимание Джомми было обращено на собственное оружие. Как только сработало управление, из пистолета хлынул поток нестерпимой яркости и в носу звездолета образовалось отверстие диаметром в два фута. Белые лучи рассеялись веером, испаряя воду реки, куда нырнул корабль.

За иллюминаторами сначала показалась темная вода, а потом твердь пород — звездолет уходил в глубь Земли. Атомный пистолет распылял скалы, а реакторы гнали корабль вперед.

Не спуская взгляда с часов, Джомми отсчитывал секунды — десять, двадцать, тридцать... минута. Он стал выравнивать машину, но невероятная скорость затрудняла маневр. Тридцать секунд спустя он остановил реакторы.

Через две минуты двадцать секунд подземного пробега корабль замер на месте. Джомми прикинул, что, оставив позади многокилометровый туннель, теперь заполненный водами реки, он находится под центром города. Сланы догадаются, что произошло. Их приборы, должно быть, уже нацелены на звездолет.

Джомми рассмеялся. Так ли уж важно, что они знали, где он находится? Что они могли ему сделать? Конечно, его ожидали еще большие опасности, особенно когда они с Бабусей выберутся на поверхность. Ведь с этого мгновения вся организация безрогих сланов находится в состоянии боевой тревоги. Но это его не волновало. Сейчас победу одержал он, а после стольких часов разочарования это кое-что значило. Пора было приводить в действие план Бабуси — загримироваться, а потом расстаться с ней.

Лицо Джомми стало серьезным. Он перешел в соседний отсек. Черная сумка, в которой он по-прежнему нуждался, была в объятиях старухи, вцепившейся в нее костлявой рукой. Он вырвал сумку, пока она не сообразила, что происходит. Бабуся кинулась на него, но он отстранил ее рукой.

— Не заводитесь. Я решил принять ваш план. Постараюсь загримироваться под человека, и мы расстанемся. Я дам вам сейчас пять тысяч долларов. Остальное получите через год. Вам надлежит сделать следующее.

Прежде всего мне необходимо место, где я мог бы жить. Поэтому вы купите ранчо или дом в горах. Затем поместите объявление в газете. Я вам отвечу таким же образом. Деньги я оставляю при себе, чтобы у вас не возникло мысли предать меня. Увы! Но вначале пленником сделали меня вы, теперь придется испытать на себе последствия. Сейчас я заблокирую туннель. Со временем поставлю на звездолет атомный двигатель, но пока не желаю, чтобы безрогие сланы добрались сюда.

Город следовало покинуть как можно быстрее. Где-нибудь должны были находиться истинные сланы. Его отец и мать встретились случайно. Его собственная встреча с истинным сланом тоже будет случайностью. А пока надо было поразмыслить об обширном проекте, который постепенно обретал очертания в его голове. Поиски контакта с истинными сланами требовали логических рассуждений.

Глава 12

Он занимался поисками истинных сланов и работал. Планы, мысль о которых отец заложил в его память, мало-помалу осуществлялись в спокойной обстановке лаборатории, оборудованной на ранчо Бабуси. Он научился контролировать бесконечную энергию, которая находилась в его распоряжении.

Джомми установил два факта, невероятно расширивших возможности, заложенные в изобретении отца,— источник энергии мог быть как угодно мал, хватало нескольких миллиграммов вещества, а энергия могла быть получена в любом виде и не только в виде тепла. Ее можно было преобразовывать в движение, в вибрацию, в излучение и прямо в электричество.

Он приступил к созданию арсенала. Гора вблизи ранчо была превращена в крепость. Он понимал, что в случае прямой атаки даже такая крепость не спасет, но все же это было кое-что. Теперь, создав самые совершенные средства защиты, он с повышенной страстью окунулся в поиски.

Одна заря сменяла другую, один вечер — другой, солнце, дожди, ночи уходили в прошлое бесконечной чередой. Хотя он по-прежнему был одинок, одиночество не мешало ему, поскольку он повседневно наблюдал драму жизни вокруг. Джомми повсюду получал все новые и новые подтверждения того, какой размах приобрела организация безрогих сланов, и с каждым днем перед ним все мучительнее вставал вопрос — где же скрываются истинные сланы?

Тайна мучила его. Не покидала мыслей и сегодня вечером, пока он бродил по улицам этого города — сотого или тысячного из тех, которые посетил.

Опустилась ночь. Тьму пробивали огни витрин и свет тысяч фонарей. Джомми подошел к газетному киоску, купил все местные газеты, потом вернулся к автомобилю — обычный кузов скрывал самую мощную военную машину, и он старался никогда не терять ее из виду. Опершись о дверцу и листая страницу за страницей, Джомми быстро пробежал глазами одну газету.

Ветер стал холоднее, принеся с собой мелкий противный дождик. Внезапный порыв вырвал газету из рук и погнал

по тротуару. Джомми залез внутрь машины, чтобы прочесть оставшиеся. Через час он выбросил их в урну на углу улицы. Потом снова сел за руль.

Повсюду одно и то же. Двумя газетами владели безрогие сланы. Для него не составляло труда заметить тончайшую разницу в тоне статей, в манере употребления слов, во всем том, что отличало их от газет человека. Две из семи. Но у этих двух был самый большой тираж. Везде одно и то же.

Неизменно: люди и безрогие сланы. Никакой третьей группы, нигде никакого намека, который свидетельствовал бы, что газетой владеют истинные сланы (если его теория верна). Ему оставалось лишь раздобыть еженедельники и провести вечер так, как он провел бы день,— утюжить улицы на машине, мысленно обшаривая каждый дом и мозг каждого прохожего. Когда он покатил на восток, непогода уже разбушевалась, как неприрученный зверь в ночи. Ночь и буря поглотили еще один город, еще одну неудачу.

Черная вода накрывала звездолет, когда через три года после бегства от безрогих сланов Джомми Кросс вернулся в туннель. Ему пришлось потрудиться, пока он, увязая в иле, приладил свои атомные установки и направил их на пробоину в корпусе.

Он заделал сверхпрочной сталью отверстие, которое дезинтегратор прожег в тот день, когда за ним гнались крейсеры сланов. Целую неделю изобретенная им машина ползала по корпусу, словно улитка, меняя структуру атомов, пока весь звездолет не засверкал,— ему теперь не было равных по прочности.

Почти месяц ушел на анализ состава антигравитационных панелей. После чего он изготовил несколько аналогичных образцов и оставил их в туннеле, поскольку детекторы безрогих сланов были настроены именно на них. Пусть считают, что звездолет по-прежнему покоится под землей.

Он выжидал целых три месяца. И наконец в одну из ненастных октябрьских ночей звездолет проделал под действием могучего атомного двигателя обратный десятикилометровый путь и взлетел в холодное небо.

Дождь сменился снегом, и наконец машина взмыла над тучами, оставив внизу все земные бури. Небосвод был усеян

звездами. В его диадеме чистым бриллиантом сверкал Сириус, рубином рдел Марс. Но сегодня Джомми направлялся не к Марсу. Он совершал небольшой разведывательный и испытательный полет к Луне. Следовало собирать информацию, необходимую во время опасного путешествия, надобность в котором все возрастала,— ведь все его поиски день ото дня становились безуспешней. Однажды ему придется лететь на Марс.

Сумерки, окутывавшие Землю, понемногу рассеивались. Затем появился свет, но ему пришлось оторваться от зрелища восходящего Солнца — зазвучал сигнал тревоги. Он увидел на обзорном экране мигающий огонек детектора. Притормозив, Джомми вгляделся. Вскоре огонек погас, и он заметил едва различимый звездолет.

Тот летел мимо. Тысячефутовая торпеда, увеличившись в размерах, сверкнула в лучах солнца, а потом где-то за сотню миль от корабля нырнула во тьму и тут же исчезла. Через полчаса замолк сигнал тревоги.

Не прошло и десяти минут, как сигнал зазвучал снова. Теперь объект находился подальше и летел перпендикулярно первому. Он был намного меньше, размером с истребитель. Джомми удивило, что он двигался не прямо, а зигзагообразно.

Вскоре и он исчез, а Джомми все никак не мог оправиться от потрясения. Крейсер и истребитель! Что это значило? Это походило на патруль. Кого он выслеживал? Конечно же, не людей. Те по-прежнему не подозревали о безрогих сланах и их машинах.

Он остановил звездолет. Ему не хотелось рисковать, вступив в сражение со столь хорошо вооруженными кораблями. Развернувшись, он тут же заметил небольшой темный объект, похожий на метеорит, который несся в его сторону.

Джомми бросил корабль вправо. Объект последовал за ним, словно живое космическое чудовище. Теперь его можно было разглядеть на экране заднего обзора — металлический шар около ярда диаметром. Джомми попытался избежать столкновения, но не успел произвести маневр — мина взорвалась.

Толчок швырнул его на пол; оглушенный, он несколько мгновений лежал без движения, понимая лишь одно — стенки корабля выдержали удар невероятной силы. Звездолет про-

должал набирать скорость. Джомми встал и, покачиваясь, занял место перед пультом управления. Столкнуться с миной! С плавающей миной! Какие ужасные предосторожности — и против кого?

Все еще размышляя над происшедшим, он нырнул в тунель под рекой, огибавшей ранчо Бабуси и углубился в сердце горы. Он не знал, сколько еще времени кораблю придется оставаться там — поверхность корпуса была радиоактивной, а значит, использовать звездолет в ближайшее время не придется. Но теперь Джомми был уверен — он еще не готов бросить вызов безрогим сланам, а тем более сразиться с ними.

Два дня спустя, сидя на пороге старого ранчо, он смотрел, как к нему направляется соседка, миссис Лейнаган. Эта пухлая блондинка, за детским личиком которой скрывался недоброжелательный, все вынюхивающий ум, шла по садовой дорожке, подозрительно уставясь на внука Бабуси.

Джомми с улыбкой встретил соседку и, распахнув дверь, последовал за нею внутрь. Она была полной невеждой, как и все люди, что жили в этом забытом богом уголке мира, где образование и воспитание были лишь тенями былого, безликим отражением официального цинизма. Не зная точно, кто такие сланы, она верила, что молодой человек слан, и явилась сегодня, чтобы удостовериться в своей правоте. Тем самым она предоставила Джомми нежданную возможность испытать метод гипнотического внушения с помощью хрустального шара. Его поразило, с какой легкостью она попала под воздействие этого сверкающего предмета, что стоял на столе. Продолжая болтать, она не отдавала себе отчета в том, что в какой-то момент превратилась в его рабыню.

Когда в конце дня соседка отправилась восвояси, то выглядела она как обычно. Однако забыла о цели своего визита, поскольку теперь по-иному относилась к сланам. В ней не было ни ненависти — Джомми уже предвидел близкое будущее,— ни симпатии: в мире, где сланов ненавидели, следовало защитить и от того и от другого.

Утром Джомми заметил ее мужа, чернобородого гиганта, который работал в поле. Короткий разговор, чуть иначе настроенный хрустальный шар — и тот изменил свое мнение о сланах.

За те месяцы, что Джомми провел в обществе Бабуси, он с помощью гипноза превратил ее в почтенную старую даму, а заодно организовал ментальный контроль над каждым из сотен фермеров, что жили в идиллической долине у подножия зеленых гор. Вначале ему приходилось прибегать к помощи шара, но затем он научился обходиться без него, поскольку постиг человеческую натуру.

Но даже при темпе в две тысячи гипнотизируемых в год и без учета новорожденных ему понадобилось бы два миллиона лет, чтобы загипнотизировать все человечество. А два миллиона сланов могли это проделать за год при условии, что будут знать тайну его кристаллов с перестроенной атомной решеткой.

Подумать только — два миллиона лет! А он никак не может отыскать ни одного слана. Но ведь истинные сланы должны же где-нибудь быть? Ему нельзя было отказываться от поисков даже одного-единственного, ведь на выявление организации истинных сланов могли уйти долгие годы.

Глава 13

Попалась. Кэтлин Лейтон застыла у письменного стола Кира Грея перед открытым ящиком, в содержимом которого рылась. Сквозь двери она видела приближающуюся фигуру Кира Грея и еще кого-то — они уже свернули в коридор, соединявший ее спальню с кабинетом диктатора.

Какая незадача! Несколько недель она дожидалась заседания Совета, чтобы без помех попасть сюда... и так глупо вляпаться. Впервые, не вызвав ее, как обычно, к себе, Кир Грей отправился для разговора к ней в комнату. Несмотря на все, остальные выходы охранялись, и теперь единственный путь отступления был отрезан.

Она оказалась в ловушке! И все же ни о чем не жалела. Мог ли быть у пленницы-слана иной выход, кроме бегства? Она сознавала всю серьезность положения. Ее возьмут с поличным... Кэтлин перестала укладывать документы в ящик — не оставалось времени. Оба человека уже были за дверью.

Вдруг приняв решение, она задвинула ящик, поспешно собрала бумаги в стопку, сдвинула ее на край стола, отпрыгну-

ла в сторону и уселась в кресло. В то же мгновение открылась дверь, пропустив Джона Петти и Кира Грея. Увидев ее, они застыли на пороге. Начальник полиции помрачнел, вопросительно посмотрев на диктатора. Тот нахмурился, на его губах появилась злая усмешка.

— Здравствуй,— произнес он.— Каким ветром тебя сюда занесло?

Кэтлин уже приготовила ответ, но Джон Петти заговорил первым. Голос его был вкрадчивым.

— Но это же очевидно, Кир, она шпионит за вами.

Несокрушимая логика этого человека леденила душу девушки. Похоже, начальнику тайной полиции самой судьбой было предназначено попадать в нужное место в самый критический момент, и она понимала, что такое мгновение настало и Джон Петти проявит все свое упорство, чтобы извлечь максимальную пользу из ее просчета.

— Кир,— продолжил полицейский,— это наглядный пример к нашему спору. На следующей неделе ей исполнится двадцать один год. Неужели она будет жить здесь всю свою жизнь? Все сто пятьдесят лет с хвостиком? Пора принять решение...

Глаза Кира стали жесткими.

— Кэтлин, разве ты не знала, что я на заседании Совета?

— Вам хорошо известно, что знала,— вмешался Джон Петти,— а неожиданный конец заседания оказался для нее неприятным сюрпризом.

— Я отказываюсь отвечать в присутствии этого человека,— спокойно ответила Кэтлин.— Он напрасно пытается сохранить бесстрастный и рассудительный тон, напрасно пытается скрыть свои мысли — я читаю в нем одну всепоглощающую страсть. И знаю, он наконец надеется убедить вас отдать приказ о моей казни.

Лицо Кира Грея вдруг стало враждебным. Кэтлин вошла в контакт с поверхностью его мозга, различила формирующуюся мысль, неотвратимое решение, но не смогла ее прочесть.

— С точки зрения истории,— наконец вымолвил он,— упрек, который она адресует вам, Джон, оправдан. Желание

убить ее... хм... конечно, доказывает ваше рвение антислана, но в то же время свидетельствует о странном фанатизме для человека ваших достоинств.

Джон Петти нетерпеливо отмахнулся от его слов:

— По правде говоря, мне хочется и не хочется видеть ее мертвой. Уверен, она представляет серьезную угрозу для государства — живет во дворце, наделена способностью читать чужие мысли. Так что хотелось бы убрать ее подальше, а поскольку я не страдаю излишней сентиментальностью, наилучшим выходом мне представляется смерть. Однако при моих собственных предрассудках в этом вопросе я не стал бы требовать смертного приговора. Но глубоко убежден, что мои слова на сегодняшнем Совете верны. Эту девушку надо поселить в другом месте.

Кир Грей, похоже, не собирался говорить. Глаза его пристально изучали Кэтлин.

— Как только я переступлю порог дворца,— резким тоном возразила Кэтлин,— меня убьют. Как сказал мистер Грей десять лет назад, когда один из ваших приспешников пытался прикончить меня, после смерти слана никто не открывает следствия, чтобы выяснить обстоятельства его гибели.

Кир Грей нерешительно покачал головой. Она еще никогда не слышала такой неуверенности в его голосе:

— Ты слишком поспешно сочла, что я не могу тебя защитить, Кэтлин. Но из всего сказанного делаю вывод, что Джон Петти прав. Собирай вещи и будь готова к отъезду в ближайшие двадцать четыре часа.

Его слова поразили ее, но она быстро обрела спокойствие. Кэтлин отчетливо понимала, что Кир Грей перестал быть ее защитником и что решение его было окончательным.

А ведь он еще даже не получил доказательств ее вины. Даже не бросил взгляда на кипу документов, которые она сложила на столе. Его решение основывалось лишь на факте ее присутствия в кабинете и на обвинениях Джона Петти.

Это удивило Кэтлин, ведь раньше и при более серьезных обстоятельствах он защищал ее от полицейского. Она раз пять или шесть приходила в кабинет в его отсутствие и ни разу не вызвала подобного гнева.

Значит, решение он принял раньше, а следовательно, любые возражения были бесполезны. Она вдруг ощутила, как удивлен Джон Петти, обескураженный слишком легкой победой. По поверхности его мозга пробежало мимолетное недовольство, потом он решил закрепить свое превосходство. Его взгляд обежал комнату, остановился на столе.

— Кстати, а что она здесь обнаружила? Что это за документы?

Он подошел к столу и завладел пачкой бумаг. Диктатор последовал за ним.

— Хм, список всех старых убежищ сланов, которыми мы еще пользуемся для захвата отдельных особей. К счастью, список слишком обширен, чтобы она успела запомнить все названия, а тем более их местонахождение.

Кэтлин даже обрадовалась, что он так ее недооценивает. Ни один из них не догадывался, что местонахождение каждого убежища отпечаталось в ее мозгу, а кроме того, с фотографической точностью она запомнила расположение датчиков тревоги, установленных полицией. Она даже успела прочесть подробный отчет о передатчике мыслей, позволяющем сланам, не подозревающим об убежище, с легкостью обнаруживать его. Но сейчас главным было другое.

Она сосредоточила все свое внимание на Кире Грее. Диктатор изучал документы.

— Это серьезнее, чем я предполагал! — процедил он сквозь зубы.

Сердце Кэтлин тягостно сжалось.

— Она копалась у меня в столе!

Этого Джону Петти можно было и не говорить, подумала Кэтлин. Никогда прежде Кир Грей не дал бы ее самому заклятому врагу оружия, которым тот мог бы воспользоваться.

Кир Грей окинул ее ледяным взглядом. Она не без удивления заметила, что он спокоен. Никакого гнева — он просто сообщал об окончательном разрыве отношений.

— Отправляйся к себе в комнату, собирай вещи и жди дальнейших распоряжений.

Выходя, она услышала слова Джона Петти:

— Вы всегда говорили, что оставляете ее в живых для изучения. Переведя ее отсюда, вы больше не сможете наблюдать

за ее поведением. Полагаю, я не совершу ошибки, предположив, что отныне она переходит в ведение тайной полиции?

Кэтлин прервала ментальный контакт с ними, как только захлопнула за собой дверь и бросилась в свою комнату. Ее совершенно не интересовали подробности расправы над ней, которые разработали диктатор и его подручный. Сомнений не оставалось. Она распахнула дверь комнаты, что выходила в главный коридор, поздоровалась с часовым, который отдал ей честь, и уверенным шагом направилась к ближайшему лифту.

Ей было запрещено подниматься выше пятисот футов, а следовательно, она не имела доступа к ангарам с самолетами, которые располагались выше. Но молодой крепыш-солдат, охранявший лифт, рухнул без сознания после того, как она нанесла ему удар в челюсть. Кэтлин прочла в его мозгу: как и большинство людей, он никак не предполагал, что эта хрупкая девушка могла быть опасной для двухсотфунтового мужчины в расцвете сил. Он упал, даже не успев понять своего заблуждения. Она связала ему руки и ноги электрошнуром и заткнула рот кляпом.

На крыше она сначала провела короткую ментальную разведку в районе лифта. Потом открыла дверь и быстро затворила за собой. В тридцати футах от нее стоял самолет. А чуть дальше три механика, беседуя с солдатом, возились у другого летательного аппарата.

Ей понадобилось всего десять секунд, чтобы метнуться к самолету и залезть в кабину. Теперь настал момент использовать те знания, которые она за долгие годы почерпнула в головах офицеров-пилотов. С ревом включились двигатели, самолет прокатился по крыше и взлетел.

— Смотри-ка! — прочла она высказанную мысль одного из механиков.— Полковник отправился в полет.

— Опять решил вдарить по юбкам! — засмеялся солдат.

— Надо думать! — подтвердил второй механик.— Будь спокоен...

После двух часов полета на юго-восток Кэтлин добралась до выбранного ею убежища сланов. Она приземлилась, переключила управление на автопилот и долго смотрела, как самолет удаляется к востоку.

День за днем она ждала, не появится ли здесь какой-либо автомобиль. На пятнадцатые сутки из-за деревьев выкатила длинная черная машина и направилась в сторону фермы, где она скрывалась. Все ее тело сжалось. Необходимо было выманить водителя, совладать с ним и захватить машину. Полиция могла появиться в любой миг. Следовало спешить, не задерживаться здесь. Она притаилась, не сводя взгляда с машины.

Глава 14

Джомми наконец оставил за спиной громадную равнину, мирно спящую под зимним небом. Прежде свернул на восток, потом он направился к югу, миновав несколько полицейских застав. Его ни разу не остановили, но в головах полицейских он прочел, что ведутся поиски женщины-слана.

От неожиданности у него перехватило дыхание. Вспыхнувшая надежда была слишком велика, чтобы в нее можно было поверить. И все же речь шла не о безрогом слане. Люди, умевшие определять сланов лишь по наличию тендрил, несомненно, искали истинного слана. Неужели наконец осуществится его мечта?

Он направился в ту зону, которую полиции поручили окружить. Свернул с шоссе на проселочную дорогу, петлявшую между заросшими лесом долинами и иногда взбегавшую по склону холма. С утра небо было затянуто серыми тучами, но к полудню оно очистилось, и на голубом небосводе засияло солнце.

Неожиданно усилилось ощущение, что он приближается к центру опасной зоны. Вдруг до Джомми донеслась мысль. Она была такой важности, что у него закружилась голова.

«Внимание, сланы! Работает телепатический передатчик Поргрейва. Сверните на первую дорогу справа примерно через восемьсот метров. Там получите новые указания».

Джомми вцепился в руль. Послание повторялось, омывая его душу, словно теплый летний дождик: «Внимание, сланы!.. Сверните...»

Он несся вперед, дрожа от возбуждения. Чудо свершилось. Вблизи жили сланы, целое сообщество сланов. Установка пе-

редатчика могла быть делом рук одного слана, но послание было адресовано группе сланов, и, несомненно, сланов истинных!

И все же он не исключал возможной ловушки. Передатчик мог быть единственным устройством, оставшимся от древней колонии сланов. Джомми не боялся опасности — его машина могла выдержать самую мощную атаку, а оружие позволяло справиться с любым противником. Но лучше было предположить, что люди специально оставили тут телепатический передатчик в качестве приманки, а полиция окружала это место, зная, что здесь кто-то скрывается. Тем более что именно это предположение и привело его сюда.

Автомобиль катил вперед. Через минуту Джомми Кросс увидел справа заросшую дорожку — другого пути не было. Он свернул на нее, миновал густые заросли и несколько канав. Через четыре километра его остановило новое послание:

«Говорит телепатический передатчик Поргрейва. Обращаемся к истинным сланам. Направляйтесь к небольшой ферме, которую видите перед собой. Там расположен въезд в подземное убежище и на заводы, там же найдете жилые помещения и сады. Добро пожаловать. Говорит телепатический...»

Машина, подпрыгивая на ухабах, перевалила через несколько холмов и, продравшись сквозь ограду из кустарника, оказалась на поляне, а вернее, на заросшем сорняками дворе, в глубине которого высилось траченное временем здание с двумя обрушившимися пристройками — гаражом и амбаром.

Выбитые окна старого здания слепо смотрели на него. Ворота амбара косо повисли на проржавевших петлях.

Он бросил взгляд на гараж. Тот выглядел такой же развалюхой, но в нем ощущалось что-то иное. Именно это чуть заметное отличие и насторожило его. Гараж, похоже, готов был рухнуть, но так только казалось. Он был построен из материалов, способных выдержать любой напор стихий.

Покосившиеся двери легко отворились — на пороге появилась высокая худощавая девушка в сером. Она с улыбкой смотрела на Джомми.

На ее лице с тонкими чертами блестели проницательные глаза. Мысли Джомми были сконцентрированы в узком диа-

пазоне, поэтому она шла к нему в полной уверенности, что перед ней человек.

Девушка была сланом!

И он был сланом!

После стольких лет неустанных поисков потрясение было невероятно сильным, но Джомми почти тут же пришел в себя: его никогда не покидала уверенность, что однажды это произойдет — он встретит слана. Для Кэтлин же, которой никогда не приходилось скрывать своих мыслей, неожиданность была подобна взрыву. Она пыталась совладать с собой, но безуспешно. Ее ментальный контроль, к которому она так редко прибегала, оказался недостаточен.

Справедливая гордость была основной в потоке мыслей, устремившихся в мозг Джомми, когда ее разум открылся подобно книге. Гордость и скромность, происходившая от глубокой чувствительности, непонимание того, что случилось. Джомми тоже многого не понимал, но девушке не хватало закалки борьбой и опасностями, с которыми постоянно сталкивался он. В ее душе царила нежность, которая никогда не знала ни озлобления, ни слез, ни ненависти.

Она не спускала с него глаз. Потом спохватилась, и Джомми прочел ее мысль:

«Нам нельзя оставаться здесь. Я слишком долго пробыла в этом убежище. Вы, вероятно, прочли, что меня разыскивает полиция, поэтому лучше поскорее удалиться отсюда».

Он разглядывал ее горящими глазами. И с каждой секундой радость все больше наполняла его существо. Ему казалось, что с плеч свалилась невыносимая тяжесть. Все эти годы тяжесть ответственности лежала только на нем. То ужасное оружие, владельцем которого он был, казалось ему иногда дамокловым мечом, занесенным над будущим и человечества и сланов, который висел на тончайшей ниточке его собственной жизни. Наконец к одной ниточке добавлялась вторая.

Он чувствовал, как его переполняет нежность. Мужчина и женщина, одинокие во враждебном мире, встретились точно так же, как когда-то встретились его отец и мать. Воспоминание о них заставило его грустно улыбнуться. Несколько мгновений он наслаждался своим новым состоянием.

— Нет,— покачал он головой, успокаивая ее,— не сразу. Я прочел в вашем мозгу, что подземный город полон оборудования. Мне хотелось бы бросить на него взгляд. У меня большая нехватка тяжелых станков. Ничего не бойтесь. У меня есть оружие, перед которым никому не устоять, а автомобиль разработан специально для бегства. Он может пройти практически повсюду. Надеюсь, въезд в подземелье не представляет особых трудностей.

— Конечно! Сначала лифт. А дальше тянутся улицы. Но времени терять нельзя. Мы...

Джомми Кросс рассмеялся.

— Никаких «но»!

— Я действительно считаю, что нам нельзя здесь долго оставаться. Я читаю ваши мысли и знаю, что вы обладаете удивительным оружием, а ваша машина изготовлена из металла, который вы называете десятибалльной сталью. Но вы недооцениваете людей. И напрасно! В своей борьбе со сланами люди вроде Джона Петти достигли интеллектуального могущества, намного превышающего норму. И Джона Петти в его желании прикончить меня не остановит ничто. Сейчас вокруг всех убежищ сланов, где я, как они предполагают, могу находиться, сжимается полицейская сеть.

Джомми Кросс посмотрел на нее. Вокруг царила тишь подземного города с когда-то белыми стенами, вздымавшимися до растрескавшихся потолков, с рядами колонн, прогнувшихся не столько от веса породы над ними, сколько от тяжести лет. Слева открывался огромный искусственный парк, где журчала речонка, питавшая водой этот подземный мирок. Справа высились жилые дома, чьи пластиковые стены еще не совсем утратили первозданный блеск.

Когда-то здесь жил целый народ, изгнанный отсюда беспощадным врагом. Над мертвым городом, казалось, все еще висит угроза. Его, по оценке Джомми, окончательно покинули лет двадцать пять назад. Иными словами, катастрофа разразилась совсем недавно.

«Логически рассуждая,— передал он свою мысль Кэтлин,— нам лишь надо следить за появлением чужих мыслей, чтобы быть в безопасности, и не слишком удаляться от машины.

Однако меня беспокоит ваше интуитивное ощущение опасности. Мне хотелось бы, чтобы вы отыскали в вашем мозгу причину этого страха. Мне это сделать труднее, чем вам».

Девушка не ответила. Она закрыла глаза и убрала ментальный контроль. Она сидела рядом с ним в машине — ему казалось, что рядом спит слишком взрослый и слишком красивый ребенок. Ее губы шевельнулись, она спросила:

— Что такое десятибалльная сталь?

— А! — Джомми был доволен.— Начинаю понимать. У телепатического общения множество преимуществ, но с его помощью не удается передать четкое описание мощи оружия, которое становится понятным из чертежа или словесного объяснения. Мощь, размер, сила относятся к тем понятиям, которые с трудом передаются телепатически.

— Продолжайте, я слушаю вас.

— В основе всего, что я сделал,— объяснил Джомми,— лежит великое открытие моего отца, опирающееся на фундаментальные законы атомной физики. Взамен известного издавна принципа рассеяния энергии использован принцип ее концентрации. Насколько мне известно, отец не сомневался, что его открытие позволит добиться значительного упрочения металлов. Я начал разрабатывать детали, исходя из идей отца. Понемногу и у меня самого появился ряд идей. Теоретически прочность металла зависит от сил сцепления, а точнее, от атомных связей. Я назвал металл с этой теоретической прочностью однобалльной сталью. С помощью усовершенствованных методов люди быстро создали двухбалльную сталь. Прошли века, пока удалось получить пятибалльную сталь. Безрогие сланы добились нового успеха — они сделали семибалльную сталь. Но даже их достижение не в силах сравниться с тем металлом, который подвергся облучению, изменившему собственно структуру атома. Моя десятибалльная сталь — почти идеальный металл. Восьмидюймовая пластина его выдерживает силу взрыва самых мощных взрывчатых веществ, которыми располагают люди и безрогие сланы!

Он быстро рассказал о своем неудачном путешествии на Луну и столкновении с миной, которое заставило его возвратиться назад.

— Главным выводом из этого происшествия было то, что атомная бомба, способная уничтожить гигантский звездолет, не смогла пробить футовой обшивки десятибалльной стали. В корпусе появилась только вмятина, но удар вызвал повреждения в машинном отсеке.

Кэтлин слушала его со сверкающими от возбуждения глазами.

— Ну и глупа же я! — воскликнула она.— Встречаюсь со сланом, с самым великим из сланов, и пытаюсь внушить ему страхи, которые рождены двадцатью одним годом жизни рядом с людьми, чье могущество можно считать нулевым по сравнению с вашим.

Джомми Кросс тряхнул головой и улыбнулся.

— Великий слан не я, а мой отец. Но даже он имел недостатки — слишком мало заботился о собственной жизни. Хотя был гением.— Лицо юноши стало серьезным.— Боюсь, нам придется часто наведываться в это подземелье и каждый визит будет сопряжен с таким же риском, как и сейчас. С Джоном Петти у меня в свое время состоялась чересчур кратковременная встреча, но то, что я прочел в его мыслях, подтверждает — он человек безжалостный. Я знаю, что это подземелье находится под его наблюдением, но нас это не должно останавливать. Сегодня мы пробудем здесь до ночи, чтобы я успел ознакомиться со станками. У меня есть с собой пища, мы перекусим, я немного посплю, не вылезая из машины. Но прежде надо осмотреть, что тут есть!

Машины походили на громадные неподвижные трупы. Плавильные печи, гигантские прессы, токарные и прочие станки, пилы — их ряды тянулись почти на километр. Треть из них была сломана, пятую часть можно было частично использовать, остальные работали.

Резкий свет прожекторов в огромном цехе отбрасывал резкие тени. Джомми задумался.

— Никогда не предполагал, что здесь есть то, в чем я очень нуждаюсь. Я могу построить крейсер только из находящихся здесь отходов металла. Но убежден, это место служит западней для сланов. Скажите,— в голосе его вдруг появилась озабоченность,— вы уверены, что здесь всего два входа?

— В списке, найденном в столе Кира Грея, указано только два... остальных я не заметила.

Он не стал скрывать от нее своего внутреннего беспокойства:

— Быть может, смешно полагаться на вашу интуицию, но, когда я ощущаю смутную опасность, то предпочитаю рассмотреть все возможности.

— Если существует тайный вход,— сказала Кэтлин,— нам потребуются часы, чтобы его обнаружить, а если обнаружим, где уверенность, что нет других? Мне кажется, нам следует немедленно покинуть это место.

Джомми решительно тряхнул головой.

— Я вам не сказал, но главная причина нежелания уезжать в том, что у нас нет более надежного убежища, чем это подземелье, пока вы не загримируетесь, а ваши тендрилы не скроет парик. На это требуется время. Полиция следит за всеми подходами. Полицейским известно, что ищут девушку-слана, у них есть ее фотография. Мне пришлось сделать объезд, чтобы добраться сюда раньше их.

— Ваша машина летает? — спросила Кэтлин.

— Ночь наступит через семь часов,— сказал Джомми Кросс,— а сейчас мы можем в любой момент столкнуться с самолетом. Представьте себе удивление пилотов, встретивших летающий автомобиль. Если же мы поднимемся выше, скажем, на пятьдесят миль, нас засечет разведывательный аппарат безрогих сланов.

Его командир сразу поймет, с кем имеет дело, укажет наши координаты, и нас атакуют. У меня есть оружие, чтобы уничтожить один корабль, но с десятками звездолетов я не справлюсь! Времени не хватит — мы погибнем от первого же прямого попадания. К тому же мне не хочется убивать. За свою жизнь я уничтожил всего трех человек. И отвращение к убийству во мне стало только сильней. Оно превратилось в доминирующую черту моей натуры, и весь мой план отыскать истинных сланов основывается на анализе этой тенденции.

— У вас есть план разыскать истинных сланов? — удивилась она.

Он кивнул.

— Да. И очень простой. Все истинные сланы, которых я знал — отец, мать, я и теперь вы,— относятся к существам, которые испытывают любовь к ближнему. Несмотря на ненависть людей и их стремление нас уничтожить. Не могу поверить, что мы четыре исключения из правила. Всем тем чудовищным поступкам, которые приписывают истинным сланам, должно быть разумное объяснение.— Он улыбнулся.— Конечно, с моей стороны, исходя из моего возраста и незрелости, самонадеянно высказывать собственное мнение. Пока я ничего не достиг. И не могу сделать нового шага вперед, пока не приму новых мер защиты от безрогих сланов.

Кэтлин не отрывала от него взгляда. Потом кивнула:

— Мне понятно, почему мы должны остаться здесь.

Он вдруг пожалел, что настоял на своем. На мгновение — он скрыл это от нее — у него возникло предчувствие неотвратимой опасности. И столь невероятной, что логика отказывалась допустим ее возможность. Но все же он предупредил ее:

— Не удаляйтесь от машины и держите мозг настороже. Мы можем обнаружить человека на расстоянии четырехсот метров, даже когда спим.

Но уверенность в собственных возможностях его не успокоила.

Джомми задремал на несколько минут. Потом почти проснулся и, не открывая глаз, ощутил, что девушка рядом читает одну из его книг. Он снова заснул, но сон юноши был так легок, что в его мозгу сформировался вопрос: «А прожекторы... горят постоянно?»

И тут же девушка ответила, что они горели, когда она сюда попала, и что, по-видимому, горят всегда.

Она тоже задала вопрос, и мозг Джомми ответил:

«Нет, перекусывать буду после сна».

Он был в полусне, ибо почувствовал, как рождается радостная мысль. Ведь прекрасно найти наконец еще одного истинного слана, особенно если этот слан оказывается красивой девушкой.

«И красивым юношей».

«Чья это мысль, моя или ее?»

«Моя, Джомми».

Какое удовольствие слиться мысленно так тесно, что потоки мыслей превратились в один, а вопросы и ответы, весь разговор окрасились в тончайшие оттенки, которые не в силах передать обычные слова!

Влюбились ли они друг в друга? Как два существа могли встретиться и тут же влюбиться, когда в мире существовали тот или та, на кого бы пал выбор в иных обстоятельствах?

«Особый случай, Джомми. Всю нашу жизнь мы прожили в одиночестве во враждебном мире. Нам бесконечно радостно оттого, что каждый встретил родственную душу, что мы красивы, ведь встреча с прочими сланами будет иной. Мы разделим надежды и сомнения, опасности и победы. И кроме того, у нас будет ребенок. Ты видишь, Джомми, я уже готова к новому образу жизни. Разве это не есть настоящая любовь?»

Он согласился, что так оно и есть. Его охватила радость. Но она потихоньку растворилась в глубоком сне — он словно погрузился на дно бездны.

Он проснулся, как от толчка. Взгляд его упал на сиденье, где только что была Кэтлин. Оно было пустым. Его еще не проснувшийся ум обшарил окрестности.

— Кэтлин!

Она возникла перед ним.

— Я осматривала запасы металла и думала, как ты его используешь.— И с улыбкой исправилась: — Мы используем.

Джомми несколько мгновений оставался неподвижным, мозг его был настороже, он сожалел, что она покинула машину даже на несколько минут. Он знал, ее никогда так не преследовали, как его. Она всегда пользовалась свободой перемещения, и, несмотря на угрозы, ей было на кого опереться. Он же был уверен лишь в одном — малейший промах может стать роковым. Каждый жест был рискованным и требовал строгого расчета.

Кэтлин следовало привыкнуть к новой жизни. Одно дело бросать вызов опасности, совсем другое — мужественно встречать ее. Она сказала:

— Пойду приготовлю поесть, пока ты будешь выбирать, что захватишь с собой. Уже, наверно, наступила ночь.

Джомми кивнул, бросив взгляд на хронометр. Через два часа будет полночь. Тьма укроет их.

— Где ближайшая кухня? — спросил он.

— Вон там.

Она показала в сторону коридора.

— Далеко?

— Метров тридцать. Послушай, Джомми, я знаю, ты волнуешься. Но если нам суждено быть вместе, надо привыкать, что каждый из нас занят своим делом.

Он смотрел ей вслед и спрашивал себя, не нарушится ли с появлением партнера его внутреннее равновесие. Раньше он мог подвергать себя любой опасности, а теперь ему придется смириться с тем, что рискует и она.

И не потому, что опасность слишком близка. В подземном городе царила абсолютная тишина. Ни звука, ни мысли, кроме тех, что исходили от Кэтлин. Полицейские, которых он видел в течение дня сидящими в засаде, должны были уже разойтись по домам.

Кэтлин исчезла за дверью в ста пятидесяти футах от него. Он уже собирался было выбраться из машины, когда воспринял ее беспокойную мысль:

«Джомми... стена отодвигается! Здесь...»

Мысль оборвалась — Кэтлин стала передавать слова человека.

— Смотрите-ка — Кэтлин.— В голосе Джона Петти звучало удовлетворение.— А ведь это всего лишь пятьдесят седьмое убежище сланов. Я сам занялся поиском, поскольку слишком мало тех, кто умеет контролировать свои мысли так, чтобы ты не заметила приближения. К тому же я не мог доверить другим столь важную миссию. Что вы думаете о тайном входе через кухню? Похоже, даже сланам надо есть во время путешествий.

Машина буквально прыгнула вперед под быстрыми пальцами Джомми, когда он услышал спокойный голос Кэтлин:

— Итак, вы меня отыскали, мистер Петти. Должна ли я молить о пощаде? — В голосе ее звучала насмешка.

— Пощада не относится к числу моих слабостей. И вы знаете, что я не теряю времени, когда мне представляется возможность, которой я ждал много лет.

«Джомми, быстрее».

Раздался грохот выстрела, эхом отразившийся в мозгу Кэтлин. Целое мгновение она невероятным напряжением сил сопротивлялась пуле, принесшей ей смерть.

«О! Джомми, мы могли бы быть счастливы. Прощай, любимый...»

Он в отчаянии ощутил, что жизненные силы покинули ее. Черная стена смерти вдруг отделила его разум от разума девушки.

Глава 15

Джомми Кросс перестал думать. В нем не осталось ни ненависти, ни печали, ни надежды. Но мозг его продолжал накапливать впечатления, а тело реагировало, как отлаженный механизм. Машина резко затормозила — он видел, как Джон Петти, склонившись над телом Кэтлин, выпрямился.

«Боже! — прочел Джомми на поверхности мозга полицейского.— Еще один!»

Петти выстрелил в машину. Пули отскочили от непробиваемой брони. Пораженный начальник полиции отступил. На мгновение он показался Джомми излучающей ненависть статуей — вся его плоть сжалась в ожидании неминуемой смерти.

Легкое нажатие на кнопку, и Джон Петти перестанет существовать. Но Джомми Кросс продолжал в упор рассматривать его. Он размышлял, сидя за рулем. Переводил глаза с человека на труп и обратно. И поймал себя на мысли, что, являясь единственным хранителем тайны атомной энергии, не имеет права ни на любовь, ни на нормальную жизнь. В этом мире беспощадной борьбы между людьми и сланами ему следовало стремиться лишь к выполнению своей миссии.

Через тайный вход вбежали люди и открыли по машине огонь из автоматов. Среди них Джомми вдруг определил контролируемый разум двух безрогих сланов. Один из них, что сидел в углу, пробормотал в наручный микрофон послание, которое он с легкостью перехватил:

— Модель 7500, база 200 дюймов... физический тип 7, голова 4, подбородок 4, рот 3, карие глаза, тип 13, брови 13, щеки 6... Конец передачи!

Он мог бы разом уничтожить всю эту жаждущую крови свору. Но самая легкая мысль о мести даже не достигла границ ледяного одиночества, в которое погрузился его разум. В этом мире сумасшедших он мог опираться лишь на одно — на свое могучее оружие.

Он дал задний ход и умчался на полной скорости. Догнать его было невозможно. Перед ним открывался туннель, где протекала речонка, питавшая сады. Он нырнул в нее, дезинтеграторы легко расширили туннель, прорытый водой. Потом машина ушла в скалы, вода сомкнулась позади, а он вновь поднялся ближе к поверхности земли.

Он продолжал двигаться сквозь породы, не спеша выбраться, поскольку безрогие сланы, предвидя его появление, должны были объявить тревогу.

Когда наконец Джомми выскользнул из склона холма, небо было затянуто черными тучами. Он остановился, обрушил проход, чтобы скрыть свои следы, и взлетел в воздух. Включив радио на частоте безрогих сланов, он услышал мужской голос:

— Кир Грей лично явился за телом. Похоже, гадюки снова позволили убить одного из своих, даже не пытаясь его спасти. Пора сделать заключение об их врожденных недостатках и перестать учитывать сопротивление, которое они могли бы оказать нашим планам. Однако существование Джомми Кросса по-прежнему представляет невиданную опасность. Поэтому никаких военных операций против Земли проводить нельзя, пока не будет покончено с ним. Его сегодняшнее появление дало в наши руки один из главных козырей. У нас есть сделанное экспертом описание его машины и примет. Никакой грим не может изменить костной структуры его лица, и, даже уничтожив свою машину, он не сможет избавиться от всех следов. Было продано всего несколько тысяч моделей 7500. Кросс, скорее всего, угнал свою, но мы отыщем ее. Джоанна Хиллори провела детальное исследование этого гаденыша. Ей поручено руководство следствием. На всех континентах будут произведены тщательные поиски. На Земле должны существовать отдаленные уголки, куда мы еще не добрались,— небольшие долины, изолированные зоны, особенно в местах возделывания некоторых сельскохозяйственных культур.

Требуется обратить особое внимание именно на эти зоны. У гадюк нет никаких возможностей вступить в контакт с Кроссом, поскольку мы держим под контролем все. С настоящего момента наши люди будут останавливать всякого, чьи приметы совпадают с описанием Джомми Кросса. Это ограничит свободу его перемещений, помешает случайному вступлению в контакт с гадюками, дав нам время на проведение расследования. Как бы долго ни продолжались поиски, нам необходимо выследить этого опаснейшего из сланов и выяснить, где он скрывается. Надо избежать провала. На этом передачи главной ставки закончены.

Воздух свистел, обдувая черный кузов машины. Джомми Кросс понял, что отныне лишь от него зависит, когда начнется война против людей. Безрогие сланы, несомненно, отыщут его. В прошлый раз они проиграли только потому, что не знали о его тайне, о его оружии. Теперь они знали все, и ничто не могло их остановить. На мгновение он задумался, что будет означать для него нападение на долину, и нашел, что в его пользу говорит лишь фактор времени — они его найдут, но когда?

Глава 16

Поиск занял четыре года. И через два месяца после того, как Джомми Кроссу исполнилось двадцать три года, организация безрогих сланов нанесла удар немыслимой мощи. Стоял гнетуще жаркий день. Джомми спустился по крыльцу с веранды и оглядел сад. Он думал о Кэтлин, о своих родителях. Думал без огорчения и печали. Его обуревали мысли о трагедии существования.

Но как ни глубоки были его размышления, чувства всегда оставались настороже. С невероятной для обычных людей четкостью он воспринимал малейшие детали окружающего. Именно это говорило о скорой его зрелости. Ничто не ускользало от внимания Джомми. Теплый воздух волнами колыхался на подступах к горам, что высились в двадцати милях от ранчо. Там был спрятан его звездолет. Но никакая тепловая дымка не могла остановить его взгляд, воспринимавший куда больше, чем самый острый человеческий глаз. Он отмечал

все детали, образуя единый образ там, где несколько лет назад различал лишь нагромождение неясных составляющих.

Над Бабусей, что стояла на коленях у цветочной клумбы, пронесся рой мух. Легкая жизненная пульсация, исходившая от насекомых, коснулась сверхчувствительных рецепторов в мозгу Джомми. Одновременно до него доносились далекие шумы, обрывки мыслей, ослабленных расстоянием. Понемногу в его голове формировался облик жизни долины — он складывался в гармоничную картину из тысяч впечатлений.

Работали мужчины и женщины, смеясь, играли детишки, ревели тракторы, грузовики, легковые машины — вечная сумятица небольшой сельскохозяйственной коммуны. Его взгляд вернулся к Бабусе. Он с легкостью проник в ее беззащитный разум — простота, с которой он читал мысли старухи, была такова, что та казалась частью его самого. Он с невероятной четкостью увидел уголок сада, куда она смотрела. Цветок увеличивался в размерах, по мере того как Бабуся все ниже склонялась к нему. Ее рука схватила небольшое черное насекомое. С ликованием она раздавила букашку, потом удовлетворенно вытерла о фартук испачканные пальцы.

— Бабуся,— спросил Джомми,— вы так и не можете подавить своих инстинктов убийцы?

Старуха бросила на него быстрый взгляд, и на ее лице появилась агрессивность, напомнившая ему Бабусю прежних лет.

— Ну и ладно! — воскликнула она.— Я давлю эту пакость уже девяносто лет, до этого так поступала и моя мамаша.

Она по-старчески хихикнула. Джомми нахмурился. Бабуся расцвела в этом климате, но ему теперь не нравилось, как он гипнотически трансформировал ее мышление. Она была очень стара и механически использовала некоторые фразы вроде той, где она ссылалась на свою мать. Он прибегнул к этой хитрости, чтобы заполнить зияющую пустоту в мозгу, когда убрал подлинные воспоминания, но чувствовал, что в ближайшие дни придется внести поправки. Он почти повернулся, чтобы уйти, когда в его мозгу тревожным сигналом вспыхнули далекие мысли жителей долины: «Самолеты! Сколько самолетов!»

Несколько лет назад Джомми гипнотически внушил жителям долины необходимость отмечать в подсознании все необычное. Благодаря этой предосторожности предупреждения сыпались теперь со всех сторон.

Вскоре он и сам разглядел самолеты — крохотные черные точки, которые, обогнув гору, неслись над долиной. Его мысли рванулись навстречу машинам, пытаясь войти в контакт с пилотами, но встретили герметично закрытый разум безрогих сланов. Подхватив Бабусю, Джомми бросился внутрь дома. Дверь из десятибалльной стали захлопнулась за ними в момент, когда первый десант опустился на цветочные клумбы Бабуси.

По самолету на ферму! — подумал Джомми.— Значит, они точно знают, где я. Теперь появятся звездолеты, чтобы завершить дело. Отличная работа!

В свое время он принял меры предосторожности, и теперь его заставили прибегнуть к ним. Он верил в свои силы и не сомневался в успехе.

Сомнение и невероятное удивление пришли минутой позже — сквозь перископ он увидел военные машины и летающие крепости, а потом еще один корабль. Летающий ковчег! Чудовище занимало половину экрана, а его округлая форма скрывала нижнюю часть неба. Кольцеобразный корабль диаметром полмили, десять миллионов тонн металла, паривших в воздухе, как полуспущенный воздушный шар. Джомми почувствовал угрозу почти немыслимой мощи.

И вдруг гигантская машина пришла в движение! Из-под ее корпуса вырвался язык пламени длиной в сотню метров... и ужасающим ударом слизнул вершину горы. Гора, под которой он прятал свой звездолет, которую берег пуще зеницы ока, была уничтожена с помощью управляемой ядерной реакции.

Кросс стоял, застыв на ковре, застилавшем стальной пол лаборатории. Со всех сторон до него долетали обрывки мыслей. Он восстановил ментальный контроль и обрубил их поток. Позади него стонала перепуганная Бабуся. Высоко над ним ужасные удары сотрясали стены дома-крепости, но адский шум ему не мешал. Он замер в бесшумном мире один на один с калейдоскопом мелькавших мыслей.

Если безрогие сланы были готовы использовать атомную энергию, почему они не распылили его с помощью бомб? И вдруг ответ пришел сам собой. Им нужна была тайна почти идеальной формы использования энергии. Они не пошли по пути развития древней водородной бомбы, изготовленной на основе тяжелой воды и урана и работающей по принципу цепной реакции. Они вернулись к более раннему этапу ядерных исследований, к принципу циклотрона. Перед его глазами висел циклотрон весом в десять миллионов тонн, способный вырабатывать невероятную энергию. Несомненно, противник решил воспользоваться своей подвижностью, чтобы заставить его выдать свой драгоценный секрет.

Джомми бросился к пульту управления, расположенному в глубине лаборатории. Визиры развернулись на цель. Стрелки на циферблатах задрожали, и звездолет, укрытый в глубинах горы, рассыпающейся под ударами врага, пробудился после долгого сна, нырнул глубже в землю, а затем направился прямо в сторону лаборатории.

Джомми повернул ручку, и все стрелки перескочили с нулевой отметки на первую. Это значило, что атомные пушки выглянули из-под земли, где прятались уже давно. Джомми привел в действие точнейший регулятор — все двадцать стволов синхронно развернулись в нужную сторону, готовясь к залпу.

Перекрестия прицелов сдвинулись на гигантский корабль. Пушки замерли. Что же делать с беспощадным врагом? Ему не хотелось сбивать чудовищную машину. Зачем создавать ситуацию, в которой люди и сланы вступили бы в беспощадную борьбу, чтобы завладеть поврежденным кораблем. Люди бросились бы в эту борьбу с отчаянной яростью. Их тяжелая артиллерия могла стрелять снарядами, перед которыми была бессильна броня сланов. А если один из крейсеров попадет в руки людей, у них вскоре тоже появятся звездолеты, и тогда между людьми и безрогими сланами разгорится безжалостная война на уничтожение. Нет, этого ему не хотелось.

Ему не хотелось уничтожать гигантскую машину, поскольку он не собирался убивать безрогих сланов на ее борту. Ведь эти сланы представляли собой тот порядок, который он уважал. К тому же они принадлежали к великой расе, с которой

у него были неоспоримые родственные связи. Сланы заслуживали жизни.

Колебания исчезли. Он нацелил батарею пушек в самый центр гигантского циклотрона и нажал кнопку. Металлическое чудовище задрожало в небе, будто раненый слон. Вся его масса всколыхнулась, словно под ударами бури. И вскоре Джомми увидел сквозь бреши голубое небо — он выиграл сражение.

Он разорвал длинную спираль циклотрона. И теперь никакой поток атомов не мог покинуть поврежденный корабль. Мощь циклотрона упала до нуля. Но битва на этом не закончилась. Гигантский звездолет замер, потом медленно поплыл в сторону — его антигравитаторы работали на полную мощность. Машина взмыла вверх и исчезла. Даже на расстоянии пятидесяти миль она казалась больше крейсеров, что висели над долиной.

Джомми понял главное. Тактика сланов свидетельствовала, что уже несколько месяцев они следили за каждым его поступком и жестом.

Они выждали момент для атаки, чтобы заставить его покинуть убежище; после этого им оставалось только еженощно и ежедневно следить за показаниями приборов, а потом захватить его вместе с оборудованием, ибо по количеству охотников и пушек они имели явное преимущество.

Он повернулся к Бабусе:

— Оставляю вас здесь. Вы должны в точности выполнить все мои указания. Через пять минут поднимайтесь наверх тем путем, каким мы пришли сюда, закрывая за собой все бронированные двери. Забудьте о существовании лаборатории. Еще несколько минут, и она будет уничтожена, поэтому не стоит и думать о ней. Если вас станут допрашивать, играйте в слабоумную. Вам придется в одиночку встретить эту опасность, поскольку, несмотря на все предосторожности, не уверен, что выберусь живым из этой заварухи.

Он был почти доволен, что день решительных действий наконец настал. Безрогие сланы, по-видимому, рассматривали эту операцию как эпизод в планах широкомасштабного наступления на Землю, начало которого уже давно откладывали. В любом случае, он сделал все, что мог. И хотя реша-

ющий день пришел на несколько лет раньше, ему оставалось лишь бороться до последнего. Деваться было некуда — на пятки наступала смерть!

Звездолет Джомми вынырнул из небольшой речонки и по длинной траектории взмыл вверх, в пространство. Ему надо было показать сланам, как он улетает отсюда, чтобы они прекратили методическое уничтожение долины. Молодому человеку осталось принять последние меры предосторожности.

Он опустил рукоятку. Его взгляд был прикован к экрану заднего вида, на котором он видел быстро удаляющуюся долину. С полей и десятков других точек в небо рванулись языки ослепительного пламени. Каждая пушка, каждый вид оружия, каждый атомный снаряд самоуничтожались во всполохах пламени и потоках расплавленного металла.

Весь небосвод был еще озарен огнями взрывов, когда Джомми развернул звездолет. Его наполняло чувство зловещей удовлетворенности — пусть покопаются в грудах искореженного и разорванного металла. Пусть их ученые попытаются отыскать тайну, ради которой сланы продемонстрировали людям свое могущество. В тайниках этой долины они не найдут ничего!

Несколько секунд хватило, чтобы хаос разрушения завершился и сланы заметили его звездолет. Четыре черных крейсера стервятниками бросились на него и... застыли в нерешительности — Джомми включил устройство, превращавшее его звездолет в невидимку.

Но у противника были детекторы атомной энергии, и крейсеры следовали за ним, не отклоняясь ни на дюйм. Сигналы тревоги указывали, что со всех сторон его окружали десятки звездолетов. Ему пришлось использовать всю мощь двигателей, чтобы уйти от своры преследователей. Истребителей было не счесть, и все их энергоизлучатели были направлены на него. Но они промахнулись — в тот момент, когда истребители засекли его корабль, тот уже вышел за пределы досягаемости тяжелого оружия.

Абсолютно невидимый, глотая милю за милей, корабль направился к Марсу! Несомненно, он пересек не одно минное поле, но теперь не страшился их. Жадный поток лучей, исходивших из дезинтеграторов, пожирал мины, прежде чем они

успевали взрываться, и одновременно гасил световое излучение, которое могло выдать корабль.

Разница была лишь в том, что мины уничтожались до того, как они достигали корпуса корабля, свет же из-за своей волновой природы мог быть рассеян только в тот краткий миг, когда он падал на обшивку и начинал отражаться. И именно в тот самый момент, когда происходило отражение и скорость света падала, а корпускулы, из которых он в основном состоял, удлинялись, согласно законам теории взаимодействия Лоренца—Фицджералда, гасилось все буйство отраженных солнечных лучей.

А из-за того, что вначале свет должен был коснуться обшивки и при желании мог быть поглощен так же, как и раньше, на обзорных экранах корабля отсутствовали даже искажения. Джомми наблюдал за всем, что происходит вокруг, без всяких помех, сам оставаясь невидимкой.

Ему казалось, что звездолет недвижно парит в пустоте, и только все увеличивавшийся диск Марса свидетельствовал, что он приближается к нему на огромной скорости. С расстояния в миллион миль Марс выглядел большим сверкающим шаром — таким же, как Луна, когда на нее смотрят с Земли; шар раздувался, пока его теперь уже темная громада не заняла полнеба, утратив свой красноватый оттенок.

Все резче проступали на его поверхности континенты, горные хребты, моря, глубокие каньоны, обширные равнины. Но чем ближе становился Марс, тем более зловещей казалась эта старая суровая планета. С расстояния в тридцать тысяч миль в электронный телескоп Марс напоминал изъеденное годами старческое лицо — обтянутое дряблой кожей.

Темное пространство внизу, которое было морем Мрака, на самом деле было ощерившимся клыками страшным морем*.

---

* В той же легенде, где говорится о том, что у человека и у сланов были космические корабли, упоминается миф, согласно которому крупные обломки льда и кислорода из окрестностей Юпитера и Сатурна, состоящие из тысяч кубических миль замерзших воды и воздуха, были направлены в сторону всех потенциально годных к заселению планет и взорваны. Огромное количество осколков, падая на безжизненные миры Марса, Венеры и некоторых спутников Юпитера, образовали — так говорит легенда — океаны и достаточный слой атмосферы там, где они либо отсутствовали совсем, либо их количество было незначительным.

Под безбрежным сине-черным небом в молчании лежали почти недвижные воды; но ни один корабль не смог бы их бороздить. Бесконечные мили его поверхности покрывали торчащие скалы. Ни проливов, ни лагун — просто вода и зубцы скал.

Наконец Джомми увидел город, неясно мерцающий под призрачным колпаком. Следом промелькнул второй, третий...

Джомми нырнул вниз с отключенными двигателями, чтобы корабль не засекли детекторы. Это было простой предосторожностью, поскольку здесь их можно было не бояться. Вскоре он ощутил действие гравитации. Звездолет медленно поддавался неодолимой силе притяжения и начал свое падение на обратную сторону планеты. Это было не скорым делом. Земные дни складывались в недели. Но наконец Джомми решил включить антигравитаторы, которые бездействовали с момента, как только заработали атомные двигатели.

Долгие дни, пока центробежная сила планеты тормозила его падение, он сидел без сна в своем кресле, уставившись на экраны. Пять раз уродливые металлические шары, которые были минами, устремлялись в его сторону. И каждый раз он на мгновение включал всепоглощающие дезинтеграторы, ожидая увидеть следом звездолеты противника. Раз десять звучал сигнал тревоги и на пульте управления вспыхивали огоньки, однако поблизости никто не показался. Планета внизу разрасталась все больше, заполнив своей темной массой почти весь горизонт. На ночной стороне единственными ориентирами были города. Однако то там, то здесь вспыхивали маленькие огоньки, указывающие на какую-то жизнь или деятельность. И наконец он нашел то, что искал,— одинокий огонек, который сиял во тьме, словно зыбкое пламя свечи.

Здесь поблизости от небольшой шахты стоял дом, где жили четверо безрогих сланов, которые наблюдали за работой автоматизированных горнодобывающих машин.

Стоял туман, когда на следующую ночь Джомми посадил звездолет в лощине, ведущей к шахте. Во тьме ничто не шелохнулось. Вокруг царила тишина. Нащупав коробку с гипнокристаллами, Джомми извлек один из них, спрятал в расщелине и, растаяв в темноте, принялся ждать.

Минут через двадцать двери дома открылись. В просвете появилась фигура высокого молодого мужчины. В руке его вспыхнул фонарь. Осветив тропинку, он отразился в гранях кристалла. Удивленный, мужчина склонился над сверкающим предметом, чтобы посмотреть, что это такое. В мозгу, который слан почти не контролировал, пронеслось:

«Странно! Утром здесь ничего не было! — Он пожал плечами.— Наверно, откололся от какой-то скалы».

Мужчина не спускал с кристалла глаз. Вдруг его охватило сомнение. Он собрал всю свою волю, стараясь мыслить логически, и через мгновение кинулся в укрытие. Но тут его настиг парализующий луч. Потеряв сознание, мужчина рухнул у входа в шахту. Джомми подхватил его и оттащил в сторону. Затем принялся обследовать его мозг. Это было довольно трудно, ибо обследование мозга в бессознательном состоянии напоминало движение в воде — сопротивление было больше, хотя отсутствовал ментальный контроль. Наконец Джомми нащупал вход и проник через эту щель в глубины мозга. Он осторожно, но целеустремленно прошел интересующие его зоны, как «медвежатник» прислушиваясь к каждому щелчку, указывающему, что он преодолел еще одну ступень в процессе разгадки комбинации сейфового замка, после чего перед ним открывалось еще одно ключевое направление.

Восемь ключевых направлений, пятнадцать минут — и комбинация стала его. Чужой мозг был под контролем. Тогда он привел человека — его звали Миллер — в чувство. Очнувшись, тот удивился и тут же экранизировал свой мозг.

— Ну ладно, ладно,— примирительно сказал Джомми,— что это вам дает? Уберите контроль.

Человек повиновался, с недоумением глядя на него.

— Ну и ну,— пробормотал он,— гипноз! Как вам это удалось?

— Только истинные сланы могут использовать этот метод,— ответил Джомми,— а потому объяснения бесполезны.

— Истинный слан! — воскликнул Миллер.— Значит, вы Кросс?

— Да.

— Вы, похоже, знаете, что делаете, но не вижу, как собираетесь выиграть, контролируя мое сознание.

Миллер вдруг сообразил, сколь нереальной выглядела эта беседа в погруженной во тьму лощине под черным, скрытым туманом небом. Была видна лишь одна из двух лун Марса, которая призрачно светила с высоты.

— Странно, я могу говорить и спорить с вами! Разве гипноз не подавляет волю? — быстро проговорил он.

— Гипноз,— прервал Джомми, продолжая обследовать мозг собеседника,— принимает в расчет множество факторов. Полный контроль оставляет подопытному видимость полной свободы, но воля его находится во власти гипнотизера. Однако у нас нет времени.— Его голос стал резче, и он вышел из мозга собеседника.— Завтра начинаются ваши выходные. Вы отправитесь в Статистическое бюро и выясните адреса и имена всех тех, кто физически похож на меня...

Он остановился, заметив на лице Миллера улыбку.

— Ну, это я вам могу сказать уже и сейчас. Как только были получены ваши приметы, всех сланов-двойников взяли на заметку. И уже несколько лет за ними ведется наблюдение; все они женаты...— Голос его стих.

— Продолжайте! — язвительно потребовал Джомми.

Миллер нехотя продолжил:

— Их двадцать семь, и все они удивительно похожи на вас; довольно высокая цифра.

— Дальше!

Миллер пожал плечами.

— Один их них состоит в браке с женщиной, недавно пострадавшей при аварии звездолета. Ей сейчас восстанавливают мозг и тело, но...

— Но это займет несколько недель,— вместо собеседника закончил фразу Джомми.— Его зовут Бартон Корлисс. Он живет рядом с ракетным заводом в Киммериуме и каждые четыре дня, как и вы, отправляется в город.

— Нужно ввести закон,— недовольно проворчал Миллер,— против тех, кто читает мысли. К счастью, вас засекут датчики Поргрейва,— закончил он уже спокойнее.

— Н-да? — хмыкнул Джомми.

Он кое-что прочел в мозгу Миллера, но не придал этому значения. В тот момент его занимали более важные проблемы.

Миллер холодно пояснил — каждое его слово подтверждалось мыслью:

— Излучатель Поргрейва передает мысли, а приемник улавливает их. В Киммериуме датчики стоят на каждом углу — в жилых домах, в общественных помещениях, буквально повсюду. Это наша защита от гадюк, что шпионят за нами. Неосторожная мысль — и все!

Джомми помолчал. Потом спросил:

— Еще один вопрос, но подумайте хорошенько, прежде чем ответить. Мне нужны все подробности.

— Слушаю.

— Когда назначено нападение на Землю?

— Решение было принято, поскольку не удалось вас уничтожить и завладеть вашей тайной. Главной задачей стало завоевание Земли, чтобы в будущем покончить с опасностью с любой стороны. Сейчас ведется массовое производство и расконсервация космических кораблей. Флот сосредоточивают на ключевых позициях, но точная дата нападения пока не объявлена, хотя, возможно, и назначена.

— Как они намерены поступить с людьми?

— Да черт с ними, с людьми! — пренебрежительно отмахнулся Миллер.— Стоит ли беспокоиться о людях, когда под угрозой наше собственное существование?

Тьма густела, холод становился все пронзительнее, проникая даже под комбинезоны с обогревом. От рассуждений Миллера мысли Джомми принимали все более жесткий характер. Война!

— Только истинным сланам удастся предотвратить это нападение,— сказал он сурово.— Мне их нужно хоть как-то найти, а я испробовал уже почти все. Осталось одно наиболее вероятное место, куда я сейчас и собираюсь.

Наступило утро. Солнце нездоровым прыщом сияло в темно-синем небе. Скоро резкие черные тени стали уже и снова начали удлиняться, когда Марс отвернул свое недружелюбное послеполуденное лицо от назойливых солнечных лучей.

С мелового обрыва, где Джомми оставил звездолет, горизонт казался расплывчатым нагромождением скал на фоне неба. Но даже с высоты двух тысяч футов близость горизонта

заметно ощущалась. Сумерки постепенно сгустились. Наконец его долгое ожидание было вознаграждено. Он заметил на горизонте торпедообразный объект с красной полоской, взмывший вверх на столбе пламени. Лучи заходящего солнца отразились на металлическом корпусе. Объект взлетел намного левее обрыва, где Джомми, подобно хищной птице, ждал свою добычу.

Понадобится мили три, тщательно прикинул Кросс. На самом деле для двигателя, притаившегося в недрах корабля и готового по первому сигналу высвободить гигантскую энергию, расстояние не играло никакой роли.

Даже в трехстах милях от цели это суперустройство сработает без заминки и какого-либо напряжения. Однако полную мощность развивать было нельзя, чтобы не поранить и без того уже покореженную поверхность планеты.

Три мили, четыре, пять — он быстро подстроил аппаратуру. Магнетроны выбросили в пространство мощный управляющий луч. Одновременно была реализована идея, пришедшая ему в голову за время долгого полета с Земли. Радиоволны, неотличимые даже для очень чувствительных приборов от излучения двигателей его корабля, обрушились на планету с робота-спутника, расположенного в пятистах милях над поверхностью. Несколько минут эфир буквально сотрясался от действий всех этих волн.

Безрогие сланы уже наверняка засекли источник странного излучения, в то время как управляющий луч магнетронов остался незамеченным. Торпеда затормозила и под воздействием притяжения поплыла в сторону мелового обрыва.

Джомми увел свой звездолет еще глубже в холм — луч дезинтегратора без труда расширил туннель, некогда прорытый водой. Затем, словно паук муху, звездолет втянул плененный корабль вслед за собой.

Люк его открылся, и в нем показался человек. Он спрыгнул на пол туннеля и на мгновение застыл, ослепленный прожекторами звездолета. Потом доверчиво подошел ближе. Взгляд его упал на кристалл, что стоял на выступе корпуса.

Он посмотрел на него и вдруг сообразил, как нелепо его внимание к столь незначительному предмету в такой обста-

новке. Протянув руку к кристаллу, человек рухнул под лучом парализатора, который направил на него Джомми.

Джомми тут же выключил ток. Реле замкнулось, и далекий робот-излучатель взорвался от избытка собственной энергии.

Обеспечив полный гипнотический контроль над Корлиссом, он сделал его фотографию и записал голос. Через двадцать минут Корлисс снова летел в направлении Киммериума, безмолвно ругаясь на то, что не в силах избавиться от рабской зависимости, в которую попал.

Прежде чем рискнуть появиться в Киммериуме, Джомми требовалось вызнать многое. Надо было все предусмотреть, собрать самую разнообразную информацию.

Каждые четыре дня — когда у него были выходные — Корлисс являлся в пещеру до и после полета в Киммериум. Джомми постепенно усвоил все его воспоминания и наконец решил, что готов привести в исполнение свой план. Бартон Корлисс остался в пещере, погруженный в глубокий гипнотический сон, а его двойник, заняв место в черно-красном летательном аппарате, направился в сторону Киммериума.

Через двадцать минут из глубины небес возник крейсер.

— Корлисс,— прозвучал искаженный динамиком мужской голос,— в порядке наблюдения за всеми сланами, похожими на гадюку Джомми Кросса, мы поджидали вас. Вы опоздали, на пять минут отклонились от графика. Вы проследуете в Киммериум под охраной, где вас осмотрит военная комиссия. Конец передачи.

Глава 17

Вот так просто пришла катастрофа. Не то чтобы совершенно непредвиденная, но весьма досадная случайность могла привести к печальному исходу. Уже шесть раз Бартон Корлисс опаздывал минут на двадцать, и никто этого не замечал. А сегодня из-за пяти несчастных минут длинная рука Судьбы в мгновение ока лишала мир почти всяких надежд на спасение.

Джомми угрюмо взглянул в иллюминатор. Внизу, под ногами, стелилась унылая каменная пустыня, изрезанная глу-

бокими ущельями. Именно здесь следовало совершить попытку бегства, если он на нее решится. Но он не мог надеяться, что безрогие сланы, располагая мощными средствами, позволят ему добраться до неприступного звездолета.

И все же надежда его не оставляла. У него был атомный пистолет, похожий на пистолет Корлисса и стреляющий электрозарядами, пока не будет включен скрытый механизм, превращавший его в могучее оружие. На пальце поблескивала копия перстня Корлисса, единственным отличием его от оригинала был спрятанный внутри крохотный, но мощный атомный генератор энергии, способный распылить все, что окажется в радиусе его действия. Оружие да дюжина гипнокристаллов — вот и весь арсенал, чтобы предотвратить величайшую из войн.

Местность внизу становилась все более дикой. На дне первозданных провалов стали появляться грязные маслянистые полосы черной застоявшейся воды — начало неприветливого моря Тьмы.

И вдруг перед ним открылось неожиданное зрелище! На плато справа, словно гигантский скат, распластался крейсер. А вокруг него бесчисленные канонерки — все это выглядело устрашающе даже на земле. Даже невооруженным глазом было видно, что плато представляет собой огромную крепость из камня и стали. Черной стали, искусно замаскированной под скалы, из которых в небо были нацелены гигантские стволы орудий.

Левее, на другом каменно-стальном плато, в окружении эскорта из вспомогательных судов стоял на опорах еще один крейсер. Еще более мощные, нацеленные в небо пушки настороженно ожидали нападения какого-то страшного кровожадного врага. Что означали эти оборонительные сооружения, вся эта атакующая мощь? Неужели безрогие сланы так мало знали об истинных сланах, если столь явное военное могущество не могло успокоить их страхов перед неуловимым противником?

Сотни миль крепостных сооружений, батареи, боевые корабли! Сотни миль непроходимых ущелий и водных преград, над которыми устрашающе нависали отвесные скалы. Джомми и сопровождавший его крейсер пролетели над горным

пиком — за ним открылся прозрачный свод, под которым укрывался город Киммериум. Пробил час его испытания.

Город вздымался над склоном, ниспадавшим к морскому заливу.

Солнце отражалось на своде тысячами бликов. Город был небольшой, но удачно вписывался в окружающую местность, протянувшись во всю ширину окружавших ущелий, его покрывала броня в виде прозрачного колпака размером три мили на две. Из мыслей Миллера и Корлисса он узнал, что там живет около двухсот тысяч сланов.

Посадочное поле находилось там, где Джомми и ожидал его найти. Это была обширная металлическая платформа на окраине города, исполосованная железнодорожными путями и способная принять даже боевой корабль. Машина Корлисса легко села на посадочную полосу, помеченную номером 9977. Одновременно сопровождавший его крейсер направился в сторону моря, мгновенно исчезнув из виду за крутыми скалами.

Автоматика подтянула машину к ангару, его двери распахнулись и закрылись позади.

Увиденное было ему знакомо, но реальность все же превосходила то, что он сумел прочесть в мыслях Миллера и Корлисса. В просторном ангаре находилось не менее тысячи летательных аппаратов. Они расположились в своих «гнездах» рядами, словно сардины в консервной банке, в ожидании старта — только нажать нужную кнопку на пульте управления.

Машина остановилась. Джомми неторопливо выбрался наружу и приветствовал троих сланов, ожидавших его. Самый старший из них приблизился с неловкой улыбкой на губах.

— Ну что ж, Бартон Корлисс, вы схлопотали еще один осмотр! Процедура будет тщательной, но быстрой — отпечатки пальцев, рентген, подсчет кровяных телец, химическая реакция кожи, микрометрический замер волос, ну и так далее.

Джомми ощутил, что они ждут его ответа, но ему не надо было читать их мысли. Все его чувства были предельно обострены, а голова работала с невероятной ясностью. Он спокойно ответил:

— С каких пор в осмотр входит проверка химической реакции кожи?

Троица не извинилась за небольшую ловушку, но и не обнаружила замешательства в связи с тем, что ловушка не сработала. Джомми не радовался собственной маленькой победе. Он был озабочен, ибо независимо от того, что происходило сейчас, ему удастся удачно пройти тщательное обследование. Надо было с предельной пользой распорядиться теми сведениями, которые он вытянул из Миллера и Корлисса за последние несколько недель.

— Ведите его в лабораторию,— приказал самый молодой из сланов,— начнем с медосмотра. Прентис, возьмите у него пистолет.

Джомми покорно сдал оружие.

Они ждали. Ингрэхем, самый старший, выжидательно усмехнулся, Брэдшоу, самый молодой, не спускал с него пронзительных серых глаз. Прентис, единственный, кто оставался равнодушным, сунул оружие в карман. Но не это приковало внимание Джомми. Стояла полная тишина — ни малейшего звука, ни намека на отголосок. Ангар напоминал могильный склеп, и казалось, за его пределами нет никакого города с его кипучей деятельностью и подготовкой к войне.

Джомми включил механизм автопаркинга и проследил взглядом за бесшумными перемещениями аппарата. Раздался едва слышный щелчок, и машина легла в свое гнездо. И снова воцарилась тишина.

Улыбаясь про себя, Джомми наблюдал за встречающими, которые ожидали от него ошибочных действий. Он направился к выходу. И оказался в залитом светом коридоре, в гладких стенах которого через равные промежутки располагались закрытые двери. Они уже подходили к лаборатории, когда Джомми заявил:

— Надеюсь, вы позвонили в госпиталь и предупредили о моем опоздании.

Ингрэхем остановился как вкопанный, остальные последовали его примеру. Все уставились на Кросса.

— Боже, ведь сегодня же реанимация вашей жены? — спросил Ингрэхем.

Джомми кивнул с серьезным видом:

— Врачи должны были привести ее в сознание через двадцать минут после моего прибытия. Они уже работают целый час. Очевидно, медосмотр и обследование придется перенести на более поздний срок.

Никто не возразил.

— Вам, наверное, предоставят военный эскорт,— сказал Ингрэхем.

Брэдшоу заговорил в наручный микрофон. Ответ не замедлил себя ждать. Он был едва различим, но не для исключительно тонкого слуха Джомми.

— В обычных условиях ему для поездки в госпиталь был бы предоставлен армейский эскорт. Однако мы имеем дело с самым опасным из существующих противников. Кроссу всего двадцать три года, но мы знаем, что опасность закаляет и людей, и сланов. Поэтому можно считать, что мы имеем дело с вполне взрослым сланом, достигшим полной зрелости и обладающим средствами и возможностями, границы которых нам не ведомы.

Если Корлисс является Кроссом на самом деле, тот факт, что его приезд совпал с реанимацией миссис Корлисс, требует удвоенных предосторожностей. Подобная ситуация с двойниками Кросса складывается впервые. Обследование откладывается, но Корлисса будут сопровождать к изголовью жены не солдаты, а эксперты, чтобы ни на мгновение не упускать его из виду. Таким образом, вы останетесь с ним до нового распоряжения. Машина ждет вас у двери лифта номер один.

Когда они вышли на улицу, Брэдшоу заметил:

— Если это не Корлисс, в госпитале от него не будет никакой пользы, а миссис Корлисс может испытать шок, от которого ей, возможно, уже никогда не оправиться.

Ингрэхем покачал головой:

— Вы ошибаетесь. Истинные сланы читают мысли. Он способен уловить в хирургической любые отклонения от нормы, как это сделал бы Корлисс с помощью приемников Поргрейва.

На лице Брэдшоу появилась сардоническая усмешка:

— Вы, похоже, колеблетесь, Ингрэхем. Вам не пришло в голову, что из-за датчиков Поргрейва Кросс сможет исполь-

зовать свои телепатические возможности лишь в очень ограниченном диапазоне?

— Еще одно,— вступил в разговор Прентис.— Корлисс должен был прийти в госпиталь, чтобы сразу выявить, имеются ли отклонения в восстановленном мозге его жены, ведь между супругами существуют естественные эмоциональные связи. В свою очередь, именно по этой причине миссис Корлисс сразу же определит, ее это муж или нет!

— Итак,— мрачно усмехнулся Ингрэхем,— можно сделать окончательный вывод: если Корлисс — Кросс, реанимация миссис Корлисс в его присутствии может иметь для нее трагические последствия. Но эти же результаты дадут и доказательство его подлинности надежнее, чем прочие тесты.

Джомми ничего не сказал. В свое время он тщательно обдумал проблему датчиков Поргрейва. Их присутствие представляло определенную угрозу, но это были всего лишь машины. Контроль над собственным мозгом резко уменьшит опасность.

Однако не все было так просто с миссис Корлисс. Действительно, между чувствительными супругами существовали естественные эмоциональные связи, и он не мог позволить себе сознательно причинить вред душевному равновесию этой женщины-слана. Следовало найти способ спасти ее, спасая тем самым и себя самого.

Машина катила по бульвару с цветущими газонами. Дорога была темной, но блестела как стекло. Она петляла между деревьями, которые почти скрывали здания. Они не были высокими, но его поразила красота и какая-то стремительность их архитектуры. Он уже представлял их по мысленным образам Миллера и Корлисса, но не ожидал, что у сланов столь развит архитектурный вкус. От крепости не требуется красоты, орудийные башни создаются для практических целей, а не для услады глаз.

Как бы то ни было, строения удивительно соответствовали своему назначению. Они походили на дома обычного поселения, а не просто были бронированным щитом для лежащего под землей настоящего города. И эта основательность оборонительных мер лишний раз свидетельствовала о степени страха перед истинными сланами. Мир людей должен был

подвергнуться нападению из-за страха, который безрогие сланы испытывали перед истинными,— в этом была горькая ирония ситуации.

Если не ошибаюсь, подумал Джонни, и если истинные сланы живут среди безрогих, как последние — среди людей, то вся подготовка предназначена для борьбы с врагом, уже захватившим плацдарм.

Машина остановилась возле ниши с лифтом, который опустил Кросса и его сопровождающих в глубины подземелья. Кросс нащупал в кармане один из металлических кубиков с гипнокристаллом и небрежно швырнул его в корзину для мусора, что стояла в углу лифта. Спутники обратили внимание на его жест, и он объяснил:

— У меня их дюжина, но, похоже, больше одиннадцати в кармане носить неудобно. Очень колется.

Ингрэхем поднял крохотный предмет.

— Что это такое? — спросил он.

— Именно из-за этого я и опоздал. Я объясню это комиссии. Все двенадцать абсолютно одинаковы, поэтому я и выбросил лишний.

Ингрэхем задумчиво разглядывал кубик и уже собирался его открыть, когда лифт остановился. Он решительно сунул кубик в карман.

— Оставлю у себя,— сказал он.— Выходите первым, Корлисс.

Джомми без колебаний устремился вперед по мраморному коридору. К нему подошла женщина в белом халате.

— Вас вызовут через несколько минут, Бартон. Подождите здесь,— сказала она.

И исчезла за дверью.

Джомми поймал мысль Ингрэхема. Он обернулся, когда тот заговорил:

— Эта история с реанимацией миссис Корлисс очень меня беспокоит, а потому, Корлисс, прежде чем войти в зал, мы должны провести простенький тест, к которому не прибегали уже несколько лет,— он немного унизителен, хотя и относится к весьма эффективным.

— Что за тест? — спросил Джомми.

— Если вы Кросс — на вас парик, чтобы скрыть усики. Если вы Корлисс — у вас должны быть довольно крепкие волосы, чтобы мы могли приподнять вас за них. Парик не может выдержать такой нагрузки. В интересах вашей жены я прошу вас наклонить голову. Мы будем действовать осторожно и тянуть с постепенно нарастающим усилием.

— Давайте! — улыбнулся Джомми.— Вы увидите, что у меня настоящие волосы.

Он не лгал. Он уже давно решил проблему волос. Он смазывал голову густым веществом, которое, высыхая, образовывало резинообразную корочку, удивительно имитирующую кожный покров, в которой оставались отверстия для волос, а усики надежно скрывались.

Время от времени он этот защитный покров снимал, чтобы корни волос могли дышать, и эта предосторожность спасла его шевелюру. Видимо, что-то подобное истинные сланы использовали и раньше. Единственным опасным периодом был тот, когда его волосы отдыхали и не были защищены. Но сегодня все было в порядке.

После теста Ингрэхем угрюмо пробормотал:

— В общем-то, это ничего не доказывает. На такой мелочи Кросса не поймать. А вот и врач, можете войти.

Огромное серое помещение было уставлено бесшумно работающим оборудованием. Пострадавшей не было видно — она лежала в длинном металлическом ящике, похожем на вытянутый гроб. Его узкая сторона была повернута к двери. Кросс не видел другого конца, но знал, что именно там была голова пациентки.

Над ящиком змеились стеклянные трубки. Они проникали в «гроб», постоянно подавая кровь. За головой женщины виднелось множество приборов. Мигали огоньки.

Джомми разглядел лицо больной, вернее, укрывавшие ее бинты, откуда тянулись провода к пульту управления.

Пациентка еще не контролировала свой разум. Мысли ее были отрывочны, и именно в этом хаосе он осторожно начал прощупывать ее мозг.

Он знал, какую хирургическую методику использовали безрогие сланы. Специальная система полностью изолировала тело от мозга. А последний жил под постоянным воз-

действием регенерирующих облучений, которые восстанавливали нервную ткань. Мозг был условно разделен на двадцать семь секторов, что позволяло проводить ускоренную регенерацию.

Он тут же заметил ошибки хирургов, но они были незначительны. Теперь все двадцать семь секторов могучего мозга должны были воссоединиться, и миссис Корлисс, открыв глаза, окажется в полном сознании и тут же обнаружит в нем подмену.

«Несколько лет назад мне удавалось гипнотизировать людей без кристалла. Почему бы не попробовать снова?» — подумал Джомми.

Женщина все еще была без сознания. Вначале он не мог отделаться от мысли о датчиках Поргрейва и опасности, которую они представляли. Затем ему удалось сосредоточить разум на тоскливом состоянии, которое Корлисс должен был бы испытывать в подобных обстоятельствах. Все страхи оставили его. Он напрягся, концентрируя мысль.

Его спасла техника, использованная хирургами. На обследование целого мозга слана ему понадобились часы. Перед ним открылись бы миллионы входов, но он не знал бы, с какого начать. Но среди двадцати семи секторов он быстро распознал тот, который ведал волей. Мощный поток церебральных волн обеспечил контроль над женщиной.

Он надел на голову наушники от приемника Поргрейва. Брэдшоу сделал то же самое — он хотел слышать его мысли. Но у молодого слана не возникло никаких подозрений. Скорее всего, приемники Поргрейва не в состоянии были засечь мысль без образов, мысль в виде чистого потока церебральной энергии. Его гипотеза подтверждалась.

Женщина шевельнулась, ее мозг начал пробуждаться, в наушниках появились смутные мысли:

«Борьба... оккупация...»

Он не удивился, услышав эти слова, поскольку миссис Корлисс командовала армейской частью, но особого смысла в них не уловил. После молчания раздалось:

«Июнь... назначено на июнь... завершить до зимы и избежать ненужных жертв из-за холодов... решено... десятого июня...»

Ему хватило бы десяти минут, чтобы полностью восстановить этот мозг. Но врачам потребовался час с четвертью. И все это время Джомми обдумывал сведения, полученные от пострадавшей.

Итак, нападение на Землю было назначено на десятое июня!

Сегодня по земному календарю было четвертое апреля. Два месяца! Месяц, чтобы вернуться на Землю, и еще месяц... чтобы сделать что?

Ответ пришел, пока миссис Корлисс проваливалась в глубочайший сон, сон без сновидений. Он не мог позволить себе потратить и лишнего дня на поиски истинных сланов. Позже можно было снова пойти по следу, но теперь, если удастся выпутаться...

Через несколько минут предстояло предстать перед членами самой развитой и беспощадной расы в Солнечной системе. Несмотря на усилия оттянуть этот момент и на то, что ему удалось вложить кристалл в руки одного из сопровождающих, все было против него. Ингрэхем не проявил любопытства и не извлек кристалл из коробки, чтобы взглянуть на него. Можно было сделать новую попытку, но это будет жест отчаяния. Она могла пробудить подозрения сланов, как бы он ее ни обставил.

Что-то прервало бег его рассуждений. Он прислушался и уловил едва различимый голос, доносившийся из наручного микрофона Ингрэхема.

— Закончен медосмотр или нет, я требую, чтобы Бартона Корлисса немедленно привели ко мне. Этот приказ отменяет все предыдущие.

— Слушаюсь, Джоанна! — громко ответил Ингрэхем и повернулся к Кроссу.— Я должен отвести вас к Джоанне Хиллори, которая руководит военной комиссией.

И как бы подхватив мысли Джомми, Прентис сказал:

— Джоанна единственная из нас лично общалась с Кроссом. Поэтому ее и назначили главой комиссии. Именно она руководила поисками его убежища. Она также предвидела неудачу нападения с помощью циклотрона. Она написала подробнейший отчет о нескольких часах, проведенных вместе с ним. Если вы Кросс, она узнает вас с первого взгляда.

Джомми промолчал. Он никак не мог проверить сказанное сланом, но считал, что тот ничего не придумал.

Выйдя из хирургической, он впервые увидел настоящий город, подземный. От порога комнаты вели два коридора: один — к лифту, а второй — с прозрачными дверьми, сквозь которые можно было любоваться сказочными строениями,— в город.

На земле секрет изготовления стен этих зданий считался утерянным. Здесь, в тайном городе, безрогих сланов этот секрет использовался в полной мере. Джомми увидел улицу, постоянно меняющую цвета и оттенки: древняя мечта архитекторов обрела здесь жизнь — сама структура была гармоничной, как музыкальный аккорд. Это было подлинное выражение музыкальной формы в ее совершенстве.

Выйдя наружу, он забыл обо всех красотах. Теперь его интересовали только люди. Их были тысячи — в домах, на тротуарах, в автомобилях. Тысячи голов, открытых для разума, от которого нельзя было укрыться и который искал хоть одного истинного слана.

Но... нигде не находил и следа; вокруг были только безрогие сланы. Один за другим падали барьеры ментального контроля. Убежденность Джомми была поколеблена. Где бы ни прятались истинные сланы, они должны были обладать средствами защиты даже от себе подобных, хотя это противоречило логике. Но логика не допускала и того, что нормальные сланы становились творцами чудовищ. Однако факты были налицо. Факты или слухи? Неужели не существовало другого объяснения?

— Мы прибыли! — сказал Ингрэхем.

— Входите, Корлисс,— пригласил Брэдшоу.— Мисс Хиллори желает разговаривать с вами... наедине!

Он без особого желания миновал сотню футов до открытой двери. Кабинет Джоанны Хиллори был просторным и уютным. Он не очень походил на кабинет администратора. На полках стояло множество книг. Всю стену занимал электронный экран. В одном из углов стояли мягкий диван и кресла. Пол устилал толстый ковер. Но все внимание Джомми было приковано к огромному столу, за которым гордо восседала улыбающаяся молодая женщина.

Он ожидал увидеть Джоанну Хиллори такой же, как и в первый раз. Понадобится лет пятьдесят, чтобы оставить на этом гладком лице свой след, а пока он чувствовал, что изменился только сам. В первый раз он был мальчуганом, столкнувшимся с женщиной в расцвете лет. Сегодня он смотрел на нее с уверенностью зрелого слана.

Он удивился, прочтя в ее взгляде нетерпение. Сконцентрировал свое внимание. Выражение триумфа, потом подлинной радости осветило лицо молодой женщины. Используя всю мощь разума, он попытался пробиться через ее ментальный контроль; он искал малейшие трещинки, анализировал слабый резонанс ее мыслей и с каждой секундой испытывал все большее потрясение. Она тихо рассмеялась и вдруг сняла ментальный контроль, открыв перед ним свой разум. И тут он прочел:

«Загляните в самую глубину, Джон Томас Кросс, и знайте, все датчики Поргрейва в этой комнате и в округе отключены. Знайте также, что я ваш единственный друг в этом мире и отдала приказ привести вас сюда, чтобы не допустить медосмотра, где вас бы непременно изобличили. Я наблюдала за вами с помощью датчиков Поргрейва и наконец убедилась, что это действительно вы. Но поспешите с обследованием моего разума и удостоверьтесь в моей доброй воле, ибо нельзя терять времени — я хочу спасти вас!»

Джомми был настороже и обшаривал все закоулки ее мозга, пытаясь понять причины столь резких перемен. Наконец он произнес:

— Значит, вы поверили в идеалы пятнадцатилетнего мальчугана и приняли точку зрения юного эгоиста, который мог предложить вам лишь...

— Надежду! — закончила она за него.— Вы принесли надежду, когда я достигла той точки, когда большинство сланов казались мне слишком твердыми и жестокими. «А люди,— спросили вы,— что будет с людьми?» Это замечание и множество других мелких деталей потрясли меня. Поэтому я сознательно дала искаженное описание ваших примет. Вас это, наверное, удивило. Моя хитрость удалась, поскольку все сочли, что я не имела глубоких познаний в физиологии. И все же я могла бы без труда нарисовать по памяти ваш портрет. Поэто-

му я, естественно, стала экспертом по проблеме Кросса. Я контролировала все поиски. Несомненно, не менее естественным было бы...

Она остановилась в ожидании, но Джомми серьезным тоном закончил:

— Мне очень жаль!

Она выдержала его взгляд.

— На ком еще вы хотели бы жениться? — спросила она.— Нормальная жизнь невозможна без брака. Я, конечно, ничего не знаю о ваших взаимоотношениях со сланом Кэтлин Лейтон, кроме того, что вы были рядом в момент ее смерти. Но у сланов существуют и последовательные и одновременные браки. Знаю также, что вас беспокоит и разница в возрасте.

— Пятнадцать или двадцать лет разницы,— возразил Джомми,— не представляют препятствия для сланов-долгожителей. Но сначала мне надлежит выполнить свою миссию.

— В качестве жены или нет,— сказала Джоанна Хиллори,— но у вас отныне есть соратник в реализации вашей миссии, конечно, при условии, что вы беспрепятственно пройдете медосмотр.

— Какой может быть разговор! — воскликнул Джомми.— Мне понадобится только немного времени и возможность передать в руки Ингрэхема и других кое-какие кристаллы. Дайте мне возможность это сделать. Мне нужен также пистолет-парализатор, что лежит в ящике вашего стола. Вызовите их по одному.

Она взяла оружие.

— Стрелять я буду сама! Далее?

Он улыбнулся запальчивости Джоанны Хиллори, хотя его по-прежнему удивлял оборот событий. Долгие годы он жил в напряжении, полный холодной решимости. И вдруг ему передался ее энтузиазм. Его глаза заблестели, и он воскликнул:

— А ведь вы не пожалеете о содеянном! Хоть ваша вера и подвергнется тяжелейшим испытаниям, пока мы не закончим дело. Нападение на Землю надо исключить. Во всяком случае до того момента, пока мы не решим, что делать с этими несчастными, кроме как удержать их силой. Скажите, как я могу вернуться на Землю? Я прочел в мозгу Корлисса,

что существует проект отправки на Землю всех похожих на меня сланов. Можно ли привести этот план в исполнение?

— Конечно. Решение зависит только от меня.

— Тогда,— сказал Джомми,— момент настал. Мне нужно вернуться на Землю и проникнуть во дворец. Чтобы увидеть Кира Грея.

Губы женщины расплылись в улыбке. Но взгляд ее оставался серьезным.

— А как вы собираетесь приблизиться ко дворцу,— тихо спросила она,— ведь он окружен мощными оборонительными сооружениями?

— Мать мне часто говорила о тайных ходах, что ведут во дворец. Быть может, ваша машина, которая обрабатывает статистические данные, знает несколько ходов.

— Машина! — воскликнула Джоанна Хиллори.— Да, машина должна знать. Она хранит в памяти почти все. Пошли.

Он последовал за ней. Они миновали несколько дверей и оказались перед рядами сверкающих металлических пластин. Здесь располагалось Статистическое бюро, а пластины открывали доступ к электронным картотекам, откуда любая информация вызывалась простым нажатием кнопки после набора названия, шифра и пароля. Никто — он почерпнул эти сведения в мозгу Корлисса — не знал, сколько данных хранится в памяти машины. Сланы доставили ее с Земли и смонтировали в самый ранний период освоения Марса. В распоряжении ученых были квадриллионы фактов. Здесь же наверняка можно было найти полный отчет о семи годах усилий, потраченных на то, чтобы поймать Джона Томаса Кросса, усилий, которыми из этого здания руководила Джоанна Хиллори.

Она набрала «Сэмюель Ланн», потом «Природные мутации». Нажала на кнопку, и он прочел на экране:

Выдержки из дневника Сэмюеля Ланна.

«1 июня 2071 года. Сегодня я вновь осмотрел трех детишек и теперь абсолютно уверен, что произошла удивительная мутация. Я уже видел людей с хвостами. Я наблюдал идиотов, кретинов и прочих чудовищ, которые встречались за послед-

нее время. Я знаю, у людей могут развиваться чудовищные органические изменения. Но то, что я вижу сейчас, полная противоположность этим ужасам. Это совершенство.

Две девочки и мальчик. Выдающееся достижение. Если бы я не был рационалистом с холодной головой, я бы встал на колени перед алтарем метафизики. Две девочки, которые могут рожать, и один мальчик, чтобы дать семя. Мне надо приучить их к этой мысли».

«2 июня 2071 года»,— появилось на экране. Но Джоанна остановила машину, набрала новый код, и Кросс прочел:

«7 июня 2073 года. Глупец журналист написал статью об этих детях. Этот осел утверждает, что я подверг их мать воздействию мутационной машины, но я познакомился с ней лишь после рождения детей. Мне надо убедить родителей переселиться в отдаленный район. Там, где есть суеверные безмозглые ослы, готовые поверить в любые россказни, может случиться все, что угодно».

Джоанна набрала новый код.

«31 мая 2088 года. Их семнадцатая годовщина. Девочки без проблем восприняли идею брака с братом. Мораль — вопрос воспитания. Мне нужно, чтобы этот союз состоялся, хотя я обнаружил еще двух подобных детишек. Но им еще расти и расти. Перекрестный брак можно совершить и позже».

«12 августа 2090 года. У каждой из девочек была тройня. Великолепно. С таким темпом воспроизводства опасность угасания новой расы резко уменьшается. Хотя похожие дети рождаются, в общем, повсюду, я продолжаю внушать детям, что их потомки будут властителями мира...»

Когда они вернулись в кабинет, Джоанна Хиллори сказала Кроссу:

— Вот видите, нет и не было никакой машины по производству сланов. Все сланы являются продуктом естествен-

ной мутации.— И добавила: — Самый подходящий вход во дворец расположен под статуями, что находятся в двух милях от ограды. Эта часть парка постоянно освещается и простреливается с первой линии укреплений. Первые две мили усыпаны пулеметными гнездами и постоянно патрулируются бронированными машинами.

— А мой пистолет? Могу ли я захватить его с собой?

— Нет. План предусматривал перевозку на Землю ваших двойников, но без оружия.

По тону Джоанны он понял, что здесь она ему помочь не в силах, и вздохнул:

— По вашим сведениям, что за человек Кир Грей?

— Исключительные способности для человека. Наши тайные рентгенограммы однозначно показывают, что он человек, если вы подумали об этом.

— Некоторое время я думал иначе, но ваша информация совпадает с мнением Кэтлин Лейтон.

— Вернемся к нашим делам,— нервно прервала его Джоанна Хиллори.— Как вы преодолеете линию обороны?

Он пожал плечами, невесело усмехнувшись:

— Когда ставка велика, велик и риск. Конечно, я пойду один. Ваша задача — отправиться в пещеру, где спрятан мой звездолет, и доставить его на Землю до десятого июня. Надо также освободить Корлисса. А теперь пригласите Ингрэхема!

Глава 18

На этот раз река показалась Джомми шире. Он без особого удовольствия всматривался в бурные воды. Поток шириной в четверть мили кое-где выглядел темным, а кое-где играл бликами света — в воде отражались изменчивые всполохи, исходившие от дворца. Между кустарником еще виднелись полоски весеннего снега. Он разделся под прикрытием густых зарослей и тут же почувствовал, как мгновенно заледенели ноги.

Пришла мысль об иронии судьбы: человек, способный держать под контролем атомную энергию, в полном одиночестве дрожит от холода на берегу реки — грустный символ.

Он владел самым разным оружием, а сегодня, когда возникла надобность использовать его, в распоряжении не оказалось ничего. Только на пальце поблескивал перстень с миниатюрным атомным генератором, дальность действия которого была чуть более двух футов. Он работал над ним долгие годы и только его решился взять с собой, отправляясь в стан врага.

Деревья отбрасывали на реку свои тени, пряча от взгляда опасные водовороты. Пока он добрался до другого берега, течение снесло его почти на полмили.

Он выждал, прощупывая мысли двух пулеметчиков, укрывшихся в роще. Потом осторожно добрался до густых зарослей и оделся. И терпеливо замер, словно матерый тигр в ожидании добычи. Надо было пересечь лужайку, поскольку расстояние до солдат оказалось слишком большим, чтобы загипнотизировать их. Внимание часовых на мгновение ослабело. Джомми хватило буквально трех секунд, чтобы промчаться полсотни метров.

Один из солдат так и не понял, кто нанес ему удар. Второй попытался отбиваться — его лицо выражало ужас. Но и он не успел увернуться от удара в челюсть, уложившего его на землю. Через четверть часа оба пулеметчика были под полным контролем Джомми. Пятнадцать минут! Восемь человек за час! Он горько усмехнулся — можно ли такими темпами загипнотизировать десять тысяч обитателей дворца! Придется ограничиться теми, кто занимает ключевые позиции.

Он разбудил пулеметчиков и отдал им приказ. Подхватив оружие, они двинулись вслед за ним. Они знали каждый дюйм территории. Знали, когда проходит ночной патруль бронемашин. Самые лучшие солдаты служили именно в дворцовой охране. Через два часа под началом Джомми уже была дюжина испытанных бойцов — они тенями скользили следом за ним и слаженно повиновались коротким командам без единого слова.

Через три часа он подчинил себе семнадцать солдат, одного полковника и трех лейтенантов.

Впереди виднелись статуи и фонтаны — они были целью его вылазки и одновременно означали конец самой легкой части операции.

В первых лучах зари, уже занимавшейся на востоке, вместе со своим небольшим войском он замер в тени кустарника, всматриваясь в ярко освещенное пространство шириной с полмили. Дальше, за ним, темнел лес, где прятались укрепления.

— К несчастью,— шепнул полковник,— невозможно обмануть их бдительность. Именно здесь кончается территория, за которую отвечаем мы. Пройти любой из двенадцати оборонительных поясов можно только при наличии специального пропуска, да и то только днем.

Джомми нахмурился. Столь жесткие меры предосторожности захватили его врасплох. Сомнений не было — их приняли недавно. Нападение безрогих сланов на его долину, хотя никто не поверил крестьянам, когда те говорили о размерах и количестве нападавших кораблей (никому в голову не пришло, что это были звездолеты), вызвало беспокойство, которое могло сегодня привести к краху его затеи.

— Капитан!

— Слушаю! — ответил, приближаясь, офицер.

— Капитан, вы более других похожи на меня. Сейчас мы обменяемся одеждой, и каждый из вас вернется на свой пост.

Он проследил, как их тени растворились во тьме. Потом вышел на освещенное пространство. Десять футов, двадцать, тридцать... Он хорошо видел фонтан, который ему был нужен. Струи воды нестерпимо сверкали. Было слишком много искусственного света, слишком много людей вокруг — мысли переплетались и образовывали поток, мешавший выявить единственную церебральную волну, которая была ему нужна. При условии, что передатчик работал даже спустя несколько веков. В противном случае придется надеяться только на Божью помощь.

Он прошел сорок футов, пятьдесят, шестьдесят, когда его настороженный мозг уловил тихий шепот, едва заметную церебральную вибрацию.

«Всякому слану, добравшемуся сюда... здесь существует тайный ход во дворец. Пятицветие на ближайшем фонтане в северном направлении открывает вход в него. Надо...»

Статистическая машина знала о тайном входе, но не знала, где он находится. Теперь...

Вдруг со стороны рощи рявкнул голос:

— Кто идет? Что вам надо? Отправляйтесь за пропуском к командиру вашей части и возвращайтесь днем. Быстро назад!

Джомми был уже у фонтана, его пальцы лихорадочно нащупывали пятицветие, а статуи почти скрывали его от глаз окликнувшего часового. Он сконцентрировал все усилия на одном. Наконец они увенчались успехом, и второй передатчик Поргрейва излучил новую мысль:

«Дверь открыта и ведет в очень узкий туннель. Он не освещен. Вход расположен в центре скульптурной группы, в ста футах к северу. Будьте мужественны...»

Он не испытывал недостатка в мужестве, он нуждался во времени. Надо было пробежать еще сотню футов в сторону дворца, туда, где начинались оборонительные сооружения! Джомми недовольно рассмеялся. Архитектор расположил вход в таком месте, куда можно было добраться, лишь подвергнув себя наибольшей опасности. Он продолжал идти, несмотря на новый приказ:

— Эй, вы!.. Стоять, или открываем огонь! Вернитесь в расположение вашего подразделения и считайте, что вы под арестом! Немедленно выполняйте приказ!

— Я должен доставить сообщение исключительной важности! — крикнул Джомми, пытаясь подделать голос офицера.— Сообщение чрезвычайной важности!

— Ничто не оправдывает столь грубого нарушения регламента. Немедленно возвращайтесь на свое место... Последнее предупреждение!

Он уставился на крохотное черное отверстие и вдруг ощутил приступ клаустрофобии. Надо было нырнуть в эту нору, где он мог задохнуться, быть заживо похороненным в какой-нибудь дьявольской ловушке! Ибо ничто не доказывало, что люди не отыскали этот проход, как они обнаружили прочие тайные убежища сланов.

Время торопило. Часовые под деревьями пришли в движение.

— Сержант,— послышался голос.— Прицелиться!

— А статуи, господин лейтенант? Жалко будет, если мы их попортим!

— Стреляйте сначала в ноги, потом в голову!

Отступать было некуда. Сжав зубы, Джомми напрягся, вскинул руки и прыгнул ногами вперед — он настолько точно вошел в туннель, что только через несколько секунд его одежда коснулась вертикальных стенок.

Туннель был гладок, как стекло, и в полете он проделал довольно большой путь, пока не почувствовал, что ход становится более отлогим. Трение о стенки усилилось. Падение замедлилось. Он различил впереди свет. И вскоре оказался в скупо освещенном коридоре. Наконец он остановился, лежа на спине и ощущая легкое головокружение.

Огни в глазах постепенно прекратили бешеное вращение, и Джомми различил под потолком единственную лампу, освещавшую круг в несколько футов. Он вскочил на ноги и заметил прямо под лампой пластину с надписью. Кросс вгляделся в слова:

«ВЫ НАХОДИТЕСЬ В ТРЕХ КИЛОМЕТРАХ ОТ ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ. ТУННЕЛЬ ПЕРЕКРЫТ НЕСКОЛЬКИМИ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫМИ ПЛИТАМИ, ЗАКРЫВШИМИСЯ ПОЗАДИ ВАС. ВАМ ПОТРЕБУЕТСЯ ЧАС, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ ДО ДВОРЦА, ДОСТУП В КОТОРЫЙ СЛАНАМ КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН.

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!»

У него нестерпимо зачесалось в носу. Он не смог сдержаться и расчихался. Из глаз потекли слезы. И тут он обратил внимание, что полумрак вокруг создавал толстый слой пыли, который покрывал лампы.

Он наклонился, провел пальцами по полу — и ощутил густой пылевой ковер. Вглядываясь во мрак, он пытался разглядеть какие-нибудь следы. Слой нетронутой пыли достигал дюймовой толщины, здесь явно долгие годы никого не было.

Пластина с надписью была установлена очень давно. Сегодня опасность возросла. Люди уже знали, где искать тайный вход в туннель. Ему следовало пробраться во дворец и найти Кира Грея до того, как преследователи ринутся следом.

Он шел в мире теней и тишины. Горло его было забито пылью, и, как ни странно, вместо того чтобы кашлять, ему все

время хотелось чихать. Он миновал множество дверей, коридоров, просторных залов.

Вдруг позади раздался легкий щелчок. Он обернулся и увидел, как с потолка спустилась металлическая плита, образовав глухую гладкую стену. Он застыл, насторожив все свои чувства. Перед ним лежал короткий отрезок скупо освещенного коридора. Под ногами была все та же пыль. Тишину разорвал новый щелчок. Стены с двух сторон медленно качнулись и поползли навстречу друг другу.

Устройство должно было быть автоматическим, поскольку Джомми не ощущал вблизи ни малейшей мысли. Он спокойно осмотрел ловушку и заметил в каждой стене углубление в форме половины человеческого тела высотой около двух метров.

Джомми горько усмехнулся. Через несколько минут стены сомкнутся, лишив его свободы. Милая западня!

Атомная энергия, заключенная в перстне на пальце, могла открыть ему проход сквозь стены или дверь, но стоило ли это делать? Он внимательно оглядел оба углубления — они идеально подходили друг к другу. Его перстень испустил два луча, распылив наручники, готовые сомкнуться на руках пленника, и, немного расширив углубления, Джомми обеспечил себе некоторую свободу движений.

Стены были в футе друг от друга, когда в полу появилась щель шириной в четыре дюйма. Она тянулась по всей длине коридора; вся пыль осыпалась вниз. Через несколько минут металлические панели сомкнулись.

Тишина! Потом под ногами загудела машина, и ему показалось, что он довольно быстро поехал вверх. Движение продолжалось несколько минут, потом замедлилось и прекратилось. Но машина по-прежнему работала. Крохотная ниша повернулась. Перед ним открылась щель, она становилась все шире — его доставили в комнату.

Машина затихла. Он огляделся. В центре комнаты стоял письменный стол. На стенах — деревянные панели. Кресла, ящики, картотеки, книжные полки до потолка — он попал в рабочий кабинет.

Послышались шаги. Мужчина, что вошел в комнату и затворил за собой дверь, был атлетически сложен. Седина се-

ребрила виски, глубокие морщины пролегли у рта. Но нельзя было не узнать это худощавое лицо, пронзительный взгляд, хищный рисунок ноздрей и твердую линию подбородка. В человеке ощущалось благородство прирожденного властелина. Джомми чувствовал на себе испепеляющий всепроникающий взгляд. Губы человека скривились в ироничной улыбке.

— Итак, вы все же попались! — произнес Кир Грей.— Не очень-то ловко вы действовали.

Слова поразили Джомми словно молния. Одновременно он ощутил поверхностные мысли, образующие экран, чтобы скрыть ментальный контроль, который ни в чем не уступал его собственному. Он намного превосходил неполный контроль безрогих сланов. Значит, Кир Грей, властитель Земли, был...

— *...истинный слан!*

Джомми вслух произнес эти два слова, но тут же спохватился и успокоился. Кэтлин Лейтон долгие годы жила рядом с Киром Греем, не подозревая правды. Конечно, у нее не было большого опыта в области ментального контроля. К тому же перед ее глазами был пример Джона Петти, *человека* с ментальным контролем того же типа! С каким умением диктатор сумел внушить другим мысль о своих столь же ограниченных, как и у людей, возможностях! Джомми встряхнулся и повторил, желая получить ответ:

— Итак, вы — слан!

Мужчина саркастически усмехнулся:

— Вряд ли этот термин подходит для человека, не имеющего тендрил и лишенного способности читать чужие мысли, но я все же слан! — Он помолчал и продолжил: — Зная истину, веками жили мы ради единственной цели — помешать безрогим сланам завладеть миром людей. Поэтому вполне логично было занять ключевые посты, не так ли? Разве мы не самые разумные существа на Земле?

Джомми молча кивнул. Это совпадало с его собственными выводами. Если истинные сланы не были тайными руководителями организации безрогих сланов, им оставалось лишь тайно управлять миром людей. Ошиблись и Кэтлин, и безрогие сланы, несмотря на свои рентгенограммы, свидетельство-

вавшие, что у Кира Грея обычное сердце и нет никаких органов, типичных для сланов. Здесь крылась тайна.

— Не понимаю.— Джомми тряхнул головой.— Вначале я предполагал, что истинные сланы тайно управляют безрогими. Вижу объяснение, но вопросов остается очень много. Почему же тогда столь яростна антислановская пропаганда? Зачем вам понадобилась ракета, некогда пролетевшая над дворцом? Почему как крыс преследуют и убивают истинных сланов? Почему бы не заключить договор с безрогими сланами?

Диктатор задумчиво поглядел на него:

— Мы неоднократно пытались притушить эту пропаганду, в частности, в тот день, когда летала эта злополучная ракета. Мне по непредвиденным причинам пришлось посадить ее в болота. Но несмотря на видимый провал нашей попытки, она все же достигла своей цели, а именно: убедила безрогих сланов, уже готовивших нападение, что мы все еще представляем собой силу, с которой следует считаться.

Именно недостатки нашей ракеты подействовали на безрогих сланов. Они знали, что мы не можем быть столь слабо вооружены, а потому их охватили сомнения. Мне было всегда невероятно жаль тех истинных сланов, что погибали во всех уголках мира. Это были потомки тех, что рассеялись после опустошительной войны и никогда не вступали в контакт с нашей организацией. Когда безрогие сланы вошли в силу, было уже поздно что-либо предпринимать. Наши противники контролировали средства связи, которыми мы могли пользоваться.

Мы делали все возможное, чтобы войти в контакт с изолированными сланами. Но единственными, кто пробирался сюда, были те, что собирались меня убить. Мы подготовили для них ряд тайных ходов, в которые нетрудно было проникнуть. Мои инструменты показали, что вы выбрали самый сложный вход, вход древних сланов. Это было вызовом. Наша маленькая организация охотно примет в свои ряды столь отважного юного слана.

Джомми холодно посмотрел на Кира Грея. Несомненно, он не знал, кто находится перед ним, как, впрочем, и не подозревал о скором нападении безрогих сланов.

— Удивительно, как легко вы попали в западню,— произнес он.

Улыбка вдруг исчезла с лица Кира Грея. Голос его стал резким:

— Вы наглец, полагая, что в западню попал я. Либо вы идиот, хотя ваш ум не позволяет мне принять эту гипотезу, либо вы делаете вид, что попали в плен, а на самом деле свободны. Но во всем мире существует лишь один человек, который способен разрушить специальную сталь наручников, закрепленных в ловушке.— Лицо диктатора вдруг просветлело, он внезапно расслабился, взгляд его сверкнул откровенно радостным возбуждением: — Черт возьми, вам удалось! А ведь я вам ничем не мог помочь. Атомная энергия... самый высокий уровень... Наконец-то! — Его голос победно зазвенел.— Джон Томас Кросс, добро пожаловать к нам. Мы давно ждем вас вместе с открытием вашего отца. Садитесь здесь. Подождите, я помогу вам отсюда выбраться! Мы сможем спокойно побеседовать. Сюда нет входа людям.

Удивление Джомми росло с каждой минутой. Его восхищало столь чудесное равновесие сил: с одной стороны, истинные сланы с людьми, которые и не подозревали о подлинной природе своих вождей; с другой стороны, безрогие сланы, которые при всем могуществе их организации не смогли выявить истину.

— Безусловно,— продолжил Кир Грей,— мы задолго до вас узнали, что сланы рождаются нормальным образом и не являются продуктом воздействия машины. Мы представляем собой мутацию, которая идет на смену человеку. Мутации происходили задолго до того, как Сэмюель Ланн обратил внимание на совершенство отдельных эволюционных форм. Когда оглядываешься, понимаешь, что уготовила природа. Количество кретинов и безумцев росло в угрожающей пропорции. Удивительно другое, с какой скоростью сеть новых биологических сил покрыла всю Землю.

Кто-то слишком поспешно предположил, что между разными индивидуумами нет ничего общего, что человечество не является одним целым, обладающим неощутимой общей мыслительной и нервной системой, объединяющей людей. Не сомневаюсь, именно этим можно объяснить тот факт, что мил-

лиарды людей могут действовать и думать в одном ключе, как только им внушат один и тот же доминантный принцип; только философы сланов всегда считали, что такое подобие в поведении зависит от удивительного единства, физического и умственного.

Веками, быть может тысячелетиями, в человеческом обществе росла напряженность. Затем в течение двухсот пятидесяти лет произошло более миллиарда патологических родов. Волна ужаса прокатилась по миру, бросив его в беспощадную войну, помешавшую разглядеть истину. Даже сегодня, после целого тысячелетия, невероятная истерия людей гасит любые попытки открыть правду. Я подчеркиваю: тысячелетия. Период невероятного ужаса длился пятьсот адских лет. А дети-сланы, обнаруженные Сэмюелем Ланном, родились полторы тысячи лет назад.

Насколько мы знаем, отклонения от нормы были самыми разными. Большинство новорожденных были монстрами, а детей с удивительными качествами рождалось очень мало. Эти исключения затерялись бы в массе, не выяви Ланн, кем они были на самом деле. Природа полагается на закон больших чисел и работает без готового плана. То, что произошло, было, похоже, естественной реакцией на невероятное напряжение, приводившее людей к безумию, ибо ни дух, ни тело человека не могли выдержать давления новой цивилизации. Это давление ощущалось повсюду, и естественно, что многие неудачные попытки природы походили друг на друга, хотя и различались в деталях.

Вот, кстати, пример удивительной силы этого биологического всплеска, а также доказательство фундаментального единства человеческой расы — все первые сланы рождались либо тройняшками, либо двойняшками. Сегодня такие роды редки. Правилом стало рождение одного ребенка. Феномен утратил силу. Природа закончила свой труд, дальше дело должен был продолжать разум. На этом этапе и возникли трудности.

В годы великого ужаса сланов преследовали, как диких зверей. Ничто сегодня не может сравниться с той жестокостью, которую проявляли люди в отношении тех существ, которые были, по их мнению, виновниками всех бед. Наши

предки испробовали все — подземные убежища, хирургическое удаление тендрил, замену двойных сердец на обычные, пересадку тканей, чтобы скрыть тендрилы. Все оказалось безрезультатным.

Нас боялись все. Люди доносили на соседей, которых подвергали унизительным медосмотрам. Полиция организовывала облавы по малейшему поводу. Самую большую проблему ставили перед нами роды. Даже если родителям удавалось скрыть, кто они, рождение ребенка всегда оставалось исключительно опасным моментом и часто приводило к гибели отца, матери и младенца. Постепенно нам стало ясно, что расе в таких условиях не выжить. Оставшиеся сланы объединили свои усилия, чтобы овладеть процессом мутации. Наконец им удалось воздействовать на хромосомы, от которых зависела структура тела и его органов.

Опыты продолжались двести опасных лет. Расу нельзя было подвергать риску, хотя многие из нас были готовы пожертвовать жизнью и здоровьем ради успеха этих исследований. Наконец ученые выявили, какие именно хромосомы управляют формированием органа на одно или несколько поколений. Достаточно было изменить состав одной группы хромосом, чтобы изменился соответствующий орган, возвращавшийся к исходной форме в следующем поколении. Так были изменены основные типы сланов — было убрано все, что могло оказаться опасным. Воздействуя на гены, контролирующие тендрилы, мы убрали их внутрь мозга, лишив сланов возможности читать мысли. Сделали так, чтобы эта способность возродилась через несколько поколений.

— Подождите! — прервал его Джомми.— Когда я начал поиски истинных сланов, логика подсказывала мне, что они должны были проникнуть в организацию безрогих сланов. Вы хотите сказать, что безрогие сланы в конце концов превратятся в истинных?

Кир Грей кивнул.

— Лет через пятьдесят у них разовьется способность читать мысли, но она будет локализована в определенной зоне мозга. Конечно, через некоторое время вновь появятся и тендрилы. Но мы пока еще не знаем, возможно ли сделать эти структурные изменения постоянными.

— Но почему,— спросил Джомми,— у них отняли способность читать мысли... особенно в эти решающие годы?

— Я вижу,— ответил Кир Грей,— что вы все еще не отдаете себе отчета, в каком мире работали наши предки. У сланов устранили способность читать мысли, чтобы спокойно наблюдать за их физиологическими реакциями, ведь они, не подозревая о том, что они истинные сланы, действовали так, словно знали об этом. Что могло произойти?

Мы изменили их органы, чтобы защитить от людей, чтобы у них возникло желание вести спокойную жизнь в стороне от них. Истина могла открыться им раньше времени. Мы знали, что сланам, в силу их природы, претят война, убийство, насилие вообще. Мы пытались погасить антагонизм, прибегая ко всем возможным аргументам, но наши усилия оказывались тщетными.

Мы не могли выжить при таком порядке вещей. Человеческая раса всегда была бомбой замедленного действия. Тысячелетиями жизнь просто тлела, но, когда огонь добрался до бомбы, произошел взрыв. Этот взрыв, в свою очередь, зажег новый фитиль, и мы понадеялись, что взорвавшаяся бомба уже не причинит вреда, что ее осколки просто-напросто исчезнут. Сейчас мы уверены, что человеческая раса постепенно умирает, что она исчезнет с лица Земли, ибо поражена стерильностью в широком масштабе, хотя этот феномен пока еще почти незаметен. Человек в истории займет место рядом с питекантропом, неандертальцем и кроманьонцем. Но перед своим уходом он непременно обвинит в стерильности сланов, что вызовет вторую волну жестокости и страха. Поэтому следовало подготовить исключительно мощную организацию, которая действовала бы под гнетом постоянной опасности.

— Вот почему,— тихо проговорил Джомми,— вы дали жизнь безрогим сланам, сланам, обладающим защитой, сланам, по характеру склонным к насилию, которое вначале удивило их самих, а потом вызвало соответствующую реакцию у их противников. А вы, руководители истинных сланов, продолжали помогать им распространяться, играя роль тормоза. Почему вы не сказали им правды?

Диктатор горько усмехнулся.

— Мы пытались это сделать, но те, кому мы доверили тайну, сочли, что речь идет о ловушке, а когда они обнаружили наше тайное убежище, нам пришлось их уничтожить. Мы вынуждены ждать, пока к ним вернется способность читать мысли.

— Теперь из ваших слов ясно, что надо действовать быстро. Быть может, ваши гипнокристаллы принесут решение проблемы и помогут избавиться от враждебности людей по отношению к сланам. Как только мы обучим достаточное количество сланов пользоваться вашей техникой, будет устранена хотя бы одна трудность. Что касается скорого нападения...

Он нажал кнопку на столе.

— Я вызвал кое-кого из своих коллег. Мы немедленно обсудим положение.

— Значит, сланы могут собираться во дворце? — Джомми был поражен.

— Друг мой,— сказал Кир Грей,— все наши действия учитывают ограниченность человеческой природы.

— Боюсь, мне непонятен ход ваших рассуждений.

— Все очень просто. Долгие годы многие люди знали о тайных ходах, что ведут во дворец. Я начал с того, что объявил эти сведения секретными. А тех, кто был посвящен в тайну, назначил на должности в отдаленные районы. Вдали от центра легче было их ликвидировать.— Он печально покачал головой.— А когда ходы снова стали тайной, размеры дворца и жесткий военный контроль помогли ее сохранить. Обычно во дворце находится не более сотни сланов. Главным образом это истинные сланы. Подобно мне, это потомки первых добровольцев. Они изначально посвящены в тайну и входят в нашу организацию... Мы, конечно, в силах прооперировать истинных сланов, однако в нашем положении следует иметь свое окружение; мы хотим, чтобы все видели, какими будут их потомки через несколько поколений.

— А Кэтлин? — спросил Джомми.

Диктатор долго смотрел на него, прежде чем ответить.

— Кэтлин была своего рода подопытным кроликом. Мне хотелось знать, смогут ли люди, живя рядом с истинным сланом, понять возможность союза. Когда стало ясно, что опыт

неудачен, я решил спрятать ее, чтобы она могла воспользоваться помощью истинных сланов и помочь нам. Она оказалась предприимчивей и хитрей, чем я предполагал.

Вероятно, этот человек относился к смерти проще, чем Джомми. Он хотел было заговорить, но Кир Грей продолжил:

— Моя жена, которая была истинным сланом, стала жертвой тайной полиции в иных условиях, и я добрался до места с большим опозданием...— Он замолчал и долго сидел в задумчивости, хмуря лоб.— Теперь, когда я вам сказал так много,— вдруг заговорил он,— вы, быть может, поделитесь со мной секретами вашего отца?

— Я позже смогу вам рассказать подробнее. Но вкратце суть их состоит в том, что критическая масса позволяет использовать атомную энергию для взрыва, получения тепла. Можно найти ей медицинское и промышленное применение. Но почти невозможно ее прямое использование. Отец разработал новую теорию. Ему удалось получить ядро положительных частиц, вытянутое в виде микроскопической проволоки. Вокруг этого ядра по эллиптической орбите — она удлинена, как у кометы, летящей к Солнцу,— он запустил «свои кометы» из отрицательных частиц, двигающихся со скоростью света.

Солнце отбрасывает «кометы» к периферии в направлении второго положительного ядра — сравнимого, к примеру, с Юпитером,— которое притягивает частицы, летящие со скоростью света, и срывает их с орбиты, наделяя скоростью, намного превышающей скорость света. На этой скорости каждая частица обладает разрушительной силой, никак не сравнимой с ее «размером». При попадании такого снаряда в цель обычная материя лишается всех связей и возвращается в свое исходное состояние. Она...

Он остановился и поднял глаза к открывшейся двери. В комнату вошли мужчины — у всех троих в темных волосах золотились тендрилы. Увидев его, мужчины тут же сняли ментальный контроль. Кросс последовал их примеру. Все четверо молниеносно обменялись информацией — именами, делами прошлыми, намерениями, всем тем, что было необходимо для будущего совещания. Этот способ общения поразил Джомми — ведь ему довелось поддерживать лишь кратковремен-

ный контакт с Кэтлин, а в раннем детстве — с родителями. Он был так поглощен своими мыслями, что удивился, когда дверь открылась снова.

На пороге появилась высокая молодая женщина. Тонкие черты ее лица согревали темные глаза. Увидев ее, Джомми почувствовал, как напряглись мышцы, натянулись нервы и по телу пробежала дрожь. Однако вряд ли стоило сомневаться после того, что ему довелось увидеть после операции миссис Корлисс, тем более теперь он знал, что Кир Грей был истинным сланом. Он должен был догадаться, что в атмосфере ненависти и зависти, царившей во дворце, только смерть и тайное воскрешение из мертвых могли обезопасить Кэтлин от Джона Петти.

Он все еще размышлял обо всем этом, когда услышал голос Кира Грея, в котором звучало нетерпение человека, долгие годы ждавшего этого мгновения:

— Джомми Кросс, позвольте представить вам Кэтлин Лейтон Грей... мою дочь.

Содержание

ОРУЖЕЙНЫЕ ЛАВКИ ИМПЕРИИ ИШЕР 5
Перевод К. Плешкова

ОРУЖЕЙНИКИ ИМПЕРИИ ИШЕР 179
Перевод Е. Константиновой

ВОЙНА ПРОТИВ РУЛЛОВ 347
Перевод Д. Громова, О. Ладыженского, С. Ладыженского

ЗВЕЗДНЫЕ ДЕЯНИЯ 471
Перевод А. Дмитриева

СЛАН 621
Перевод А. Григорьева, К. Кузнецова, Б. Жужунавы

Литературно-художественное издание

Альфред Ван Вогт

ОРУЖЕЙНЫЕ ЛАВКИ ИМПЕРИИ ИШЕР

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *Н. Волкова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *Л. Дроздова, Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Р. Хескокса*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33 E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел 937-85-81
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 17.07.2006.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 42,0.
Тираж 7000 экз. Заказ 1497.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Альфред

ВАН ВОГТ

A. E. van Vogt

ISBN 5-699-17972-0

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА